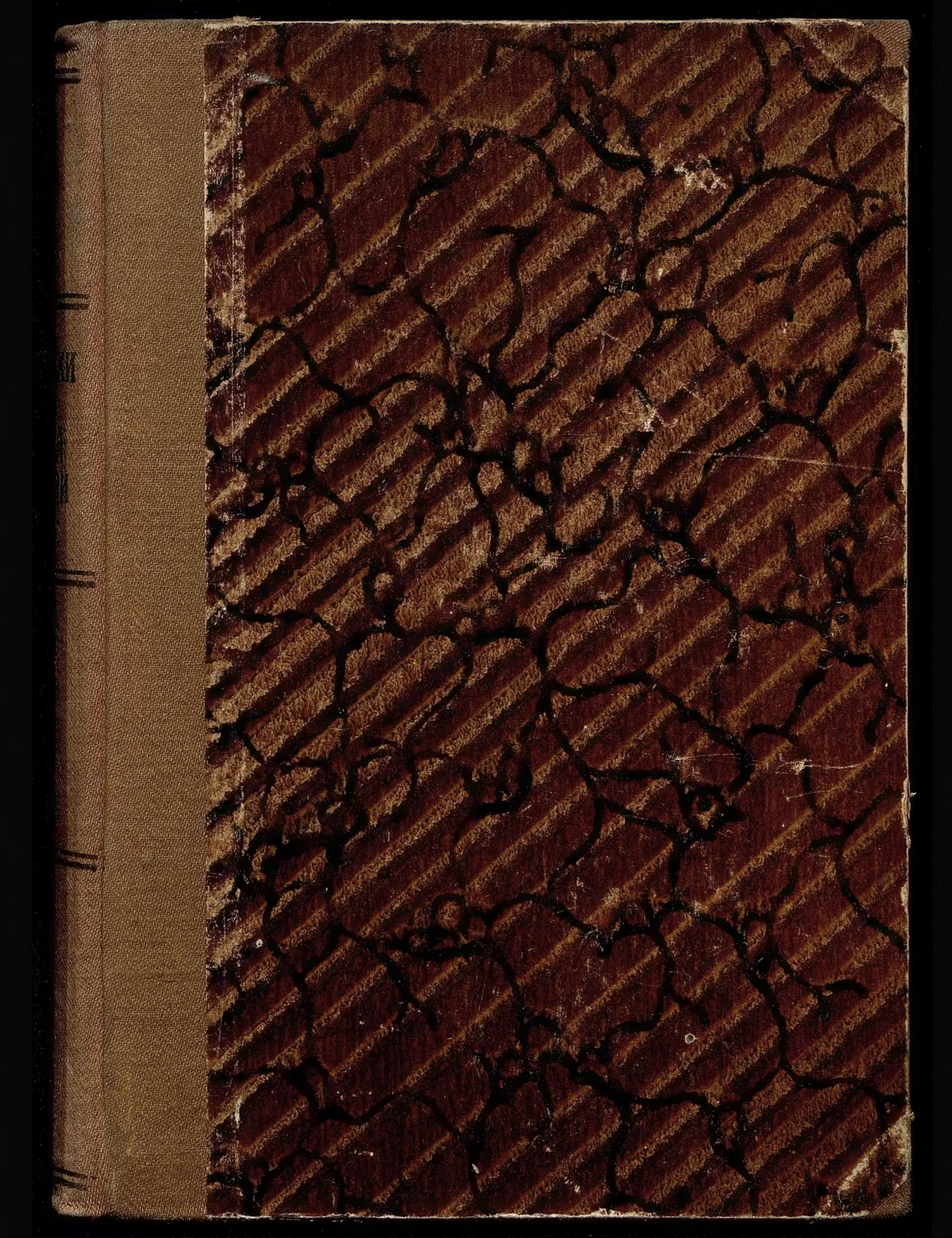

ЗАПИСКИ

о

МОЕЙ ЖИЗНИ

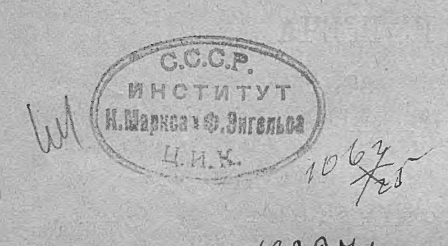
Н. И. ГРЕЧА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1886

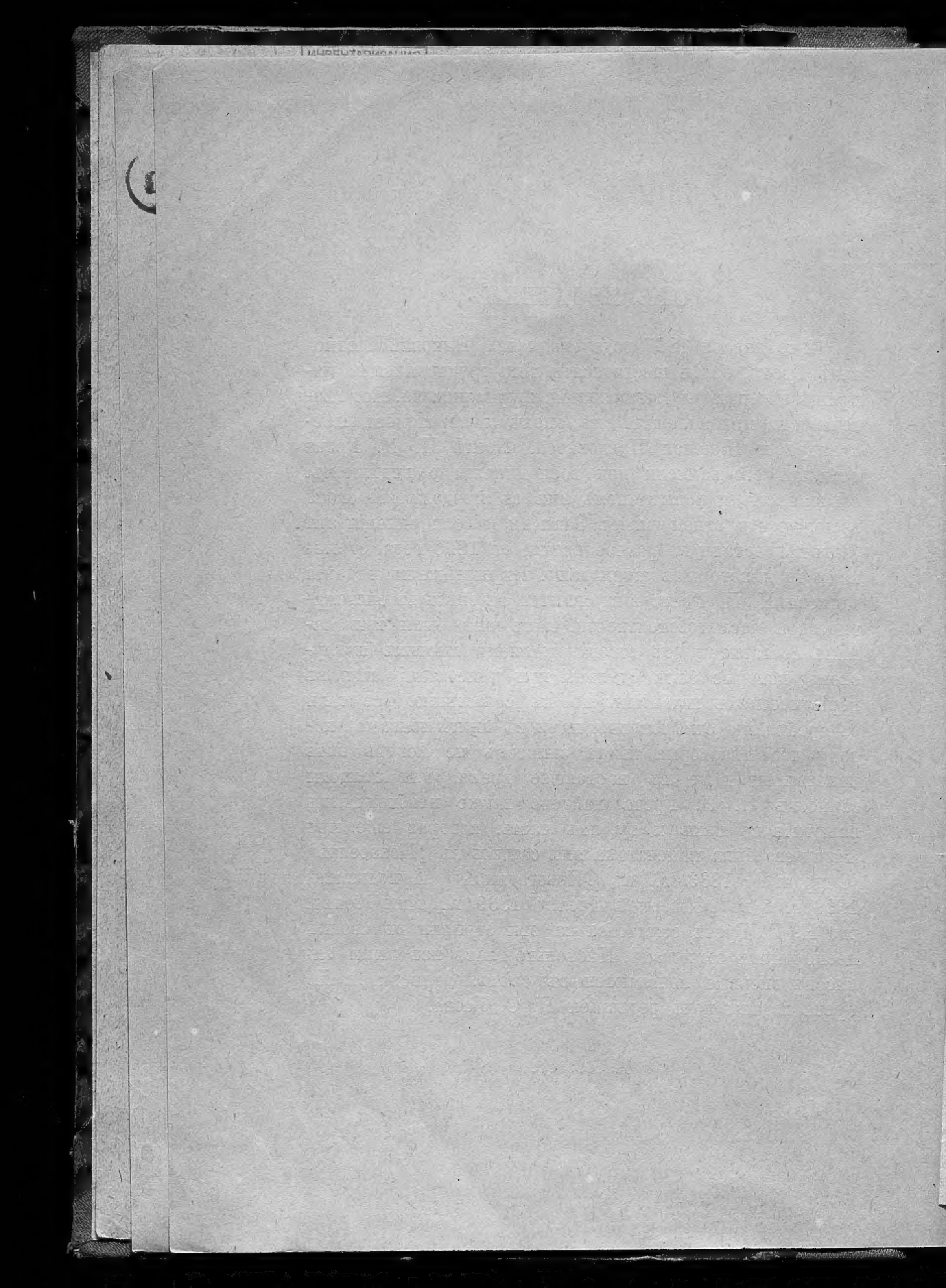

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер. д., 11—2

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

12-го января 1867 года скончался Николай Иванович Гречъ, болѣе шестидесяти лѣтъ трудившійся на поприщѣ литературы, языкознанія, журналистики. Его дѣятельность принадлежитъ къ эпохѣ императоровъ Александра и Николая Павловичей. Послѣ Н. И. Греча остались его записки или воспоминанія о видѣнномъ, слышанномъ и испытанномъ имъ въ продолженіе своей восьмидесятилѣтней жизни. Записки и воспоминанія эти были напечатаны въ разное время, съ 1868 года, отрывками въ нѣкоторыхъ журналахъ. Въ нынѣшнемъ изданіи записки Н. И. Греча выпускаются въ свѣтъ въ систематической послѣдовательности, какъ онѣ были имъ самимъ составлены, съ возстановленіемъ многихъ пропусковъ, которые были сдѣланы при напечатаніи ихъ въ періодическихъ изданіяхъ; но, къ сожалѣнію, все таки съ пробѣлами (отмѣченными нами въ книгѣ точками), потому что нѣкоторыя мѣста записокъ не могутъ быть напечатаны даже въ настоящее время. Для полноты записокъ Н. И. Греча найдено также необходимымъ включить въ нихъ и ту ихъ часть, которая еще при жизни его была напечатана имъ самимъ въ „Новосельѣ“ (Смирдина) 1833 г., въ „Новогодникѣ“ (Кукольника) 1839 г. и въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1839 г., тѣмъ болѣе, что Н. И. Гречъ ссылается на эти отрывки въ своихъ посмертныхъ запискахъ. Нѣсколько главъ изъ этихъ записокъ впервые появляются въ свѣтъ. Записки Н. И. Греча изданы подъ редакціею П. С. Усова.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГРЕЧЪ.

Съ фотографическаго портрета 1854 года.

дозв. ценз. спб., 15 іюля 1885 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе.— Родъ Греча.— Вызовъ Ивана Михайловича Греча въ Россію.— Опредѣленіе его профессоромъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ.— Его капитуляція съ корпусомъ.— Преподаваніе имъ наукъ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.— Внезапная кончина его на экзаменѣ.— Ученики его, Веклешовъ, Модерахъ, графъ Сиверсъ, Дмитревскій.— Судьба Анны Мартыновны Паули.— Дяди и тетки Н. И. Греча. — Видѣніе его бабушки. — Христіанъ Везакъ. — Иванъ Ивановичъ Гречъ.— Жена его, урожденная Фрейгольдъ.—Романическая исторія ея матери.— Яковъ Фрейгольдъ, прозванный хромымъ майоромъ.— Случай на придворномъ маскарадѣ.— Женитьба его на дѣвицѣ Шне.— Родъ Шне.—Александръ Яковлевичъ Фрейгольдъ, дядя Н. И. Греча.— Мать его, Екатерина Яковлевна Фрейгольдъ.— Отношенія ея къ фельдмаршалу Румянцову. — Вѣщій сонъ ея. — Домашняя жизнь.—Рожденіе Н. И. Греча.—Свиданіе его отца съ Каліостро.—Ворожба.— Елисавета Петровна Штольцъ.— Дѣтство Н. И. Греча.

Нѣсколько разъ сбирался я писать записки о видѣнномъ и слышанномъ мною въ жизни, какъ по совѣтамъ другихъ, такъ и по собственному влеченію. Раза два и принимался, но не имѣлъ силы продолжать. Самый длинный изъ сихъ опытовъ началъ я въ 1821 году, именно 21-го мая, но написалъ не болѣе пяти страницъ, и остановился. Я прочиталъ ихъ Булгарину: онѣ ему очень понравились, и онъ поощрялъ меня продолжать, но я, самъ не зная почему, не могъ рѣшиться. Теперь думаю я, что эта нерѣшительность произошла отъ чувствъ тогдашней моей молодости: впечатлѣнія были

свѣжи, но не глубоки; мнѣнія рѣшительны, но односторонни; опытъ тяжелою рукою своею еще не подавилъ тогда души кипучей и отважной; не охолодилъ студеною водою мечтаній самолюбія и самонадѣянности. Къ тому же многія изъ существенныхъ лицъ біографической моей драмы были живы: слѣдовало бы писать портреты, а не воспоминанія; приходилось бы пожать руку иному, а чрезъ полчаса прижать всего его, только не къ сердцу. Я написалъ потомъ нѣсколько отрывковъ изъ моихъ воспоминаній: письмо къ графу Толстому, въ первой книжкѣ „Новоселья" (1833), другую статью въ „Новогодникѣ" Кукольника (1839), о началѣ „Сына Отечества" (въ №№ 28 и 29 „Сѣверной Пчелы" 1839 года). Эти статьи [1], кажется, были не безъ достоинства: доказательствомъ тому были, съ одной стороны, вниманіе къ нимъ большей, благонамѣренной публики; съ другой—безусловная брань враждебныхъ мнѣ журналовъ.

Возобновляю на шестьдесятъ второмъ году жизни безуспѣшно начатое на тридцать четвертомъ. Двадцать восемь лѣтъ и десять дней—почти размѣръ поколѣнія человѣческаго. Авось либо теперь буду счастливѣе. Какая цѣль моихъ записокъ? Оставить моимъ дѣтямъ, внучатамъ, друзьямъ и пріятелямъ воспоминанія о жизни не слишкомъ разнообразной, не богатой важными происшествіями, но довольно замѣчательной въ кругу, который былъ ея поприщемъ. Постараюсь писать какъ можно проще, безъ всякихъ затѣй, прикрасъ и авторскихъ требованій. Буду писать обо всемъ, что видѣлъ, слышалъ, испыталъ, о дѣлахъ важныхъ и о бездѣлицахъ. Постараюсь объ одномъ, чтобъ въ моихъ запискахъ было сколь можно болѣе правды. Безусловной правды не обѣщаю, и обѣщать не могу; она не далась никакому человѣку въ этой жизни страданій, искушеній, разочарованій; довольно того, если онъ желаетъ и старается быть правдивымъ. Буду

---

[1]) Всѣ эти три статьи включены въ настоящее изданіе „Записокъ о моей жизни" Н. И. Греча. Прим. ред.

щадить своихъ ближнихъ, сколько возможно, но пощада эта будетъ ограниченная. Слабости людей, невольныя ихъ прегрѣшенія, свойственныя всякому человѣку, — имѣютъ право на умолчаніе ихъ; но пороки гласные и вредные, подлость, коварство, злоба, лицемѣріе, неблагодарность, мстительность должны быть изобличены и, тѣмъ самымъ, наказаны. Мнѣ возразятъ: объ умершихъ должно говорить только... Только правду! прерву я вашу рѣчь. Выставляя и карая порокъ, чту и возвышаю добродѣтель. Не одинъ нынѣшній или будущій мерзавецъ (а на таковыхъ всегда и вездѣ большой урожай), читая описаніе душевныхъ качествъ и дѣлъ подобнаго себѣ во время оно, призадумается и, можетъ быть, сдѣлаетъ одною подлостью менѣе. Довольно будетъ и этой пользы отъ моихъ записокъ. Если бъ слѣдовало говорить о людяхъ, по смерти ихъ, только добро, то оставалось бы или не писать исторіи, или сжечь всѣ историческія книги. Въ этомъ случаѣ является достойное вниманія преимущество людей мелкихъ и слабыхъ предъ великими и сильными. Умретъ мелкій негодяй; его похоронятъ съ тою же молитвою, какъ и добраго человѣка: упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего! — и потомъ забудутъ. Брань на него при жизни обращается по смерти въ безмолвіе, а иногда и въ похвалу съ пожеланіемъ ему царства небеснаго. Другое достается на долю царей и великихъ міра сего. При жизни ихъ хвалятъ, имъ удивляются, раболѣпствуютъ, не только писать и говорить, даже думать дурно о нихъ не смѣютъ. Но едва лишь они сойдутъ съ позорища, является неумолимая исторія, и разитъ ихъ обоюдоострымъ мечомъ своимъ. Надъ могилою простого человѣка легкій зеленый холмикъ; трупъ вельможи тяготитъ мраморная гробница. И не одна исторія терзаетъ ихъ память. Ближайшее потомство чернитъ ихъ, какъ бы желая нынѣшнею неблагодарностью загладить вчерашнюю свою подлость... (Это было написано въ 1849 году и блистательно оправдалось въ 1855, по кончинѣ Николая I. Облагодѣтельствованные, возвеличенные имъ люди возстали на

него безсовѣстно и безстыдно). Всего лучше въ этомъ отношеніи писателямъ, артистамъ и т. п. творцамъ: при жизни судятъ о нихъ по самому плохому изъ ихъ твореній, по смерти — по самому лучшему. Кто, напримѣръ, бранитъ теперь стихи графа Хвостова, и кто не отдаетъ справедливости единственному четверостишію Рубана!

Не пора ли мнѣ приступить къ дѣлу. Вижу, что мнѣ идетъ седьмой десятокъ: старость болтлива! Итакъ — съ Богомъ!

Родъ мой происходитъ изъ Германіи, а именно, сколько мнѣ извѣстно, изъ Богеміи. Въ Вѣнѣ жилъ и умеръ знаменитый въ свое время католическій проповѣдникъ, докторъ богословія, профессоръ университета, бенедиктинецъ Адріанъ Гречъ родившійся въ 1753 году. Нѣкоторыя отрасли пресловутаго рода занесены были и за Рейнъ: въ Крейцнахѣ жилъ бѣдный ремесленникъ этого прозвища; но я, къ сожалѣнію моему, въ 1845 г. бывши тамъ, не нашелъ уже его въ живыхъ. Въ половинѣ XVII столѣтія нѣсколько тысячъ семействъ протестантскихъ, преслѣдуемыхъ католическими изувѣрами, бѣжали бо̀льшею частью въ сѣверную Германію и въ Пруссію. Въ числѣ ихъ былъ и прапрадѣдъ мой. Кто онъ былъ, мнѣ неизвѣстно. Булгаринъ отрылъ въ какой-то старинной польской метрикѣ, что король польскій Стефанъ Баторій даровалъ чеху Гречу дворянское достоинство за услуги, оказанныя Польшѣ; но былъ ли этотъ чехъ изъ нашихъ предковъ, не знаю. Сомнѣваюсь даже, ибо, въ случаѣ дѣйствительнаго облагороженія его фамиліи, онъ непремѣнно прибавилъ бы въ Германіи къ своей фамиліи частичку фонъ, а таковой прибавки ни въ одномъ изъ нашихъ фамильныхъ актовъ не значится. Если мнѣ удастся побывать въ Стокгольмѣ [1]), я справлюсь объ этомъ обстоятельствѣ въ тамошнемъ

[1]) Въ бумагахъ Н. И. Греча найдено слѣдующее сообщеніе: „Въ 1580 году Стефанъ Баторій пожаловалъ дворянское достоинство (nobilitacya) Ивану Гречу (Gretczsch Jan). Закономъ 1578 года постановлено было, что король можетъ жаловать дворянство только военно-служащимъ; лица,

архивѣ, гдѣ хранятся именно свидѣтельства о дворянскихъ родахъ Польши. Всего ближе поведетъ къ открытію фамильный гербъ.

Въ фамиліи нашей сохранилось темное преданіе, что уже прадѣдъ мой жилъ въ Россіи, но выѣхалъ оттуда обратно въ Пруссію. Достовѣрно знаемъ только, что сынъ выходца изъ Богеміи, Михаилъ Гречъ, въ 1696 году былъ камернымъ совѣтникомъ въ прусской службѣ и умеръ въ Кенигсбергѣ около 1725 года, въ крайней бѣдности. Дѣдъ мой, Иванъ Михайловичъ (Johann Ernst), родившійся въ Кенигсбергѣ 19-го октября 1709 года, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ чувствовалъ страстную охоту къ наукамъ, и особенно любилъ поэзію. Онъ учился сначала въ Кенигсбергской, а потомъ въ Данцигской гимназіи, съ большими успѣхами. При всякомъ достопамятномъ случаѣ брался онъ за лиру и воспѣвалъ счастье или несчастье своихъ знакомцевъ и благодѣтелей, особенно членовъ данцигской ратуши. Они обратили вниманіе на благонравнаго и краснорѣчиваго юношу и помѣстили его, въ 1732 году, на городскую стипендію студента въ Лейпцигскомъ университетѣ. Тамъ пріобрѣлъ онъ особенную благосклонность знаменитаго историка Маскова и помогалъ ему въ сочиненіи нѣмецкой его исторіи. Масковъ рекомендовалъ его въ репетиторы къ знаменитымъ молодымъ людямъ, учившимся въ Лейпцигѣ. Нѣсколько времени провелъ онъ и въ

коимъ оно пожаловано, вносимы были въ особый протоколъ, хранившійся въ коронныхъ метрикахъ. Пожалованіе Греча внесено въ протоколъ на стр. 173. Изъ сего видно, что Гречъ находился при Баторіѣ въ военной службѣ, ибо фамиліи тѣхъ, коимъ дворянство давалъ сеймъ, записывались въ сеймовыя постановленія (конституціи), которыя всѣ напечатаны, и въ нихъ Греча нѣтъ. Въ Шведскую войну многіе акты, а между ими и коронныя метрики перевезены въ Стокгольмъ. Шведское правительство по трактату Оливскому, 3-го мая 1660 года, обязалось всѣ бумаги Польшѣ возвратить, но сего не исполнило, и онѣ по сю пору находятся въ Швеціи. Изъ протокола можно было бы узнать, откуда этотъ Гречъ, за какіе подвиги пожалованъ дворяниномъ и какой принялъ онъ гербъ?

Прим. ред.

Марбургѣ. Въ обоихъ городахъ познакомился онъ съ русскими студентами и сталъ заниматься русскимъ языкомъ, какъ будто предчувствуя свое будущее назначеніе. Дѣйствительно судьба неожиданно переселила его въ Россію. Находившійся при курляндской герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ, знаменитый Биронъ желалъ имѣть при себѣ секретаря, который имѣлъ бы основательныя познанія въ исторіи и образѣ правленія Польши, съ которою тѣсно связано было Курляндское герцогство, и поручилъ русскому посланнику въ Варшавѣ, графу Кайзерлингу, отыскать ему способнаго къ такой должности человѣка. Кайзерлингъ обратился съ этимъ порученіемъ къ Маскову, и онъ рекомендовалъ моего дѣда. Иванъ Гречъ прибылъ въ тридцатыхъ годахъ въ Митаву. Герцогъ принялъ его благосклонно, но вскорѣ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ дѣйствительно ученымъ человѣкомъ и что секретарское мѣсто ему неприлично. Онъ далъ Гречу мѣсто профессора въ Митавской гимназіи. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда надлежало устроить верхніе классы въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ (учрежденномъ въ 1732 г.), главный начальникъ корпуса графъ Минихъ спросилъ у Бирона, не можетъ ли онъ рекомендовать ему хорошаго профессора. Биронъ назвалъ Греча, вызвалъ его изъ Митавы и представилъ графу. Въ началѣ 1738 года магистръ философіи Johann Ernst Gretsch, переименованный Иваномъ Михайловичемъ Гречемъ, поступилъ профессоромъ исторіи и нравоученія, и такъ называемыхъ humaniorum, въ верхніе классы Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, называвшіеся тогда Рыцарскою Академіею. У меня есть акты, относящіеся къ опредѣленію въ службу моего дѣда: прошеніе его 21-го февраля 1738 г., докладъ о томъ директора корпуса, полковника фонъ-Теттау, Высокому Кабинету Ея Императорскаго Величества, на которомъ значится и резолюція Кабинета: „Ежели по штату профессору быть положено, то онаго магистра философіи принять позволяется. Андрей Остерманъ. К. Алексѣй Черкасскій“. Потомъ приказаніе директора майору корпуса фонъ-

Радену о приведеніи его къ присягѣ, присяжный листъ на русскомъ языкѣ, засвидѣтельствованный понѣмецки майоромъ фонъ-Раденомъ, что „смыслъ присяги объясненъ былъ новому профессору, и онъ принесъ оную на нѣмецкомъ языкѣ“. Вообще достойно замѣчанія, что всѣ эти акты написаны порусски, стариннымъ подъяческимъ почеркомъ, подъ титлами и съ крюками, а подписи нѣмецкія: von Tettau, von Rhaden, и т. д. Любопытнѣе всего контрактъ (капитуляція), заключенный съ профессоромъ; онъ написанъ понѣмецки съ слѣдующимъ русскимъ переводомъ: „Ея Императорскаго Величества, опредѣленный Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса директоръ и при арміи полковникъ, я, Абель-Фридрихъ фонъ-Теттау, объявляю симъ: понеже нѣкоторые при Рыцарской Академіи къ цивильному этату опредѣленные кадеты, при обученіи потребныхъ имъ языковъ, въ обученіи философіи и юриспруденціи только профитировали, что они нынѣ при политикѣ и государственную нѣмецкую исторію, также юсъ публикумъ и феодале обучаться могутъ, а къ обученію такихъ наукъ за нѣсколько время прибывшій сюда изъ Лейпцига господинъ магистеръ Іоаннъ-Эрнстъ Гречъ представленъ, который, по нѣкоторымъ заданнымъ ему пробамъ и отъ него поданнымъ шпециминамъ, науку и искусство свое довольно показалъ, и, по всемилостивѣйшей Высокаго Кабинета резолюціи на порозжее въ регламентѣ мѣсто профессоромъ гуманіорумъ, въ корпусъ опредѣленъ. Того ради, съ предоставленіемъ сіятельнѣйшаго Рыцарской Академіи шефа и генералъ-фельдмаршала, Государственной Военной Коллегіи президента, генералъ-директора всѣхъ крѣпостей Россійской Имперіи и кавалера Россійскихъ и Польскаго Бѣлаго Орла орденовъ, графа фонъ-Миниха, ожидаемой ратификаціи, съ нимъ, господиномъ магистеромъ Гречемъ, какъ для исполненія его должности, такъ и для опредѣленія годоваго ему жалованья, слѣдующую капитуляцію учинилъ, а именно: 1) Долженъ онъ, г. профессоръ І. Э. Гречъ, по учиняемой своей присягѣ въ обученіи шляхетныхъ кадетовъ такъ по-

ступать, какъ предъ Богомъ, предъ Ея Императорскаго Величества и передъ начальствующими своими, отвѣтствовать надѣется. 2) Позволяются ему при Рыцарской Академіи профессорскія преимущества, въ которомъ дѣлѣ онъ, по требованію и по цивильному этату, опредѣленныхъ кадетовъ по 22 часа въ недѣлю, въ философіи, политикѣ, государственной исторіи, юсъ публикѣ и феодале, коллегіи читать имѣетъ, и въ латинскомъ, а особливо въ нѣмецкомъ штилѣ опредѣленныхъ къ нему въ томъ кадетовъ по возможности понатвердить обязанъ. 3) Долженъ онъ, г. профессоръ Гречъ, въ такой своей службѣ по апробованному генеральному штату (статуту) корпуса и по ожидаемой отъ опредѣленнаго господина оберъ-профессора апробованной же инструкціи и окладному табелю поступать. 4) Онъ же въ такомъ состояніи обязанъ три года съ нижепоказаннаго числа при Рыцарской Академіи пробыть, а когда, по прошествіи трехъ лѣтъ, впредь капитуляцію соключить не пожелаетъ, долженъ онъ, за полгода напередъ, пристойнымъ образомъ о томъ объявить, чего и ему, ежели, по прошествіи означенныхъ лѣтъ, онъ впредь ненадобенъ будетъ, равномѣрно учинено быть имѣетъ. 5) А за его, по 2-му № назначенную службу опредѣляется ему, г. профессору Гречу, годовое жалованье по 500 рублей на годъ и свободная въ корпусѣ квартира, которое жалованье съ того времени, какъ въ службу вступитъ, какъ прочимъ служителямъ корпуса по третямъ безъ задержанія ему выдано быть имѣетъ. 6) Впрочемъ можетъ г. профессоръ всякой надлежащей протекціи и склонности наилучше всегда обнадеженъ быть, чего ради сію капитуляцію своею рукою подписалъ и природною моею печатью подкрѣпилъ. Въ С.-Петербургѣ, марта 20 дня 1738 года. Фонъ-Теттау, директоръ. Что вышепредъявленная копія господина профессора Греча съ подлинной капитуляціею сходствуетъ, свидѣтельствую съ подписаніемъ руки своей. Апрѣля 29 дня 1738 года. Оберъ-профессоръ фонъ-Зихгеймъ (Siegheim)".

Въ этой должности дѣдъ мой прослужилъ около двадцати

лѣтъ, и 22-го мая 1757 года былъ назначенъ директоромъ учебной части (инспекторомъ классовъ) корпуса съ производствомъ въ чинъ юстицъ-рата 5-го класса. Сверхъ сей должности былъ онъ лекторомъ при великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, выбиралъ книги для ея библіотеки и преподавалъ ей исторію и политику. Блистательные успѣхи ученицы даютъ его познаніямъ и способностямъ самый лестный атестатъ. Достойно замѣчанія, что онъ въ то же время пользовался вниманіемъ и милостью великаго князя Петра Ѳеодоровича, бывшаго главнымъ директоромъ корпуса: это свидѣтельствуетъ о его благоразуміи и умѣньи жить въ свѣтѣ. Дѣдъ мой нѣсколько лѣтъ страдалъ головокруженіемъ, сопровождаемымъ обмороками, и 4-го марта 1760 года, на экзаменѣ въ корпусѣ, въ присутствіи великаго князя, пораженъ былъ апоплексическимъ ударомъ. Онъ упалъ безъ памяти на полъ. Великій князь поднялъ его, посадилъ въ кресло, и какъ въ немъ были еще знаки жизни, приказалъ бережно отнести домой, въ квартиру его въ 1-й линіи. Тогда протекала между Кадетскою и 1-ю линіями канавка, и противъ дома, въ которомъ жилъ И. М. Гречъ, былъ пѣшеходный мостикъ, но такой узкій, что нельзя было пронести креселъ. Великій князь, увидѣвъ это изъ окна, приказалъ сломать перила по сторонамъ мостика, чтобъ пронести больного. Потомъ мостикъ этотъ починили, и онъ съ тѣхъ поръ, до упраздненія своего вмѣстѣ съ канавкою, слылъ Гречевымъ. Бѣдный дѣдъ мой томился на одрѣ болѣзни до осени и скончался 13-го сентября того же года. Изъ сочиненій его извѣстны мнѣ печатные нѣмецкіе стихи, написанные имъ въ Митавѣ въ 1738 году, по случаю переселенія одного патриція, покровителя его, въ новый домъ. Въ Петербургѣ сочинилъ онъ книгу: „Политическая географія, сочиненная въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ. С.-П.-Б. 1758, въ типографіи корпуса“. Книга эта издана на русскомъ языкѣ, но вѣроятно написана понѣмецки и переведена кѣмъ нибудь изъ его помощниковъ.

Изъ учениковъ его я зналъ генералъ-прокурора Александра Андреевича Беклешова, тайнаго совѣтника Карла Өедоровича Модераха и знаменитаго нашего актера Дмитревскаго: всѣ они хранили о немъ благодарную память. На экзаменѣ въ юнкерской школѣ (въ іюлѣ 1801 года), происходившемъ въ присутствіи генералъ-прокурора, инспекторъ вызвалъ меня къ доскѣ. Фамилія Греча поразила его.

— Не родня-ли ты профессору Гречу, моему учителю, душенька? спросилъ Беклешовъ ласково.

— Я внукъ ему.

— Такъ ты сынъ Ивана Ивановича?

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство.

— Очень хорошо учится, прибавилъ директоръ нашъ, А. Н. Оленинъ.

— Не диво, сказалъ Беклешовъ: — и отецъ его, и дяди хорошо учились, а дѣдъ былъ преученый человѣкъ. Ну, душенька, скажи мнѣ, по какимъ губерніямъ протекаетъ Волга?

Въ 1819 году поручено мнѣ было устроить ланкастерскіе классы въ Воспитательномъ Домѣ, гдѣ тогда почетнымъ опекуномъ былъ почтенный Модерахъ. Государыня Марія Өедоровна, слышавъ, что я привезъ эту методу изъ за-границы, вообразила, что я долженъ быть иностранецъ, и при первомъ посѣщеніи новоустроеннаго класса, говорила со мною пофранцузски. Когда начались упражненія, я громко скомандовалъ: „Смирно! Старшіе по мѣстамъ!“ — „Какъ вы хорошо говорите порусски“, сказала государыня съ удовольствіемъ. Я не зналъ что отвѣчать. „Это не удивительно“, замѣтилъ Карлъ Өедоровичъ Модерахъ: „дѣдъ г. Греча былъ моимъ учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ“. — Третій изъ извѣстныхъ мнѣ учениковъ, какъ я сказалъ, былъ Дмитревскій. Я познакомился съ нимъ у Гнѣдича и, имѣя надобность въ свѣдѣніяхъ о началахъ русскаго театра (для моей исторіи литературы), отправился къ почтенному старцу (это было лѣтомъ въ 1821 году). Дмитревскій жилъ тогда у сына своего, служившаго въ почтамтѣ. Я нашелъ его за утреннимъ завтракомъ: онъ сидѣлъ

на лежанкѣ и ѣлъ салакушку. Тогда онъ былъ уже совершенно слѣпъ, и когда я объявилъ ему, кто я и зачѣмъ пришелъ, онъ сообщилъ мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія и наконецъ спросилъ, не родня ли я профессору Гречу. Я сказалъ: точно, я внукъ ему, и просилъ Дмитревскаго дать мнѣ какое нибудь понятіе о моемъ дѣдѣ. Дмитревскій отвѣчалъ мнѣ, что учился у него, съ товарищами своими, по средамъ, всеобщей исторіи; что дѣдъ мой былъ человѣкъ высокаго роста, важный, глубокомысленный, строгій. Никогда не забуду этой бесѣды съ восьмидесятилѣтнимъ Дмитревскимъ: въ голосѣ его было что-то торжественное, трагическое; голова его дрожала отъ старости, но была удивительно прекрасна. У Н. И. Гнѣдича былъ несравненный портретъ его, слегка набросанный Кипренскимъ; не знаю, куда онъ дѣвался... Позже узналъ я, что у покойнаго дѣда моего, на дому, учился историческимъ и политическимъ наукамъ знаменитый впослѣдствіи государственный мужъ, графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ (умершій въ 1808 г.), благоволившій отцу моему, вѣроятно, въ благодарность за уроки дѣда. Строгъ былъ мой дѣдъ, по свидѣтельству его ученика, но видно только въ классахъ: о томъ, что сердце его доступно было нѣжнымъ чувствамъ, свидѣтельствуетъ письмо, полученное уже послѣ его смерти, отъ сынка его, Johann Ernst Gretsch, котораго онъ, занимаясь въ Лейпцигѣ науками, прижилъ съ дочерью своего хозяина. Почтенный мой дядюшка пишетъ къ родителю своему, что матушка воспитала его въ страхѣ божіемъ, а дѣдушка наставлялъ въ наукахъ; что онъ служилъ писаремъ у какого-то уголовнаго судьи и нерѣдко переписывалъ набѣло смертные приговоры (письмо было написано четкимъ, красивымъ почеркомъ); проситъ батюшку своего о позволеніи пріѣхать въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы, при его ходатайствѣ, получить какое нибудь, хотя бы лакейское мѣсто, обѣщая притомъ быть скромнымъ и никому не открывать тайны своего происхожденія. Жаль мнѣ крайне, что я затерялъ этотъ драгоцѣнный документъ.

Законная родня моего дѣда была многочисленнѣе и чище.

У него было нѣсколько братьевъ: изъ нихъ извѣстенъ мнѣ только одинъ, Ѳедоръ Гречъ (Theodorus Gretsch). Онъ, какъ кажется, былъ въ размолвкѣ съ моимъ дѣдомъ, и они никогда не переписывались. Ѳедоръ Гречъ былъ аншпахскимъ надворнымъ совѣтникомъ и резидентомъ Ганзейскихъ городовъ въ Берлинѣ. Онъ участвовалъ въ построеніи богемской церкви въ Берлинѣ, сооруженной изгнанными изъ Богеміи протестантами, но въ церковь и къ причастію не ходилъ, прилежно читая Библію и душеспасительныя сочиненія Рейнбека. Онъ былъ холостъ и жилъ уединенно въ Фридрихсштадтѣ. Умеръ онъ скоропостижно, въ 1757 году, отказавъ все свое имѣніе одному пріятелю, какому-то господину Шахъ-фонъ-Виттенау, слугѣ своему и кухаркѣ, которая, какъ кажется, служила ему и по другой части. Родственникамъ своимъ отказалъ онъ двѣсти талеровъ, которые дѣдъ мой уступилъ сестрѣ своей, бывшей замужемъ за какимъ-то Геннингомъ, въ Линденау, близъ Браунеберга, въ Пруссіи. Въ 1771 году покойная бабка моя получила отъ г. Шахъ-фонъ-Виттенау фамильную печать нашего рода: на ней изображено писчее перо.

Упомяну еще о двухъ любопытныхъ (по крайней мѣрѣ для меня) обстоятельствахъ. Въ 1812 году познакомился я съ однимъ изъ достойнѣйшихъ и искуснѣйшихъ петербургскихъ врачей, Иваномъ Яковлевичемъ Геннингомъ, который пользовалъ меня и весь домъ мой до кончины своей, послѣдовавшей въ 1831 году. Однажды узнавъ, что онъ родомъ изъ окрестностей Данцига, я вздумалъ спросить, изъ какой фамиліи была его мать, какъ говоритъ Грибоѣдовъ: „Позвольте намъ родными счесться“. Но добрый, однако же разсчетливый Геннингъ не почелъ нужнымъ объяснять это обстоятельство и отвѣчалъ мнѣ уклончиво: „Всѣ люди родня другъ съ другомъ.“ Вѣроятно онъ опасался, что я, добившись съ нимъ родства, перестану платить за визиты. Другой случай. Внучатный мой племянникъ, сынъ двоюродной моей племянницы Маріи Павловны, урожденной Безакъ, Николай Андрее-

вичъ Крыжановскій [1]), нынѣ (1861 г.) директоръ Михайловскаго артиллерійскаго училища, посланный въ 1840—1841 годахъ изъ артиллерійскаго училища въ Берлинъ, для окончанія наукъ, познакомился съ однимъ капитаномъ Шахъ-фонъ-Виттенау, который, угощая его, не догадывался, что подчиваетъ человѣка, котораго прапрадѣдъ ограбленъ его предкомъ!

Дѣдъ мой, около 1740 года, женился на купеческой дочери Катеринѣ Мартыновнѣ Паули, бывшей каммеръ-юнгферою у какой-то герцогини, вѣроятно у Курляндской. Она была женщина кроткая и добрая, но ума не дальнаго: она привила къ роду Гречеву какое-то педантство, какую-то ограниченность взглядовъ, качества, изглаженныя въ нѣкоторыхъ его отрасляхъ новыми прививками. Скончалась она въ семидесятыхъ годахъ. У ней были двѣ сестры, Елена и Анна. Елена была замужемъ за прапорщикомъ Копорскаго полка Гуромъ Арбузовымъ. Единственнымъ памятникомъ ея существованія остался слѣдующій актъ, данный ея мужемъ: „1752 году, мая 23 дня, я, нижеподписавшійся, далъ сіе обязательное письмо женѣ моей, Еленѣ Мартыновой дочери Арбузовой въ томъ, что взялъ я отъ ней, жены, пожалованныхъ ей отъ Всемилостивѣйшей Государыни денегъ четыреста рублевъ для выкупу недвижимаго дяди моего, ассесора Евтифея Арбузова, новгородскаго имѣнія, которыя деньги платить мнѣ, Гуру Арбузову, кому оная жена моя по смерти своей по сему или своеручному письму прикажетъ или сестрѣ ея, дѣвицѣ Аннѣ Мартыновой Паулиновой, или зятю ея, кадетскаго корпуса профессору Ивану Гречу и женѣ его Катеринѣ съ дѣтьми, кому что въ томъ своеручномъ письмѣ ея написано будетъ. Въ чемъ своеручно и подписуюсь, мужъ ея, Санктпетербургскаго гарнизона Копорскаго полку прапорщикъ Гуръ Арбузовъ“. На

[1]) Бывшій оренбургскій генералъ-губернаторъ. Пр. ред.

оборотѣ написано: „Obererwähntes Geld muss meine Schwester Anna Pauli nach meinem Tode haben. Helena Pauli“ [1]).

Анна Мартыновна Паули была дѣва чувствительная и анекдотическая. Она помолвлена была, въ молодости своей, съ нѣмцемъ, аптекаремъ, человѣкомъ весьма хорошимъ. Вдругъ подвернулся къ ней какой-то французикъ: тара-бара, бонъ-журъ, команъ-ву порте ву? Она изволила въ него влюбиться, и однажды, сидя съ женихомъ своимъ, нѣжнымъ аптекаремъ, у открытаго окна (въ домѣ на берегу Мойки), попросила у него шутя обручальнаго кольца, и когда онъ согласился, бросила кольцо, съ своимъ кольцемъ, въ рѣку. Аптекарь изумился, испугался, просилъ ее одуматься. Она не согласилась, разбранила его, утверждая, что отъ него несетъ ревенемъ и ассафетидою, принудила уйти и объявила домашнимъ, что выходитъ за француза. Назначенъ былъ день свадьбы. Невѣсту разрядили, готовились ѣхать къ вѣнцу. Вдругъ, вмѣсто жениха, явился католическій священникъ и объявилъ, что женихъ вѣнчаться не можетъ, потому что въ тотъ самый день пріѣхала къ нему законная жена изъ Франціи. Огорченная досаднымъ происшествіемъ, пристыженная предъ всѣми родными и знакомыми, рѣшилась она оставить Петербургъ и поѣхала съ однимъ богатымъ помѣщикомъ въ отдаленную провинцію для воспитанія его дѣтей. Дворянинъ вздумалъ обратить молодую и, какъ гласитъ преданіе, хорошенькую лютеранку въ православіе, сталъ ее уговаривать, убѣждать, стращать: ничто не помогало. Раздраженный неожиданнымъ упрямствомъ, онъ наконецъ объявилъ ей, что уморитъ ее съ голоду, повелъ въ пустой погребъ и замкнулъ. Она просидѣла въ темномъ погребѣ нѣсколько дней безъ пищи и уже готовилась къ голодной смерти. Вдругъ отворились двери ея темницы. Жена мучителя ея пришла освободить ее и разсказала, что мужъ ея, отправившись на охоту, упалъ

[1]) Означенныя деньги должна получить послѣ моей смерти сестра моя Анна Паули, Елена Паули.

съ лошади, ушибся смертельно, и предъ концомъ объявилъ, что это несчастіе конечно есть кара Божія за терзаніе бѣдной нѣмки; сказалъ, гдѣ заперъ ее, просилъ освободить несчастную и скончался. Анна Мартыновна воротилась въ Петербургъ и неоднократно ѣзжала въ Москву къ бывшему жениху своему, который между тѣмъ женился на другой и жилъ припѣваючи. Ей не было суждено умереть обыкновенною смертью. По кончинѣ сестры своей, моей бабки, она не хотѣла жить съ племянниками, наняла себѣ квартиру на Васильевскомъ Острову и гостила по роднымъ и домашнимъ. Въ одно утро нашли ее дома убитою; все ея имущество было расхищено; въ разныхъ мѣстахъ комнаты, особенно подлѣ шкаповъ и сундуковъ, видны были слѣды крови. Вѣроятно, злодѣи терзали ее, чтобы она показала имъ мнимое свое богатство. Жизнь и кончина Анны Мартыновны были самою романтическою легендою въ нашемъ семействѣ.

Бабушка моя получила отъ императора Петра III тысячу рублей пенсіи, которую оставила за нею и Екатерина II. Сыновьямъ повелѣно было производить сію пенсію до повышенія въ офицерскій чинъ, дочерямъ — до замужества. Сверхъ того пользовалась она по смерть казенною квартирою въ корпусѣ. У дѣда моего были три сына: Карлъ, Логинъ или Лудвигъ и Иванъ (отецъ мой) и три дочери: Анна, Вѣра и Елена. Оба старшіе сына были воспитаны въ кадетскомъ корпусѣ и выпущены офицерами въ армію, и въ 1771 году оба были капитанами. Карлъ Ивановичъ Гречъ, бывшій отличнымъ въ свое время молодцомъ, служилъ въ гвардіи и былъ адъютантомъ генерала Мансурова и другомъ Державина. Онъ вышелъ въ отставку, отправился въ Пензу, женился тамъ на достаточной дворянкѣ и оставилъ дочь Елисавету. О ней, какъ и о времени кончины старшаго моего дяди, не имѣю я никакихъ свѣдѣній. Покойный Ф. Ф. Вигель говорилъ лишь, что зналъ Елисавету Карловну въ Пензѣ. Она скончалась въ старости дѣвицей, принявъ православіе.

Второй, Логинъ, жилъ недолго, но оставилъ монументъ

своего существованія. Когда, въ началѣ царствованія императора Николая Павловича, повелѣно было выставлять на мраморныхъ доскахъ имена отличившихся кадетъ, справедливый государь вспомнилъ о предмѣстникахъ ихъ и приказалъ изобразить, такимъ же образомъ, имена кадетъ, получившихъ большія золотыя медали съ начала учрежденія корпуса. Въ числѣ ихъ красуется имя моего дяди.

Усладительная мысль, что, по прошествіи полувѣка, благонравіе и успѣхи получаютъ признаніе и награду! Поприще его было короткое. Вскорѣ по выпускѣ въ офицеры, онъ отправился къ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, былъ въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ и въ 1772 году умеръ отъ моровой язвы въ Яссахъ. Онъ былъ любимцемъ своей матери и, какъ говоритъ семейное преданіе, явился ей въ минуту своей смерти. Бабушка, однажды послѣ обѣда, легла отдохнуть; вскорѣ выбѣжала она изъ своей спальни, встревоженная, и спрашивала у домашнихъ:

— Гдѣ-жъ онъ? что-жъ онъ не вошелъ ко мнѣ? я еще не спала.

— Кто?

— Какъ кто! Сынъ мой, Логинъ Ивановичъ. Я начала было засыпать, вдругъ услышала шорохъ, открыла глаза, и вижу, онъ проходитъ бережно, съ остановкою, мимо дверей спальни, чтобы не разбудить меня! Гдѣ онъ? Не прячьте его.

Ее увѣрили, что Логинъ Ивановичъ не пріѣзжалъ, что это ей такъ пригрезилось, и она со слезами убѣдилась въ своей ошибкѣ. Въ это время вошелъ въ комнату зять ея, Безакъ; узнавъ о случившемся, онъ призадумался, вынулъ изъ кармана записную книжку и записалъ день и часъ этого случая. Чрезъ двѣ недѣли получено было письмо, что въ этотъ самый часъ Логинъ Ивановичъ скончался.

Кстати о Безакѣ. Дѣдъ мой, чувствуя ослабленіе силъ своихъ отъ возобновлявшихся часто припадковъ головокруженія, принужденъ былъ искать себѣ помощника и обратился съ просьбою къ пріятелямъ и корреспондентамъ своимъ въ

Лейпцигѣ о присылкѣ ему надежнаго человѣка. 17-го сентября 1760 года вошелъ въ квартиру его молодой человѣкъ и спросилъ понѣмецки, можетъ ли видѣть господина юстицъ-рата. А дѣда моего въ этотъ день хоронили. Оказалось, что этотъ молодой человѣкъ (тогда ему было двадцать шесть лѣтъ) магистръ философіи Христіанъ Безакъ, родомъ изъ Лузаціи, одинъ изъ отличнѣйшихъ молодыхъ доцентовъ Лейпцига, рекомендованъ моему дѣду и лишь только прибылъ на кораблѣ изъ Любека. Начальство корпуса тотчасъ приняло его на мѣсто умершаго и, какъ холостому, отвело ему половину квартиры покойнаго, оставивъ другую его вдовѣ. Безакъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, женился на теткѣ моей, Аннѣ Ивановнѣ. Онъ былъ человѣкъ необыкновенныхъ достоинствъ, умный, ученый, кроткій нравомъ и строгій только къ самому себѣ, добросовѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей пріятный въ обращеніи. Немногіе оставшіеся ученики его воспоминаютъ о немъ съ искреннею благодарностью. Вскорѣ по прибытіи въ Россію, онъ выучился русскому языку и впослѣдствіи написалъ книгу: Краткое введеніе въ бытописаніе Всероссійской Имперіи (СПБ. 1785 г.). На нѣмецкомъ языкѣ напечаталъ онъ нѣсколько философскихъ диссертацій. Важнѣйшіе труды его остались въ рукописяхъ. Сынъ его хотѣлъ издать ихъ, но, развлекаемый службою и дѣлами, не успѣлъ. Одинъ изъ его учениковъ, кажется, князь Путятинъ, напечаталъ въ двадцатыхъ годахъ въ Дрезденѣ, гдѣ онъ жилъ, его уроки философіи, на французскомъ языкѣ, не указавъ источника. Безакъ умеръ лѣтомъ 1800 года, прослуживъ безъ малаго сорокъ лѣтъ въ одной должности. Онъ имѣлъ чинъ коллежскаго совѣтника и былъ однимъ изъ первопожалованныхъ кавалеровъ ордена Св. Владиміра. Государыня Екатерина II лично знала и уважала его. Въ семействѣ своемъ пользовался онъ безусловнымъ авторитетомъ. Своячины, невѣстки и другія крикливыя дамы умолкали предъ изреченіемъ: „Это сказалъ Безакъ". Мнѣ дорога его память тѣмъ, что онъ любилъ и уважалъ мою матушку. Онъ имѣлъ одну дочь,

Дарью, бывшую въ замужествѣ за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Вирстомъ (Wuerst, умершимъ въ 1831 г.), и сына Павла Христіановича, о которомъ не разъ будетъ говориться въ моихъ запискахъ. Овдовѣвъ, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ женился на какой-то Ксантиппѣ, безобразной и скупой, которая памятна мнѣ только по ужасной вони отъ ея собакъ въ ихъ квартирѣ. И теперь вижу эту квартиру. Она была въ узкомъ флигелѣ корпуснаго зданія, выдающемся къ Невѣ, подлѣ церкви. Въ большой комнатѣ стоялъ билліардъ, на которомъ Безакъ постоянно игралъ для моціона.

Другая тетка моя, Вѣра Ивановна (умершая въ 1815 г.), была также за корпуснымъ профессоромъ, но по другой части, за ротмистромъ Петромъ Ивановичемъ Штёберомъ (Stöber извѣстная эльзасская фамилія), служившимъ при корпусѣ берейторомъ. Онъ умеръ, въ исходѣ 1797 года, шталмейстеромъ Конной Гвардіи, въ чинѣ полковника. Сынъ его, Александръ, выпущенный изъ 1-го корпуса въ 1804 году, убитъ въ 1813 году подъ Бауценомъ въ чинѣ майора. Имя его начертано на мраморной доскѣ въ корпусной церкви. Третья тетка моя, Елена Ивановна, скончалась дѣвицею, въ 1797 году. Она была женщина очень умная и добрая, но рѣшительная и своенравная, и слушалась только Безака; съ Вѣрою же Ивановною и отцомъ моимъ была въ безпрерывной войнѣ, прерывавшейся рѣдкими и кратковременными перемиріями. Съ матушкою моею она всегда была дружна и согласна. На нее удивительно похожа, и наружностью, и отчасти нравственными свойствами, сестра моя, Екатерина Ивановна.

Отецъ мой, Иванъ Ивановичъ (Johann Ernst), родился 31-го іюля 1754 года. Лишившись отца въ малолѣтствѣ, онъ былъ воспитанъ въ домѣ своей матери, сколько могу заключить изъ его характера и основныхъ понятій, весьма не педагогическомъ. Предразсудки, причуды, нелѣпыя повѣрья и преданія безтолковой нѣмецкой старины, приправленные примѣтами русскихъ и чухонскихъ кухарокъ, составляли атмосферу, въ которой возникли и выросли дѣти этого семейства.

Старшіе сыновья, повидимому, сбросили съ себя эту кору въ корпусѣ. Въ остальныхъ превратное воспитаніе нѣсколько умѣрялось вліяніемъ Безака, но недовольно: оно отразилось и въ родномъ его сынѣ. Женская партія имѣетъ большое вліяніе на воспитаніе дѣтей. Умный мужъ, занятый службою и другими дѣлами, не можетъ перевѣсить тяжести, налагаемой на вѣсы глупыми и злыми бабами, которыя считаютъ самихъ себя умными и добродѣтельными. Отецъ мой сначала учился подъ руководствомъ Безака, къ которому сохранилъ до конца его жизни сыновнюю привязанность и благодарность, и лѣтъ тринадцати отданъ былъ въ единственную тогда порядочную школу въ С.-Петербургѣ, Петровскую, учрежденную въ 1762 году знаменитымъ географомъ Бюшингомъ, въ то время пасторомъ лютеранской церкви Св. Петра. Главнымъ своимъ образованіемъ обязанъ онъ былъ старшему учителю, доктору Фаусту, который, по странному стеченію обстоятельствъ, былъ чрезъ пятнадцать лѣтъ учителемъ матушки моей въ Кіевѣ. Въ 1769 году произнесъ онъ на публичномъ экзаменѣ латинскую рѣчь и поступилъ на службу писцомъ въ Комиссію о составленіи проекта новаго уложенія: почеркъ у него былъ прекрасный. Потомъ онъ служилъ въ канцеляріи генералъ-прокурора князя Вяземскаго, состоявшей изъ трехъ чиновниковъ: старшимъ былъ Александръ Васильевичъ Храповицкій; младшими—Иванъ Ивановичъ Хмельницкій и отецъ мой. Онъ отличался по службѣ умомъ и дѣятельностью, и былъ употребляемъ во многихъ важныхъ дѣлахъ. Въ 1775 году былъ онъ въ командировкѣ въ Москвѣ, при комиссіи, судившей Пугачева и его товарищей; въ 1777 году посылали его съ важными порученіями (по финансовой части) въ Гамбургъ и въ Амстердамъ; въ 1789 г. дважды въ Геную [1]). Достойно замѣчанія, что онъ долгое время служилъ въ чинѣ канцеляриста для того, чтобы не лишиться пенсіи

[1]) По дѣлу о заключеніи займовъ съ тамошними банкирами.

Прим. редак.

послѣ отца, прекращавшейся съ офицерскимъ чиномъ. Въ чужіе края ѣздилъ онъ въ рангѣ арміи поручика. Вдругъ изъ канцеляристовъ произведенъ онъ былъ прямо въ титулярные совѣтники. Это обстоятельство повредило ему впослѣдствіи: онъ не могъ получить слѣдовавшей ему пенсіи, не прослуживъ урочнаго времени въ оберъ-офицерскомъ чинѣ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ переведенъ онъ былъ секретаремъ въ Экспедицію о государственныхъ доходахъ, дослужился до надворнаго совѣтника, но, повздоривъ съ управляющимъ, Василіемъ Михайловичемъ Хлѣбниковымъ (который впрочемъ его искренно любилъ и впослѣдствіи дѣлалъ ему добро), вышелъ въ 1792 г. въ отставку. Обстоятельства этой отставки будутъ мною описаны впослѣдствіи. Въ 1794 году поступилъ онъ вновь на службу секретаремъ въ 3-й департаментъ Сената; въ 1798 г. опредѣленъ былъ оберъ-секретаремъ во временной апелляціонный департаментъ. Въ сентябрѣ 1800 года отставленъ отъ службы[1]), безъ всякой причины.

Отецъ мой скончался, послѣ тяжкой болѣзни, 5-го марта 1803 года. Онъ былъ человѣкъ умный, по тогдашнему времени весьма образованный, свѣтскій, при томъ честный и добродушный, но рьяность и неровность его характера и самые странные капризы причиняли несчастіе и ему, и тѣмъ, кто его окружали. Сердце имѣлъ онъ самое доброе, но буйная голова одолѣвала благія его внушенія, и къ тому присоединялось упрямство. Съ сестрами своими онъ ссорился безпрерывно, но люди умные и твердые могли владѣть имъ: такъ, напримѣръ, онъ уважалъ шурина своего, Александра Яковлевича, и слушался его охотно, не смотря на то, что тотъ былъ гораздо моложе его. Хозяинъ онъ былъ самый плохой, и когда имѣлъ въ карманѣ копѣйку, думалъ, что ей исхода не будетъ: въ этомъ онъ остался не безъ наслѣдниковъ. Подчиненные любили и уважали его. Многіе, облагодѣтель-

[1]) Въ то время раскасированъ былъ весь этотъ департаментъ сената за рѣшеніе какого-то процесса вопреки просьбы какой-то родственницы Кутайсова.

ствованные имъ, послѣ его смерти являлись къ матушкѣ, 24-го ноября, для поздравленія ея съ именинами. Въ 1831 году имѣлъ я дѣло въ Сенатѣ. Оберъ-секретари, бывшіе при отцѣ моемъ писцами, старались всячески услужить и помочь мнѣ. 23-го августа 1786 года женился онъ на моей матери, дѣвицѣ Катеринѣ Яковлевнѣ Фрейгольдъ. При этомъ имени, священномъ и незабвенномъ, уныніе возникаетъ въ моемъ сердцѣ, и глаза наполняются слезами любви, благодарности и благоговѣнія. Если во мнѣ было что либо хорошее, если я прожилъ въ свѣтѣ недаромъ, если принесъ пользу моимъ ближнимъ, — всѣмъ этимъ обязанъ я провидѣнію, сподобившему меня родиться отъ такой матери, которой и дѣти мои, а чрезъ нихъ и внуки, обязаны своимъ умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ. Для послѣднихъ она божество невидимое. Въ исторіи фамиліи матери моей несравненно болѣе поэзіи, нежели въ отцовской. Начну издалека, доколѣ восходятъ семейныя преданія.

Въ началѣ XVIII вѣка у прусскаго генерала фонъ-Зауэрбрей фонъ-Зауэрбрунnъ (Sauerbrey von Sauerbrunn) была хорошенькая дочка, обращавшая на себя вниманіе всѣхъ любителей изящнаго. Полкъ его стоялъ въ какомъ-то неважномъ городкѣ. Всѣ холостые молодые люди хорошихъ фамилій, всѣ сыновья богатыхъ помѣщиковъ, всѣ полковые офицеры дивизіи, вздыхали кто по красавицѣ, кто по приданому, кто по важнымъ связямъ, но красавица была равнодушна ко всѣмъ баронамъ и фонамъ, обративъ нѣжный взоръ свой на молодаго полковаго пастора Филиппа Фрейгольда (Freyhold). Наперстный крестъ на зеленой лентѣ (отличительный знакъ армейскихъ пасторовъ въ Пруссіи) былъ для нея привлекательнѣе Чернаго Орла; кусокъ ржанаго хлѣба съ милымъ сердцу предпочтительнѣе роскоши въ бракѣ съ постылымъ.... Вы смѣетесь, читатели мои? Вы сомнѣваетесь въ истинѣ этого описанія, читательницы? Могу васъ увѣрить, что это сущая правда, но правда XVIII вѣка. Теперь не то. Разумѣется, что подъ чернымъ кафтаномъ сердце вторило

сердцу въ тѣсной шнуровкѣ, но не было надежды получить согласіе родителей. Пасторъ и генеральская дочка рѣшились втайнѣ обвѣнчаться и бѣжать. Обвѣнчались, но бѣжать куда? Разумѣется, nach Russland! Они счастливо ускользнули отъ преслѣдованій и прибыли въ Москву. Тамъ Фрейгольдъ получилъ мѣсто пастора и впослѣдствіи былъ генералъ-суперинтендентомъ. Болѣе не знаю о нихъ ничего. Слыхалъ потомъ, что при одномъ ужасномъ пожарѣ въ Москвѣ они лишились всего своего имущества, и полунагіе съ дѣтьми сидѣли на курившихся развалинахъ. Вѣроятно, что пасторъ помирился впослѣдствіи съ своимъ тестемъ, потому что пользовался вниманіемъ и покровительствомъ сильныхъ людей, и что дворянское званіе его жены не было выпущено изъ виду.

Сынъ ихъ, Яковъ Фрейгольдъ (род. въ 1728 году, ум. 16-го дек. 1786 г.), былъ принятъ въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, получилъ тамъ хорошее, по тогдашнему времени, образованіе, и выпущенъ былъ въ Елецкій пѣхотный полкъ. Въ корпусѣ подружился онъ съ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ, и когда графъ, по связямъ своимъ и происхожденію (тайная исторія XVIII вѣка гласитъ, и очень правдоподобно, что онъ былъ сынъ Петра Великаго), вышелъ въ чины, онъ вспомнилъ о корпусномъ своемъ товарищѣ, вызвалъ его изъ арміи и опредѣлилъ къ себѣ адъютантомъ. Фрейгольдъ служилъ съ нимъ въ Семилѣтнюю войну, но не до конца: въ сраженіи при Цорндорфѣ (25-го августа 1758 г.) онъ былъ раненъ двумя пулями, одною въ ногу, другою въ голову, упалъ навзничь, ударился объ пень и переломилъ себѣ крестецъ. Онъ остался живъ, но страдалъ всю жизнь, особенно подъ конецъ: чрезъ тридцать лѣтъ еще вынимали у него косточки изъ черепа. Получивъ облегченіе отъ ранъ, Фрейгольдъ, бывшій тогда въ чинѣ майора, пріѣхалъ, для окончанія леченія своего, въ Петербургъ. Отъ императрицы Елисаветы Петровны скрывали число убитыхъ и раненыхъ на этой войнѣ, и никто изъ послѣднихъ не смѣлъ предъ нею показываться. Подъ этимъ условіемъ позволили Фрейгольду

жить въ Петербургѣ. Онъ прятался цѣлую зиму, но весною не могъ не погрѣться на солнышкѣ, пробрался въ Лѣтній садъ и сѣлъ на скамью. Вдругъ услышалъ онъ: „идетъ государыня!" вскочилъ, схватился за костыли, хотѣлъ бѣжать, и не могъ. Императрица завидѣла его, ласково подозвала къ себѣ и спросила съ участіемъ, кто онъ, гдѣ раненъ и т. д. Узнавъ же, что онъ адъютантъ Румянцева, пригласила къ обѣду и разъ навсегда на всѣ придворныя собранія. Осчастливленный сынъ нѣмецкаго пастора, получившій въ публикѣ названіе хромаго майора, воспользовался царскою милостью, за которою послѣдовало и благоволеніе всѣхъ знатныхъ и придворныхъ (вѣроятно съ поговоркою: il gagne à être connu) [1]), сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ, сталъ разъѣзжать по первымъ домамъ и играть въ карты очень счастливо. Тогда играли въ азартныя игры не только въ частныхъ домахъ, но и на придворныхъ балахъ и маскарадахъ. Это продолжалось и въ первые годы царствованія Екатерины II. Однажды, въ придворномъ маскарадѣ, Фрейгольдъ держалъ банкъ. Подходитъ женская маска, одѣтая очень просто и не очень опрятно, и ставитъ на карту серебряный рубль. Банкометъ возразилъ сухо: „Нельзя ставить меньше червонца". Маска, не говоря ни слова, указала на изображеніе Государыни на рублѣ. „Къ ней всякое почтеніе", сказалъ Фрейгольдъ, поцѣловавши портретъ, „но на ставку этого мало". Маска вдругъ вскричала: „va banque!" Банкометъ разсердился, бросилъ въ нее колодою картъ, которую держалъ въ рукѣ, и, подавая другой рубль, сказалъ съ досадою: „Лучше купи себѣ новыя перчатки вмѣсто этихъ дырявыхъ". Маска захохотала и отошла. На другой день Фрейгольдъ узналъ, что это была Екатерина. „Хорошъ: вашъ хромой майоръ!" сказала она одному изъ царедворцевъ „чуть не приколотилъ меня!" И майоръ послѣ этого вошелъ въ большую моду. Въ 1764 года онъ женился.... Позвольте еще воспользоваться правомъ скобокъ.

[1]) Чѣмъ болѣе его знаютъ, тѣмъ для него выгоднѣе.

Въ это время жилъ-былъ бригадиръ Михаилъ Ивановичъ Шне (Schnee), комендантъ крѣпости Кексгольма. Онъ женатъ былъ на красавицѣ полькѣ, Терезѣ Ивановнѣ, урожденной Шенгофъ, дочери польскаго генерала, бывшаго комендантомъ въ Львовѣ. Тереза Ивановна, моя прабабушка, умершая въ 1802 году лѣтъ девяноста отъ роду, оставила по себѣ память въ фамильныхъ преданіяхъ. Ребенкомъ она сиживала на колѣняхъ у Карла XII и у Петра Великаго, и чуть ли не была крестницею послѣдняго. Ее назначали въ монахини, какъ вторую дочь; но, по веселости и рѣзвости нрава, она отъ того всячески отрекалась, и наконецъ, вмѣсто ея постриглась старшая сестра, чувствовавшая склонность къ отшельнической жизни. Тереза, при веселомъ характерѣ, одарена была вторымъ зрѣніемъ: нерѣдко предчувствовала и предвидѣла, что̀ случится. Однажды умеръ въ Львовѣ какой-то генералъ. Сбираясь на похороны, Тереза стояла передъ зеркаломъ и забавлялась гримасами и кривляньями. Вдругъ видитъ, стоитъ позади ея блѣдная, высокая фигура, въ зеленомъ халатѣ, и строго грозитъ ей пальцемъ. Тереза обернулась — нѣтъ никого; ей такъ причудилось. Но каковъ былъ ея испугъ, когда она въ тотъ же вечеръ увидѣла въ гробу эту самую неизвѣстную ей дотолѣ фигуру въ зеленомъ халатѣ! У ней было еще нѣсколько такихъ похожденій, которыхъ не помню. Она вышла за капитана Шне, который дослужился въ бракѣ до бригадирскаго чина. У ней были сыновья, которыхъ я не зналъ, и три дочери—Екатерина, Марія и Христина, всѣ красавицы. Екатерина Михайловна вышла замужъ за богатаго майора Ренкевича, который подарилъ ей пятьсотъ душъ въ С.-Петербургской губерніи (имѣніе это называется Пятая Гора; оно принадлежитъ теперь г. Волкову). Екатерина Михайловна была женщина благороднаго образа мыслей, строгихъ правилъ, но добродушная и сострадательная. Лѣтомъ живала она въ своей деревнѣ, а зимою въ Петербургѣ. Домъ ея, деревянный, ветхій, вросшій до половины въ землю, еще существуетъ на Сергіевской улицѣ, подъ

№ 58, и теперь принадлежитъ Голубцову. Подъ конецъ жизни, она была разбита параличемъ и жила безвыѣздно въ Пятой Горѣ, гдѣ и скончалась въ 1802 году. У ней не было дѣтей, и прекрасное, хотя и разстроенное ея имѣніе перешло къ сестрамъ, какъ увидимъ далѣе. — Другая дѣвица Шне, Марія Михайловна, вышла замужъ за лифляндскаго помѣщика Врангеля. Онъ происходилъ изъ старинной и богатой фамиліи, но эта фамилія, вопреки обыкновенному теченію дѣлъ, теряя богатство, уменьшала и титулы свои. При продажѣ половины имѣнія, графъ Врангель сталъ называться барономъ, а проживъ и остальное, — простымъ фономъ. Сынъ его, отъ второй жены, Борисъ Карловичъ, былъ лѣтъ сорока плацъ-майоромъ въ Смоленскѣ, и умеръ года за два передъ симъ. Дочь его, Анжелика Борисовна, замужемъ за полковникомъ Августиновичемъ [1]). Марія Михайловна скончалась рано, оставивъ одну дочь, Екатерину Карловну, выданную потомъ за доктора медицины Карла Борна, прусскаго уроженца, бывшаго профессоромъ въ здѣшней медицинской школѣ и главнымъ докторомъ въ Кронштадтѣ; онъ умеръ потомъ въ Новгородѣ (1799). Изъ учениковъ его я зналъ Ивана Ѳедоровича Буша, который признавался, что многимъ обязанъ Борну и старался выразить свою благодарность сыну его. Докторъ Борнъ имѣлъ всѣ добродѣтели и пороки щираго нѣмца: былъ трудолюбивъ, честенъ, вѣренъ своему слову, аккуратенъ въ исполненіи своихъ обязанностей, но притомъ упрямъ, своенравенъ, скупъ, грубіянъ и т. д. Онъ самъ страдалъ грудью, сообщилъ эту болѣзнь женѣ и дѣтямъ предсказалъ недолгую жизнь. Дѣйствительно, двѣ дочери его, лѣтъ тринадцати и одиннадцати, умерли въ одинъ день. Сынъ прожилъ долѣе, но жилъ какъ приговоренный къ смерти. Иванъ Карловичъ Борнъ, внучатный мой братъ (род. 10-го февр. 1790, ум. 11-го янв. 1821), былъ человѣкъ необыкновенно благородный и добро-

---

[1]) Нынѣ генералъ-майоръ. Пр. ред.

дѣтельный, какихъ я мало знавалъ въ жизни. О немъ не разъ упоминаемо будетъ въ этихъ запискахъ.

Третья дѣвица Шне, Христина Михайловна (род. 7-го апр. 1747 г.), вышла по семнадцатому году за Якова Филипповича Фрейгольда, извѣстнаго вамъ хромого майора. Она, какъ гласитъ преданіе, была необыкновенная красавица, что видно было по чертамъ лица ея и въ старости. Она была одарена большимъ природнымъ умомъ и наслѣдовала хитрость, общій удѣлъ всѣхъ дщерей праматери нашей Евы. Родившись и получивъ воспитаніе въ Кексгольмѣ, она не могла пріобрѣсть большихъ познаній, говорила только порусски и понѣмецки; писала съ умомъ и краснорѣчіемъ, съ наблюденіемъ всѣхъ формъ, но безъ всякой орѳографіи. Счастье, что она не умѣла говорить пофранцузски: тогда не было бы конца ея подвигамъ, а такъ она спотыкалась, къ благу рода человѣческаго, на первомъ бонжурѣ. Дѣвицею играла она на домашнихъ театрахъ, въ Петербургѣ, съ Мелиссино, Шуваловымъ и т. д. въ трагедіяхъ Сумарокова, и приводила въ восторгъ всю публику. Въ преклонныхъ лѣтахъ твердила она еще тирады изъ „Синава и Трувора", въ которыхъ было все, кромѣ смыслу, напримѣръ:

„Лишенный вольностей, надежды и покою,
Пролей, о государь, кровь винну предъ тобою."

Вышедши замужъ, въ 1764 г., она, какъ и всѣ змѣйки, сбросила съ себя блестящую дѣвичью шкурку и заставила своего мужа чувствовать всю тягость брака. Властолюбіемъ, упрямствомъ, прихотливостью, злостью, она имѣла бѣдственное вліяніе на судьбу всѣхъ ея родныхъ, и особенно дѣтей. Я старался схватить нѣкоторыя черты ея характера въ лицѣ Алевтины Михайловны (въ романѣ „Черная женщина"), но, признаюсь, далеко отсталъ отъ оригинала. Сверхъ этого несноснаго нрава, который дѣлалъ ее бичемъ и страшилищемъ всѣхъ приближенныхъ, были въ ней и другія слабости, непріятныя особенно мужу. О нихъ долго сохранялось преданіе и въ прозѣ, и въ стихахъ. У ней было человѣкъ шесть дѣ-

тей, изъ нихъ достигли до совершенныхъ лѣтъ: Александръ (род. 7-го сент. 1767), Екатерина (род. 29-го іюня 1769) и Елисавета (род. 21-го апр. 1777).

Яковъ Филипповичъ Фрейгольдъ, покинувъ военную службу за ранами, оставался при фельдмаршалѣ графѣ Румянцевѣ, котораго главная квартира до начатія турецкой войны (1769) была въ Глуховѣ; потомъ былъ опредѣленъ начальникомъ Скарбовой канцеляріи (Казенной Палаты) въ Глуховѣ, и при учрежденіи намѣстничества переведенъ въ Кіевъ экономіи директоромъ. Всѣ дѣти родились въ Глуховѣ. Христина Михайловна любила изъ нихъ только вторую дочь, а старшихъ дѣтей ненавидѣла и гнала, вѣроятно, потому, что они возрастомъ своимъ напоминали и о ея лѣтахъ. Лишь только подросъ Александръ, его отдали въ Инженерный кадетскій (нынѣ 2-й) корпусъ. Въ корпусѣ былъ онъ большимъ шалуномъ и особенно преслѣдовалъ кадета Аракчеева, который уже въ дѣтствѣ надоѣдалъ всѣмъ и каждому. Исполнителемъ приговоровъ кадетскаго суда надъ благонравнымъ впослѣдствіи другомъ Настасьи былъ Костенецкій, Василій Григорьевичъ, извѣстный своею физическою силою и разными, затѣмъ, причудами (умеръ въ 1831 году). Фрейгольдъ, въ послѣдніе годы пребыванія въ корпусѣ, образумился, сталъ учиться и былъ выпущенъ, по экзамену, инженеръ-прапорщикомъ, а потомъ перешелъ штыкъ-юнкеромъ въ артиллерію. Онъ отличился въ шведскую войну (1788—1789 гг.) необыкновенною храбростью и въ одну кампанію получилъ два чина за отличіе, но дорого за то поплатился: на бивакахъ простудился онъ жестоко и впалъ въ болѣзнь, которая терзала его почти до самой кончины. По окончаніи шведской войны, откомандированъ онъ былъ въ Польшу, къ корпусъ Ферзена, и вскорѣ успѣлъ обратить на себя вниманіе этого знаменитаго генерала. Вдругъ, противъ всякаго ожиданія, перевели его офицеромъ въ Инженерный кадетскій корпусъ, и вотъ по какому поводу. Мать его, Христина Михайловна, овдовѣвъ (въ декабрѣ 1786), вышла въ 1791 г. замужъ за капитана артил-

леріи, Ивана Егоровича Фока, и опасаясь, что сынъ ея вскорѣ сравняется чиномъ съ ея мужемъ, вздумала перевесть его въ такое мѣсто, гдѣ онъ могъ преблагополучно прослужить въ одномъ рангѣ десять лѣтъ. Она отправилась къ директору Инженернаго корпуса, генералу Петру Ивановичу Мелиссино, давнишнему другу и товарищу ея (по игрѣ въ трагедіяхъ Сумарокова), упала въ обморокъ въ его пріемной залѣ и, очнувшись, умоляла его вызвать единственнаго сына ея изъ арміи, ибо она ежедневно опасается его лишиться. Онъ исполнилъ ея просьбу, дивясь силѣ материнской любви, и Фрейгольдъ былъ остановленъ на своемъ поприщѣ. Въ 1796 г. вышелъ онъ опять въ полевую артиллерію, ибо тогда не было войны, и онъ не угрожалъ матери ни производствомъ, ни смертью, но въ 1797 г. возобновилась въ немъ съ большею силою шведская лихорадка, и онъ не могъ сносить тяжелой службы при императорѣ Павлѣ. Онъ вышелъ въ отставку капитанъ-поручикомъ и отправился съ другомъ и товарищемъ своимъ, Павломъ Ивановичемъ Мерлинымъ, въ тамбовскую его деревню. Тамъ влюбился онъ въ одну дѣвицу (Варвару Сергѣевну Чубарову) и надѣялся на ней жениться, но на бѣду написалъ къ матери своей письмо (съ просьбою о позволеніи вступить въ бракъ) порусски. Лютеранская святоша на это разгнѣвалась и изорвала письмо. Это было при мнѣ, и я очень хорошо помню злобное выраженіе лица ея въ эту минуту. Въ 1800 г. Александръ Яковлевичъ Фрейгольдъ воротился въ Петербургъ, и какъ въ то время Христина Михайловна получила въ наслѣдство часто упоминаемую Пятую Гору, онъ отправился для управленія имѣніемъ. Въ концѣ 1803 года имѣніе продали; онъ воротился въ Петербургъ и поселился у сестры своей, Елисаветы Яковлевны. Въ это время опредѣлялся онъ архитекторомъ при Конюшенной конторѣ, замысливъ жениться на дочери сосѣда по деревнямъ, Даріи Мартыновнѣ Буцковской, бывшей впослѣдствіи замужемъ за Романомъ Ив. Ребиндеромъ (сынъ ея, Николай Романовичъ, теперь (1861) директоръ

департамента министерства народнаго просвѣщенія[1]), но вдругъ занемогъ и умеръ 4-го августа 1804 г.

Сорокъ пять лѣтъ прошло со времени его кончины, и я еще теперь не могу вспомнить о немъ безъ сердечнаго волненія. Онъ былъ красавецъ собою, добрый, благородный, умный, рисовальщикъ, пѣвецъ, актеръ, математикъ и воинъ. Еслибы онъ получилъ образованіе ученое, еслибы, по крайней мѣрѣ, учился не въ Инженерномъ, а въ Сухопутномъ корпусѣ, то сдѣлался бы примѣчательнымъ человѣкомъ, какое бы поприще ни избралъ. Главная слабость его, какъ и почти всѣхъ членовъ фамиліи нашей, была излишняя любовь къ прекрасному полу. Я слышалъ разсказы о многихъ его авантюрахъ. Непостижимая ненависть матери преслѣдовала его до могилы въ точномъ смыслѣ сего слова: при положеніи тѣла его въ гробъ, она прочла надъ нимъ, для формы, благословеніе, а потомъ осыпала лицо его негашеною известью, чтобъ оно скорѣе истлѣло. Онъ сносилъ ея несправедливости и обиды съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ, иногда выходилъ изъ себя, но никогда не забывался. Я обязанъ ему многимъ и по гробъ не забуду его.

Читатели сихъ строкъ видѣли, что я по всѣмъ линіямъ происходилъ отъ нѣмецкихъ корней. Онъ научилъ меня быть русскимъ, потому что самъ былъ истинно русскій человѣкъ, душою и сердцемъ. Если ты, незабвенный мой благодѣтель, видишь, что происходитъ въ мірѣ, тобою оставленномъ, прими слезу, орошающую слабѣющія мои рѣсницы въ сіе мгновеніе, данью неизгладимаго благоговѣнія къ твоей памяти! (Перечитано 7-го октября 1850 г., 20-го марта 1861, 5-го октября 1861 г.).

Елисавета Яковлевна Фрейгольдъ, младшая сестра, была женщина умная, любезная, добрая, но наслѣдовала нѣсколько женскаго притворства своей родительницы. Она вышла замужъ (5-го февраля 1800 г.) за барона Карла Ѳедоровича Клодта

[1]) Нынѣ сенаторъ. Пр. ред.

фонъ-Юргенсбурга, скончавшагося генералъ-майоромъ, начальникомъ штаба Сибирскаго корпуса, въ 1823 году. Онъ былъ человѣкъ образованный, умный и благородный. Въ свое время коснусь его жизни и кончины. Она оставила нѣсколько человѣкъ дѣтей. Старшій изъ сыновей, генералъ-майоръ Владиміръ Карловичъ [1]); второй — знаменитый скульпторъ Петръ Карловичъ.

Екатерина Яковлевна Фрейгольдъ родилась за пять недѣль до рожденія Наполеона Бонапарте, а именно 29-го іюня 1769 года, какъ я сказалъ, въ Глуховѣ. Рожденіе ея, по преданію, возвѣщено было пушечною пальбою, но о поводахъ къ пальбѣ толки различествуютъ. Одни говорятъ, что палили по случаю тезоименитства наслѣдника престола, Павла Петровича; другіе утверждаютъ, что пальба произведена была по приказанію фельдмаршала графа Румянцева, по случаю разрѣшенія отъ бремени жены друга его, полковника Фрейгольда. Поводъ къ этой клеветѣ былъ очень понятный. Христина Михайловна была писанная красавица, а герой Задунайскій славился побѣдами не надъ одними пруссаками и турками. Живыя тому доказательства осталися въ Умянцовыхъ, Тетъ-Румянцовыхъ и т. п., которые рождались въ главной его квартирѣ. Екатерина Яковлевна, какъ продолжаютъ злоязычники, ни мало не походила на Фрейгольдовъ: у нихъ былъ фамильный, длинный носъ, какъ отвислая губа у австрійской династіи, а носикъ ея былъ небольшой, благообразный, нѣжный. Говорятъ даже, что она смахивала жестоко на покойнаго графа Сергія Петровича, сына фельдмаршала. Въ 1812 году графъ С. П. Румянцевъ, пригласивъ меня къ себѣ, просилъ, чтобы я согласился давать уроки дочери его, дѣвицѣ Кагульской (нынѣшней княгинѣ Варварѣ Сергѣевнѣ Голицыной). Я не могъ принять его предложенія, потому что слишкомъ былъ занятъ редакціею „Сына Отечества“, и рекомендовалъ ему преемника моего въъ Петровской Школѣ,

[1]) Нынѣ генералъ отъ артиллеріи. Пр. ред.

А. И. Булановскаго. Графъ, при этомъ случаѣ, тщательно допрашивался о моемъ родѣ и племени. Я разсказалъ ему все, что зналъ, и упомянулъ, что дѣдъ мой, Фрейгольдъ, служилъ при его отцѣ и пользовался его милостями. Графъ улыбнулся, хотѣлъ что-то сказать, но удержался. Очень видно было, что ему совѣстно стало объявить внуку о пруэсахъ его почтенной бабушки. Екатерина Яковлевна о томъ не догадывалась и не знала вовсе до кончины отца и до своего замужества. Супругъ ея, человѣкъ не самый деликатный, въ частые періоды размолвки своей съ тещею, не щадилъ старухи и говорилъ все, что зналъ о ней и чего не зналъ. Жена, изумленная, огорченная мыслью, что почтенный, добрый Фрейгольдъ не отецъ ей, сначала не вѣрила, потомъ сердилась и плакала, но въ зрѣлыхъ лѣтахъ и подъ конецъ жизни признавалась, что, припоминая разныя обстоятельства младенческихъ и дѣвическихъ лѣтъ, должна признаться въ правдоподобіи этихъ догадокъ. Замѣчательно, что мать не любила, можно сказать, ненавидѣла ее. Я замѣчалъ неоднократно, что женщины не терпятъ дѣтей, которые напоминаютъ имъ о минувшихъ слабостяхъ, а любятъ уродовъ, прижитыхъ съ постылымъ, но законнымъ мужемъ, и преслѣдуютъ милыхъ, любезныхъ дѣтей, плодъ страсти и преступленія. Напротивъ того, онѣ любятъ дѣтей своихъ любовниковъ, прижитыхъ съ другими женщинами, ихъ соперницами. „Какой прекрасный ребенокъ!“ говорятъ онѣ про себя: „онъ, конечно, думалъ обо мнѣ!“ Еще одна пріурочка. Христина Михайловна кончила тѣмъ, что поссорила мужа своего съ графомъ Румянцевымъ. Фрейгольдъ имѣлъ мѣсто, которое въ то время обогатило бы всякаго, но, по необыкновенной честности, не нажилъ ничего и вышелъ изъ службы чистъ и бѣденъ. Его представили къ пенсіону. Государыня отвѣчала, что онъ, конечно, сберегъ что нибудь изъ своихъ экстраординарныхъ доходовъ. Ей доложили, что онъ формально ничего не имѣетъ. „Или онъ дуракъ“, отвѣчала она, „или честнѣйшій человѣкъ, и въ обоихъ случаяхъ имѣетъ надобность въ пособіи“, и

подписала указъ. Слухъ о его крайности дошелъ до Румянцева: онъ прислалъ бывшему своему товарищу значительную, по тогдашнему времени, сумму съ надписью: „Tribut der Freundschaft“ (Дань дружбы). Извѣстно, что графъ П. А. Румянцевъ, воспитанный въ чужихъ краяхъ, говорилъ и писалъ на иностранныхъ языкахъ гораздо лучше, нежели порусски.

Какъ бы то ни было, Екатерина Яковлевна Фрейгольдъ, внука ли она нѣмецкаго пастора, или кого нибудь повыше, была существо необыкновенное. Она не была записною красавицею, но привлекательна и мила до крайности. Ротъ небольшой, волосы свѣтлорусые, прекрасные голубые глаза, правильное лицо, игра вокругъ маленькаго ротика, пріятнѣйшая улыбка, тонкая талія, стройная осанка, руки нѣжненькія, ножки точеныя, очаровательный звукъ голоса—были отличительными чертами ея наружности. Прибавьте къ тому умъ свѣтлый, пылкое воображеніе, любовь къ изящнымъ искусствамъ, добрѣйшее сердце, самый кроткій нравъ и неподдѣльное благочестіе. Качества души и сердца сохранила она до кончины и еще удивительную осанку: на восьмомъ десяткѣ держалась прямо и не имѣла ни одного сѣдаго волоса. Она получила хорошее, по времени, воспитаніе: знала языки нѣмецкій и французскій въ совершенствѣ. Поитальянски она говорила въ дѣтствѣ, и потомъ забыла. Она страстно любила литературу и безпрерывно читала, но со вкусомъ и разборомъ. Читанное передавала, чрезъ долгое время, съ удивительною отчетливостью. За два дня до кончины читал она молитвенникъ свой и, почувствовавъ отягощеніе, вложила закладку, закрыла книгу, легла и болѣе не вставала. Не взыщите съ меня, любезныя дѣти, что я такъ много о ней распространился; я могъ бы исписать цѣлыя стопы бумаги и не высказалъ бы всего, что чувствую и воспоминаю при ея имени. Повторяю и еще сто разъ повторять буду: если во мнѣ было что хорошее, если я не безъ пользы для ближнихъ прошелъ поприще жизни,—я этимъ былъ обязанъ несравненной моей матери. Но, по слабости и высокомѣрію

молодыхъ лѣтъ, я не слушался всѣхъ ея уроковъ..... Матушка моя выросла въ Кіевѣ, въ кругу отборномъ и образованномъ. Помню изъ разсказовъ ея имена Андрея Степановича Милорадовича (отца графа Михаила Андреевича), оберъ-коменданта Кохіуса, Александра Ѳедоровича Башилова. Безбородко и Завадовскій были секретарями Румянцева, подъ начальствомъ моего дѣда, и частенько являлись въ его передней съ бумагами. Еще нерѣдко вспоминала она объ итальянскомъ графѣ Капуани, старичкѣ забавникѣ и шутѣ, который училъ ее музыкѣ и итальянскому языку, и называлъ: „Mein Engel amour!“ [1]). Искреннею пріятельницею ея была дѣвица Анна Семеновна Алферова, вышедшая потомъ за князя Дашкова.

Христина Михайловна Фрейгольдъ, освободясь отъ улики возрастомъ сына, отправленнаго въ корпусъ, старалась сбыть съ рукъ и старшую дочь. Въ то время проѣзжала чрезъ Кіевъ извѣстная въ свое время бой-баба, Настасья Андреевна Бороздина: она, познакомившись съ Христиною Михайловною, полюбила ея старшую дочь и выпросила ее у матери, обѣщая дать ей воспитаніе и ввести въ свѣтъ въ Петербургѣ. Нѣжная мать съ удовольствіемъ согласилась. Бороздина привезла ее съ собою въ столицу, и нѣсколько мѣсяцевъ матушка жила у ней, но вскорѣ соскучилась безалаберною жизнью въ барскомъ домѣ, переѣхала къ теткѣ и крестной матери своей, Екатеринѣ Михайловнѣ Ренкевичъ, и жила у ней, то въ городѣ, то въ деревнѣ, съ бабушкою своею, Терезою Карловною. Въ домѣ Бороздиной всѣ ее любили и уважали. Чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, Андрей Михайловичъ Бороздинъ, познакомившись со мною, освѣдомлялся о ней, и узнавъ, что она живетъ у меня, навѣстилъ ее. Любопытно было послѣ полувѣка свиданіе двухъ стариковъ, которые разстались, когда одна изъ нихъ была четырнадцатилѣтнею красавицею, а онъ блистательнымъ гвардейскимъ офицеромъ! Въ домѣ Екатерины Михайловны узналъ ее покойный мой отецъ и заду-

[1]) Мой ангелъ—амуръ.

малъ на ней жениться. Не онъ одинъ искалъ руки ея. Лѣтъ за десять передъ симъ, обѣдалъ я у покойнаго Андрея Ивановича Абакумова. За столомъ сидѣлъ неподалеку отъ меня старичокъ, артиллерійскій генералъ, какъ я узналъ потомъ, баронъ Карлъ Ѳедоровичъ Левенштернъ. Въ продолженіе обѣда посматривалъ онъ на меня часто и пристально, и когда встали изъ-за стола, подошелъ ко мнѣ и спросилъ учтиво, не сынъ ли я Екатерины Яковлевны, урожденной Фрейгольдъ. Когда я отвѣчалъ ему: да, глаза его засверкали, лицо слишкомъ шестидесятилѣтняго старца покрылось юношескою краскою, и онъ сказалъ мнѣ съ глубокимъ чувствомъ: „какъ я счастливъ, что вижу сына той, которую въ молодости моей любилъ пламенно. Я былъ вхожъ въ домѣ госпожи Ренкевичъ, увидѣлъ племянницу ея, прибывшую изъ Кіева, узналъ рѣдкія ея качества, прельстился ея привлекательною наружностію и уже хотѣлъ было посвататься; но, узнавъ, что сватается на ней Иванъ Ивановичъ Гречъ, надворный совѣтникъ, любимецъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго, я, бѣдный подпоручикъ, скрѣпивъ сердце, отретировался. Но образъ ея запечатлѣлся въ моемъ сердцѣ навѣки, и я съ невыразимымъ удовольствіемъ принялъ сегодня приглашеніе Андрея Ивановича, узнавъ, что увижу ея сына“.

Отецъ мой, увидѣвъ будущую жену свою на тринадцатомъ году отъ ея рожденія, задумалъ уже на ней жениться; между тѣмъ, онъ повздорилъ съ ея тетушкою, Екатериною Михайловною, которая дотолѣ его очень жаловала, но теперь на него прогнѣвалась, и не безъ причины. Онъ принужденъ былъ оставить ея домъ, но не оставлялъ надежды. Въ 1786 году Яковъ Филипповичъ Фрейгольдъ, изнуренный болѣзнями и трудами, вышелъ въ отставку и переселился въ Петербургъ. Отецъ мой познакомился съ нимъ, и вскорѣ пришелъ въ милость у Христины Михайловны, которая горѣла желаніемъ сбыть съ рукъ взрослую дочь. Онъ посватался и получилъ обѣщаніе матери. Умирающаго отца убаюкали радостною вѣстью, что Катенька будетъ хорошо пристроена, а Катенькѣ объя-

вили, что она должна выйти за Ивана Ивановича Греча. Объявленіе это ее сразило. Она уважала И. И. Греча, какъ человѣка умнаго и честнаго, но не могла любить его, и особенно не расположена была къ нему за ссору его съ Екатериною Михайловною. Матери ея это было на руку: насолить сестрѣ своей, хотя бы это стоило счастья ея дочери. И все это прикрывалось громкими фразами о материнской нѣжности и христіанскомъ долгѣ устроить судьбу своей дочери. Отецъ мой былъ влюбленъ смертельно и въ пылу страсти не видалъ, что нѣтъ счастья безъ взаимной любви. Бѣдственное заблужденіе! 23-го августа 1786 года ихъ обвѣнчали, по лютеранскому обряду, не въ церкви, а на дому. Утромъ того дня матушка еще надѣялась, что дѣло это какъ нибудь передѣлается, но въ десять часовъ мать объявила ей, что ее обвѣнчаютъ послѣ обѣда. Она лишилась чувствъ, но ее оттерли, и послѣ обѣда пасторъ Рейнботъ обвѣнчалъ ихъ. Матушка не могла стоять на ногахъ; должно было, при вѣнчаніи, поставить новобрачныхъ къ стѣнѣ. Сестры моего отца, бывшія при томъ, не могли скрыть своего сожалѣнія и негодованія. Онѣ потомъ горько выговаривали отцу моему, что онъ рѣшился воспользоваться властью безсовѣстной матери, чтобы обладать дочерью. Бракъ этотъ не былъ счастливъ.

Отецъ мой, съ честностью и природнымъ умомъ, съ школьнымъ образованіемъ и навыкомъ къ службѣ, соединялъ понятія, предразсудки, привычки, внушенные ему нелѣпымъ бабьимъ воспитаніемъ, былъ отнюдь не золъ, а, напротивъ любилъ дѣлать добро и помогать ближнимъ, но притомъ своенравенъ, упрямъ, вспыльчивъ и не очень разборчивъ въ выраженіяхъ своего гнѣва. Въ немъ являлась олицетворенная проза: изящныя искусства, музыка, живопись, поэзія для него не существовали. Онъ, думаю, по выходѣ изъ школы не читалъ ни одной книги. Передъ концомъ жизни, матушка случайно прочла ему какую-то повѣсть; онъ восхитился ею до крайности и просилъ, чтобы она чаще радовала его чтеніемъ. Но самое тяжелое свойство въ немъ было—капризы.

Вдругъ, бывало, отъ какой нибудь бездѣлицы надуется, перестанетъ говорить съ кѣмъ бы то ни было и по цѣлымъ недѣлямъ не выходитъ изъ кабинета, а потомъ вдругъ развеселится, также безъ причины, и сдѣлается уже слишкомъ любезнымъ и угодливымъ. Насъ, дѣтей, онъ или баловалъ безъ мѣры, или терзалъ безъ вины. И съ нимъ должно было жить это неземное, поэтическое, ангельское существо. Ангельское—въ точномъ смыслѣ этого слова: матушка сдѣлала все въ мірѣ для исполненія своихъ обязанностей. Мужъ это видѣлъ, чувствовалъ, признавалъ и вдругъ оскорблялъ, обижалъ жену самымъ чувствительнымъ образомъ, а потомъ, образумившись, просилъ прощенія и разными угожденіями старался задобрить обиженную. Можно разсудить послѣ этого, долго ли онъ оставался въ мирѣ съ своею тещею. Мѣсяца черезъ два послѣ свадьбы, онъ обѣдалъ одинъ у сестры своей, Вѣры Ивановны. Въ тотъ день былъ у ней нѣмецкій осенній праздникъ: рѣзали капусту (это сѣверное собираніе винограда описалъ я въ моемъ романѣ: „Поѣздка въ Германію"). Сестра пеняла ему, что онъ пріѣхалъ одинъ, и послѣ обѣда послала за матушкою карету съ запискою, въ которой мужъ приглашалъ ее на семейный вечеръ. Матушка получила записку эту, когда была у Христины Михайловны (онѣ жили не въ далекомъ разстояніи между собою), показала ее своей матери, и на вопросъ ея: „неужели ты поѣдешь?" отвѣчала: „мужъ мой желаетъ этого", и отправилась. На другой день послѣ обѣда, Христина Михайловна явилась къ намъ. Отецъ мой, увидѣвъ, что она идетъ, отложилъ въ сторону свою трубку, встрѣтилъ ее и поцѣловалъ у ней руку. „Я пришла къ вамъ", сказала Христина Михайловна, задыхаясь отъ злобы:—„чтобъ объясниться и требовать удовлетворенія. Для того ли выдала я за васъ дочь мою, чтобы она рѣзала капусту у вашихъ сестеръ!" Отецъ мой остолбенѣлъ. Матушка старалась образумить фурію, увѣряя, что капуста вовсе дѣло постороннее, что ее пригласили въ семейный кругъ, гдѣ она провела вечеръ съ удовольствіемъ. Христина

Михайловна стала браниться еще болѣе, но, видя, что ея слова не дѣйствуютъ, замахнулась на дочь свою. Тутъ лопнуло терпѣніе моего отца: онъ удержалъ руку бѣснующейся, и съ словами: „маршъ, мадамъ!“ вывелъ ее въ переднюю и захлопнулъ двери. Можно вообразить себѣ ужасное положеніе жены! Чрезъ нѣсколько времени произошло примиреніе, причемъ, какъ и всегда бывало впослѣдствіи, ссора была приписана недоразумѣнію. На этотъ разъ отецъ мой былъ правъ совершенно, но иногда отплачивалъ своей тещѣ слишкомъ жестоко.

Вскорѣ по выходѣ въ замужество моей матери, скончался отецъ ея, Яковъ Филипповичъ Фрейгольдъ (17-го декабря 1786 г.). Этотъ печальный случай ознаменованъ былъ удивительнымъ вѣщимъ сномъ матушки, которая дѣйствительно одарена была какимъ-то шотландскимъ вторымъ зрѣніемъ. Она провела цѣлый день у больного отца, читала ему книгу, подавала ему лекарство, радовалась облегченію его страданій и оставила его поздно вечеромъ. Ночью снится ей, что она видитъ отца на томъ же болѣзненномъ одрѣ. Подлѣ него стоятъ жена, сынъ и младшая дочь; передъ нимъ на столикѣ три чашки. Онъ беретъ одну и велитъ выпить ее сыну; другую выпиваетъ дочь. Взявъ третью чашку, больной оглядывается. „Гдѣ же другая дочь моя, гдѣ Катенька?“ — „Она дома“, возражаетъ жена: „она не очень здорова и, какъ я думаю, беременна. Дай, я выпью за нее“. — „Нѣтъ!“ сказалъ онъ: „у меня есть сынъ. Выпей, Александръ, эту чашку, за мать и за младенца“. Сынъ исполнилъ это приказаніе; больной опустился на подушку и закрылъ глаза. Матушка въ ужасѣ проснулась. Было три часа. Движеніе ея разбудило мужа

— Что съ тобою?

— Ничего, такъ что-то пригрезилось.

Онъ вскорѣ захрапѣлъ вновь, а она долго не могла заснуть. Онъ, по обыкновенію своему, всталъ рано, не будя ея, и отправился къ должности. Подкрѣпивъ силы свои утреннимъ сномъ, матушка проснулась, одѣлась и сѣла за чай съ

золовкою, которая жила или гостила у нихъ. Вспомнивъ видѣнный ею сонъ, она пересказала его Еленѣ Ивановнѣ Гречъ. „Екатерина Яковлевна", спросила изумленная Елена Ивановна, выпустивъ изъ рукъ чайникъ: „да кто это могъ сказать вамъ, что батюшка вашъ скончался?" За этимъ послѣдовала сцена, которую всякъ вообразить себѣ можетъ. Довольно того, что Я. Ф. Фрейгольдъ дѣйствительно умеръ ровно въ три часа. Чувствуя приближеніе кончины, онъ велѣлъ позвать жену и дѣтей, благословилъ ихъ и требовалъ, чтобы послали за старшею дочерью. Христина Михайловна возразила ему, что Катенька нездорова, объявила, что она чувствуетъ себя беременною, и бралась передать ей благословеніе отца.—„Нѣтъ! сказалъ онъ (точно такъ, какъ въ сновидѣніи),—у меня есть сынъ. Подойди, Александръ, и прими благословеніе для сестры и для ея младенца!" Александръ Яковлевичъ Фрейгольдъ свято исполнилъ это порученіе, былъ другомъ и руководителемъ этого младенца, но, къ несчастью, не довольно долго.

Матушка часто имѣла и вѣщія сновидѣнія, и необыкновенныя предчувствія. Разскажу случай ничтожный, но не менѣе того замѣчательный, бывшій уже на седьмомъ десяткѣ ея жизни. Воротились съ дачи осенью въ городъ. Она спросила у горничной теплыхъ башмаковъ, а та не знала, куда заложила ихъ весною. Долго искали напрасно по всѣмъ угламъ. Вотъ матушка однажды заснула послѣ обѣда: ей чудится, что она подходитъ къ шкапу, сдѣланному въ заколоченныхъ дверяхъ, видитъ высокую круглую корзину (какія употребляются для бутылей); въ корзинкѣ до верху разный хламъ; она вынимаетъ все и на днѣ находитъ свои теплые башмаки. Проснувшись, видитъ она, что въ той комнатѣ сидитъ дочь ея, Екатерина Ивановна, и, боясь насмѣшки, не говоритъ о своемъ видѣніи, но лишь только Екатерина Ивановна вышла, она встала съ постели, отперла шкапъ, нашла корзину и въ ней, подъ тряпками и обломками, искомые башмаки! Не разъ еще придется мнѣ говорить о матушкѣ благодѣтельницѣ моей и всего моего рода, безъ которой не

знаю, что было бы изъ меня и изъ всѣхъ насъ. Въ фамиліи Гречей былъ какой-то зародышъ своенравія и упрямства, который въ умныхъ называли твердостью характера, а въ прочихъ — злобою и жестокостью. Примѣръ умнаго упрямства старшей линіи представляла тетушка Елена Ивановна; образецъ другаго — Вѣра Ивановна. Отецъ мой былъ въ срединѣ: дѣйствовалъ вообще умно, а по внушенію капризовъ — очень глупо. Упрямство это въ разныхъ отливахъ раздѣлялось и братьями моими, Александромъ и Павломъ, и сестрою, Екатериною Ивановною. О себѣ не знаю, что сказать: я, кажется, вовсе не упрямъ, но за то вспыльчивъ до крайности, и въ минуты страсти не помню, что говорю и дѣлаю. Этотъ элементъ упрямства и капризовъ выразился и по женской линіи: Павелъ Христіановичъ Безакъ былъ несносенъ своимъ своенравіемъ; бо̀льшая часть сыновей его наслѣдовали это свойство, вредящее самому лучшему сердцу и свѣтлому уму.... Признаюсь, что если во мнѣ этого было менѣе, нежели въ другихъ, я тѣмъ обязанъ моей матери.

Довольно толковалъ я о моей знаменитой династіи. Пора приступить и къ самому себѣ.

Я родился во вторникъ, 3/14 августа 1787 года, въ десятомъ часу до полудня. Въ этотъ день церковь празднуетъ память преподобнаго Исаакія. Когда, по совершеніи родовъ, довольно благополучныхъ, при произведеніи на свѣтъ первенца, отецъ мой вышелъ въ залу, онъ нашелъ въ ней сторожа своей экспедиціи, Исаака, съ тарелкою, на которой лежали три хлѣбца.

— Имѣю честь поздравить ваше высокоблагородіе, я именинникъ; примите, батюшка, хлѣбъ - соль.

— Да что это ты принесъ три хлѣба?

— Да какъ же, батюшка? Одинъ для вашей милости, другой для Екатерины Яковлевны.

— А третій?

— Для того, кого Богъ дастъ!

— Онъ уже далъ его, сказалъ отецъ мой, тронутый этимъ

случаемъ, одарилъ Исаака, понесъ хлѣбъ въ спальню и сказалъ матушкѣ: „Вотъ, Катенька, и хлѣбъ нашему Николаю. Видно, Богъ его не оставитъ безъ хлѣба!"

Мѣстомъ моего рожденія былъ деревянный домъ Колачевой, на Сергіевской улицѣ. Помню этотъ домъ потому, что въ немъ впослѣдствіи жила бабушка Христина Михайловна, и матушка не разъ говорила мнѣ, что я тамъ родился. Она хотѣла кормить меня сама, но занемогла и должна была отказаться отъ этого услажденія материнскаго сердца: мнѣ наняли кормилицу, женщину здоровую, но придерживавшуюся чарочки. Дивлюсь послѣ этого, что я не пьяница. Меня окрестили. Вѣроятно, батюшка былъ въ то время въ войнѣ съ бабушкою, потому что она не была моею воспріемницею. Крестнымъ моимъ отцомъ былъ мужъ тетки моей, Вѣры Ивановны, полковникъ Петръ Ивановичъ Штеберъ, а воспріемницею дочь его, Анна Петровна. Крестный отецъ, вмѣсто подарка, привезъ на крестины паспортъ, по которому я, опредѣленный капраломъ Конной Гвардіи, отпускался въ домовый отпускъ до окончанія наукъ. Теперь обычай этотъ можетъ казаться страннымъ, но въ то время былъ понятнымъ и справедливымъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ получилъ бы я чинъ вахмистра, а потомъ былъ бы выпущенъ изъ полка въ армію капитаномъ, а въ гражданскую службу титулярнымъ совѣтникомъ. Такихъ малолѣтнихъ капраловъ и сержантовъ считалось въ гвардіи до десяти тысячъ. Императоръ Павелъ приказалъ взрослымъ изъ нихъ явиться на службу, а прочихъ, въ томъ числѣ и меня, исключилъ. Дѣльно!

Въ 1789 г., 21-го марта, родился братъ мой Александръ. Вскорѣ потомъ отецъ мой съѣздилъ курьеромъ въ Италію, именно въ Геную, для исполненія займа, заключеннаго нашимъ правительствомъ съ тамошними банкирами. Разскажу любопытный эпизодъ изъ его жизни. Когда онъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ былъ въ Голландіи, познакомился онъ съ однимъ прелюбезнымъ итальянцемъ, полковникомъ Пеллегрини, который путешествовалъ съ своею женою, и замѣтивъ,

что хозяинъ гостинницы намѣренъ обмануть отца моего, неопытнаго молодаго иностранца, предупредилъ его. Это обстоятельство сблизило ихъ; они были неразлучны; разставаясь, Пеллегрини подарилъ отцу моему трость съ золотымъ набалдашникомъ, взявъ съ него слово, что онъ посѣтитъ его, въ помѣстьѣ его близь Генуи, если бы ему случилось быть въ Италіи. Пріѣхавъ въ Генную, отецъ мой сталъ освѣдомляться, гдѣ именно помѣстье полковника Пеллегрини. Ему дали адресъ, спросили, почему онъ его знаетъ.

— Я видался съ нимъ за десять лѣтъ предъ симъ въ Голландіи.

— Это невозможно, отвѣчали ему: полковникъ Пеллегрини ослѣпъ за тридцать лѣтъ предъ симъ и съ тѣхъ поръ не выѣзжалъ изъ своей деревни. Вѣроятно, кто нибудь назвался его именемъ.

Человѣкъ, давшій это извѣстіе, говорилъ такъ опредѣлительно, что отецъ мой не счелъ за нужное удостовѣриться лично въ истинѣ его словъ. Что же? Вскорѣ потомъ вышло въ свѣтъ описаніе жизни и подвиговъ Каліостро и оказалось, что онъ странствовалъ подъ именемъ полковника Пеллегрини. Странное было тогда время. Просвѣщеніе распространялось повсюду, а между тѣмъ вѣрованіе въ алхимію, въ призываніе духовъ, въ предсказанія, въ ворожбу занимали серьезно людей умныхъ и образованныхъ. Разскажу еще анекдотъ. У отца моего былъ добрый пріятель, нѣкто Штольцъ, служившій при театрѣ, и нерѣдко снабжавшій матушку билетами на ложи. У него была сестра, помнится, Елисавета Петровна, старая, высокая, сухая, но умная и рѣшительная дѣва, знаменитая въ свое время ворожея. Не имѣя долго извѣстій о мужѣ, матушка начала было безпокоиться и попросила Елисавету Петровну поворожить ей. Елисавета Петровна, разложивъ карты, въ ту же минуту сказала:

— Не тревожьтесь: Иванъ Ивановичъ здоровъ и пріѣдетъ сегодня.

Матушка засмѣялась.

— Не вѣрите, Екатерина Яковлевна? возразила ворожея.— Я останусь у васъ, чтобы быть свидѣтельницею его пріѣзда.

Онѣ поужинали. Готовясь идти спать, матушка стала смѣяться надъ ея предсказаніемъ.

— Не смѣйтесь, Екатерина Яковлевна, еще день не прошелъ: только половина двѣнадцатаго.

Въ эту самую минуту послышался конскій топотъ, стукъ колесъ и звонъ колокольчика. Дорожная повозка остановилась у крыльца. Онѣ выбѣжали на встрѣчу—это былъ ихъ путешественникъ!

Елисавета Петровна Штольцъ, уже въ утробѣ матери, испытала цѣлый романъ. Отецъ ея былъ портной и жилъ съ женою, гдѣ-то въ глуши, въ Коломнѣ, въ улицѣ, несовсѣмъ еще застроенной. По смерти одного родственника въ Москвѣ, ему досталось наслѣдство. Жена умершаго стала защищать свои права, и портной Штольцъ принужденъ былъ самъ ѣхать въ Москву. Это было зимою въ пятидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія. Беременная жена осталась одна съ молодымъ его племянникомъ и съ крѣпостнымъ человѣкомъ. Въ то время отпустила она свою кухарку и наняла въ работницы молодую матросскую жену. Въ самый первый день ухватки, рѣчи и отвѣты этой бабы возбудили ея досаду и она рѣшилась отпустить ее на другой же день. Вечеромъ были у ней гости. Провожая ихъ, она увидѣла, что племянникъ и слуга спятъ въ прихожей, облокотясь на столъ, хотѣла разбудить ихъ, но не могла.

— Ихъ теперь хоть ножомъ рѣжь, сказала служанка,—не добудишься.

Это замѣчаніе поразило ее. Гости ушли. Мадамъ Штольцъ отправилась въ спальню и, объявивъ работницѣ, что она должна лечь съ нею въ одной комнатѣ, легла въ постель и начала читать библію. Въ это время вспомнила она, что у ней есть пистолетъ, порохъ и пули, отправилась въ другую комнату, зарядила пистолетъ и, воротясь, положила его на

ночной столикъ. Вдругъ слышитъ она, что на улицѣ раздаются шаги; снѣгъ хруститъ подъ лаптями и сапогами, и баба, приподнявшись, крадется къ ней.

— Куда ты? Ложись!

— Матушка, выпустите меня, крайняя нужда!

— Оставайся! нужду исправишь и здѣсь.

— Ахъ, матушка, что вы!

Въ это время хозяйка увидѣла у ней за пазухой кухонный ножъ.

— Это что? на что у тебя ножъ?

— Лучину колоть, матушка!

Хозяйка рѣшилась ее выпустить и тотчасъ заперла за нею двери. Слышитъ, отворяется дверь съ надворья въ кухню, входятъ какіе-то люди, приближаются къ дверямъ спальни и требуютъ, чтобы ихъ отворили. Хозяйка не отвѣчаетъ. Начинаютъ стучаться въ дверь, усиливаются ее выломить и, не успѣвъ въ томъ, уходятъ съ угрозами и ругательствами. Въ кухнѣ утихло, но голоса раздаются на улицѣ; слышно, что подставляютъ лѣстницу къ окну, кто-то влѣзъ и сталъ бить стекла въ окошкѣ. Хозяйка, взявъ пистолетъ, встала съ постели и стала въ углу, прицѣлившись въ окно. Стекло вылетѣло. Разбойникъ, перекрестясь и сказавъ: „благослови, Господи“, просунулъ голову. Въ то самое мгновеніе раздался выстрѣлъ, и разбойникъ съ раздробленнымъ черепомъ упалъ навзничь съ лѣстницы. Прочіе разбѣжались. Мадамъ Штольцъ, запихнувъ отверстіе въ окнѣ подушкою, стала ждать, что будетъ. Выстрѣлъ разбудилъ сосѣдей. Сбѣжались испуганные и любопытные. Подняли разбойника; онъ былъ еще живъ и объявилъ имена своихъ соумышленниковъ. Но она не отворяла дверей до пріѣзда полиціймейстера. Племянникъ и слуга приведены были въ чувство: злодѣйка опоила ихъ чѣмъ-то въ квасу, и еслибы ихъ оставили еще нѣсколько времени въ этомъ опьянѣніи, они лишились бы жизни. Императрица Елизавета Петровна, узнавъ о храбромъ подвигѣ портнихи, пожелала ее видѣть, обласкала ее и, узнавъ о

причинѣ поѣздки мужа ея въ Москву, приказала оказать ему въ его искѣ всякое пособіе. У ребенка же, которымъ была портниха беременна, была она воспріемницею. Ребенокъ этотъ былъ знаменитая ворожея Елисаветы Петровны, которую помню очень хорошо.

О дѣтствѣ своемъ знаю я немного. Самое замѣчательное приключеніе со мною было слѣдующее: когда мнѣ было года полтора отъ роду, я, играя на полу, хотѣлъ встать, оступился и упалъ съ ужаснымъ крикомъ; не понятно, какъ вывихнулъ я себѣ правую ногу. Призваны были лучшіе хирурги и костоправы. Ногу вправили, но не совершенно: она осталась навѣкъ вывороченною, и до сихъ поръ я чувствую, что она слабѣе лѣвой. Отъ этого я не могъ танцовать, но ходить могъ и могу безъ устали очень долго, только на горы взбираться я не мастеръ. Говорятъ, что я съ первыхъ лѣтъ своей жизни оказывалъ большую понятливость и любознательность. До сихъ поръ помню первый свой подвигъ. Родители мои жили тогда на Невскомъ проспектѣ за Аничковымъ мостомъ, въ зеленомъ деревянномъ домѣ русскаго серебряника, насупротивъ Троицкаго переулка. Потомъ на этомъ мѣстѣ былъ домъ Сухозанета. Въ квартирѣ нашей была комната съ однимъ выходомъ. Братъ Саша, лѣтъ двухъ отъ роду, забрался туда, заперъ дверь задвижкою и, не зная, какъ выйти, сталъ плакать и кричать. Напрасно учили его, какъ онъ можетъ отодвинуть задвижку: онъ не понималъ. Рѣшились впустить меня въ комнату чрезъ форточку (въ окнахъ были и двойныя рамы): я опустился, подошелъ къ запертой двери и отодвинулъ задвижку, какъ помню, съ большимъ торжествомъ. Припомню при этомъ случаѣ, что въ каменномъ флигелѣ этого дома жили небогатые русскіе купцы, хорошіе, честные люди, именно Чаплины, составившіе себѣ большое состояніе мѣховою торговлею. Одна ихъ родственница, Марѳа, была у насъ нянькою и потомъ часто насъ навѣщала.

Говоря о жизни моего отца, упомянулъ я, что въ 1792

году онъ вышелъ въ отставку по какимъ-то пустякамъ и очутился съ семействомъ своимъ въ крайней бѣдности. Тогда жили мы въ домѣ Кострецова, который выходилъ окнами въ ограду церкви Симіона и Анны, и, при перемѣнѣ обстоятельствъ, принуждены были переселиться изъ бель-этажа въ нижній. Бѣдственно было положеніе наше, особенно матушкино. Дядя Александръ Яковлевичъ Фрейгольдъ былъ въ походѣ. Съ Христиною Михайловною отецъ былъ въ ссорѣ. Не могу не упомянуть при этомъ случаѣ о тѣхъ, которые помогали намъ въ этой крайности. Первымъ былъ сосѣдъ нашъ, надворный совѣтникъ Иванъ Густавовичъ Нордбергъ, строгій и упрямый шведъ, но благородный и добродѣтельный человѣкъ, и жена его Марья Акимовна. Вторымъ, служившій подъ начальствомъ отца моего въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ, Александръ Григорьевичъ Парадовскій. Они дѣлали намъ всевозможное добро. Отецъ мой, виновникъ горя всего семейства, былъ совершенно равнодушенъ, курилъ съ утра до ночи трубку, расхаживая по комнатѣ, и ни о чемъ не заботился, а когда случалось, что въ домѣ нѣтъ ни копѣйки денегъ, ни куска хлѣба, онъ уходилъ со двора, проводилъ день и обѣдалъ у пріятелей и возвращался домой къ ночи. Когда матушка ему выговаривала это, онъ отвѣчалъ: „что-жъ мнѣ было дѣлать? вѣдь вы не умерли же съ голоду". Къ довершенію бѣдствія нашего, у насъ открылась оспа,—натуральная, другой тогда не было. Первый заболѣлъ я: это было въ январѣ 1794 года. Началось бредомъ: мнѣ чудилось, что предъ мною стоитъ какой-то великанъ и опутываетъ себя веревками. Моя болѣзнь была довольно сильная, но кончилась благополучно, не оставивъ никакихъ слѣдовъ. У Александра еще менѣе: на лицѣ было всего три оспины. У третьяго, Павла, оспа была сильнѣе и вскорѣ скрылась; полагаютъ, что это было причиною его смерти, послѣдовавшей чрезъ годъ послѣ того. Болѣе всѣхъ страдала семимѣсячная Катя: все лицо ея покрыто было какъ бы макомъ и тѣло также. Она долго не могла поправиться, и слѣды оспы остались на лицѣ

ея на всю жизнь. При этомъ случаѣ не лишнимъ будетъ исчислить всѣхъ моихъ братьевъ и сестеръ: Александръ, род. 21-го марта 1789 г., ум. 22-го октября 1812 г. въ Москвѣ, отъ ранъ, полученныхъ при Бородинѣ. Павелъ род. 21-го мая 1791 г., ум. въ февралѣ 1795. Павелъ (другой) род. 9-го мая 1797 г., ум. 16-го марта 1850 г. Екатерина здравствуетъ понынѣ. Елисавета род. 23-го іюня 1795 г., вышла въ 1819 г. замужъ за Андрея Яковлевича Ваксмута (умершаго въ 1849 г.), скончалась 21-го марта 1832 г.

Въ самое то время, когда крайность и страданія матушки достигли высшей степени, явилось пособіе. Неожиданно пріѣхала сестра ея, Елисавета Яковлевна, и привезла, помнится, сто рублей отъ тетушки Екатерины Михайловны. Это было истинною манною въ пустынѣ! Я упоминалъ уже, что Екатерина Михайловна была въ ссорѣ съ отцомъ моимъ еще до женитьбы его и негодовала на этотъ бракъ. Христина Михайловна, своими продѣлками, возбудила гнѣвъ ея и къ матушкѣ, ея крестницѣ и любимицѣ. Екатерина Михайловна не хотѣла ее видѣть, но, узнавъ о ея крайности, поспѣшила ей помочь. Родная же мать отвѣчала на просьбу матушки о пособіи, изреченіемъ Библіи: „Ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ, просите и дастся вамъ". Отецъ мой раздувалъ это пламя злости своимъ упорствомъ и выстрѣлами въ слабую сторону бабушки. Въ заглавіе отвѣта на одно письмо ея къ матушкѣ, онъ написалъ: „надворная совѣтница Гречъ капитаншѣ Фокъ". Прекрасное средство жить въ ладу съ родными! Бѣдственное наше положеніе прекратилось опредѣленіемъ отца моего на службу секретаремъ въ 3-й департаментъ Сената. Въ этомъ способствовалъ ему оберъ-прокуроръ этого департамента, Александръ Ѳедоровичъ Башиловъ, другъ покойнаго дѣдушки Фрейгольда. Сенаторами были, между прочими, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и Петръ Александровичъ Соймоновъ. Товарищемъ отца моего былъ Сергѣй Ивановичъ Подобѣдовъ, братъ митрополита Амвросія. Получивъ мѣсто, отецъ мой переселился

опять въ верхній ярусъ того же дома и чрезъ нѣсколько времени переѣхалъ въ домъ Баскова (потомъ Норова, а теперь (1861) домъ принадлежитъ А. А. Краевскому) на Большой Литейной, на углу Девятой роты [1]). За квартиру, въ одиннадцать оконъ на улицу, со всѣми угодьями, платили тогда въ годъ 360 рублей. Описавъ обращеніе семейства къ лучшей участи, скажу, что могу припомнить о себѣ въ то время.

Чтенію началъ учить меня добрый Александръ Григорьевичъ Парадовскій, 3-го августа 1792 года, лишь только мнѣ исполнилось пять лѣтъ. Буква „у" была первою, которую я узналъ. Читать выучился я очень скоро, потому что это интересовало мой умишко и дѣтское воображеніе. Началъ и писать, но это шло не такъ хорошо: тутъ нужны были физическіе пріемы, положеніе руки, держаніе пера, и я никакъ не могъ къ тому привыкнуть. Меня не принуждали, и я теперь держу перо, какъ шестилѣтній мальчикъ, и пишу прескверно, неровно и нечетко. Сколько разъ впослѣдствіи жалѣлъ я и раскаивался, что не умѣю писать четко и красиво! Это большое пособіе въ жизни и службѣ. Выучившись читать, старался я прочитать всевозможное: ярлыкъ на бутылкѣ вина, клокъ афишки, все возбуждало мое любопытство. Это продолжается и понынѣ: не могу видѣть ничего печатнаго, чтобы не прочесть. Врагъ чистописанія, я началъ, на первыхъ порахъ, употреблять грамоту на сочиненіе, и первою написанною мною фразою были слова: „бѣги, Николай, въ избушку!" Почему я именно написалъ это, не знаю, но, написавши, радовался отъ души. Матушка питала эту любознательность разсказами басенъ и повѣстей; заставляла меня читать порусски, понѣмецки и пофранцузски, но отнюдь не принуждала. Жаль! и я былъ слишкомъ снисходителенъ къ своимъ дѣтямъ. Отецъ мой забавлялся нами: то ласкалъ, то бранилъ насъ, но ничему не училъ, предоставляя это грамотной и начитанной женѣ своей. Слухъ о страсти моей къ

[1]) Нынѣ Бассейная улица.

чтенію распространился по всей фамиліи, и самый грамотный представитель ея, Павелъ Христіановичъ Безакъ, подарилъ мнѣ нѣсколько дѣтскихъ книгъ, и сверхъ того получилъ я переведенное имъ „Описаніе Санктпетербурга", проф. Георги, которое много способствовало къ возбужденію дѣтскаго моего любопытства и во многомъ его удовлетворило. Въ концѣ 1793 года отецъ мой купилъ мнѣ календарь на 1794 годъ (за 30 коп. мѣдью): это было основаніе моихъ политическихъ и статистическихъ познаній. Я читалъ его такъ часто, что затвердилъ имена всѣхъ владѣтельныхъ особъ въ Европѣ. Отецъ мой очень этимъ любовался, и не разъ, толкуя, бывало, съ пріятелями о политикѣ, обращался ко мнѣ съ вопросомъ, напримѣръ: „Какъ, бишь, Николя, зовутъ нынѣшняго датскаго короля?" — „Христіанъ Седьмой!" восклицалъ я съ удовольствіемъ и гордостью. Я читалъ внимательно перечень политическихъ извѣстій и, странное дѣло, досадовалъ, когда находилъ торжество французовъ, и радовался успѣхамъ союзниковъ. Помню, какъ сквозь сонъ, грохотъ и трескъ, раздавшіеся въ городѣ, когда взлетѣла на воздухъ пороховая лабораторія на Выборгской сторонѣ; чиненыя бомбы и гранаты поднимались и лопались въ воздухѣ. Однажды, подавая отцу моему умываться (это было 31-го марта 1794 г.), услышалъ я пушечные выстрѣлы. Рукомойникъ задрожалъ у меня въ рукахъ, и я со страхомъ вскричалъ: „шведы или лабораторія!"—„Ни то, ни другое!" сказалъ отецъ мой, смѣючись: „палятъ потому, что прошла Нева". Еще помню одно политическое событіе. Шелъ процессъ несчастнаго Людовика XVI. Мнѣ былъ тогда шестой годъ отъ роду, и я не могъ понять, въ чемъ дѣло. Вдругъ приходитъ къ намъ однажды вечеромъ Александръ Григорьевичъ Парадовскій и говоритъ: „ну, матушка Екатерина Яковлевна! Злодѣи французы королю своему голову такъ отчесали!" Матушка горько заплакала, съ нею сдѣлалось дурно. Отчесали, думалъ я, видно гребнемъ. На другой день нянька стала расчесывать мнѣ волосы и какъ-то задѣла неосторожно. „Что ты, нянюшка,

сказалъ я:—да ты мнѣ этакъ голову отчешешь, какъ французскому королю".—Чрезъ нѣсколько дней послѣ того явился къ намъ квартальный надзиратель, какъ теперь вижу, человѣкъ высокаго роста, въ тогдашнемъ губернскомъ мундирѣ (свѣтлосинемъ, съ черными бархатными лацканами). Батюшки не было дома. Матушка приняла его. Въ то время приказано было отыскать всѣхъ французскихъ подданныхъ въ Россіи и привести ихъ къ присягѣ королю Людовику XVII. Такъ какъ фамилія наша оканчивалась не на овъ или инъ, то и слѣдовало узнать, какого мы племени. Матушка разсказала полицейскому офицеру всю генеалогію обѣихъ линій, Гречевой и Фрейгольдовой и, объявивъ, что въ жилахъ нашихъ течетъ кровь, смѣшанная изъ нѣмецкой, богемской, польской, убѣдила, что въ ней нѣтъ ни капли французской.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Семейство Нордбергъ. — Фамилія Клодтъ-фонъ-Юргенсбурговъ. — Родня ихъ Белли. — Игра въ карты подъ выстрѣлами. — Бородинскій эпизодъ. — «Старый баронъ». — Баронъ Карлъ Ѳедоровичъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ. — Анекдоты о немъ. — Его столкновеніе съ Капцевичемъ. — Какъ проспали Макдональда въ 1812 году. — Безаки. — Павелъ Христіановичъ Безакъ. — Встрѣча его съ императоромъ Павломъ. — «Коммерческій уставъ», необнародованный. — Вечеръ у Обольянинова, 11-го марта 1801 г. — Кончина императора Павла. — Роль П. Х. Безака. — Всемогущество его при Прозоровскомъ и Багратіонѣ. — Безакъ съ Закревскимъ и Блудовымъ. — Проектъ преобразованія Сената. — Безакъ и Перетцъ. — Рашеты. — Дѣти П. Х. Безака. — Шванебахи. — Дѣло кассира Кельберга. — Брискорны. — Семенъ Ивановичъ Великій и его товарищи: Брискорнъ, Вилламовъ, Дружининъ, Вестманъ, Миллеръ. — Разсказъ Дружинина о кончинѣ Павла I. — Фрейганги.

Напишу здѣсь нѣсколько портретовъ тогдашнихъ нашихъ знакомыхъ.

1) Нордбергъ (Nordberg), Иванъ Густавовичъ, точно сѣверная гора, твердая, чистая, непреклонная. Онъ былъ по происхожденію шведъ, родился въ Старой Финляндіи, но съ самыхъ малыхъ лѣтъ былъ ревностнымъ приверженцемъ Россіи. Во время шведской войны (1789 — 1790), онъ набралъ отрядъ волонтеровъ и дѣйствовалъ съ нимъ противъ шведовъ, въ окрестностяхъ Нейшлота, который въ то время былъ защищаемъ храбрымъ майоромъ Кузьминымъ. Это возбудило ненависть и злобу къ Нордбергу всѣхъ финскихъ патріотовъ: какъ

волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ. Онъ не могъ оставаться въ Финляндіи, переселился въ Петербургъ и служилъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ; наконецъ (1800 — 1802), совѣтникомъ здѣшняго губернскаго правленія, отличался строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей и примѣрною честностью, но съ тѣмъ вмѣстѣ и самымъ несноснымъ упрямствомъ. Наскучивъ безпрерывною войною съ начальниками и товарищами, онъ вышелъ въ отставку и занялся управленіемъ частными имуществами. Лѣтъ десять управлялъ онъ, въ Зарайскомъ уѣздѣ, деревнями графини Мамоновой, привелъ ихъ въ цвѣтущее состояніе, удвоилъ ея доходы. Она, въ благодарность, подарила ему домъ въ Москвѣ. Онъ было зажилъ тамъ съ семействомъ; вдругъ наступилъ 1812 годъ. Нордбергъ устроилъ въ своемъ домѣ больницу, написалъ на воротахъ: военный госпиталь, пригласилъ врача, самъ себя назначилъ смотрителемъ госпиталя, а жену и двухъ дочерей прислужницами и сидѣлками. Непріятель подступалъ. Всѣ совѣтовали ему бѣжать. Онъ оставался непреклоненъ. Москва загорѣлась. Жена его и дочери ушли пѣшкомъ, куда глаза глядятъ. Мать умерла отъ усталости и грусти; дочери, по изгнаніи непріятеля, воротились въ Москву, нашли вмѣсто дома кучи угля и пепла, а отца отыскали въ какомъ-то погребу. Оправившись кое-какъ, онъ занимался частными дѣлами и, наконецъ, принялъ управленіе помѣстьями Веневитинова, въ Воронежской губерніи; тамъ онъ поссорился съ помѣщикомъ и другимъ управляющимъ до того, что у него вынули въ домѣ оконныя рамы зимою, чтобы принудить его выѣхать. Онъ закутался въ шубу и легъ въ постель. Не знаю, какъ его выпроводила полиція, и онъ очутился, въ 1823 году, въ Петербургѣ. Здѣсь написалъ онъ сильное письмо къ графу Аракчееву, начинавшееся словами: „У насъ, въ Россіи, нѣтъ правосудія". Графъ, изумленный этою смѣлостью, пригласилъ его къ себѣ въ Грузино и разспросилъ обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла. Оказалось, что форма была на сторонѣ его противниковъ, и онъ не получилъ ничего.

Тогда рѣшился онъ переселиться въ Финляндію, гдѣ у него былъ хуторъ (Heimat), отданный имъ, по выѣздѣ оттуда, во временное владѣніе зятю его (мужу сестры), пастору Горнборгу. Пріѣхавъ въ помѣстье и объявивъ желаніе вступить въ обладаніе имъ, онъ получилъ въ отвѣтъ отъ своего зятя, что это имѣніе уже не принадлежитъ ему. По выѣздѣ Нордберга за границу (то есть въ Россію!), его вызывали трижды чрезъ газеты, потомъ же, по истеченіи земской давности, ввели во владѣніе сестру его и зятя, потому что его дѣти, находившіяся также въ чужихъ краяхъ, чрезъ то лишились правъ своихъ. Онъ воротился въ С.-Петербургъ.

Я выросъ и былъ друженъ съ дѣтьми его. Первымъ другомъ отрочества моего былъ старшій сынъ его, Ефимъ Ивановичъ, воспитывавшійся въ Кадетскомъ корпусѣ съ нынѣшнимъ оберъ-шталмейстеромъ П. А. Фредериксомъ и умершій въ молодыхъ лѣтахъ. Дочь его, ровестницу мою, Анну Ивановну, называли моею невѣстою, и я, начитавшись романовъ, въ самомъ дѣлѣ вообразилъ себѣ, что влюбленъ въ нее. Она выѣхала изъ Петербурга въ 1802 году. Въ 1824 году входитъ въ мой кабинетъ неизвѣстный мнѣ пожилой человѣкъ, съ лицомъ, на которомъ изображались умъ и твердость характера, и спрашиваетъ меня: „вы ли Н. И. Гречъ?“

— А вы Иванъ Густавовичъ Нордбергъ, возразилъ я, узнавъ его чрезъ двадцать два года. Онъ разсказалъ мнѣ вкратцѣ о своихъ приключеніяхъ и далъ свой адресъ.

На другой день я къ нему явился и нашелъ у него двухъ дочерей его. Моя бывшая невѣста явилась дѣвою уже перезрѣлою, но имѣла лицо умное и интересное, съ выраженіемъ грусти и рѣшимости. Вторая казалась нездоровою. Я старался всячески быть полезнымъ старику, употреблялъ всѣ средства, чтобы принимать его какъ можно лучше и учтивѣе. Казалось, онъ чувствовалъ мое вниманіе, и вдругъ пропалъ. Я отправился къ нему на квартиру и узналъ, что онъ съѣхалъ, неизвѣстно куда, вѣроятно, выѣхалъ изъ Петербурга. Конечно, дѣло его въ Финляндіи рѣшилось въ его пользу,

подумалъ я, но страннымъ показалось мнѣ, что онъ не приходилъ ко мнѣ проститься. Года чрезъ три вхожу въ комнату матушки и вижу у ней даму въ глубокомъ траурѣ. Это была Анна Ивановна Нордбергъ. Она объявила мнѣ, что отецъ ея умеръ за нѣсколько времени до того. — „Гдѣ?“ — „Здѣсь, въ Петербургѣ“. — Помилуйте, какъ же это онъ скрылся отъ меня?“ Она замялась и объявила, что отцу ея показалось, будто я не хочу принимать его. „Когда, сказала она, я говорила ему: подите къ Николаю Ивановичу, онъ покачивалъ головою и утверждалъ, что вы не хотите его видѣть“.

— Да изъ чего вы это заключаете?

— А вотъ изъ чего: всякій разъ, когда я его посѣщаю, онъ, при уходѣ моемъ, провожаетъ меня до самыхъ дверей: не явный ли это знакъ, что онъ не желаетъ, чтобы я приходилъ впередъ?

Вѣжливость моя къ старцу, къ человѣку истинно почтенному и благородному, къ другу моего отца, была перетолкована такимъ страннымъ образомъ! Съ тѣхъ поръ я смотрю, какъ бы не провожать слишкомъ далеко людей мнительныхъ. Я помѣстилъ Анну Ивановну въ домъ родственницы моей, Маріи Павловны Крыжановской, для смотрѣнія за домомъ. По отъѣздѣ Крыжановской изъ Петербурга, я предложилъ ей и сестрѣ ея квартиру и содержаніе въ моемъ домѣ. Онѣ жили у меня десять лѣтъ (1834—1844), и въ это время Анна Ивановна оказала мнѣ и роднымъ моимъ самыя усердныя, неоцѣненныя услуги, особенно въ попеченіи о больныхъ. На ея рукахъ скончались сынъ мой Николай и Елизавета Павловна Борнъ. По отъѣздѣ нашемъ въ чужіе края (1843), она оставалась въ моемъ домѣ при малолѣтней воспитанницѣ моей дочери и потомъ отправилась въ Малороссію, къ младшему брату своему Андрею, овдовѣвшему въ то время и пригласившему къ себѣ обѣихъ сестеръ. Съ тѣхъ поръ я ничего не слыхалъ о нихъ. Дай имъ Богъ всякаго благополучія! Анна Ивановна могла бы составить счастье благороднаго человѣка, но отецъ ея, по непостижимому своенравію, отталкивалъ всѣхъ

жениховъ и, можно сказать, заѣлъ вѣкъ дочерей своихъ, а притомъ былъ человѣкъ самый честный и благородный. И сколько въ свѣтѣ такихъ домашнихъ тирановъ!

2) Фамилія Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ. Около 1730 года родился въ одномъ Эстляндскомъ помѣстьѣ сынъ богатаго дворянина, баронъ Фридрихъ-Адольфъ Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ, выросъ въ родительскомъ домѣ, выучившись нѣмецкой грамотѣ, бѣгая за дѣвками и зайцами, былъ опредѣленъ юнкеромъ въ кирасирскій полкъ, жилъ въ Петербургѣ, моталъ, кутилъ, и продолжалъ то же въ Семилѣтнюю войну на поляхъ Пруссіи. Соскучивъ военною службою, по смерти отца, вышелъ въ отставку поручикомъ, женился на богатой наслѣдницѣ изъ фамиліи Швенгельмъ и зажилъ, какъ истый дворянинъ остзейскій, не отказывая себѣ ни въ чемъ. Онъ былъ человѣкъ очень не глупый, добраго сердца, благородныхъ правилъ, но легкомысленный, вѣтреный, любитель лошадей, картъ, обѣдовъ и попоекъ. Особенно отличался онъ вкусомъ и знаніемъ повареннаго дѣла: разсуждалъ пресерьезно о какомъ либо лакомомъ блюдѣ и облизывался. Жилъ, жилъ и наконецъ прожилъ все, что имѣлъ. Вдругъ досталось ему богатое наслѣдство. Прежній урокъ не проучилъ его: онъ закутилъ снова и вскорѣ не осталось у него ни гроша. Имѣнье описали и продали. По смерти жены, онъ женился (по эстляндскому обычаю, допускаемому законами лютеранской церкви) на младшей ея сестрѣ. И она вскорѣ скончалась. Дѣтство старшихъ дѣтей его, къ счастью ихъ, проходило во время перваго его богатства. Онъ старался дать имъ хорошее воспитаніе: между прочимъ, гувернерами и учителями дѣтей его были знаменитый астрономъ Шубертъ и ученый оріенталистъ Беллерманнъ, бывшій потомъ директоромъ гимназіи въ Берлинѣ. Но вотъ характерная черта тогдашняго остзейскаго воспитанія. Дѣти, обучаясь строго наукамъ математическимъ, физическимъ и историческимъ, изъ новыхъ языковъ знали только нѣмецкій, да и тому учились болѣе по навыку. Русскій языкъ узнали они въ военной службѣ, но безъ правилъ, безъ надле-

жащаго произношенія и правописанія. Французскій понимали только глазами, а не ухомъ. Къ счастью еще, первое банкротство отца послѣдовало, когда дѣти подросли, и имъ слѣдовало избрать родъ жизни. Въ прежнее золотое время, они сдѣлались бы собачниками; теперь отдали ихъ въ военную службу. Дѣти у него были: 1) Карлъ Ѳедоровичъ (род. въ 1765, умеръ въ 1823), о которомъ подробно будетъ сказано ниже. 2) Борисъ (Bernhard) Ѳедоровичъ, дослужившійся до генералъ-майора, женился, уже въ самыхъ зрѣлыхъ лѣтахъ, на горбатой, но весьма богатой графинѣ Тизенгаузенъ, здравствуетъ теперь еще (въ 1851 г.), въ эстляндскомъ своемъ помѣстьѣ. 3) Ѳедоръ Ѳедоровичъ и 4) Адольфъ Ѳедоровичъ служили въ арміи и умерли въ разное время. 5) Яковъ Ѳедоровичъ успѣлъ схватить и спасти часть материнскаго наслѣдства, купилъ небольшое имѣнье близь Везенберга и умеръ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Дѣти его были кирасирами и прокутили материнское имѣніе: одинъ умеръ въ молодости, другой питается теперь въ Эстляндіи, взявъ на аренду частное имѣніе. 6) Густавъ Ѳедоровичъ, младшій изъ всѣхъ, не засталъ уже и крохъ прежняго богатства, выросъ неучемъ и наслѣдовалъ только безпечность и лѣность отца. Онъ, лѣтъ двадцати пяти, вдругъ исчезъ, отправился въ Германію, учился живописи, но не достигъ большого совершенства; потомъ, воротясь въ Эстляндію, женился на дѣвицѣ фонъ-Бистромъ, прибылъ съ нею въ Петербургъ и помирился съ отцомъ незадолго до его кончины (1806). Впослѣдствіи жилъ онъ въ Ревелѣ, имѣлъ многихъ дѣтей и, затрудняясь въ содержаніи семейства, исчезъ вторично, жилъ гдѣ-то въ Курляндіи у католическаго пастора и лѣтъ чрезъ десять вновь явился въ своемъ семействѣ, и въ какой день! Въ день погребенія его дочери, прекрасной шестнадцатилѣтней дѣвицы, которую онъ узналъ только въ гробѣ. Сыновья его съ честью служили въ полкахъ гренадерскаго корпуса. Самъ онъ умеръ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ Эстляндіи.

У отца его были три дочери: старшая за какимъ-то эстляндскимъ дворяниномъ, помнится, Раутенштраухомъ. Другая,

Анна Өедоровна, на второмъ году отъ роду, по небрежности няньки, упала въ прудъ, была спасена отъ смерти, но оглохла и сдѣлалась слабоумною. Она умерла лѣтъ за пятнадцать предъ симъ, въ глубокой старости, въ Эстляндіи. Она жила у своего отца, потомъ, когда женился братъ ея, Карлъ Өедоровичъ, у него, а когда послѣдній, въ 1817 году, поѣхалъ съ семействомъ на службу въ Сибирь, ее отправили въ Эстляндію, гдѣ она и кончила грустную свою жизнь. У насъ, дѣтей, слыла она фрейлиною. Мы, признаться, частенько трунили надъ несчастною и выводили ее изъ терпѣнія. Третья дочь барона Клодта была, сказываютъ, красавица. Въ нее влюбился нѣкто Белли, гувернеръ старшихъ ея братьевъ, умный, красивый собою молодой человѣкъ, и она имѣла участь Элоизы; но его сдѣлали не Абеларомъ, а мужемъ ея, и дали ему мѣсто казначея въ Везенбергѣ. Въ молодости я былъ знакомъ и друженъ съ его дѣтьми, Яковомъ Карловичемъ и Иваномъ Карловичемъ. Белли учился въ Германіи въ университетѣ съ покойнымъ Оппарманомъ и прислалъ сыновей къ нему, по возрастѣ. Якова опредѣлили въ инженерную кондукторскую школу; но онъ, убоясь бездны премудрости, вышелъ офицеромъ въ Кременчугскій полкъ и отправился въ походъ въ Финляндію, въ 1808 году. Перешедъ съ полкомъ чрезъ границу, услышалъ онъ впереди выстрѣлы и вскорѣ на дорогѣ увидѣлъ убитыхъ нашихъ драгунъ. Блѣдныя лица, искаженныя черты покойниковъ жестоко поразили юнаго героя, но ненадолго. Не прошло шести мѣсяцевъ, какъ онъ металъ банкъ съ поручикомъ Закревскимъ (бывшимъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и графомъ), на лодкѣ подъ шведскою картечью. Вдругъ, однимъ выстрѣломъ сбило столикъ передъ игроками. „Подайте другой столикъ и свѣжую колоду!“ закричалъ Белли. Онъ былъ человѣкъ самый добрый, благородный, но и самый безпечный. Удивляюсь, какъ онъ десять разъ не былъ разжалованъ за упущенія по службѣ, но все у него какъ-то съ рукъ сходило. Онъ женился въ двадцатыхъ годахъ на дѣвицъ Шредеръ и вскорѣ потомъ

умеръ. Иванъ Карловичъ Белли воспитанъ былъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и выпущенъ въ армію. Чрезъ нѣсколько лѣтъ написалъ онъ ко мнѣ очень дѣльное и грамотное русское письмо, извѣщая о томъ, что вступилъ въ бракъ съ какою-то помѣщицею въ полуденной Россіи, но съ тѣхъ поръ не имѣю о немъ никакихъ свѣдѣній.

Дядя ихъ, Карлъ Өедоровичъ Клодтъ, въ Бородинскую битву, въ званіи оберъ-квартирмейстера 8-го корпуса, подъѣхалъ къ Одесскому полку и смотрѣлъ на ходъ битвы. Подлѣ него стоялъ красивенькій собою молодой офицерикъ и жаловался на бездѣйствіе.—„Предосадно стоять, говорилъ онъ, во второй линіи. Дѣла не дѣлай, а того и смотри, что тебя убьютъ ни за что". Въ это самое мгновеніе оторвало у него ядромъ голову. „Белли! бѣдный Белли!" закричали офицеры, бросившись къ нему. Это имя поразило Карла Өедоровича Клодтъ: такъ прозывалась сестра его, но онъ ничего не могъ узнать объ убитомъ, кромѣ того, что онъ за полгода выпущенъ былъ изъ 1-го кадетскаго корпуса. Черезъ часъ К. Ө. Клодтъ долженъ былъ вести впередъ колонну. Въ головѣ шелъ Кременчугскій полкъ, и первымъ взводомъ командовалъ Яковъ Карловичъ Белли. Карлъ Өедоровичъ Клодтъ, не видавшій ни его, ни братьевъ его нѣсколько лѣтъ, закричалъ ему:

— Здравствуй, Яша! нѣтъ ли у тебя брата въ Одесскомъ полку?

— Въ этотъ полкъ выпущенъ братъ мой Петръ.

— Онъ убитъ, прощай, отвѣчалъ Клодтъ и поскакалъ впередъ...

— Кончу разсказъ о старикѣ, родоначальникѣ ихъ.

Не знаю, какимъ образомъ познакомился съ нимъ отецъ мой, но это было въ одинъ изъ антрактовъ его богатства, то есть, когда ему, съ сыномъ Густавомъ (прочіе были въ арміи), нечего было ѣсть. Отецъ мой дѣлилъ съ ними послѣднее и, поправившись въ своемъ состояніи, имѣлъ ихъ за столомъ ежедневно. Люди наши, разумѣется, на это негодовали и называли ихъ въ насмѣшку нахлѣбниками. Стараго „барона"

(такъ мы всѣ называли его) чтилъ я и буду вѣкъ чтить за любовь и уваженіе его къ моей матушкѣ. Меня онъ также полюбилъ и ласкалъ, называя маленькимъ профессоромъ. Послѣднее обогащеніе его послѣдовало въ 1796 году. Онъ купилъ прекрасную мызу Рябово (принадлежавшую впослѣдствіи В. А. Всеволожскому) въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ, нанялъ просторный домъ на Сергіевской, давалъ обѣды, вечера, балы. Вдругъ запутался онъ въ какую-то тяжбу. Имѣніе у него отняли и онъ опять очутился ни съ чѣмъ, или съ весьма немногимъ — съ надеждою. Ежедневно говорилъ онъ: завтра выиграю я мой процессъ; наступало завтра и ничего не приносило. Между тѣмъ, онъ не уменьшилъ своего хозяйства: дворня у него была пребольшая; лошадей полная конюшня; но люди его искали пропитанія на сторонѣ, а лошади съѣли ясли, въ точномъ смыслѣ слова. Отецъ мой сжалился надъ ними, и когда баронъ отъѣзжалъ отъ насъ вечеромъ, снабжалъ его овсомъ и сѣномъ. Самъ же онъ ѣлъ и пилъ сладко, дремалъ послѣ обѣда, потомъ садился за бостонъ или за грандпасьянсъ, ужиналъ и уѣзжалъ домой, говоря: „завтра кончится мой процессъ“. Самое грустное было то, что онъ увлекъ въ свое разореніе и всѣхъ дѣтей своихъ, удержавъ въ своемъ распоряженіи долю, причитавшуюся имъ послѣ матери, тетки и дѣда. Наконецъ, очарованіе прошло. Онъ увидѣлъ, что никогда не выиграетъ своего процесса, жестоко тѣмъ огорчился, но вскорѣ утѣшился мыслію, что оставитъ дѣтямъ своимъ въ наслѣдство плоды своей опытности и написалъ толстую тетрадь подъ заглавіемъ: „Правила хозяйства, сельскаго и домашняго, для сохраненія и увеличенія имущества“. Въ послѣднее время питался онъ у сына своего, Карла Θедоровича, и у бабушки моей, Христины Михайловны. Иванъ Егоровичъ обращался съ нимъ учтиво и деликатно. Онъ скончался въ 1806 г. въ тѣсненькой квартирѣ, на Петербургской сторонѣ.

Сынъ его, Карлъ Θедоровичъ Клодтъ, былъ человѣкъ умный, образованный, благородный, но чудакъ не послѣдній. Получивъ, какъ я упоминалъ, прекрасное образованіе, осо-

бенно въ наукахъ математическихъ, умѣя очень хорошо чертить и рисовать, онъ былъ въ то же время очень пріятнымъ музыкантомъ на віолончели: каждый изъ его братьевъ также игралъ на какомъ нибудь инструментѣ. Терпѣніе, хладнокровіе, равнодушіе его были удивительныя. Къ тому присоединялась насмѣшливость и страсть дразнить: онъ иногда очень терзалъ мою матушку, которую, впрочемъ, любилъ и уважалъ искренно. Какая нибудь ошибка или обмолвка служила ему забавою на нѣсколько недѣль. Къ этому присоединялась въ молодыя лѣта большая лѣность и безпечность: начнетъ рисовать или играть на віолончели, и все забудетъ. Впослѣдствіи обстоятельства отвадили его отъ этого. Сначала служилъ онъ въ артиллеріи, потомъ перешелъ въ Генеральный Штабъ и оставался въ немъ до кончины. Въ 1800 г. женился онъ на тетушкѣ Елиазветѣ Яковлевнѣ Фрейгольдъ и жилъ съ нею очень счастливо, въ любви и согласіи. У старшаго его сына воспріемникомъ былъ императоръ Павелъ и пожаловалъ отцу дорогую табакерку, осыпанную брилліантами: у него вытащили ее изъ кармана на Царицыномъ лугу, при какомъ-то парадѣ. Этотъ сынъ умеръ полугодовой. Была у нихъ дочь Софія, прекрасное дитя, любимица бабушки Христины Михайловны: и та умерла лѣтъ трехъ. Потомъ родились: Владиміръ (1803), Петръ (1805), Константинъ (1807). Жили они на Петербургской сторонѣ, въ старомъ зеленомъ деревянномъ домѣ Копейкина (теперь на этомъ мѣстѣ площадь), при пересѣченіи Каменно-Островскаго проспекта Большимъ проспектомъ. Карлъ Ѳедоровичъ Клодтъ ходилъ разъ въ недѣлю въ чертежную Генеральнаго Штаба, а остальное время проводилъ дома, рисуя и чертя въ засаленномъ сѣромъ сюртукѣ, небритый, нечесанный. Однажды лѣтомъ, вышелъ онъ за ворота и смотрѣлъ на проходившихъ. Ведутъ подъ руки пьянаго чиновника. Жена бранитъ его за дурное поведеніе. „Знаю, матушка“, отвѣчаетъ онъ, „я пьяница и срамецъ, хуже... хуже вотъ этого господскаго человѣка“, и указываетъ на полковника и барона. К. Ѳ. Клодтъ, воротившись въ ком-

наты, съ наслажденіемъ разсказывалъ объ этой аттестаціи. Въ другой разъ, зашелъ онъ къ новому будочнику и завелъ съ нимъ знакомство, объявивъ, что онъ „крѣпостной человѣкъ“ барона Клодта. Дня черезъ два проходитъ онъ мимо его въ мундирѣ, и когда будочникъ сталъ во фрунтъ, спрашиваетъ: „узнаешь ли меня?“ — Съ дядюшкою Александромъ Яковлевичемъ Фрейгольдомъ жилъ онъ въ искренней дружбѣ.

Въ концѣ іюля 1804 г., К. Ѳ. Клодтъ отправился на маневры и, воротясь чрезъ двѣ недѣли, узналъ, что добрый шуринъ его похороненъ дней за пять предъ тѣмъ. Въ 1805 г. откомандировали его въ Тульчинъ, гдѣ была главная квартира арміи, назначенной въ Турцію. Онъ отправился туда со всѣмъ семействомъ. Въ 1806 г. армія двинулась далѣе, и тетушка съ двумя дѣтьми, беременная третьимъ, воротилась въ Петербургъ и поселилась въ домѣ Христины Михайловны. К. Ѳ. Клодтъ пробылъ въ походѣ до окончанія войны съ турками и не прежде начала 1812 г. свидѣлся съ семействомъ на двѣ недѣли, чтобы разстаться съ нимъ еще на два года. К. Ѳ. Клодтъ изъ турецкаго похода писалъ къ женѣ очень рѣдко, иногда не болѣе разу въ мѣсяцъ, потому что письма пересылались не иначе, какъ чрезъ курьеровъ. И всякій разъ, бывало, онъ вырѣжетъ изъ карточки лошадку и вложитъ въ письмо въ подарокъ дѣтямъ. Второй сынъ его, Петръ, замѣтилъ, что когда его мать радуется, кланяется отъ отца, цѣлуетъ дѣтей—онъ всегда получаетъ въ подарокъ лошадку. Отецъ, мать, счастье, радость — затвердились въ его памяти подъ фигурою лошади. И онъ сдѣлался первымъ въ мірѣ скульпторомъ лошадей!

Тетушка жила въ домѣ Христины Михайловны довольно пріятно: веселая, шутница, хохотунья, она умѣла окружать себя молодыми людьми. Таковы были тогда И. К. Борнъ, Михаилъ Петровичъ Анненковъ (братъ генерала отъ инфантеріи, Николая Петровича, служившій въ гвардіи, въ Финляндскомъ полку, живетъ теперь лѣтъ тринадцать въ Курской

губерніи и служитъ по выборамъ дворянства), Владиміръ Андреевичъ Глинка (генералъ отъ артиллеріи, бывшій начальникъ Уральскихъ горныхъ заводовъ), Семенъ Васильевичъ Кохановъ (генералъ-лейтенантъ, своякъ Таліони) и пр. Бабушка ложилась спать послѣ ужина въ десятомъ часу. Тогда собирались на половинѣ тетушки и проводили время въ пріятной бесѣдѣ до глубокой ночи.

К. Ѳ. Клодтъ былъ офицеръ знающій и храбрый, но до крайности скромный и терпѣливый. Его безпрерывно обходили. Послѣ Лейпцигскаго сраженія былъ онъ произведенъ въ генералы и назначенъ комендантомъ въ Бременѣ. Въ 1815 году воротился онъ въ Петербургъ. На бѣду свою, онъ сталъ обходиться съ давнишнимъ товарищемъ своимъ, К. Ѳ. Толемъ, по-старинному, а Толь былъ въ то время генералъ-адъютантомъ и генералъ-квартирмейстеромъ Главнаго Штаба. Разгнѣвавшись за то, что Клодтъ пришелъ къ нему въ сюртукѣ и въ фуражкѣ, онъ выдумалъ для него мѣсто начальника штаба Сибирскаго корпуса, и Клодтъ отправился туда со всѣмъ своимъ семействомъ, въ началѣ 1817 года, служилъ тамъ честно и вѣрно, забылъ старинное приволье и работалъ безустанно. По его старанію, снята на карту значительная часть южной Сибири. Командиромъ корпуса былъ большой уродъ, гатчинскій герой, генералъ отъ артиллеріи Петръ Михайловичъ Капцевичъ, лицемѣръ и ханжа, жестоко разбитый французами (въ 1814 году) при Монмиралѣ. К. Ѳ. Клодтъ много терпѣлъ отъ него и молчалъ. Однажды Капцевичъ, въ присутствіи его, при докладѣ, разругалъ, оборвалъ самымъ наглымъ образомъ дежурнаго штабъ-офицера, полковника Золотарева. Когда К. Ѳ. Клодтъ на другой день явился къ нему по службѣ, Капцевичъ предложилъ ему подписать бумагу о томъ, будто полковникъ вывелъ его изъ терпѣнія грубостями и неповиновеніемъ.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, сказалъ Клодтъ:—полковникъ не сказалъ ни слова и вынесъ величайшія оскорбленія.

— Хорошо, отвѣчалъ Капцевичъ,— вы заодно съ бунтовщикомъ! Но извольте помнить, что у васъ жена и восьмеро дѣтей. Я обо всемъ донесу по начальству.

Клодтъ взялъ перо, подписалъ требуемое, но, воротившись домой, слегъ въ нервную горячку и чрезъ девять дней умеръ. Старшіе три сына его уже два года были въ Петербургѣ, въ Артиллерійскомъ училищѣ. Тетушка прибыла въ С.-Петербургъ съ остальными; жила недолго: въ 1825 году скончалась она послѣ мучительной болѣзни. Я не оскорблю памяти добраго и благороднаго К. Ѳ. Клодта, разсказавъ одинъ анекдотъ изъ военной его жизни. При погонѣ за французами, въ 1812 году, онъ былъ начальникомъ штаба отдѣльнаго отряда, бывшаго подъ командою генерала Павла Васильевича Кутузова: они преслѣдовали маршала Макдональда, ретировавшагося изъ Курляндіи, и, по всѣмъ соображеніямъ, могли его отрѣзать и заставить положить оружіе. По донесеніямъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, всѣ важные пункты были заняты, и Макдональдъ долженъ былъ проходить на другой день въ восемь часовъ. Наступилъ вечеръ.— „Что, баронъ?“ спросилъ Павелъ Васильевичъ Кутузовъ, „не схрапнуть ли намъ немножко? Велите только, чтобъ насъ разбудили часа въ четыре“. Баронъ охотно согласился, но ихъ разбудили не въ четыре часа утра, а въ одиннадцать часовъ. Макдональдъ между тѣмъ ушелъ благополучно. Къ довершенію неудачи, одинъ изъ офицеровъ, перепутавъ имена деревень, занялъ не тотъ пунктъ, который слѣдовало занять, такъ что никто и не замѣтилъ, какъ французы прошли. Въ противномъ случаѣ, тревога непремѣнно разбудила бы начальство. Отъ этого обстоятельства корпусъ Макдональда пробрался за границу, цѣлый и невредимый. Та же исторія, что и съ Чичаговымъ на Березинѣ. Кажется, судьба не хотѣла слишкомъ баловать насъ славою. Но и того, что мы пріобрѣли, довольно было съ насъ. Если бы придушили Наполеона въ Россіи, мы не имѣли бы славы войти въ Парижъ.

3) Фамилія Безакъ. О родоначальникѣ Христіанѣ Безакѣ го-

ворилъ я выше. У него былъ сынъ Павелъ Христіановичъ, родившійся 28-го сентября 1769 г. Отецъ приложилъ все стараніе свое о воспитаніи сына, но не могъ внушить ему своей кротости и смиренія. Павелъ Христіановичъ Безакъ былъ одаренъ необыкновенными способностями: умомъ быстрымъ, необыкновенною памятью, примѣрнымъ трудолюбіемъ и рѣдкою способностью къ дѣламъ. Къ сожалѣнію, эти блистательныя качества затемнялись въ немъ большимъ тщеславіемъ и такою же страстью къ пріобрѣтенію: то и другое въ немъ спорило, но тщеславіе одерживало верхъ. Отъ этой борьбы происходила шаткость его характера, неровность обращенія и удивительное въ умномъ человѣкѣ неумѣнье обращаться съ людьми: къ людямъ честнымъ и надежнымъ питалъ онъ очень часто недовѣріе и подозрительность и въ то же время слѣпо предавался льстецамъ и негодяямъ, ласкавшимъ его слабую сторону. Онъ не былъ золъ въ сердцѣ, но какъ бы стыдился быть добрымъ. Странная смѣсь добра и зла, упрямства и слабости, ума и безразсудства! Отецъ помѣстилъ его въ корпусъ не кадетомъ, а вольнымъ слушателемъ въ чинѣ сержанта Преображенскаго полка, но какъ тогда въ классы ходили не въ мундирахъ, то онъ, изъ экономіи, и не шилъ сыну мундира. Отецъ мой подарилъ молодому человѣку полную обмундировку, и за это, равно какъ и за другія родственныя услуги, П. Хр. Безакъ питалъ къ нему уваженіе и дружбу и, несмотря на причуды своего дяди, дѣлалъ ему всякое добро. Въ корпусѣ, между товарищами и сверстниками, онъ не имѣлъ друзей и впослѣдствіи не былъ знакомъ ни съ однимъ изъ нихъ: видно, они его не любили.

По производствѣ въ офицеры, онъ оставался въ корпусѣ, и я помню еще въ 1794 году, какъ онъ, на ученьѣ кадетъ въ саду корпуса, командовалъ взводомъ и равнялъ рядовыхъ шпагою. Это былъ день важный въ моей жизни, и я о немъ упомяну впослѣдствіи. Въ 1797 году Безакъ перешелъ въ Сенатъ секретаремъ въ Герольдію, а потомъ въ 1-й департаментъ, и обратилъ на себя вниманіе своего начальства тру-

долюбіемъ, умомъ и искусствомъ изложенія дѣлъ, какъ на письмѣ, такъ и изустно. Старики сенаторы радовались, когда очередь доклада была за Безакомъ, и неудивительно. Въ канцеляріи Сената было въ то время мало людей, свѣтски образованныхъ: появленіе человѣка умнаго, просвѣщеннаго, краснорѣчиваго изумило всѣхъ. Императору Павлу Безакъ сдѣлался извѣстнымъ въ Москвѣ, куда былъ отправленъ на коронацію съ 1-мъ департаментомъ Сената. Онъ былъ въ числѣ сенатскихъ секретарей, которые разъѣзжали съ эскортомъ по городу и возглашали о предстоящемъ торжествѣ. Императоръ Павелъ встрѣтился съ такимъ разъѣздомъ на перекресткѣ. Безакъ прочиталъ прокламацію смѣлымъ, громкимъ голосомъ, ударяя на слова: державнѣйшаго, великаго государя императора и т. п. Это понравилось государю: онъ приказалъ узнать и записать имя молодого чтеца, и съ тѣхъ поръ былъ всегда къ нему благосклоненъ. Открылось мѣсто правителя канцеляріи въ новосоставленной Комиссіи опекунства иностранцевъ. Безакъ былъ помѣщенъ. Вскорѣ переведенъ онъ былъ правителемъ въ канцелярію генералъ-прокурора, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, въ 1800 году. Въ то время генералъ-прокуроръ былъ родъ верховнаго визиря: ему подчинены были юстиція, полиція и финансы. Во всѣхъ прочихъ вѣдомствахъ были прокуроры, ему подчиненные. Безака стало на эту должность. У него были два экспедитора: статскіе совѣтники Сперанскій и Клементій Гавриловичъ Голиковъ, преданный безсмертію Ильинымъ, въ лицѣ подьячаго Клима Гавриловича Поборина, въ драмѣ его: „Великодушіе или рекрутскій наборъ“.

Разскажу анекдотъ, который покажетъ, какъ производились тогда важныя дѣла и составлялись законы. Однажды, во время пребыванія двора въ Гатчинѣ, генералъ-прокуроръ (Петръ Хрисанѳовичъ Обольяниновъ), воротясь отъ императора съ докладомъ, объявилъ Безаку, что государь скучаетъ, за невозможностью маневрировать въ дурную осеннюю погоду, и желалъ бы имѣть какое либо занятіе по дѣламъ

гражданскимъ. — „Чтобъ было завтра!“ прибавилъ Обольяниновъ строгимъ голосомъ. Положительный Безакъ не зналъ, что дѣлать: пришелъ въ канцелярію и сообщилъ свое горе Сперанскому. Этотъ тотчасъ нашелъ средство помочь бѣдѣ.

— Нѣтъ ли здѣсь какой нибудь библіотеки? спросилъ онъ у одного придворнаго служителя.

— Есть, сударь, какая-то куча книгъ на чердакѣ, оставшихся еще послѣ свѣтлѣйшаго князя Григорія Григорьевича Орлова.

— Веди меня туда! сказалъ Сперанскій, отыскалъ на чердакѣ какія-то старыя французскія книги и въ остальной день и въ слѣдующую ночь написалъ набѣло: „Коммерческій уставъ Россійской Имперіи“. Обольяниновъ прочиталъ его императору. Павелъ подмахнулъ: „Быть по сему“, и наградилъ всю канцелярію. Разумѣется, что этотъ уставъ не былъ приведенъ въ дѣйствіе, даже не былъ публикованъ. Обнародовали только присоединенный къ нему штатъ Коммерцъ-коллегіи (15-го сентября 1800 г.).

Императоръ Павелъ училъ войска, выдумывалъ новыя формы, подписывалъ всякіе законы и постановленія, только бы они противорѣчили Екатерининымъ, сажалъ подъ арестъ, ссылалъ въ Сибирь, производилъ въ генералы, дарилъ души сотнями и тысячами. Ужасное время! Я былъ тогда ребенкомъ, въ томъ возрастѣ, когда все кажется намъ въ розовомъ цвѣтѣ, когда живешь годы, о которыхъ потомъ вспоминаешь съ удовольствіемъ, съ сожалѣніемъ, что они прошли, а не могу и теперь, въ старости, вспомнить безъ страха и злобы о тогдашнемъ времени, когда самый честный и благородный человѣкъ подвергался ежедневно, безъ всякой вины, лишенію чести, жизни, даже тѣлесному наказанію, когда владычествовали злодѣи и мерзавцы, и всякій квартальный былъ тираномъ своего округа. Буду еще не разъ имѣть случай говорить объ этомъ царствованіи. Хорошо теперь заочно хвалить времена императора Павла! Пожили бы при немъ, такъ вспомнили бы.

Безакъ былъ одинъ изъ немногихъ людей, которые удержались на мѣстѣ по смерти императора Павла. Вотъ что онъ разсказывалъ о томъ. 11-го марта 1801 года пріѣхалъ онъ къ Обольянинову, жившему тогда на Мойкѣ, на углу Почтамскаго переулка, въ домѣ нынѣшнемъ Карамзина[1]). Въ передней встрѣтилъ онъ Зубовыхъ, князя Платона и графа Валеріана: они надѣвали шубы и ѣхали домой.—„Il est temps, mon frère", сказалъ Валеріанъ. — „Je le crois aussi", отвѣчалъ Платонъ[2]). Они вышли и поѣхали—въ собраніе заговорщиковъ. Сигналъ къ тому поданъ былъ пробитіемъ зари четвертью часа ранѣе обыкновеннаго, по приказанію военнаго губернатора Палена, сообщенному плацъ-майоромъ Иваномъ Саввичемъ Горголи, нынѣшнимъ вѣрноподданнымъ и святошею[3]). Безакъ вошелъ въ гостиную. За нѣсколькими столами играли въ карты разные баре и вельможи. Онъ подошелъ къ Обольянинову и подалъ ему бумагу съ словами:

— Извѣстная вашему высокопревосходительству бумага, полученная отъ князя Александра Борисовича Куракина.

— А! знаю! сказалъ Обольяниновъ, взялъ бумагу, положилъ ее подъ подсвѣчникъ на столѣ и, вынувъ изъ-за пазухи другую, отдалъ Безаку съ словами: „тотчасъ исполнить!"

Что-жъ было въ этихъ бумагахъ? Послѣдніе роды императрицы Маріи Θеодоровны (великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ) были очень трудны, и медики объявили, что она едва ли перенесетъ другіе, если бы ей случилось обеременѣть. Императоръ Павелъ и прежде не строго держался супружеской вѣрности, а теперь охотно отказался отъ брачнаго ложа. Патентованною его фавориткою была княгиня Анна Петровна Гагарина, урожденная княжна Лопухина, прозванная Благодать.

---

[1]) Въ этомъ домѣ жилъ графъ Лорисъ-Меликовъ въ 1880 году, и здѣсь было сдѣлано покушеніе на его жизнь. Пр. ред.

[2]) Уже пора, братецъ.—И я того же мнѣнія.

[3]) Онъ умеръ сенаторомъ.

. . . .
. . . .

Первая бумага касалась фаворитки, а въ другой былъ написанъ новый титулъ императора, съ прибавленіемъ: „Царь Грузинскій“. Безакъ отправился съ нимъ въ сенатскую типографію, взялъ двухъ наборщиковъ и печатниковъ въ особую комнату, приставилъ къ ней военный караулъ, велѣлъ набрать титулъ, прочиталъ самъ корректуру, велѣлъ выправить, сжегъ корректурные листы, приказалъ оттиснуть три экземпляра и разобрать наборъ. Затѣмъ запечаталъ онъ оттиски и, надписавъ: „въ собственныя комнаты Его Императорскаго Величества“, отправилъ съ фельдъегеремъ въ дежурному камердинеру, съ приказаніемъ разложить ихъ на письменномъ столѣ государя такъ, чтобы они бросились ему въ глаза, лишь только онъ поутру подойдетъ къ столу. Было уже поздно, когда операція кончилась. Безакъ воротился домой и легъ спать съ женою, когда была она беременна старшимъ его сыномъ Александромъ, нынѣшнимъ генералъ-адъютантомъ и генералъ-губернаторомъ оренбургскимъ.

Въ первомъ часу входитъ въ комнату горничная дѣвушка и будитъ его: „пріѣхалъ-де генералъ Рязановъ“. Безакъ вскочилъ и хотѣлъ одѣваться. Рязановъ (оберъ-прокуроръ 1-го Департамента) закричалъ сквозь двери: „Сусанна Яковлевна, позвольте мнѣ войти къ вамъ: дѣло преважное, мѣшкать нельзя“. Съ сими словами вошелъ онъ въ комнату, приблизился къ постели и съ низкимъ поклономъ сказалъ:

— Имѣю честь поздравить съ новымъ императоромъ Александромъ Павловичемъ.

— Какъ! что̀! ахъ! возопили и мужъ, и жена.

— Какъ и что̀, узнаете послѣ, продолжалъ Рязановъ, — а теперь извольте ѣхать къ государю: онъ васъ требуетъ. Безакъ накинулъ халатъ и вскочилъ съ постели.

— Эй, чесаться!

— Какое тутъ чесаться: надѣвайте мундиръ и спѣшите.

Я довезу васъ до дворца. Безакъ надѣлъ красный мальтійскій мундиръ и поѣхалъ.

— Да что генералъ-прокуроръ?

— Онъ подъ арестомъ: я исправляю его должность.

Тутъ разсказалъ Рязановъ всю исторію въ главныхъ чертахъ. Пріѣхали въ Зимній дворецъ, совершенно освѣщенный, и вошли въ аванзалу, наполненную народомъ, т. е. народомъ придворнымъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько человѣкъ весьма навеселѣ.

— Herzens Bruder! закричалъ Паленъ Безаку:—wie kommst du her? [1]).

— Государь приказалъ мнѣ явиться.

— Такъ ступай. Да присягалъ ли ты?

— Нѣтъ еще.

— Вотъ тебѣ присяжный листъ.

Актъ былъ рукописный. Всѣ важнѣйшіе сановники подписали его. Осторожный Безакъ не могъ не прочитать его и сказалъ Палену, отдавая листъ:

— Я его не подписываю. Въ немъ нѣтъ существенной статьи по генеральному регламенту.

— А какой?

— „И высочайшаго престола его наслѣднику, который отъ его величества назначенъ будетъ".

— Правда, отвѣчалъ Паленъ:—а мы всѣ подписали. Хороши же мы!

Онъ отнесъ въ кабинетъ, и государь своеручно вписалъ пропущенныя слова между строками. Безакъ, подписавъ присягу, вошелъ въ комнату государя. Александръ I, блѣдный, съ красными на лицѣ пятнами, съ опухшими отъ слезъ глазами, ходилъ въ раздумьѣ по комнатѣ.

— Сколько у васъ неисполненныхъ именныхъ указовъ? спросилъ императоръ.

---

[1]) Сердечный другъ! какъ ты здѣсь?

— Два, отвѣчалъ Безакъ,—состоявшіеся вчера о томъ и томъ-то.

— Сколько на лицо сенаторовъ?

— Столько-то.

— Привезите мнѣ списокъ ихъ. Я поручилъ должность генералъ-прокурора оберъ-прокурору Рязанову. Такъ ли я сдѣлалъ?

— Рязановъ оберъ-прокуроръ 1-го департамента, но старшій по чину Оленинъ, оберъ-прокуроръ 3-го департамента.

— Такъ объявите ему, чтобы онъ принялъ должность. Поѣзжайте скорѣе за спискомъ.

Безакъ отправился въ канцелярію генералъ-прокурора, но домъ окруженъ былъ цѣлою ротою Семеновскаго полка, и его не хотѣли впустить. Съ трудомъ объяснилъ онъ, что идетъ въ канцелярію по высочайшему устному повелѣнію новаго государя...

Чрезъ нѣсколько дней прибылъ въ Петербургъ Александръ Андреевичъ Беклешовъ и вступилъ въ должность генералъ-прокурора. Онъ былъ воспитанъ въ Сухопутномъ корпусѣ, зналъ Безака, уважалъ отца его, и Павелъ Христіановичъ Безакъ остался при немъ во всей силѣ. При всемъ умѣ своемъ, онъ не имѣлъ одного необходимаго качества въ жизни — ровности въ характерѣ и умѣнья обращаться съ людьми: былъ то учтивъ, то грубъ, то гордъ, то снисходителенъ по внушенію минутнаго каприза, пріобрѣлъ уваженіе многихъ, но ничьей искренней дружбы и любви, надоѣдалъ тяжестью своего характера, оскорблялъ высокомѣріемъ и составилъ себѣ легіонъ враговъ, не сдѣлавъ, сколько мнѣ извѣстно, формальнаго зла никому и сдѣлавъ добро многимъ. Его обнесли хищникомъ, грабителемъ, взяточникомъ, выдумывали на него всякіе скандалёзные анекдоты. Между тѣмъ, онъ исполнялъ свои обязанности въ точности, умно, догадливо, и снискалъ благоволеніе своихъ начальниковъ, которые, сблизившись съ нимъ, души въ немъ не слышали. Брать-то онъ, конечно, бралъ, ибо однимъ жалованьемъ не

могъ бы не только составить себѣ состоянія, но и жить, какъ онъ жилъ, но низостей и несправедливостей никогда не дѣлалъ. Въ то время брали всѣ, и въ этомъ не было ничего предосудительнаго, по общему мнѣнію. Теперь берутъ также и больше, да не говорятъ о томъ.

Въ сентябрѣ 1802 года послѣдовало учрежденіе министерствъ, мѣра полезная и благодѣтельная, но такъ какъ она нарушала многія личныя выгоды, искореняла старинныя злоупотребленія, оскорбляла господствовавшіе издавна предразсудки, то и была встрѣчена общимъ порицаніемъ и ропотомъ. Беклешовъ, приверженецъ старины, вышелъ въ отставку; съ нимъ и Безакъ, не имѣвшій опоры у новыхъ министровъ. Безакъ поселился въ Кіевѣ, въ домѣ, подаренномъ ему Беклешовымъ, занимался коммерческими дѣлами съ польскими панами, игралъ съ ними въ карты, любезничалъ съ польками, къ досадѣ своей жены. Вдругъ объявлено было учрежденіе милиціи (въ концѣ 1806 г.), и Безакъ былъ избранъ на одно изъ важнѣйшихъ въ ней мѣстъ. Главнымъ начальникомъ ея назначенъ былъ генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, имѣвшій тогда отъ роду семьдесятъ четыре róда, дряхлый, безпамятный. Онъ взялъ къ себѣ помощникомъ статскаго совѣтника Безака, который вскорѣ сдѣлался главнымъ начальникомъ штаба и всего, что̀ относилось къ службѣ. Видя, что дѣла идутъ скоро и исправно, князь полагался на него совершенно. Въ 1808 году Прозоровскій былъ назначенъ главнокомандующимъ дунайскою арміею, дѣйствовавшею противъ турокъ, и Безакъ остался его правою рукою. Тогда время было критическое, затруднительное. Наполеонъ соглашался, на словахъ, на уступку намъ Молдавіи и Валахіи, а между тѣмъ предписывалъ своему послу въ Константинополѣ препятствовать и заключенію мира, и уступкѣ намъ княжествъ. Въ нашей главной квартирѣ знали объ этомъ и доносили въ Петербургъ, но тогдашній канцлеръ, графъ Румянцевъ, опутанный Наполеономъ, не хотѣлъ тому вѣрить и увѣрялъ, что

все это выдумка английскихъ агентовъ. Безакъ успѣлъ перехватить депеши Талейрана, выкралъ (при помощи убитаго въ 1813 г. майора графа Мусина-Пушкина) секретную инструкцію у французскаго консула Леду (въ Бухарестѣ). Румянцевъ возненавидѣлъ Безака, который раздавалъ александровскія ленты, а самъ получилъ два раза бриллiантовые знаки къ Аннѣ 2-й степени, такъ какъ не желали дать ему чего повыше. Чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника получилъ онъ во время пребыванія Румянцева на конгрессѣ въ Фридрихсгамѣ.

Въ августѣ 1809 г. умеръ Прозоровскій, и на мѣсто его поступилъ князь Багратіонъ, другъ и пріятель Безака, который при немъ еще болѣе усилился. Всѣ части военнаго управленія и гражданское вѣдомство княжества лежали на его отвѣтѣ, и все шло какъ нельзя лучше. Князь Багратіонъ занимался только исключительно веденіемъ войны. У него было не болѣе 19,000 человѣкъ войска, и онъ дѣйствовалъ очень успѣшно, надѣясь въ слѣдующемъ году, пополнивъ армію, усилить и успѣхи. Наступала осень. Надлежало перейти обратно на лѣвый берегъ Дуная, но въ Петербургѣ требовали, чтобъ армія непремѣнно зимовала на правомъ берегу. Багратіонъ не могъ этого исполнить и впалъ въ немилость. Къ паденію его споспѣшествовали Милорадовичъ, Ланжеронъ и другіе, съ которыми онъ не ладилъ. Они не могли прямо охуждать Багратіона, извѣстнаго и государю, и Россіи, и сваливали всю вину на Безака, заставлявшаго ихъ, александровскихъ кавалеровъ, стоять по часамъ въ своей передней, между тѣмъ какъ онъ пировалъ и любезничалъ съ молодыми вельможами, Воронцовымъ, Бенкендорфомъ и другими. Къ начатію похода 1810 года, сформирована была армія въ 160,000 человѣкъ; но въ мартѣ, на мѣсто Багратіона, главнокомандующимъ назначенъ былъ гр. Каменскій. Отпуская его, государь сказалъ, что въ арміи находится любимецъ Багратіона, Безакъ, котораго должно выслать оттуда до пріѣзда новаго главнокомандующаго, чтобы Безакъ не успѣлъ опу-

тать и его, какъ Прозоровскаго и Багратіона. И дѣйствительно, Каменскій, остановившись въ Яссахъ, послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ въ Бухарестъ, гдѣ царствовалъ Безакъ надъ главною квартирою, сидя въ богатой диванной на турецкихъ коврахъ.

„Янтарь въ устахъ его дымился“.

Докладываютъ Безаку, что пріѣхалъ адъютантъ главнокомандующаго.—„Проси“.—Входитъ молодой майоръ съ георгіевскимъ крестомъ.

— Кто вы, сударь? спрашиваетъ Безакъ, не двигаясь съ мѣста.

— Майоръ Закревскій, адъютантъ главнокомандующаго графа Каменскаго.

— Что вамъ, сударь, угодно?

— Я пришелъ, чтобы принять у вашего превосходительства канцелярію и дѣла.

— Если вы, милостивый государь, имѣете понятіе о порядкѣ службы, вамъ должно знать, что мнѣ съ вами имѣть дѣло вовсе неприлично. Съ этимъ словомъ онъ позвонилъ. Вошелъ секретарь его Саражиновичъ [1]).

— Позовите Омельяненку [2]) и Сорокунскаго [3]).

Явились.

---

[1]) Павелъ Григорьевичъ Саражиновичъ, бывшій потомъ правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора графа Ланжерона, въ Одессѣ, а наконецъ директоромъ Департамента врачебныхъ заготовленій Министерства внутреннихъ дѣлъ, умеръ въ Петербургѣ, въ 1848 г., отъ холеры, въ отставкѣ и крайней бѣдности.

[2]) Омельяненко, бывшій впослѣдствіи губернаторомъ въ Калугѣ и тайнымъ совѣтникомъ.

[3]) Акинѳій Ивановичъ Сорокунскій, въ 1806 г., былъ мелкимъ чиновникомъ въ Дубосарской Почтовой конторѣ. Онъ послалъ въ Москву къ пріятелю своему голову сахару съ отправившеюся туда эстафетою. За это государственное преступленіе былъ онъ судимъ и отрѣшенъ отъ службы, съ тѣмъ, чтобы его никуда не опредѣлять. Безакъ, проходя съ арміею кн. Прозоровскаго чрезъ Дубосары, пріискивалъ въ штатъ свой писцовъ, и главнокомандующій, по силѣ данной ему власти, опредѣлилъ къ себѣ Соро-

— Сдайте всѣ дѣла этому господину офицеру.

— Позвольте доложить, ваше превосходительство, сказалъ Закревскій, — что главнокомандующій требуетъ сдать бумаги и суммы въ двадцать четыре часа.

— А, такъ я могу еще командовать здѣсь цѣлые сутки. Знайте же, господа, если вы не сдадите дѣлъ въ два часа, я васъ предамъ военному суду. Саражиновичъ! скажите женѣ, что я сегодня же отправляюсь въ Петербургъ, да велите изготовить экипажи и все, что нужно.

— Къ вашему превосходительству еще присланъ кто-то, сказалъ Саражиновичъ.

— Кто это?

— Надворный совѣтникъ Блудовъ, отвѣчалъ Саражиновичъ:—онъ присланъ для принятія дѣлъ по дипломатической части.

— Съ этимъ господиномъ я и вовсе говорить не хочу. Саражиновичъ, сдай ему дѣла! Прощайте, господинъ офицеръ. А вы, господа, исполните мои приказанія въ точности.

Омельяненко и Сорокунскій исполнили приказанное имъ sans phrases, но Саражиновичъ жестоко подтрунилъ надъ пріемщикомъ. Блудовъ прибылъ въ Молдавію съ Каменскимъ изъ Карамзинскаго теплаго гнѣзда, чувствительнымъ птенцомъ, напутствуемый томными стихами Жуковскаго. Изъ первыхъ его словъ, Саражиновичъ увидѣлъ, что новопріѣзжій не имѣетъ понятія о дѣлахъ и о порядкѣ службы, и порядочно подурачилъ его, толкуя, что̀ входящія и исходящія бумаги, что̀ отпуски и заголовки. Блудовъ обидѣлся насмѣшками подьячаго, но скрылъ свою досаду. Чрезъ двадцать два года, тайный совѣтникъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ вступалъ въ долж-

кунскаго, о которомъ всѣ жители Дубосаръ отзывались съ выгодной стороны. При первомъ представленіи къ наградѣ, сняли съ него опалу, потомъ произвели въ слѣдующій чинъ. Онъ оказался человѣкомъ способнымъ и благороднымъ. Умеръ въ званіи бесарабскаго гражданскаго губернатора и былъ оплакиваемъ всею областью. Къ Безаку сохранилъ онъ душевное почтеніе и благодарность.

ность министра внутреннихъ дѣлъ и вдругъ въ числѣ своихъ директоровъ увидѣлъ Саражиновича. Блудовъ, человѣкъ добрый и благородный, но irritabile genus vatum, и чѣмъ менѣе писатель извѣстенъ, тѣмъ болѣе онъ дорожитъ собою. Онъ не обижалъ Саражиновича, былъ съ нимъ учтивъ, хотя и холоденъ. Но вдругъ возникла ошибка по части Саражиновича: въ подрядахъ на поставку лекарствъ выставлена была не та сумма, которую выставить слѣдовало. Пошелъ судъ. Блудовъ не отягчалъ вины его, но и не вступался. Саражиновичъ лишился мѣста и пропитанія. Онъ жилъ въ крайности, и наконецъ, по приглашенію сына моего, въ 1847 году читалъ корректуру „Сѣверной Пчелы", получая за листъ по рублю.

Воротимся къ Безаку. Проживъ года два въ Кіевѣ, онъ прибылъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Петербургъ и обратился къ старому пріятелю и подчиненному своему, Сперанскому, который былъ тогда въ апогеѣ славы и силы. Въ то время занимались преобразованіемъ Сената. Предполагалось изъ 1-го департамента составить Правительствующій Сенатъ, съ особыми правами, въ Петербургѣ. Прочіе департаменты намѣревались размѣстить, подъ именемъ Судебнаго Сената, по важнѣйшимъ городамъ губернскимъ. Я самъ читалъ печатные проекты этихъ преобразованій, не состоявшихся по встрѣтившимся тогда препятствіямъ. Въ Правительствующемъ Сенатѣ полагались статсъ-секретари, и одно изъ этихъ мѣстъ Сперанскій обѣщалъ Безаку. Они долго занимались этимъ дѣломъ. Безакъ приходилъ къ Сперанскому по вечерамъ и работалъ съ нимъ до глубокой ночи. 19-го марта 1812 г. приходитъ онъ къ нему и видитъ на дворѣ карету министра полиціи Балашова, кибитку съ тройкою лошадей и нѣсколько полицейскихъ. Безакъ догадался, что̀ случилось, поспѣшно ушелъ домой и на другой день узналъ, что Сперанскій и Магницкій сосланы,—неизвѣстно за что и куда. Опасаясь той же участи, онъ цѣлый мѣсяцъ носилъ въ бумажникѣ двѣ тысячи рублей, чтобы, въ случаѣ нужды, не остаться безъ денегъ. Но буря миновала его. Онъ остался невредимъ, хотя

лишился надежды получить мѣсто. Зажилъ онъ въ Петербургѣ бариномъ, имѣлъ большое семейство и, принадлежа къ числу людей, которые, имѣя хорошій достатокъ, безпрерывно боятся умереть съ голоду, впалъ въ большое недоумѣніе. Въ это время богатый откупщикъ Перетцъ, жидъ, но человѣкъ добрый и истинно благородный, зная умъ, способности и опытность Безака, предложилъ ему мѣсто помощника по конторѣ, съ жалованьемъ по 20 т. р. въ годъ и, сверхъ того, подарилъ ему каменный домъ. Безакъ рѣшился принять эту должность, поправилъ свое состояніе и испортилъ всю карьеру званіемъ жидовскаго приказчика. Подумаешь, какъ несправедливы сужденія свѣта! Что тутъ дурного и предосудительнаго? Но это не принято, и дѣло конченное. Онъ пробылъ у Перетца года три, и потомъ они разошлись. Безакъ купилъ домъ у Сампсонія на Выборгской сторонѣ, занимался частными дѣлами, посредствомъ одного знакомаго ему купца торговалъ на биржѣ и въ 1824 г. былъ членомъ комиссіи о пособіи послѣ наводненія. Тутъ оказалъ онъ всѣ свои способности и удивилъ временныхъ губернаторовъ Выборгской стороны, Депрерадовича, Паскевича и гр. Комаровскаго. Ему дали Владиміра 3-ей степени. Но до звѣзды онъ не дожилъ, и это мучило его несказанно. Бывшіе его писцы представляли твердь небесную, Станислава, Анны, Владиміра, иные и Александра. Онъ скончался въ Петербургѣ, 10-го іюля 1831 г., въ первую холеру, запрятавъ неизвѣстно куда свои деньги, документы и т. п., которыхъ, какъ можно было заключить изъ словъ его, было на 600 т. р. асс. Объ этомъ скажу въ своемъ мѣстѣ, если доберусь до того времени. Теперь исчислю его семейственныя отношенія, мнѣ во многихъ отношеніяхъ важныя и близкія.

Онъ женился, лѣтъ 24-хъ отъ роду, на Сусаннѣ Яковлевнѣ Рашетъ, дочери знаменитаго скульптора, воспѣтаго Державинымъ, бывшаго директоромъ казеннаго фарфороваго завода. Странное дѣло: Рашетъ былъ французъ, жена его датчанка, а дѣти вышли совершенные нѣмцы и нѣмки, отъ сношенія съ петербургскими нѣмцами Васильевскаго острова. Еще за-

мѣчаніе: дочери Рашета не красавицы, не умницы, а умѣли найти себѣ хорошихъ мужей. Старшая была за дѣйств. ст. совѣтникомъ Ѳедоромъ Христіановичемъ Вирстомъ (умершимъ въ 1831 г.) и умерла рано, оставивъ сына. Вирстъ женился на сестрѣ Павла Христіановича Безака, и та умерла вскорѣ; потомъ вступилъ онъ въ бракъ съ дѣвицею Шульцъ, женщиною умною и почтенною: она жива понынѣ. Вторая изъ дочерей Рашета была Сусанна, жена Безака, безобразная, неуклюжая, грубая, глупая, капризная и при случаѣ злая; она командовала своимъ умнымъ мужемъ: онъ слушался ея безусловно, хотя частенько съ нею бранился. Она умерла вслѣдствіе удара, въ 1825 г., и мужъ оросилъ ея останки искренними горячими слезами. Третья, Эмилія, была за французскимъ эмигрантомъ Дореромъ (d'Horrer), о которомъ скажу, можетъ быть, современемъ. Четвертая, Юлія, была за славнымъ химикомъ и добрѣйшимъ человѣкомъ Петромъ Григорьевичемъ Соболевскимъ (умершимъ въ 1841 г.); пятая, Елизавета, за неважнымъ Гофманомъ, братомъ статсъ-секретаря, жива донынѣ. Сыновья Рашета также не пропали: Антонъ Яковлевичъ, статскій совѣтникъ, былъ директоромъ таможни въ Ригѣ, женатъ на умной женѣ, и дѣти у него вышли прекрасные, Павелъ и Владиміръ, оба военные; дочь за генераломъ барономъ Зальца; всѣ они умерли. Эмануилъ Яковлевичъ, храбрый солдатъ, умеръ генералъ-майоромъ. Карлъ Яковлевичъ, женатый на Елисаветѣ Ивановнѣ Фрейгангъ, — отецъ Евгенія Карловича и Ивана Карловича Рашетъ, людей посредственныхъ, но честныхъ и трудолюбивыхъ. Они теперь въ чинахъ и звѣздахъ.

У Павла Христіановича Безака были дѣти: 1) Елисавета Павловна (род. 6-го сентября 1795 г., умерла 23-го февраля 1842 года), вышедшая замужъ за внучатнаго брата и друга моего, Ивана Карловича Борна (умершаго 11-го января 1821 г.), краса женскаго пола, образецъ и вмѣстилище всѣхъ добродѣтелей. Былъ я связанъ съ нею, въ продолженіе многихъ лѣтъ, самою тѣсною и искреннею дружбою. Милый ликъ ея прово-

дитъ меня до могилы. Сподоблюсь ли, чтобы онъ встрѣтилъ меня и тамъ! 2) Марія Павловна (родившаяся 8-го іюня 1798 г.), здравствующая нынѣ, вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Андрея Константиновича Крыжановскаго, мать многочисленнаго семейства. 3) Ольга Павловна (род. въ 1800 г., умерла въ 1820 г.) была замужемъ за артиллерійскимъ генераломъ Николаемъ Яковлевичемъ Зварковскимъ, умершимъ въ 1848 г., скончалась во вторыхъ родахъ, любезная женщина и красавица. Дѣти ея — сынъ Александръ и дочь Марія, замужемъ за Михаиломъ Никифоровичемъ Чичаговымъ. Достойная и примѣрная жена и мать семейства, воспитанная теткою своею, Елисаветою Павловною. 4) Александръ Павловичъ (род. 24-го апрѣля 1801 г.), генералъ-адъютантъ, оренбургскій генералъ-губернаторъ, человѣкъ большаго ума и способностей, но, по примѣру отца, тщеславный хвастунъ. 5) Константинъ Павловичъ (родился въ 1802 г., умеръ 4-го апрѣля 1845 г.), женившійся на моей дочери Софіи, человѣкъ честный, умный, но своенравный, тщеславный и ужасный эгоистъ, наконецъ помѣшался въ умѣ отъ неудовлетвореннаго честолюбія. 6) Николай Павловичъ (родился въ 1804 г.), дѣйствительный статскій совѣтникъ, лучшій изъ Безаковъ душою и сердцемъ. 7) Михаилъ Павловичъ (родился въ 1810 г)., артиллерійскій генералъ, большой чудакъ, и 8) Павелъ Павловичъ (род. въ 1815 г.), тоже полковникъ артиллеріи, человѣкъ неглупый, честный, строгій въ исполненіи своихъ обязанностей, но притомъ односторонній педантъ. Еще была у нихъ сестра Елена Павловна, больная нервами, которая умерла дѣвицею въ 1846 году.

О Павлѣ Христіановичѣ Безакѣ долженъ я еще прибавить, что онъ, по возвращеніи изъ Кіева въ Петербургъ, примкнулъ было къ сильной тогда партіи богомоловъ и гернгутеровъ, при посредствѣ стараго своего пріятеля, Карла Ивановича Габлица, но не успѣлъ добиться ничего. Онъ переводилъ проповѣди полу-католическаго пастора Линдля; помогалъ Александру Максимовичу Брискорну въ изданіи толкованій на Но-

вый Завѣтъ Госнера, за что порядочно поплатился, какъ видно будетъ впослѣдствіи.

4) Фамилія Шванебахъ. Не знаю точно, откуда она происходитъ. Кажется, прямо изъ Германіи. Отецъ двоихъ Шванебаховъ былъ щирый нѣмецъ. Христіанъ Ѳедоровичъ и Антонъ Ѳедоровичъ Шванебахи воспитаны были во 2-мъ (Инженерномъ) Кадетскомъ корпусѣ и познакомились въ нашемъ домѣ чрезъ дядю Александра Яковлевича Фрейгольда. Христіанъ Ѳедоровичъ Шванебахъ, человѣкъ серьезный и умный, служилъ по инженерной части и занимался формированіемъ инженерной команды, причемъ у него какъ-то выросъ прекрасный каменный домъ. Женатъ онъ былъ на русской дѣвицѣ, Варварѣ Ивановнѣ Пашковской. Она была въ молодости красавицею и сохранила самую пріятную наружность до старости. Съ матушкою моею она была въ самой тѣсной дружбѣ. Мужа своего она любила страстно и при одномъ припадкѣ его ревности чуть не лишила себя жизни. По смерти его, она жила тихо, въ одномъ изъ переулковъ Знаменской улицы, и благотворила всякому, кто прибѣгалъ къ ней съ просьбою о помощи. Я посѣщалъ ее непремѣнно 4-го декабря, въ день ея именинъ, и находилъ добрую, умную, миловидную старушку, въ кругу бывшихъ подчиненныхъ ея мужа, являвшихся къ ней съ поздравленіемъ, какъ будто бы она была ихъ начальницею. Разумѣется, являлись не всѣ. Нѣкоторые люди, обязанные ея мужу, чуждались ея и не обращали вниманія на ея просьбы, когда она вступалась за несчастныхъ. Она скончалась въ сороковыхъ годахъ, во время моего пребыванія заграницею. Не знаю, исполнена ли была ея просьба—быть похороненною на иновѣрческомъ кладбищѣ подлѣ мужа. Митрополитъ Серафимъ положилъ на ея просьбѣ резолюцію: „Что̀ она вретъ! Я и старѣе ея, а умирать не думаю“.

Антонъ Ѳедоровичъ Шванебахъ, служившій въ артиллеріи, былъ женатъ на дочери биржевого маклера Шпальдинга. Шванебахъ былъ человѣкъ пріятный, веселый и любимый всѣми; жилъ у тестя своего, котораго всѣ считали человѣ-

комъ достаточнымъ и честнымъ. Въ 1795-мъ году у Шванебаха крестили сына. Батюшка и матушка были на крестинахъ, данныхъ очень пышно; они, какъ и всѣ гости, были обижены дерзкимъ обращеніемъ и спѣсью кассира Заемнаго банка Кельберга и жены его, осыпанной кружевами и бриллiантами. Кельбергъ грубилъ всѣмъ и каждому. Батюшка сказалъ Антону Θедоровичу Шванебаху: „Ну, братецъ, если ты станешь принимать и впредь такихъ наглецовъ, то меня не зови". Шванебахъ извинился тѣмъ, что принимаетъ Кельберга изъ уваженія къ своему тестю, который имѣетъ съ нимъ дѣла. На другой день утромъ батюшка получаетъ записку отъ Шванебаха: „Пріѣзжайте, ради Бога, поскорѣе: тесть мой опасно занемогъ". Батюшка поспѣшилъ къ нимъ. Входитъ въ комнату, здоровается съ Шванебахомъ и видитъ, что идетъ къ нему навстрѣчу Шпальдингъ, причесанный, какъ тогда водилось, въ утреннемъ сюртукѣ. „Вѣрно, онъ съ ума сошелъ!" подумалъ батюшка: „лѣзетъ цѣловаться; не откусилъ бы онъ мнѣ носа". Этого не случилось, но Шпальдингъ, поздоровавшись съ нимъ, сказалъ ему:

— Вообразите, Кельбергъ бѣжалъ въ эту ночь съ женою!

— Да мнѣ до того какое дѣло! вскричалъ отецъ мой: — чортъ его побери и съ нею.

— Но вы знаете, что онъ кассиръ Заемнаго банка, и у меня съ нимъ были денежныя дѣла. Что мнѣ посовѣтуете сдѣлать?

— Совѣтую вамъ отправиться сію минуту къ полиціймейстеру и объявить все, что знаете, проговорилъ отецъ мой, взялъ за руку Шванебаха и вывелъ въ переднюю.

— Увольте меня, Антонъ Θедоровичъ, отъ подаванія совѣтовъ вашему тестю: дѣло это плохое и пахнетъ Сибирью. Ему я не помогу, а себя могу сгубить.

Съ симъ словомъ онъ вышелъ изъ дому. Кельберга съ женою поймали. Оказалось, что въ кассѣ недостаетъ важныхъ суммъ. Куда онѣ дѣвались? Кельбергъ давалъ ихъ Шпальдингу, а тотъ дѣйствовалъ ими на биржѣ. Поднялось

ужасное дѣло. Многія лица были въ немъ замѣшаны. Кончилось оно уже при императорѣ Павлѣ: Кельберга, его жену, Шпальдинга лишили правъ состоянія и честнаго имени, ошельмовали публично и сослали въ Сибирь. Менѣе виновныхъ наказали легче, а недостающую въ кассѣ сумму взыскали со всѣхъ чиновниковъ банка, съ виноватыхъ и съ правыхъ и всѣхъ отставили отъ службы. Вотъ тогдашнее правосудіе! Это дѣло, разумѣется, надѣлало много шуму. Въ день исполненія казни, когда все наше семейство сидѣло за ужиномъ и толковало объ этомъ странномъ событіи, батюшка сказалъ: „Ну, теперь это дѣло кончено, и я разскажу вамъ, въ какой я былъ бѣдѣ. Слушайте. За нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ (это было еще при Екатеринѣ), приглашаетъ меня къ себѣ генералъ-прокуроръ (графъ Самойловъ), приводитъ въ свой кабинетъ, гдѣ въ то время былъ управляющій тайною канцеляріею, Макаровъ, и говоритъ:

— Въ такомъ-то мѣсяцѣ вы совѣтовали женѣ одного государственнаго преступника искать пособія у какого-то господина, живущаго на Петербургской сторонѣ и имѣющаго орденъ. Спрашиваю васъ, именемъ государыни, кто этотъ господинъ? Подумайте и отвѣчайте. Я началъ ломать себѣ голову и называть всѣхъ знакомыхъ мнѣ кавалеровъ, живущихъ на Петербургской сторонѣ.

— Петръ Ивановичъ Мелиссино?

— Нѣтъ!

— Алексѣй Ивановичъ Корсаковъ?

— Нѣтъ!

— Болѣе не знаю тамъ никого, ваше сіятельство!

— Постарайтесь вспомнить. Оставайтесь здѣсь, въ кабинетѣ. Я ѣду къ государынѣ и возвращусь черезъ часъ. Если вы до того времени не вспомните, то отдамъ васъ на руки его превосходительства!

Съ сими словами указалъ онъ на Макарова, вышелъ съ нимъ и замкнулъ за собою кабинетъ. Я остался въ недоумѣніи и страхѣ. Совѣсть моя была чиста, но память измѣ-

няла. Вижу часовая стрѣлка приближается къ роковой минутѣ. Вдругъ раздался въ воротахъ стукъ кареты графа. Это подѣйствовало на меня, какъ громовой ударъ, и въ ту же секунду вспомнилъ я все дѣло, сѣлъ за столъ и сталъ писать. Отворилась дверь, и вошелъ графъ.

— Ну что же, г. Гречъ!

— Вспомнилъ, вспомнилъ! закричалъ я: — дайте дописать.

Графъ оставилъ меня. Я написалъ, что зналъ, вышелъ къ графу въ другую комнату и подалъ ему записку. Прочитавъ ее, онъ сказалъ: „Хорошо. Узнàю, правда ли, и потомъ дамъ вамъ знать. Извольте идти". Съ тѣхъ поръ я ждалъ каждый день, что меня призовутъ къ суду и допросу, но нынѣ все кончилось, и я могу сообщить вамъ мой страхъ и теперешнее успокоеніе. Записка же моя была слѣдующаго содержанія: „Жена находящагося подъ судомъ биржевого маклера Шпальдинга, котораго я знаю по пріязни съ зятемъ его, артиллеріи капитаномъ Шванебахомъ, пріѣзжала ко мнѣ тогда-то и, объявивъ, что дѣло ея мужа поступило въ Сенатъ, умоляла меня помочь ему, такъ какъ я служу въ Сенатѣ. Я объявилъ ей, что это дѣло не по тому департаменту, въ которомъ я служу.

„— А по которому? спросила она.

„— По первому.

„— А кто оное производитъ?

„— Оберъ-секретарь и кавалеръ Иванъ Ивановичъ Богаевскій, живущій на Петербургской сторонѣ въ своемъ домѣ". „Вотъ вамъ, дѣти, урокъ!" сказалъ мой отецъ: —„какъ должно быть осторожнымъ въ дѣлахъ судебныхъ. Сообщеніе простаго адреса показалось признакомъ преступленія и, если бы я не вспомнилъ, въ чемъ дѣло, то подвергся бы розыску въ тайной канцеляріи".

Тайная канцелярія! ужасное слово, ужасное дѣло! Если бы Александръ Первый не сдѣлалъ ничего во всю свою жизнь, кромѣ уничтоженія тайной канцеляріи, и тогда имя его было бы безсмертно и благословляемо. Люди не ангелы и чертей между

ними много, слѣдственно, полиція, и строгая полиція, необходима и для государства, и для всѣхъ честныхъ людей, но дѣйствія ея должны быть справедливы, разборчивы, должны внушать довѣренность людямъ честнымъ и невиннымъ. Въ послѣдніе годы царствованія Александрова опять было зашевелилась старая застѣночная политика, но, слава Богу, нынѣ не то. Николай Павловичъ строгъ и взыскателенъ, но благороденъ и откровененъ. Употребляя такихъ людей, какъ графъ Бенкендорфъ, графъ Орловъ, Максимъ Яковлевичъ фонъ-Фокъ, Леонтій Васильевичъ Дубельтъ, онъ отнялъ у высшей полиціи все злобное, коварное, мстительное. Дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать!

Возвращусь къ Шванебаху. Онъ умеръ лѣтъ за двадцать предъ симъ. Одинъ сынъ его, Христіанъ Антоновичъ [1]), служитъ съ честью у принца Ольденбургскаго. Я съ удовольствіемъ увидѣлся и познакомился съ нимъ на обѣдѣ у профессора Якоби. Онъ напомнилъ мнѣ, чертами лица своего, добраго и умнаго отца. Другой сынъ Антона Өедоровича, видно, родился въ дѣдушку: былъ подполковникомъ инженеровъ путей сообщенія и обворовалъ ужаснымъ образомъ смоленское шоссе. Отъ него пострадалъ смоленскій губернаторъ, Николай Ивановичъ Хмельницкій; самъ же Шванебахъ умеръ на гауптвахтѣ на Сѣнной. Дѣдъ его, Шпальдингъ, въ царствованіе Александра, былъ возвращенъ изъ Сибири и умеръ въ Смоленскѣ, въ домѣ одной изъ дочерей своихъ, бывшей замужемъ за тамошнимъ аптекаремъ.

5) Фамилія Брискорнъ. Родоначальникомъ ея придворный аптекарь Максимъ Брискорнъ. Дѣтей у него было какъ стклянокъ въ аптекѣ, и всѣ они процвѣли и распространились. Такъ какъ они были въ дружбѣ съ моимъ отцомъ, а нѣкоторыя изъ нихъ и на меня имѣли непосредственное вліяніе, то я и опишу всю эту фамилію. Иванъ Максимовичъ былъ финляндскій помѣщикъ, человѣкъ очень добрый и умный,

---

[1]) Уже скончался. Пр. ред.

часто пріѣзжалъ къ отцу моему съ своего геймата, расхваливалъ тамошнюю свою жизнь и совѣтовалъ намъ туда переселиться. Карлъ Максимовичъ былъ прокуроромъ въ Ригѣ; Яковъ Максимовичъ вице-губернаторомъ въ Митавѣ, а потомъ въ Тифлисѣ; жена племянника его, В. И. Фрейганга, описала его кончину въ изданномъ ею путешествіи на Кавказъ. Максимъ Максимовичъ (отецъ нынѣшняго тайнаго совѣтника Максима Максимовича [1]) былъ въ военной службѣ и въ началѣ царствованія Павла служилъ майоромъ въ Перновскомъ гарнизонѣ. Жена его, лифляндка, связала изъ доморощенной овечьей шерсти пару перчатокъ и послала ихъ, при нѣмецкомъ письмѣ, къ императору Павлу, прося его употреблять эти варежки въ холодную погоду на вахтпарадѣ. Это наивное предложеніе понравилось Павлу. Онъ приказалъ послать ей богатыя серьги изъ кабинета при письмѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Оказалось, что ни одинъ изъ статсъ-секретарей его не зналъ нѣмецкаго языка; вытребовали для этого чиновника изъ Иностранной коллегіи, и присланъ былъ коллежскій совѣтникъ Ѳедоръ Максимовичъ Брискорнъ.

Воспитаніе его сопряжено съ любопытнымъ эпизодомъ. Предъ вступленіемъ въ первый бракъ императора Павла, у него родился сынъ. Его, не знаю почему, прозвали Семеномъ Ивановичемъ Великимъ и воспитали рачительно. Когда минуло ему лѣтъ восемь, его помѣстили въ лучшее тогда петербургское училище, Петровскую школу, съ приказаніемъ дать ему наилучшее воспитаніе, и чтобы онъ не догадался о причинѣ сего предпочтенія, дали ему въ товарищи дѣтей неважныхъ лицъ, которыя съ нимъ наравнѣ обучались: Якова Александровича Дружинина, сына придворнаго камердинера; Ѳедора Максимовича Брискорна, сына придворнаго аптекаря; Григорія Ивановича Вилламова, сына умершаго инспектора классовъ Петровской школы [2]); Христіана Ивановича Миллера, сына портного,

[1]) Уже скончался. Пр. ред.

[2]) Вилламовъ знаменитъ въ нѣмецкой литературѣ, какъ поэтъ и эллинистъ. Онъ возстановилъ изъ разныхъ обрывковъ древніе диѳирамбы, не

и Илью Карловича Вестмана, тоже сына какого-то ремесленника. По окончаніи курса наукъ въ школѣ, государыня Екатерина II повелѣла помѣстить этихъ молодыхъ людей въ Иностран-

---

дошедшіе до насъ въ цѣлости. Въ Германіи идетъ повѣрье, что онъ умеръ съ голоду. Это неправда: онъ умеръ въ бѣдности, въ нечистотѣ, среди ученаго и поэтическаго безпорядка, но не съ голоду. Оставшіяся послѣ него дѣти, сынъ Григорій и дочь Елисавета, взяты были на попеченіе пасторами Петровской церкви. Не знаю, по какому случаю Елисавета Ивановна Вилламова получила самое блистательное воспитаніе. Она была воспитательницею великой княжны Александры Павловны. Императрица Екатерина II ее жаловала, а императрица Марія Өеодоровна ненавидѣла. Она была замужемъ за тайн. сов. Сергѣемъ Сергѣевичемъ Ланскимъ; овдовѣвъ, она вдалась въ разныя спекуляціи, и разорилась. Потомъ занималась она литературою и издавала дѣтскія книги на французскомъ языкѣ. Я узналъ ее въ старости и не могъ надивиться ея уму, образованію и любезности. — Григорій Ивановичъ Вилламовъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и дарованій. Онъ былъ опредѣленъ въ Иностранную коллегію и вскорѣ отправленъ секретаремъ посольства въ Стокгольмъ. Тамъ женился онъ на дочери жившаго издавна въ Швеціи русскаго купца Артемія Семеновича Свербихина. Жена его была воспитаніемъ и образованіемъ шведка, а по религіи православная; онъ совершенно русскій человѣкъ и лютеранинъ. Государыня Марія Өеодоровна искала себѣ, въ 1801 году, секретаря. Вилламовъ въ то время случился въ Петербургѣ, былъ рекомендованъ государынѣ, понравился ей, поступилъ къ ней на службу, остался при ея особѣ до ея кончины, да и послѣ, до своей смерти, завѣдывалъ ея учрежденіями. Я не зналъ человѣка умнѣе, смѣтливѣе, любезнѣе его. Дарованія онъ имѣлъ удивительныя, особенно по секретарской должности: онъ писалъ правильно и краснорѣчиво порусски, понѣмецки и пофранцузски, безъ приготовленія, все прямо набѣло; потомъ снимали съ писаній его отпуски въ канцеляріи. Почеркъ у него былъ прекрасный, и работалъ онъ съ удивительною легкостью. Однажды, пріятели побились съ нимъ объ закладъ: заставивъ его въ одно и то же время писать дѣльную бумагу порусски, разговаривать понѣмецки и пѣть французскій водевиль. Въ бытность мою въ Гатчинѣ (въ 1820—1821 гг.) видалъ я образъ его жизни. Онъ помѣщался въ тѣсной квартирѣ изъ двухъ комнатъ, во флигелѣ дворца: одна комната завалена была бумагами, въ другой онъ спалъ. Поутру едва могли его добудиться. Государыня каждыя четверть часа присылала за нимъ то камердинера, то скорохода. Слуга его отсылалъ ихъ словами: „Григорій Ивановичъ почиваетъ", а между тѣмъ пытался разбудить его. Наконецъ, часу въ десятомъ, онъ вставалъ, умы

ную коллегію и только одного изъ нихъ, Дружинина [1]), взяла секретаремъ при своей собственной комнатѣ. Великій объявилъ, что желаетъ служить во флотѣ, поступилъ, для окончанія наукъ, въ Морской кадетскій корпусъ, былъ выпущенъ мичманомъ, получилъ чинъ лейтенанта и сбирался идти съ ка-

вался и одѣвался наскоро, посыпалъ голову пудрою (къ императрицѣ иначе нельзя было являться) и выпивалъ чашку простывшаго сквернаго придворнаго кофе, закусывая длиннымъ сухаремъ, забиралъ бумаги и уходилъ къ государынѣ. Проработавъ у ней часу до перваго, возвращался домой, бросалъ бумаги, надѣвалъ сюртукъ (осенью и зимою) и длинные сапоги и уходилъ бродить по саду и по лѣсу. Возвращался часу въ третьемъ и садился за работу: въ это время онъ обыкновенно отправлялъ пустую корреспонденцію государыни съ нѣмецкими королевами и принцессами на нѣмецкомъ и на французскомъ языкахъ. Потомъ отправлялся къ обѣду императрицы, за которымъ былъ душою бесѣды. Послѣ обѣда игралъ съ внуками государыни, нынѣшнимъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, нянчилъ Марію Николаевну и уходилъ домой; до семи часовъ работалъ, а въ это время, явясь въ гостиной, наслаждался бесѣдою. Ужиналъ весело и, воротившись домой, работалъ до трехъ и до четырехъ часовъ утра. Во время пребыванія государыни (въ 1812—1815 годахъ) въ Гатчинѣ и зимою, онъ писалъ еще, въ заключеніе ночныхъ трудовъ, на французскомъ языкѣ „Гатчинскую Газету", наполняя ее всякими умными вздорами и городскими сплетнями, и читалъ ее государынѣ послѣ доклада; потомъ повторялъ чтеніе на вечерней бесѣдѣ. Память у него была удивительная, и вообще преисполненъ онъ былъ рѣдкими дарованіями. Въ началѣ 1847 года сдѣлался съ нимъ параличъ, и онъ лишился употребленія языка. Знаками выразилъ онъ желаніе пріобщиться по обряду греческой церкви, что́ и было исполнено. На другой день онъ умеръ и былъ погребенъ, какъ православный бояринъ Григорій. Онъ всегда изъявлялъ желаніе перейти, предъ кончиною, въ русскую вѣру, чтобы быть погребеннымъ подлѣ любимой его дочери, Анны Григорьевны Гецъ. Всѣ дѣти его люди почтенные и достойные. Одинъ изъ нихъ былъ поэтъ и переводилъ на русскій языкъ стихотворенія дѣда. Онъ утонулъ въ Дерптѣ, гдѣ учился.

[1]) Яковъ Александровичъ Дружининъ оставался секретаремъ при императорской комнатѣ, не только до кончины императрицы, но и во все царствованіе императора Павла, который весьма благоволилъ къ нему. Падали вельможи, смѣнялись министры, начинались войны, заключались мирные трактаты, весь міръ перемѣнялъ нѣсколько разъ свое положеніе— Дружининъ оставался на своемъ мѣстѣ. Любопытно было сказаніе его о послѣднемъ днѣ царствованія Павла. Окончивъ дѣла свои по комнатѣ

*

питаномъ Муловскимъ въ кругосвѣтную экспедицію. Вдругъ (въ 1793 г.) онъ заболѣлъ и умеръ въ Кронштадтѣ. Въ Запискахъ Храповицкаго сказано: „Получено извѣстіе о смерти Сенюшки Великаго". Когда онъ былъ еще въ Петровской школѣ, напечатанъ былъ переводъ его съ нѣмецкимъ подлинникомъ, подъ

царской, Дружининъ весь день 11-го марта 1801 г. хлопоталъ по дѣлу какой-то вдовы и пріѣхалъ домой поздно вечеромъ, утомленный дневною работою. Онъ уже готовился раздѣваться, какъ ему объявили, что пришелъ одинъ отставной истопникъ, служившій при отцѣ его, и, заливаясь слезами, объявилъ, что непремѣнно хочетъ его видѣть. — „Вѣрно, пьянъ?" спросилъ Дружининъ. — „Да, кажется, что такъ, но никакъ не отстаетъ, а утверждаетъ, что долженъ вамъ объявить что-то важное", отвѣчалъ слуга. Дружининъ вышелъ въ кухню, гдѣ сидѣлъ истопникъ, и съ досадою спросилъ его: „Что тебѣ надо, Васильичъ? Поди домой, да выспись". — „Нѣтъ, батюшка Яковъ Александровичъ", сказалъ тотъ, рыдая, „не пьянъ я, а бѣда большая случилась. Онъ, сударь, скончался". — „Кто?" — „Да онъ, батюшка, императоръ Павелъ Петровичъ". — „Что ты, глупый пьяница, врешь! Еще доберешься до бѣды". — „Нѣтъ, батюшка, отнюдь не вру. Точно, сердечный померъ". — „Перестань!" сказалъ Дружининъ, далъ человѣку своему полтинникъ и велѣлъ нанять извозчика, чтобы отвезъ Васильича домой, а тотъ все твердилъ свое. Дружининъ легъ спать, всталъ, по обыкновенію, въ пять часовъ утра, причесался и поѣхалъ въ каретѣ во дворецъ. Подъѣхавъ къ Михайловскому зàмку, видитъ большое стеченіе войска, слышитъ шумъ и бѣготню и думаетъ, что это какіе нибудь маневры. Внизу у крыльца видитъ знакомца своего, караульнаго офицера Семеновскаго полка, Николева, здоровается съ нимъ и идетъ вверхъ. Лишь только онъ хочетъ войти въ двери, двое семеновскихъ часовыхъ ставятъ передъ нимъ ружья на-крестъ: „Не велѣно пускать!" Дружининъ, вообразивъ, что это шутка Николева, закричалъ ему сверху: „Вели же пропустить меня!" — „Пропустить!" сказалъ Николевъ, и Дружининъ вошелъ въ длинную анфиладу комнатъ; видитъ, изъ четвертой комнаты идетъ къ нему на встрѣчу камердинеръ государевъ въ глубокомъ траурѣ. Тутъ вспомнилъ онъ слова истопника, движеніе на улицѣ, строгость часовыхъ, и догадался, въ чемъ дѣло. — „Что, Яковъ Александровичъ", сказалъ камердинеръ, подошедши къ нему: — „конечно, вы пришли проститься съ тѣломъ?" — „Точно такъ", отвѣчалъ Дружининъ. — „Такъ пойдемте", сказалъ камердинеръ: „царство ему небесное". — Дружининъ поступилъ въ канцелярію статсъ-секретаря Н. Н. Новосильцова и былъ употребляемъ при многихъ тогдашнихъ преобразованіяхъ, потомъ перешелъ въ министерство финансовъ, былъ директоромъ канцеляріи министра

заглавіемъ: „Обидагъ, восточная повѣсть, переведенная Семеномъ Великимъ, прилежнымъ къ наукамъ юношею". — Андрей Андреевичъ Жандръ, въ дѣтствѣ своемъ, видалъ Великаго въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ каталъ Жандра на шлюпкѣ, сидя у руля...

Обратимся къ Брискорнамъ. Послѣдній изъ совоспитанниковъ Великаго былъ Ѳедоръ Максимовичъ Брискорнъ. Наравнѣ съ другими, онъ поступилъ въ Иностранную коллегію, былъ секретаремъ посольства въ Голландіи и, какъ я сказалъ выше, попалъ въ секретари къ императору Павлу. Государь иногда жестоко журилъ его, но однажды, въ жару благово-

---

а потомъ Мануфактурнаго департамента. Онъ былъ человѣкъ очень способный къ дѣламъ, мастеръ писать и отписываться, притомъ до чрезвычайности добръ, снисходителенъ и услужливъ. По утрамъ передняя его была наполнена нищими и — заимодавцами. Его срѣзала любовь къ женскому полу и плоды ея. Графъ Канкринъ сказалъ мнѣ о немъ однажды: „Яковъ Александровичъ добрый и способный человѣкъ; шаль только, что у него мноко тѣтей". Для поддержанія и содержанія всего своего исчадія, законнаго и беззаконнаго, издерживалъ онъ всѣ свои доходы, достаточные для иного; кромѣ того, принужденъ былъ не отказываться отъ благодарности и занималъ деньги, гдѣ могъ. Когда онъ умеръ, въ той самой комнатѣ, гдѣ родился, едва было чѣмъ его похоронить. Ко мнѣ онъ всегда былъ очень добръ, и я никогда его не забуду. Такихъ людей нынче немного.

Илья Карловичъ Вестманъ служилъ весь вѣкъ въ Иностранной коллегіи и былъ наконецъ оберъ-секретаремъ ея, что соотвѣтствовало нынѣшней должности директора канцеляріи, въ чинѣ тайнаго совѣтника; былъ человѣкъ умный и дѣловой. Теперь сынъ его, Владиміръ Ильичъ, занимаетъ мѣсто отца съ честью и уваженіемъ [1]).—Христіанъ Ивановичъ Миллеръ служилъ при немъ и дослужился до чина д. ст. сов. (умеръ въ 1823 г.). Онъ былъ человѣкъ честный и добрый, но занимался только чиненьемъ перьевъ для государя Александра Павловича. Безъ его пособія слѣдовательно не обошлось ни одного манифеста, ни одного указа, ни одной записочки къ графу Аракчееву или къ Маріи Антоновнѣ Нарышкиной.

---

[1]) Онъ скончался уже въ званіи товарища министра иностранныхъ дѣлъ, при князѣ Горчаковѣ. Пр. ред.

ленія, подарилъ ему богатое помѣстье въ Курляндіи. При вступленіи на престолъ императора Александра, Брискорнъ былъ назначенъ сенаторомъ. Онъ былъ человѣкъ умный и дѣльный, но притомъ странный, скрытный, недовѣрчивый, мнительный и имѣлъ одного друга, нѣкоего надворнаго совѣтника Кнорре. Это былъ человѣкъ тоже умный, но хитрый, лиса въ медвѣжьей шкурѣ, словомъ, большой плутъ. Брискорнъ жаловался ему однажды, что получаетъ мало дохода съ пожалованнаго ему курляндскаго имѣнія, въ соразмѣрности съ капиталомъ, котораго оно стоитъ. „Послушайте моего совѣта", сказалъ Кнорре:—„продайте это имѣніе и употребите капиталъ на извороты: я знаю людей, и вѣрныхъ людей, которые дадутъ десять процентовъ и болѣе. А между тѣмъ, стерегите, не продается ли гдѣ имѣніе въ Россіи по дешевой цѣнѣ. Вы его купите и будете имѣть вдвое болѣе дохода противъ курляндскаго". Брискорнъ послушался, продалъ имѣніе, а деньги отдалъ другу Кнорре, чтобы пустить ихъ въ оборотъ. Между тѣмъ, приглянулось ему наше родовое помѣстье Пятая Гора, которое бабушка непремѣнно хотѣла сбыть съ рукъ, и онъ, согласившись въ цѣнѣ (155 т. р. асс.), далъ 15 т. р. въ задатокъ. Родственники его давно негодовали на тѣсную связь его съ Кнорре, и одинъ изъ его зятьевъ, статскій совѣтникъ Өедоръ Өедоровичъ Шауфусъ, долго слѣдивъ за подвигами и продѣлками Кнорре, объявилъ Брискорну, что другъ его обманываетъ. Брискорнъ перепугался, и вмѣсто того, чтобъ обслѣдовать дѣло осторожно, накинулся на Кнорре и сталъ требовать у него своихъ денегъ. Кнорре не оробѣлъ: оскорбленный этою недовѣрчивостью, онъ объявилъ, что у него денегъ никакихъ нѣтъ, ибо онъ дѣйствительно не давалъ Брискорну росписокъ въ полученіи ихъ. Брискорнъ поднялъ тревогу, обратился къ государю и просилъ, чтобъ дѣло разсмотрѣли. Кнорре былъ схваченъ и объявилъ, что сенаторъ Брискорнъ употреблялъ его агентомъ для лихоимства, отдачею денегъ взаймы за большіе сверхъзаконные проценты, и вмѣсто денегъ представилъ векселя

разныхъ промотавшихся, несостоятельныхъ лицъ. Его стали судить, но и господинъ сенаторъ былъ обвиненъ въ ростовщичествѣ и лихоимствѣ. Брискорнъ получилъ часть своихъ денегъ съ большимъ трудомъ, и, войдя въ споръ съ вдовою Струковою, на которую имѣлъ претензію, для рѣшенія дѣла, женился на ней. Двѣ его дочери замужемъ за барономъ Мейендорфомъ и за Алексѣемъ Ираклієвичемъ Левшинымъ. Брискорнъ умеръ около 1824 г., въ имѣніи жены своей, которая, говорятъ, соорудила надъ его прахомъ великолѣпную церковь.

Младшій изъ Брискорновъ былъ Александръ Максимовичъ. Онъ лежалъ въ оспѣ, когда хотѣли привить ее великому князю Александру Павловичу. У него взяли изъ руки матерію для прививки, и, когда великій князь благополучно перенесъ болѣзнь (тогда была оспа не коровья, а натуральная: ужасная, смертельная), мальчика записали въ Инженерный корпусъ, хотя онъ былъ и не фонъ. Онъ подружился съ дядюшкою Александромъ Яковлевичемъ Фрейгольдомъ и былъ у насъ вхожъ въ домѣ. Онъ былъ въ молодости человѣкъ умный, пріятный, хорошій актеръ, большой забавникъ. Это было въ 1795—1800 годахъ. Потомъ видѣлъ я его, въ 1804 году, у Θедора Максимовича Брискорна; живя нѣсколько лѣтъ, по службѣ, въ Ригѣ, онъ онѣмечился, толковалъ о нѣмецкой литературѣ, о Шиллерѣ, о Гёте, и т. п. Потомъ сталъ онъ придерживаться чарочки и въ то же время обратился въ гернгутеры, вышелъ въ отставку и поселился въ домѣ, купленномъ имъ у шурина своего, Шауфуса, на Выборгской сторонѣ, подлѣ Сампсоніевскаго кладбища. Шауфусъ выпросилъ себѣ это мѣсто по упраздненіи кладбища. Однажды (въ 1822 г.), пошелъ я, изъ любопытства, въ Мальтійскую католическую церковь на проповѣдь славившагося тогда пастора Линдля. Вижу, сидитъ старичокъ въ запачканномъ сюртукѣ, съ грязною въ рукахъ военною фуражкою и внимательно слушаетъ проповѣдь. Лицо что-то знакомое. Нѣтъ! не можетъ быть; это какой-то красноносый пьяница, а Бри-

скорнъ былъ молодецъ, даже франтъ. При выходѣ изъ церкви, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Такъ-то узнаютъ старыхъ пріятелей!“ Боже мой! Это дѣйствительно былъ Александръ Максимовичъ. О дальнѣйшихъ его похожденіяхъ, имѣвшихъ косвенное вліяніе и на мою участь, разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Написавъ столько страницъ о братьяхъ Брискорнъ, упомяну, для полноты, и о сестрахъ. Катерина Максимовна Фрейгангъ, скончавшаяся въ 1850 году, лѣтъ девяноста отъ роду, мать оригинальнаго поколѣнія. Мужъ ея, сынъ знаменитаго колбасника, учился медицинѣ въ Германіи и былъ лейбъ-медикомъ императора Павла, въ бытность его великимъ княземъ, но, къ счастію Россіи, за нѣсколько времени до вступленія его на престолъ, поссорился съ нимъ и былъ выгнанъ. Онъ умеръ въ 1814 г., пользуясь славою хорошаго и ученаго медика. Я сказалъ: „къ счастію Россіи“. Дѣйствительно, еслибъ онъ остался въ милости у Павла, всѣ эти Фрейганги были бы теперь министрами и т. п. Софья Максимовна была жена академика Кёлера, славнаго антикварія и тяжелаго педанта. Марія Максимовна Леманъ,— жена бывшаго управителя или камердинера князя Потемкина. Анна Максимовна Шауфусъ—милая и любезная дама. Мужъ ея былъ неглупый, но безпокойный нѣмецъ. Я слышалъ, что подъ конецъ своей жизни она была очень несчастлива. Сущая живая икра всѣ эти поколѣнія Брискорновъ, Рашетовъ, Фрейганговъ, разнородные, странные, умные, глупые, добрые, злые!

Полагаю, что эти предварительныя свѣдѣнія о лицахъ, которыя будутъ встрѣчаться въ продолженіе моихъ Записокъ, совсѣмъ не лишнія: это исчисленіе дѣйствующихъ лицъ драмы, съ показаніемъ ихъ характеровъ и костюма. Дѣйствія и рѣчи ихъ впереди.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Кудлаи. — Необыкновенный дискантъ. — Первыя посѣщенія театра. — Кюль. — Брюммеръ. — Ученіе у дяди Фрейгольда. — Экспромты—сатиры его. — Караулы во времена Екатерины II. — Вечера съ гостями на гауптвахтахъ. — Госпожа Михельцъ и ея завѣщаніе.—Стихотвореніе Греча на смерть брата въ 1795 г.— Крейцъ.—Барклай-де-Толли.—Екатерина II въ Царскосельскомъ саду.—Дачи на Черной Рѣчкѣ. — Строгановъ садъ. — Гулянья въ немъ. — Аттака княземъ Зубовымъ графа Строганова.—Безбородко и Трощинскій.—Случаи съ ними.— Екатерина II и И. И. Бецкій. — Разсказъ графа Румянцева о Екатеринѣ. — Дальновидность ея.—Случай съ сенатскимъ повытчикомъ.—Овечкинъ и Фокъ.— Воцареніе императора Павла. — Исторія его супружествъ. — Ассебургъ. — Фридрихъ II и Павелъ I. — Картина кагульскихъ маневровъ. — Новые порядки при Павлѣ I. — Архаровъ, Чулковъ, Копьевъ. — Ценсоръ Туманскій и пасторъ Зейдеръ. — Высылка изъ Петербурга отставныхъ и извозчиковъ. — Княжна Лопухина. — Графъ Кутайсовъ. — Вилліе и его удачная операція надъ Кутайсовымъ. — Сыновья Кутайсова.

Обращаюсь вновь къ самому себѣ и напишу нѣсколько воспоминаній о дѣтствѣ моемъ, не въ хронологическомъ порядкѣ, ибо, право, теперь не помню, что прежде чего происходило.

У матушки моей была пріятельница Екатерина Игнатьевна Кудлай, у которой три сына, Николай, Дмитрій и Иванъ, были придворными пѣвчими, а дочь, отъ перваго брака, Аксинья Никитична, замужемъ за коллежскимъ ассессоромъ Костенскимъ, служившимъ при Царскосельской ассигнаціонной бу-

мажной фабрикѣ. Матушка съ нами переселилась на лѣто въ Царское Село и жила у нихъ. Домъ, въ которомъ они жили, каменный, въ два этажа, на берегу пруда, подлѣ бумажной фабрики, еще существуетъ. Въ моемъ романѣ: „Поѣздка въ Германію" описалъ я чувства, которыя волновали меня, когда я, лѣтъ чрезъ двадцать, вновь вошелъ въ этотъ домъ. Въ тогдашнее время переселялись на лѣто въ Царское Село изъ экономіи: съѣстные припасы съ царской кухни продавались за безцѣнокъ. Батюшка часто навѣщалъ насъ и иногда приходилъ изъ Петербурга пѣшкомъ, куря неоцѣненную свою трубку. Я помню это пребываніе въ Царскомъ Селѣ, какъ сквозь сонъ. Помню устроенную для игры маленькихъ великихъ князей бесѣдку, обитую внутри сукномъ на ватѣ, чтобы дѣти не могли ушибиться. Не разъ игралъ я тамъ съ братомъ Александромъ. Дѣти Екатерины Игнатьевны всегда были преданы нашему дому и фамиліи, какъ увидите впослѣдствіи. Всѣ они перемерли; не знаю, остались ли у нихъ наслѣдники ихъ имени. Николай Михайловичъ Кудлай умеръ въ 1823 г., въ клиникѣ Медико-Хирургической Академіи, отъ чахотки. Елисавета Павловна Борнъ, по моей просьбѣ, снабжала его кушаньемъ, по близости своего жительства. Дмитрій Михайловичъ Кудлай въ молодости былъ франтомъ и чувствительнымъ мечтателемъ и женился на дочери начальника своего (по бумажной фабрикѣ) Крейтора. Жена его помѣшалась на святости. Онъ бывалъ у меня въ 1825 г.; умеръ, какъ я слышалъ, отъ невоздержанія. Иванъ Михайловичъ Кудлай былъ странствующій Жиль-Блазъ. По выпускѣ изъ пѣвческаго корпуса, онъ не хотѣлъ нигдѣ служить, а поживальничалъ въ Петербургѣ, въ Царскомъ Селѣ, въ Павловскѣ, въ Петергофѣ и пр. Съ нимъ сдѣлалось удивительное дѣло. Въ дѣтствѣ у него былъ необыкновенный дискантъ; потомъ пропалъ, а на двадцатомъ году возобновился и держался очень долго. Однажды братья долго не видали его послѣ сильной ссоры, причиненной его лѣностью и распутствомъ. Дмитрій Михайловичъ, великимъ постомъ, входитъ въ кабинетскую

церковь (въ нынѣшнемъ Аничковскомъ дворцѣ), и вдругъ слышитъ кантъ: „Да исправится молитва моя“, исполняемый несравненнымъ, чистымъ, свѣжимъ дискантомъ; протѣсняется сквозь толпу и видитъ на клиросѣ не мальчика, не дѣвицу, а дюжаго брата Ивана. Это дарованіе открывало ему входъ повсюду: его кормили, поили, одѣвали, ласкали... Помнится, онъ наконецъ пропалъ безъ вѣсти.

Важною эпохою въ пробужденіи моего ума и воображенія было первое посѣщеніе театра, въ концѣ 1794 года. Давали на деревянномъ театрѣ, бывшемъ на Царицыномъ лугу, русскую комедію: „Поскорѣй, пока люди не провѣдали“, и за нею балетъ: „Арлекинъ, покровительствуемый феею“. Это зрѣлище произвело на меня сильное дѣйствіе, возродивъ въ душѣ моей міръ мечтаній и фантазіи. Только при фейерверкѣ, которымъ оканчивался балетъ, я спрятался подъ скамью ложи. Второю, видѣнною мною пьесою, была комедія же: „Честное слово“, въ которой понравилась мнѣ сцена, какъ охотникъ въ лѣсу развязываетъ узелъ, стелетъ на землѣ салфетку, вынимаетъ ножъ, вилку и дорожный запасъ и начинаетъ завтракать. Эту сцену повторялъ я неоднократно самъ. Потомъ видѣлъ я „Начальное представленіе Олега“, великолѣпную драму, сочиненную Екатериною II, бывалъ нѣсколько разъ въ итальянской оперѣ и теперь еще очень хорошо помню пѣвцовъ Ненчини (друга тетки Булгарина), Мандини, пѣвицъ Сапоренти и Гаспарини; помню представленіе „Севильскаго Цирюльника,“ съ музыкою Паизіелло; очень помню романсъ Альмавивы, удержанный и въ оперѣ Россини; видѣлъ французскую оперетку: „Les deux petits savoyards;“ помню арію: „Sachez, que Jeannette“. Все это питало мое воображеніе, переселяло въ міръ чудесный, небывалый и возбуждало любовь и страсть къ музыкѣ и литературѣ. Къ упомянутымъ выше сего книгамъ, занимавшимъ меня въ дѣтствѣ, долженъ съ благодарностью прибавить „Дѣтскую Библіотеку Кампе,“ переведенную Шишковымъ: я выучилъ ее наизусть, но долженъ сказать, къ чести моего дѣтскаго чутья: я чувствовалъ не-

равенство слога въ разныхъ ея частяхъ и заключалъ, что она написана не однимъ, а многими. Иногда прислушивался я, когда Парадовскій, чтецъ искусный и умный, читалъ матушкѣ моей поэмы и романы, переведенные на русскій языкъ: „Іосифа Битобе", перев. Фонъ-Визина, „Біанку Капелло" и повѣсти Мейснера, пер. Подшивалова. Въ это время проявилась во мнѣ охота и способность разсказывать и импровизировать. Я имѣлъ даръ возбуждать вниманіе сверстниковъ своими разсказами. Объ этомъ узналъ я очень поздно. Однажды, въ 1814 году, въ полной пріемной залѣ военнаго генералъ-губернатора Вязмитинова, разсказывалъ я о какомъ-то происшествіи тогдашней войны, кажется, объ обстоятельствахъ покоренія Парижа. Всѣ слушали меня съ напряженнымъ вниманіемъ. По окончаніи разсказа, подошелъ ко мнѣ одинъ полковникъ и сказалъ: „Не знаю, кто вы, но вы должны быть Николаша Гречъ: тому назадъ двадцать лѣтъ вы разсказывали точно такъ".— „А вы—Костенька Васильевъ," возразилъ я ему. Точно, это былъ Константинъ.... Васильевъ, внукъ Кострецовой, хозяйки дома у Симеона, гдѣ мы жили.

Матушка видѣла мою внимательность, радовалась ей и всячески старалась удовлетворить моей жаждѣ къ познаніямъ. Лучше было бы отдать меня въ какую нибудь хорошую школу, напримѣръ, въ Петровскую, но это не сбылось. Батюшка, замѣчая мою охоту къ ученью, также радовался этому, соглашался, что нужно дать мнѣ надлежащее обученіе, но все отлагалъ до новаго года, до Святой, до сентября, опять до новаго года, и т. д. Когда дѣла отца моего поправились вступленіемъ въ службу, жизнь въ домѣ нашемъ сдѣлалась пріятною и веселою. Добрые пріятели у насъ обѣдали, играли въ карты, танцовали. Въ числѣ ихъ не могу пройти молчаніемъ товарища моего отца, по службѣ въ Экспедиціи казначейства, Данила Ивановича Кюля (Kühl): онъ былъ умный и пріятный собесѣдникъ и предалъ въ нашемъ домѣ имя свое безсмертію тѣмъ, что первый ввелъ у насъ бостонъ, вмѣсто прежнихъ виста и ломбера. Помню, какъ пламенно

любители картъ въ то время восхищались новою игрою. Теперь она забыта. Вистъ, преданный тогда остракизму, опять вступилъ въ свои права и уже вновь трепещетъ предъ преферансомъ, ералашемъ и тому подобными великими изобрѣтеніями. Кюль приводилъ къ намъ иногда побочнаго сына своего Андрея: онъ былъ постарше меня, не глупъ, но очень рѣзвъ, лѣнивъ и дерзокъ. Добру мы отъ него не научились. Близкими намъ пріятелями были А. М. Брискорнъ и Егоръ Астафьевичъ Брюммеръ, другъ и товарищъ дядюшки Александра Яковлевича Фрейгольда, любимый имъ, могу сказать, страстно. Я писалъ выше, какимъ образомъ бабушка Христина Михайловна испортила службу и всю судьбу своего сына. Не кончивъ еще польскаго похода, въ 1794 г., онъ прибылъ въ Петербургъ и остановился въ домѣ моего отца, въ отдѣльной квартирѣ, которая принадлежала къ нашей. Онъ занялся мною и сталъ учить меня тому, что зналъ самъ — ариѳметикѣ, по старымъ своимъ корпуснымъ тетрадямъ. Онъ толковалъ мнѣ правила математическія ясно и основательно. Я учился охотно и съ успѣхомъ, но не могъ пристраститься къ точнымъ наукамъ. Все бы читать что нибудь и составлять самому. Дѣйствительно, у меня занятія сочиненіями предупредили грамоту. Величайшимъ удовольствіемъ моимъ было, проснувшись рано утромъ, разсказывать брату Александру не минувшія, а будущія приключенія наши. Мы служили съ нимъ то въ статской, то въ военной службѣ, воевали, страдали отъ ранъ, получали награды, возвышались чинами; я женился на Аннѣ Ивановнѣ Нордбергъ, а онъ на другой красавицѣ, и т. д. Онъ слушалъ меня съ восторгомъ и иногда смягчалъ или усиливалъ вымышляемые мною удары судьбы, но вообще имъ покорялся. Онъ былъ очень рѣзвъ и не любилъ занятій, но слушанье этихъ сказокъ его укрощало. Видя, что я расположенъ сочинять, онъ вызывалъ меня словами: давай говорить, которыя, впослѣдствіи, отъ частаго употребленія, превратились въ звуки дауэ ги.... Скудное, одностороннее воспитаніе, скажете вы; но оно не мѣшало

свободному развитію понятій, не стѣсняло ихъ формами. Неужели полезнѣе было бы склонять mensa, mensae? Не должно однако думать, чтобы Александръ Яковлевичъ Фрейгольдъ былъ только сухой математикъ: нѣтъ, онъ любилъ чтеніе книгъ и самъ писалъ очень умно, хотя и несовсѣмъ правильно. Еслибы онъ получилъ порядочное, классическое образованіе, то непремѣнно сдѣлался бы хорошимъ литераторомъ. Онъ писалъ и стихи въ шуточномъ и сатирическомъ родѣ, но они оставались въ тѣсномъ кругу его друзей. Однажды, при возвращеніи друга его, Брюммера, изъ какой-то командировки, прождавъ его цѣлый день, онъ вышелъ изъ терпѣнія и написалъ экспромтомъ на рябаго своего друга:

Скверна Брюммерова рожа,
Никуда она не гожа,
Словно, словно, какъ рогожа
И на дьявола похожа.
Вся источена червями
Иль царапана когтями;
Сердясь, морщитъ онъ бровями,
Что изрытъ онъ такъ свиньями.
Это шутка, всеконечно,
Ты, пріятель, это знай,
И отъ любящихъ сердечно
Ты хвалу днесь принимай.
Хоть наружностью ты скверенъ,
Но душа въ тебѣ добра;
Ты друзьямъ своимъ всѣмъ вѣренъ,
Никому не сдѣлалъ зла.
Что, пріятель, добродѣтель,
Такъ какъ должно ее чтить:
Добрыхъ дѣлъ твоихъ свидѣтель
Не оставитъ наградить.

Стихи эти теперь кажутся очень плохими; они и тогда были не слишкомъ хороши, но я не могъ не привести ихъ: всякая строчка, всякое слово, напоминающія мнѣ о благородномъ, незабвенномъ Александрѣ Яковлевичѣ Фрейгольдѣ,

для меня неоцѣненны. Жаль, что я не помню стиховъ его на курьезную коллекцію бывшаго впослѣдствіи вотчимомъ его, Ивана Егоровича Фока:

Какъ комодикъ свой откроетъ
И бумажки всѣ разроетъ,
Сколько, сколько тамъ вещей,
Молотковъ разныхъ, клещей.
Тамъ старинные антики,
Хоть цѣною не велики, и т. д.

Подумаешь и посравнишь вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій! Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Нынѣ не повѣрятъ, какъ отправлялась военная служба въ тотъ громкій славою Екатерининъ вѣкъ!

Александръ Яковлевичъ Фрейгольдъ раза два въ мѣсяцъ ходилъ въ караулъ, на арсенальную гауптвахту. Этотъ день былъ для насъ, дѣтей, праздникомъ. Утромъ дядюшка надѣвалъ мундиръ, красный съ черными бархатными отворотами и отправлялся на службу. Обѣденное кушанье носили къ нему на гауптвахту, а послѣ обѣда вся фамилія съ гостями, какіе случались, отправлялась къ нему на вечеръ. Онъ принималъ гостей въ утреннемъ сюртукѣ, похожемъ на халатъ, въ красныхъ сафьянныхъ сапогахъ. Раскрывались ломберные столы, и бостонъ вступалъ въ свои права. Николай Михайловичъ Кудлай приносилъ скрипку и игралъ въ антрактахъ; братья его пѣли стихи Державина на свадьбу великаго князя Александра Павловича:

Амуру вздумалось Психею
Рѣзвяся поймать, и пр.

За круглымъ столомъ маменька разливала чай, а мы бѣгали по комнатѣ и рѣзвились. Въ девятомъ часу являлся сержантъ, рапортовалъ, что все обстоитъ благополучно и получалъ приказаніе бить зорю. Часу въ одиннадцатомъ подавали холодный ужинъ, потомъ гости расходились, и деньщикъ сталъ постель караульному офицеру. Солдатами помыкали

офицеры, какъ крѣпостными людьми и наряжали ихъ въ частную службу. У насъ случилась покража. Что-жъ? Въ продолженіе цѣлой зимы изъ роты Александра Яковлевича Фрейгольда наряжали къ намъ на каждую ночь двоихъ часовыхъ. Солдаты были очень рады этой службѣ: ихъ кормили и поили вдоволь и, подъ предлогомъ охраненія дома, они спали преспокойно всю ночь. Намъ, дѣтямъ, этотъ постой былъ очень пріятенъ: мы заставляли солдатъ разсказывать о походахъ и слушали ихъ со вниманіемъ и восторгомъ. Въ числѣ ихъ случались и барабанщики: отъ нихъ мы выучились мастерски бить въ барабанъ, и я однажды изумилъ до чрезвычайности дѣтей моихъ, ударивъ дробь на барабанѣ съ большимъ искусствомъ. Они не подозрѣвали во мнѣ этого военнаго художества и не такъ бы удивились, еслибы я заговорилъ по-китайски.

Дома для насъ праздничнымъ днемъ была среда. И почему? Батюшка въ этотъ день обыкновенно обѣдалъ не дома, а у нѣкоей мадамъ Михельцъ, богатой, умной, образованной вдовы нѣмецкаго купца, жившей въ довольствѣ и добрѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петровской церкви. Она собирала у себя по средамъ хорошую компанію, преимущественно мужчинъ, подчивала ихъ хорошимъ обѣдомъ и находила удовольствіе въ ихъ бесѣдѣ. Всѣ старались ей угождать, прислушивались къ ея желаніямъ и т. п., особенно по той причинѣ, что она, не имѣя ни дѣтей, ни другихъ родственниковъ, давала знать, что раздастъ послѣ смерти свое имѣніе своимъ пріятелямъ и знакомымъ. Она скончалась въ исходѣ девяностыхъ годовъ, распредѣливъ дѣйствительно всѣмъ своимъ середовымъ гостямъ имѣніе свое по ровной части, такъ что каждому досталось понемногу. Наслѣдство раздѣлили не вскорѣ послѣ смерти, потому что должно было списываться съ чужими краями. Доля моего отца была ему выплачена въ 1802 году, когда онъ былъ въ крайности, и это обрадовало матушку и всѣхъ насъ. Нравъ моего отца былъ такъ неровенъ, что мы считали тотъ день счастливымъ,

когда обѣдали безъ него. Матушка была строже его, но она была справедлива и всегда одна и та же: мы и любили ее больше, и боялись. Его же только опасались.

На осьмомъ году отъ рожденія испыталъ я первое сильное горе: въ февралѣ 1795 г. умеръ братъ мой Павелъ, на пятомъ году жизни, какъ полагаютъ, вслѣдствіе застуды бывшей на немъ оспы. Всѣ мы были до крайности огорчены его потерею. До сихъ поръ не могу я сносить запаху мускуса, которымъ пахло послѣднее данное ему лекарство. Въ искренней печали моей я написалъ на этотъ случай стихи, безъ мѣры, безъ грамматическаго толку, но съ риѳмами и — съ чувствомъ, которое глубоко тронуло матушку.

Не понимаю, какъ отецъ мой не употребилъ всѣхъ средствъ, чтобы дать мнѣ воспитаніе литературное. Меня всѣ въ домѣ звали профессоромъ, но отнюдь не въ похвалу, а въ насмѣшку, разумѣя подъ этими словами тяжелаго педанта, горбатаго и безобразнаго.

Нѣкоторыя тогдашнія связи и примѣры имѣли неблагопріятное вліяніе на нравственность нашу. У сестры Кати была няня, офицерская вдова, обѣдавшая съ нами за столомъ, Пелагея Тихоновна Верещагина. Съ нею жилъ у насъ и сынъ ея, дѣтина лѣтъ двадцати, служившій въ Экспедиціи о доходахъ, человѣкъ очень шаткой нравственности и вредный своимъ образомъ жизни. Еще невыгодно было для насъ обращеніе съ негоднымъ мальчишкою, сыномъ жившаго въ одномъ съ нами домѣ булочника. Впрочемъ, трудно уберечь мальчиковъ отъ дурныхъ знакомствъ, да и, можетъ быть, было бы безполезно: обращеніе съ людьми разныхъ характеровъ заставляетъ узнавать людей и развиваетъ понятіе объ общежитіи. Люди, которые обходятся только съ честными и благородными людьми, становятся односторонними и привыкаютъ считать всѣхъ людей или ангелами, или чертями.

Разсудокъ и память моя укрѣплялись. Очень памятенъ мнѣ 1796-й годъ. У отца моего былъ близкій пріятель, инженеръ-полковникъ Самуилъ Ивановичъ Крейцъ, родомъ гол-

ландецъ, поступившій въ русскую службу съ Сухтеленомъ де-Волантомъ, де-Виттомъ и другими нидерландскими инженерами, человѣкъ очень умный и образованный. Онъ былъ вдовъ, имѣлъ одного сына, большаго болвана, и намѣренъ былъ жениться на тетушкѣ Еленѣ Ивановнѣ. Вдругъ, въ мартѣ 1796 г., онъ заболѣлъ и неожиданно умеръ. Опеку надъ нимъ ввѣрили моему отцу, который оттого имѣлъ много заботъ и досадъ. По этому случаю мы, т. е. я и братъ Александръ, ѣздили съ нимъ въ Царское Село, къ генералу Сухтелену, который жилъ въ Софіи, въ домѣ, занимаемомъ потомъ Александровскимъ Кадетскимъ Корпусомъ. У Сухтелена видѣлъ я Барклая-де-Толли, бывшаго, помнится, въ то время подполковникомъ; онъ произвелъ сильное во мнѣ впечатлѣніе строгою и умною своею физіономіею и георгіевскимъ крестомъ, который я увидѣлъ на немъ въ первый разъ въ жизни. Гуляя по саду, встрѣтились мы съ прогуливающеюся императрицею. Ее велъ подъ руку какой-то генералъ. Великіе князья, Александръ и Константинъ, шли подлѣ нея. За ними шла толпа придворныхъ и народа. Музыка играла польскій. Зрѣлище это затаилось въ моей памяти, вмѣстѣ съ сопровождавшими его звуками. Лѣтъ черезъ двадцать, И. К. Борнъ заигралъ этотъ польскій (Козловскаго, изъ оперы „Adèle et Dorsan“), и знакомые тоны вызвали изъ глубины души моей зрѣлище, видѣнное мною въ дѣтствѣ.

25-го мая все наше семейство отправилось на острова. Помню Каменный Островъ съ каменною тонею, садъ Строганова... Мы прошли на Черную Рѣчку. Нынѣ тамъ рядъ великолѣпныхъ и изящныхъ домовъ. Тогда это была простая деревня, къ тому еще до половины выгорѣвшая. Мы расположились въ одномъ крестьянскомъ домѣ, чтобы напиться чаю. Хозяйка предложила отдать его намъ внаймы. „А что цѣна?“ спросилъ батюшка. — „Двадцать пять рублей, сударь, ни копѣйки менѣе“, — отвѣчала она. Ей дали въ задатокъ пять рублей, и чрезъ недѣлю мы переѣхали. Кромѣ насъ, никого не жило въ деревнѣ. Всѣ помѣщались въ одной избѣ. Кухня устроена

была на берегу, въ ямѣ, обведенной рогожами на шестахъ. Скудно, бѣдно, неловко, а весело. Этотъ годъ кажется мнѣ самымъ счастливымъ въ моемъ дѣтствѣ. Дядюшка Александръ Яковлевичъ Фрейгольдъ пріѣзжалъ къ намъ частенько и привозилъ другихъ гостей. Мы ходили гулять по окрестностямъ, катались на яликахъ, причемъ я выучился мастерски дѣйствовать весломъ. Въ воскресенье бывала музыка въ саду Строганова. Туда стекалась многочисленная публика. Самъ старикъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, сидѣлъ съ своею компаніею на крыльцѣ и любовался картиною движущагося народа. Батюшка служилъ секретаремъ департамента, въ которомъ Строгановъ былъ сенаторомъ, слѣдственно, былъ ему знакомъ; къ тому же, онъ пользовался большимъ съ его стороны благоволеніемъ. Графъ крестилъ сестру Лизу и брата Павла (меньшаго). Графъ жаловался однажды, что ни одинъ изъ посѣтителей не вздумаетъ пить чай на пригоркѣ, за озеромъ, передъ его домомъ. Батюшка сдѣлалъ ему это удовольствіе: въ одно воскресенье принесли туда столикъ, самоваръ и чайный приборъ, и мы расположились на пригоркѣ. Въ саду не было ни кофейни, ни трактира. Графскіе люди продавали все съѣстное и питейное, и очень дешево, потому что запасались провизіею изъ графскихъ кладовыхъ. Въ одной сторонѣ сада устроена была галлерея для танцевъ; въ ней играла музыка. Вокругъ ея разбиты были палатки, въ которыхъ можно было имѣть кушанье и напитки. Разъ проходили мы мимо графа, сидѣвшаго на крыльцѣ.

— Что́ твои нѣмцы? спросилъ онъ у батюшки, — веселятся-ли?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, ждутъ васъ, чтобы открыть балъ.

И почтенный старичокъ самъ отправился въ галлерею, велѣлъ играть польскій и, поднявъ первую нѣмку, пошелъ танцовать съ нею. За нимъ послѣдовали прочіе, и балъ закипѣлъ.

Въ послѣдніе годы жизни Екатерины уже не было тѣхъ

празднествъ, турнировъ и т. п., которыми блистали первые годы, когда все еще веселье было большое и искреннее. Однажды государыня приказала князю Зубову привезть къ ней графа Строганова. Онъ отправился на большомъ катерѣ съ пушками, аттаковалъ его дачу, сдѣлалъ десантъ. Графъ Строгановъ отпаливался своими пушками, наконецъ спустилъ флагъ, былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ во дворецъ. Строгановъ, Нарышкинъ и т. п. были представителями забавъ аристократіи благородной и чувствующей свое достоинство. Но Безбородки, Завадовскіе, Храповицкіе и прочіе выскочки тѣшились не самымъ приличнымъ образомъ. Безбородко былъ то же, что нынѣ Вронченко, только въ большомъ размѣрѣ. Каждую субботу послѣ обѣда, надѣвалъ онъ синій сюртукъ, круглую шляпу, бралъ трость съ золотымъ набалдашникомъ и клалъ сто рублей въ карманъ. Вооруженный такимъ образомъ, онъ посѣщалъ самые неблагопристойные дома. Зимою по воскресеньямъ бывалъ онъ всегда въ маскарадахъ у Ліона [1]) и проводилъ время среди прелестницъ часовъ до пяти утра. Въ восемь часовъ его будили, окачивали холодною водою, одѣвали, причесывали, и полусонный онъ ѣздилъ во дворецъ съ докладомъ, но, предъ входомъ въ кабинетъ государыни, стряхивалъ съ себя ветхаго человѣка и становился умнымъ, серіознымъ, дѣльнымъ министромъ. Однажды государыня прислала за нимъ изъ Царскаго Села. Гонецъ засталъ его среди пламенной оргіи. Безбородко приказалъ пустить себѣ кровь изъ обѣихъ рукъ, протрезвился и отправился. Государыня спросила у него: „готова ли такая-то бумага“. — „Готова, ваше величество“, — отвѣчалъ онъ и, вынувъ изъ-за пазухи другую какую-то бумагу, прочиталъ чего требовала государыня. — „Хорошо, сказала она: — только мнѣ хотѣлось бы пройти самой эту бумагу съ перомъ. Подай ее!“ Онъ упалъ на колѣни и признался въ обманѣ.

---

[1]) На Невскомъ проспектѣ у Казанскаго моста, бывшій потомъ Энгельгардта, Ольхиной, а нынѣ принадлежащій Учетному и Ссудному банку. Пр. ред.

Наконецъ государынѣ надоѣла эта геніальная Lüderlichkeit [1]), и она очень деликатно дала графу Безбородкѣ чувствовать, что онъ старѣетъ, что ему трудно вставать рано, и просила его присылать къ ней, вмѣсто себя, кого нибудь изъ своихъ секретарей. Графъ выбралъ коллежскаго совѣтника Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго. Онъ ѣздилъ съ докладами къ государынѣ и вскорѣ заслужилъ ея благоволеніе. Она пожаловала ему (въ этомъ чинѣ) Владиміра второй степени, подъ предлогомъ, что не привыкла работать съ секретаремъ безъ звѣзды и потомъ, узнавъ, что онъ небогатъ, пожаловала ему три тысячи душъ. Трощинскій былъ человѣкъ умный, смѣтливый, трудолюбивый и очень добрый. Наружность его была самая пріятная. Онъ сгубилъ себя связью съ какой-то гадкою бабою, извѣстною подъ именемъ Матрешки, на которой впослѣдствіи женился. Тогдашніе министры были не ангелы: высокомѣрны, не очень доступны, иногда пристрастны, но въ нихъ было болѣе добродушія и простоты, болѣе человѣколюбія и снисхожденія къ слабостямъ людскимъ. Въ то время не было этихъ монархическихъ Робеспьеровъ, которые готовы, на основаніи законовъ, казнить отца родного, только бы не прослыть человѣкомъ слабымъ и подкупнымъ. Они хотятъ быть справедливыми, но справедливъ одинъ Богъ; а мы, люди, должны быть терпѣливы и снисходительны.

Другіе новоиспеченые вельможи были таковы же: Завадовскій былъ пьяница и умеръ (въ январѣ 1812 г.), вспомнивъ старинку, какъ говорили, съ старымъ другомъ своимъ, княземъ Лопухинымъ. Храповицкій, человѣкъ большого ума и дарованій, былъ большой гуляка. Однажды пріѣхалъ въ Петербургъ какой-то степнякъ по дѣламъ своимъ и, имѣя письмо къ Храповицкому отъ одного важнаго человѣка въ провинціи, отправился къ нему, но не засталъ дома. Оттуда поѣхалъ онъ на Крестовскій островъ, вошелъ въ трактиръ, и, видя накрытый столъ, сѣлъ и велѣлъ подавать обѣдать. Прислуж-

[1]) Распущенность.

ники, полагая, что онъ принадлежитъ къ компаніи, заказавшей обѣдъ, исполнили его требованіе. Въ это время вошла эта компанія и расположилась за столомъ. Одинъ изъ ея членовъ, увидѣвъ чужаго и замѣтивъ по его пріемамъ, что онъ пріѣзжій провинціалъ, сталъ надъ нимъ подтрунивать. Странникъ сначала отшучивался, но потомъ, когда нападенія усилились, сталъ браниться, а наконецъ отвѣчалъ за дерзость пощечиною. Завязалась драка, изъ которой степной герой вышелъ побѣдителемъ, оставивъ подъ глазами краснорожихъ своихъ супостатовъ багровые слѣды своей храбрости. Выспавшись на другой день, онъ поспѣшилъ поранѣе отправиться къ Храповицкому. „Баринъ дома,—сказали ему,—но не очень здоровъ и никого не принимаетъ“. Пріѣзжій приказалъ однако доложить о себѣ и сказать, что привезъ письмо отъ такого лица, которому Храповицкій ни въ чемъ не откажетъ. И, дѣйствительно, онъ былъ потомъ принятъ. Его ввели въ спальню, завѣшенную со всѣхъ сторонъ. Приблизившись къ постели, онъ съ низкимъ поклономъ отдалъ письмо и прибавилъ комплиментъ отъ себя, но, лишь только раздались звуки его голоса, Храповицкій сказалъ ему:

— Вашъ голосъ мнѣ что-то знакомъ. Я васъ видѣлъ, а гдѣ — не помню.

— Быть не можетъ, отвѣчалъ тотъ, — чтобы я имѣлъ это счастіе. Я только вчера пріѣхалъ въ Петербургъ.

— Нѣтъ, точно, я васъ знаю, сказалъ Храповицкій и велѣлъ поднять стору.

Степнякъ взглянулъ на него и обмеръ: это былъ тотъ самый человѣкъ, котораго онъ приколотилъ наканунѣ. Храповицкій, позабавившись его смущеніемъ, подалъ ему руку и сказалъ: „Ну, полно, помиримся. Сдѣлаю для васъ, что́ могу, а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“. Онъ не только сдѣлалъ все, что́ могъ, для посѣтителя, но и принималъ его съ тѣхъ поръ какъ друга...

Все это разсказываю я вамъ на лугу, передъ домомъ графа Строганова. Жизнь на Черной Рѣчкѣ до того понравилась

всему нашему семейству, что отецъ мой рѣшился провести тамъ и слѣдующій годъ: наняли другой, просторный домъ съ садикомъ; пристроили къ нему галлерею; подлѣ соорудили кухню и, въ ожиданіи будущихъ благъ, отправились осенью въ городъ.

L'homme propose [1]). 6-го ноября скончалась Екатерина, воцарился Павелъ, и не только нашъ домъ на Черной Рѣчкѣ, но и весь Петербургъ и вся Россія опрокинулись вверхъ дномъ. Кромѣ того, что надлежало быть всегда наготовѣ въ городѣ, должно было, для проѣзда чрезъ воздвигнутые тогда шлагбаумы, предъявлять паспортъ; впослѣдствіи всякъ, кто выѣзжалъ за городъ, обязанъ былъ трижды публиковаться въ газетахъ, какъ отъѣзжающій заграницу. Это называлось порядкомъ и благоустройствомъ.

Кончиною Екатерины прекратился славный, счастливый вѣкъ Россіи, но и этотъ вѣкъ былъ не безъ пятенъ, не безъ страданій общихъ и частныхъ. Главною помѣхою совершенному успѣху царствованія Екатерины была несправедливость и противозаконность вступленія ея на престолъ. Вѣнецъ царскій принадлежалъ ея сыну. Она должна была тяжкимъ трудомъ, великими услугами и пожертвованіями, дѣйствіями, противными ея сердцу и нраву, искупать то, что́ цари законные имѣютъ безъ труда. Между тѣмъ, можетъ быть, эта самая необходимость и была отчасти пружиною великихъ и блистательныхъ дѣлъ ея. Мнѣ кажется, что она, успѣвъ во многомъ, ошиблась въ одномъ: она жила слишкомъ долго. Умри она по совершеніи двадцатипятилѣтія царствованія ея, въ началѣ 1787 года, тогда не имѣли бы мы второй войны турецкой, войны шведской, можетъ быть, не послѣдовало бы окончательнаго раздѣла Польши, вреднаго и пагубнаго для Россіи. Сынъ ея вступилъ бы на престолъ не на 43-мъ, а на 32-мъ году отъ рожденія, еще не совершенно раздраженный и выведенный изъ терпѣнія ея любимцами. Но судьбы Божіи

---

[1]) Человѣкъ предполагаетъ.

неисповѣдимы [1]). Не хочу писать здѣсь исторіи Екатерины; упомяну о нѣкоторыхъ чертахъ ея жизни и характера, не всѣмъ извѣстныхъ. Царствованіе ея было не только славное и громкое; оно было вполнѣ народное.

Отецъ ея, принцъ Ангальтъ-Цербстскій, былъ комендантомъ въ Штеттинѣ (какъ впослѣдствіи и отецъ императрицы Маріи Ѳеодоровны), и жилъ съ женою въ разладѣ. Она (урожденная принцесса Гольштинская) проводила большую часть времени заграницею, въ забавахъ и въ развлеченіяхъ всякаго рода. Во время пребыванія ея въ Парижѣ, въ 1728 году, сдѣлался ей извѣстнымъ молодой человѣкъ, бывшій при русскомъ посольствѣ, Иванъ Ивановичъ Бецкій, сынъ плѣнника въ Швеціи князя Трубецкаго, прекрасный собою, умный, образованный.

Екатерина II была очень похожа лицомъ на Бецкаго (ссылаюсь на прекрасный его портретъ, выгравированный Радигомъ). Государыня обращалась съ нимъ, какъ съ отцомъ, поручила ему всѣ благотворительныя и воспитательныя заведенія. Онъ основалъ воспитательные дома, Смольный Монастырь, былъ президентомъ Академіи Художествъ и т. п. Воспитанницы первыхъ выпусковъ Смольнаго Монастыря, набитыя ученостью, вовсе не знали свѣта и забавляли публику своими наивностями, спрашивая, напримѣръ, гдѣ то дерево, на которомъ ростетъ бѣлый хлѣбъ? По этому случаю сочинены были къ портрету Бецкаго вирши:

Иванъ Иванычъ Бецкій
Человѣкъ нѣмецкій,
Носилъ мундиръ шведскій,

[1]) Это написано въ 1851 году, за четыре года до кончины императора Николая Павловича, и заключаетъ въ себѣ что-то пророческое: умри Николай въ 1850 году, онъ не дожилъ бы до пагубной войны съ французами и англичанами, которая прекратила жизнь его и набросила на его царствованіе мрачную тѣнь. Но тѣнь эта существуетъ только для современниковъ. При свѣтѣ безпристрастной исторіи она исчезнетъ, и Николай станетъ на ряду самыхъ знаменитыхъ и доблестныхъ царей въ исторіи.

Прим. Греча.

Воспитатель дѣтскій,
Въ двѣнадцать лѣтъ
Выпустилъ въ свѣтъ
Шестьдесятъ куръ,
Набитыхъ дуръ.

Извѣстно, что онъ дожилъ до глубокой старости. Екатерина была при немъ въ послѣднія минуты его жизни.

Прибывъ въ Россію нѣмецкою принцессою, Екатерина вела жизнь незавидную, но умѣла побѣдить всѣ препятствія. Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, бывшій при ней статсъ-секретаремъ и докладывавшій ей ежедневно по дѣламъ иностранной политики, разсказалъ мнѣ о ней слѣдующій анекдотъ: „Дивятся всѣ, сказала однажды Екатерина, какимъ образомъ я, бѣдная нѣмецкая принцесса, такъ скоро обрусѣла и пріобрѣла вниманіе и довѣренность русскихъ. Приписываютъ это глубокому уму и долгому изученію моего положенія. Совсѣмъ нѣтъ! Я этимъ обязана русскимъ старушкамъ. Не повѣришь, Николай Петровичъ, какое вліяніе онѣ имѣютъ при всякомъ дворѣ. Я пріѣхала въ Россію, страну мнѣ вовсе неизвѣстную, не зная, что меня тамъ ожидаетъ. Мужъ мой не терпѣлъ меня и самъ не могъ внушить мнѣ ни любви, ни уваженія. Тетка, Елисавета Петровна, обходилась со мною довольно ласково, но чуждалась сблизиться со мною и мало мнѣ довѣряла. Всѣ глядѣли на меня съ досадою и даже съ презрѣніемъ. Дочь прусскаго генералъ-майора сбирается быть россійскою императрицею! Однажды, въ большомъ домѣ, въ многолюдномъ обществѣ, когда рѣчь зашла обо мнѣ, стали меня осмѣивать, унижать, только что не бранить. Вдругъ бабушка хозяина, современница Петра Великаго, за меня вступилась, стала увѣрять, что при дворѣ еще не бывало подобной мнѣ принцессы и что я предназначена судьбою составить счастіе и славу Россіи. Всѣ пріутихли, всѣ безусловно согласились со старушкою, и съ тѣхъ поръ ни одно оскорбительное слово не было произнесено на мой счетъ въ

этомъ домѣ. Я замѣтила это обстоятельство и вознамѣрилась имъ воспользоваться. И въ торжественныхъ собраніяхъ, и на простыхъ сходбищахъ и вечеринкахъ, я подходила къ старушкамъ, садилась подлѣ нихъ, спрашивала о ихъ здоровьѣ, совѣтовала, какія употреблять имъ средства въ случаѣ болѣзни, терпѣливо слушала безконечные ихъ разсказы о ихъ юныхъ лѣтахъ, о нынѣшней скукѣ, о вѣтренности молодыхъ людей; сама спрашивала ихъ совѣта въ разныхъ дѣлахъ и потомъ искренно ихъ благодарила. Я знала, какъ зовутъ ихъ мосекъ, болонокъ, попугаевъ, дуръ; знала, когда которая изъ этихъ барынь именинница. Въ этотъ день являлся къ ней мой каммердинеръ, поздравлялъ ее отъ моего имени и подносилъ цвѣты и плоды изъ ораніенбаумскихъ оранжерей. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ самая жаркая хвала моему уму и сердцу послышалась со всѣхъ сторонъ и разнеслась по всей Россіи. Самымъ простымъ и невиннымъ образомъ составила я себѣ громкую славу и, когда зашла рѣчь о занятіи русскаго престола, очутилось на моей сторонѣ значительное большинство".

— Въ другой разъ (говорилъ Николай Петровичъ), государыня, подписавъ, въ веселомъ расположеніи духа, нѣсколько поднесенныхъ ей бумагъ, одну за другою, спросила у меня.

— Какъ ты думаешь, Николай Петровичъ, трудное ли дѣло управлять людьми?

— Думаю, государыня, что труднѣе этого дѣла нѣтъ на свѣтѣ.

— И! пустое, возразила она: — для этого нужно наблюдать два, три правила, не больше.

— Согласенъ, ваше величество, но эти правила составляютъ достояніе и тайну великихъ и геніальныхъ людей.

— Нимало. Эти правила довольно извѣстны. Хочешь ли, я сообщу ихъ тебѣ?

— Какъ не хотѣть, ваше величество!

— Слушай же: первое правило — дѣлать такъ, чтобы люди думали, будто они сами именно хотятъ этого...

— Довольно, государыня,—сказалъ тонкій царедворецъ:— если успѣю употребить это правило на дѣлѣ, мнѣ прочія уже ненужны.

И, дѣйствительно, Екатерина умѣла употреблять это правило въ совершенствѣ. Вся Россія увѣрена была, что императрица, во всѣхъ своихъ дѣлахъ, только исполняетъ желаніе народа. Сообщу еще два истинные случая изъ ея царствованія.

Въ девяностыхъ годахъ произошла въ одномъ петербургскомъ трактирѣ драка между армейскими офицерами и мастеровыми, причемъ нѣсколько послѣднихъ были изувѣчены и одинъ убитъ. Произвели слѣдствіе и судъ. По мнѣнію всѣхъ инстанцій, трое изъ подсудимыхъ были виноваты кругомъ, а одинъ въ меньшей степени. На докладѣ Сената, государыня смягчила наказаніе, къ которому присуждены были три первые, но приговоръ надъ послѣднимъ приказала исполнить. Генералъ-прокуроръ, полагая, что эта резолюція положена по ошибкѣ, доложилъ о томъ государынѣ и получилъ въ отвѣтъ: „Нѣтъ, я не ошиблась. Трое не такъ виновны, а послѣдній злодѣй“. Его сослали въ Сибирь. Лѣтъ черезъ двадцать обратился онъ къ императору Александру Павловичу съ просьбою объ облегченіи судьбы его. Дѣло пересмотрѣли въ Совѣтѣ, донесли государю, что люди, болѣе виновные, давно получили прощеніе, и испрашивали помилованія остальному. Государь согласился. Помилованный прибылъ въ Петербургъ и съ жаромъ благодарилъ государственнаго секретаря, А. Н. Оленина, за его предстательство. И что-жъ! Чрезъ полгода онъ оказался сущимъ извергомъ и опять былъ сосланъ въ Сибирь. Екатерина, изъ производства дѣла, увидѣла, что трое виновныхъ поступали въ жару гнѣва и страсти, а этотъ дѣйствовалъ хладнокровно. Это обстоятельство ускользнуло изъ виду всѣхъ слѣдователей и судей.

Вотъ другой анекдотъ. Одинъ повытчикъ 1-го Департамента Сената, запечатывая и надписывая пакеты съ высочайшими подписными указами, рвалъ въ то же время негод-

ныя бумаги и въ разсѣяніи разорвалъ одинъ подписной указъ. Это считалось въ то время преступленіемъ уголовнымъ и государственнымъ. Что-жъ! Онъ переписалъ изорванный указъ вновь, нанялъ извозчика, отправился въ Царское Село и остановился въ аллеѣ, по которой государыня обыкновенно гуляла по вечерамъ. Завидѣвъ ее, онъ бросился на колѣни и вскричалъ:

— Матушка государыня! спасите меня!

Она подошла къ нему и выслушала разсказъ о его несчастіи.

— Вотъ, ваше величество, сказалъ онъ,— изорванный указъ, а вотъ и вновь переписанный. Потрудитесь подписать, а то оберъ-секретарь меня сгубитъ.

— Да какъ и чѣмъ подписать? спросила она въ недоумѣніи.

— Вотъ перо и чернила, сказалъ онъ, вынимая стклянку:— вотъ на этой скамейкѣ.

Государыня исполнила его просьбу. Онъ поцѣловалъ полу ея платья и ударился бѣжать къ своему извозчику. Чрезъ нѣсколько дней, при докладѣ генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, Екатерина спросила у него:

— Есть ли въ канцеляріи 1-го Департамента чиновникъ такой-то?

— Есть, ваше величество.

— Что̀ онъ за человѣкъ?

— Честный и прилежный, но какъ онъ сдѣлался извѣстенъ вашему величеству?

Она разсказала о случившемся.

— Ахъ, онъ негодяй, дерзкій! закричалъ князь: — да какъ онъ смѣлъ! Вотъ я его!

— Не горячись, возразила Екатерина,—и не дѣлай ему ничего; не показывай даже, что знаешь объ этомъ. Ты не повѣришь, какъ меня порадовала и утѣшила довѣренность этого человѣка: онъ трепеталъ предъ оберъ-секретаремъ, а на меня надѣялся! Любовь и довѣріе народа мнѣ всего дороже!

Большою помѣхою славѣ Екатерины и совершенію ея великихъ плановъ была любовь ея къ фаворитамъ. Масонъ сохранилъ намъ имена этихъ баловней счастія. Теперь это кажется неизвинительнымъ и достойнымъ осужденія, а тогда находили весьма обыкновеннымъ и не требующимъ извиненія. Притомъ, Екатерина умѣла и слабости свои облекать изяществомъ и величіемъ. Не менѣе того, Россія страдала отъ ея фаворитовъ, и еще болѣе отъ тѣхъ людей, которыхъ вывели эти фавориты. По артиллеріи, напримѣръ, былъ у князя Зубова правитель канцеляріи, Овечкинъ, который дѣлалъ величайшія несправедливости и мерзости. Особенно тѣснилъ онъ завѣдывавшаго постройками по артиллерійскому вѣдомству, вотчима матушкина, Ивана Егоровича Фока, который былъ человѣкъ не дальній, но честный и безкорыстный. При вступленіи на престолъ Павла, Овечкинъ былъ преданъ суду за разныя злоупотребленія и Фокъ былъ въ числѣ членовъ комиссіи, судившей его. Узнавъ объ этомъ назначеніи, Овечкинъ сказалъ: „Члены комиссіи были мною облагодѣтельствованы, но они подлецы, и я отъ нихъ ничего не ожидаю. Ивана Егоровича я обижалъ, но онъ человѣкъ благородный: на него вся моя надежда". И, дѣйствительно, Фокъ употреблялъ всѣ средства, чтобы спасти прежняго своего гонителя, но это было невозможно; злоупотребленія были слишкомъ велики и очевидны, да и свыше велѣно было осудить. Овечкина разжаловали въ солдаты. Многіе другіе подобные злоупотребители власти были изобличены и наказаны, но самые хитрые уцѣлѣли и еще усилились.

Я помню день воцаренія императора Павла очень хорошо. Батюшка пріѣхалъ, по обыкновенію, изъ Сената къ обѣду часу въ третьемъ и, вошедши въ гостиную, гдѣ были матушка и всѣ домашніе, сказалъ съ поклономъ: „Поздравляю съ новымъ императоромъ Павломъ. Государыня скончалась". Всѣ изумились и начали разспрашивать, какъ это было. Я бросился въ дѣтскую и сообщилъ вѣсть эту Пелагеѣ Тихоновнѣ: „И, батенька Николай Ивановичъ, отвѣчала она: —

съ утра знаемъ, да боимся говорить. Вѣдь и фалеторы пріутихли". Должно знать, что въ тѣ времена мальчики-форейторы кричали „пади" съ громкимъ продолжительнымъ визгомъ и старались выказать этимъ свое молодечество. Съ этого дня они утихли, и варварская мода болѣе не возобновлялась. Батюшка разсказывалъ о присягѣ въ Сенатѣ и о глубокой печали, въ которую погружены были сенаторы графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и Петръ Александровичъ Соймоновъ. „Нельзя было удержаться отъ слезъ, говорилъ онъ,—видя искреннюю горесть этихъ почтенныхъ людей. Признаюсь, я старался сдерживать свои чувства, чтобы ихъ не приписали лицемѣрію". Эти господа имѣли поводъ къ слезамъ. Съ Екатериною закатилось для нихъ блистательное и благотворное солнце XVIII вѣка. Наступилъ вѣкъ штиблетъ, косъ, и т. п. воинскихъ украшеній; вѣкъ безотчетнаго самовластія, варварства и произвола. Въ первыя минуты новаго царствованія заговорили было о благихъ намѣреніяхъ государя, повторяли его счастливыя, утѣшительныя слова, изъявляли надежду, что долговременный опытъ и размышленіе научили его наукѣ царствовать; но вскорѣ все это исчезло и истина явилась во всей своей, на этотъ случай непріятной, наготѣ. Дня чрезъ три собрались у насъ военные, дядюшка Александръ Яковлевичъ Фрейгольдъ, Шванебахъ и др. Стали разсказывать о новой военной церемоніи, называемой вахтпарадомъ, о гнусномъ Аракчеевѣ, о Котлубицкомъ, о Капцевичѣ, о Купріяновѣ и о другихъ гатчинцахъ, появившихся въ свитѣ государя, въ своихъ каррикатурныхъ прусскихъ костюмахъ, которые долженствовали сдѣлаться мундирами всей русской арміи, смѣялись надъ нелѣпымъ „вонъ!" (heraus!), которое должно было вытѣснить прекрасное русское: „къ ружью!" Разумѣется, къ этому примѣшивали выдумки и пуфы. Вотъ маленькій примѣръ. Всѣ офицеры должны были носить камышевыя трости съ костянымъ набалдашникомъ. У дядюшкиной трости отскочила верхняя крышка набалдашника. Онъ вздумалъ приклеить ее сургучомъ.

Вдругъ входитъ къ нему нѣмецкій педантъ, инженеръ-майоръ Зеге-фонъ-Лауренбергъ, и спрашиваетъ, не новая ли это форма. „Точно, отвѣчалъ дядюшка,—вышелъ приказъ: снявъ верхушки съ набалдашниковъ, наполнить пустоту ихъ сургучомъ и сверху отпечатать на немъ свой гербъ, и когда, при представленіи государю или другому начальнику, онъ спроситъ у офицера: изъ дворянъ ли вы, слѣдуетъ, не говоря ни слова, поднять трость и показать свой гербъ".

И этому вѣрили! Натурально, вѣрили потому, что иныя дѣйствительныя предписанія были еще нелѣпѣе этого. Помню, какое сильное дѣйствіе произведено было въ военной публикѣ арестованіемъ двухъ офицеровъ за какую-то неисправность во фронтѣ. Дотолѣ подвергались аресту только отъявленные негодяи и преступники закона. Арестованные были въ отчаяніи и хотѣли застрѣлиться со стыда. Для нихъ арестъ былъ то же, какъ если бы нынѣ раздѣли офицера предъ фронтомъ и высѣкли. Эти нелѣпости и оскорбленіе въ бездѣлицахъ заглушили и дѣйствительное добро новаго царствованія. Приведу примѣръ матеріальный. Въ арсеналахъ стоятъ еще, вѣроятно, громоздкія пушки Екатерининскихъ временъ на уродливыхъ красныхъ лафетахъ. При самомъ началѣ царствованія Павла, и пушки, и лафеты получили новую форму, сдѣлались легче и поворотливѣе прежнихъ. Старые артиллеристы, въ томъ числѣ люди умные и свѣдущіе въ своемъ дѣлѣ, возопили противъ нововведенія. Какъ-де отмѣнять пушки, которыми громили враговъ на берегахъ Кагула и Рымника! Это-де святотатство! Самый громкій ропотъ, смѣшанный съ презрительнымъ смѣхомъ, раздался, когда вздумали стрѣлять изъ пушекъ въ цѣль. Этого-де не видано и не слыхано! Между тѣмъ, это было первымъ шагомъ къ преобразованію и усовершенію нашей артиллеріи, предъ которою пушки временъ очаковскихъ и покоренья Крыма ничтожны и безсильны.

Скажу нѣсколько словъ объ императорѣ Павлѣ. Злоба и ненависть, возбужденныя не столько несправедливостью его, сколько мелкими притѣсненіями и требованіями, преслѣдуютъ

его и за гробомъ и заставляютъ выдумывать на него всякія нелѣпости.

Павелъ I былъ воспитанъ рачительно, подъ попечительствомъ графа Н. И. Панина: это видимъ изъ любопытныхъ записокъ Порошина; но изъ этого же источника явствуетъ, что нравственная сторона была притомъ пренебрежена совершенно: одиннадцатилѣтняго отрока поощряли въ страсти его къ фрейлинѣ Чоглоковой. Хорошо ли это? Изъ тѣхъ же записокъ видно доброе сердце Павла, виденъ умъ его и способности, но въ то же время проглядываетъ нравъ его, горячій, вспыльчивый, упрямый, вздорный. И этого человѣка лишили принадлежавшаго ему трона; до сорокалѣтняго возраста держали его въ удаленіи и взаперти; дѣтей отнимали у него вскорѣ по рожденіи ихъ и воспитывали отдѣльно. Сама Екатерина осмѣяла его страсть къ вахтпарадной службѣ въ комедіи „Горе-Богатырь“ [1]). Удивительно ли, что онъ сдѣлался таковымъ, какъ былъ?

Сообщу исторію двухъ супружествъ императора Павла, почерпнутую мною изъ достовѣрнаго источника. Въ 1765 году пріѣзжалъ въ Россію посолъ датскаго двора, баронъ Ашацъ-фонъ-Ассебургъ, прусскій подданный, для рѣшенія дѣла о наслѣдствѣ гольстинскомъ, которое принадлежало Павлу I. Извѣстно, что это дѣло кончено было къ обоюдному удовольствію трактатомъ между Россіею и Даніею въ 1773 году. Ассебургъ воротился въ Данію еще ранѣе этого времени, нашелъ тамъ владычество временщика Струэнзее, не согласился ему повиноваться, вышелъ изъ датской службы и поселился въ своемъ родовомъ помѣстьѣ. Екатерина, замѣтившая умъ и способности Ассебурга въ производствѣ дѣла о Гольстиніи, велѣла узнать, не желаетъ ли онъ вступить въ ея службу, и когда онъ съ радостью принялъ это предложеніе, она объявила, что жалуетъ ему чинъ тайнаго совѣтника и назначаетъ

---

[1]) Она написана въ 1788 г., въ сентябрѣ, когда великій князь Павелъ Петровичъ находился при войскахъ въ Финляндіи. Пр. ред.

соотвѣтственное съ тѣмъ содержаніе, но желаетъ, чтобы это поступленіе его въ русскую службу оставалось до времени въ секретѣ. Въ то же время поручила она ему предпринять путешествіе по Германіи, высмотрѣть тамошніе дворы и найти невѣсту великому князю. Ассебургъ принялъ и исполнилъ это порученіе. Чрезъ нѣсколько времени донесъ онъ государынѣ, что изъ всѣхъ нѣмецкихъ принцессъ нашелъ онъ достойными сего избранія только трехъ сестеръ принцессъ Гессенъ - Дармштадтскихъ, особенно среднюю изъ нихъ. Между тѣмъ, изъявилъ онъ сожалѣніе, что государыня торопится бракосочетаніемъ сына: въ Штеттинѣ видѣлъ онъ дочь тамошняго коменданта, герцога Виртембергскаго, Софію, которая красотою, умомъ и образованіемъ достойна была бы этого сана, но она слишкомъ молода: ей только четырнадцатый годъ отъ роду. По донесенію Ассебурга, три Дармштадтскія принцессы были приглашены пріѣхать въ Петербургъ, и одна изъ нихъ, подъ именемъ Наталіи Алексѣевны, сдѣлалась великою княгинею. Бракъ совершенъ былъ съ торжествомъ невиданнымъ и неслыханнымъ, но онъ не былъ счастливъ: великая княгиня скончалась въ родахъ.

Павелъ былъ неутѣшенъ, и Екатерина рѣшилась скорѣе женить его вторично. Вспомнивъ о принцессѣ Софіи, проживавшей въ Штеттинѣ, она отнеслась прямо къ другу и союзнику своему, Фридриху II, съ просьбою совѣта и содѣйствія.

Онъ далъ, въ Санъ-Суси, подъ какимъ-то предлогомъ, придворный балъ, на которомъ разъ въ жизни былъ въ башмакахъ, и пригласилъ штеттинскаго коменданта съ женою и дочерью, которая, между тѣмъ, помолвлена была съ принцемъ Гессенъ-Дармштадтскимъ. На балѣ бесѣдовалъ онъ долго съ принцессою; потомъ поговорилъ съ принцемъ и, обратившись къ одному изъ своихъ генераловъ, сказалъ: „der Kerl ist ein Narr; sie muss Kaiserin von Russland werden“ [1]). Говорятъ, что принцъ, услышавъ это рѣшеніе, горько разревѣлся.

[1]) Малый глупъ, а она должна быть императрицею Россійскою.

Фридрихъ написалъ государынѣ, что невѣста достойна ея сына и просилъ прислать къ нему молодаго человѣка. Екатерина отправила цесаревича въ Берлинъ съ многочисленною и блистательною свитою. Первымъ его ассистентомъ былъ Румянцевъ, увѣнчанный свѣжими лаврами турецкой войны. Фридрихъ принялъ Павла съ большимъ уваженіемъ и, въ честь фельдмаршала, представилъ въ маневрахъ кагульскую битву. Въ Румянцевскомъ музеѣ есть картина, представляющая эти маневры. Фридрихъ II изображенъ въ синемъ прусскомъ мундирѣ, съ Андреевскою лентою; великій князь въ бѣломъ мундирѣ генералъ-адмирала и въ лентѣ Чернаго Орла, а Румянцевъ въ тогдашнемъ артиллерійскомъ мундирѣ, красномъ съ чернымъ воротникомъ и лацканами. Всѣ они изображены верхомъ. Эти маневры знаменуютъ начало незавиднаго для Россіи періода. Павелъ пристрастился тамъ не къ генію Фридриха, не къ побѣдамъ и славѣ его, а къ фрунту, къ косамъ, къ пуклямъ, ботфортамъ и прочимъ мелочамъ военной или штиблетной службы (Kamaschendienst, какъ говорятъ нѣмцы), и въ этомъ остался не безъ преемниковъ.

Въ Павлѣ эта страсть доходила до крайнихъ предѣловъ. Малѣйшая ошибка противъ формы, слишкомъ короткая коса, кривая пукля и т. п., возбуждали его гнѣвъ и подвергали виновнаго строжайшему взысканію. Но у насъ, гдѣ строгое, тамъ и смѣшное. Павелъ приказалъ всѣмъ статскимъ чиновникамъ ходить въ мундирахъ, въ ботфортахъ со шпорами. Однажды встрѣчается онъ съ какимъ-то регистраторомъ, который ботфорты надѣлъ, а о шпорахъ не позаботился. Павелъ подозвалъ его и спросилъ:

— Что, сударь, нужно при ботфортахъ?

— Вакса, отвѣчалъ регистраторъ.

— Дуракъ, сударь, нужны шпоры. Пошелъ!

На этотъ разъ выговоръ этимъ и ограничился, но могло бы быть гораздо хуже. Я сказалъ, что статскіе должны были ходить въ мундирахъ. Должно знать, что фраки были запрещены: носили мундиръ или французскій кафтанъ, какіе

видимъ нынѣ на театральныхъ маркизахъ. Жесточайшую войну объявилъ императоръ круглымъ шляпамъ, оставивъ ихъ только при крестьянскомъ и купеческомъ костюмѣ. И дѣти носили треугольныя шляпы, косы, пукли, башмаки съ пряжками. Это, конечно, бездѣлицы; но онѣ терзали и раздражали людей больше всякаго притѣсненія. Обременительно еще было предписаніе ѣдущимъ въ каретѣ, при встрѣчѣ особъ императорской фамиліи, останавливаться и выходить изъ кареты. Частенько дамы принуждены были ступать прямо въ грязь. Въ случаѣ неисполненія, карету и лошадей отбирали въ казну, а лакеевъ, кучеровъ, форрейторовъ наказывали тѣлесно и отдавали въ солдаты. Къ стыду тогдашнихъ придворныхъ и сановниковъ, должно знать, что они, при исполненіи, не смягчали, а усиливали требованія и наказанія. Однажды императоръ, стоя у окна, увидѣлъ идущаго мимо Зимняго дворца пьянаго мужика и сказалъ, безъ всякаго умысла или приказанія: „Вотъ идетъ мимо царскаго дома, и шапки не ломаетъ!“ Лишь только узнали объ этомъ замѣчаніи государя, послѣдовало приказаніе: всѣмъ ѣдущимъ и идущимъ мимо дворца снимать шапки. Пока государь жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, должно было снимать шляпу при выходѣ на Адмиралтейскую площадь съ Вознесенской и Гороховой улицъ. Ни морозъ, ни дождь не освобождали отъ этого. Кучера, правя лошадьми, обыкновенно брали шляпу или шапку въ зубы.

Переѣхавъ въ Михайловскій замокъ, т. е. незадолго до своей кончины, Павелъ замѣтилъ, что всѣ, идущіе мимо дворца, снимаютъ шляпы, и спросилъ о причинѣ такой учтивости.—„По высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію“, отвѣчали ему.—„Никогда я этого не приказывалъ!“ вскричалъ онъ съ гнѣвомъ и приказалъ отмѣнить новый обычай. Это было такъ же трудно, какъ и ввести его. Полицейскіе офицеры стояли на углахъ улицъ, ведущихъ къ Михайловскому замку и убѣдительнѣйше просили прохожихъ не снимать шляпъ, а простой народъ били за это выраже-

ніе вѣрноподданническаго почтенія. Можно наполнить цѣлые томы описаніемъ тогдашнихъ порядковъ и приказаній. Люди, которые въ царствованіе Екатерины не только не оказывали уваженія къ Павлу, но и съ умысломъ его оскорбляли, сдѣлались теперь, разумѣется, подлѣйшими его рабами. Таковъ былъ въ особенности тогдашній генералъ-губернаторъ петербургскій Николай Петровичъ Архаровъ, выставленный и въ запискѣ Растопчина [1]) съ дѣйствительной своей стороны. Онъ служилъ нѣсколько лѣтъ оберъ-полиціймейстеромъ и отличался расторопностью, смѣтливостью, угодливостью и подлостью. Всячески старался онъ узнавать всѣ желанія и причуды Павла, предупреждалъ выраженіе его воли, преувеличивалъ ее при исполненіи. Имя его будетъ жить въ спискѣ изверговъ, вредящихъ государямъ болѣе самыхъ отъявленныхъ революціонеровъ, лишая ихъ любви и довѣренности народной: Бирона, Аракчеева, Клейнмихеля. Но усердіе и сгубило его. Павелъ вскорѣ замѣтилъ истинную пружину его дѣйствій и уже въ 1797 году исключилъ его изъ службы. Достойнымъ его помощникомъ былъ полиціймейстеръ Чулковъ, выслужившійся такими же дѣяніями изъ сдаточныхъ.

Когда Павелъ I, при вступленіи на престолъ, ввелъ безобразную прусскую форму мундировъ и т. п., одинъ бывшій адъютантъ князя Зубова, Копьевъ [2]), посланъ былъ съ какими-то приказаніями въ Москву. Раздраженный перемѣною судьбы, онъ вздумалъ посмѣяться надъ новою формою: сшилъ себѣ, передъ отъѣздомъ, мундиръ съ длинными, широкими полами, привязалъ шпагу къ поясу сзади, подвязалъ косу до колѣнъ, взбилъ себѣ преогромныя пукли, надѣлъ уродли-

---

[1]) О первомъ днѣ царствованія императора Павла Петровича.
Прим. ред.

[2]) Алексѣй Даниловичъ Копьевъ, авторъ комедіи: „Лебедянская ярмарка", былъ очень уменъ и особенно остеръ, но большой циникъ въ словахъ и поступкахъ. Никто не уважалъ его. Онъ умеръ лѣтъ за десять предъ симъ. Въ послѣднее время жизни занимался онъ торгами и подрядами и отличался скупостью и неопрятностью.

вую треугольную шляпу съ широкимъ золотымъ галуномъ и перчатки съ крагами, доходившими до локтя. Въ этомъ костюмѣ явился онъ въ Москвѣ и увѣрялъ всѣхъ, что такова дѣйствительно новая форма. Императоръ, узнавъ о томъ, приказалъ привезти его въ Петербургъ и представить къ нему въ кабинетъ. „Хорошъ! милъ!" сказалъ онъ, увидѣвъ этотъ шутовской нарядъ:—„въ солдаты его!" Приказаніе было исполнено. Копьеву въ тотъ же день забрили лобъ и зачислили въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, стоявшихъ въ Петербургѣ. Чулковъ, прежде того нерѣдко стаивавшій у него въ передней, вздумалъ надъ нимъ потѣшиться, призвалъ его къ себѣ, осыпалъ ругательствами и насмѣшками и наконецъ сказалъ:

— Да говорятъ, братецъ, что ты пишешь стихи?

— Точно такъ, писывалъ въ былое время, ваше высокородіе!

— Такъ напиши теперь мнѣ похвальную оду, слышишь ли! Вотъ перо и бумага!

— Слушаю, ваше высокородіе! отвѣчалъ Копьевъ, подошелъ къ столу и написалъ: „Отецъ твой чулокъ, мать твоя тряпица, а ты самъ что за птица!"

Не знаю, что сказалъ и сдѣлалъ Чулковъ, только эти стихи мигомъ разнеслись по городу. Чулковъ палъ вмѣстѣ съ Архаровымъ, за непомѣрное вздорожаніе сѣна въ Петербургѣ, вслѣдствіе его глупыхъ распоряженій. На общее ихъ паденіе сдѣлана была каррикатура: Архаровъ былъ представленъ лежащимъ въ гробѣ, выкрашенномъ новою краскою полицейскихъ будокъ (черною и бѣлою полосою); вокругъ него стояли свѣчи въ новомодныхъ уличныхъ фонаряхъ. У ногъ стоялъ Чулковъ и утиралъ глаза сѣномъ. Архаровъ, съ исключеніемъ изъ службы, сосланъ былъ въ свои помѣстья, а въ 1800 г. получилъ позволеніе жить въ Москвѣ, гдѣ и умеръ, въ началѣ 1814 г., сопровождаемый до гроба общимъ презрѣніемъ. Достойный внукъ его [1]) поставилъ ему монументъ

[1]) Побочный сынъ незаконной дочери Архарова съ какою-то француженкою . . . .

*

на 248 стр. III тома „Энциклопедическаго Лексикона". Съ Николаемъ Петровичемъ не должно смѣшивать брата его, Ивана Петровича (умершаго въ 1815 г.), человѣка добраго и благороднаго, отца Александры Ивановны Васильчиковой и дѣда писателя графа В. А. Соллогуба.

Мало ли что предписывалось и исполнялось въ то время! Такъ, напримѣръ, предписано было не употреблять нѣкоторыхъ словъ, напр., говорить и писать государство, вмѣсто отечество; мѣщанинъ, вм. гражданинъ; исключить, вмѣсто выключить. Вдругъ запретили вальсовать или, какъ сказано въ предписаніи полиціи, употребленіе пляски, называемой вальсеномъ. Вошло было въ дамскую моду носить на поясѣ и чрезъ плечо разноцвѣтныя ленты, вышитыя кружками изъ блестокъ. Вдругъ послѣдовало запрещеніе носить ихъ, ибо-де онѣ похожи на орденскія. Можно вообразить, какова была цензура! Нынѣшняя Шихматовская[1]) глупа, но тогдашняя была уродлива и сопровождалась жестокостью. Особенно отличался рижскій цензоръ Туманскій, кажется, Өедоръ Осиповичъ. Одинъ сельскій пасторъ въ Лифляндіи, Зейдеръ, содержавшій лѣтъ за десять до того нѣмецкую библіотеку для чтенія, просилъ, чрезъ газеты, бывшихъ своихъ подписчиковъ, чтобы они возвратили ему находящіяся у нихъ книги, и между прочимъ повѣсти Лафонтена: „Die Gewalt der Liebe" (Сила любви). Туманскій донесъ императору, что такой-то пасторъ, какъ явствуетъ изъ газетъ, содержитъ публичную библіотеку для чтенія, а о ней правительству неизвѣстно. Зейдера привезли въ Петербургъ и предали уголовному суду, какъ государственнаго преступника. Палатѣ оставалось

. . . .

[1]) При министрѣ народнаго просвѣщенія, князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ, смѣнившемъ графа Уварова. Пр. ред.

только прибрать наказаніе, а именно приговорить его къ кнуту и къ каторгѣ. Это и было исполнено. Только генералъ-губернаторъ гр. Паленъ приказалъ, привязавъ преступника къ столбу, бить кнутомъ не по спинѣ его, а по столбу. При Александрѣ I Зейдеръ былъ возвращенъ изъ Сибири и получилъ пенсію. Императрица Марія Ѳеодоровна опредѣлила его приходскимъ пасторомъ въ Гатчинѣ. Я зналъ его тамъ въ двадцатыхъ годахъ. Онъ былъ человѣкъ кроткій и тихій и, кажется, подъ конецъ жизни, попивалъ. Запьешь при такихъ воспоминаніяхъ!

Кончилось тѣмъ, что всѣ иностранныя книги были запрещены къ привозу безъ изъятія. И подѣло̀мъ! А къ чему это послужило? Согласенъ, что есть книги, которыхъ распространенія правительство допускать не должно и не смѣетъ, но ихъ число не велико, да и тѣ слѣдуетъ запрещать, удерживать безъ шума, а то онѣ найдутъ себѣ путь въ Россію въ бо̀льшемъ числѣ, нежели еслибы были позволены: запрещенный плодъ вкуснѣе и приманчивѣе всякаго другого. Нѣкоторая свобода тисненія бываетъ очень полезна правительству, показывая ему, кто его враги и друзья. Такимъ образомъ, „Отечественныя Записки", до 1848 г., могли служить лучшимъ телеграфомъ къ обнаруженію, что за люди Герценъ (Искандеръ), Долгорукій и т. п. Публика это видѣла, молодежь съ жадностью впивала въ себя ядъ невѣрія и неуваженія къ святынѣ и власти. Одинъ фанфаронъ Уваровъ не видалъ и не зналъ ничего. Когда разразилась февральская революція (1848), тогда только хватились. Я не называю NN. въ числѣ людей опасныхъ: онъ возбуждалъ молодыхъ людей и распространялъ вредныя ученія вовсе не съ революціоннымъ намѣреніемъ; при всемъ радикализмѣ своего образа мыслей, онъ употреблялъ несчастныхъ вралей орудіями къ своему обогащенію, видя, что публика падка на смѣлыя вещи. Самъ же онъ, конечно, охотно потянулъ бы веревку, еслибы ихъ стали вѣшать. Опять отступленіе—виноватъ! Сію минуту прочиталъ я брошюру Герцена Искандера (Sur le dévélop-

pement des idées révolutionnaires en Russie)[1]) и подивился безсовѣстности, съ какою онъ предаетъ нашему правительству секреты своей партіи, оправдываетъ всѣ мѣры, которыя приняты противъ его друзей и собратій, и доноситъ на Московскій университетъ въ распространеніи зловреднаго ученія въ Россіи. Возможно ли вообразить подобную гнусность! Вотъ люди, которые жалуются на государя и хотятъ передѣлать Россію!

Я пишу не исторію того времени и не исторію моей жизни, а только воспоминанія и замѣчанія. Потому и считаю не излишнимъ сообщать подробности, можетъ быть, мелочныя, но которыя не пропадутъ такимъ образомъ совершенно. Нынѣ трудно вообразить, какъ Павелъ въ то время вдругъ нажалуетъ тьму народа полковниками, генералами всѣхъ сортовъ, а чрезъ полгода всѣхъ, безъ просьбы, уволитъ въ отставку; такой участи подвергся вотчимъ матушки, Иванъ Егоровичъ фонъ-Фокъ. Онъ въ два года съ половиною выскочилъ изъ майоровъ въ генералъ-майоры, а потомъ былъ всемилостивѣйше уволенъ съ мундиромъ. Видя, что число отставныхъ въ Петербургѣ усиливается, императоръ вдругъ велѣлъ выслать всѣхъ ихъ изъ города, если они не имѣли недвижимости, процесса и т. п. Теперь легко это написать, а каково было тогда! Однажды ѣдемъ мы, съ семействомъ, ночью, отъ тетушки Елисаветы Яковлевны. Дорогою встрѣчаются обозы легковыхъ извозчиковъ. Что̀ бы это значило? Одинъ извозчикъ нечаянно задавилъ кого-то. По донесеніи о томъ государю, послѣдовалъ приказъ: выслать изъ города всѣхъ извозчиковъ. Потомъ ихъ воротили, видя крайнюю въ нихъ необходимость, но запретили дрожки, а велѣли имъ имѣть коляски. Нѣтъ спора, что запрещеніе этого гнуснаго экипажа было бы очень полезно, но не вдругъ, не въ одинъ день. Что̀ сдѣлали извозчики? Снявъ подушку съ дрожекъ, навязали на нихъ сверху сани — вотъ-де и коляска!

Павелъ I обожалъ Генриха IV и старался подражать ему,—

[1]) О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи.

удачно ли, пусть скажетъ исторія. У него были и прекрасныя Габріели, хотя онъ вообще любилъ и уважалъ свою супругу. Первою, по времени, была Екатерина Ивановна Нелидова, но главною и блистательною явилась Анна Петровна Лопухина. Милости всякаго рода посыпались на ея отца и на всю фамилію. Онъ былъ пожалованъ свѣтлѣйшимъ княземъ, получилъ мѣсто генералъ-прокурора, правда, не надолго. Ее выдали замужъ за князя Павла Гавриловича Гагарина [1]); выстроили для нея великолѣпный домъ на Дворцовой Набережной [2]). Догадавшись, что имя Анна значитъ погречески благодать, назвали имъ самый большой корабль русскаго флота; Благодать и Анна красовались на гренадерскихъ шапкахъ и на корабельныхъ флагахъ. Но должно отдать справедливость княгинѣ Аннѣ Петровнѣ: она не употребляла своей власти во зло, а дѣлала добро, сколько могла.

Фаворитизмъ Кутайсова былъ еще удивительнѣе, хотя и имѣлъ примѣръ въ брадобрѣѣ Лудовика XI. Плѣнный турченокъ мало-по-малу сдѣлался оберъ-шталмейстеромъ, графомъ, Андреевскимъ кавалеромъ, и не переставалъ брить государя. Наскучивъ однажды этимъ ремесломъ, онъ сталъ утверждать, что у него дрожитъ рука, и рекомендовалъ, вмѣ-

---

[1]) Князь П. Г. Гагаринъ былъ человѣкъ тихій, добрый, въ молодости пописывалъ стишки и женился изъ протекціи. По смерти Анны Петровны, онъ надписалъ на ея гробницѣ: „Супругѣ моей и благодѣтельницѣ"! Ужъ хоть бы промолчалъ. Онъ оставался генералъ-адъютантомъ при Александрѣ I и былъ военнымъ посланникомъ при Наполеонѣ, въ 1809 году; въ 1810 г. и послѣдующихъ служилъ директоромъ одного изъ департаментовъ Военнаго Министерства, а потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ помѣстьѣ своемъ, на берегу Невы, насупротивъ Рыбацкой слободы, съ бывшею танцовщицею Спиридоновою, окруженною стаею гнусныхъ собакъ. Не знаю, что сдѣлалось съ его имѣніемъ. Домъ, доставшійся ему послѣ жены, загорѣлся въ 1809 г., во время пребыванія здѣсь прусскаго короля и королевы; сгорѣлъ верхній этажъ, и онъ построилъ, вмѣсто его, нынѣшнюю безобразную галлерею.

[2]) Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ выстроенъ домъ г-жи Жеребцовой. Прим. ред.

сто себя, одного гвардейскаго фельдшера, очень искуснаго въ этомъ дѣлѣ и исправлявшаго свою должность у многихъ генераловъ. Но—таковъ былъ взглядъ Павла, что у бѣднаго унтеръ-офицера, со страху, бритва вывалилась изъ руки, и онъ не могъ приступить къ дѣлу. „Иванъ! закричалъ императоръ:—брѣй ты!“ Иванъ, снявъ Андреевскую ленту, засучилъ рукава, и, вздохнувъ, принялся за прежнее ремесло. Кутайсову обязанъ своимъ счастіемъ другой грибъ, не турецкій, а шотландскій. Джемсъ Виллiе прибылъ въ Россію въ званіи подлекаря и опредѣлился въ Семеновскій полкъ баталіоннымъ врачемъ. Онъ успѣлъ оказать важную услугу шефу полка, великому князю Александру Павловичу, который обѣщалъ ему свое покровительство, но не могъ ничего въ то время сдѣлать. Вдругъ Кутайсовъ заболѣлъ нарывомъ въ горлѣ. Его лечили первые придворные медики, но не смѣли сдѣлать операціи надрѣзомъ нарыва и ждали дѣйствія натуры, а боль между тѣмъ усиливалась. По ночамъ дежурили у него полковые лекаря. Виллiе явился въ свою очередь и за ужиномъ порядочно выпилъ даровой мадеры, сѣлъ въ кресла у постели и заснулъ. Среди ночи сильное храпѣніе разбудило его. Онъ подошелъ къ больному и видитъ, что тотъ задыхается. Не думая долго, онъ вынулъ ланцетъ, и царапъ по нарыву. Гной брызнулъ изъ раны; больной мгновенно почувствовалъ облегченіе и пришелъ въ себя. Пьяный Виллiе спасъ его. Можно вообразить радость императора Павла: Виллiе пошелъ въ гору, былъ принятъ ко двору и сдѣлался любимцемъ Александра I. Предвидя ожидающую его фортуну, онъ выучился латинскому языку и по секрету прошелъ курсъ медицины и хирургіи. Смѣлость, быстрый взглядъ и вѣрность руки много способствовали его успѣхамъ. Дальнѣйшее поприще его извѣстно: онъ сдѣлался лейбъ-медикомъ и любимцемъ Александра и, можетъ быть, своею отважностью и самонадѣянностью былъ причиною его преждевременной кончины. Онъ былъ начальникомъ военно-медицинской части въ Россіи и во многомъ ее поднялъ, возбудилъ въ русскихъ

врачахъ чувство собственнаго достоинства и даровалъ имъ права, обезпечивавшія ихъ отъ притѣсненій военныхъ начальствъ. Вилліе проложилъ путь многимъ людямъ съ талантами, какъ скоро они ему покорялись и льстили. Всѣхъ непокорныхъ, кто бы они ни были, преслѣдовалъ онъ и терзалъ всячески. Эгоизмъ и скупость его невѣроятны. Богатый, бездѣтный, онъ бралъ ежедневно по двѣ восковыя свѣчи изъ дворца, слѣдовавшія дежурному лейбъ-медику, и во всемъ поступалъ по этой мѣркѣ. Ему теперь (въ сентябрѣ 1851) болѣе восьмидесяти лѣтъ, и онъ проживетъ еще долго [1]).

Воротимся къ Кутайсову. По смерти Павла, поселился онъ въ Москвѣ и умеръ въ 1834 году. Сынъ его, Павелъ Ивановичъ, былъ человѣкъ добрый и ординарный: онъ умеръ сенаторомъ въ 1840 году. Младшій сынъ его, бывшій 16-ти лѣтъ полковникомъ артиллеріи, убитъ, въ чинѣ генералъ-майора, при Бородинѣ. Онъ былъ человѣкъ геніальный и благородный. Россія много въ немъ потеряла.

Самымъ знаменитымъ изъ любимцевъ Павла былъ графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Такъ какъ я бывалъ съ нимъ въ сношеніяхъ и зналъ его коротко, то буду говорить о немъ въ своемъ мѣстѣ.

При всей тягости ига, которое лежало на России въ царствованіе Павла, нельзя сказать, чтобы онъ умѣлъ заглушить голосъ общаго мнѣнія. Приверженцы его, приближенные, хвалили всѣ дѣла его; оптимисты старались его извинять и оправдывать, ухватывались за всякое обстоятельство, самое ничтожное, чтобы возвысить его добродѣтели и прикрыть недостатки, но большинство народа, масса, его не любила и рѣдко кто скрывалъ эти чувства.

Мы все еще, по порядку повѣствованія, въ началѣ царствованія Павла. Это время было ознаменовано нѣкоторыми

[1]) Онъ завѣщалъ свое огромное состояніе въ русскую казну, по медицинской части. Ему воздвигли за то монументъ передъ зданіемъ Медико-Хирургической Академіи въ С.-Петербургѣ, а родные его въ Шотландіи томятся въ нищетѣ. Но есть высшій судъ на небѣ!

*

подвигами ума и благородства, составлявшими основу характера Павла. Онъ почтилъ память отца своего, Петра III, котораго, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ умеръ некоронованный, погребли не въ Петропавловской крѣпости, а въ Невскомъ монастырѣ. Павелъ отправился туда, велѣлъ вскрыть склепъ, въ которомъ погребенъ былъ императоръ, и оросилъ его останки горькими слезами. Говорятъ, что тѣла не было вовсе: оно истлѣло; остались только нѣкоторыя части одежды. Эти останки были вынуты изъ склепа и поставлены въ другой гробъ, царски украшенный. Сначала отвезли гробъ со всею подобающею церемоніею въ Зимній дворецъ и поставили на катафалкѣ подлѣ тѣла Екатерины II. Я видѣлъ шествіе это изъ окна квартиры мадамъ Михельцъ, въ домѣ Петровской церкви. Гвардія стояла по обѣимъ сторонамъ Невскаго проспекта. Между великанами-гренадерами, въ изящныхъ свѣтлозеленыхъ мундирахъ съ великолѣпными касками, тѣснились переведенные въ гвардію мелкіе гатчинскіе солдаты въ смѣшномъ нарядѣ пруссаковъ Семилѣтней войны. Но общее вниманіе обращено было на трехъ человѣкъ, несшихъ концы покрова; то были: графъ Алексѣй Орловъ, князь Барятинскій и Пассекъ! Потомъ видѣлъ я оба гроба на одномъ катафалкѣ; видѣлъ и шествіе обоихъ гробовъ, по Милліонной улицѣ и по наведенному на этотъ случай мосту отъ Мраморнаго дворца въ крѣпость. Достойны замѣчанія надписи на гробницахъ: императоръ Петръ III родился 16-го февраля 1728 года, погребенъ 18-го декабря 1796. Екатерина II родилась 21-го апрѣля 1729 г., погребена 18-го декабря 1796. Подумаешь, говоритъ одинъ писатель, что эти супруги провели всю жизнь вмѣстѣ на тронѣ, умерли и погребены въ одинъ день. Пожалуй, это скажутъ будущіе историки, истолковывая уцѣлѣвшія надписи на неизвѣстномъ тогда русскомъ языкѣ! Это въ исторіи бываетъ частенько.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Французскіе гувернеры. — Карлъ Ивановичъ Борнъ. — Почему родятся умныя дѣти? — Бароны Людвиги. — Прожектеръ Буше. — Крюковъ каналъ. — Тризна по герцогѣ Виртембергскомъ. — Замерзшій офицеръ. — Егоръ Карловичъ Сиверсъ. — Эпизоды временъ Павла I. — Яковъ Михайловичъ Бородкинъ. — Ограниченныя средства для образованія. — Стремленія къ литературѣ. — Первый видѣнный литераторъ, Ѳедоръ Осиповичъ Туманскій.—Ручная типографія.—Первое изданіе мальчика - Греча. — Алертъ. — Свиданіе Суворова съ Кутайсовымъ.— Похороны Суворова. — Увольненіе отца. — Нужда въ семьѣ Греча. — Лекціи въ Академіи Наукъ. — Тогдашніе академики. — Озерецковскій. — Анекдоты объ академикахъ. — Василій Ивановичъ Емсъ. — Ежегодные обѣды Газетной Экспедиціи. — Синій платокъ. — Тогдашняя прислуга. — Кончина Павла I. — Стихотворенія Карамзина, Державина. — Соучастники Палена и Зубовыхъ. — Горгомъ.— Александръ I и Лагарпъ.— Общая радость. — Перемѣны въ общемъ быту.—Шевалье, любовница Кутайсова. — Александръ Ивановичъ Чернышевъ и отношенія его къ Наполеону. — „С.-Петербургскій Журналъ". — Возникновеніе мысли о министерствахъ. — Поступокъ офицера Шубина. — Смерть Араужо. — Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. — Статсъ-секретарь Молчановъ. — Стихотворенія Шишкова на тогдашнихъ министровъ.

Этими воспоминаніями видѣннаго принимаюсь вновь за нить моей собственной жизни. Мнѣ былъ отъ роду десятый годъ, брату Александру восьмой; надлежало подумать серьезно о нашемъ воспитаніи. Батюшка, къ большому моему, впослѣдствіи, сожалѣнію, оставилъ мысль отдать меня въ Петровскую школу, гдѣ я могъ бы пріобрѣсть основательныя первоначальныя свѣдѣнія, привыкнуть къ труду и порядку. Вмѣсто того, по совѣту, кажется, г. Дорезона, пріятеля его, онъ взду-

малъ взять французскаго гувернера, изъ многочисленныхъ эмигрантовъ, наводнившихъ тогда Россію. И, дѣйствительно, взяли человѣка среднихъ лѣтъ, monsieur Delagarde, умнаго, любезнаго, образованнаго, но неопытнаго и несвѣдущаго въ дѣлѣ воспитанія и обученія. Делагардъ одѣвался и пудрился со вкусомъ, называлъ меня monsieur Nicolas и заставлялъ читать изъ азбуки, поправляя произношеніе. Тѣмъ уроки оканчивались. Механическое чтеніе надоѣдало мнѣ. На третьей страницѣ я начиналъ зѣвать и закрывалъ книгу. Мусье Делагардъ не противорѣчилъ, и урокъ тѣмъ кончался. Его любили въ домѣ за любезность и веселость: онъ съ утра до вечера игралъ на фортепіанѣ и распѣвалъ французскія аріи. Особенно любилъ онъ одну: „O Richard, o mon roi!“ Вскорѣ однако увидѣли, что такое ученье не ведетъ ни къ чему. У него съ батюшкою была крупная экспликація, но вскорѣ потомъ онъ заболѣлъ отъ простуды и умеръ. Грустно и теперь вспомнить, какъ бѣдный французъ умиралъ на чужбинѣ. Вмѣсто его взятъ былъ другой французъ, monsieur de Morencourt, уже обжившійся въ Россіи, тяжелый, лѣнивый, любитель чарочки и порядочный невѣжда. Всѣ уроки ограничивались механическимъ чтеніемъ и письмомъ; о языкѣ и грамматикѣ ни слова. Де-Моренкуръ какъ-то повздорилъ съ батюшкою и получилъ увольненіе. Уроки дядюшки Александра Яковлевича Фрейгольда также прекратились. Только занимался нами Дмитрій Михайловичъ Кудлай, также не весьма грамотный, но, по крайней мѣрѣ, добрый и усердный къ дѣлу, съ неразвращенною нравственностью. Матушка дѣлала, что̀ могла, но она могла немного, притомъ же я выросталъ изъ гаремнаго воспитанія, и слѣдовало заняться мною серьезнѣе.

Упомяну здѣсь о нѣкоторыхъ эпизодахъ. Въ 1797 году прибылъ къ намъ изъ Кронштадта докторъ Карлъ Ивановичъ Борнъ, по кончинѣ жены его, Катерины Карловны, урожденной Врангель, о которой я упоминалъ выше, при исчисленіи родословной Фрейгольдовой фамиліи. Онъ остановился у насъ въ домѣ съ дѣтьми своими: Иваномъ, Терезою и

Екатериною, на перепутьѣ въ Новгородъ, куда онъ былъ перемѣщенъ. Я говорилъ о немъ выше. Онъ очень любилъ и уважалъ мою матушку, и первый замѣтилъ мои дарованія: понятливость, воображеніе, счастливую память. Забавляясь бесѣдою со мною на ломаномъ русскомъ языкѣ, онъ спрашивалъ у матушки, что̀ она дѣлала тогда, когда была беременна мною.—„Спала очень много“, отвѣчала она.—„Вотъ и причина ума этого мальчика, — говорилъ онъ: — вы спали, умъ вашъ покоился и безпрепятственно дѣйствовалъ на плодъ вашего чрева“. Съ тѣхъ поръ онъ безпрерывно посылалъ спать жену свою, когда она была беременна. Борнъ отправился въ Новгородъ и умеръ въ 1799 г. Дѣти его были привезены въ Петербургъ и подпали опекѣ Христины Михайловны.

Другая, важнѣйшая перемѣна послѣдовала у насъ въ домѣ отъ сношеній отца моего съ барономъ Людвигомъ. Статскій совѣтникъ, баронъ Иванъ Христофоровичъ Людвигъ, президентъ Юстицъ-Коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, былъ человѣкъ добрый, умный и почтенный, но большой колпакъ и флегма. Жена его, Софья Ивановна, урожденная Буше, женщина умная, ласковая и большая кокетка. У нихъ было пятеро сыновей (Петръ, Карлъ, Яковъ, Александръ и Алексѣй) изъ коихъ въ то время старшему было семнадцать лѣтъ, а младшему годъ, и четырнадцатилѣтняя дочь Александра Ивановна. Отецъ мой уважалъ барона и увлекался любезностью баронессы, которая, какъ было слышно, не отвергала ничьего ѳиміама; говорили даже, что только старшій сынъ былъ дѣйствительно сынъ ея мужа, а у остальныхъ были разные отцы которыхъ называли по именамъ. По прозвищу Boucher, можно бы было подумать, что она была француженка. На дѣлѣ выходило противное. Отецъ ея былъ нѣмецъ, по прозванію Флейшеръ. Не знаю, какимъ образомъ онъ попалъ во Францію и въ Вестъ-Индію. Только тамъ находитъ его исторія. Онъ былъ человѣкъ очень умный, добрый, любезный, но большой прожектеръ и вѣтренникъ. Въ молодыхъ лѣтахъ, на Мартиникѣ, влюбился онъ въ одну прекрасную креолку и понравился ей

но она не хотѣла носить варварской фамиліи Флейшеръ. Онъ назвался Флейшеръ де-Буше, а потомъ слылъ просто monsieur Boucher. Въ началѣ царствованія императрицы Екатерины, прибылъ онъ въ Россію, вошелъ въ связи съ значительными людьми, получилъ привилегію на продажу изготовляемаго имъ табаку во всѣхъ городахъ Россіи (4-го августа 1766, см. № 12,715 Полн. Собран. Закон.), потомъ выдумалъ онъ способъ кормить лошадей не сѣномъ и овсомъ, а какими-то дешевыми катышками и т. п. Буше принадлежалъ къ особому роду людей, называемыхъ прожектерами: имѣя острый умъ и нѣкоторыя свѣдѣнія, они выдумываютъ, по внушенію своего воображенія, разныя штуки и средства, разсчитываютъ на милліоны барыша, принимаются за дѣло съ пламенною ревностью, но, еще не кончивши, охладѣваютъ къ нему и бросаются на иное, иногда совершенно противоположное. Вся жизнь ихъ проходитъ въ такихъ обаяніяхъ и разочарованіяхъ; они находятся всегда наканунѣ несмѣтныхъ выигрышей, а въ настоящемъ нуждаются и голодаютъ. Таковы были впослѣдствіи Гаттенбергеръ и Пуадебаръ. Вижу еще теперь предъ собою Буше, этого милаго, невысокаго роста старичка, въ старомодномъ кафтанѣ, съ развѣвающимися сѣдыми волосами, съ пріятною на устахъ улыбкою, съ мечтательностью во взорѣ. Онъ былъ всегда веселъ и любезенъ, терпѣлъ нужду, не жалуясь на судьбу, и былъ благодаренъ за всякое добро. Въ концѣ 1800 года, онъ затѣялъ добываніе кремней въ Подольской губерніи и, не имѣя нужнаго на то капитала, женился, имѣя около семидесяти лѣтъ, на какой-то зрѣлой дѣвѣ, мамзель Эльсонъ, чтобы воспользоваться ея приданымъ для осуществленія своихъ предположеній. Онъ уѣхалъ съ нею въ Подолію и вскорѣ умеръ. Говорятъ, что милая супруга доколотила старика. И подѣломъ! Дочь его, Софія Ивановна, была баронесса фонъ-Людвигъ.

Не знаю, какъ наша фамилія съ ними познакомилась; кажется, чрезъ барона Клодта. Батюшка, какъ я говорилъ, увлеченъ былъ любезностью баронессы; но матушка ея не жа-

ловала, хотя и принимала ее учтиво и ласково. Помню одну слабость баронессы: она не терпѣла кошекъ и когда бывала у насъ, нашего добраго кота Ваську запирали въ чуланѣ. Однажды за ужиномъ, въ самомъ разгарѣ веселой и шумной бесѣды, баронесса вдругъ поблѣднѣла и задрожала.—„Что съ вами?" спросила у нея матушка съ участіемъ. Она съ трудомъ произнесла:—„Un chat, il y a ici un chat!" [1]) Посмотрѣли. Васька ушелъ изъ-подъ ареста и сидѣлъ подъ столомъ. Она услышала близость кошки чутьемъ. Въ жестокую зиму баронесса простудилась и впала въ чахотку. Употреблены были всѣ средства для излеченія ея, но безуспѣшно. Переѣхавъ весною на дачу, на Карповкѣ, она сказала, вошедши въ гостиную: „Кажется, довольно будетъ мѣста, чтобы помѣстить мой гробъ!" Но не ея гробъ слѣдовало помѣщать. Мужъ ея, человѣкъ толстый и сырой, вдругъ пораженъ былъ апоплексіею и въ нѣсколько минутъ умеръ. Умирающая вдова умоляла батюшку принять на себя опеку надъ дѣтьми, которыя вскорѣ сдѣлаются круглыми сиротами. Онъ имѣлъ неосторожность согласиться. Обремененный службою, онъ не имѣлъ ни досуга, ни охоты заниматься своими собственными дѣлами, которыя были въ безпрерывномъ разстройствѣ и, по влеченію добраго своего сердца, навязалъ на себя чужія дѣла съ тягостною отвѣтственностью. Не стану входить ближе въ эти непріятныя обстоятельства, прикрытыя временемъ и давностью; скажу только, что эти заботы и труды имѣли бѣдственное вліяніе на его физику и мораль, подкопали его здоровье и были отчасти виною его рановременной кончины. Опытъ опекунства надъ молодымъ Крейцомъ не научилъ его: онъ ринулся, очертя голову, въ другую пучину.

Мы жили въ домѣ Быкова, на Литейной. Это было очень неудобно. Батюшка долженъ былъ ѣздить каждый день въ Сенатъ и нерѣдко попадался на встрѣчу императору. Вотъ ужъ подлинно можно было сказать: „близь царя, близь смерти!" Въ

[1]) Кошка, здѣсь находится кошка.

маѣ 1798 г. нанялъ онъ домъ барона Людвига, въ нынѣшней Ново-Исаакіевской улицѣ, принадлежавшій потомъ Коростовцеву. (Тогда на мѣстѣ нынѣшнихъ конногвардейскихъ казармъ простиралась предъ этимъ домомъ площадь до самаго Крюкова канала, теперь засыпаннаго, съ устроеннымъ надъ нимъ бульваромъ). Домъ этотъ былъ тогда въ одинъ этажъ съ погребомъ, въ которомъ помѣщалась кухня. Часть его, выходившая на Почтамтскую улицу, занимаема была извозчичьимъ дворомъ. Главнымъ достоинствомъ этого дома былъ садъ, разведенный на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь американская церковь. Уцѣлѣли еще два-три клена, подъ которыми я игралъ въ дѣтствѣ съ братомъ и сестрою. И, дѣйствительно, одинъ этотъ садъ оставилъ во мнѣ пріятное впечатлѣніе о тогдашнемъ времени. Оно было тяжело вообще и въ частности. Надлежало остерегаться не преступленія, не нарушенія законовъ, не ошибки какой либо, а только несчастія, слѣпаго случая: тогда жили точно съ такимъ чувствомъ, какъ впослѣдствіи, во времена холеры. Прожили день — и слава Богу. На дворѣ у насъ нанималъ квартиру квартальный комиссаръ (такъ назывались тогда помощники надзирателей) 14-го класса, Сатаровъ, сынъ бывшаго сторожа въ Экспедиціи о расходахъ. Онъ былъ тираномъ и страшилищемъ всего дома: его слушались со страхомъ и трепетомъ; отъ него убѣгали, какъ отъ самого Павла I. Доносъ такого мерзавца, самый несправедливый и нелѣпый, могъ имѣть гибельныя слѣдствія. Впрочемъ, доставалось и имъ, полицейскимъ. Въ 1798 году, въ жестокое зимнее время, Павелъ I совершалъ панихиду по тестѣ своемъ, герцогѣ Виртембергскомъ. Служба происходила въ католической церкви. Вдоль Невскаго проспекта стояла фронтомъ вся гвардія. Мы смотрѣли церемонію изъ квартиры нюренбергскаго купца Себастіана Гешта, выходившей на площадку предъ церковью. Въ ожиданіи окончанія службы въ церкви, Павелъ I разъѣзжалъ верхомъ, надуваясь и пыхтя по своему обычаю. Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, какъ теперь ихъ вижу, въ семеновскомъ и измайловскомъ мундирахъ,

бѣгали на морозѣ предъ церковью, стараясь согрѣться. Одинъ полицейскій офицеръ стоялъ на краю площадки, во фронтѣ. Вдругъ подали сигналъ. Всѣ поспѣшили къ мѣстамъ. Раздались музыка, ружейные выстрѣлы, пушечная пальба. Потомъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ. Все утихло; площадь опустѣла. Одинъ только этотъ полицейскій стоялъ на мѣстѣ. Къ нему подошелъ другой, коснулся его, и онъ упалъ на снѣгъ: несчастный замерзъ!

Домашнія обстоятельства также не были утѣшительны. Состояніе наше поправилось. У насъ бывали обѣды, вечера; иногда ѣздили въ театръ, но истиннаго удовольствія и отрады не было отъ перемѣнчиваго характера батюшки, отъ его капризовъ. Матушка удивляетъ меня, когда я теперь о ней подумаю. Одно ласковое слово со стороны мужа, два дня спокойствія — и она оживала, была весела, принимала участіе въ удовольствіяхъ. Въ это время услаждала ее своею дружбою Варвара Ивановна Шванебахъ; въ домѣ были молодыя дѣвицы Людвигъ, племянницы барона, дочери умершаго брата его, Карла, обладателя секретомъ шафгаузенскаго пластыря; матушкина родственница по теткѣ Марьѣ Михайловнѣ, Христина Вилимовна Шрейбергъ. Умная, веселая, но безобразная собою, она внушила сильную страсть Карлу Карловичу Людвигу, брату упомянутыхъ дѣвицъ: онъ женился на ней впослѣдствіи. Присутствіе дѣвицъ привлекало молодыхъ людей. У насъ часто бывали: Измайловскаго полка поручикъ графъ Егоръ Карловичъ Сиверсъ [1]), артиллерійскій

[1]) Сиверсъ получилъ графское достоинство при Павлѣ, въ лицѣ дяди его, ученика моего дѣда, знаменитаго генералъ-губернатора, начальника путей сообщенія, бывшаго посланникомъ въ Польшѣ, Якова Ефимовича (умершаго въ 1808 г.). Павелъ далъ ему графство и, узнавъ потомъ, что у него только дочери (за Гюнцелемъ и Икскулемъ), распространилъ графскій титулъ на его братьевъ, Петра и Карла. Егоръ Карловичъ бывалъ у насъ еще пажемъ и за отличіе былъ выпущенъ изъ камеръ-пажей въ поручики Измайловскаго полка. При вступленіи на престолъ Александра I, онъ вышелъ въ отставку полковникомъ, поѣхалъ въ Дерптъ, а потомъ въ Геттингенъ, чтобы кончить свое образованіе и, воротившись, поступилъ

офицеръ Василій Григорьевичъ Костенецкій, прославившійся впослѣдствіи своими странностями, плацъ-майоръ Бреверпъ и многіе др. Въ то ужасное время и самыя невинныя удовольствія приправлялись страхомъ и горечью. Однажды у насъ, послѣ танцевъ, ужинали человѣкъ двѣнадцать. Вдругъ послышался звонокъ, и въ столовую комнату вошелъ плацъ-майоръ Бревернъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ молодыхъ офицеровъ, не знавшій, что Бревернъ вхожъ у насъ въ домѣ, смутился и поблѣднѣлъ. Бревернъ замѣтилъ это и вздумалъ позабавиться: не здороваясь ни съ кѣмъ, подошелъ прямо къ нему и, потрепавъ его по спинѣ, сказалъ: „Не угодно ли, сударь, пожаловать со мною!“ Офицеръ едва не упалъ въ обморокъ. Матушка, догадавшись въ чемъ дѣло, съ негодованіемъ обратилась къ Бреверну и просила его оставить въ ея домѣ глупыя шутки. Онъ расхохотался, и дѣло кончилось общимъ смѣхомъ. Съ тѣхъ поръ почувствовалъ я отвращеніе къ такимъ глупымъ мистификаціямъ и самъ никогда не позволялъ ихъ себѣ. Еще ненавистнѣе мнѣ, когда кому либо сообщатъ пріятную новость и, обрадовавъ его, потомъ объявятъ: „Неправда, этого не было: я только пошутилъ!“ Глупо и безсовѣстно!

Отъ этихъ эпизодовъ обращусь вновь къ самому себѣ. Батюшка все откладывалъ помѣщеніе насъ въ какое либо училище. Причиною тому была и безпечность его, и недостатокъ средствъ. Слѣдовало для этого одѣть и снарядить насъ вполнѣ и внести деньги за пансіонъ впередъ, а отъ

въ службу по инженерной части, былъ командиромъ піонерныхъ полковъ, а потомъ директоромъ Главнаго Инженернаго Училища (умеръ въ 1827 г.). Онъ былъ человѣкъ неглупый, честный, благородный, но ужасный педантъ и мелоченъ до крайности. Я замѣчалъ неоднократно, что довершеніе ученія въ зрѣлыя лѣта рѣдко приноситъ пользу существенную: оно набиваетъ память, но не укрѣпляетъ разсудка, а это главное. Ребенокъ, юноша, усвоиваютъ себѣ преподаваемые имъ предметы, переваривают ихъ въ своей головѣ и потомъ дѣйствуютъ ими, какъ благопріобрѣтенною собственностью. Люди взрослые всегда остаются чуждыми существу изучаемаго дѣла и теряются въ подробностяхъ.

доходовъ его, за исключеніемъ содержанія дома, оставалось очень немного. Къ счастью моему, рекомендовали ему одного частнаго учителя, Якова Михайловича Бородкина, который получилъ воспитаніе въ Сухопутномъ Корпусѣ; онъ былъ въ немъ гимназистомъ, т. е. воспитанникомъ изъ недворянъ, готовившихся въ учительскую должность. Повѣрятъ ли, что этому русскому человѣку обязанъ я немногими свѣдѣніями о грамматикѣ французской, о которой, при учителяхъ-французахъ, и въ поминѣ не было! Онъ притомъ училъ и рисовать. Я сначала оказалъ было хорошіе успѣхи въ рисованіи, но оно мнѣ вскорѣ надоѣло: словесность одна занимала мой умъ и воображеніе. Я читалъ все, что только могъ найти. Самымъ пріятнымъ чтеніемъ того времени былъ для меня Жиль-Блазъ въ старинномъ переводѣ. Изъ этой книги почерпнулъ я многія понятія о свѣтѣ и людяхъ; но, не смотря на то, вообще былъ въ свѣтѣ и съ людьми, во всю мою жизнь, въ разладѣ. Французскій языкъ зналъ я очень плохо. Нѣмецкій слышалъ въ домѣ чаще, и къ тому матушка заставляла меня читать вслухъ нѣмецкія книги. Однажды, въ какомъ-то нѣмецкомъ сборникѣ, нашелъ я описаніе солнечной системы, солнца, планетъ, неподвижныхъ звѣздъ. Это меня чрезвычайно заняло, и я, для лучшаго впечатлѣнія этихъ предметовъ въ памяти, вздумалъ перевести всю статью на русскій языкъ. Батюшка, видя, что я пишу что-то со вниманіемъ, спросилъ, что я дѣлаю.—„Перевожу съ нѣмецкаго,“ отвѣчалъ я. Онъ не сказалъ ни слова, но позвалъ матушку. Она стала за мною и начала читать подлинникъ, а потомъ переводъ. Это ее восхитило. Со слезами на глазахъ (помню это очень живо) сказала она батюшкѣ: „Il traduit très bien“ [1]). Онъ улыбнулся и похвалилъ меня. Тѣмъ это и кончилось. Всѣ усилія матушки къ доставленію мнѣ бо̀льшихъ средствъ образованія были напрасны.

Мнѣ на роду было написано оставаться самоучкою. Лите-

---

[1]) Онъ переводитъ очень хорошо.

ратурныя познанія моего учителя, Дмитрія Михайловича Кудлая, франта и модника, были очень ограниченны. Онъ читалъ съ восторгомъ „Бѣдную Лизу“ и любилъ вездѣ ставить тире, въ подражаніе модному тогда Карамзину. Величайшимъ его стараніемъ было обвертывать себѣ шею безконечною косынкою: это была послѣдняя парижская мода, наистрожайше запрещенная нашимъ правительствомъ; еслибы онъ попался на глаза Павлу I, сидѣть бы ему въ крѣпости. Батюшка крѣпко журилъ его за эти толстые галстухи, боясь, что и самъ попадется за него въ отвѣтъ, но ничто не помогало. Онъ ходилъ какъ страждущій жабою. Уроки его были ничтожные, и я ничему у него не научился; напротивъ, самъ чутьемъ поправлялъ его ошибки. Большимъ препятствіемъ къ образованію моихъ врожденныхъ способностей было то, что въ нашемъ семействѣ и кругу не было ни одного литератора, ни одного классически образованнаго человѣка. Я не имѣлъ склонности ни къ военной, ни къ гражданской службѣ. Какая-то непонятная сила влекла меня къ грамотѣ и литературѣ. На блистательныхъ генераловъ и офицеровъ смотрѣлъ я равнодушно. И звѣзды вельможъ не дѣйствовали на меня. На крестинахъ сестры Лизаньки были у насъ сенаторы, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и Петръ Александровичъ Соймоновъ. Я смотрѣлъ на нихъ съ любопытствомъ, но довольно равнодушно. Зато съ какимъ благоговѣніемъ глядѣлъ я на перваго видѣннаго мною въ жизни писателя: это былъ Ѳедоръ Осиповичъ Туманскій, авторъ „Исторіи Петра Великаго“ и издатель „Россійскаго Магазина“. Не знаю, зачѣмъ-то онъ пріѣзжалъ къ отцу моему. Оба они разговаривали, ходя по залѣ. Я глядѣлъ на Туманскаго, не спуская глазъ. „Вотъ писатель, сочинитель, думалъ я: что онъ вымыслитъ, напишетъ, напечатаетъ, то читаетъ вся Россія. Умретъ онъ, и его имя будутъ съ благодарностью вспоминать поздніе потомки“. И Павла Христіановича Безака уважалъ я болѣе всѣхъ именно за то, что онъ занимался литературою. Еще достойна любопытства страсть моя къ кни-

гопечатанію. Съ дѣтства я разрѣзывалъ афишки и другіе печатные листы и изъ отдѣльныхъ буквъ складывалъ слова и рѣчи. Въ концѣ 1799 г. пріѣхалъ въ Петербургъ какой-то англичанинъ и сталъ продавать типографскія буквы, съ принадлежащими къ нимъ снадобьями, для помѣтки бѣлья. Батюшка купилъ у него такой ящичекъ и подарилъ мнѣ. Я былъ въ восторгѣ. Англичанинъ, замѣтивъ это, предложилъ купить у него ручную типографію, то есть нѣсколько сотъ буквъ, съ ручными тисками. У батюшки въ то время случились деньги, и онъ подарилъ мнѣ эту типографію. Англичанинъ выучилъ меня набирать и печатать. Но буквы были французскія. Что-жъ? Я взялъ „Треязычную книгу" (повѣсти, басни и т. п., на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ) и сталъ печатать подъ заглавіемъ: „Petites Historiettes. St.-Pétersbourg, 1799, chez N. Gretsch" [1]). Въ то время выходила замужъ тетушка Елисавета Яковлевна. Старикъ Буше, по просьбѣ батюшки, промыслилъ мнѣ поздравительные стихи слѣдующаго содержанія:

Il est donc vrai; ma tante se marie.
Quel compliment, cette tante chérie,
Attendrait-elle de son jeune neveu?
Pour le bien faire il sait encore trop peu.
Mais tout ce que je puise dans mon âme joyeuse,
Je le fais en formant le vœu:
Qu' elle m'aime toujours et qu'elle soit heureuse [2]).

Я напечаталъ ихъ чистенько и поднесъ не какъ сочинитель, а какъ типографщикъ! Типографія моя вскорѣ остановилась. Буквы засорились, а я не зналъ, какъ ихъ вычистить. Посѣщая лекціи въ Академіи Наукъ, заходилъ я нерѣдко

[1]) Небольшіе разсказы. Петербургъ, 1799 г., у Н. Греча.

[2]) Слѣдовательно правда, моя тетка выходитъ замужъ. Какого рода поздравленіе ожидаетъ эта дорогая тетка отъ своего молодаго племянника? Чтобы поздравить какъ слѣдуетъ, онъ еще слишкомъ мало знаетъ. Но все, что я могу почерпать въ моей радостной душѣ, я почерпаю и выражаю въ желаніи, чтобы она всегда меня любила и чтобы она была счастлива."

въ типографію академическую, съ любопытствомъ смотрѣлъ на наборъ, выправку и печатаніе и думалъ: „ахъ, кабы мнѣ имѣть такую типографію и печатать, что̀ хочу". Припомню при этомъ слова Гёте: Was man in der Jugend wünscht, hat man im Alter die Fülle [1]). Такъ; но нѣтъ того чувства, которое волнуетъ и радуетъ нашу юношескую душу. Впрочемъ, Богъ устроилъ мудро, что не всѣ наши юношескія желанія и не тотчасъ исполняются. Человѣкъ, избалованный удачами и счастьемъ въ юности, привыкаетъ къ исполненію всѣхъ его желаній, притупляетъ чувства удовлетвореніемъ ихъ и въ зрѣлыя лѣта не умѣетъ равнодушно снести несчастія, не умѣетъ пользоваться тѣмъ, что есть. Неудачи, нужда, лишенія,— лучшая школа для образованія характера и души человѣка. Ужъ если терпѣть, такъ терпѣть въ молодыя лѣта, когда надежда радуетъ и подкрѣпляетъ человѣка. На старости же и безъ того будутъ страданія, съ нею неразлучныя, какъ, напримѣръ, ужаснѣйшее изъ всѣхъ,—потеря милыхъ нашему сердцу. Для этого нужно закалить душу мелкими страданіями и лишеніями молодыхъ лѣтъ.

Важною для меня эпохою былъ 1799 годъ — кампанія Суворова въ Италіи. Должно знать, что Суворовъ пользовался до того времени славою искуснаго и храбраго генерала, но большая часть утверждали, что онъ можетъ бить турокъ и поляковъ, а съ французами не сладитъ. Матушка ненавидѣла его за варварства въ Измаилѣ и Прагѣ и выставляла предъ нимъ своего героя Румянцева. Другой порицатель его былъ человѣкъ умный, благородный, образованный, но большой чудакъ, нѣкто Алертъ (Ahlert), бывшій нѣкогда купцомъ, но оставившій торговлю по какимъ-то причудамъ. Онъ купилъ себѣ польское дворянство и былъ прозванъ Алертъ-де-Венгоржевскій. Ahl (угорь) попольски называется węgorz (венгоржъ). Находя, что женщины образованныхъ сословій слишкомъ вѣтренны и причудливы, онъ вздумалъ сочетаться

[1]) Чего желаешь въ юности, тѣмъ изобилуешь въ старости.

бракомъ съ дочерью природы и женился на какой-то глупой эстляндской дѣвчонкѣ, которая преогорчила его жизнь. Дѣтямъ своимъ (у него были все дочери) давалъ онъ имена самыя странныя. При одной беременности жены своей, онъ положилъ назвать дочь, которая родится, Идою и прибавить къ тому имя святого греческой церкви, по дню ея рожденія. Она родилась 17 августа, въ день мученика Мирона, и онъ назвалъ ее Ида Мирона! Алертъ умеръ въ 1800 году, оставивъ женѣ и дѣтямъ небольшое состояніе. При всѣхъ этихъ причудахъ, былъ онъ, какъ я уже сказалъ, человѣкъ хорошій, умный и просвѣщенный. Родители мои любили и уважали его. Алертъ, какъ и всѣ порядочные люди, порицалъ правленіе Павла I и въ досадѣ своей нерѣдко переходилъ за границы. Такимъ образомъ, предсказывалъ онъ неминуемую бѣду нашей арміи въ борьбѣ съ французами, предъ которыми падали воинства и царства. Во мнѣ, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, былъ врожденный патріотизмъ и оптимизмъ: я досадовалъ и горевалъ въ душѣ, слыша такіе толки и предсказанія. Вообразите, послѣ этого, восторгъ мой, когда раздался громъ побѣдъ Суворова въ Италіи! Я съ жадностью читалъ реляціи и газеты и торжествовалъ при Кассано, Требіи и Нови. Критики и порицатели умолкли и только говорили: счастье его, что молодой генералъ — какъ бишь его? — да, Бонапарте, въ Египтѣ, а то бы досталось Суворову. Да лихъ не досталось, думалъ я: а хотя бы и этотъ разбойникъ вступилъ съ нимъ въ бой, нашъ Суворовъ побѣдилъ бы его непремѣнно.—Наступила осень, и съ нею стали приходить тяжелыя, грустныя извѣстія о жалкомъ и бѣдственномъ окончаніи войны, начатой такъ блистательно. Съ досады я пересталъ читать газеты и не зналъ, что дѣлается въ свѣтѣ. Весною 1800 года прибылъ въ Петербургъ Суворовъ, больной, умирающій. Онъ остановился въ домѣ племянника своего, т. е. женатаго на его племянницѣ (княжнѣ Горчаковой), графа Хвостова, на Крюковомъ каналѣ, насупротивъ Никольской колокольни. 6-го мая онъ скончался.

Не помню съ кѣмъ, помнится съ батюшкою, поѣхалъ я въ каретѣ, чтобы проститься съ покойникомъ, но мы не могли добраться до его дома. Всѣ улицы были загромождены экипажами и народомъ. Не правительство, а Россія оплакивала Суворова. Извѣстно, что подлецы и завистники обнесли его у Павла I. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ хотѣлъ видѣть государя, но не имѣлъ силъ ѣхать во дворецъ и просилъ, чтобы императоръ удостоилъ его посѣщеніемъ. Раздраженный Павелъ послалъ, вмѣсто себя—кого? Кутайсова. Суворовъ сильно этимъ обидѣлся. Доложили, что пріѣхалъ кто-то отъ государя.— „Просите", сказалъ Суворовъ, не имѣвшій силы встать, и принялъ его, лежа въ постелѣ. Кутайсовъ вошелъ въ красномъ мальтійскомъ мундирѣ, съ голубою лентою чрезъ плечо.

— Кто вы, сударь? спросилъ у него Суворовъ.

— Графъ Кутайсовъ.

— Графъ Кутайсовъ? Кутайсовъ? Не слыхалъ. Есть графъ Панинъ, графъ Воронцовъ, графъ Строгановъ, а о графѣ Кутайсовѣ я не слыхалъ. Да что вы такое по службѣ?

— Оберъ-шталмейстеръ.

— А прежде чѣмъ были?

— Оберъ-егермейстеромъ.

— А прежде?

— Кутайсовъ запнулся.

— Да говорите же!

— Камердинеромъ.

— То есть, вы чесали и брили своего господина.

— То... Точно такъ-съ.

— Прошка!—закричалъ Суворовъ знаменитому своему камердинеру Прокофію:—ступай сюда, мерзавецъ! Вотъ посмотри на этого господина въ красномъ кафтанѣ съ голубою лентою. Онъ былъ такой же холопъ, фершалъ, какъ и ты, да онъ турка, такъ онъ не пьяница! Вотъ видишь, куда залетѣлъ! И къ Суворову его посылаютъ. А ты, скотина, вѣчно пьянъ, и толку изъ тебя не будетъ. Возьми съ него примѣръ, и ты будешь большимъ бариномъ.

Кутайсовъ вышелъ отъ Суворова самъ не свой и, воротясь, доложилъ императору, что князь въ безпамятствѣ и безъ умолку бредитъ.

Я видѣлъ похороны Суворова изъ дома на Невскомъ проспектѣ, принадлежавшаго потомъ Д. Е. Бенардаки [1]). Передъ нимъ несли двадцать орденовъ: нынѣ, я думаю, ихъ больше у добраго Ивана Матвѣевича Толстаго, бывшаго въ свитѣ наслѣдника Александра Николаевича, въ путешествіи его въ 1840 году, а тогда это было отличіе неслыханное. За гробомъ шли три жалкіе гарнизонные батальона. Гвардіи не нарядили, подъ предлогомъ усталости солдатъ послѣ парада. За то народъ всѣхъ сословій наполнялъ всѣ улицы, по которымъ везли его тѣло, и воздавалъ честь великому генію Россіи. И въ Павлѣ I доброе начàло, наконецъ, взяло верхъ. Онъ выѣхалъ верхомъ на Невскій проспектъ и остановился на углу Императорской Библіотеки. Кортежъ шелъ по Большой Садовой. По приближеніи гроба, императоръ снялъ шляпу, перекрестился и заплакалъ. Богъ да судитъ тѣхъ, которые въ этомъ добромъ, благородномъ человѣкѣ заглушили начала благости и зажгли буйныя страсти!

О несчастномъ окончаніи голландской экспедиціи узнали мы по тому, что главнокомандующій генералъ Германъ и другіе генералы, взятые въ плѣнъ французами, были исключены изъ службы, а объ окончаніи кампаніи швейцарской носились одни темные слухи. Съ прекращеніемъ побѣдъ кончилась и страсть моя къ политикѣ.

1800-ый годъ былъ для меня и для всего нашего семейства самый грустный. Финансовыя дѣла отца моего приходили все болѣе и болѣе въ разстройство.

Тщетно матушка убѣждала его посократить расходы. Онъ обѣщалъ и тутъ же измѣнялъ слову. Наступалъ день ея рожденія, 29-го іюня. Какъ не попировать? Но слово было дано. Что-жъ? Онъ выдумалъ, что будто бы Буше даетъ этотъ обѣдъ.

---

[1]) Нынѣ князя Юсупова. Прим. ред.

Въ то время было перемиріе съ бабушкою Христиною Михайловною. Она обѣдала у насъ въ пребольшой компаніи. Въ концѣ обѣда Буше провозгласилъ ея тостъ: „Милостивая государыня! За тридцать одинъ годъ предъ симъ"..... Она прервала его рѣчь: „Мнѣ было семнадцать лѣтъ отъ роду!" А матушка была третьимъ изъ дѣтей ея. Этотъ обѣдъ былъ послѣднимъ въ нашемъ домѣ.

Въ Сенатѣ было рѣшено какое-то дѣло, въ которомъ участвовала родственница Кутайсова или какого-то другого урода. По жалобѣ ея, отрѣшили отъ службы всѣхъ сенаторовъ того департамента и производителей дѣла. Отецъ мой былъ въ томъ числѣ. Это случилось 16-го сентября 1800 г. Помню, какъ вчера, съ какимъ удивительнымъ равнодушіемъ перенесъ онъ это несчастіе. Принесли пакетъ изъ канцеляріи департамента; я принялъ его отъ курьера и подалъ батюшкѣ, стоявшему съ трубкою подлѣ окна въ садъ. Онъ, распечатавъ, прочиталъ и сказалъ: „Хорошо!" потомъ опять устремилъ глаза въ зелень и, не измѣняясь въ лицѣ, только сталъ курить сильнѣе. Съ того дня все пошло подъ гору. Матушка отправилась, по приглашенію тетки ея, Екатерины Михайловны, съ дочерьми и младшимъ сыномъ, въ деревню ея, Пятую Гору. Батюшка сдалъ опеку надъ фамиліею барона Людвига и переѣхалъ со мною и съ братомъ на Фурштатскую улицу, въ домъ г. Крузе, подлѣ фурштатскагѡ двора. Здѣсь мы съ братомъ вытерпѣли большую нужду и принуждены были слушать упреки слугъ, которые ее раздѣляли. Батюшка все питался надеждою, при посредствѣ Безака, получить новое мѣсто, именно президента одной изъ ратушъ, которыя вздумали тогда учредить въ губернскихъ городахъ. Давно ли, казалось, жили мы въ достаткѣ и обиліи. Въ февралѣ 1800 года вышла замужъ тетушка Елисавета Яковлевна. Мужъ ея не имѣлъ ничего, кромѣ жалованья. Христина Михайловна, смотрѣвшая на этотъ бракъ съ досадою, хотя Елисавета Яковлевна и была любимою ея дочерью, не дала ей ничего на обзаве-

деніе, прибавивъ понѣмецки: „lass sie darben“[1]). Батюшка, и по влеченію добраго своего сердца, и на зло тещѣ, снабдилъ молодыхъ всѣмъ, что́ нужно было для домашняго хозяйства, и даже съѣстными припасами на нѣсколько мѣсяцевъ. Старикъ баронъ, отецъ Карла Ѳедоровича Клодта, объявилъ, что не можетъ явиться на свадьбу за неимѣніемъ невыразимой части одежды. Батюшка одѣлъ его съ ногъ до головы. А теперь самъ былъ въ горькомъ положеніи. Я отнюдь не упрекаю въ томъ нашихъ родныхъ: они всегда готовы были дѣлить съ нами послѣднее, только дѣлить было нечего.

Обученіе наше остановилось совершенно. Въ 1800 году посѣщалъ я публичныя лекціи Академіи Наукъ. Императрица Екатерина II пожаловала Академіи капиталъ въ 30,000 р.; изъ процентовъ его выдавалась награда четыремъ академикамъ (изъ русскихъ), которые читали лѣтомъ публичныя лекціи о разныхъ предметахъ въ залахъ Академіи и въ кунсткамерѣ. Въ 1800 году читали: Гурьевъ высшую математику; Захаровъ химію; Севергинъ минералогію, а Озерецковскій зоологію и ботанику. Я не могъ понимать лекціи Гурьева, не имѣвъ достаточныхъ для того приготовительныхъ познаній, но тѣмъ ревностнѣе слѣдилъ за другими, особенно за лекціями Озерецковскаго, который говорилъ грубо, не разбирая выраженій, но умно, ясно и увлекательно. Въ числѣ слушателей его были многіе морскіе и горные офицеры. Я былъ самымъ младшимъ изъ посѣтителей, но вскорѣ обратилъ на себя вниманіе академика исправнымъ посѣщеніемъ лекцій и постояннымъ вниманіемъ. Вынувъ изъ шкафа чучело животнаго, онъ заставлялъ меня держать его и объяснялъ признаки. Однажды объяснялъ онъ свойства птицы щурка и никакъ не могъ вспомнить, какъ она называется пофранцузски. Я поглядѣлъ на подпись на подножкѣ и сказалъ будто отъ себя и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ:—„Кажется guépier“.—„Точно такъ, вскричалъ Озерецковскій:—ай да моло-

---

[1]) Пусть ее потерпитъ нужду.

децъ!“ Съ тѣхъ поръ вниманіе его ко мнѣ еще увеличилось. Съ чувствомъ искренней благодарности воспоминаю я объ этихъ лекціяхъ, доставившихъ мнѣ случай къ развитію моихъ понятій и къ пріобрѣтенію основательныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ предметахъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ скажу, какъ помогли мнѣ эти уроки на экзаменѣ. Можетъ быть, что нынѣшняя Академія Наукъ блистательнѣе и славнѣе; но тогдашняя была, безспорно, полезнѣе. Подлѣ знаменитыхъ иностранцевъ,—Эйлера, Эпинуса, Палласа, Шуберта, Ловица и т. д., были въ ней русскіе: Румовскій, Лепехинъ, Озерецковскій, Севергинъ, Иноходцевъ, Захаровъ, Котельниковъ, Протасовъ, Зуевъ, Кононовъ, Севастьяновъ. Правда, что не всѣ изъ этихъ русскихъ были люди великіе и геніальные; многіе изъ нихъ были люди невысокой нравственности, т. е. просто пьяницы; но они трудились и дѣйствовали для Россіи, и о нихъ можно сказать съ Крыловымъ:

По мнѣ, такъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

Первое мѣсто въ числѣ ихъ занималъ Озерецковскій: человѣкъ умный, основательно ученый, но вздорный, злоязычный, сквернословъ и горькій пьяница. О нихъ ходило въ то время множество анекдотовъ. Однажды всѣ члены Академіи были на свадьбѣ у одного изъ своихъ товарищей: это было лѣтомъ, на Васильевскомъ Острову. Часу въ шестомъ утра шли они домой, гурьбою, въ шитыхъ мундирахъ и орденахъ и дорогою присѣли на помостъ канавки, чтобы отдохнуть и перевести духъ. Въ это время лавочникъ отворялъ свою лавочку.

— Братцы! сказалъ Озерецковскій:—зайдемъ въ лавочку и напьемся огуречнаго разсолу; славное дѣло послѣ попойки.

Вся Академія согласилась съ нимъ и отправилась за нектаромъ.

— Лавочникъ! закричалъ Озерецковскій: — подавай разсолу огуречнаго!

— Извольте, ваши превосходительствы и сіятельствы! отвѣчалъ лавочникъ и, кланяясь, поднесъ разсолу въ ковшѣ. Напились, отрыгались ученые.

— Хорошъ у тебя разсолъ, собака! сказалъ Озерецковскій:—ну что же мы тебѣ должны?

— Ничего, ваши сіятельствы!

— Какъ ничего!

— Да такъ, ваши превосходительствы! Вѣдь и съ нашимъ братомъ это случается.

Одинъ изъ членовъ Академіи, Левъ Васильевичъ Ваксель, воротившись изъ Англіи, задалъ попойку товарищамъ. Это было въ глубокую осень, когда уже выпадалъ снѣгъ. Жилъ онъ гдѣ-то за Владимірскою. Часу въ третьемъ ночи, гости его, сбираясь домой, потребовали, чтобы онъ досталъ имъ извозчиковъ. Послали искать ихъ, но не нашли ни одного.

— Ну, вези какъ хочешь, собака, нѣмецъ! сказалъ Озерецковскій.

— Да у меня, Николай Яковлевичъ, одна лошадь да обшевни.

— Умѣстимся какъ нибудь; вели закладывать, а мы выпьемъ еще по маленькой, на подковку лошадей!

— И то дѣло, сказалъ хозяинъ и велѣлъ подать свѣжую миску пуншу.

Гости посоловѣли; пошли сначала упреки и понасердки, потомъ примиренія, лобзанія и слезы. Миска осушена. Докладываютъ, что экипажъ готовъ. Гостей снесли одного за другимъ, уложили въ обшевни и наказали кучеру свезти господъ легонько на Васильевскій Островъ, въ домъ Академіи, постучаться у дверей каждаго и вызвать человѣка съ фонаремъ, чтобы онъ отыскалъ своего барина и снесъ въ постель. Приказаніе было исполнено въ точности. Семерыхъ кучеръ сдалъ въ академическомъ домѣ, а восьмого свезъ въ его собственный домъ въ 3-й линіи, и когда человѣкъ вынулъ его превосходительство, кучеръ сказалъ:

— Ну, слава Богу, всѣхъ сдалъ счетомъ.

— Какъ всѣхъ? спросилъ вернувшійся слуга:—да тамъ никакъ еще одинъ.

— Что ты, сказалъ кучеръ:—я принялъ счетомъ восемь человѣкъ.

— Нѣтъ, ей-ей, тамъ есть еще одинъ.

— Одолжи, братъ, фонарика; посмотримъ, такъ-ли.

Слуга поднесъ фонарь, и кучеръ увидѣлъ на днѣ обшевней девятаго—это былъ самъ хозяинъ Ваксель: онъ улегся съ своими друзьями.—„Ну этого знаю, куда везти", замѣтилъ кучеръ и поплелся домой. Еще много носилось въ свѣтѣ анекдотовъ о членахъ Академіи. Они куликали не одни: къ ученымъ присоединялись и исполнительные члены Комитета Правленія Академіи. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Василій Ивановичъ Емсъ, происхожденія англійскаго, родившійся въ Архангельскѣ: онъ говорилъ городскимъ нарѣчіемъ, какъ гребецъ, пилъ напропалую, ругался какъ подлѣйшій извозчикъ и участвовалъ съ друзьями своими въ самыхъ развратныхъ оргіяхъ. Мнѣ случилось видѣть ихъ на обѣдѣ, который давала ежегодно Почтамтская Газетная Экспедиція Комитету Академіи за какую-то уступку при подпискѣ на Академическую газету. Экспедиціею управлялъ тогда ст. сов. Иванъ Васильевичъ Мейсманъ, человѣкъ добрый и любезный, служившій самъ прежде того въ Комитетѣ Академіи. И меня приглашали на этотъ обѣдъ, какъ издателя журнала, отъ котораго кормилась Экспедиція. Обѣдъ этотъ происходилъ обыкновенно въ рестораціи Луи, насупротивъ Адмиралтейства, и оканчивался жестокимъ пьянствомъ, иногда и дракою. Емсъ былъ первымъ во всѣхъ этихъ мерзостяхъ. Въ примѣръ скажу, что онъ однажды, послѣ обѣда, спросилъ у своихъ товарищей: „Ну, господа, куда теперь поѣдемъ: въ театръ или къ кому нибудь?" Неудивительно, что Емсъ существовалъ въ моихъ мысляхъ, какъ самый гнусный и низкій человѣкъ. Однажды, въ началѣ 1817 года, мнѣ случилась какая-то надобность до типографіи Академіи Наукъ, которою онъ управлялъ. Я отправился къ нему поутру въ

десять часовъ, въ квартиру его, на Васильевскомъ Острову, въ домѣ лютеранской церкви св. Екатерины. Я думалъ, что мнѣ укажутъ куда нибудь на чердакъ, въ подвалъ, или, по крайней мѣрѣ, на задній дворъ. Нѣтъ! онъ жилъ въ нижнемъ этажѣ. У дверей колокольчикъ. Я позвонилъ. Отворили двери, и явилась чистенькая служанка.

— Здѣсь ли живетъ Василій Ивановичъ? спросилъ я.

— Здѣсь, сударь, пожалуйте. Она сняла съ меня шубу и, по чистымъ, хорошо убраннымъ комнатамъ, провела въ кабинетъ. Тамъ, предъ письменнымъ столомъ, сидѣлъ въ креслахъ, въ парадномъ шлафрокѣ, Василій Ивановичъ Емсъ. Все вокругъ его было чисто и порядочно. Увидѣвъ меня и вспомнивъ, гдѣ и какъ мы встрѣчались съ нимъ дотолѣ, онъ смутился было, но вскорѣ оправился и принялъ меня очень учтиво. Между тѣмъ, какъ мы разговаривали, вошла въ комнату жена его, дородная, миловидная англичанка, и, поклонившись мнѣ учтиво, спросила у него о чемъ-то по-англійски. Онъ отвѣчалъ ей тихо и ласково, и она вышла. Кончивъ дѣло свое, я откланялся. Онъ проводилъ меня до передней. Мимоходомъ видѣлъ я дочерей его, хорошенькихъ, скромныхъ, чисто одѣтыхъ. Это зрѣлище изумило меня: неужели этотъ опрятный, благообразный отецъ прекраснаго семейства и пьяница, развратникъ, сквернословъ, Емсъ—одна и та же особа? Точно такъ. Дома онъ былъ порядочный англичанинъ: съ пріятелями—грубый и развратный мужикъ архангелогородскій. На одной изъ пьяныхъ пирушекъ пораженъ онъ былъ параличомъ. Его свезли домой. Изъ неблагопристойныхъ выраженій его въ разговорѣ съ призваннымъ къ нему врачомъ, изъ раздранной и загрязненной его одежды, дочери увидѣли его гнусное положеніе и догадались, что это случается съ нимъ не въ первый разъ. Онъ вскорѣ потомъ умеръ, а одна изъ дочерей его, съ отчаянія, сошла съ ума!

Повторяю, что эти пьяницы были гораздо общеполезнѣе нынѣшнихъ чопорныхъ всезнаекъ. Озерецковскій и Севергинъ написали „Естественную Исторію“, въ семи томахъ, из-

данную на счетъ казны въ 1789—1790 годахъ, которая донынѣ сохраняетъ свое достоинство. Озерецковскій писалъ слогомъ тяжелымъ и грубымъ (въ чемъ свидѣтельствуетъ его переводъ Саллюстія), но зналъ языки основательно и обогатилъ терминологію естественной исторіи. Въ 1800 году онъ продолжалъ свои лекціи до глубокой осени, потому что изъ Академической Конторы не выдавали ему должной за то платы, а мнѣ это было на-руку. Въ послѣдніе годы своей жизни Озерецковскій забавлялся разными причудами. У него былъ племянникъ въ гимназіи. Однажды, Озерецковскій увидѣлъ у него казенный синій платокъ, отъ котораго у него посинѣлъ носъ. Онъ далъ ему другой платокъ, а этотъ повѣсилъ между рѣдкостями въ кунсткамерѣ съ ярлыкомъ: „Платокъ с.-петербургской гимназіи, въ попечительство Уварова и директорство Тимковскаго!“ Наконецъ, онъ впалъ въ совершенное разслабленіе. Грѣшно Уварову, что онъ, при праздновании столѣтія Академіи въ 1826 году, не далъ ему жалкой звѣзды Станислава за прежнія его великія заслуги. Онъ вскорѣ потомъ умеръ. Память его достойна жить въ лѣтописяхъ русской науки. Тогда былъ иной вѣкъ: и Петръ Великій, и Ломоносовъ жили не по нынѣшнему.

Праздное время (а его у меня было довольно) употреблялъ я на чтеніе книгъ исключительно русскихъ, потому что я не понималъ достаточно языковъ иностранныхъ. Ихъ доставлялъ мнѣ одинъ подчиненный батюшки, Николай Іевлевичъ Сковычевъ, сохранившій къ начальнику своему благодарность и по смерти его. Ежегодно, 24-го ноября, являлся онъ съ поздравленіемъ къ матушкѣ. Я потерялъ его изъ виду въ концѣ двадцатыхъ годовъ. Я любилъ музыку, охотно слушалъ игру на инструментахъ и пѣніе, можетъ быть, оттого, что въ дѣтствѣ много водился съ пѣвчими. Рѣшено было учить меня играть на скрипкѣ. За это взялся Николай Михайловичъ Кудлай, мастеръ своего дѣла, ученикъ знаменитаго Скіати (отца извѣстной учительницы на фортепіано, госпожи Мейеръ). Ученіе это продолжалось мѣсяца три и

кончилось ничѣмъ. Мнѣ надоѣли экзерциціи безъ всякой мелодіи. Я немедленно хотѣлъ наслаждаться плодами ученія и, не видя ихъ, соскучился и, водя смычкомъ по струнамъ, думалъ объ иномъ; но и это кратковременное занятіе музыкою принесло мнѣ пользу: я познакомился съ главными основаніями нотнаго письма, узналъ размѣръ нотъ, мѣсто каждаго тона, что такое тактъ, ключъ и т. д. Это мнѣ было полезно впослѣдствіи, когда я занимался переводомъ оперъ.

Все это отрывочное и непостоянное образованіе прекратилось совершенно по удаленіи матушки въ деревню и по переселеніи нашемъ изъ дома Людвига на Фурштатскую. Батюшка выходилъ со двора поутру рано за своими дѣлами и возвращался домой, и то не всегда, къ обѣду. Иногда обѣдывали мы у тетушки Елисаветы Яковлевны. Все время проводили мы почти въ совершенной праздности, съ крѣпостными нашими людьми. О нихъ долженъ я сказать нѣсколько словъ. Самымъ древнимъ изъ этихъ лицъ была эстляндка Елисавета, извѣстная въ домѣ подъ именемъ „старой Лизы“. Она принадлежала еще бабушкѣ Екатеринѣ Мартыновнѣ, потомъ перешла къ теткамъ моимъ и, наконецъ, къ отцу. Въ молодости, говорятъ, она была красавицею. Она плѣнила сердце какого-то семинариста, и плодомъ этого плѣна была дочка Мавра, которая, на основаніи какого-то закона, была свободною и служила въ людяхъ у богатыхъ нѣмецкихъ купцовъ. „Старая Лиза“ была преискусная кухарка и особенно славилась своими супами. Отъ оригинальныхъ капризовъ батюшки она терпѣла очень много. Однажды подали на столъ поросенка подъ хрѣномъ. Батюшка, большой охотникъ до этого блюда, съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что у поросенка обрѣзаны уши. Призвали къ страшному суду бѣдную Лизу.

— Отчего обрѣзаны уши у поросенка? спросилъ онъ.

— Не знаю-съ.

— Какъ не знаешь, ты, старая!

— Виновата! Мыши отъѣли кончики ушей, такъ я ихъ срѣзала.

— Мыши! вотъ я дамъ тебѣ мышей. Садись, старая... и съѣшь сама всего поросенка, а я послѣ мышей ѣсть не стану. Садись и ѣшь, а не то я тебя...

Напрасно бѣдная старуха умоляла его; напрасно вступалась матушка. Лиза должна была съѣсть; ей подали приборъ, и она, отрѣзавъ кусочекъ, положила его въ ротъ. Вдругъ раздалось: „Прочь, старая... съ глазъ долой и съ проклятымъ поросенкомъ". Старуха съ трепетомъ взялась за блюдо и унесла на кухню. Всѣ мы сожалѣли о бѣдной Лизѣ, и я вечеромъ пробрался въ кухню, чтобы увидѣть, какъ она перенесла эти истязанія. Что-жъ? Старуха сидѣла за поросенкомъ и съ аппетитомъ убирала его. „Дай Богъ здоровья Ивану Иванычу, говорила она:—пожурилъ да и помиловалъ. Славное блюдо". По кончинѣ батюшки, когда я распустилъ всѣхъ нашихъ людей, она переселилась къ своей дочери, попала въ домъ доброй баронессы Раль, долго служила у ней и тамъ скончалась. Батюшка привезъ съ собою изъ Италіи молоденькаго мальчика Франческо, но онъ оставался у насъ недолго и перешелъ къ извѣстному итальянскому импрессарію Казаси. Послѣ того пріятель батюшки, Кретовъ, прислалъ къ нему изъ Москвы, въ „подарокъ", молодого мальчика, по имени Аѳанасья. Это былъ человѣкъ смѣтливый, проворный, услужливый, добрый и довольно трезвый, но имѣлъ несчастную страсть къ игрѣ. Въ то время существовали въ трактирахъ и харчевняхъ азартныя игры, называвшіяся фортунками. Кажется, въ нихъ катали шариками въ отверстія, какъ на китайскихъ билліардахъ. Аѳанасій пристрастился къ этой забавѣ и проигрывалъ все, что могъ. Пошлютъ размѣнять синюю бумажку. Не идетъ домой часа два. Потомъ явится блѣдный, разстроенный: „виноватъ, какъ-то обронилъ". Можно вообразить, какъ это сердило батюшку, огорчало матушку, особенно когда финансы домашніе были въ плохомъ состояніи. А впрочемъ, Аѳанасій былъ слуга преисправный. Дядюшка, Александръ Яковлевичъ Фрейгольдъ, любилъ этого человѣка и утверждалъ, что онъ шалитъ оттого, что батюшка обра-

щается съ нимъ слишкомъ строго.—„Строго?“ спросилъ батюшка:—„такъ возьми его себѣ, любезный другъ; я дарю его тебѣ; напляшешься съ нимъ“. Александръ Яковлевичъ Фрейгольдъ отвѣчалъ, что подарка не принимаетъ, а беретъ къ себѣ Аѳанасья въ услуженіе, чтобы доказать справедливость своего мнѣнія. Вскорѣ потомъ уѣхалъ онъ съ Павломъ Ив. Мерлинымъ въ Москву и взялъ Аѳанасья съ собою. Вотъ пишетъ изъ Москвы: „Аѳанасій—чудо человѣкъ честенъ, исправенъ, трезвъ и т. п.“. Вдругъ похвалы умолкли. Что-жъ случилось? Послѣ годичной честной и безпорочной службы Аѳанасія, дядюшка и Мерлинъ отправились куда-то зимою на балъ, взявъ съ собою героя моего разсказа. Часу въ третьемъ ночью выходятъ въ переднюю, кличутъ Аѳанасья, нѣтъ его; ищутъ шубъ, и ихъ нѣтъ. Оказалось, что вѣрный слуга забралъ шубы своихъ господъ и еще сколько могъ захватить, отправился въ трактиръ и проигралъ ихъ. Аѳоньку воротили и отдали въ солдаты. Это было въ началѣ 1807 г. Онъ попалъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, стоявшихъ въ Петербургѣ, помнится, въ Кексгольмскій, или, какъ его звали, Кемзольскій. Послѣ 1814 г., явился онъ ко мнѣ унтеръ-офицеромъ, съ Георгіевскимъ крестомъ и медалями, и разсказывалъ о славныхъ своихъ подвигахъ. Потомъ, лѣтъ чрезъ пять, пришелъ опять, но уже простымъ солдатомъ и безъ знаковъ отличія. Его разжаловали, какъ онъ самъ говорилъ, за то, что полковой писарь выскоблилъ что-то въ его бумагахъ, для доставленія ему скорѣйшаго производства, но, вѣроятно, за новый раздоръ его съ фортуною. Въ началѣ сороковыхъ годовъ явился онъ вновь ко мнѣ отставнымъ, дряхлымъ инвалидомъ. Иванъ Никитичъ Скобелевъ, по просьбѣ моей, помѣстилъ его въ Чесменскую богадѣльню, гдѣ онъ и умеръ въ 1842 г. Я долженъ былъ почтить память человѣка, который пекся обо мнѣ въ младенчествѣ моемъ. Литературный монументъ поставилъ я Аѳанасью Силантьеву въ „Черной женщинѣ“.

По смерти Крейца, остались у него крѣпостные люди, родомъ эстляндцы, двѣ женщины, Мари съ сыномъ Эвертомъ,

и Кадри съ двумя дочерьми. Батюшка пріобрѣлъ ихъ покупкою; но они служили намъ неохотно, надѣявшись, что, по смерти Крейца, ихъ отпустятъ на волю. Они безпрерывно жаловались на горькую свою судьбу и повиновались только по принужденію. У отца моего не было никакихъ письменныхъ видовъ на обладаніе ими: по кончинѣ его, я объявилъ, что, по малолѣтству своему, не знаю, кому именно принадлежатъ эти люди, и такимъ образомъ сдѣлались они свободными, получая виды на жительство отъ полиціи. Нынѣ (1851 г.) нельзя было бы этого сдѣлать, хотя и облегчены способы къ освобожденію людей изъ крѣпостного состоянія. Потомъ я потерялъ ихъ изъ виду.

И вотъ компанія, въ которой мы находились съ братомъ Александромъ! Нужду терпѣли мы порядочную, чаю не пили, а довольствовались сбитнемъ. Я не жалуюсь на эту бѣдность, на горькій опытъ молодыхъ лѣтъ. Чего не перенесешь въ молодости, въ надеждѣ будущихъ благъ! Я пріобрѣлъ этими лишеніями независимость въ жизненныхъ дѣлахъ. Обѣдать или не обѣдать, напиться чаю или холодной воды,—для меня все равно, по крайней мѣрѣ, было такъ, когда я былъ помоложе. Зато и радовался я всякому счастливому случаю, доставлявшему мнѣ какое либо удобство и наслажденіе. Лишеніе было для меня въ обыкновенномъ порядкѣ вещей; сытость и наслажденіе наградою, не всегдашнею. Оттого я донынѣ не пренебрегаю благами земными, не пресыщенъ ими, и благодарю Бога за все, что онъ ни пошлетъ мнѣ. Зато я и болѣе сострадаю бѣднымъ, зная, каково терпѣть голодъ, стужу, униженіе, неразлучные съ бѣдностью.

Среди этого быта раздался надъ головами у насъ громовый ударъ—смерть императора Павла,—но не устрашилъ насъ, а, напротивъ, оживилъ, возвѣстивъ, что воздухъ очистится отъ мглы и затхлости, которыми былъ преисполненъ въ теченіе слишкомъ четырехъ лѣтъ. 11-го марта пришли мы вечеромъ домой отъ тетушки Елисаветы Яковлевны. На Фурштатской, насупротивъ Аннинской кирки, жила сестра

генералъ-прокурора Обольянинова. У воротъ стояло, какъ и всякій вечеръ, множество экипажей. На другой день, часу въ десятомъ утра, разбудили насъ съ братомъ громкія слова слуги:

— А молодые господа спятъ и не знаютъ, что дѣлается въ свѣтѣ.

— Что такое? спросилъ я, протирая глаза.

— Да у насъ, Николай Ивановичъ, новый государь. Императоръ Павелъ Петровичъ приказалъ долго жить.

— Да какъ ты это узналъ?

— Баринъ, по обычаю, всталъ въ шестомъ часу и куда-то отправился. Вдругъ воротился онъ поспѣшно чрезъ полчаса и сказалъ: „Когда проснутся дѣти, скажи имъ, что государь умеръ“. Съ этими словами онъ опять пошелъ со двора.

Мы съ братомъ просидѣли весь день дома, а вечеромъ пошли къ Елисаветѣ Яковлевнѣ. Тамъ было нѣсколько человѣкъ гостей: они разговаривали объ этомъ происшествіи въ полголоса... Часовъ въ девять пріѣхалъ старикъ баронъ Клодтъ, отецъ Карла Θеодоровича, усердный вѣстовщикъ, и всѣ бросились къ нему съ вопросами...

Достойно замѣчанія, съ какою быстротою распространяются извѣстія важныя и неожиданныя.

Разослали приказаніе по заставамъ—никого не впускать въ городъ. Полагаютъ, что хотѣли удержать за шлагбаумомъ графа Аракчеева, за которымъ послалъ императоръ Павелъ. По всѣмъ дорогамъ остановились обозы, шедшіе въ городъ съ припасами, и послужили проводниками живому телеграфу. Императоръ скончался въ первомъ часу ночи, а въ третьемъ часу ночи разбудили съ извѣстіемъ о томъ дядюшку Александра Яковлевича Фрейгольда въ Пятой Горѣ, въ семидесяти верстахъ отъ Петербурга, куда не могли поспѣвать ранѣе десяти часовъ, особенно въ тогдашнюю весеннюю распутицу...

Никто не думалъ притворяться. Справедливо сказалъ Карамзинъ въ своей запискѣ о состояніи Россіи: „Кто былъ не-

*

счастнѣе Павла! Слезы о кончинѣ его лились только въ его семействѣ". Не только на словахъ, но и на письмѣ, въ печати, особенно въ стихотвореніяхъ, выражали радостныя чувства освобожденія. Карамзинъ, въ одѣ своей на восшествіе Александра I, сказалъ:

Сердца дышать Тобой готовы:
Надеждой духъ нашъ оживленъ.
Такъ милыя весны явленье
Съ собой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы.

Державинъ выражается еще яснѣе; у него является Екатерина и говоритъ русскимъ, что они терпѣли по заслугамъ, не послушавшись совѣта ея — взять въ цари внука ея, а не сына. Стихотворенія Державина представляютъ любопытную картину поэтическаго флюгарства. Онъ хвалилъ и Екатерину, и Павла, и Александра! Послѣдняя хвала, при вступленіи на престолъ Александра Павловича, была достойна замѣчанія тѣмъ, что Державинъ при этой перемѣнѣ палъ съ вершины честей: онъ лишился мѣста государственнаго казначея. Государь пожаловалъ ему за эту оду перстень въ пять тысячъ рублей. Державинъ подписалъ въ то время подъ портретомъ Александра:

Се видъ величія и ангельской души:
Ахъ, еслибъ вкругъ него всѣ были хороши!

Князь Платонъ Зубовъ отвѣчалъ на это:

Конечно, намъ Державина не надо:
Паршивая овца и все испортитъ стадо.

А чрезъ полтора года эта паршивая овца или паршивый баранъ былъ назначенъ министромъ юстиціи.

Тѣло покойнаго императора было выставлено въ длинной проходной комнатѣ, ногами къ окнамъ. Едва войдешь въ дверь, указывали на другую съ увѣщаніемъ: „извольте проходить". Я разъ десять, отъ нечего дѣлать, ходилъ въ Ми-

хайловскій замокъ и могъ видѣть только подошвы ботфортовъ императора и поля широкой шляпы, надвинутой ему на лобъ. Въ томъ году Свѣтлое Воскресенье было очень рано, 24-го марта, и Павла I похоронили наканунѣ: по обѣимъ сторонамъ улицъ, гдѣ везли его тѣло, стояли войска, но въ безпорядкѣ, съ большими интервалами.

Императоръ Александръ Павловичъ былъ задачею для современниковъ: едва ли будетъ онъ разгаданъ и потомствомъ. Природа одарила его добрымъ сердцемъ, свѣтлымъ умомъ, но не дала ему самостоятельности характера, и слабость эта, по странному противорѣчію, превращалась въ упрямство. Онъ былъ добръ, но притомъ злопамятенъ; не казнилъ людей, а преслѣдовалъ ихъ медленно, со всѣми наружными знаками благоволенія и милости: о немъ говорили, что онъ „употреблялъ кнутъ на ватѣ“. Скрытность и притворство внушены были ему—и кѣмъ? воспитателемъ его, Лагарпомъ. Умный и строгій республиканецъ ненавидѣлъ сильныхъ и знатныхъ; съ негодованіемъ видѣлъ, какъ, при вступленіи его въ должность воспитателя будущаго императора, вся русская знать начала ему кланяться, какъ все предъ нимъ раболѣпствовало и пресмыкалось. — „Видишь ли этихъ подлецовъ? говорилъ онъ Александру: — не вѣрь имъ, но старайся казаться къ нимъ благосклоннымъ, осыпай ихъ крестами, звѣздами и презрѣніемъ. Найди друга внѣ этой сферы, и ты будешь счастливъ“. Уроки эти принесли плоды. Сохранилось письмо Александра къ графу Виктору Павловичу Кочубею, бывшему тогда въ Константинополѣ, писанное въ началѣ 1796 года. Александръ I жалуется на свое положеніе, выражаетъ все свое презрѣніе къ царедворцамъ того времени и говоритъ, что ужасается мысли царствовать надъ такими людьми, что онъ охотно отказался бы отъ наслѣдства престола, чтобы жить гдѣ нибудь въ глуши съ своею женою. И онъ чрезъ пять лѣтъ сдѣлался государемъ, и онъ выбралъ себѣ друга, и этотъ другъ былъ—гнусный Аракчеевъ. Исторія этого временщика любопытна и поучительна. Я зналъ

его довольно коротко и современемъ опишу въ точности. Александръ видѣлъ въ немъ человѣка, по наружности безкорыстнаго, преданнаго ему безусловно, и сдѣлалъ его козлищемъ, на котораго падали всѣ грѣхи, всѣ проклятія народа.

Послѣднимъ памятникомъ дня 12-го марта 1801 г. остался Иванъ Саввичъ Горголи, нынѣшній (1851 г.) дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ и святоша. Въ молодости своей, служа въ гвардіи, онъ былъ образцомъ рыцаря и франта. Никто такъ не бился на шпагахъ, никто такъ не игралъ въ мячи, никто не одѣвался съ такимъ вкусомъ, какъ онъ. Ему теперь за семьдесятъ лѣтъ, а онъ въ этихъ упражненіяхъ одолѣетъ хоть кого. Онъ первый началъ носить высокіе, тугіе галстухи (на щетинѣ), прозванные по немъ „горголіями“. Въ 1800 г. онъ былъ плацъ-майоромъ и состоялъ въ полной командѣ графа Палена, слѣдственно долженъ былъ ему повиноваться и исполнять его приказанія безпрекословно. По этой причинѣ его отъ двора и изъ города не удаляли, а держали въ черномъ тѣлѣ: онъ былъ лѣтъ пятнадцать полковникомъ. Въ 1808 г. посылали его съ какимъ-то порученіемъ къ Наполеону, бывшему тогда въ Байоннѣ, и, по пріѣздѣ оттуда, его назначили с.-петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ. Онъ отъ природы добрый и на мѣстѣ этомъ зла не дѣлалъ, только давалъ много воли своимъ подчиненнымъ, видя въ каждомъ квартальномъ и его помощникѣ офицера. Ну, ужъ офицеры! Въ 1823 году смѣнилъ его пьяный Гладковъ, о которомъ придется мнѣ говорить въ свое время. Горголи, пользуясь славою отличнаго полицейскаго, былъ употребленъ, въ началѣ царствованія Николая Павловича, для изслѣдованія злоупотребленій въ Кронштадтѣ. Потомъ поступилъ онъ, какъ и слѣдовало, въ сенаторы. Въ 1826 году, онъ спрашивалъ у меня, какова исторія Карамзина, которой не случалось ему читать.

Талызинъ умеръ, въ маѣ 1801 года, объѣвшись устрицъ. На памятникѣ его, въ Невскомъ монастырѣ, начертано было:

„съ христіанскою трезвостью животъ свой скончавшаго". Потомъ замѣнили это слово твердостью, но очень неискусно. — Графъ Паленъ удалился въ курляндское свое помѣстье, названное имъ „Милостью Павла" (Paulsgnade), и умеръ слишкомъ восьмидесяти лѣтъ, сохранивъ всю бодрость своего ума. Говорятъ, что въ 1812 году хотѣли было назначить его главнокомандующимъ арміею противъ Наполеона. — Князь Платонъ Зубовъ удалился въ свои помѣстья въ Саксоніи. Графъ Валеріанъ Зубовъ оставался на незавидномъ мѣстѣ директора 2-го Кадетскаго Корпуса, который при немъ падалъ все болѣе и болѣе, оставшись на попеченіи Клейнмихеля. Адъютантъ Палена, Францъ Ивановичъ Тиранъ, за неосторожныя рѣчи, былъ сосланъ въ оренбургскій гарнизонъ. Онъ женился на дочери знаменитаго трактирщика Демута, ссорился съ женою, жилъ то въ Петербургѣ, то въ Парижѣ, гдѣ я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ 1845 году. . . . .

. . . .

Я сказалъ уже, что вступленіе на престолъ Александра привѣтствуемо было, какъ самое счастливое и вожделѣнное событіе. И въ санѣ наслѣдника престола былъ онъ любимцемъ и кумиромъ русскаго народа. Молодой, красавецъ, кроткій, любезный, благотворительный цесаревичъ привлекалъ къ себѣ всѣ сердца и царствовалъ въ Россіи еще до вступленія своего на престолъ. Опытъ этотъ имѣлъ вредное вліяніе на характеръ его, мнительный и недовѣрчивый. Видѣвъ любовь народа къ наслѣднику престола мимо царя, онъ не дозволялъ, чтобы кто либо изъ лицъ его семейства, разумѣется, мужескаго пола, могъ быть извѣстенъ народу съ хорошей стороны. По этой причинѣ не объявлялъ онъ, кто будетъ его наслѣдникомъ и не дозволялъ этому наслѣднику являться народу въ истинномъ своемъ свѣтѣ. Мы не знали великаго князя Николая Павловича, или, лучше сказать, знали его съ дурной стороны, видѣли въ немъ человѣка честнаго, строгаго въ исполненіи своихъ обязанностей, но односторонняго,

скрытнаго, взыскательнаго въ бездѣлицахъ, совсѣмъ не то, что оказалось впослѣдствіи. Еслибы знали, что онъ наслѣдникъ престола, еслибы знали качества его души и сердца, не было бы постыднаго возмущенія 14-го декабря, имѣвшаго для Россіи бѣдственныя послѣдствія. Въ замѣну того, какъ просто, благородно, умно обращеніе императора Николая съ своимъ наслѣдникомъ...

Александръ I, вступивъ на престолъ, удалилъ Кутайсова, Обольянинова и другихъ царедворцевъ и призвалъ государственныхъ мужей, пользовавшихся общею довѣренностію; приказалъ пересмотрѣть всѣ судебные приговоры и подобныя дѣла прежняго царствованія, возвратилъ невинно пострадавшимъ свободу, имущество, честь. Не могу выразить тѣхъ чувствъ любви и благоговѣнія, которыя внушали Александръ и Елисавета, тогда еще соединенные узами любви и вѣрности супружеской. Въ дѣлахъ внѣшнихъ водворился миръ; раскрылись гавани и моря для внѣшней торговли. Избытки Россіи потекли заграницу. Прекратилась жестокая и глупая цензура. Заговорила русская литература, дотолѣ нѣмая и заклепанная. Служба военная освободилась отъ прусскаго педантства [1]). Одежда офицеровъ и солдатъ сдѣлалась благородною и изящною. Сначала исчезла пудра; вскорѣ обрѣзали и косы. При дворѣ явился посланникъ Бонапарте, красавецъ Дюрокъ, которому было суждено чрезъ 12 лѣтъ пасть отъ русскаго ядра, и прическа на подобіе римской вошла въ моду, подъ названіемъ à la Duroc. Появились вновь круглыя шляпы, фраки (принимавшіе вначалѣ разные забавные формы и цвѣта) и т. п. Нѣмецкая упряжь съ шорами осталась за придворными и архіерейскими экипажами. Свѣтская публика помчалась на ямскихъ. Лишь только миновалъ придворный трауръ, закипѣли забавы всякаго рода:

[1]) Павелъ перенялъ не тогдашнюю прусскую форму, а бывшую при Фридрихѣ II. Пріѣзжавшіе въ Петербургъ прусскіе офицеры смѣялись надъ нашимъ военнымъ костюмомъ и утверждали, что у нихъ никто такъ не ходитъ.

вечеринки, балы, танцовальныя и музыкальныя собранія. Въ Петербургѣ возобновился французскій театръ, поступленіемъ на него двухъ сестеръ: Филисъ-Андріё и Филисъ-Бертенъ, Дюкруса, Деглиньи, др. [1]). Года чрезъ два возобновилась итальянская опера, въ которой отличались мадамъ Каневасси-Гарніе,

[1]) Французскій театръ процвѣталъ и при Павлѣ, не смотря на всѣ его предубѣжденія противъ тогдашней Франціи. Особенно отличалась мадамъ Шевалье, рожденная Поаро (сестра танцовщика Огюста). Мужъ ея былъ балетмейстеромъ и получилъ по этому мѣсту чинъ коллежскаго ассессора. Она занимала первыя амплуа въ операхъ и блистала своею игрою и пѣніемъ. Главное же въ томъ, что она была любовницею Кутайсова и дѣлала изъ него, что хотѣла. Къ ней прибѣгали за протекціею и получали ее за надлежащую плату. И старикъ баронъ Клодтъ просилъ ее о пособіи. Мужъ ея сидѣлъ въ передней и докладывалъ о приходящихъ. Она принимала ихъ какъ королева. Одно слово ея Кутайсову, записочка Кутайсова къ генералъ-прокурору или къ другому сановнику, и дѣло рѣшалось въ пользу щедраго дателя. Достовѣрное преданіе гласитъ, что этимъ темнымъ каналомъ Зубовы испросили себѣ позволеніе пріѣхать въ Петербургъ и были опредѣлены директорами 1-го и 2-го Кадетскихъ корпусовъ: чрезъ годъ отплатили они и Павлу, и Кутайсову, и предстательницѣ своей. Мадамъ Шевалье, вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра, выѣхала заграницу съ дочкою и съ того времени не выходила на сцену. Я увидѣлъ ее случайно въ 1817 г., не зная, кто она. Съ троюроднымъ братомъ моимъ, И. К. Борномъ, заѣхалъ я, на пути изъ Швейцаріи. въ Висбаденъ, гдѣ жила знакомая намъ (по Эмсу) премилая дама госпожа Гризаръ (мать нынѣшняго славнаго композитора). Мы отыскали гостинницу (Zur Rose), гдѣ она остановилась, и вошли въ ея комнату; у дверей ея въ корридорѣ стоялъ лакей съ салопами, и на вопросъ чей онъ, сказалъ какое-то общее армейское французское прозвище. У госпожи Гризаръ нашли мы двухъ дамъ, одну пожилую, другую молоденькую. Послѣ первыхъ привѣтствій и изліянія радости, госпожа Гризаръ извинилась предъ старшею дамою въ томъ, что такъ гласно здоровается при ней и сказала: „Вотъ тѣ двое русскихъ, съ которыми мы съ сестрою познакомились въ Эмсѣ и о которыхъ я съ вами говорила“. Мы поклонились имъ, и завязался общій разговоръ. Ужинать пошли за общимъ столомъ. Я сѣлъ съ одной стороны, между госпожою Гризаръ и пожилою дамою, а Борнъ помѣстился насупротивъ, съ молодою, и вскорѣ разговорился съ нею о музыкѣ. Я сказалъ ему что-то порусски. Сосѣдка моя, улыбнувшись, сказала:

— Мнѣ пріятно слышать звуки вашего языка.

Ненчини, Ронкони (отецъ нынѣшняго), Паскуа и мн. др. Оживилась и нѣмецкая труппа. Русская обогатилась новыми талантами Самойлова, Черниковой, впослѣдствіи его жены, Семеновой, и др. Петербургъ проснулся отъ тягостнаго сна и наслаждался свѣжимъ бытіемъ. То же можно сказать и обо всей Россіи. Блистательнѣйшимъ проявленіемъ радости и надеждъ Россіи было коронованіе Александра (15-го сентября), преданное безсмертію въ русской литературѣ рѣчью митрополита Платона.

Съ этого времени началась служебная и политическая

— Такъ вы бывали въ Россіи?

— Была, и дочь моя родилась въ Петербургѣ. — Тутъ я обратился съ русскимъ вопросомъ къ дочери, но она посмотрѣла на меня, не понимая, что̀ я говорю.

— Дочь моя, сказала дама,— выѣхала изъ Россіи на первомъ году отъ роду и слѣдственно не можетъ знать порусски, а я что̀ знала, то забыла. Потомъ начала она разспрашивать меня о Россіи, о нѣкоторыхъ лицахъ, о французскомъ театрѣ и т. п. Я отвѣчалъ ей, не догадываясь, но и не смѣлъ спросить, кто она. На лицѣ ея видны были признаки красоты необыкновенной: умная улыбка, прекрасные глаза, пріятный голосъ, бѣленькія ручки — все говорило въ ея пользу. У дочери же ея былъ орлиный носъ и восточный обликъ лица, какъ у турчанки. Отужинали и пошли въ комнаты госпожи Гризаръ. Незнакомка съ дочерью отправилась домой. „Кто эта дама?“ спросилъ я съ нетерпѣніемъ. — „Сама не знаю“, отвѣчала г-жа Гризаръ. Я познакомилась съ нею, какъ съ землячкою, на прогулкахъ и за общимъ столомъ. Женщина она умная и очень пріятная. Только сегодня она меня изумила. Я зашла къ ней, чтобы пойти вмѣстѣ на воды. Замѣтивъ, что я одѣта слишкомъ легко по холодному времени, она предложила мнѣ надѣть шаль, выдвинула ящикъ комода, и я увидѣла въ немъ коллекцію драгоцѣннѣйшихъ шалей на милліоны: она должна быть знатнѣйшая дама. Не знаю, какъ ее зовутъ“...—„Мадамъ Шевалье“, сказалъ я.—„Не знаю“, отвѣчала мадамъ Гризаръ: „а вы почемъ это знаете?“— „Мнѣ сказалъ это лакей ея, стоявшій у вашихъ дверей“. И въ ту же минуту догадался я, что это должна быть недавняя владычица Россіи! Я сообщилъ мое открытіе пріятельницѣ моей и разсказалъ похожденія героини. Мы должны были отправиться далѣе въ четыре часа утра, и я не могъ продолжать начатаго знакомства, очень интереснаго. Братъ ея сказывалъ мнѣ впослѣдствіи, что она постриглась и вела строгую жизнь въ одномъ дрезденскомъ монастырѣ.

жизнь двухъ лицъ, весьма различныхъ между собою. Николай Николаевичъ Новосильцевъ, тогдашній первый любимецъ императора Александра, просилъ начальство Московскаго Университета дать ему, на время пребыванія его въ Москвѣ, какого нибудь студента въ писцы. Къ нему прикомандировали бѣлорусскаго поповича Ѳедора Врonченко, нынѣшняго [1]) графа, министра финансовъ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и Андреевскаго кавалера. Другой былъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ, нынѣшній свѣтлѣйшій князь и предсѣдатель Государственнаго Совѣта. Ему было тогда лѣтъ четырнадцать отъ роду. Какъ сынъ сенатора, былъ онъ на одномъ изъ баловъ, данныхъ государю, и въ одномъ экоссезѣ очутился въ парѣ, стоявшей подлѣ танцовавшаго Александра. Веселая и пріятная его физіономія приглянулась государю. Онъ сталъ разспрашивать юношу о разныхъ дамахъ, бывшихъ на балѣ, о ихъ свойствахъ, слабостяхъ и т. п. Юноша отвѣчалъ умно, смѣло и забавно, и очень понравился. На другой день государь велѣлъ спросить у отца, чего бы онъ желалъ для своего сына.—„Опредѣлить его офицеромъ въ гвардію, если будетъ милость вашего величества", отвѣчалъ отецъ.—„Этого нельзя сдѣлать", возразилъ государь. „Жалую его въ камеръ-пажи". Черезъ полгода Чернышевъ былъ выпущенъ въ офицеры въ Кавалергардскій полкъ. Онъ отличился храбростью при Аустерлицѣ и при Фридландѣ и получилъ ордена Владимірскій и Георгіевскій.

Государь всегда отличалъ его. Въ 1808 г. отправилъ онъ Чернышева курьеромъ къ послу нашему въ Парижѣ, графу Петру Александровичу Толстому, съ депешами и изустными приказаніями. Чернышевъ прибылъ въ Парижъ во вторникъ. Принимая депеши, графъ Толстой сказалъ ему, чтобы онъ до воскресенья, пріемнаго дня у императора Наполеона, не выходилъ со двора. Молодому шалуну было очень досадно это затворничество въ Парижѣ. Вдругъ является адъютантъ

---

[1]) Въ 1851 году.

Наполеона и объявляетъ, что императоръ, узнавъ о прибытіи чрезвычайнаго курьера изъ Петербурга, проситъ графа Толстаго завтра же привезти его въ Тюльери. Чернышевъ ожилъ. Наполеонъ, увидѣвъ на немъ военные ордена, сказалъ:

— А, вы одинъ изъ недавнихъ моихъ враговъ! Гдѣ вы заслужили эти кресты?

— При Аустерлицѣ и Фридландѣ, отвѣчалъ Чернышевъ.

Тутъ Наполеонъ началъ толковать объ этихъ сраженіяхъ по своимъ бюллетенямъ и критиковать дѣйствія нашихъ генераловъ. Юный поручикъ, забывъ, что говоритъ съ первымъ полководцемъ въ мірѣ, началъ спорить и опровергать его показанія. Стоявшій за Наполеономъ, Толстой напрасно подавалъ ему знаки, чтобы онъ умѣрилъ свой жаръ. Чернышевъ, не замѣчая этого, продолжалъ отстаивать честь русской арміи и принудилъ Наполеона съ нимъ согласиться. Эта смѣлость и самоувѣренность солдата понравилась Наполеону, и онъ съ тѣхъ поръ видимо отличалъ Чернышева. Онъ находился при Наполеонѣ и въ австрійской кампаніи 1809 г. Извѣстно, что австрійцы одержали верхъ надъ французами при Аспернѣ и отбросили ихъ за Дунай. Наполеонъ самъ едва не попался въ плѣнъ. Конвой его сабельными ударами очищалъ ему дорогу среди толпы бѣгущихъ французовъ. Сѣвъ въ лодку, онъ замѣтилъ, что нѣтъ Чернышева и велѣлъ отыскать его. Ему доложили, что некогда медлить и должно отчалить.—„Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ онъ:—что скажутъ, когда взятъ будетъ въ плѣнъ находившійся при мнѣ офицеръ русскаго императора“. Чернышевъ былъ найденъ и перевезенъ на правый берегъ Дуная. Поутру, на другой день, Наполеонъ пригласилъ его къ себѣ и просилъ съѣздить въ Вѣну и узнать о расположеніи тамошнихъ умовъ: предъ вами-де, русскимъ офицеромъ, скрываться не будутъ. Чернышевъ отправился и нашелъ, что Вѣна въ восторгѣ и ликуетъ о нежданной и неслыханной побѣдѣ.

— Ну, что говорятъ въ Вѣнѣ? спросилъ его, по возвращеніи, Наполеонъ съ нетерпѣніемъ.

— Говорятъ, ваше величество, что вамъ помѣшалъ одержать побѣду генералъ Дунай.

Дѣйствительно, разлитіе Дуная очень помогло австрійцамъ.

— Прекрасная мысль! воскликнулъ Наполеонъ:—Бертье, внесите это въ бюллетень. Послушайте, Чернышевъ, австрійцы именно раструбятъ свою побѣду, и до вашего императора могутъ дойти ложные слухи. Сдѣлайте одолженіе, напишите къ нему какъ было, сущую правду. Подите къ Маре: тамъ вамъ удобно будетъ заняться.

Нечего было дѣлать! Чернышевъ отправился въ избу статсъ-секретаря Маре (это было въ деревнѣ Энцерсдорфѣ) и нашелъ, что его тамъ ждали. Сначала думалъ онъ написать по-русски, но разсудилъ, что этимъ онъ огорчитъ Наполеона, который, впрочемъ, можетъ, при помощи какого нибудь поляка, разобрать его писанье. Итакъ, онъ сѣлъ за столъ и написалъ полную и совершенно справедливую реляцію, только закончилъ ее слѣдующими словами: „словомъ, государь, французская армія была такъ разбита, что она теперь не существовала бы, еслибы австрійскою командовалъ Наполеонъ“. Запечатавъ пакетъ своею печатью, отдалъ онъ его статсъ-секретарю. Часа черезъ два Наполеонъ пригласилъ его къ обѣду и былъ къ нему отмѣнно ласковъ: видно, онъ прочиталъ письмо, и лесть ему понравилась. Это слышалъ я изъ устъ самого князя Чернышева въ 1835 г.

Александръ I, вступивъ на престолъ, окружилъ себя людьми достойными, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали Александръ Андреевичъ Беклешовъ и Алексѣй Ивановичъ Васильевъ. Первый былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, послѣдній—государственнымъ казначеемъ, т. е. министромъ финансовъ. Бывъ еще великимъ княземъ, Александръ окружилъ себя молодыми людьми отличныхъ дарованій. Они были: графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, Николай Николаевичъ Новосильцевъ, князь Адамъ Адамовичъ Чарторыжскій. Они, и по вступленіи его на престолъ, остались его друзьями и совѣтниками. Когда подумаешь, какъ

непредвидѣнна и различна была судьба этихъ трехъ лицъ! Особенно они занимались съ Александромъ Павловичемъ изученіемъ политической экономіи, и плоды трудовъ своихъ печатали въ „С.-Петербургскомъ Журналѣ“, котораго редакторами были Александръ Өедосѣевичъ Бестужевъ (отецъ Бестужевыхъ-декабристовъ) и Иванъ Петровичъ Пнинъ, о которомъ буду говорить впослѣдствіи. Этотъ журналъ издавался только въ теченіе одного 1798 года. Александръ I, желая облегчить сношенія свои съ министрами и другими лицами, не жилъ лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ, а поселился на Каменномъ Острову, гдѣ принималъ ихъ регулярно и занимался неослабно; но нѣжная и кроткая душа его не могла долго выносить тогдашней тяжелой службы. Къ нему привозили большія кипы дѣлъ. Надлежало помыслить о сокращеніи его работъ, объ упрощеніи дѣлъ вообще, и оттого возникла мысль объ учрежденіи министерствъ. Дотолѣ правленіе дѣлилось между тремя департаментами: иностранныхъ дѣлъ, военно-сухопутнымъ и морскимъ и генералъ-прокуроромъ. Послѣдній былъ точно верховный визирь: ему подчинены были юстиція, полиція, финансы, да и во всѣхъ прочихъ департаментахъ имѣлъ онъ прокуроровъ. Не постигаю, какъ могли тогда идти дѣла, особенно, когда вспомню, сколько чиновниковъ составляли канцелярію генералъ-прокурора. Теперь погрузились мы въ противную крайность: до учрежденія министерствъ, напримѣръ, всѣ медицинскія дѣла завѣдывались медицинскою коллегіею, въ которой президентомъ былъ достойный Алексѣй Ивановичъ Васильевъ. Нынѣ раздѣлена она на нѣсколько разныхъ департаментовъ, съ тысячами чиновниковъ. Управленіе медицинскою частью по арміи и флоту производилось однимъ столомъ, въ которомъ столоначальникомъ былъ Андрей Константиновичъ Крыжановскій. Теперь этотъ столъ раздвинулся на два многочисленные департамента. Болѣе всего выиграли оттого бумажныя фабрики.

Въ первые годы царствованія Александра, одно происшествіе нарушило обыкновенный порядокъ и господствовавшую

въ то время тишину. Молодой офицеръ Семеновскаго полка, Шубинъ, вздумалъ выслужиться и получить награду за открытіе небывалаго заговора. Однажды лѣтомъ, въ вечернюю пору, раздался пистолетный выстрѣлъ въ одной изъ куртинъ Лѣтняго Сада. Бросились на выстрѣлъ и нашли лежащаго на травѣ молодаго офицера, обагреннаго кровью; у него прострѣлена была лѣвая рука выше локтя; подлѣ него лежалъ пистолетъ. Его подняли, привезли домой, перевязали. На допросѣ о томъ, кѣмъ и за что онъ раненъ, Шубинъ отвѣчалъ, что давно уже приглашаютъ его безъименнымъ письмомъ вступить въ тайное общество, имѣющее цѣлію убить государя, но что онъ пренебрегалъ этими приглашеніями. Вчера подошелъ къ нему въ Лѣтнемъ Саду неизвѣстный человѣкъ въ шинели, повторилъ эти приглашенія, и когда Шубинъ рѣшительно отказался отъ вступленія въ заговоръ, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, который держалъ подъ шинелью, и скрылся. Стали искать этого человѣка, объявили, что за открытіе его дадутъ большую сумму: никто не являлся, и всѣ розыски были напрасны. Наконецъ открылось, что Шубинъ выдумалъ всю эту исторію и съигралъ комедію, чтобы получить награду за вѣрность къ государю. Его лишили чиновъ и сослали на жительство въ Сибирь.

Другое происшествіе было гораздо гнуснѣе. Въ Петербургѣ жила молодая вдова португальскаго консула Араужо, и жила немножко блудно. Однажды поѣхала она въ гости къ придворной повивальной бабушкѣ, Моренгеймъ, жившей въ Мраморномъ дворцѣ, осталась тамъ необыкновенно долго, и, воротясь домой въ самомъ разстроенномъ положеніи, вскорѣ умерла. Разнеслись слухи, что съ нею поступили самымъ злодѣйскимъ образомъ. Слухъ объ этомъ былъ такъ громокъ и повсемѣстенъ, что правительство, публичнымъ объявленіемъ, приглашало всякаго, кто имѣетъ точныя свѣдѣнія объ образѣ смерти вдовы Араужо, довести о томъ до свѣдѣнія правительства. Разумѣется, никто не явился.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ вообще представлялъ

*

собою разительную противоположность Александру: онъ былъ суровъ, вспыльчивъ, но притомъ былъ прямодушенъ, незлопамятливъ и очень добръ къ приближеннымъ. Однажды сказалъ онъ одному изъ своихъ любимцевъ, помнится, графу Миниху:

— Какъ ты думаешь, что бы я сдѣлалъ, лишь только бы вступилъ на престолъ?

Минихъ гадалъ то и другое.

— Все не то: повѣсилъ бы одного человѣка.

— И кого?

— Графа Николая Ивановича Салтыкова за то, что онъ такъ воспиталъ насъ.

Константинъ отличался отъ Александра и на войнѣ. Александръ былъ храбръ и неустрашимъ, хладнокровенъ и разсудителенъ въ дѣлѣ. Не знаю, какъ велъ себя Константинъ въ италійскомъ походѣ: есть слухи, что онъ отличался тогда не только храбростью, но и величайшимъ самоотверженіемъ.

. . . .

. . . .

Величайшею заслугою его было отреченіе отъ престола, свидѣтельствующее и о благоразуміи его.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Помню, въ концѣ 1804 г., обѣдалъ я однажды у Ѳедора Максимовича Брискорна, который угощалъ Петра Степановича Молчанова, бывшаго тогда въ малыхъ чинахъ (помнится, чуть ли не коллежскимъ ассессоромъ) и занимавшаго важное мѣсто. Брискорнъ по своему процессу имѣлъ въ немъ надобность и угостилъ его щедро. Обѣдали только четверо: Брискорнъ, Молчановъ, наложница Ѳедора Максимовича, Анна Исааковна, о которой буду говорить въ свое время, и я, бѣдный семнадцатилѣтній юноша, снискивавшій себѣ пропитаніе уроками въ темномъ пансіонѣ и переписываніемъ бумагъ Брискорна. Хозяинъ былъ въ числѣ недовольныхъ

правительствомъ, и неудивительно, что отзывался о немъ неблагопріятно, но Молчановъ былъ въ большомъ ходу. Поразобравъ всѣ тогдашнія дѣла, онъ рѣшилъ, что Россія падаетъ, и Молчановъ сказалъ: „Прочтите въ наказѣ Екатерины статью о примѣтахъ паденія государствъ: вы всѣ эти примѣты найдете въ нынѣшнемъ нашемъ положеніи". Брискорнъ придакнулъ съ удовольствіемъ. Я затвердилъ эти слова. Но вотъ прошло почти пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, а Россія все еще держится на ногахъ и идетъ впередъ. Любопытно было бы узнать, такъ ли говорилъ, такъ ли думалъ Молчановъ, когда, впослѣдствіи, былъ статсъ-секретаремъ Александра. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ умный и благородный и сдѣлался жертвою зависти своихъ недоброжелателей и глупой, мнимой справедливости безтолковаго князя Дмитрія Ивановича Лобанова-Ростовскаго.

Вообще, очень любопытно и поучительно сравнивать произведенія ума человѣка не стараго, не знатнаго, съ его образомъ мыслей и выраженій, когда онъ состарѣется и выйдетъ въ люди. Такимъ образомъ, кто подумаетъ, что Александръ Семеновичъ Шишковъ, котораго мы привыкли считать аристократомъ и отнюдь не фрондеромъ или либераломъ, въ 1801 или 1802 году, написалъ стихи на тогдашнихъ министровъ въ видѣ посланія къ Александру Семеновичу Хвостову. Они начинались слѣдующими:

Рѣши, Хвостовъ, задачу.
Я шелъ гулять на дачу.

Онъ описываетъ всѣхъ тогдашнихъ министровъ и царедворцовъ самыми рѣзкими чертами; о Чарторыжскомъ говоритъ: „Вотъ Monsieur Bobo! Въ рукѣ massue d'Hercule" (тогдашняя мода). Хвостовъ отвѣчалъ ему новыми колкостями на людей, дерзнувшихъ безъ его позволенія занять первыя мѣста въ государствѣ, и заключалъ свои стихи замѣчаніемъ, что умный человѣкъ

Считаетъ дурака за тучу,
И радуется какъ пройдетъ.

Тогдашніе люди скучали спокойствіемъ, довольствомъ, счастіемъ, словомъ, бѣсились съ жиру. Вскорѣ миновали эти дни покоя и тишины. Поднялся вѣтеръ, забушевала буря, разразилась гроза. Тогда вспомнили о прежнемъ времени, да поздно было. Странно, подумаешь, какая судьба ожидаетъ людей въ свѣтѣ. Гдѣ любимцы Александровы, эти либералы и герои начала XIX вѣка, отказывавшіеся отъ наружныхъ почестей, чтобы придать себѣ болѣе важности: Новосильцевъ имѣлъ въ петлицѣ Владимірскій крестъ, Чарторыжскій Анну на шеѣ, а сами раздавали Александровскія и Владимірскія ленты! Чарторыжскій, лишенный чиновъ и дворянства, влачитъ ветхую жизнь среди Парижа, потерявъ и тамъ все сочувствіе къ его дѣлу. Новосильцевъ достигъ всѣхъ орденовъ нашихъ, былъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и подъ конецъ спился. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ жилъ и умеръ съ честью.

Оканчиваю здѣсь первую часть моихъ записокъ не политическимъ событіемъ, а перемѣною въ моей жизни — вступленіемъ въ публичное училище, что̀ составило для меня важную эпоху, богатую уроками и послѣдствіями.

7 ноября 1851 года.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Юнкерская школа. — Высылка ея учениковъ унтеръ-офицерами въ армію. — А. Н. Оленинъ. — Тогдашнее чинопочитаніе. — Обычаи того времени. — Е. А. Энгельгардтъ. — Михаилъ Никитичъ Цвѣтковъ. — Григорій Ѳедоровичъ Ораловъ. — Борисъ Ивановичъ Иваницкій. — Павелъ Петровичъ Острогорскій. — Демьянъ Гавриловичъ Слонецкій. — Павелъ Ефремовичъ Холщевниковъ. — Павелъ Христіановичъ Шлейснеръ. — Закрытіе масонскихъ ложъ. — Дундуковы-Корсаковы. — Монтандры. — Случаи съ Вува и Коцебу. — Пріемный экзаменъ. — Преподаваніе пастора Рейнбота. — Уроки Иваницкаго. — Смерть отца. — Жизнь у бабушки. — Преобразованіе юнкерской школы. — Комиссія оставленія законовъ. — Выходъ изъ училища. — Первый урокъ 1-го іюля 1804 года. — Домашняя жизнь Ѳ. М. Брискорна. — Баронъ Вальденштейнъ. — Любитель табакерокъ. — Наслѣдство Пятой Горы. — Продажа этого имѣнія Брискорну. — Новый законъ о наслѣдствѣ въ 1806 году. — Поступокъ съ родными Ивана Карловича Борна. — Пансіонъ Ришаръ. — Счастливая судьба ея дочерей. — Экзаменъ въ Педагогическомъ Институтѣ. — Первое участіе въ журналахъ. — Мюссары.

Я уже имѣлъ случай говорить о разстройствѣ, причиненномъ въ нашемъ домѣ отставкою батюшки. Матушка отправилась, съ сестрами моими и съ младшимъ братомъ, Павломъ, въ Пятую Гору, къ теткѣ своей, Екатеринѣ Михайловнѣ, а батюшка со мною и братомъ Александромъ переѣхалъ въ домъ Крузе, на Фурштатской улицѣ. Это было въ октябрѣ 1800 г. Смерть императора Павла разрушила всѣ надежды отца моего на скорое помѣщеніе къ должности: ратгаузы, предполагавшіеся по губернскимъ городамъ, не состоялись.

Другихъ видовъ не было. Къ тому же, онъ поразмолвилъ съ П. Х. Безакомъ, у котораго слуга, не знавши господскаго дяди, заставилъ его дожидаться въ передней. Къ чести Безака долженъ я сказать, что онъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы объясниться и помириться съ нимъ. Всѣ предположенія о помѣщеніи меня въ Петровскую школу, а потомъ въ Московскій университетъ, рушились. Батюшка рѣшился опредѣлить меня въ Юнкерскую школу при Сенатѣ, а брата Александра—во второй Кадетскій корпусъ. Въ маѣ 1801 года, снабженные рекомендаціею Безака, отправились мы къ Алексѣю Николаевичу Оленину.

Здѣсь не лишнимъ будетъ сообщить краткую, но вѣрную исторію этого учебнаго заведенія. Юнкерская школа учреждена была, 14-го января 1797 года, для образованія чиновниковъ для служенія по Сенату. Для этого возобновленъ былъ старинный чинъ коллегіи юнкера (графъ А. И. Васильевъ началъ свою службу съ этого чина). Эти юнкера считались въ 14 классѣ, но производимы были прямо въ титулярные совѣтники. Во время пребыванія ихъ въ школѣ назывались они титулярными юнкерами, состоя въ 14 классѣ. Числомъ ихъ было въ школѣ пятьдесятъ, но не воспрещалось принимать и сверхкомплектныхъ. Юнкерская школа помѣщалась близь Пяти Угловъ, въ особомъ домѣ, насупротивъ Коммерческаго училища, по Загородному проспекту. Предметами обученія были, кромѣ правовѣдѣнія, преподававшагося въ высшемъ классѣ: языки русскій и нѣмецкій, ариѳметика, геометрія, геодезія и алгебра, исторія и географія, всеобщая и русская, и законъ Божій. Французскому языку не учили, по причинѣ развращенія нравственности во Франціи: такъ сказано въ уставѣ медицинскаго училища. Латинскій языкъ называли лекарскимъ, неприличнымъ дворянству! Директоромъ школы назначенъ былъ оберъ-прокуроръ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ. По неимѣнію другихъ учебныхъ заведеній, эта школа скоро наполнилась, и какъ ученики были вольноприходящіе, то принимали и сверхъ числа, положеннаго штатомъ. Ученіе шло

успѣшно и удовлетворительно. Вдругъ постигла ее неожиданная бѣда. Императоръ Павелъ изъявилъ однажды досаду, что въ военную службу поступаетъ слишкомъ мало дворянъ, и спросилъ у какого-то придворнаго:

— Куда дѣвались всѣ наши недоросли?

— Извѣстно куда, отвѣчалъ царедворецъ, въ намѣреніи повредить тогдашнему генералъ-прокурору, князю Лопухину:— всѣ въ Юнкерской школѣ при Сенатѣ.

— Да сколько ихъ тамъ? спросилъ Павелъ.

— Четыре тысячи пятьсотъ человѣкъ, отвѣчалъ правдолюбецъ.

Императоръ вспылилъ и приказалъ всѣхъ сверхкомплектныхъ юнкеровъ отправить унтеръ-офицерами въ армейскіе полки [1]). Ихъ было всего сто двадцать пять. Козодавлевъ въ смущеніи пріѣхалъ въ школу, собралъ всѣхъ юнкеровъ, прочиталъ имена остающихся пятидесяти, а всѣхъ прочихъ отправилъ при отношеніи въ Военную Коллегію. Ихъ разослали по полкамъ, нѣкоторыхъ въ Сибирь и даже въ Камчатку. Всѣ они погибли при тогдашней тяжелой службѣ. Послѣднимъ оставался знаменитый игрою въ карты и на билліардѣ Савва Михайловичъ Мартыновъ. Этимъ нанесенъ былъ Юнкерской школѣ смертельный ударъ. Она упала въ существѣ своемъ и въ общемъ мнѣніи. Число учениковъ ея никогда не доходило до комплекта. Горя желаніемъ учиться чему нибудь, я съ самаго ея учрежденія помышлялъ, какъ бы попасть туда.

Въ началѣ мая 1801 года, какъ сказано выше, отецъ мой отправился со мною къ тогдашнему директору ея, А. Н. Оленину. Я шелъ туда съ дѣтскимъ восторгомъ, не помышляя о томъ, что отъ этого визита зависѣла вся будущая судьба и жизнь моя. А. Н. Оленинъ жилъ тогда въ собственномъ домѣ своемъ у Обухова моста, отдѣленномъ ему изъ имѣнія

---

[1]) Эти подробности слышалъ я изъ устъ самого князя Лопухина на экзаменѣ въ школѣ.

тещи его, знаменитой тиранки Агаѳоклеи Александровны Полторацкой. Онъ выстроилъ себѣ посреди двора отдѣльный флигель съ итальянскими окнами, странный и неуклюжій. Взбираться къ нему должно было по тѣсной каменной лѣстницѣ съ забѣгами (теперь все это перестроено). Мы нашли его, какъ я находилъ его потомъ въ теченіе сорока лѣтъ, за большимъ письменнымъ столомъ въ кабинетѣ, заваленномъ бумагами, книгами, рисунками, бюстами и пр. Онъ былъ тогда лѣтъ сорока, низенькій, худой, съ большимъ острымъ носомъ, учтивый, привѣтливый человѣкъ. Странно подумать, какъ нравы и обычаи измѣняются сами собой. Онъ былъ не болѣе какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, а отецъ мой коллежскій совѣтникъ, лѣтами старѣе его. Подавъ Оленину прошеніе съ поклономъ, онъ стоялъ во время чтенія вытянувшись и, глядя ему въ лицо, выжидалъ приказаній. У меня глаза разбѣжались отъ множества книгъ и картинъ, и я началъ вертѣться во всѣ стороны. Отецъ удержалъ меня, взглянувъ съ укоромъ и гнѣвомъ. Оленинъ, прочитавъ бумагу, отвѣчалъ, что исполнитъ просьбу. Батюшка поклонился, повернулся какъ солдатъ и вышелъ изъ комнаты мѣрными шагами. Дорогою онъ пожурилъ меня за мое безпокойство и невниманіе къ важному лицу, предъ которымъ мы стояли.

Еще долженъ я замѣтить одинъ обычай тѣхъ временъ: нельзя было войти въ комнату съ тросточкою; ее обыкновенно оставляли въ передней. Лѣтъ за тридцать предъ симъ было иначе: въ гостиную иначе не входили, какъ съ тросточкою. Еще одно: въ XVIII вѣкѣ рѣдко кто носилъ перчатки, и я до сихъ поръ не могу къ нимъ привыкнуть. И многіе старики ихъ терпѣть не могутъ: такимъ былъ Яковъ Александровичъ Дружининъ. Типомъ старинныхъ франтовъ до своей кончины (лѣтъ въ девяносто) оставался бывшій директоръ Царскосельскаго лицея, Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ. Я помнилъ его лѣтъ сорока пяти: онъ ходилъ всегда въ свѣтло-синемъ двубортномъ фракѣ съ золотыми пуговицами и съ стоячимъ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, въ

черныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками. Осенью и зимою надѣвалъ онъ, сверхъ этой обуви, штиблеты. Жилетъ, галстухъ — все какъ въ XVIII столѣтіи: онъ хвалился этимъ постоянствомъ какъ бы спартанскою добродѣтелью. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ постояненъ: все тотъ же іезуитъ и штукарь. Говорилъ безпрестанно о чести и прамводушіи, бралъ понѣмецки, т. е. понемногу, и преимущественно профитировалъ подъ благовидными предлогами. Ссылаюсь на лицеистовъ его времени.

Недѣли черезъ двѣ послѣ визита у Оленина, отецъ самъ отвезъ меня въ Юнкерскую школу и, не заставъ дома инспектора, сдалъ одному изъ учителей, именно Борису Ивановичу Иваницкому. Сообщу характеристику лицъ, составлявшихъ штабъ Юнкерской школы. Директоръ А. Н. Оленинъ. Впослѣдствіи я полюбилъ его искренно и былъ ему душевно преданъ, но здѣсь должно сказать, что онъ былъ преплохой директоръ, посѣщалъ школу только на экзаменахъ, да и то на часъ, не болѣе, и очень мало объ насъ заботился. Зато мы его не знали почти вовсе и не имѣли къ нему никакого чувства любви и уваженія. Полагаю, что и онъ не любилъ нашего училища по какимъ-то отношеніямъ и непріятностямъ. Инспекторомъ классовъ былъ Михаилъ Никитичъ Цвѣтковъ, человѣкъ добрый, умный, ученый и образованный, одинъ изъ лучшихъ студентовъ Московскаго университета, но большой чудакъ, къ которому нельзя было примѣниться. Обыкновенно онъ говорилъ мало, и о мысляхъ его надлежало догадываться; иногда же разговорится такъ, что и духу не переводитъ. Оставивъ службу по школѣ, онъ перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и, считаясь въ канцеляріи министра, участвовалъ въ изданіи „Сѣверной Почты“. Дослужившись до чина статскаго совѣтника, онъ умеръ скоропостижно отъ апоплексическаго удара (въ іюнѣ 1813 г.) на Крестовскомъ островѣ. Въ тотъ день онъ собирался обѣдать у меня и, вѣроятно, шелъ на Карповку, гдѣ я жилъ тогда въ домѣ Крокизіуса, по лѣвую сторону отъ Каменноостровскаго проспекта.

Школа состояла изъ четырехъ классовъ. Учителемъ русской грамматики, ариѳметики и катихизиса въ младшемъ классѣ былъ Григорій Ѳедоровичъ Ораловъ, человѣкъ не дальній, простой, но знатокъ своего дѣла, трудолюбивый, усердный и предобродушный. Во второмъ классѣ русскій языкъ и словесность преподавалъ Борисъ Ивановичъ Иваницкій, воспитанникъ учительской семинаріи, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, очень хорошо образованный, знающій и одаренный благороднымъ вкусомъ. Современемъ скажу, сколько я ему обязанъ. По упраздненіи нашего института, поступилъ онъ въ горное вѣдомство и съ начальникомъ своимъ, Дерябинымъ, уѣхалъ на Уралъ. Въ этой службѣ протекла вся жизнь его: сыновья его—горные инженеры, и дочери вышли за горныхъ офицеровъ. Послѣдніе годы своей жизни провелъ онъ въ Барнаулѣ, на Колыванскихъ заводахъ. Въ третьемъ классѣ преподавалъ логику и краснорѣчіе Павелъ Петровичъ Острогорскій, человѣкъ неглупый, умѣвшій красно говорить и внушавшій ученикамъ уваженіе и необходимый страхъ. Мы его очень боялись, хоть онъ не былъ суровъ, ни даже строгъ. Острогорскій въ молодости своей вздумалъ быть писателемъ и напечаталъ, въ 1790 году, книгу въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: „Ѳеатръ чрезвычайныхъ происшествій истекающаго вѣка открытъ и представленъ очамъ свѣта. Т. (Трудами) П. О.“ Книга эта составлена была изъ разныхъ пустыхъ анекдотовъ, разсказанныхъ варварскимъ и напыщеннымъ слогомъ. Карамзинъ отдѣлалъ ее по заслугамъ въ „Московскомъ Журналѣ“; несмотря на то, она въ 1793 году вышла вторымъ тисненіемъ. Острогорскій никогда не говорилъ о ней. Мы вздумали было представить ему въ числѣ школьныхъ работъ выписки изъ этой книги и просить его мнѣнія о нихъ, но побоялись. Предметы математическіе преподавалъ добрый и почтенный Демьянъ Гавриловичъ Слонецкій. Всеобщей исторіи и географіи училъ человѣкъ предостойный, Павелъ Ефремовичъ Холщевниковъ. Мы были ему обязаны многимъ. Онъ былъ уменъ, говорилъ хорошо, зналъ

наизусть всѣ имена, мѣста и случаи и объяснялъ толково и дѣльно. Въ 1813 году онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ провинціи, гдѣ служилъ дотолѣ, и обѣдалъ у меня съ Иваницкимъ. Съ тѣхъ поръ я потерялъ его изъ виду.

Нѣмецкому языку обучалъ человѣкъ, о которомъ, я до конца моей жизни буду вспоминать съ любовью и благодарностью: Павелъ Христіановичъ Шлейснеръ (Schleusner). Онъ былъ происхожденіемъ изъ Данцига, гдѣ родился около 1760 года, учился въ тамошней гимназіи съ большимъ успѣхомъ, но не могъ довершить своего образованія университетскимъ. Родители его обѣднѣли и отдали его въ мастерство, къ переплетчику. Онъ занимался этимъ мастерствомъ добросовѣстно, но каждую свободную минуту улучалъ, чтобы читать книги, учиться, обогащаться свѣдѣніями. Не знаю, какимъ образомъ онъ попалъ въ Россію. Памятно, что онъ былъ вызванъ братомъ своимъ, докторомъ медицины, искуснымъ и извѣстнымъ врачомъ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, былъ онъ, при тогдашнемъ блистательномъ нѣмецкомъ театрѣ „театральнымъ поэтомъ“ (Theaterdichter), т. е. сокращалъ слишкомъ длинныя пьесы и трудныя роли, писалъ самъ куплеты и стихи для декламированія въ торжественные дни и т. п. Въ то же время былъ онъ членомъ масонской ложи и сдѣлался извѣстенъ тогдашнему гроссмейстеру этого ордена, Ивану Перфильевичу Елагину. По смерти Елагина (22-го сентября 1796 г.), братья-масоны готовились совершить надъ нимъ торжественную тризну. Устроили великолѣпныя траурныя декораціи въ ложѣ, сочинили стихи для пѣнія, рѣчи для произнесенія и занимались репетиціею трауpнагo торжества. Вдругъ вошелъ въ залу частный приставъ и объявилъ высочайшее повелѣніе о закрытіи всѣхъ масонскихъ ложъ въ Россіи. Онѣ открыты были потомъ лѣтъ черезъ пятнадцать и опять закрыты въ 1822 году. Шлейснеръ сдѣлался извѣстнымъ съ лучшей стороны, какъ умомъ и познаніями, такъ особенно и благородствомъ своей души. Онъ издалъ тогда романъ въ діалогахъ „Sopach, der glückliche Vater“, во

вкусѣ тогдашней чувствительной, добродѣтельной, домашней жизни. Ему предложили мѣсто гувернера при дѣтяхъ генерала Корсакова, и онъ принялъ это предложеніе съ охотою. Воспитанниками его были: Алексѣй Ивановичъ Корсаковъ, человѣкъ достойный и благородный, умершій въ среднихъ лѣтахъ; дочь его замужемъ за княземъ Василіемъ Петровичемъ Голицынымъ (рябчикомъ), что былъ губернскимъ предводителемъ въ Харьковѣ. Никита Ивановичъ Корсаковъ впослѣдствіи женился на дочери калмыцкаго хана Дундука и получилъ титулъ князя Дундукова съ богатымъ приданымъ. Нынѣ онъ отставной полковникъ. Онъ отдалъ все свое имущество единственной дочери своей, вышедшей замужъ за Василія Александровича Корсакова (равномѣрно и прозвище князя Дундукова) и получаетъ отъ нея, что̀ нужно на прожитіе. Каждый вечеръ можно найти его въ какомъ либо спектаклѣ: и въ итальянской оперѣ, и въ собачьей комедіи: только бы сидѣть да смотрѣть, или слушать. Анна Ивановна была за графомъ Петромъ Петровичемъ Коновницынымъ; Марья Ивановна вышла за полковника Александра Ивановича Лорера.

Много способствовалъ образованію ума и характера молодаго Шлейснера бывшій въ домѣ Корсакова гувернеръ, швейцарецъ Петръ Монтандръ (Montendre), человѣкъ, какъ я слышалъ, необыкновенныхъ познаній и достоинствъ. Онъ былъ женатъ на двухъ сестрахъ моего тестя Мюссара. Вторая жена его, Марѳа Николаевна, умерла лѣтъ десять тому назадъ въ глубокой старости. Шлейснеръ женился на дочери Монтандра, отъ перваго брака, Настасьѣ Петровнѣ, которая здравствуетъ и понынѣ, женщинѣ доброй и почтенной: она двоюродная сестра моей женѣ [1]). Марѳа Николаевна была ѐй тетка и мачиха и любила ее какъ родную дочь. Любовь Петровна, умершая въ дѣвицахъ года за три передъ симъ, примѣръ женскихъ добродѣтелей и самоотверженія. Сынъ его, Иванъ

---

[1]) Первой женѣ, рожденной Варварѣ Даниловнѣ Мюссаръ.

Петровичъ Монтандръ, былъ въ молодости большимъ шалуномъ. Въ 1812 году графъ Коновницынъ опредѣлилъ его въ военную службу, и онъ дослужился до полковника и разныхъ орденовъ кавалера. Онъ управлялъ, съ 1836 по 1845 годъ, моими дѣлами и разорилъ меня. Зато младшій братъ его, Францъ Петровичъ (умершій въ 1852 г.), водочный фабрикантъ, преемникъ Мартини, былъ человѣкъ честный и благородный.

Возвратимся къ самому Шлейснеру. Кончивъ воспитаніе молодыхъ Корсаковыхъ, онъ (въ 1797 или 1798 г.) вступилъ въ службу цензоромъ. Должно знать, что была въ то время цензура! Сущая испанская инквизиція. Не говорю о томъ, что запрещали и марали книги: преслѣдовали и наказывали книгопродавцевъ, какъ злодѣевъ и революціонеровъ, за малѣйшее нарушеніе формы. Я говорилъ о варварскомъ поступкѣ съ пасторомъ Зейдеромъ. Такихъ случаевъ было нѣсколько. Шлейснеръ, съ своей стороны, дѣлалъ, что могъ, для спасенія несчастныхъ. Однажды донесли полиціи, что книгопродавецъ Бува (Bouvat) продаетъ вредныя книги. Его схватили и привели покамѣстъ въ цензуру. Бѣднякъ сидѣлъ въ передней, среди полицейскихъ, дрожалъ и плакалъ. Шлейснера послали осмотрѣть его книжную лавку. Когда онъ проходилъ въ передней, Бува сказалъ ему трепещущимъ голосомъ: — „Меня сошлютъ въ Сибирь! Спасите!"—„Будьте покойны!" отвѣчалъ Шлейснеръ. Прибывъ въ лавку, онъ разглядѣлъ всѣ книги, въ присутствіи частнаго пристава, и объявилъ, что въ числѣ ихъ нѣтъ непозволительныхъ. Вдругъ замѣтилъ онъ на верхней полкѣ „Путешествіе Кокса по Россіи", строго запрещенное, всталъ на ступеньки лѣстницы и столкнулъ, будто ошибкою, всѣ томы его съ полки: они упали за шкапъ, гдѣ ихъ нельзя было бы отыскать. По донесенію его, Бува выпустили. Коцебу, въ извѣстной своей книгѣ „Достопамятнѣйшій годъ моей жизни", говоритъ, что въ рукописной его тетради, взятой у него при арестованіи его на границѣ и препровожденной въ цензуру, была одна строка, заключавшая въ себѣ смѣлое

сужденіе объ императорѣ Павлѣ. Когда, по освобожденіи его, возвратили ему рукопись, онъ увидѣлъ, что эта строка покрыта густыми чернилами. Въ книгѣ своей онъ благодарилъ неизвѣстнаго ему спасителя. Спаситель этотъ былъ Шлейснеръ: онъ читалъ рукопись у себя на дому. Въ ней не было ничего предосудительнаго, кромѣ этой строки. Шлейснеръ подозвалъ свою жену, прочиталъ ей это мѣсто, потомъ взялъ линейку и провелъ по строкѣ широкую полосу. Чтобы оцѣнить вполнѣ важность такого подвига, должно знать, что благородный Шлейснеръ отваживалъ въ этомъ случаѣ все свое существованіе. Потомъ былъ онъ опредѣленъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Юнкерскую школу и пробылъ въ ней до закрытія ея. Не находя хорошей учебной книги для преподаванія нѣмецкаго языка, онъ составилъ прекрасное руководство: „Опытъ грамматическаго руководства въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на россійскій“, напечатанное въ 1801 г. на счетъ казны. Этой книгѣ обязанъ я познаніемъ нѣмецкаго языка и донынѣ храню ее какъ святыню.

Шлейснеръ подавалъ намъ, молодымъ людямъ, примѣръ строгаго исполненія своихъ обязанностей. Другіе учителя приходили въ классъ черезъ четверть часа или и черезъ часъ послѣ звонка, и еще долго бесѣдовали съ товарищами въ дежурной комнатѣ, а потомъ держали насъ лишь на время для окончанія урока. Шлейснеръ приходилъ ровно въ десять часовъ и съ ударомъ двѣнадцати выходилъ изъ класса. Должность свою отправлялъ онъ съ большимъ усердіемъ и радовался нашимъ успѣхамъ. Я былъ его любимцемъ отчасти и потому, что имѣлъ уже понятіе о нѣмецкомъ языкѣ. Онъ въ то же время былъ учителемъ въ Коммерческомъ училищѣ и, по истеченіи десятилѣтняго тамъ служенія, вышелъ въ отставку съ пенсіономъ. О. П. Козодавлевъ, узнавши его въ бытность своего директорства Юнкерской школы, поручилъ ему въ 1810 г. изданіе „Сѣверной Почты“ на нѣмецкомъ языкѣ, но она прекратилась черезъ полгода за неимѣніемъ подписчиковъ. Шлейснеръ оставался переводчикомъ при Ми-

нистерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ до 1830 года: въ это время мѣсто его понадобилось для молодаго графа Кутузова, и Закревскій уволилъ бѣднаго старика. Съ трудомъ выхлопоталъ я для него единовременную награду годовымъ жалованьемъ. Онъ продолжалъ давать уроки; жена его и дѣти занялись обученіемъ дѣтей, и они жили очень скудно, но безропотно. Старикъ подъ конецъ жизни ослѣпъ и скончался въ 1838 году. Характеръ и благородство его старался я изобразить въ лицѣ Карла Өедоровича Миллера (въ моемъ романѣ: „Поѣздка въ Германію"). . . . .

Здѣсь былъ огромный антрактъ въ составленіи моихъ записокъ. Думаю, лѣтъ пять, если не болѣе. Возобновляю ихъ 4-го октября 1861 года, въ день для меня достопамятный. Въ этотъ день началось, за 49 лѣтъ предъ симъ, изданіе „Сына Отечества", произведшее въ направленіи и судьбѣ моей рѣшительную перемѣну. Въ этотъ день, въ 1814 году, крещенъ былъ мой сынъ Алексѣй, а позднѣе послѣдовала помолвка дочери моей Софіи съ К. П. Безакомъ. Начинаю продолженіе моихъ записокъ не въ томъ духѣ, въ которомъ ихъ началъ и продолжалъ въ прежніе годы. Мнѣ семьдесятъ пятый годъ. Почти всѣ тогдашніе мои современники окончили земную жизнь. Буду продолжать начатое покороче прежняго; во-первыхъ, измѣняетъ мнѣ память; во-вторыхъ, не знаю, когда вывалится у меня изъ руки перо, а будетъ это скоро. Тяжесть нравственная, душевныя заботы гнетутъ меня болѣе недуговъ физическихъ, которые, благодаря Бога, не такъ сильны, какъ бываютъ въ такихъ лѣтахъ. Съ Богомъ начинаю.

Въ началѣ іюля явился я въ школу. Инспекторъ принялъ меня ласково и повелъ въ классы, именно въ первый, низшій. Шелъ урокъ русскаго языка; по приказанію Цвѣткова, Г. Ө. Ораловъ продиктовалъ мнѣ нѣсколько фразъ изъ какой-то книги. Я написалъ всю доску. Оказалось, что въ написанномъ мною не было ни одной грамматической ошибки, и знаки припинанія разставлены были какъ слѣдуетъ. Когда я кончилъ, Ораловъ обратился къ ученикамъ съ сими словами:

— Полюбуйтесь, какъ онъ пишетъ: ни одной ошибки. Тогда М. Н. Цвѣтковъ сказалъ мнѣ:

— Сдѣлайте разборъ этимъ предложеніямъ.

— Что это значитъ? спросилъ я.

— Ну, разберите смыслъ ихъ.

— Я этого не знаю.

— Какъ не знаете? А почему вы пишете—въ море, а не въ морѣ?

— Потому, отвѣчалъ я,—что корабль шелъ еще тогда въ море, а если бы онъ уже былъ въ морѣ, я написалъ бы въ концѣ ѣ.

— То есть, потому, что это предложный падежъ?

— Можетъ быть,—отвѣчалъ я:—но мнѣ это неизвѣстно.

Всѣ изумились: я зналъ грамматику на дѣлѣ, а не зналъ на словахъ, точно такъ какъ Мольеровъ мѣщанинъ въ дворянствѣ, безъ вѣдома своего, говорилъ прозою.—„Нечего дѣлать", сказалъ Цвѣтковъ, „вы останетесь въ этомъ классѣ, но ненадолго. Экзаменъ будетъ чрезъ шесть недѣль; вы успѣете догнать другихъ и перейдете въ слѣдующій классъ". Такъ и было; чрезъ шесть недѣль былъ я по экзамену третьимъ, и перешолъ. Любопытная черта! Читая русскія книги со вниманіемъ, занимаясь самъ литературными опытами, я сочинилъ себѣ грамматику безъ техническихъ терминовъ! Не оттого ли я потомъ пристрастился къ грамматикѣ, что пріобрѣлъ ее самъ безъ труда, безъ принужденія, безъ досады?

Въ началѣ 1802 года, сталъ я ходить для слушанія лекцій закона Божія, по лютеранскому исповѣданію, къ пастору Рейнботу старшему (умершему въ 1813 году суперъ-интендентомъ, т. е. епископомъ). Лекціи эти были самыя скудныя и жалкія. Въ огромной залѣ сидѣли съ одной стороны дѣвицы, съ другой—мальчики; въ числѣ послѣднихъ былъ нѣкій оберъ-шталмейстеръ баронъ Петръ Петровичъ Фредериксъ. Лекція начиналась тѣмъ, что одинъ изъ сыновей пастора, мальчикъ нашихъ лѣтъ, диктовалъ намъ нѣкоторыя изреченія священнаго писанія. Самъ пасторъ являлся въ залѣ за полчаса до

звонка и толковалъ намъ что нибудь изъ катехизиса, безъ послѣдовательности, безъ старанія, безъ благоговѣнія. Часто прерывалъ онъ рѣчь, чтобы пошутить съ дѣвицами или подурачить кого либо изъ мальчиковъ, въ числѣ которыхъ были необразованные и дикіе сыновья простолюдиновъ. Только въ два послѣдніе урока говорилъ онъ съ одушевленіемъ и чувствомъ; разумѣется, дѣвочки плакали, ревѣли. То же было и при всенародной конфирмаціи, въ церкви; мальчики глазѣли безсмысленно, дѣвочки хныкали и ревѣли. И какое ученіе преподавалъ онъ намъ, дѣтямъ! Самое ультра-раціоналистское. „Почему называемъ мы, — спрашивалъ онъ между прочимъ,— Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ? Потому что ученіе его было божественное“.— Отъ этого не могъ я примѣниться къ ученію протестантскому и только современемъ почувствовалъ всю цѣну его простоты и духовнаго величія. Тогда я съ большимъ благоговѣніемъ посѣщалъ православныя церкви и умилялся церковнымъ пѣніемъ, которое укоренилось въ слухѣ и въ душѣ моей и доселѣ трогаетъ меня до слезъ. Иногда въ чужихъ краяхъ я посѣщалъ протестантскія церкви, слушалъ лучшихъ пасторовъ: Шмельца,—въ Гамбургѣ, Кокреля,— въ Парижѣ, но умилялся душою только въ православной.

Батюшка переселился съ нами ко Владимірской для того, чтобы мнѣ ближе было ходить въ школу. Лѣтомъ 1802 года, пріѣзжала матушка изъ Пятой Горы съ сестрою моею и братомъ Павломъ. Помню еще, какъ мы съ братомъ Александромъ обрадовались ихъ пріѣзду. Идучи, не помню откуда, домой, увидѣли мы на открытыхъ окнахъ женскія шляпки и догадались, кто пріѣхалъ. Потомъ съѣхали мы въ Чернышевъ переулокъ, а наконецъ въ другую улицу, въ домъ отставнаго придворнаго лакея Собольщикова.

Батюшка искалъ мѣста при помощи Безака, и наконецъ обѣщали ему должность вице-президента Юстицъ-Коллегіи. Указъ о томъ былъ подписанъ всѣми сенаторами, кромѣ одного, графа Александра Романовича Воронцова. Въ сентябрѣ 1802 года, послѣдовало учрежденіе министерствъ и необхо-

димая перемѣна министровъ. Беклешовъ былъ уволенъ, а съ нимъ вышелъ и Безакъ. Совмѣстникъ отца моего, помнится, Тересбернъ, успѣлъ склонить на свою сторону Воронцова, посредствомъ криваго Петра Петровича Новосильцева, которому уступилъ за это домъ свой (нынѣ графа Орлова-Денисова, на углу Литейнаго проспекта и Пантелеймонской улицы), и опредѣленіе было перемѣнено. На мѣсто Беклешова поступилъ Державинъ, знавшій отца моего издавна, и обѣщалъ ему помочь. Между тѣмъ, матушка принуждена была воротиться въ Пятую Гору, по невозможности имѣть пропитаніе у мужа, который кое-какъ перебивался.

Ученіе мое въ школѣ шло очень хорошо. Насъ учили немногому, но учили добросовѣстно и основательно. Въ маѣ 1802 г., былъ экзаменъ, въ присутствіи генералъ-прокурора Александра Александровича Беклешова. Старшій юридическій классъ экзаменовали драматически. Лучшій ученикъ былъ председателемъ, другіе — членами гражданской власти. Прочіе играли роль секретарей и адвокатовъ. Разсматривали дѣйствительное дѣло, доставленное изъ Сената. Беклешовъ былъ въ восхищеніи. Должно знать, что предсѣдателемъ въ этомъ классѣ былъ умный и честный человѣкъ, Илья Ѳедоровичъ Тимковскій. Потомъ экзаменовали низшіе классы. Меня, какъ самаго бойкаго, выдвинули впередъ. Я отвѣчалъ на всѣ вопросы громко, рѣшительно, съ дѣтскою отвагою. Беклешовъ спросилъ о моемъ имени.

— Гречъ, сказалъ ему Оленинъ.

— Гречъ? спросилъ Беклешовъ. — Не родня ли ты покойному профессору Кадетскаго Корпуса?

— Я внукъ его, отвѣчалъ я.

— Очень хорошо учится, прибавилъ Оленинъ.

— Не диво, отвѣчалъ Беклешовъ: — и отецъ его хорошо учился.

Когда я, пришедши домой, разсказалъ это отцу моему, онъ прослезился. Давно уже слезы радости и умиленія не были ему извѣстны. Беклешовъ на другой день прислалъ

намъ по апельсину и далъ каникулы на три мѣсяца. Былыя патріархальныя времена, вы канули въ вѣчность! Не знаю, какъ проведены были эти каникулы моими товарищами, но мнѣ доставили они величайшую пользу. Должно знать, что П. Хр. Безакъ всячески старался помогать отцу моему, но, по строптивости характера своего дяди, долженъ былъ дѣлать это очень осторожно. На одномъ аукціонѣ батюшка купилъ когда-то за безцѣнокъ два толстые тома in folio историческаго словаря. Безакъ изъявилъ желаніе купить его, хотя не имѣлъ въ немъ никакой надобности, и заплатилъ за него сто рублей. Батюшка отдалъ мнѣ пятьдесятъ. На эти деньги бралъ я въ теченіе трехъ мѣсяцевъ уроки русскаго языка и алгебры у Б. И. Иваницкаго, который занимался со мною съ девяти часовъ утра до полудня, ежедневно переводилъ со мною, задавалъ мнѣ сочиненія, критиковалъ и поправлялъ ихъ усердно и строго. Вотъ этимъ урокамъ обязанъ я многими познаніями и основаніемъ искусства писать порусски. Алгебра (по Эйлеру) восхитила меня, и, какъ дополненіе къ урокамъ математики, даваемымъ мнѣ дядею Александромъ Яковлевичемъ, была для меня лучшею логикою. Не могу безъ искренней, пламенной благодарности вспомнить о Борисѣ Ивановичѣ Иваницкомъ. Во всю жизнь старался я ему доказать это, и нынѣ, по кончинѣ его, смотрю съ умиленіемъ на достойныхъ дѣтей его.

Матушка съ сестрами и братомъ уѣхали, какъ я сказалъ выше, осенью 1802 года, въ Пятую Гору. Братъ Александръ былъ въ корпусѣ. Я жилъ одинъ съ отцомъ. Въ концѣ декабря, по возвращеніи отъ Державина, онъ сказалъ мнѣ, что министръ принялъ его очень ласково и обѣщалъ въ скоромъ времени дать ему мѣсто. Это говорилъ онъ за обѣдомъ, и когда всталъ, то почувствовалъ слабость въ ногахъ. Онѣ распухли до того, что на другой день онъ не могъ обуться, и вскорѣ слегъ въ постель: у него открылась водяная. Его пользовалъ докторъ Нордбергъ, братъ Ивана Густавовича, но спасенья

не было. Я бросился къ бабушкѣ [1]). Она встрѣтила меня высокопарными фразами, застонала, бросилась на колѣни. Мужъ ея, добрый Иванъ Егоровичъ, принялъ участіе въ нашемъ бѣдственномъ положеніи и помогалъ намъ. Не могу безъ особеннаго унынія и ужаса вспомнить о томъ времени. Матушка не могла знать о болѣзни мужа. Говорили ей, можетъ быть, о незначительномъ его нездоровьѣ. Батюшка скончался 5-го марта 1803 года... На немъ были долги: сколько и кому онъ долженъ, я не зналъ, и просилъ полицію взять все наличное движимое имущество. Оно было оцѣнено въ 41 руб. съ копѣйками и продано съ публичнаго торга. Объявленіе объ этой продажѣ помѣщено въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1804 г. У насъ были крѣпостные люди: одна женщина съ взрослымъ сыномъ, другая — съ дѣвочками. Онѣ были пріобрѣтены отъ Крейца, но акта на куплю ихъ не было. Я объявилъ, что не знаю гдѣ онѣ, и это была правда. Онѣ жили потомъ на волѣ, по паспортамъ отъ полиціи.

Я поселился у бабушки. Мужъ ея, Иванъ Егоровичъ, служилъ директоромъ Воспитательнаго Дома, по деревенской экспедиціи, завѣдывавшей воспитанниками, размѣщаемыми по деревнямъ, и жилъ въ Воспитательномъ Домѣ, на томъ дворѣ, гдѣ гауптвахта, въ нижнемъ этажѣ. До сихъ поръ не могу проходить мимо безъ содроганія. Бабушка меня ненавидѣла, и я принужденъ былъ слышать самые оскорбительные отзывы о моемъ отцѣ. И я выражался о ней не слишкомъ нѣжно. Оттого происходили столкновенія и стычки. Между тѣмъ, я сдерживался, боясь огорчить матушку.

Весну 1803 г. провелъ я въ Пятой Горѣ съ большимъ удовольствіемъ. Между тѣмъ, Юнкерская школа была преобразована въ Юнкерскій институтъ и переведена на Большую Литейную, въ домъ, гдѣ потомъ помѣщалась Комиссія составленія законовъ. Насъ помѣстили на казенное содержаніе: одѣли въ зеленые сюртуки съ чернымъ бархатнымъ ворот-

---

[1]) Христина Михайловна Фокъ.

никомъ: у дворянъ съ красными выпушками, у пансіонеровъ съ синими, у разночинцевъ съ желтыми. Было предположеніе о преобразованіи института умноженіемъ числа учебныхъ предметовъ, но все ограничилось тѣмъ, что насъ стали учить французскому языку. Одинъ бывшій гувернеръ князя Лопухина, мосье Фламмандъ, преподавалъ французскую литературу, а только немногіе умѣли у насъ читать пофранцузски.

Плохое ученіе, да все же что нибудь осталось. Помню, что я въ то время не зналъ слова cordonnier (сапожникъ) и думалъ, что оно значитъ веревочникъ.

Въ маѣ 1803 г., былъ экзаменъ, въ присутствіи министра юстиціи Державина. Между тѣмъ, институтъ выродился; не было уже четвертаго класса, въ которомъ преподавалось правовѣдѣніе. Насъ выгнали изъ главнаго дома и помѣстили въ надворномъ зданіи, а главное занято было Комиссіею составленія законовъ, фантасмагоріею, которою извѣстный шарлатанъ морочилъ правительство. Разскажу презабавный анекдотъ. При учрежденіи нашей школы, на зданіи ея красовалась надпись золотыми буквами на доскѣ сѣраго мрамора: „Юнкерская школа". При переводѣ въ другой домъ остались на этой же доскѣ нѣкоторыя буквы и вышло: „Юнкерскій институтъ". Когда же домъ достался новому учрежденію, надлежало перемѣнить и надпись; слѣдовало втиснуть въ нее двѣ строки: „Комиссія составленія законовъ". Послѣднія два слова не умѣщались на доскѣ, но какъ, по предложенію Розенкампфа, комиссія должна была кончить задачу свою въ три года, то и положили, для сбереженія издержекъ на новую доску, приставить къ краямъ ея по деревянному концу. Такъ и сдѣлали. Сначала казалась доска какъ доска, но лѣтъ черезъ десять дерево сгнило, отвалилось, упали обѣ крайнія буквы, уцѣлѣли слова:

Комиссія

оставленія законовъ.

Эта надпись красовалась нѣсколько лѣтъ къ забавѣ проходившихъ.

Весь институтъ нашъ разстроился. Директоръ, А. Н. Оленинъ, по какимъ-то непріятностямъ или бюрократическимъ отношеніямъ къ высшему начальству, не занимался имъ вовсе. Инспекторомъ былъ у насъ человѣкъ самый тяжелый и самый несносный, баронъ Өедоръ Ивановичъ фонъ-Вальденштейнъ, не знавшій грамоты и подписывавшійся „статскій совѣтникъ". Онъ получилъ это мѣсто по ходатайству жены своей, бойкой русской бабы, считавшейся роднею Державину, но притомъ доброй и гостепріимной. Многіе мои товарищи, имѣвшіе хорошую протекцію, подали прошенія объ увольненіи изъ института и получили оное съ чиномъ коллегіи юнкеровъ, хотя не кончили курса, за неимѣніемъ въ институтѣ высшаго класса. Отважился и я: пошелъ къ Оленину, подалъ ему прошеніе и былъ уволенъ съ надлежащимъ чиномъ. Но чинъ хлѣба не даетъ. Я обратился къ родственнику П. Х. Безака, д. ст. сов. Өедору Христіановичу Вирсту, завѣдывавшему тогда статистическимъ отдѣленіемъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, человѣку почтенному и доброму, о которомъ можно было бы сказать: „хорошій человѣкъ, да жаль что нѣмецъ". Онъ занялъ меня для испытанія статистикою Курляндской губерніи; потомъ перевелъ я записку о китайской статистикѣ, для передачи ея ѣхавшему посломъ въ Китай графу Ю. А. Головкину. Я дѣлалъ все, что задавали. Вирстъ хвалилъ мою работу, но объ опредѣленіи моемъ молчалъ, а на вопросъ мой о томъ отвѣчалъ, что это зависитъ отъ канцеляріи министра. Директоромъ ея былъ Сперанскій, вице-директоромъ Магницкій, а начальникомъ отдѣленія О. П. Лубяновскій; столоначальникомъ по отдѣленію статистики М. К. Михайловъ. Видно было, что они не расположены къ Вирсту. Между тѣмъ, задавались мнѣ на пробу кое-какія работы. Мнѣ это надоѣло, и я объявилъ Вирсту, что хочу доучиться въ новооткрывшемся тогда Педагогическомъ институтѣ, что нынѣ С.-Петербургскій университетъ,—чтобы искать если не счастія, то пропитанія по педагогической части, къ которой чувствую большое влеченіе. Вирстъ похвалилъ мое намѣреніе. Вообще

я чувствую непреодолимое отвращеніе къ бюрократіи, къ чиновничеству, къ этому пошлому тунеядству, называемому гражданскою службою. Во всякомъ департаментѣ одолѣваетъ меня скука и голодъ. На юбилеѣ моемъ, 27-го декабря 1854 г., обратился я къ дѣйствительному тайному совѣтнику Лубяновскому: „ваше высокопревосходительство! вы были начальникомъ отдѣленія въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ въ то время какъ я тамъ служилъ; скажите, случалось ли вамъ въ жизни видѣть канцелярскаго чиновника хуже меня?“ Онъ засмѣялся и его примѣру послѣдовали всѣ бывшіе за столомъ.

Откланявшись пресловутому министерству, отправился я въ канцелярію Педагогическаго института, къ директору его, Ивану Ивановичу Коху, и былъ записанъ первымъ, по времени вступленія, вольнымъ слушателемъ. Я посѣщалъ лекціи постоянно и прилежно, но не могу сказать, чтобы много ими воспользовался. Бесѣды съ умными и образованными людьми, чтеніе хорошихъ книгъ, собственныя размышленія и литературные опыты принесли мнѣ болѣе прибыли. Между тѣмъ, должно было помышлять о насущномъ хлѣбѣ, объ одеждѣ и проч. Бабушка Христина Михайловна наслѣдовала отъ сестры своей, Екатерины Михайловны Ренкевичъ, имѣніе въ пятьсотъ душъ С.-Петербургской губерніи, верстахъ въ двадцати за Гатчиною, которое, при порядочномъ управленіи, дало бы хорошій доходъ и всѣ могли бы жить, но она, въ ожиданіи наслѣдства, надѣлала долговъ. Потомъ Еф. Еф. Ренкевичъ затѣялъ съ нею процессъ, который ей стоилъ дорого. Она содержала матушку съ дочерьми и меньшимъ сыномъ, а намъ, Александру и мнѣ, не давала ничего. Я рѣшился сдѣлаться учителемъ, потому что меня влекла къ тому и собственная охота. У тетушки Вѣры Ивановны познакомился я съ Григоріемъ Григорьевичемъ Бочковымъ. Этотъ человѣкъ воспитывался въ Академіи Художествъ, хотѣлъ быть архитекторомъ, но не успѣлъ, сдѣлался любимцемъ инспектора-француза, проводилъ у него все время, выучился мастерски говорить по-французски, а впрочемъ зналъ очень мало, былъ гувернеромъ

въ Аннинской школѣ и самъ завелъ пансіонъ. Я ему понравился моею смѣлостью и остротами и онъ предложилъ мнѣ мѣсто учителя русскаго языка, географіи и исторіи. Я не давалъ слова и отправился къ матушкѣ съ просьбою о дозволеніи заняться этимъ ремесломъ. Дворянская кровь и въ ней заговорила: она колебалась, но, видя, что я иначе существовать не могу, дала мнѣ согласіе.

1-го іюля 1804 года, далъ я первый урокъ, и съ этого времени считаю свою литературную и педагогическую службу. Уроками моими были довольны и содержатель пансіона, и дѣти, и ихъ родители. Въ октябрѣ былъ экзаменъ, на которомъ отличились мои ученики. Бочковъ жилъ въ Кирочной улицѣ, въ домѣ, который, по процессу, достался Ѳедору Максимовичу Брискорну. Моя смѣлость и развязность противорѣчили сухости и педантству другихъ учителей, и успѣхи учениковъ обратили на меня вниманіе Брискорна. Онъ пригласилъ меня къ себѣ на другой день и предложилъ мнѣ заняться у него дѣлами по его процессу, назначивъ за то по двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ. Кто былъ тогда счастливѣе меня? Бочковъ давалъ мнѣ двадцать рублей. Итакъ, имѣлъ я въ мѣсяцъ сорокъ пять рублей, будучи свободенъ въ остальное отъ уроковъ и занятій у Брискорна время. Я поспѣшилъ сшить себѣ сюртукъ сѣраго цвѣта и замѣнить имъ мою прежнюю казенную форму. Остальныя деньги — виноватъ! — употребилъ я на покупку книгъ, не думая о завтрашнемъ днѣ, и потому безпрестанно бывалъ въ нуждѣ. Да и Бочковъ платилъ неисправно. 1-го августа, въ счетъ за прошедшій мѣсяцъ, далъ онъ мнѣ новенькія синенькія бумажки. Не могу описать моего восторга, когда я держалъ въ рукахъ первыя деньги, заработанныя мною. У Брискорна работалъ я недолго. Почеркъ мой оказался неудовлетворительнымъ, а у него не было другой работы, кромѣ переписки набѣло. Мѣсяца черезъ три, видя, что не могу быть ему полезнымъ, я самъ отказался отъ его работы, подъ предлогомъ другихъ занятій. Мы остались

въ дружественныхъ отношеніяхъ, которыя не прекращались до его кончины.

О свойствахъ и похожденіяхъ Брискорна я упоминалъ раньше. Теперь скажу о домашней его жизни. Женился онъ на вдовѣ Струковой, около 1808 года, чтобы покончить съ нею споръ, по дѣлу Кнорре. До того времени жила у него на обязанностяхъ и правахъ супруги нѣкая Анна Исааковна, женщина лѣтъ за тридцать, пріятная, миловидная, необразованная, но неглупая и добродушная. Говорили (женщины), что она бѣглая матросская жена, но этого не могло быть, потому что она порядочно говорила понѣмецки, умѣла одѣваться и жить въ свѣтѣ; ручки у нея были истинно дворянскія. Я проводилъ съ нею наединѣ по нѣсколько часовъ и искренно полюбилъ ее за добросердечіе и ласку ко мнѣ; но кривое положеніе ея въ нравственномъ отношеніи меня отталкивало. Однажды, послѣ интересной и благородной бесѣды, я простодушно спросилъ у нея, какимъ образомъ она, обладая такими прекрасными качествами души, рѣшилась унизиться до степени наложницы. — „Ахъ, другъ мой! отвѣчала она, заливаясь слезами: — не спрашивайте меня о томъ! Вы еще слишкомъ молоды и меня не поймете, но вѣрьте, что я была достойна лучшей участи!“ Никогда не забуду ея дружелюбія ко мнѣ. Она направляла и мысли, и поступки мои: уроки этой падшей женщины были мнѣ полезнѣе правоученія дамъ, которыя, въ глазахъ свѣта, слывутъ добродѣтельными. Кто подниметъ на нее первый камень? Брискорнъ разстался съ нею въ 1807 году, когда женился на Струковой. Когда вышелъ мой переводъ „Леонтины“, Коцебу (въ 1808 году), я счелъ долгомъ поднести экземпляръ Ѳедору Максимовичу. Онъ жилъ широко и великолѣпно, въ большомъ домѣ, близь Каменнаго театра. У дверей швейцаръ; вездѣ пыль и грязь; лакеи оборваны; въ комнатахъ тяжелый запахъ; у камердинера его протертые рукава и разнокалиберныя пуговицы на кафтанѣ; въ дверь несутся нестройные звуки музыки: съигрывались домашніе музыканты. Изъ внутреннихъ комнатъ слышалась громкая брань.

Тутъ я вспомнилъ небольшую его квартиру на Кирочной, уютную, чистую, вспомнилъ пѣніе канарейки, которая висѣла въ комнатѣ Анны Исааковны, вспомнилъ и ее, любезную, и съ тяжелымъ сердцемъ вошелъ въ кабинетъ, гдѣ встрѣтилъ меня Ѳ. М. Брискорнъ съ прежнею ласкою, но не съ прежнимъ тономъ.

Анна Исааковна оставила домъ Брискорна и на небольшой капиталъ купила себѣ домъ въ Москвѣ; тамъ жила она въ 1812 году, лишилась при нашествіи непріятеля всего, что имѣла, упала во время бѣгства и переломила себѣ ногу. Я видѣлъ ее предъ тѣмъ въ послѣдній разъ, наканунѣ моей свадьбы, 28-го іюня 1810 года, встрѣтившись съ нею на улицѣ. Потомъ слышалъ я о ея бѣдствіяхъ и не зналъ, куда она дѣвалась. Въ 1830 году, не знаю по какому случаю, былъ я на какомъ-то праздникѣ въ градской богадѣльнѣ, и въ глаза мнѣ бросилась надпись надъ одною кроватью: „Анна Исааковна“ (прозвища не помню). Я остановился. Вожатый мой объявилъ, что это кровать одной старушки, бывшей нѣкогда и счастливой.

— Не она ли была въ Москвѣ и пострадала отъ пожара?

— Она, отвѣчалъ мнѣ.

— Да гдѣ же она сама? спросилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Вышла со двора.

— Жаль, сказалъ я: — поклонитесь ей отъ Н. И. Греча, стараго ея знакомаго.

Чрезъ нѣсколько дней пріѣзжаетъ ко мнѣ благообразная чистенькая старушка и, прихрамывая, опирается на костыль. Посмотрю — это моя добрая Анна Исааковна. Все та же милая, умная, любезная. Я посадилъ ее на диванъ и побесѣдовалъ о старинѣ. При прощаніи я ей сунулъ въ руку бумажку и былъ награжденъ взглядомъ, котораго никогда не забуду. Прежній чинъ ея былъ таковъ, что нельзя было представить ее моему семейству. Жена моя, конечно, сказала бы: „mais, mon cher, c'est une coquine“ [1]). Я проводилъ ее до крыльца. Послѣ того

---

[1]) Но, мой милый, это бездѣльница.

всѣ спрашивали: кто была эта благородная женщина, эта старушка-красавица?—Она скончалась вскорѣ потомъ.

Длинный эпизодъ! скажутъ мнѣ; да вся моя жизнь состоитъ изъ эпизодовъ, которые не интереснѣе этого. Увѣренный въ безсмертіи души и въ томъ, что умершіе насъ помнятъ, посылаю тебѣ привѣтъ, добрая Анна Исааковна!

По выпускѣ моемъ изъ школы, поселился я у добраго инспектора Юнкерскаго института, барона Вальденштейна, занимая съ товарищемъ моимъ, Ѳедоромъ Осиповичемъ Протопоповымъ, небольшую комнату. За квартиру, столъ, завтракъ и прочее я платилъ ему по 20 р. въ мѣсяцъ. Позволяю себѣ сдѣлать отступленіе, упомянувъ объ этомъ почтенномъ человѣкѣ. Баронъ Вальденштейнъ происходилъ отъ дворянской австрійской фамиліи и учился въ вѣнскомъ кадетскомъ корпусѣ, состоявшемъ подъ командою храбраго гусарскаго генерала Габріани, который не зналъ грамоты и подписывалъ бумаги нѣсколькими черточками и, поставивъ за ними точку, произносилъ важно: „Габріани". По выпускѣ изъ корпуса, Вальденштейнъ поступилъ въ полкъ, въ надеждѣ отличиться военными подвигами, но въ то время войны не было: цѣлую недѣлю занимались строевымъ ученьемъ, а по субботамъ проходили тактику, то есть разставляли на столѣ разноцвѣтныя шашки, означавшія офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ, и испытывали разныя построенія. Терпѣніе молодого человѣка лопнуло; онъ бѣжалъ изъ Австріи въ Россію и поступилъ въ Польшѣ въ с.-петербургскій легіонъ, подъ команду генерала Леццано, исходилъ нѣсколько кампаній и, устарѣвъ, перешелъ въ статскую службу. Служилъ онъ предсѣдателемъ новгородскаго верхняго земскаго суда и женился на дворянкѣ, вдовѣ, бой-бабѣ, родственницѣ жены Державина. Посредствомъ этой связи, она доставила мужу мѣсто инспектора въ учебномъ заведеніи. По упраздненіи института удалился онъ въ Новгородъ и жилъ тамъ до кончины своей.

Въ 1817 году, пріѣхавъ въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, познакомился я съ братомъ его, не послѣднимъ чудакомъ. Онъ жилъ

небольшимъ пенсіономъ, спалъ до полудня и являлся потомъ къ обѣду (въ часъ пополудни) въ одну изъ первыхъ гостинницъ — Weidehof, Weinbach, или Zum roemischen Kaiser, но не обѣдалъ, а пилъ кофе послѣ обѣда, бесѣдуя съ гостями. Потомъ, въ восемь часовъ вечера, когда прочіе ужинали, онъ обѣдалъ. Его угощали въ этихъ домахъ безденежно за то, что онъ забавлялъ гостей своею болтовнею, и онъ командовалъ прислугою безпредѣльно. У него была фантазія собирать табакерки, и всякъ, съ кѣмъ онъ ни познакомится, долженъ былъ давать ему табакерку на память: по смерти его нашли ихъ у него болѣе тысячи.

Елисавета Алексѣевна Вальденштейнъ — баба вздорная, упрямая, крикунья и сплетница, была хорошая хозяйка и большая хлѣбосолка и кормила насъ погорло — царство ей небесное! Потомъ переѣхалъ я къ Бочкову и часто голодалъ за пансіоннымъ обѣдомъ.

Въ это время произошли въ нашемъ домашнемъ быту замѣчательныя происшествія, ни мало не отрадныя. 4-го августа 1804 года скончался, какъ я уже говорилъ, дядюшка Александръ Яковлевичъ. Во всю жизнь чувствовалъ я грустныя и бѣдственныя послѣдствія этой потери. Если бы онъ пожилъ долѣе (а ему было отъ роду только тридцать семь лѣтъ), я былъ бы удержанъ отъ многихъ необдуманныхъ глупостей, которыя имѣли вліяніе на то, что называется судьбою человѣка и что въ самомъ дѣлѣ есть только движеніе руки и головы его.

Бабушка моя наслѣдовала все имѣніе сестры своей Ренкевичевой. Внукъ третьей сестры, Маріи Михайловны Врангель (Иванъ Карловичъ Борнъ), остался въ сторонѣ, по нелѣпости тогдашнихъ постановленій о наслѣдствѣ; но бабушка объявила, что даетъ внуку своему свои десять тысячъ рублей въ даръ. Иванъ Егоровичъ Фокъ видѣлъ несправедливость этого выдѣла и молчалъ, боясь своей Ксантиппы, а она надѣялась, что слабый здоровьемъ Борнъ умретъ до совершеннолѣтія отъ чахотки, какъ предсказывалъ въ духовной своей отецъ его.

По всѣмъ этимъ уваженіямъ, прилагали о Борнѣ всякое попеченіе: воспитывали его въ Петровской школѣ, въ пансіонѣ Патиньи, потомъ опредѣленъ онъ былъ въ нашу Юнкерскую школу. Между тѣмъ, бабушка продала Пятую Гору Брискорну за 140,000 руб., разумѣется, ассигнаціями, и получила съ него 91 т., а остальныя 49 тысячъ были разсрочены. На эти деньги купила она домъ на Петербургской Сторонѣ, на углу Бармалѣева переулка, и переселилась туда въ 1804 году. Матушка, съ сестрами и братомъ Павломъ, жила во флигелѣ. Бабушка, вздорная, безтолковая и своенравная, перебиралась въ просторномъ домѣ изъ комнаты въ комнату. Сегодня такая-то комната — столовая; прійдешь черезъ недѣлю, она спальная, а столовая на другомъ краю дома. Однажды перенесла она столовую въ тѣсный бельведеръ надъ домомъ. Подлѣ большого дома, занимаемаго хозяйкою, стоялъ другой, поменьше, въ которомъ жилъ командиръ Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго на Петербургской Сторонѣ, генералъ Седморацкій. Домъ этотъ оказался для него тѣснымъ, но бабушка не хотѣла лишиться такого знаменитаго жильца и взялась пристроить къ дому два флигеля. Для этого заняла она у старой родственницы, генеральши Гандваль, шесть тысячъ серебромъ. Седморацкій ушелъ въ 1805 году въ походъ и въ слѣдующемъ году умеръ. Квартира осталась пустою, а долгъ, отъ паденія курса, возросъ до 24,000 рублей на ассигнаціи. Все это уменьшало ея капиталъ, но она надѣялась на 49 т., оставшіяся за Брискорномъ. Между тѣмъ, въ 1806 году, 30-го марта, вышелъ указъ, которымъ объяснялись и дополнялись прежнія постановленія о наслѣдствѣ: племянникамъ и потомкамъ ихъ давалась доля, равная братьямъ и сестрамъ умершаго вотчинника. Такимъ образомъ, И. К. Борнъ получилъ право на половину имущества, оставшагося послѣ Екатерины Михайловны Ренкевичъ. Ѳ. М. Брискорнъ обратился къ Христинѣ Михайловнѣ съ требованіемъ обезпечить на всякій случай права Борна и отложить половину полученнаго за имѣніе капитала въ кредитныя установленія. Но взятыя ею из-

лишне 21,000 были истрачены. Брискорнъ удержалъ недоплаченныя 49 т. и удовольствовался обязательствомъ Христины Михайловны, въ случаѣ требованія Борна, вычесть недоплаченную сумму. Съ меня взялъ слово, что я не открою Борну секрета. Я отвѣчалъ, что самъ не начну съ нимъ говорить, но если онъ спроситъ — скажу ему всю правду. Здѣсь я долженъ забѣжать далеко впередъ для окончательнаго описанія этого эпизода. Это было въ 1810 году. Борнъ жилъ со мною въ домѣ Петровской школы, гдѣ я былъ учителемъ. Онъ же служилъ въ департаментѣ государственнаго казначейства. Однажды прихожу домой поздно и вижу, что онъ легъ. Всю ночь онъ вздыхалъ, охалъ и всталъ озлобленный. Мы сѣли за чай. Онъ взялъ чайникъ, сталъ наливать и вдругъ остановился, поставилъ чайникъ, заливаясь слезами, и сказалъ:

— Нѣтъ, не могу молчать!

— Что съ тобою? спросилъ я.

— А вотъ что. Вчера приходилъ ко мнѣ въ департаментъ адвокатъ бабушки (сладившій для него это дѣло) и говоритъ: „Хотите ли, Иванъ Карловичъ, получить самымъ честнымъ и справедливымъ образомъ семьдесятъ тысячъ рублей съ процентами за восемь лѣтъ, — подпишите эту довѣренность". Я изумился и попросилъ его дать мнѣ время обдумать. Скажи мнѣ, правда ли это?

— Сущая правда.

— Такъ ты зналъ это и не говорилъ мнѣ?

— Съ меня взяли слово, что я не начну говорить тебѣ. Теперь ты узналъ дѣло не черезъ меня и языкъ у меня развязанъ.

— Что же мнѣ дѣлать? Я не стану взыскивать съ нея денегъ по записи и проценты. Но, кажется, имѣю все право на 49 тысячъ, хранящіяся у Брискорна.

— Ты правъ совершенно. Поди къ Ивану Егоровичу (Фоку) и объяви объ этомъ. Отдавать эти деньги старухѣ не должно: она ихъ промотаетъ какъ прочія.

Фокъ испугался и старался доказать, что запись составлена вообще, а не изъ опасенія его иска.

— А почему вставлено 10-е марта, день моего рожденія и совершеннолѣтія?

У отвѣтчика прилипъ языкъ къ гортани. Рѣшили какъ предложилъ Борнъ. Бабушка удерживала взятыя уже ею 21 тысячу и проценты. 49 тысячъ отъ Брискорна получитъ Борнъ. Мы поѣхали къ должнику. Здѣсь я долженъ привести черту добродушія Борна. Мы въ то время забавлялись домашнимъ театромъ. Когда мы вошли въ просторную залу, Борнъ сказалъ съ удовольствіемъ: „Вотъ зала, какую желалось бы имѣть для нашего театра“. О деньгахъ, за которыми мы пріѣхали, онъ и не думалъ. — Вышелъ Брискорнъ и принялъ насъ дипломатически. На первое объясненіе Борна, онъ сказалъ:

— Молодой человѣкъ, подумайте, что вы дѣлаете! Вы отнимаете половину достоянія у вашей благодѣтельницы и ея семейства.

— Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, въ этомъ случаѣ поступить, какъ я считаю лучше, и довольствуйтесь тѣмъ, что я не говорю съ вами объ остальныхъ деньгахъ и о процентахъ. Что же касается до родственниковъ, то со стороны ихъ находится здѣсь Н. И. Гречъ, который согласенъ въ томъ, что я правъ безпрекословно.

Брискорнъ пошелъ въ свой кабинетъ и вынесъ 49 пачекъ. Борнъ взялъ ихъ, и мы откланялись. Пріѣхавъ къ бабушкѣ, у которой жили матушка моя и тетушка Елисавета Яковлевна, онъ вызвалъ тетокъ въ другую комнату, разложилъ пачки на столѣ, раздѣлилъ ихъ на три части и сказалъ: „вотъ вамъ, маменька Екатерина Яковлена (какъ онъ звалъ ее), 16 тысячъ, вотъ вамъ, тетушка Елисавета Яковлена, 16 тысячъ, а остальныя 16 тысячъ беру себѣ“. Бабушка, слышавшая все это, закричала: „а сорокъ девятую тысячу дай мнѣ на погребеніе!“ — „Съ удовольствіемъ!“ сказалъ Борнъ и отнесъ къ ней.

Борнъ не оставилъ потомства; фамилія его исчезла съ нимъ,

съ его женою и дочерью. Но роднею ему должны считаться всѣ честные и великодушные люди. Мнѣ прійдется въ запискахъ моихъ говорить о подвигахъ глупцовъ, негодяевъ и корыстолюбцевъ. Сначала долженъ упоминать, какъ можно чаще, о людяхъ Божіихъ, оставившихъ намъ примѣры благости и великодушія. Таковъ былъ Иванъ Карловичъ Борнъ.

Возвращусь къ самому себѣ. Одинъ знакомый мнѣ учитель, не изъ педагоговъ, предложилъ мнѣ, лѣтомъ 1805 года, принять приглашеніе, сдѣланное ему, на которое онъ не могъ согласиться,— преподавать русскій языкъ въ славившемся тогда пансіонѣ госпожи Ришаръ. Эксъ-содержательница была не француженка, а уроженка Швейцаріи: одинъ ея племянникъ былъ адъютантомъ и любимцемъ Кутузова; другой служилъ при почтѣ. Она была замужемъ за профессоромъ ботаники (котораго называли садовникомъ) Ришаромъ и, бывъ невѣстою, лишилась лѣваго глаза: она прогуливалась съ женихомъ своимъ въ саняхъ парою; пристяжная лошадь вышибла ей глазъ комомъ снѣга. Въ старости она лишилась употребленія ногъ и не вставала съ креселъ. У ней были два сына: одинъ въ статской службѣ, женатый на побочной дочери князя Юсупова, другой, Иванъ, былъ отъявленный негодяй и пропалъ на службѣ въ какомъ-то гарнизонномъ полку. Но дочери ея имѣли лучшую судьбу. Анна Францовна вышла за Клейнмихеля, когда онъ былъ только майоромъ: извѣстно, какую карьеру онъ сдѣлалъ при Павлѣ и Александрѣ. У него былъ только одинъ сынъ, графъ Петръ Андреевичъ, и много дочерей. Другая дочь Ришаръ, Елисавета Францовна, была замужемъ за Михаиломъ Александровичемъ Салтыковымъ, бывшимъ попечителемъ Казанскаго университета, потомъ почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ, получившимъ Александровскую ленту, когда онъ, отъ старости и болѣзни, лишился ума. Его дочь была за писателями Дельвигомъ и Баратынскимъ.

Марія Христіановна Ришаръ завела пансіонъ по смерти своего мужа и вскорѣ пріобрѣла общее уваженіе. У ней

воспитывались пансіонерки императрицы Маріи Θеодоровны, которыхъ почему либо нельзя было помѣстить въ дворянскихъ институтахъ: напримѣръ, бывшая директриса Маріинскаго института, Прасковья Ивановна Неймановская, до замужества Чепегова, турчанка, взятая въ плѣнъ въ малолѣтствѣ. Еще замѣчательно, что у ней въ пансіонѣ какимъ-то чудомъ воспитанъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Танѣевъ. Съ отвагою молодости, которой, какъ пьяному, море по колѣно, я отправился къ М. Хр. Ришаръ, жившей на Невскомъ проспектѣ, гдѣ потомъ помѣщался Коммерческій судъ [1]). Она приняла меня учтиво и ласково, но сказала, что я слишкомъ молодъ. Къ счастью моему, вошелъ къ ней зять ея, М. А. Салтыковъ, человѣкъ умный, образованный, сталъ меня разспрашивать, почти экзаменовать, и мнѣ удалось понравиться ему своею откровенностью, своими сужденіями о тогдашней литературѣ. Старушка на другой день дала мнѣ знать, что принимаетъ меня учителемъ русскаго языка. По истеченіи каникулъ явился я въ первый понедѣльникъ и былъ введенъ въ классъ Амаліею Ивановною Несбергъ, сиротою, которую М. Хр. Ришаръ воспитала и выдала замужъ за Шредера, бывшаго потомъ гофъ-маклеромъ (А. И. Шредеръ жила впослѣдствіи у Абрама Сергѣевича Норова, гдѣ я встрѣтился съ нею въ 1857 году. Она подарила мнѣ портретъ общей нашей благодѣтельницы, сказавъ, что родные М. Хр. Ришаръ не достойны этой памяти). Тьфу пропасть! у меня голова разболѣлась. Дѣвицы, числомъ около двадцати, лѣтами отъ пятнадцати до семнадцати, одна другой красивѣе, встали изъ-за классныхъ столовъ и присѣли предъ новымъ учителемъ, какъ граціи миθологическаго Элизіума. Я принялся за свое дѣло съ усердіемъ, не желая уронить себя въ мнѣніи госпожи Ришаръ и особенно этихъ милыхъ вострухъ. Марія Христіановна полюбила меня искренно и дѣлала мнѣ всякое добро, дала

[1]) Подъ № 88.

средства обмундироваться какъ слѣдуетъ и рекомендовала меня Якову Александровичу Дружинину, а онъ представилъ меня Ивану Осиповичу Тимковскому, который опредѣлилъ меня чиновникомъ въ с.-петербургскій цензурный комитетъ (26-го іюня 1806 г.).

И родственники мои (только не матушка моя), и бывшіе товарищи досадовали на то, что я избралъ несовмѣстное съ дворянскимъ званіе учителя. Юнкерскій институтъ преобразованъ былъ въ высшее Училище Правовѣдѣнія. Ко мнѣ приставали, чтобы я вступилъ въ это училище, и когда я объявилъ, что не хочу, мнѣ возразили, что я, вѣроятно, боюсь экзамена, которому для вступленія туда подвергались, и очень строго, въ Педагогическомъ институтѣ. Это меня взорвало; я ударился объ закладъ, что выдержу экзаменъ, и подалъ просьбу о принятіи меня въ училище. Мнѣ назначили день экзамена: 23-го ноября 1805 г., въ одной изъ аудиторій Педагогическаго института (тамъ, гдѣ нынѣ университетъ), въ семь часовъ вечера. Мѣста слушателей были расположены амфитеатромъ. Внизу за круглымъ столомъ сидѣли профессоры Балугіанскій, Лоди, Кукольникъ, Терничъ и Мартыновъ. На скамьяхъ гнѣздились кандидаты. Они были почти всѣ поляки. Я сѣлъ дальше, чтобы прислушиваться. Вызывали кандидата, спрашивали его, на какомъ языкѣ онъ желаетъ экзаменоваться. Поляки всѣ избирали языкъ латинскій и говорили они очень свободно и правильно, но въ наукахъ, въ логикѣ, въ исторіи, географіи, математикѣ и пр., они были очень слабы. Профессоры ободряли ихъ: „bene, bene (хорошо, хорошо), продолжайте". Напрасно. Они оказались слабыми во всѣхъ этихъ предметахъ. До меня, послѣдняго, дошла очередь въ одиннадцатомъ часу. На вопросъ о выборѣ языка, я смѣло сказалъ:

— На какомъ вамъ угодно.

— Нѣтъ, выберите сами.

— Такъ на русскомъ, сказалъ я. Помню все, что у меня спрашивали. Изъ логики объ опредѣленіи, изъ исторіи о Кре-

стовыхъ походахъ и о Сицилійской вечернѣ, изъ географіи объ островѣ Сициліи, изъ геометріи о Пиѳагоровой теоремѣ, изъ физики общія свойства тѣлъ; изъ естественной исторіи о раздѣленіи птицъ по Линнею. Я отвѣчалъ на все, не запинаясь. Дошли до послѣдней графы: латинскій языкъ. Я хотѣлъ было признаться, что очень слабъ въ немъ, но добрый Терничъ помогъ мнѣ: онъ сказалъ своимъ товарищамъ понѣмецки: „Мы обидимъ его, если станемъ экзаменовать въ латинскомъ языкѣ; онъ не могъ пріобрѣсть этихъ познаній безъ латыни. Прочіе кандидаты говорятъ полатыни очень хорошо, а въ наукахъ невѣжды“. Съ нимъ согласились, и въ графѣ при моемъ имени явилось благодатное слово: optime. Я оказался вторымъ по экзамену изъ всѣхъ кандидатовъ. Первымъ былъ Иванъ Мих. Фовицкій. На другой день я подалъ просьбу съ объявленіемъ, что домашнія обстоятельства не дозволяютъ вступить мнѣ въ училище. Закладъ былъ выигранъ.

Первымъ изъ напечатанныхъ моихъ литературныхъ трудовъ были русскіе синонимы въ „Журналѣ Россійской Словесности“, издаваемомъ Н. П. Брусиловымъ, въ 1805 году. Кто былъ счастливѣе меня, когда я увидѣлъ статьи мои напечатанными, да еще съ похвальнымъ отзывомъ редактора! Въ журналѣ Варенцова помѣщались только переводы мои. Уже тогда запала во мнѣ мысль о сочиненіи русской грамматики. Я прочиталъ всѣ сочиненія объ этомъ предметѣ. Особенно помогъ мнѣ въ томъ умный и знающій учитель, французъ Гаврила Леонтьевичъ Лаббе-де-Лондъ (Labbé-de-Londes). И онъ былъ самоучка. Старшій братъ его былъ въ Петербургѣ карточнымъ фабрикантомъ, младшій остался въ Парижѣ, учился въ какомъ-то коллегіумѣ, когда вспыхнула революція. Идучи однажды по улицѣ, онъ увидѣлъ толпу, которая вышла изъ предмѣстья, взобрался на бочку и смотрѣлъ на неучей. Впереди несли на шестѣ голову принцессы де-Ламбаль. Несшій ее ударилъ ею по лицу мальчика. Лаббе упалъ съ бочки и ударился бѣжать къ брату въ Пе-

тербургъ. Прибѣжалъ въ Руанъ, нашелъ корабль, отправлявшійся въ Россію, и умолилъ капитана взять его съ собою. Капитанъ согласился и привезъ его въ Кронштадтъ. Тогда не было строгихъ правилъ по паспортамъ, особенно для тринадцатилѣтняго мальчика. Братъ принялъ его къ себѣ, помѣстилъ на чердакѣ и заставилъ разрывать карты на фабрикѣ. Но мальчикъ продолжалъ учить украдкою, именно грамматику латинскую, прошелъ французскую, выучился очень хорошо русскому языку и пошелъ въ учители, безпрестанно совершенствуя и распространяя свои познанія. Онъ приходилъ иногда къ нашему гувернеру Делигарду. Потомъ встрѣтился я съ нимъ гдѣ-то, помнится, на дачѣ и разговорился. Онъ полюбилъ во мнѣ любознательнаго молодаго человѣка и пригласилъ къ себѣ. Я не бралъ у него уроковъ, но пользовался его поучительными бесѣдами и узналъ многое; онъ же указалъ мнѣ превосходную грамматику Сильвестра де-Саси. Въ предисловіи моемъ къ моей пространной грамматикѣ, я упомянулъ о немъ съ искреннею благодарностью.

Въ 1806 году Шлейснеръ рекомендовалъ меня въ учители къ одной содержательницѣ пансіона, его родственницѣ, госпожѣ Мюссаръ (Mussard), и такъ какъ это знакомство имѣло великое вліяніе на судьбу мою, то я долженъ распространиться о немъ подробно.

Фамилія Мюссаръ была одною изъ самыхъ старинныхъ и почтенныхъ въ Женевѣ. Праотецъ ея переселился туда изъ Франціи въ XVI вѣкѣ, спасаясь отъ гоненія на реформатовъ. Петръ Мюссаръ (Pierre Mussard), по словамъ Мишо (Biographie universelle de Michaud, supplement, tome 75, p. 47), родился въ Женевѣ около 1630 года, былъ пасторомъ въ Ліонѣ, потомъ въ Женевѣ, и прославился тамъ своимъ ученіемъ и богословскими сочиненіями. Бель (Bayl) называетъ его мужемъ весьма знаменитымъ (vir admodum illustris). Онъ умеръ въ 1786 году. Руссо, въ своей исповѣди (Confessions), упоминаетъ о Мюссарахъ, своихъ родственникахъ: одинъ изъ нихъ былъ миніатюрный живописецъ, прозывавшійся tord gueule,

жившій въ Женевѣ. Другой, котораго Ж. Ж. Руссо называетъ mon compatriote, mon parent et mon ami [1]) (Oeuvres complètes de J. J. Rousseau, Paris 1817, chez Belin, tome VI, p. 75, 256), пріобрѣлъ честною торговлею хорошее состояніе, жилъ въ Пасси, близъ Парижа, занимался страстно конхиліологіею, собиралъ вокругъ себя общество ученыхъ и образованныхъ людей и любезныхъ женщинъ. Руссо съ чувствомъ разсказываетъ, какъ пріятно жилъ у него и описываетъ бѣдственную его кончину: у него сдѣлалась опухоль въ желудкѣ и онъ умеръ съ голода. Извѣстно, что Женева изстари, какъ всякая республика, раздираема была патріотами. Отецъ моего тестя, профессоръ Николай Мюссаръ, въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка, былъ приверженцемъ партіи демократовъ, спорившей съ аристократами, къ которымъ принадлежалъ родной старшій братъ. Видя торжество своего противника, Николай Мюссаръ, надѣвъ праздничный плащъ и прицѣпивъ шпагу, знакъ отличія гражданина, [2]) взявъ за руку тринадцатилѣтняго своего сына Даніила, отправился въ ратушу, получилъ свидѣтельство въ своемъ званіи и со всѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ изъ предѣловъ республики. Куда? Разумѣется, въ Россію. Въ Петербургѣ получилъ онъ, помнится, по рекомендаціи Вольтера, должность инспектора классовъ въ Академіи Художествъ, а жена его поступила инспекторшею въ Смольный монастырь. Сына своего, съ которымъ онъ вышелъ изъ Женевы, назначилъ онъ тоже въ ученое званіе, но молодой человѣкъ, вѣроятно, по лѣности, объявилъ, что хочетъ быть часовщикомъ, comme son oncle J. J. Rousseau [3]).

---

[1]) Мой землякъ, мой родственникъ, мой другъ.

[2]) Никакая дворянская аристократія не дорожитъ та́къ своимъ саномъ, какъ женевцы званіемъ гражда́нина (citoyen). Для этого надлежало родиться отъ фамиліи гражданъ, и именно въ стѣнахъ Женевы. Прочіе жители ея назывались les natifs, les habitants et les bourgeois. Нѣкоторыми ремеслами, напримѣръ, золотыхъ дѣлъ и часовымъ, имѣли право заниматься только граждане.

[3]) Подобно своему дядѣ, Ж. Ж. Руссо.

Отецъ не хотѣлъ посылать его въ Женеву, боясь вліянія своего брата—аристократа, а послалъ къ одному пріятелю и земляку своему, часовому мастеру, въ Берлинъ, гдѣ молодой Мюссаръ выучился своему дѣлу въ совершенствѣ и, воротясь въ Петербургъ, занялся этимъ мастерствомъ съ большимъ успѣхомъ. Онъ былъ очень красивъ собою и большой любитель прекраснаго пола, любилъ увеселенія всякаго рода, обѣды, пикники, карты и особенно былъ страстенъ къ уженью рыбы. Родственники его, желая укротить юнаго весельчака, женили его на молодой хорошенькой нѣмкѣ, Маріи Ивановнѣ Гетцъ, изъ которой вскорѣ возникла глупая и злая баба. Съ самыхъ первыхъ поръ замужества она стала мучить своего мужа и вскорѣ ему надоѣла. Желая отвадить его отъ частыхъ выходовъ со двора, она утащила его подвязки. Онъ ушелъ безъ подвязокъ, которыя были почти необходимы при тогдашней формѣ мужской одежды, и не носилъ ихъ до конца жизни. Но коммерческія и ремесленныя дѣла его шли хорошо. Онъ выписывалъ на нѣсколько тысячъ рублей въ годъ хорошихъ карманныхъ часовъ изъ Женевы (проходившихъ въ то блаженное время почти непонятною контрабандою) и сбывалъ ихъ легко. Ходилъ заводить часы во многіе знатные и богатые дома и снискалъ общую извѣстность. Въ его магазинѣ происходили сходки между вельможами и дипломатами, подъ предлогомъ повѣрки часовъ. Безбородко и Кобенцель, Сегюръ и Гаррисъ (лордъ Мальмсбюри) посѣщали его и бесѣдовали между собою въ его присутствіи, полагаясь на его скромность. Несмотря на безпрерывную его вражду съ женою, фамилія его распложалась благополучно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Литературное движеніе въ первые годы девятнадцатаго вѣка. — „Вѣстникъ Европы“, Карамзина.— Раздѣленіе читателей на два стана. — Занятія литературными опытами въ Юнкерской Школѣ. — Товарищи по школѣ. — Проигрышъ въ карты. — Журналъ „Хаосъ“. — „Журналъ для пользы и удовольствія“. — Участіе въ журналѣ Н. П. Брусилова—„Журналъ Русской Словесности“. — „Новый Стернъ“.—Василій Сергѣевичъ Подшиваловъ.—Знакомство съ Державинымъ на экзаменѣ.—Похвала Державина.—Поэтъ Шмидеръ.—Актеръ Деглиньи.—Знакомство съ Матвѣемъ Васильевичемъ Крюковскимъ.—Трагедія его „Пожарскій“.—Первое ея представленіе.—Дальнѣйшая судьба Крюковскаго.—Павелъ Александровичъ Никольскій.

Отрочество и юность мои совпадаютъ съ прекраснѣйшимъ временемъ, какимъ когда либо наслаждался свѣтъ; это были первые годы XIX вѣка, первые годы царствованія нашего незабвеннаго Александра... Въ Россіи все пришло въ счастливое движеніе. Карамзинъ издавалъ „Вѣстникъ Европы“. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы красненькихъ книжечекъ чрезъ каждыя двѣ недѣли! Съ какимъ восторгомъ читали, учили ихъ наизусть! И теперь случается мнѣ слышать, изъ устъ сверстниковъ по лѣтамъ (писано въ 1839 году), фразы, заимствованныя изъ „Вѣстника“, который, въ чистыхъ русскихъ переводахъ, сообщалъ намъ мысли и чувства первоклассныхъ писателей того времени. Макаровъ въ „Московскомъ Меркуріи“ жестоко разилъ дурныхъ писателей. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ сообщались статьи серьезныя о нау-

кахъ, объ исторіи и т. п. Въ „Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ“, издававшемся при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, увидѣли мы образцы слога дидактическаго и дѣлового, труды графа В. П. Кочубея, М. М. Сперанскаго и другихъ отличныхъ людей, принятыхъ въ новообразованное министерство. Возникло и образовалось Министерство Народнаго Просвѣщенія, и однимъ изъ первыхъ подвиговъ его былъ тогдашній благодѣтельный уставъ о цензурѣ. Карамзинъ и слогъ его были тогда предметомъ удивленія и подражанія (большею частью неудачнаго) почти всѣхъ молодыхъ писателей. Вдругъ вышла книга Шишкова („О старомъ и новомъ слогѣ русскаго языка“) и раздѣлила армію русской словесности на два враждебные стана: одинъ подъ знаменемъ Карамзина, другой подъ флагомъ Шишкова. Приверженцы перваго громогласно защищали Карамзина и галлицизмами насмѣхались надъ славянщизною; послѣдователи Шишкова предавали проклятію новый слогъ, грамматику и коротенькія фразы, и только въ длинныхъ періодахъ Ломоносова, въ тяжелыхъ оборотахъ Елагина, искали спасенія русскому слову. Первая партія называлась московскою, послѣдняя петербургскою, но это не значило, чтобы только въ Москвѣ и въ Петербургѣ были послѣдователи той и другой. Вся молодежь, всѣ дамы, въ обѣихъ столицахъ, ратовали за Карамзина. Должно сказать, что въ то время Москва, въ литературномъ отношеніи, стояла гораздо выше Петербурга. Тамъ было средоточіе учености и русской литературы, Московскій университетъ, который давалъ Россіи отличныхъ государственныхъ чиновниковъ и учителей и чрезъ нихъ дѣйствовалъ на всю русскую публику. Въ Москвѣ писали и печатали книги гораздо правильнѣе, если можно сказать, гораздо народнѣе, нежели въ Петербургѣ. Москва была театромъ; Петербургъ залою театра. Тамъ дѣйствовали, у насъ судили и имѣли на то право, потому что платили за входъ: въ Петербургѣ расходилось московскихъ книгъ гораздо болѣе, нежели въ Москвѣ. И въ этомъ отношеніи петербургская литература походила на зрителей театра, что выражала

свое мнѣніе рукоплесканіемъ и свистомъ, но сама не производила.

Время, сужденіе хладнокровное и безпристрастное, и слѣдствіе основательнаго ученія объяснили тогдашнюю распрю и примирили враждовавшія стороны. Москва стояла за слогъ Карамзина; Петербургъ вооружался за языкъ русскій вообще. Здѣсь хвалили матеріалъ; тамъ же возносили искусство художника. Разумѣется, что наконецъ согласились. Карамзинъ самъ былъ чуждъ этимъ толкамъ и бранямъ. Кончивъ изданіе „Вѣстника Европы" (съ 1803 года), онъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ не печаталъ ничего и занимался только своею исторіею. Она удовлетворила многимъ требованіямъ (я говорю только въ отношеніи къ языку), но — воля ваша! — прежде онъ писалъ лучше. И повѣсти его, и „Письма русскаго путешественника", и статьи „Вѣстника Европы" написаны слогомъ пріятнымъ, естественнымъ, не отвергавшимъ прикрасъ, но и не гонявшимся за красотами. Я нѣсколько разъ читалъ его „Исторію Русскаго Государства"; занимаясь сочиненіемъ грамматики, разложилъ большую часть его періодовъ, изслѣдовалъ почти всѣ обороты; находилъ многое хорошимъ, прекраснымъ, правильнымъ, классическимъ, но вздыхалъ о „Бѣдной Лизѣ"! Въ слогѣ его исторіи видны принужденность, стараніе быть краснорѣчивымъ, насильственное округленіе періодовъ: все искусственно, все размѣрено и не то что прежде. Поневолѣ воскликнешь съ Пушкинымъ:

И, бабушка! затѣяла пустое:
Окончи лучше намъ Илью Богатыря!

И въ это время борьбы стараго съ новымъ, проявленія невиданныхъ дотолѣ твореній, мыслей и выраженій, выходилъ я въ свѣтъ жизни и литературы. Отецъ мой, видя мою страсть къ чтенію, къ сочиненіямъ, къ переводамъ, замѣтивъ отвращеніе къ дѣламъ приказнымъ, которыми иногда пытались занимать меня, хотѣлъ дать мнѣ воспитаніе ученое и литературное; хотѣлъ отдать въ Петровскую школу, а потомъ

отправить въ Московскій университетъ, на попеченіе одного стараго друга и товарища; но безпрестанныя развлеченія и тяжкіе труды по должности препятствовали ему исполнить это намѣреніе. Онъ все откладывалъ, откладывалъ, доколѣ обстоятельства не перемѣнились; онъ очутился безъ мѣста, безъ хлѣба; младшаго брата отдалъ во Второй Кадетскій Корпусъ, а меня въ Юнкерскую школу, которая была учреждена при Сенатѣ, для образованія правовѣдовъ и канцелярскихъ служителей. Мнѣ былъ тогда четырнадцатый годъ. Дотолѣ занимался я изъ наукъ только математическими; имѣлъ самыя скудныя понятія о грамматикѣ французской (сообщенныя мнѣ сенатскимъ курьеромъ, гимназистомъ Сухопутнаго Корпуса, служившимъ въ департаментѣ отца моего), но болѣе не зналъ почти ничего. Взамѣнъ ученія, я много читалъ и размышлялъ. Географію, исторію всемірную и русскую изучилъ безъ чужой помощи; въ литературѣ зналъ всѣхъ русскихъ писателей не по наслышкѣ, а потому что прочиталъ ихъ, и не разъ. Я зналъ почти наизустъ Ролленову древнюю и римскую исторію по переводу Тредьяковскаго. И теперь, если угодно, разскажу вамъ всѣ сплетни и раздоры преемниковъ Александра Македонскаго. Еще слушалъ я лекціи Н. Я. Озерецковскаго и В. М. Севергина о естественной исторіи, которыя читаны были каждое лѣто въ кунсткамерѣ.

.......Когда главный домъ занятъ былъ новоустроенною Комиссіею составленія законовъ, насъ помѣстили въ тѣсное зданіе на дворѣ, гдѣ наши спальни были и классами. Между тѣмъ, добрые и почтенные наши учители не охладѣвали въ усердіи къ своимъ обязанностямъ; классы шли своимъ чередомъ. При образованіи Института, при дарованіи его воспитанникамъ новыхъ правъ, кругъ нашъ значительно распространился поступленіемъ новыхъ товарищей, получившихъ хорошее первоначальное образованіе. Мы усердно занимались науками и не въ одно классное время; доставали русскія, иностранныя книги, читали ихъ, переводили, испытывали силы собственными сочиненіями. Всего болѣе жаждали мы пріобрѣсть

познанія въ французскомъ языкѣ; дотолѣ учились мы только нѣмецкому. Цѣлыя ночи просиживали мы за книгами и тетрадями, учились, экзаменовали другъ друга. Кто былъ побогаче, тотъ покупалъ книги и снабжалъ ими своихъ товарищей. Я, бѣдный сирота, не имѣлъ денегъ не только на книги, но и на утоленіе голода, для котораго умѣренный казенный столъ, обрѣзываемый усердіемъ къ службѣ ретиваго эконома, былъ слишкомъ неудовлетворителенъ. Но эта самая бѣдность послужила мнѣ въ пользу; я переводилъ за богатыхъ товарищей; для другихъ, болѣе совѣстныхъ, пріискивалъ слова въ лексиконѣ; инымъ исправлялъ ихъ работы. Чашка чаю съ грошевою булкою были наградою за переводъ страницы или за пріисканіе двадцати словъ. Этому же юношескому аппетиту обязанъ я важными и полезными въ жизни уроками. Достаточные и досужіе товарищи мои частенько, разумѣется, украдкой отъ начальства, поигрывали въ карты, и особенно любили метать банкъ. Одинъ изъ нихъ выигралъ нѣсколько рублей. Это меня разохотило: у меня было всего капитала мѣдная полтина, на которую я надѣялся имѣть въ теченіе двадцати пяти дней по грошевой булкѣ на завтракъ. Демонъ игры искусилъ меня; я началъ ставить грошевики; чрезъ полчаса проигрался дочиста и долженъ былъ въ теченіе двадцати пяти дней довольствоваться казеннымъ завтракомъ, очень неудовлетворительнымъ. Это совершенно излечило меня отъ страсти къ игрѣ, и теперь всякій разъ, когда увижу карты, чувствую что-то похожее на голодъ пятнадцатилѣтняго мальчика.

Страсть къ словесности обуяла многихъ изъ моихъ товарищей. Мы писали, составляли планы, сбирались печатать, издавать и уже сочинили было программу журнала „Хаосъ“. Самый ревностный піита былъ у насъ Иванъ Гавриловичъ Аристовъ, сынъ саратовскаго помѣщика, дальній мнѣ родственникъ по дѣду своему, царицынскому коменданту Цыплятеву, прославившемуся храбрымъ отраженіемъ Пугачева. Онъ былъ годами тремя старше меня и получилъ довольно хо-

рошее воспитаніе; говорилъ пофранцузски, понималъ поитальянски и какъ-то невзначай открылъ въ себѣ даръ стихотворства, то есть способность низать риѳмы. Восхищенные талантомъ товарища, мы единогласно прозвали его геніемъ. Другой товарищъ мой, милый, образованный, прекрасный собой, былъ Иванъ Козьмичъ Буйницкій, который испытывалъ силы свои въ прозѣ и написалъ историческую повѣсть Ермакъ, въ подражаніе „Марѳѣ Посадницѣ", Карамзина, которымъ бредили тогда всѣ молодые люди. Третій, Андрей Степановичъ Милорадовичъ, очень хорошо воспитанный, притомъ достаточный, скромный, трудолюбивый: онъ преимущественно занимался переводами съ французскаго. Долгое время сомнѣвались мы въ своихъ силахъ и робѣли выдти на поприще словесности. Аристовъ рѣшился отвѣдать счастья: не сказавъ намъ ни слова, отправилъ онъ два стихотворенія въ „Вѣстникъ Европы", издававшійся тогда Поповымъ, и чрезъ двѣ недѣли они появились въ свѣтъ. Этотъ успѣхъ восхитилъ все наше литературное сословіе, и мы стали посылать свои произведенія въ московскіе журналы, но, увы! они пропадали безъ вѣсти! Вдругъ, это было въ концѣ 1804 года, Аристовъ объявилъ намъ, что одинъ его знакомецъ, человѣкъ богатый и щедрый, желая сдѣлать себѣ имя въ литературѣ, задумалъ издавать журналъ и приглашаетъ къ себѣ насъ, юныхъ поклонниковъ музъ. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ вышло объявленіе о „Журналѣ для пользы и удовольствія на 1805 годъ", и вслѣдъ затѣмъ вереница неоперенныхъ птенцовъ парнасскихъ потянулась въ Лещиковъ переулокъ, славный дотолѣ своими банями, а нынѣ превратившійся въ Ипокрену. Мы ревностно занялись работами. Буйницкій исправилъ свою повѣсть; Аристовъ написалъ нѣсколько десятковъ стихотвореній; Милорадовичъ сообщилъ свои переводы съ французскаго; я переводилъ съ нѣмецкаго. Наставникомъ и руководителемъ нашимъ былъ Александръ Ивановичъ Л., человѣкъ основательно ученый, умный, но авторъ и стилистъ очень плохой. Онъ находилъ странное

удовольствіе въ занятіяхъ переводами самыхъ безнравственныхъ книгъ; ему русская литература и мораль обязаны Фобласомъ, Антеноромъ и „Вредными знакомствами“. Между тѣмъ, въ жизни онъ былъ человѣкъ кроткій, честный, нравственный, если не принимать въ уваженіе слабости, которой подвержены были почти всѣ наши поэты и прозаики XVIII вѣка. Онъ читалъ наши сочиненія и переводы, совѣтовалъ, хвалилъ, порицалъ, исправлялъ. Я былъ послѣднимъ въ этомъ обществѣ; большею частью молчалъ и слушалъ. Могу сказать по справедливости и съ благодарностью, что эти вечера принесли мнѣ большую пользу. Самолюбивые юноши, напитанные галлицизмами, не соглашались на поправки Л., который ненавидѣлъ новую школу и, за насмѣшливый отзывъ Макарова о его переводѣ Антенора, предавалъ анаѳемѣ все московское; отъ этого рождались споры, высказывались истины; спорщики въ новыхъ распряхъ забывали прежнее, но я, посторонній и уединенный, прислушивался, замѣчалъ, затверживалъ. Отчего такая скромность? спросите вы. Ахъ, любезный читатель, въ эту эпоху кончилось время безотчетнаго дѣтства, школьнаго равенства и честнаго юношескаго правосудія. Въ Институтѣ я былъ первымъ почти по всѣмъ частямъ: былъ отличаемъ начальниками, учителями, товарищами; говорилъ рѣшительно и смѣло, не боясь не только насмѣшки, но и возраженія со стороны мнѣ равныхъ. Внѣшнія, случайныя блага не входили еще въ счетъ науки и заслугъ. Но тутъ впервые вошелъ я въ тотъ странный, вѣчно движущійся и волнующійся хаосъ, который называется свѣтомъ, и почувствовалъ вѣянія рѣзкаго, холоднаго вѣтра, отъ котораго сжалось мое сердце, дотолѣ бившееся радостно при лучахъ юной, беззаботной жизни: это было какъ бы изгнаніемъ изъ земного рая. Мои товарищи, сбросивъ съ себя институтскій мундиръ, облеклись въ изящные фраки Занфтлебена, тогдашняго перваго портного; тѣсный суконный галстухъ замѣнился батистовою косынкою; вмѣсто казенной фуражки украсились они модными легкими шляпами. Мой же весь гардеробъ состоялъ

изъ одного сѣраго сюртучка, а въ этомъ нарядѣ можно ли давать просторъ своимъ чувствамъ и мыслямъ, можно ли спрашивать, разсуждать, уже не говорю — спорить! Еще одно меня останавливало и стѣсняло. Новые мои знакомцы свободно говорили пофранцузски, а я не умѣлъ отвѣчать имъ, хотя въ существѣ зналъ языкъ лучше ихъ. Отъ этого на всѣ труды, на всѣ опыты мои ложилась какая-то черная тѣнь; отъ этого я сдѣлался робокъ и неувѣренъ въ своихъ силахъ; нѣсколько моихъ статей были отвергнуты ареопагомъ, отринуты французскими фразами и съ насмѣшливыми взглядами на мой стереотипный нарядъ. Жестокое испытаніе! Нѣтъ, сто разъ лучше терпѣть голодъ и стужу, нежели презрѣніе людей, хотя бы оно вовсе было незаслуженное! Впрочемъ, я долженъ исключить изъ этого моихъ товарищей: они всегда сохраняли дружеское ко мнѣ расположеніе, но не могли защитить меня отъ неизбѣжной судьбы бѣдности и несвѣтскаго воспитанія.

Разобиженный въ душѣ оскорбительнымъ равнодушіемъ, я рѣшился испытать счастья въ другомъ мѣстѣ и послалъ двѣ статьи (это были разборы синонимовъ) къ Николаю Петровичу Брусилову, который издавалъ „Журналъ Русской Словесности“. Онъ не только напечаталъ ихъ, но и прибавилъ къ нимъ привѣтливый отзывъ. Кто былъ счастливѣе меня! Варвары! думалъ я: будетъ и на моей улицѣ праздникъ. По этому случаю познакомился я съ Н. П. Брусиловымъ, и находилъ у него пріятное общество: В. М. Ѳедорова, К. Н. Батюшкова, Н. Ѳ. Остолопова, А. Е. Измайлова, И. П. Пнина.

Въ то время, когда я познакомился въ этомъ кругу, надѣлала много шума въ свѣтѣ комедія князя Шаховскаго „Новый Стернъ“. Всѣ молодые люди, искренніе поклонники Карамзина, увидѣли въ злой каррикатурѣ посягательство на славу ихъ учителя, и еще болѣе на ихъ собственную, и со всѣхъ сторонъ посыпались критики, сатиры, эпиграммы. Въ это время зародилась въ Петербургѣ оппозиція противъ

приверженцевъ и поборниковъ славянщизны и старины, развившаяся потомъ во многихъ журналахъ, особенно въ „Цвѣтникѣ“ (1810 и 1811 г.) и въ „Санктпетербурскомъ Вѣстникѣ“ (1812 г.).

Уваженіе къ людямъ необыкновеннымъ, особенно къ писателямъ, къ литераторамъ, питалъ я съ самаго младенчества. Я воображалъ себѣ сочинителей книгъ людьми необыкновенными, и болѣе нежели людьми. Я уже сообщилъ, съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на перваго, встрѣтившагося мнѣ русскаго писателя: то былъ Ѳедоръ Осиповичъ Туманскій, сочинитель перваго тома исторіи Петра Великаго и издатель разныхъ другихъ историческихъ книгъ. Онъ пріѣзжалъ къ отцу моему по какому-то дѣлу. Я досадовалъ въ душѣ на отца моего, что онъ обходился съ писателемъ такъ же, какъ и съ другими посѣтителями, учтиво, но, по мнѣнію моему, слишкомъ холодно!

Въ Юнкерской школѣ имѣлъ я случай видѣть другого писателя, который изданіями своими имѣлъ большое вліяніе на образованіе тогдашней литературы,— Василія Сергѣевича Подшивалова. Онъ былъ въ то время директоромъ Коммерческаго училища, находившагося неподалеку отъ Юнкерской школы, и, по дружбѣ съ нашимъ инспекторомъ, Михаиломъ Никитичемъ Цвѣтковымъ, товарищемъ его по университету, иногда навѣщалъ наши классы. И теперь еще вижу лицо его — спокойное, умное, благородное, доброе! Мы, ученики, боялись въ немъ строгаго судьи; но тѣ изъ насъ, которые надѣялись на успѣхи свои въ словесности, съ умысломъ выставляли предъ нимъ свои тетрадки. Онъ замѣчалъ дѣтскую хитрость, бралъ тетрадки, просматривалъ ихъ, хвалилъ хорошее и давалъ добрые совѣты. Но непреодолимая моя страсть къ авторству и желаніе сблизиться съ великими въ литературѣ людьми нашли полное удовлетвореніе, когда я въ первый разъ увидѣлъ Державина. Онъ былъ тогда (въ 1803 году) министромъ юстиціи и, въ семъ званіи, главнымъ начальникомъ нашего училища. У насъ былъ годовой экзаменъ.

Лучшіе изъ насъ были увѣрены въ своихъ знаніяхъ и съ самонадѣянностью ожидали начала испытанія. Вдругъ услышали: министръ пріѣхалъ! Всѣ бросились по своимъ мѣстамъ. Державинъ, въ парадномъ сенаторскомъ мундирѣ и въ лентѣ, сопровождаемый директоромъ нашимъ, Алексѣемъ Николаевичемъ Оленинымъ, вступилъ въ залу. По его желанію, начали экзаменъ съ древней исторіи. Меня вызвали перваго—надлежало показать мѣсто и раздѣленіе древней Греціи. Я зналъ это, какъ отче нашъ; но, подойдя къ картѣ, очутившись въ двухъ шагахъ отъ Державина, остолбенѣлъ, вперилъ въ него глаза и не могъ промолвить ни слова. Я не видѣлъ ни шитаго мундира, ни звѣздъ, ни ленты: я смотрѣлъ ему пристально въ глаза, и въ умѣ моемъ съ быстротою сонныхъ видѣній пролетали: Богъ, Фелица, Водопадъ, Рожденіе Порфиророднаго.

— Скажите положеніе и раздѣленіе древней Греціи, повторилъ учитель. Я посмотрѣлъ на него безсмысленно и опять обратилъ глаза на поэта.

— Древняя Греція, подсказывали мнѣ шепотомъ товарищи,— лежала въ Европѣ между 36-мъ и 41-мъ градусомъ сѣверной широты и 37-мъ...

— Знаю, отвѣчалъ я тихо и все смотрѣлъ на Державина.

Выведенный изъ терпѣнія, учитель вызвалъ другаго ученика, а я отступилъ въ сторону, ближе къ Державину. Директоръ, зная меня по экзаменамъ частнымъ, сказалъ ему что-то обо мнѣ, и Державинъ обратился ко мнѣ ласково.

— Это что? спросилъ онъ, указавъ на тетрадку, которую я держалъ въ рукѣ.

— Мои сочиненія, сказалъ я съ откровеннымъ самолюбіемъ юноши и подалъ ему. Онъ развернулъ тетрадку, прочиталъ нѣсколько стиховъ (помнится — преглупыхъ) и сказалъ, отдавая мнѣ:

— Это очень хорошо—продолжайте!

Вообразите себѣ восторгъ мой! Державинъ говорилъ со

мною, Державинъ читалъ мои стихи, Державинъ хвалилъ ихъ! Есть быстрыя минуты, имѣющія вліяніе на участь, дѣла и всю жизнь человѣка. Немногія слова Державина произвели во мнѣ волшебное дѣйствіе: мнѣ казалось, что онъ, какъ первосвященникъ въ храмѣ русской словесности, посвятилъ меня въ ея таинства, и что долгъ повелѣваетъ мнѣ въ точности слѣдовать его призыву.

Занявшись русскою словесностью, я познакомился съ нѣкоторыми тогдашними литераторами; но въ тѣсныхъ связяхъ въ то время былъ съ немногими. Въ числѣ сихъ немногихъ долженъ я наименовать Матвѣя Васильевича Крюковскаго, автора извѣстной всѣмъ патріотической трагедіи „Пожарскій". Я познакомился съ нимъ случайно. Въ 1806 году поселился я въ домѣ, бывшемъ генерала Леццано, на Мойкѣ, за Полицейскимъ мостомъ. Тамъ очутился я посреди разныхъ литературъ. Въ однѣхъ сѣняхъ со мною жилъ нѣмецкій юрисконсультъ и поэтъ, докторъ правъ Шмидеръ. Онъ былъ консулентомъ (адвокатомъ) при Юстицъ-Коллегіи по протестантскому отдѣленію, а въ прежнія времена служилъ театральнымъ поэтомъ при разныхъ германскихъ театрахъ. Въ званіи консулента, онъ былъ большой мастеръ разводить браки: за сто рублей онъ развелъ было Филимона и Бавкиду. Въ должности театральнаго поэта, онъ иногда урѣзывалъ и сокращалъ, иногда же пополнялъ нѣмецкія пьесы для представленія: извѣстно, что чѣмъ длиннѣе списокъ дѣйствующихъ лицъ на нѣмецкой афишѣ, тѣмъ болѣе стекается зрителей и что тотъ нѣмецъ не веселился въ театрѣ, у котораго не „слякошася кости" отъ засѣданія въ партерѣ съ семи часовъ вечера до часа утра. Сверхъ того, Шмидеръ перевелъ, и очень удачно, нѣсколько французскихъ водевилей. Познакомясь съ нимъ, я хотѣлъ было поучиться у него теоріи драматической поэзіи,— не тутъ-то было! Онъ былъ искусенъ въ одной практикѣ: пьесы раздѣлялъ на прибыльныя (Kassenstuecke) и невыгодныя: Шиканедера ставилъ выше Шиллера; о достоинствѣ актеровъ судилъ по сборамъ въ ихъ бе-

нефисы. Впрочемъ, и это знакомство было для меня не безъ пользы: Шмидеръ разочаровалъ мою вѣру въ безошибочность французскихъ трагиковъ; указалъ мнѣ сочиненія Лессинга и заставилъ уважать авторовъ, пренебрегавшихъ правилами трехъ единствъ. Но классическіе авторы Франціи имѣли при мнѣ представителя въ другомъ сосѣдѣ. Французскій трагическій актеръ Деглиньи, о которомъ, конечно, вспоминаютъ съ удовольствіемъ любители театра, жилъ въ нижнемъ этажѣ сосѣдняго дома, окнами въ нашъ садъ. Онъ декламировалъ съ утра до вечера, передъ открытымъ окномъ, монологи и сцены изъ лучшихъ французскихъ трагедій. Частенько, спрятавшись за кустомъ, я прислушивался къ его декламаціи и думалъ про себя: „что ни говори Шмидеръ, а, ей Богу, и это прекрасно!"

Шмидеръ учился у меня русскому языку. Въ одно утро, въ началѣ нашего знакомства, когда я выбился изъ силъ, толкуя ему что *б*, и что *п* (онъ называлъ ихъ пуки и бакой), вошелъ въ его комнату молодой человѣкъ пріятной наружности, одѣтый опрятно и со вкусомъ—не такъ, какъ прочіе посѣтители и кліенты доктора. Онъ пришелъ сообщить о непріятности, съ нимъ случившейся. Рукопись перевода его, который стоилъ ему большихъ трудовъ, была отправлена къ государю императору въ армію и какъ-то дорогою затерялась [1]). Неизвѣстный говорилъ (пофранцузски) о своемъ напрасномъ трудѣ, о несбывшейся надеждѣ, такъ скромно, мило и умно, что я почувствовалъ къ нему невольное влеченіе. И Шмидеръ обошелся съ нимъ учтивѣе обыкновеннаго и, по уходѣ его, объявилъ мнѣ, что этотъ молодой человѣкъ нашъ сосѣдъ, господинъ Крюковской, русскій литераторъ, умный и образованный. Я искалъ случая познакомиться съ Крюковскимъ и вскорѣ успѣлъ. Онъ проводилъ каждое утро въ саду—войдетъ, бывало, въ фуражкѣ, въ нанковомъ сюртучкѣ,

---

[1]) Впослѣдствіи она отыскалась. Это былъ переводъ сочиненія Гереншванда о политической экономіи.

въ зеленыхъ сапогахъ, съ большимъ краснымъ платкомъ на шеѣ, и ходитъ про себя по аллеямъ, иногда въ безмолвномъ мечтаніи, иногда декламируя въ полголоса стихи. Я узналъ и полюбилъ его. Никогда не случалось мнѣ видѣть (ни прежде, ни послѣ того) человѣка, который бы такъ совершенно жилъ въ мірѣ фантазіи, который бы такъ мало дорожилъ свѣтомъ, такъ мало задумывался при какомъ либо препятствіи—не литературномъ. Крюковской воспитанъ былъ въ Сухопутномъ (первомъ) Кадетскомъ Корпусѣ; говорилъ пофранцузски прекрасно, понѣмецки очень хорошо; порусски писалъ мастерски, но, увлекаемый мечтаніями, не могъ заниматься ничѣмъ основательно. Вставъ часовъ въ десять поутру, онъ отправлялся въ хорошую погоду въ садъ, въ дурную оставался въ своей комнатѣ и забавлялся чтеніемъ, размышленіемъ, сочиненіемъ стиховъ; потомъ одѣвался и уходилъ куда нибудь обѣдать. Въ шесть часовъ возвращался домой, свертывалъ мѣдный рубль и отправлялся въ театръ русскій, нѣмецкій или французскій. Тамъ онъ совершенно предавался удовольствію, возбуждаемому сценическими представленіями; забывалъ все, его окружающее, плакалъ и смѣялся, какъ въ своемъ кабинетѣ. Нерѣдко замѣчалъ я, сидя подлѣ него въ театрѣ, какъ сосѣдніе съ нами зрители удивлялись вниманію и чувствительности молодаго человѣка. Особенно заглядывались на него женщины—должно знать, что въ то время женщины, и порядочныя и прекрасныя, не считали неприличнымъ ходить въ партеръ. И онъ былъ неравнодушенъ къ такому вниманію. Достойно замѣчанія, что лучшее его произведеніе, „Пожарскій,“ обязано существованіемъ своимъ дѣйствію двухъ прекрасныхъ глазъ въ нѣмецкомъ театрѣ. Играли драму „Волшебница Сидонія“. Отличная актриса Миллеръ восхищала публику. Крюковской заливался слезами; я вторилъ ему. Вдругъ онъ какъ-то посмотрѣлъ въ сторону, и слезы остановились у него на рѣсницахъ. Глаза его встрѣтились съ глазами молодой красавицы, сидѣвшей въ ложѣ перваго яруса.

— Видите ли? спросилъ онъ, толкая меня.

— Вижу, отвѣчалъ я равнодушно,—а что?

— Какъ что! Эти глаза! Кто, кто, эта прекрасная дѣвица? Нельзя ли какъ нибудь узнать?

— Можно, и очень можно! отвѣчалъ я.

Вскорѣ нашелъ я въ партерѣ одного изъ тѣхъ людей, которыхъ можно назвать живыми адресъ-календарями; онъ объявилъ мнѣ, что эта дама есть дѣвица, дочь какого-то чиновника, изъ нѣмцевъ, что она въ театрѣ бываетъ рѣдко, но всякое воскресенье въ лютеранской церкви, на Литейной, сидитъ внизу, обыкновенно на шестой скамьѣ. Я сообщилъ открытіе это Крюковскому. Онъ воспользовался этимъ и сталъ ходить каждое воскресенье въ лютеранскую церковь; притаится бывало, на хорахъ и глазъ не сводитъ съ владычицы своей а она, бѣдненькая, и не догадывалась о своей побѣдѣ. Поэтъ довольствовался обожаніемъ идеальнымъ. Сердце, конечно, можно было насытить мечтами, но желудокъ требовалъ пищи вещественной. Родные и знакомые Крюковскаго, у которыхъ онъ обѣдывалъ, жили въ срединѣ города, и онъ не могъ поспѣвать къ нимъ по воскресеньямъ. Надлежало заводить знакомство на Литейной. Онъ нашелъ средство познакомиться съ Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ, который жилъ тогда въ своемъ домѣ, напротивъ церкви лютеранской. Въ бесѣдѣ съ этимъ почтеннымъ любителемъ словесности, онъ заговорилъ о своихъ опытахъ, принесъ и прочиталъ ему всю трагедію, едва набросанную; по совѣту Александра Семеновича, перемѣнилъ и исправилъ въ ней многое и при его же посредствѣ сдѣлался извѣстнымъ Александру Львовичу Нарышкину. Тогда была война съ французами. Русскія сердца кипѣли ревностью отстоять царей и троны Европы. „Дмитрій Донской“, Озерова, имѣлъ блистательный успѣхъ. Крюковской долго не рѣшался отдать на театръ свою трагедію, почитая ее слишкомъ слабою и ничтожною. Убѣжденія новыхъ знакомцевъ превозмогли его боязнь. „Пожарскаго“ съиграли въ маѣ 1807 года—и съиграли превосходно. Яковлевъ,

Шушеринъ, Каратыгина были въ ней неподражаемы. Маленькаго Георгія игралъ въ ней Сосницкій, тогда едва вышедшій изъ младенчества. Успѣхъ былъ совершенный. При поднятіи завѣсы, Крюковской исчезъ. Когда кончилась трагедія, публика стала единогласно требовать автора. Долго онъ не являлся. Громъ рукоплесканій и восклицанія не умолкали; наконецъ показался онъ въ директорской ложѣ. Я не узналъ его — такъ онъ былъ блѣденъ и разстроенъ. Его съ трудомъ доискались въ ложѣ четвертаго яруса, гдѣ онъ скрылся при началѣ спектакля, въ твердомъ увѣреніи, что трагедія его упадетъ. Я принималъ самое усердное участіе въ пьесѣ и въ самомъ авторѣ. Въ театрѣ не могъ я его видѣть; блистательное торжество доставило ему множество знакомыхъ, и я не успѣлъ пробиться до него сквозь толпу поздравителей. На другой день, часовъ въ двѣнадцать, пошелъ я къ нему, чтобы раздѣлить вчерашнюю радость. Вхожу въ комнату — нѣтъ никого, все пусто; вхожу въ другую, та же пустота — нѣтъ ни столовъ, ни зеркалъ, ни стульевъ. „Что же это значитъ?" подумалъ я: „не можетъ статься, чтобы онъ выѣхалъ; вчера провелъ я у него утро".

— Кто тамъ?—раздался знакомый голосъ изъ-за перегородки.

— Я, Матвѣй Васильевичъ! Да гдѣ вы?

— Извините, еще не вставалъ. Войдите покамѣсть сюда.

Я прошелъ за перегородку и увидѣлъ моего поэта въ постелѣ. И спальня опустѣла: въ ней были только кровать его и маленькій столикъ.

— Садитесь, пожалуйста, на кровать, сказалъ онъ мнѣ, смѣючись.—На сей разъ другихъ креселъ у меня нѣтъ.

Я послѣдовалъ приглашенію, сталъ поздравлять его со вчерашнимъ успѣхомъ, и между нами завязался жаркій разговоръ о любимомъ предметѣ. Крюковской былъ внѣ себя отъ восхищенія.

— Что же вы не замѣчаете преобразованія въ моей квартирѣ? спросилъ онъ наконецъ очень весело.

— Вы видно выѣзжаете? сказалъ я печально, думая, что лишусь любезнаго сосѣда.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ,— я остаюсь здѣсь; только освободился отъ лишнихъ мебелей.

— Какъ такъ!

— Я продалъ ихъ сегодня, мнѣ надобенъ новый фракъ; я обѣдаю у Александра Львовича Нарышкина, а костюмъ мой уже очень поблекъ.

— Помилуйте, сказалъ я, — можно ли такъ поступать? Вы могли бы занять деньги, до полученія платы за вашу трагедію изъ дирекціи.

— Занять! Занять! Да у кого? Ужъ мнѣ эта трагедія!

— Но на трагедію вы не можете жаловаться!

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ потрудитесь вынуть изъ этого столика бумагу и прочитайте.

Это было извѣщеніе начальства Комиссіи составленія законовъ, что переводчикъ Крюковской, за долговременную неявку къ должности, исключается изъ службы.

— Да это ужасно! сказалъ я.

— Что дѣлать! отвѣчалъ безпечный поэтъ. — Я сказался больнымъ, чтобы работать свободнѣе дома. Чрезъ нѣсколько времени мнѣ напомнили, что пора выздоровѣть. Явиться къ должности — значило бы признаться, что болѣзнь моя была выдумана. Я не пошелъ, и вотъ послѣдствіе.

— Надѣюсь, однако, что ваши труды литературные будутъ хорошо вознаграждены.

— Да! мнѣ проговаривали что-то о деньгахъ. А главное то, что мнѣ даютъ даровой билетъ въ партеръ. Теперь мѣдный рубль не будетъ у меня оттягивать кармана.

Въ это время постучались у дверей. „Entrez!“ (Войдите!) закричалъ Крюковской. Явился молодой портной Фанденбергенъ съ новою парою платья.

Чрезъ нѣсколько времени дѣла моего пріятеля поправились. Онъ получилъ хорошее вознагражденіе за трагедію. Государь, принявъ ее милостиво, приказалъ спросить у ав-

тора, чѣмъ можно было бы его порадовать. Крюковской съ робостью отвѣчалъ, что онъ желалъ бы усовершенствовать свои познанія и талантъ въ средоточіи драматическаго искусства, въ Парижѣ. Желаніе его было исполнено; ему назначили хорошее содержаніе и отправили его въ Парижъ. Тамъ онъ предался всею душою наслажденіямъ литературы и драматическаго искусства; изучалъ великіе образцы, готовилъ въ себѣ запасъ новыхъ идей, но ничего не успѣлъ положить на бумагу. Къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ тамъ руководителей, слушателей, друзей. Воля ваша, а талантъ требуетъ сообщенія, требуетъ участія другихъ. Крюковской, пробывъ года два въ Парижѣ, воротился въ Петербургъ, съ чѣмъ поѣхалъ: съ душою, истинно поэтическою, способною постигнуть и передать все прекрасное, но безъ твердости и рѣшительности въ волѣ и характерѣ. Я увѣренъ, что и „Пожарскій" никогда не былъ бы конченъ безъ случайныхъ, благопріятныхъ обстоятельствъ. Къ несчастію, Крюковской, послѣ блистательнаго успѣха своего, познакомился съ односторонними судьями драматическаго искусства, которые, подъ видомъ благонамѣренныхъ совѣтниковъ, преподаютъ молодымъ писателямъ правила, стѣснительныя для генія, убійственныя для таланта. Они осуждали въ „Пожарскомъ" всѣ тѣ сцены, которыя замѣчательны дѣйствіемъ и положеніемъ лицъ, а хвалили одни стихи — именно то, чѣмъ авторъ не могъ похвастаться. Если бы Крюковской жилъ и писалъ нынѣ, когда всѣ школьныя и закулисныя правила оцѣнены надлежащимъ образомъ, когда вѣрное изображеніе природы человѣка предпочитается размѣреннымъ тирадамъ героевъ и тирановъ — онъ попалъ бы на свою стезю. А въ то время поэтической нерѣшительности и литературнаго смѣшенія языковъ, принужденъ онъ былъ безпрерывно бороться съ противорѣчіями. Я рѣдко видалъ людей съ такими высокими и изящными чувствами и такимъ высокимъ и изящнымъ понятіемъ о любви, какія одушевляли Крюковского, — и онъ написалъ трагедію, въ коей о любви не упоминается. Клопштокъ, Шиллеръ, Гёте были его обык-

новеннымъ чтеніемъ; Шекспиръ извлекалъ у него въ театрѣ непритворныя слезы, — а его осудили низать риѳмы и трепетать о соблюденіи единствъ, вслѣдствіе небывалаго указа Аристотелева. Удивительно ли, послѣ этого, что вторая трагедія его, „Елисавета, дочь Ярослава", слаба и несвязна. Онъ намѣревался было написать трагедію „Сафо", изобразить всѣ наслажденія и мученія любви. Вѣроятно, героиня поэта уже существовала въ его воображеніи; вѣроятно, она облечена была всѣми красотами поэзіи, но прелестный призракъ никогда не осуществлялся и улетѣлъ съ душою поэта.

Крюковской, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи изъ Франціи, занемогъ, и послѣ продолжительной болѣзни скончался (въ 1811 году) на тридцатомъ году отъ рожденія, оставивъ отечественной публикѣ залогомъ своего патріотизма и таланта одну трагедію, а въ памяти родныхъ, друзей и знавшихъ его — убѣжденіе, что онъ, при благопріятномъ направленіи своихъ способностей, могъ бы обогатить и прославить русскую словесность.

Готовясь, по обыкновенію, поставить подъ этою статьею мѣсяцъ и число, я затрепеталъ невольно: 29-го сентября 1832 года. Ровно за шестнадцать лѣтъ предъ симъ, 29-го сентября 1816 года, скончался другой русскій литераторъ, искренній другъ мой, незабвенный умомъ, талантами, образованіемъ — Павелъ Александровичъ Никольскій. (Здѣсь могу я говорить о немъ только какъ о литераторѣ). Вы спросите: что же онъ сдѣлалъ важнаго? чѣмъ прославился въ свое время? что оставилъ потомству? — Спросите у юнаго дуба, сокрушеннаго бурею, зачѣмъ онъ не раскинулъ вѣтвей своихъ по долинѣ! Спросите у солнца, на восходѣ помраченнаго тучами, зачѣмъ оно не оживляло земли своими лучами? Никольскій умеръ двадцати пяти лѣтъ отъ роду. Онъ готовился къ службѣ по горной части, учился въ Горномъ Корпусѣ очень хорошо, но не могъ заниматься исключительно науками точными и естественными. Мельпомена улыбнулась ему въ часъ рожденія: литература, поэзія, исторія увлекали воображеніе и умъ юноши.

Онъ оставилъ горную службу и вступилъ въ гражданскую, посвящая всѣ свои досуги трудамъ литературнымъ. Въ пылкія лѣта юности, когда всякая удачная попытка намъ кажется блистательнымъ успѣхомъ, когда мы поставляемъ главную цѣль занятій словесностью не въ томъ, чтобы писать, а чтобы печатать, — молодой Никольскій ревностно занялся литературою практическою, участвовалъ въ изданіи журналовъ „Цвѣтникъ", „Санктпетербургскій Вѣстникъ", сталъ издавать „Пантеонъ русской поэзіи", переводилъ повѣсти и романы. Другой, на его мѣстѣ, продолжалъ бы эти занятія и оставилъ бы лѣтъ чрезъ пятьдесятъ память писателя трудолюбиваго и общеполезнаго. Но Никольскому этого было недовольно: съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ признался онъ самому себѣ, что не имѣетъ еще тѣхъ познаній и навыковъ, которые нужны для истиннаго литератора; бросилъ дѣйствительныя занятія и углубился въ ученіе. Литература древняя и новая, эстетика и теорія словесности сдѣлались предметомъ его ученія и изысканій. Смерть положила всему предѣлъ. Воспоминаніе о человѣкѣ обыкновенномъ тускнетъ въ душѣ нашей по мѣрѣ удаленія отъ насъ времени его кончины. Но утраченные міромъ люди отличные становятся намъ дороже и дороже, по мѣрѣ того, какъ мы на пути жизни удаляемся отъ времени, которое они украшали для насъ своимъ существованіемъ, по мѣрѣ того, какъ мы, узнавая людей, убѣждаемся, что нѣтъ подобнаго потерянному другу. Словесность наша въ истекшія шестнадцать лѣтъ чувствительно возвысилась и обогатилась не только числомъ, но и зрѣлостью производителей и произведеній. Съ каждымъ днемъ узнаемъ мы о новыхъ явленіяхъ въ литературѣ; съ каждымъ днемъ наши писатели обогащаютъ ее примѣрами и образцами; но повѣрите ли? — все новое, все прекрасное въ нынѣшнихъ произведеніяхъ, въ нынѣшнихъ понятіяхъ, кажется мнѣ знакомымъ и бывалымъ! Когда вспомню о Никольскомъ, о смѣлыхъ, здравыхъ и свободныхъ отъ всякаго предразсудка мысляхъ его въ литературѣ; когда приведу себѣ на память его сужде-

нія о писателяхъ, тогда намъ современныхъ, а нынѣ выслушивающихъ приговоръ потомства: — тогда мнѣ кажется, что нынѣшніе лучи проистекли отъ искры, таившейся въ душѣ этого необыкновеннаго юноши. Не знаю, былъ ли бы онъ самъ производителемъ, но увѣренъ, что русская литература имѣла бы въ немъ нынѣ своего Джонсона, Лессинга, Шлегеля; что его ясный, критическій, безпристрастный умъ былъ бы лучезарнымъ свѣтиломъ въ тусклой храминѣ нашей словесности.

Неисповѣдимая судьба человѣческая! Писатели, трепетавшіе рѣзкаго взгляда и насмѣшливой улыбки Никольскаго, нынѣ красуются и тщеславятся, — а онъ...

Принцъ де-Линь, помнится, сказалъ Великой Екатеринѣ: „Если бы вы родились мужчиною, то, конечно, дослужились бы до фельдмаршала“. — „Не думаю, отвѣчала она; меня убили бы въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ“.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Тяжкое время послѣ Тильзитскаго мира.—Ожиданіе войны.—Клястицкое сраженіе.—Скромность князя А. И. Горчакова,—Рьяный патріотъ.—Доброжелатели и зложелатели.—Гласъ народа.—Лекціи въ Петровской школѣ.—Письмо Александра Греча.—Александровъ день и день коронаціи.—Встрѣча народомъ государя. — Оставленіе Москвы. — „Гласъ Истины". — Начало журнала „Сынъ Отечества".—С. С. Уваровъ и участіе въ немъ.—Стихи Кованько.—Тысяча рублей, данная кстати.

Мы усердно занимались изданіемъ „Санктпетербургскаго Вѣстника". Мирные труды наши прерваны были грозою, разразившеюся надъ Россіею. Многіе изъ членовъ нашего общества выѣхали изъ Петербурга, нѣкоторые вступили въ военную службу, въ армію, въ ополченіе. И остальнымъ было не до литературы. Общество чувствовало опасности; возвышенное ощущеніе благороднѣйшихъ движеній любви къ государю и отечеству волновало всѣ сердца. Но это не былъ страхъ. Мы отнюдь не ужаснулись нашествія Наполеонова; ни мало имъ не изумились. Оно давно уже было предвидѣно, предсказано и ожидалось со дня на день. Особы, посвященныя въ тайны кабинетовъ, утверждали, что, вѣроятно, все кончится миролюбиво, что нѣтъ никакихъ ясныхъ примѣтъ скораго начатія войны. Но публика судила и видѣла иначе, видѣла правду, которой до времени нельзя было возгласить во всеуслышаніе. Тяжкое время прожили мы отъ тильзит-

скаго мира до разрыва 1812 года! Россія не была покорена врагомъ, не повиновалась ему формально, но и союзъ съ властолюбивымъ завоевателемъ былъ уже нѣкотораго рода порабощеніемъ. Земля наша была свободна, но отяжелѣлъ воздухъ; мы ходили на волѣ, но не могли дышать. Ненависть къ французамъ возрастала по часамъ. А должно сказать, что послы Наполеона, Коленкуръ и Лористонъ, усердно содѣйствовали къ ея распространенію своею гордостью, дерзостью, тѣмъ, что называется пофранцузски arrogance. Къ довершенію горестнаго нашего чувства, мы видѣли страданія государя. Онъ употреблялъ всѣ средства, какія только были совмѣстны съ честью его сана и съ величіемъ Россіи, для сохраненія мира съ тѣмъ, для котораго всѣ трактаты и условія были только предлогомъ новыхъ войнъ, который не зналъ предѣловъ своему властолюбію и всякую мысль о независимости иныхъ державъ считалъ преступленіемъ. Мы имѣемъ исторію политическихъ сношеній того времени, написанную Биньономъ умно, краснорѣчиво, искусно. Но справедливо ли? сообразно ли съ истиною и съ существомъ дѣла? Биньонъ хвалится тѣмъ, что основываетъ свое описаніе на подлинныхъ дипломатическихъ актахъ. Это то же, что писать исторію войны, основываясь на реляціяхъ. Къ тому же, лучшія изъ тогдашнихъ дипломатическихъ бумагъ были написаны министромъ, который утверждалъ, что слово дано человѣку для сокрытія его мыслей. Вѣсть о начатіи войны подѣйствовала на всѣхъ, какъ живительный дождь послѣ продолжительнаго зноя; нѣтъ нужды, что онъ и предвѣщаетъ жестокую бурю. Ждали извѣстія о сраженіи на границѣ — его не было. Арміи наши начали отступать. Этотъ образъ веденія войны, чуждый нетерпѣливому русскому нраву, возбудилъ общія опасенія и даже негодованіе. Тщетно люди дальновидные утверждали противное. Да такъ и сдадутъ Москву! вопили въ публикѣ и едва ли не обвиняли главнокомандующаго въ измѣнѣ: онъ въ безмолвіи и сознаніи собственной совѣсти, понесъ на себѣ всю тяжесть общаго мнѣнія. Клястицкое сраженіе оживило

сердца радостью и надеждою. Не знаю, какую цѣну даютъ этой побѣдѣ въ стратегическомъ отношеніи, но въ политическомъ, въ нравственномъ, она имѣла самыя благодѣтельныя послѣдствія, и недаромъ гласъ народа нарекъ графа Витгенштейна „спасителемъ Петрова града". Эта побѣда показала намъ, то есть массѣ публики, что самый благородный духъ и твердая надежда одушевляютъ нашу армію; что наши воины знаютъ, что́ дѣлаютъ, и успѣшно могутъ состязаться съ французами. Эта увѣренность много способствовала къ поддержанію бодрости и мужества во всѣхъ сословіяхъ народа: дѣло не послѣднее. И всѣ принимали въ томъ искреннее участіе. Нѣкто изъ охотниковъ польстить и подслужиться замѣтилъ тогдашнему военному министру, князю Алексѣю Ивановичу Горчакову, что пожалованіемъ графу Витгенштейну александровской ленты обошли его, старшаго.—„Ахъ, если бы меня всегда такъ обходили!" воскликнулъ онъ съ благороднымъ чувствомъ справедливости и скромности.

Одинъ бѣдный чиновникъ, подгулявъ на радости съ пріятелями по случаю пораженія враговъ, шелъ, пошатываясь и попѣвая, по иллюминованному Адмиралтейскому бульвару. Къ нему подошелъ какой-то иностранецъ и спросилъ учтиво: „позвольте узнать, по какому случаю городъ сегодня иллюминованъ?" Это взорвало нашего патріота.—„Ахъ ты, заморская тварь, измѣнникъ, шпіонъ! Вотъ по какому случаю!" закричалъ онъ и отвѣсилъ нескромному вопрошателю добрую пощечину. Поднялся шумъ; забіяку схватили и представили въ часть.

— Какъ вы смѣете драться? спросилъ приставъ: — и можно ли бить иностранца за то, что онъ васъ спрашиваетъ?

— Виноватъ, отвѣчалъ подъячій, — но я ударилъ бы и ваше высокоблагородіе, если бы вы спросили о причинѣ нынѣшней иллюминаціи.

Добрый приставъ успокоилъ нѣмца синенькою бумажкою, а рьянаго патріота отпустилъ съ увѣщаніемъ не слишкомъ увлекаться чувствомъ народной гордости. Многіе порицали

въ то время наше правительство, что оно выслало нѣсколькихъ подозрительныхъ иностранцевъ, разглашавшихъ вредныя вѣсти, но оно поступило въ этомъ случаѣ справедливо и умно, хотя бы въ острастку оставшимся. Невѣроятно съ какою быстротою и скоростью разглашались у насъ дурныя вѣсти. Я посѣщалъ въ тѣ времена Бюргеръ-клубъ или Гражданское собраніе, бывшее въ домѣ Щербакова, насупротивъ Адмиралтейства. Тамъ собирались чиновники, купцы, художники, ремесленники и тому подобные люди средняго званія русскіе и иностранцы, и сообщали другъ другу все, что слышали и узнавали. Всѣ они были оживлены искреннею любовію къ государю и Россіи; всѣ встрѣчали каждую добрую вѣсть съ восторгами и радостными слезами. Но въ семьѣ не безъ урода. Въ клубѣ были и приверженцы Бонапарте, французы, эльзасцы, швейцарцы. Когда мы, бывало, радуемся хорошимъ вѣстямъ и громко ихъ передаемъ другъ другу, они посматриваютъ на насъ косо и съ злобною насмѣшкою. Радуйтесь! веселитесь! давали они намъ знать, а скоро вамъ карачунъ будетъ. Когда же приходили новости неблагопріятныя, а они узнавали, не вѣсть какимъ путемъ, гораздо ранѣе насъ, даже иногда ранѣе правительства, наши супостаты поднимали головы, пили шампанское съ безмолвными тостами и смотрѣли на русскихъ и приверженцевъ Россіи съ торжествомъ и презрѣніемъ. Лишь только получались несомнѣнныя извѣстія о торжествѣ русскихъ, зловѣщія заморскія птицы прятались по угламъ. На вопросъ: все ли въ добромъ здоровьѣ? эти господа отвѣчали вздохами и оханьемъ. Я могъ бы разсказать много любопытныхъ анекдотовъ о томъ времени, но — кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Все это было до милостиваго манифеста 1814 года.

И между благонамѣренными, истинно преданными отечеству людьми господствовали неодинаковыя мнѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ считали эту войну обыкновеннымъ рѣшеніемъ спора между двумя державами, который могъ кончиться для насъ, если не съ блистательнымъ успѣхомъ, то и безъ важныхъ

потерь. Но большая часть, не ученая, не теоретическая, не дипломатическая, видѣла этотъ исполинскій бой въ точномъ его значеніи; видѣла, что дѣло идетъ о существованіи Россіи, что ненасытный властолюбецъ не успокоится, доколѣ не сокрушитъ грозной своей соперницы на сушѣ, чтобы потомъ, съ бо̀льшимъ усиліемъ, двинуться на морскихъ своихъ враговъ. Въ этомъ случаѣ гласъ народа совершенно понималъ государь, и происшествія оправдали справедливость сего мнѣнія.

Время текло и извѣстія изъ арміи смѣнялись одни другими. Взятіе Тормазовымъ Кобрина было свѣтлымъ лучемъ въ этой бурной мглѣ. Арміи наши соединились въ Смоленскѣ, но вскорѣ оставили и этотъ древній оплотъ русскаго царства. Сердца бились трепетнымъ ожиданіемъ, но не унывали; общая радость, твердая надежда на спасеніе отечества запылали повсюду, когда назначенъ былъ въ главнокомандующіе арміею князь Голенищевъ-Кутузовъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до того заключившій достославный миръ съ турками, въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ отправился къ арміи, сопровождаемый общими, искренними желаніями.

Но я увлекаюсь общими и важными происшествіями, забывая, что пишу записки о собственной своей жизни, что не только имѣю право, но и обязанъ говорить о себѣ. Впрочемъ, удивительно ли, что я въ эту эпоху моей жизни забываю о самомъ себѣ? Тогда никто себя не помнилъ. Я принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, съ самаго начала этой грозной войны, если не поняли, то внутреннимъ чутьемъ ощутили ея важность; я не помнилъ, не зналъ ничего болѣе, кромѣ того, что намъ должно побѣдить или пасть съ честью. Семейственныя обязанности удержали меня отъ принятія дѣятельнаго участія въ великомъ дѣлѣ того времени, но всѣ помышленія, всѣ движенія души и сердца моего были посвящены успѣху правоты и чести надъ неправдою и наглостью. Лекціи словесности, которую я преподавалъ въ Петровской школѣ, превратились у меня въ уроки исторіи и политики. Этимъ я нажилъ и искренниихъ друзей, и заклятыхъ враговъ:

я рубилъ, что называется, съ плеча, не смотря, куда падаютъ удары. Товарищи мои были люди благонамѣренные и почтенные, но, по большей части, или иностранцы, или недворянскіе уроженцы нѣмецкихъ провинцій Россіи; они не постигали, что значитъ ненависть къ чужеземному владычеству, не постигали, что невозможно присягнуть кому нибудь, кромѣ русскаго императора. Они любили Россію, какъ мы любимъ домъ, въ которомъ живемъ нѣсколько лѣтъ по найму: въ случаѣ пожара станемъ усердно отстаивать, но потомъ спокойно переѣдемъ на другую квартиру [1]). Они дивились моему изступленію и сердились на мои выходки, въ которыхъ доставалось и Рейнскому союзу. Участіе, которое я принималъ въ ходѣ тогдашнихъ дѣлъ, имѣло и личную причину: Братъ мой, Александръ, служилъ въ арміи: онъ былъ поручикомъ въ 3-й артиллерійской бригадѣ полковника Глухова, при которой находился, послѣ потери Смоленска, образъ Богородицы Смоленской.—8-го августа писалъ онъ ко мнѣ: „Сраженіе при Смоленскѣ было кровопролитное и ужасное. Подлѣ меня убитъ другъ мой, Ольхинъ. Чувствую, что не переживу другаго сраженія. Ты спрашиваешь, не нужно ли мнѣ чего нибудь. Пришли, сдѣлай милость, хорошую зрительную трубку, чтобы я могъ лучше различать непріятеля и наводить орудія. Умру—но умру, какъ истинный сынъ отечества!“

Послѣднимъ свѣтлымъ днемъ того лѣта былъ Александровъ день. Сверстники мои, конечно, вспоминаютъ, что въ этотъ день, который Россія двадцать пять лѣтъ праздновала съ восторгомъ и ликованіемъ, рѣдко бывала дурная погода,

---

[1]) Въ 1838 году, въ Парижѣ, въ большой компаніи, одинъ французъ, умный и образованный, спросилъ меня, точно ли мы любимъ государя, и отчего происходитъ эта безусловная любовь къ нему, о которой они, французы, не могутъ составить себѣ понятія. Я отвѣчалъ ему: „мы любимъ нашего государя, какъ даннаго самимъ Богомъ отца, который самъ любитъ насъ искренно и безусловно. Вы же смотрите на вашего короля, какъ на опекуна, отъ власти котораго, считая себя совершеннолѣтними, стараетесь освободиться какъ можно скорѣе“.

несмотря на близость его къ 1-му сентября. Въ 1812 году погода стояла самая ясная, лѣтняя. Разряженныя толпы двинулись въ Невскій монастырь за крестнымъ ходомъ. Къ обѣднѣ пріѣхалъ государь со всею императорскою фамиліею. Въ то же время распространилась вѣсть о побѣдѣ, одержанной при Бородинѣ. Военный министръ прочиталъ донесеніе главнокомандующаго, но немногіе могли его разслышать. Печатной реляціи еще не было, а изустная молва преувеличила побѣду, какъ прежде она преувеличивала потери. Многіе слышали отъ вѣрныхъ людей, что въ сраженіи убито сорокъ тысячъ французовъ, въ томъ числѣ маршалы Даву и Ней, и взято въ плѣнъ тридцать тысячъ, и т. д. Можно вообразить себѣ радость и ликованіе всей публики! Взоры всѣхъ обращались на государя, который молился съ искреннимъ благоговѣніемъ. Хотѣли прочесть въ глазахъ его радостную новость, и, дѣйствительно, замѣчали, что онъ казался веселѣе и спокойнѣе, нежели въ предшествовавшіе дни. Громкіе, усердные клики сопровождали его, когда онъ, послѣ завтрака у митрополита, уѣзжалъ изъ лавры. Весь Невскій проспектъ покрытъ былъ гуляющими, празднующими. Всѣ предавались усладительной надеждѣ.

Обнародованіе реляціи на другой день охладило пылкія ожиданія, но не совсѣмъ ихъ истребило. Затѣмъ наступило безмолвіе; небо покрылось темными тучами; какая-то тяжесть налегла на сердца. Грозныя вѣсти, какъ привидѣнія, носились надъ головами. Никто не смѣлъ спросить другаго; всякъ боялся отвѣта. Наконецъ разразилось зловѣщее облако громовымъ гласомъ: „Москва взята!“ Мертвое оцѣпенѣніе послѣдовало за симъ ударомъ. Помните ли вы это время, мои сверстники! Время тяжелое, мучительное, но высокое, расширявшее душу, воскрылявшее мысль нашу къ престолу Подателя всѣхъ благъ, дотолѣ миловавшаго нашу любезную Россію. Чрезъ двѣ недѣли послѣ Александрова дня, наступилъ другой царскій праздникъ, день коронованія государя (15-го сентября). Молебствіе было въ Казанскомъ соборѣ. По окончаніи его,

государь вышелъ съ императрицами и цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ изъ церкви и сѣлъ съ ними въ карету. Онъ былъ блѣденъ, задумчивъ, но не смущенъ; казался печаленъ, но твердъ. Площадь была покрыта народомъ. Карета тихо двинулась. Государь и государыни кланялись въ обѣ стороны съ привѣтливою улыбкою довѣрія и любви. Народъ не произносилъ тѣхъ громкихъ криковъ, которыми обыкновенно привѣтствовалъ въ торжественные дни возлюбленнаго монарха; всѣ, въ благоговѣйномъ безмолвіи передъ великою горестью русскаго царя, низко кланялись ему, не устами, а сердцами и взорами выражая ему свою любовь, преданность и искреннюю надежду, что Богъ не оставитъ своею помощью вѣрнаго ему русскаго народа и православнаго царя....

Изданное тогда объявленіе объ оставленіи Москвы написано было съ глубокимъ чувствомъ, написано языкомъ, доступнымъ уму и сердцу русскихъ. Мы видѣли, что государь не унывалъ, что онъ увѣренъ въ спасеніи отечества и самой Европы, что онъ не скрываетъ отъ насъ опасности настоящей, а въ будущемъ полагаетъ надежду на правоту своего дѣла и на милосердіе Божіе. Между тѣмъ, принимаемы были мѣры предосторожности. Изъ С.-Петербурга стали вывозить нѣкоторые институты, драгоцѣнности, архивы... Петербургскія газеты и „Сѣверная Почта“ сдѣлались единственнымъ нашимъ чтеніемъ; но это были газеты серьезныя, оффиціальныя, въ которыхъ нельзя было разыграться вволю, а дурныя вѣсти такъ и томили насъ со всѣхъ сторонъ. Злодѣи наши торжествовали. Сердце у меня кипѣло. Что бы, думалъ я, теперь затѣять русскій журналъ, въ которомъ бы чувства, помыслы и надежды Россіи нашли вѣрный отголосокъ, который бы, словами чести и правды, заставилъ молчать глупцовъ и злонамѣренныхъ! Но какъ за это взяться? Я былъ тогда бѣднымъ учителемъ въ Петровской школѣ, имѣлъ еще два неважныя мѣста, всего въ годъ на тысячу двѣсти рублей съ квартирою. Связей и знакомствъ у меня не было почти никакихъ. Былъ у меня одинъ благотворитель, бывшій началь-

никъ Юнкерскаго института, въ которомъ я воспитывался, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, но я не смѣлъ посѣщать его, боясь безпокоить его въ великомъ горѣ, которое его постигло: одинъ изъ его сыновей, за полгода выпущенныхъ офицерами въ Семеновскій полкъ, былъ при Бородинѣ убитъ; другой, до безпамятства оконтуженный, также считался между мертвыми. О своемъ братѣ не имѣлъ я извѣстій; зналъ только, что онъ раненъ въ той же битвѣ.

Около 20-го сентября пріѣхалъ ко мнѣ тогдашній начальникъ мой, Иванъ Осиповичъ Тимковскій, человѣкъ самый благородный и добрый, которому я многимъ въ жизни обязанъ, и привезъ рукописное нѣмецкое сочиненіе Э. М. Арндта: „Гласъ Истины", въ которомъ излагалось плачевное состояніе Европы и предвѣщалось скорое ея освобожденіе. Эта статья написана была совершенно въ тогдашнемъ нашемъ духѣ, и для нашего расположенія, слогомъ восторженнымъ и даже немного напыщеннымъ, но намъ тогда было не до простоты. „Эту статью, сказалъ Иванъ Осиповичъ, — сообщилъ мнѣ Сергѣй Семеновичъ (Уваровъ, нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія, тогдашній попечитель Санктпетербургскаго учебнаго округа), чтобы я отдалъ ее кому нибудь для перевода. Я назвалъ васъ, и его превосходительство проситъ васъ перевесть какъ можно скорѣе и доставить ему". Я съ жадностью бросился за эту работу, просидѣлъ надъ нею ночь; другой день провелъ въ должности и вечеромъ отнесъ бумагу къ Сергѣю Семеновичу. Иванъ Осиповичъ былъ тамъ. Переводъ мой, сдѣланный со всеусердіемъ, въ полномъ чувствѣ того, что должно было выразить, имъ понравился. Иванъ Осиповичъ, бывшій цензоромъ, тутъ же подписалъ на немъ одобреніе къ печати.

— Но гдѣ бы это напечатать? спросилъ Сергѣй Семеновичъ.

— Напечатать особою книжкою, сказалъ Иванъ Осиповичъ:—политическіе журналы и даже политическія статьи въ журналахъ у насъ воспрещены.

— Но теперь обстоятельства перемѣнились, и государь непремѣнно позволитъ. Если бы только найти редактора...

— Его искать недалеко, прибавилъ Иванъ Осиповичъ, посмотрѣвъ на меня.

— Вы соглашаетесь? спросилъ Сергѣй Семеновичъ...

Я отвѣчалъ съ восторгомъ, что почту это занятіе верховнымъ благомъ въ жизни.

— Надобно бы написать программу.

— Сію же минуту, сказалъ я, садясь за столъ.

— Какъ бы назвать журналъ?

Слова изъ письма моего брата мелькнули у меня въ умѣ:

— „Сынъ Отечества“, произнесъ я медленно и запинаясь.

— Прекрасно! сказалъ Сергѣй Семеновичъ, — пишите!

Не было трудно написать то, что давно зрѣло у меня въ головѣ. Сергѣй Семеновичъ прочиталъ программу, сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя перемѣны и сказалъ, что доложитъ министру.

На другой день напечаталъ я „Гласъ Истины“ и пустилъ въ публику, по скромной цѣнѣ, по рублю мѣдью. Передняя моя была безпрестанно наполнена покупателями. Но я не думалъ о денежныхъ барышахъ. Это приносило мнѣ удовольствіе, потому что радовало и утѣшало моихъ домашнихъ, которые все еще думали, что придется бѣжать изъ Петербурга. Прошла недѣля и я не слышалъ объ успѣхѣ моего плана. Однажды прихожу домой изъ классовъ и вижу въ передней у себя министерскаго курьера.

— Пожалуйте къ графу Алексѣю Кирилловичу [1]), сказалъ онъ мнѣ,—пожалуйте сію же минуту: онъ васъ ожидаетъ.

Я поспѣшилъ пріодѣться и отправился къ министру. Графъ принялъ меня очень ласково и объявилъ, что государь изволилъ утвердить мой проектъ журнала. Я поклонился.

---

[1]) Графу А. К. Разумовскому, тогдашнему министру Народнаго Просвѣщенія.

— Что вы полагаете напечатать въ первой книжкѣ? спросилъ графъ. Я не ожидалъ этого вопроса и отвѣчалъ:

— Журналы начинаются съ января; до того времени можно придумать.

— Какъ! возразилъ графъ. — Я думалъ, что вы начнете теперь же. Государь, по моимъ словамъ, ожидаетъ первой книжки на будущей недѣлѣ. Съ этими словами онъ посмотрѣлъ на меня въ недоумѣніи.

— Если такъ, отвѣчалъ я, — то книжка будетъ готова, и началъ вытаскивать изъ кармановъ рукописи, съ которыми возился въ то время съ утра до ночи. Напечатаю „Гласъ Истины"; потомъ извлеченіе изъ испанскихъ извѣстій; потомъ вотъ эти стихи. — Какіе? спросилъ графъ. Я прочиталъ ихъ, графъ смѣялся, слушая ихъ, одобрилъ все и отпустилъ меня очень привѣтливо. Какіе были эти стихи? спросите вы. Ихъ сочинилъ покойный Иванъ Аѳанасьевичъ Кованько, лишь только пришло извѣстіе о взятіи Москвы. Они оканчивались слѣдующимъ куплетомъ:

Побывать въ столицѣ — слава,
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать.

Эти стихи повлекли съ самаго начала гоненія на „Сына Отечества". Паркетные умники утверждали, что нехорошо хвастать такъ безстыдно и хвалиться несбыточными мечтаніями. Они не видѣли, что не должно хвастать въ счастьѣ, а ободрять духъ народа въ бѣдѣ можно всѣми способами, только не ложью и не обманомъ. Впрочемъ, Провидѣніе чрезъ полтора года оправдало это предвидѣніе русскаго сердца.

Отъ графа поѣхалъ я въ бумажную лавку Алексѣя Алексѣевича Завѣтнаго и взялъ въ долгъ бумаги на триста рублей, и потомъ завернулъ къ содержателю типографіи Іоаннесову, съ запросомъ, рѣшается ли онъ печатать журналъ въ ожиданіи будущихъ благъ. Онъ согласился. Дома нашелъ

я посланнаго отъ Алексѣя Николаевича Оленина, который приглашалъ меня къ себѣ немедленно. Я отправился къ нему. Онъ уже зналъ о позволенiи государя и сообщилъ мнѣ разные матерiалы для „Сына Отечества".

— Да получили ли вы что нибудь для начатія журнала? спросилъ онъ.

— Не получалъ, отвѣчалъ я,—да мнѣ и не нужно. Надѣюсь, что печатанiе и бумага окупятся.

— Оно такъ, отвѣчалъ Алексѣй Николаевичъ: — да все же съ деньгами начинать лучше. Я постараюсь.

Оттуда поѣхалъ я къ Сергѣю Семеновичу Уварову благодарить его за предстательство и былъ принятъ имъ съ предупредительностью и ласкою, которыя совершенно ободряли меня къ начатiю труда, едва ли бывшаго мнѣ по силамъ. Дотолѣ бродилъ я какъ въ чаду, а когда принялся за дѣло, увидѣлъ, что оно не такъ-то легко; но благосклонное пособiе, совѣты, указанiя и поощренiя почтенныхъ начальниковъ моихъ уравняли передо мною шероховатый путь скоротечнаго вѣстника, и я работалъ усердно, съ увѣренностью въ важности моего дѣла и съ надеждою на успѣхъ. За два дня до выхода въ свѣтъ первой книжки, получилъ я увѣдомленiе, что государь императоръ, по докладу А. Н. Оленина, который рекомендовалъ ему меня, какъ своего воспитанника, пожаловалъ мнѣ, на первые расходы по изданiю, тысячу рублей. Тогда это было для меня важнѣе, нежели впослѣдствiи десять тысячъ.

Вышла первая книжка и была принята публикою съ одобренiемъ, какого я не ожидалъ. Наканунѣ выхода второй книжки, Сергѣй Семеновичъ Уваровъ прислалъ за мною и сообщилъ мнѣ извѣстiе объ освобожденiи Москвы. Въ третьей была напечатана его статья (подъ заглавiемъ: „Письмо изъ Тамбова"), въ которой предрекалось сооруженiе колонны во славу государя, съ надписью: „Александру I, по взятiи Москвы не отчаявшемуся, благодарная Россiя".

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ [1]).

Цѣль воспоминаній. — Отношенія Екатерины II къ Павлу I. — Характеръ послѣдняго. — Черты его великодушія. — Анекдоты о немъ. — Мнѣніе объ императорѣ Павлѣ профессора Эпинуса. — Графъ Бобринскій и г. Райко. — Рѣдкій камей. — Воспитаніе Александра Павловича. — Лагарпъ. — Полученіе отъ него переписки императора Александра I съ Северинымъ. — Послѣдствія воспитанія Александра I. — Его характеръ. — Недовѣріе его къ русскимъ людямъ. — Завѣщаніе Екатерины II и Безбородко. — Первые сотрудники Александра Павловича: Кочубей, Чичаговъ, Муравьевъ, Строгановъ, Чарторыжскій, Новосильцевъ, Долгорукій, Витовтовъ, Салтыковъ. — Маркизъ де-Траверсе. — Гнилые корабли. — Предложеніе за нихъ Калифорніи. — Строптивость Чичагова. — Любопытный случай съ Строгановымъ. — Пнинъ. — Характеристика Аракчеева. — Сынъ его, Михаилъ. — Его судьба. — Заговоръ графа Палена. — Его участники. — Первые годы царствованія императора Александра I. — Ода Державина. — Тогдашнія рукописныя стихотворенія. — Первое столкновеніе Александра I съ Наполеономъ. — Поступокъ съ барономъ Корфомъ.

Для точнаго уразумѣнія причинъ, свойствъ и обстоятельствъ страннаго заговора и мятежа 1825 года, должно безпристрастно разсмотрѣть характеръ и царствованіе императора Александра Павловича. Воспоминанія о немъ совре-

---

[1]) Книга барона Корфа о вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, по справедливости, возбудила общее любопытство и вниманіе, описавъ намъ событія и сообщивъ документы, отчасти покрытые мракомъ неизвѣстности; но она не вполнѣ удовлетворила ожиданіямъ публики, ограничиваясь описаніемъ случившагося именно съ лицами императорской

менниковъ вскорѣ изгладятся совершенно, и онъ будетъ изображаться въ исторіи по разнообразнымъ и противорѣчивымъ преданіямъ и лицемѣрнымъ документамъ, въ ложномъ и превратномъ видѣ.

Императоръ Александръ, рожденный со всѣми прекрасными дарами природы, наружными и внутренними, явился въ свѣтъ въ самое для него благопріятное время, когда Рос-

---

фамиліи, и не вдаваясь въ подробности, въ описаніе происшествій отдѣльныхъ, сопровождавшихъ этотъ важный и необыкновенный эпизодъ Русской Исторіи. Къ тому еще, авторъ этой книги, камергеръ, статсъ-секретарь, членъ Государственнаго совѣта, слѣдственно человѣкъ, связанный обстоятельствами и отношеніями, не могъ описывать всего и точно такъ, какъ было на самомъ дѣлѣ. Желательно, чтобы другія лица, бывшія близкими свидѣтелями тѣхъ событій, передали ихъ безпристрастно, со всѣхъ сторонъ и со всѣми подробностями. Нельзя требовать исполненія этого отъ одного человѣка. Никто не можетъ быть ни вездѣсущимъ, ни всевѣдущимъ. Пусть каждый, кто видѣлъ, или слышалъ что либо о случаяхъ того времени, опишетъ что ему извѣстно: изъ этихъ разноцвѣтныхъ камешковъ составится полная и вѣрная мозаика для потомства. Главное, чтобы говорили правду, ничего не утаивали, не украшая и не прибавляя.

Желая подать тому примѣръ, я напишу все, что мнѣ извѣстно о тогдашнихъ событіяхъ и обстоятельствахъ, которыя я видѣлъ вблизи, о дѣятеляхъ того времени и о дѣйствіяхъ ихъ, просто и сколь возможно правдиво, не стѣсняясь мыслію ни о какой цензурѣ, не руководствуясь ни пристрастіемъ, ни какимъ либо враждебнымъ чувствомъ къ кому бы то ни было. Это — простыя воспоминанія, излагаемыя безъискусственно, безъ всякаго стѣсненія какими бы то ни было правилами или системами, долженствующія почерпать цѣну и важность въ истинѣ моихъ словъ и моего прямодушія.

4-го ноября
1857 г.

Это написалъ я, когда еще не выходила книга Герцена о 14-мъ декабря 1825 года. Если въ то время, когда написаны были мною эти строки, я считалъ полезнымъ описать добросовѣстно и правдиво происшествія того времени, то нынѣ считаю это священною обязанностью. Бѣглецъ дерзаетъ чернить многихъ людей достойныхъ и благородныхъ, охуждать и выхвалять наглость, безсовѣстность, подлость, вѣроломство и кровожадность. Долгъ всякаго человѣка, гражданина русскаго, вступиться за правду и смѣло высказать ее предъ свѣтомъ и потомствомъ.

сія молила Бога о дарованіи достойнаго наслѣдника престолу Екатерины. Богъ и природа сдѣлали для него все: люди извратили и испортили все, что могли. Извѣстно враждебное, неестественное и пагубнос отношеніе Екатерины къ ея наслѣднику, Павлу. Эта умная, даровитая, великая женщина, которой Россія обязана своимъ устройствомъ (не говоримъ благоустройствомъ) и просвѣщеніемъ, находилась къ сыну своему, какъ говорятъ французы, въ ложномъ положеніи. Она занимала тронъ Россіи по праву случая и талантовъ, по убѣжденію, что она полезна и необходима Россіи, но законное право наслѣдства было на сторонѣ сына, котораго она умѣла держать въ почтительномъ повиновеніи, не имѣя возможности внушить ему любовь и довѣренность. Неровный, непостоянный характеръ Павла, при добромъ сердцѣ и умѣ необыкновенномъ, всегда былъ ему препятствіемъ къ точному и благому исполненію обязанностей царскихъ, а долговременная, тягостная подчиненность не только матери, но и любимцамъ ея, дерзкимъ и наглымъ, совершенно сбили его съ пути и раздражили до крайности. На людей умныхъ находятъ минуты забвенія; на Павла находили минуты добра и здраваго смысла [1]). Однимъ изъ самыхъ тягостныхъ для

---

[1]) Дѣйствительно въ императорѣ Павлѣ чувство долга и чести нерѣдко одерживало верхъ надъ вспыльчивостью и гнѣвомъ. Вотъ тому нѣсколько примѣровъ. Въ 1820 г., Григорій Ивановичъ Вилламовъ, водя меня по Гатчинскому дворцу, обратилъ мое вниманіе на одинъ удивительный бюстъ Каракаллы и прибавилъ: „Но еще замѣчательнѣе здѣсь вотъ эта дверь. У ней, въ царствованіе императора Павла, всегда стоялъ придворный лакей, чтобы отпирать ее при проходѣ государя на половину императрицы: это происходило регулярно въ шесть часовъ утра. Разъ какъ-то Павелъ пришелъ нѣсколькими минутами ранѣе; видитъ: нѣтъ лакея, и вспыхнулъ гнѣвомъ. Несчастный ушелъ было въ другую комнату, но, услышавъ шаги, поспѣшилъ на свое мѣсто. Павелъ поднялъ на него палку. Лакей поспѣшно вынулъ изъ кармана часы, поднесъ императору и сказалъ:

— Государь! я не виноватъ. Теперь шесть часовъ безъ пяти минутъ.

— Виноватъ! отвѣчалъ императоръ, опустилъ палку и пошелъ въ дверь.

него лишеній было отчужденіе отъ него дѣтей. Лишь только бывало великая княгиня Марія Ѳедоровна разрѣшится отъ

Однажды проѣзжалъ онъ мимо какой-то гауптвахты. Караульный офицеръ въ чемъ-то ошибся.

— Подъ арестъ! закричалъ императоръ.

— Прикажите сперва смѣнить, а потомъ арестуйте, сказалъ офицеръ.

— Кто ты? спросилъ Павелъ.

— Подпоручикъ такой-то.

— Здравствуй, поручикъ!

При одномъ докладѣ Ѳедора Максимовича Брискорна, императоръ Павелъ сказалъ рѣшительно:

— Хочу, чтобы было такъ.

— Нельзя, государь!

— Какъ нельзя! мнѣ нельзя!

— Сперва перемѣните законъ, а потомъ дѣлайте, какъ угодно.

— Ты правъ, братецъ, отвѣчалъ императоръ, успокоившись.

Въ 1800 году, нѣсколько исключенныхъ изъ службы офицеровъ, сосланныхъ на жительство въ Смоленскъ, напившись пьяны, вынесли свои мундиры на дворъ и, при толпѣ народа, сожгли ихъ. Генералъ-губернаторомъ былъ тамъ Михаилъ Михайловичъ Философовъ, человѣкъ необыкновеннаго ума и характера, отличившійся, въ должности посланника при копенгагенскомъ дворѣ, въ странную эпоху владычества Струэнзе [1]).

[1]) Говорятъ, что партія Струэнзе отравила Философова однимъ питіемъ съ Христіаномъ VII. Несчастный король выпилъ весь стаканъ и лишился разсудка. Философовъ, прихлебнувъ, не допилъ; у него осталось временное разстройство, не вредившее ни уму, ни чувствамъ его.

Узнавъ о безразсудномъ поступкѣ офицеровъ, онъ приказалъ арестовать ихъ и ждалъ прибытія Павла, который въ то время объѣзжалъ западныя губерніи. Государь, узнавъ объ этомъ дорогою, прибылъ въ Смоленскъ въ величайшемъ раздраженіи и отправился прямо въ соборъ. При входѣ во храмъ, Философовъ сталъ въ дверяхъ и, протянувъ руки въ обѣ стороны, не пускалъ государя.

— Это что? воскликнулъ императоръ.

— Въ священномъ Писаніи, возразилъ Философовъ твердо и спокойно,— сказано: „Гнѣвный да не входитъ въ домъ Божій“!

Павелъ остановился, подумалъ и сказалъ: „Я не гнѣвенъ, я равнодушенъ: прощаю всѣхъ!“

бремени, ребенокъ поступалъ въ полное завѣдываніе императрицы. Въ лѣтнее время великая княгиня пріѣзжала родить въ Царское Село, послѣ родовъ возвращалась въ Гатчину или Павловскъ, а дитя оставалось на попеченіи бабушки, которая воспитывала внучатъ по своимъ видамъ и понятіямъ,

— Итакъ, гряди во имя Господне! отвѣчалъ Философовъ, отступилъ въ сторону и низко поклонился. Государь въ тотъ же день пожаловалъ ему андреевскую ленту.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

ни мало не спрашиваясь отца и матери. Не говорю, чтобы Павелъ могъ дать своимъ дѣтямъ воспитаніе лучшее, но они получали воспитаніе превратное, противорѣчившее законамъ природы.

Прекрасный младенецъ и отрокъ, Александръ сдѣлался предметомъ неусыпныхъ и нѣжнѣйшихъ попеченій Екатерины. Она составила для него планъ воспитанія, писала и печатала учебныя книги, сказки, исторіи, отыскивала ему лучшихъ наставниковъ. Не надѣясь найдти для царскаго сына хорошихъ воспитателей въ Россіи (ихъ и теперь въ ней нѣтъ), она обратилась въ чужіе края и, по совѣту извѣстнаго Гримма, пригласила швейцарца Лагарпа. Выборъ былъ самый несчастный! Лагарпъ былъ человѣкъ умный, основательно ученый, правдивый, честный, но республиканецъ въ душѣ и революціонеръ, что̀ доказано дѣйствіями его по выѣздѣ изъ Россіи [1]).

[1]) Фридрихъ-Цесарь Лагарпъ (La Harpe) родился отъ благородной швейцарской фамиліи, въ Роллѣ, въ 1754 году. Онъ учился правамъ въ Тюбингенскомъ Университетѣ и нѣсколько времени былъ адвокатомъ въ Бернѣ. Въ 1782-мъ году былъ приглашенъ въ Петербургъ и сдѣлался воспитателемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей.

Окончивъ порученное ему дѣло въ 1798 году, онъ воротился въ отечество свое, осыпанный милостями Екатерины II. Потомъ онъ жилъ въ Бернѣ и въ Парижѣ и дѣятельно занимался политикою. Въ Швейцаріи былъ онъ, въ 1798 году, избранъ въ члены Гельветической директоріи, за что императоръ Павелъ лишилъ его чиновъ и пенсіона. Въ 1802 году пріѣзжалъ онъ въ С.-Петербургъ, чтобы поздравить своего воспитанника со вступленіемъ на престолъ, и впослѣдствіи жилъ близъ Парижа, въ Плесси-Пике, занимаясь земледѣліемъ и естественными науками. По взятіи Парижа, Александръ посѣтилъ его, пожаловалъ въ чинъ тайнаго совѣтника и надѣлъ на него андреевскую ленту. На Вѣнскомъ конгрессѣ онъ убѣдилъ Александра вступиться за кантоны Ваадскій и Аргаусскій, притѣсненные бернскою аристократіею. Послѣдніе годы свои провелъ онъ въ Роллѣ, пользуясь общимъ вниманіемъ и уваженіемъ. Скончался Лагарпъ 26-го марта 1838 года. Года за два до его смерти, разгласили въ газетахъ, что какой-то книгопродавецъ купилъ у него всю корреспонденцію его съ Александромъ и намѣренъ обнародовать ее послѣ его смерти. Это было непріятно императору Николаю Павловичу. Было поручено нашему

Такой человѣкъ не годился въ воспитатели наслѣднику самодержавнаго престола, владыкѣ націи, которой большая часть томилась въ вѣковомъ, законами утвержденномъ, рабствѣ. Лагарпъ старался внушить своему питомцу правила чести, добродѣтели, милосердія и терпимости, но не могъ передать ему любви къ отечеству, уваженія къ его нравамъ, обычаямъ, законамъ и основнымъ правиламъ, къ народу, необразованному, но богатому всѣми стихіями добра и славы. Понятно, что царедворцы завидовали счастливому пришельцу, пользовавшемуся довѣренностью царицы, и всячески выражали ему нелюбовь свою, а онъ платилъ имъ глубокимъ презрѣніемъ и ненавистью, какія внушалъ и Александру, ста-

---

посланнику въ Швейцаріи, Дмитрію Петровичу Северину, узнать, въ чемъ состояла эта переписка, и, если можно, получить копіи съ писемъ Александра I. Северинъ поѣхалъ, подъ предлогомъ прогулки, въ Ролль, посѣтилъ Лагарпа, умѣлъ заслужить его уваженіе и довѣренность, но не говорилъ, зачѣмъ пріѣхалъ. Однажды Лагарпъ сказалъ ему:

— Не удивительно, что Александръ любилъ меня, но чѣмъ заслужилъ я вниманіе императора Николая, который ко мнѣ такъ милостивъ? Скажите, сдѣлайте милость, какимъ образомъ могъ бы я возблагодарить Государя или принести ему удовольствіе.

— Трудненько, сказалъ тонкій дипломатъ, — порадовать или удивить чѣмъ либо владыку полусвѣта, но дайте мнѣ срокъ, подумаю.

Чрезъ нѣсколько дней говоритъ онъ Лагарпу: „Кажется, я нашелъ вамъ средство угодить Государю. Онъ воспитываетъ своего сына совершенно въ духѣ покойнаго Александра; для этого отыскиваетъ всѣ матеріалы и акты царствованія покойнаго императора. Я увѣренъ, что ему очень пріятно будетъ имѣть копіи съ писемъ, которыя, какъ извѣстно писалъ къ вамъ Александръ".

— Копіи! вскричалъ Лагарпъ:—какъ смѣю я послать копіи! Пошлю подлинныя. Я самъ ихъ знаю наизусть, а послѣ моей смерти они могутъ попасть въ нескромныя руки". Собравъ рачительно всѣ письма, съ копіями своихъ отвѣтовъ, Лагарпъ присовокупилъ къ перепискѣ хронологическій и азбучный реестръ, переплелъ ее великолѣпно и вручилъ Северину. Государь, обрадовавшись этому подарку, благодарилъ Лагарпа письменно, а Северину далъ орденъ св. Анны 1-й степени. Письма эти, вѣроятно находятся въ библіотекѣ нынѣшняго Государя.

раясь убѣдить его въ той истинѣ, что всегда и вездѣ царедворцы были люди ограниченные, подлые и коварные [1]).

Отъ этого противорѣчія между уроками наставника и обстановкою молодаго принца произошли тѣ неровности, которыя

---

[1]) Доказательствомъ тому, до какой степени Александръ не довѣрялъ своимъ приближеннымъ и презиралъ ихъ, служитъ слѣдующее происшествіе, разсказанное мнѣ очевидцемъ. По вторичномъ взятіи Парижа, въ 1815 году, Александръ жилъ тамъ нѣсколько времени, именно во дворцѣ Элизе, и въ свободное время охотно бесѣдовалъ съ герцогомъ Веллингтономъ, раскрывая предъ нимъ всѣ тайны своего сердца. Однажды Веллингтонъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ нѣсколько лицъ изъ свиты государевой: Воронцова, Л. В. Васильчикова, гр. Строганова, и н. др. Когда они къ нему пріѣхали, адъютантъ герцога объявилъ имъ, что императоръ Александръ прислалъ за нимъ и что герцогъ, надѣясь вскорѣ воротиться, просилъ ихъ подождать его. Дѣйствительно, онъ пріѣхалъ домой вскорѣ, извинился предъ своими гостями, но въ этотъ вечеръ былъ скученъ и молчаливъ болѣе обыкновеннаго. Видно, что-то тяготило ему душу. Гости, замѣтивъ это, стали допытываться о причинѣ. Онъ долго не хотѣлъ отвѣчать; наконецъ уступилъ настояніямъ любимаго имъ Воронцова и объявилъ, что Александръ изумилъ и огорчилъ его при нынѣшнемъ свиданіи: жаловался на свое одиночество, на неимѣніе вѣрнаго, искренняго друга.

— Мнѣ кажется, государь, сказалъ ему Веллингтонъ,—что окружающія васъ лица подали вамъ самыя несомнѣнныя доказательства своего усердія и вѣрности къ вашей особѣ, особенно въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ.

— Нѣтъ! возразилъ императоръ: — они мнѣ не друзья; они служили Россіи, своему честолюбію и корысти.

Фельдмаршалъ умолкъ. Генералъ-адъютанты Александра, въ досадѣ и негодованіи, залились слезами. Александръ жаловался, что не имѣлъ друзей, но самъ онъ былъ ли кому либо искреннимъ другомъ? Болѣе всего любилъ онъ князя Петра Петровича Долгорукаго, но онъ умеръ рано, и Богъ знаетъ, что было бы впослѣдствіи. Вотъ плоды уроковъ Лагарпа!

Dissimuler—c'est regner. (Скрытничать — значитъ царствовать). Такъ, но тогда и не требуйте любви отъ другихъ.—Въ одномъ англійскомъ журналѣ читалъ я, что, въ началѣ 1812 года, въ парламентѣ шла рѣчь о поступленіи маркиза Веллеслея, брата Веллингтонова, въ русскую службу первымъ министромъ, за неимѣніемъ въ ней способныхъ и достойныхъ людей. Интересно было бы отыскать эту статью; она дѣйствительно существуетъ.

встрѣчаемъ въ характерѣ, образѣ мыслей и дѣйствіяхъ Александра. При первомъ взглядѣ и особенно, когда онъ этого хотѣлъ, увлекалъ онъ всякаго, но впослѣдствіи скоро охладѣвалъ и перемѣнялся, прикрывая свои истинныя чувства личинами прежней дружбы. Въ случаѣ надобности, онъ подавлялъ свои чувства и убѣжденія, особенно если тщеславіе заставляло его возбуждать въ людяхъ мнѣніе о постоянствѣ его расположенія къ кому либо. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ искренно любилъ покойную королеву прусскую Луизу [1]) (мать императрицы Александры Ѳеодоровны); по кончинѣ ея оказывалъ ея мужу еще болѣе привязанности и уваженія, нежели прежде, несомнѣнно желая показать свѣту, что склонность его къ королевѣ была непорочная и безкорыстная. Онъ не отгонялъ отъ себя людей, которые ему почему либо надоѣли и перестали нравиться. Нѣтъ! поцѣлуетъ бывало — и укажетъ двери. Усиленіе знаковъ его милости было сигналомъ паденія того, къ кому они обращались. Наканунѣ отставки графа Кочубея, онъ самъ привезъ фрейлинскій шифръ его дочери. Дальновидный царедворецъ сталъ вслѣдъ затѣмъ укладываться въ дорогу.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Образованіе Александра было болѣе блистательное и многостороннее, нежели основательное и прочное. Онъ выучилъ многое наизусть, говорилъ по-французски какъ дофинъ, но не умѣлъ безошибочно писать по-русски, и впослѣдствіи говаривалъ шутя, что сожалѣетъ о невозможности запретить указомъ употребленіе буквы ѣ. Въ то время, когда ему слѣдовало бы при-

---

[1]) Мать нынѣшняго императора германскаго Вильгельма I.
Пр. Ред.

*

няться строго за ученіе, укрѣпить свой разсудокъ, распространить кругъ своихъ познаній путешествіемъ по Россіи и по чужимъ краямъ и прилежнымъ наблюденіемъ бытій человѣческихъ, не ограничиваясь легкими очерками учебной книги,— его женили (на шестнадцатомъ году). Екатерина спѣшила насладиться плодами своихъ трудовъ и попеченій, хотѣла имѣть преемника, любезнаго ей умомъ своимъ и сердцемъ, ею созданнаго, радоваться и правнуками. Ранняя женитьба разстроила его во всѣхъ отношеніяхъ: истощила два прелестные цвѣтка, не давъ имъ развернуться. Это обстоятельство имѣло вліяніе, грустное вліяніе, на всю его жизнь. Онъ не вкусилъ счастія родительскаго и самъ увялъ ранѣе времени. Смерть Екатерины и вступленіе на престолъ Павла измѣнили порядокъ и наружность дѣлъ, но не характеръ и мнѣнія Александра [1]).

[1]) Есть преданіе, что Екатерина составила завѣщаніе, которымъ, на основаніи закона, предоставляющаго русскому императору избрать и назначить себѣ преемника, устраняла Павла отъ царствованія и передавала корону старшему его сыну. Говорятъ, что въ секретѣ былъ одинъ Безбородко. Онъ переписалъ завѣщаніе въ двухъ экземплярахъ и, по подписаніи его Екатериною, скрѣпилъ и запечаталъ: одинъ экземпляръ надлежало отправить въ Москву, для храненія въ Успенскомъ соборѣ; другой отдать въ 1-й департаментъ Сената. Безбородко отправилъ пакеты по принадлежности, но въ нихъ, вмѣсто завѣщанія, была бѣлая бумага, и, по воцареніи Павла, представилъ ему подлинникъ. Вѣроятно, но правда ли это—не знаю. Достойны замѣчанія слѣдующіе стихи Державина, въ одѣ на вступленіе на престолъ Александра:

Стоитъ (Екатерина) въ порфирѣ и вѣщаетъ,
Сквозь дверь небесну, долу зря:
Се небо нынѣ посылаетъ
Вамъ внука моего въ царя.
Внимать вы прежде не хотѣли
И презрѣли мою любовь:
Вы сами отъ себя терпѣли,—
Я нынѣ васъ спасаю вновь.

Эти стихи въ печати измѣнены. Въ подлинникѣ четвертый стихъ былъ:

Назначивъ внука вамъ въ царя.

Онъ былъ кроткій и покорный сынъ, въ точности исполнялъ волю отца, смягчалъ, сколько могъ, его строгія, часто несправедливыя и нелѣпыя мѣры, и сдѣлался надеждою, любовью, божествомъ народа. Всѣ были обворожены его красотою, кротостью, благодушіемъ, вѣжливостью, снисходительностью. Народъ толпился вокругъ него, бѣгалъ за нимъ, въ его глазахъ читалъ упованіе и отраду. Александръ усердно и добросовѣстно исполнялъ возложенныя на него служебныя обязанности, помогалъ, дѣлалъ добро офицерамъ и нижнимъ чинамъ полковъ, состоявшихъ подъ его командою, но не высказывался, не кокетничалъ. Вокругъ него собрались благородные люди: В. П. Кочубей, П. В. Чичаговъ, М. Н. Муравьевъ, графъ П. А. Строгановъ, князь А. А. Чарторыжскій, Н. Н. Новосильцевъ, князь П. П. Долгорукій, А. А. Витовтовъ, М. А. Салтыковъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ занимался изученіемъ предметовъ философіи, исторіи, политики, литературы. Плодами трудовъ его товарищей было изданіе „С.-Петербургскаго Журнала“ (въ 1799 году), выходившаго подъ редакціею И. П. Пнина, при помощи Александра Өедосѣевича Бестужева.

Свидѣтельствомъ выставленной нами выше двуличности и перемѣнчивости Александра служитъ то, что, окруживъ себя этою блистательною плеядою, онъ, конечно, безъ вѣдома ихъ, сблизился въ то же время съ человѣкомъ не глупымъ, но хитрымъ, коварнымъ, жестокимъ, грубымъ, подлымъ и необразованнымъ, Аракчеевымъ [1]). Этотъ безсовѣстный, но

Услуга Безбородко Павлу кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что Павелъ возвелъ его въ княжеское достоинство и подарилъ ему четырнадцать тысячъ душъ. Иванъ Саввичъ Горголи разсказывалъ мнѣ еще болѣе, будто бы Екатерина II умерла отъ отравы, которую поднесли ей стараніями Безбородко. Но это невѣроятно. Горголи, именно, хотѣлъ этимъ анекдотомъ оправдаться въ роли, которую самъ игралъ при другомъ случаѣ.

[1]) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ (родился въ 1769 г., умеръ въ 1834 г.) происходилъ отъ старинной, но бѣдной фамиліи Новгородской губерніи. Одинъ изъ предковъ его былъ генераломъ въ арміи Миниха, дѣйствовавшей въ Крыму. Алексѣй Аракчеевъ, молодымъ маль-

дальновидный варваръ успѣлъ подмѣтить слабую сторону Александра, неуваженіе его къ людямъ вообще и недовѣрчивость къ людямъ высшаго образованія, и вкрался къ нему въ милость, но вѣроятно самъ просилъ его не выказывать

чикомъ, пришелъ пѣшкомъ въ Петербургъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ митрополиту Гавріилу. Преосвященный, принявъ его ласково, подарилъ ему рублевикъ и опредѣлилъ въ тогдашній Артиллерійскій и Инженерный (что нынѣ 2-й кадетскій) корпусъ. Образованіе тогда было скудное: лучше всего преподавалась математика, и Аракчеевъ оказалъ въ ней большіе успѣхи, но ужъ въ дѣтствѣ оказывалъ коварство, низость и подлость, доносилъ на товарищей и кланялся начальникамъ. Зато ненавидѣли его товарищи, и самый сильный изъ нихъ, великанъ Костенецкій, больно колотилъ его. Видно, въ благодарность за его уроки, Аракчеевъ потомъ перевелъ его въ гвардію. Непосредственнымъ начальникомъ его былъ корпусный офицеръ Андрей Андреевичъ Клейнмихель, женившійся на красавицѣ Аннѣ Францовнѣ Ришаръ, которую очень жаловалъ генералъ Мелиссино, директоръ корпуса. По выпускѣ въ офицеры, Аракчеевъ оставленъ былъ въ корпусѣ для преподаванія кадетамъ артиллеріи, дослужился въ 1790 г. до капитанскаго чина и былъ взятъ генераломъ Мелиссино въ адъютанты. Въ то же время преподавалъ онъ математическія науки и въ частныхъ домахъ, между прочимъ, сыновьямъ гр. Н. И. Салтыкова. Въ 1792 году великій князь Павелъ Петровичъ просилъ Мелиссино найти ему хорошаго офицера для командованія батареею при его Гатчинскихъ батальонахъ Мелиссино рекомендовалъ Аракчеева. Капитанъ вскорѣ заслужилъ вниманіе великаго князя дѣятельностью по службѣ, точностью и строгимъ исполненіемъ всѣхъ приказаній, какъ бы они нелѣпы и безтолковы ни были; особенно нравилось строгое наблюденіе имъ воинской дисциплины. По вступленіи Павла на престолъ, Аракчеевъ произведенъ былъ въ полковники и въ генералъ-маіоры, получилъ орденъ св. Анны 1-й степени, титулъ барона и двѣ тысячи душъ (село Грузино) въ Новгородской губерніи.

Замѣчательно, что онъ служилъ въ то время не по артиллеріи, а командовалъ Преображенскимъ полкомъ и былъ с.-петербургскимъ комендантомъ. Въ командованіи полкомъ обязанность его была истребить въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ духъ свободы и уваженіе къ самимъ себѣ; онъ оскорблялъ офицеровъ, а у солдатъ срывалъ усы съ частью губы. Не знаю, излишество или недостатокъ усердія не понравились Павлу; только Аракчеевъ, въ 1798 г., былъ отставленъ отъ службы, но съ чиномъ генералъ-лейтенанта.

Въ томъ же году онъ опять вошелъ въ милость, былъ назначенъ командиромъ гвардейскаго артиллерійскаго батальона и инспекторомъ всей

своего къ нему благоволенія слишкомъ явно: онъ во всю жизнь свою боялся дневнаго свѣта.

Существованіе тѣсной связи Александра съ Аракчеевымъ, въ бытность его наслѣдникомъ престола, извѣстно мнѣ по одному неважному обстоятельству. Аракчеевъ получилъ ка-

артиллеріи, возведенъ въ графское достоинство, получилъ александровскую ленту и мальтійскій командорскій крестъ. Въ 1799 году, за какіе-то безпорядки въ артиллерійскихъ гарнизонахъ и арсеналахъ, былъ вновь отставленъ. Говорятъ, что Павелъ, недѣли за двѣ до кончины своей, пригласилъ его пріѣхать въ Петербургъ и вновь вступить въ службу.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Замѣчательно, что, въ первые годы царствованія Александра, Аракчеевъ стоялъ въ тѣни, давая другимъ любимцамъ износиться, чтобы потомъ захватить государя вполнѣ. Онъ особенно сталъ усиливаться съ 1807 года, когда угасли въ Александрѣ порывы молодыхъ мечтаній, когда онъ совершенно разочаровался въ людяхъ. Въ то время Аракчеевъ принесъ Россіи существенную пользу преобразованіемъ нашей артиллеріи и исполненіемъ многихъ важныхъ порученій государя. Напримѣръ, въ финляндской войнѣ, когда наши генералы не рѣшались пройти по льду на Аландскіе острова и на шведскій берегъ, ѣздилъ къ нимъ Аракчеевъ и убѣдилъ ихъ исполнить волю государеву.

Въ Аракчеевѣ была дѣйствительно ложка меду и бочка дегтю.

Онъ придрался къ главнокомандующему, графу Буксгевдену, за недочетъ нѣсколькихъ пудовъ пороха и написалъ ему грубое отношеніе. На это Буксгевденъ отвѣчалъ сильнымъ письмомъ, въ которомъ представилъ разницу между главнокомандующимъ арміею, которому государь поручаетъ судьбу государства, и ничтожнымъ царедворцемъ, хотя бы онъ и назывался военнымъ министромъ. Этотъ отвѣтъ стоилъ дорого Буксгевдену, но разошелся въ публикѣ, къ радости большинства ея. Аракчеевъ не зналъ или не думалъ, чтобъ это письмо было извѣстно. Однажды, у себя за столомъ, говоря со мной о какомъ-то историкѣ, неучтиво отзывавшемся о Румянцевѣ, онъ сказалъ: „да знаете ли вы, что такое главнокомандующій?“ и повторилъ слова врага своего. Я не зналъ куда дѣваться, и боялся

кую-то должность, помнится, С.-Петербургскаго коменданта, и, чувствуя свою неграмотность, вытребовалъ себѣ въ писцы лучшаго студента Московскаго университета, обѣщая сдѣлать его счастье. Къ нему присланъ былъ Петръ Николаевичъ Шараповъ (бывшій потомъ учителемъ въ Коммерческомъ

смотрѣть на бывшихъ при томъ. Еще достойно вниманія, что Аракчеевъ и Балашовъ видѣли необходимость удалить Александра изъ арміи въ началѣ 1812 года и достигли цѣли, заставивъ Шишкова написать о томъ государю. Что хорошо, то хорошо.

Аракчеевъ не былъ взяточникомъ, но пользовался всякимъ случаемъ для охраненія своего кармана. Онъ жилъ въ домѣ 2-й артиллерійской бригады, которой онъ былъ шефомъ, на углу Литейной и Кирочной (деревянный домъ этотъ существуетъ донынѣ). Государь сказалъ ему однажды:

— Возьми этотъ домъ себѣ.

— Благодарю, Государь, — отвѣчалъ онъ: — на что мнѣ онъ? Пусть остается вашимъ; на мой вѣкъ станетъ.

Безкорыстно, неправда ли? Но истинною причиною этого безкорыстія было то, что домъ чинили, перекрашивали, топили, освѣщали на счетъ бригады, а еслибы была на немъ доска съ надписью: „Домъ графа Аракчеева",—эти расходы пали бы на хозяина.

По окончаніи войны, Александръ возъимѣлъ странную и несчастную мысль: завести военныя поселенія,—для пѣхоты на сѣверѣ, для конницы—на югѣ Россіи. Онъ полагалъ получать изъ этихъ округовъ и рекрутъ, съ дѣтства уже готовившихся въ военную службу, и продовольствіе, и обмундированіе, и вооруженіе ихъ въ устроенныхъ въ поселеніяхъ фабрикахъ и заводахъ, а остальную часть Россіи освободить отъ рекрутства и податей на Военное Министерство. Здѣсь не мѣсто излагать невозможность и неисполнимость милліономъ людей производить то, что отбывали дотолѣ съ трудомъ и истощеніемъ пятьдесятъ милліоновъ. Скажу только объ исполненіи. Оно возложено было на Аракчеева, и онъ взялся осуществить безтолковую мечту, грезу. Нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ превращены были въ военныхъ поселянъ. Старики названы инвалидами, дѣти кантонистами, взрослые рядовыми. Вся жизнь ихъ, всѣ занятія, всѣ обычаи поставлены были на военную ногу. Женили ихъ по жеребью, какъ кому выпадетъ, учили ружью, одѣвали, кормили, клали спать по формѣ. Вмѣсто привольныхъ, хотя и невзрачныхъ, крестьянскихъ избъ, возникли красивенькіе домики, вовсе неудобные, холодные, въ которыхъ жильцы должны были ходить, сидѣть, лежать, по установленной формѣ. Напримѣръ:

училищѣ), человѣкъ неглупый, кроткій, трудолюбивый и свѣдущій. Аракчеевъ обременялъ его работою, обижалъ, обходился съ нимъ, какъ съ крѣпостнымъ человѣкомъ. Исключенный изъ службы по капризу Павла, Аракчеевъ почувствовалъ сожалѣніе къ честному труженику и поручилъ его по-

„На окошкѣ № 4 полагается занавѣсь, задергиваемая на то время, когда дѣти женскаго пола будутъ одѣваться“.

Эти учрежденія возбудили общій ропотъ, общія проклятія. Но желѣзная рука Аракчеева, Клейнмихель, сдерживала осчастливленныхъ, по мнѣнію Александра, крестьянъ въ страхѣ и повиновеніи. Въ южныхъ колоніяхъ казацкая кровь не вытерпѣла. Вспыхнуло возстаніе: оно было потушено кровью и жизнью людей, выведенныхъ изъ предѣловъ человѣческаго терпѣнія генералъ-маіоромъ Саловымъ, поступавшимъ притомъ съ величайшимъ безчеловѣчіемъ. Аракчеевъ безсовѣстно обманывалъ императора, потворствуя его прихоти, увѣрялъ его въ благоденствіи и довольствѣ солдатъ, а вспышку приписывалъ вліянію людей злонамѣренныхъ и иностранныхъ эмиссаровъ. До какой степени простиралось въ этомъ его безстыдство, онъ доказалъ отчетомъ, поданнымъ имъ Николаю Павловичу по вступленіи его на престолъ, и обнародованнымъ въ газетахъ.

Аракчеевъ взялъ къ себѣ Настасью осенью 1796 года, но вскорѣ потомъ вступилъ въ законный бракъ съ дѣвицею Хомутовою, благовоспитанною и нѣжною. Чрезъ нѣсколько недѣль брака, жена увидѣла, къ какому гнусному уроду ее приковали: онъ не понималъ благородства и нѣжности чувствъ, не любилъ, не уважалъ ея, и они вскорѣ разошлись. Настасья осталась его хозяйкою и тайною совѣтницею. Между тѣмъ, имѣлъ онъ и фаворитку изъ высшаго класса, жену бывшаго оберъ-секретаря Синода, Варвару Петровну Пукалову, миловидную, умную и образованную женщину, которая, пользуясь своею властью надъ дикобразомъ, была посредницею между имъ и просителями. Въ одной изъ тогдашнихъ сатиръ, въ исчисленіи блаженствъ, сказано было: „Блаженъ... чрезъ Пукалову кто протекціи не искалъ“. Тиранъ Сибири, Пестель, жилъ въ одномъ домѣ съ Пукаловою и чрезъ нее дѣйствовалъ на друга ея сердца.

Въ началѣ связи Аракчеева съ Настасьею, родился у ней сынъ Михаилъ. Въ дѣтствѣ былъ онъ хорошенькій и умный мальчикъ. Аракчеевъ воображалъ, что изъ него выйдетъ великій человѣкъ, и старался дать ему хорошее воспитаніе. Онъ отдалъ его (въ 1809 г.) въ Петровскую школу, именно пансіонеромъ ко мнѣ. По этому случаю познакомился я съ Аракчеевымъ и бывалъ у него. Медленное, методическое преподаваніе наукъ въ нѣмецкой школѣ не понравилось нѣжному родителю. Не принимая въ уваженіе того, что Мишка его плохо зналъ первыя правила ариѳ-

кровительству Александра, сказавъ: „Наслѣдникъ мнѣ другъ, и тебя не оставитъ“. Дѣйствительно, Шараповъ получилъ хорошее мѣсто: впослѣдствіи сгубила его чарочка.

Аракчеевъ, замѣтивъ въ бумагахъ какого либо высшаго чиновника толкъ и хорошій слогъ, освѣдомлялся, кто его

метики, онъ требовалъ, чтобы его учили геометріи, и когда это оказалось невозможнымъ, взялъ его изъ училища, отдалъ въ какой-то пансіонъ, а потомъ помѣстилъ въ Пажескій корпусъ. Отдавая въ школу, онъ назвалъ его: Михайло Ивановъ Лукинъ, купеческій сынъ; потомъ далъ ему фамилію Шумскій. Мальчикъ этотъ былъ выпущенъ въ гвардію и поступилъ въ флигель-адъютанты, которыхъ число тогда было очень ограниченно. Между тѣмъ, онъ сдѣлался совершеннымъ негодяемъ и горькимъ пьяницею. Послѣ катастрофы, сгубившей почтенныхъ родителей, достойный ихъ сынъ переведенъ былъ въ армію и тамъ спился совершенно. Потомъ пошелъ онъ въ монахи и умеръ въ Соловецкомъ монастырѣ.

Аракчеевъ похоронилъ Настасью подлѣ того мѣста, гдѣ приготовилъ могилу для себя, и вырѣзалъ на гробѣ ея слѣдующую надпись, сочиненную имъ самимъ:

Здѣсь погребенъ двадцати-семилѣтній другъ
Анастасія,
Убіенная села Грузина дворовыми людьми.
Убіена
За нелицемѣрную и христіанскую ея
Къ графу любовь.

По смерти Настасьи, Аракчеевъ разсмотрѣлъ ея переписку съ разными особами и нашелъ вѣрныя свидѣтельства ея плутней и взяточничества. Онъ отправилъ найденные въ наличности подарки къ тѣмъ особамъ, отъ которыхъ они были получены, и, какъ я слышалъ, велѣлъ перенесть трупъ Настасьи на обыкновенное кладбище.

По увольненіи отъ службы, Аракчеевъ вздумалъ отправиться въ чужіе края, гдѣ незадолго до того былъ принимаемъ съ уваженіемъ, какъ довѣренный человѣкъ Александра. Времена перемѣнились: его принимали менѣе нежели равнодушно. Желая напомнить о своемъ прежнемъ величіи, онъ напечаталъ въ Берлинѣ переводъ (французскій) писемъ къ нему императора Александра. Этотъ поступокъ усилилъ справедливое къ нему негодованіе императора Николая и окончательно прекратилъ его поприще. Когда онъ въѣзжалъ во Францію, таможня отобрала у него серебряныя вещи, предлагая возвратить ему при обратномъ выѣздѣ его изъ Франціи или изломать ихъ и отдать ему. Онъ избралъ послѣднее, но, когда таможен-

секретарь, переводилъ его къ себѣ, обѣщалъ многое, сначала холилъ и ласкалъ, а потомъ начиналъ оказывать ему холодность и презрѣніе. Такъ приблизилъ онъ къ себѣ почтеннаго и достойнаго Василія Романовича Марченко и впослѣдствіи сдѣлалъ его своимъ злѣйшимъ врагомъ. Потомъ вытащилъ

ный служитель сталъ разбивать серебряный чайникъ, пришелъ въ бѣшенство, бросился на него и схватилъ за воротъ. Сопровождавшіе его съ трудомъ уладили дѣло.

Не находя отрады и развлеченія заграницею, Аракчеевъ воротился въ Россію и прожилъ до конца своей жизни въ Грузинѣ. Онъ все еще считался на службѣ, но не подавалъ никакого знака жизни. Всѣ его оставили. Когда, въ 1831 году, вспыхнулъ бунтъ въ поселенныхъ войскахъ, онъ испугался и пріѣхалъ изъ Грузина въ Новгородъ. Не знаю, кто былъ тогда новгородскимъ губернаторомъ (помнится, Демпферъ). Онъ приказалъ объявить графу, что онъ, присутствіемъ своимъ въ Новѣгородѣ, мутитъ народъ, и велѣлъ ему ѣхать обратно въ Грузино. Въ это время пріѣхалъ въ Новгородъ, по повелѣнію государя, графъ А. Ѳ. Орловъ. Узнавъ о поступкѣ губернатора, онъ призвалъ его къ себѣ, спросилъ, по какому праву онъ выгоняетъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, когда не смѣетъ безъ причины выслать изъ города и отставного солдата, надѣлъ александровскую ленту и поѣхалъ къ падшему вельможѣ. Аракчеевъ былъ приведенъ въ восхищеніе этимъ вниманіемъ. „Ваше посѣщеніе, графъ“, сказалъ онъ Орлову, „было для меня тѣмъ пріятнѣе, что я никогда не видалъ васъ у себя въ передней.... Нынѣшнія происшествія огорчительны. Жалѣю только, что нѣтъ здѣсь Петра Андреевича (Клейнмихеля): онъ могъ бы насладиться зрѣлищемъ — плодомъ своихъ усердныхъ трудовъ!“ Аракчеевъ, въ уединеніи своемъ, принималъ посѣщенія сосѣднихъ помѣщицъ и каждую увѣрялъ, что сдѣлаетъ ее своею наслѣдницею. И въ этомъ отчужденіи, въ этомъ униженіи противъ прежней высоты, ему умереть не хотѣлось. Послѣднія слова его были: „проклятая смерть!“ Онъ умеръ въ апрѣлѣ 1834 года, и извѣстіе о томъ пришло въ Петербургъ наканунѣ присяги наслѣдника Александра Николаевича, по наступленіи его совершеннолѣтія. Для распоряженій о погребеніи его и о прочемъ посланъ былъ въ Грузино Клейнмихель.

Я былъ въ придворной церкви у обѣдни и при присягѣ цесаревича. Любопытно было видѣть и слышать чистосердечные отзывы объ Аракчеевѣ людей, знавшихъ его коротко. Всѣхъ откровеннѣе и умнѣе говорилъ бывшій при немъ долго Василій Романовичъ Марченко, ненавидѣвшій и презиравшій его всѣми силами своей души. Нѣкоторые изъ бывшихъ его клевретовъ обрадовались его смерти: она ихъ увѣрила, что онъ не воро-

*

онъ изъ провинціи простого, неученаго, но умнаго и дѣльнаго Сырнева. По окончаніи ревизіи Сибири, выпросилъ онъ у Сперанскаго Батенькова, посадилъ его въ Совѣтѣ военныхъ поселеній и потомъ до того насолилъ ему, что Батеньковъ пошелъ въ заговоръ Рылѣева. Между тѣмъ, Аракчеевъ хорошо умѣлъ отличать подлецовъ и льстецовъ. Такимъ образомъ втерся къ нему бывшій потомъ генералъ-провіантмейстеромъ въ Варшавѣ, Василій Васильевичъ Погодинъ, человѣкъ необразованный, но неглупый, смѣтливый, честолюбивый. Онъ началъ свою карьеру въ Министерствѣ Юстиціи, женился на отставной любовницѣ гр. Шереметева, сдѣлалъ себѣ тѣмъ состояніе и пошелъ въ люди. Что лучше, думалъ онъ, какъ служить у Аракчеева? втерся къ нему, работалъ неутомимо, кормилъ и поилъ Батенькова, чтобы пользоваться его умомъ, льстилъ графу, соглашался на всѣ гнуснѣйшія его мѣры и, повидимому, обратилъ на себя милостивое его вниманіе. Однажды, когда онъ докладывалъ, графа вызвали

тится. Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ, бывшій командиръ полка графа Аракчеева, узнавъ въ церкви о кончинѣ его, сказалъ, перекрестясь: „царство ему небесное! себя успокоилъ и всѣхъ успокоилъ".

Произнося такой строгій судъ надъ Аракчеевымъ, мы винимъ не столько его, сколько Александра, который, наскучивъ угодливостью и царедворствомъ людей образованныхъ и умныхъ, бросился въ объятія этого нравственнаго урода. Аракчеевъ былъ тѣмъ, чѣмъ создала его природа. Должно отдать ему справедливость: онъ, какъ сказано выше, преобразовалъ (въ 1809 г.) къ лучшему нашу артиллерію и прилежно работалъ въ должности военнаго министра, до назначенія въ это званіе благороднаго и добродѣтельнаго Барклая. Еще спасибо ему за то, что онъ обратилъ вниманіе Александра на Канкрина, но онъ сдѣлалъ это не потому, чтобы постигалъ достоинства этого необыкновеннаго человѣка, а только въ пику врагу своему, Гурьеву. Не случись подъ рукою Канкрина, онъ рекомендовалъ бы Андрея Ивановича Абакумова. Ничто такъ не характеризуетъ подлости духа графа Аракчеева, какъ отмѣтка въ положеніи, которымъ прибавлялось жалованье артиллерійскимъ офицерамъ: „Ротнымъ командирамъ прибавки не полагается, потому что они пользуются доходами отъ ротъ". Конфирмуя это положеніе, государь не видалъ, что этимъ оффиціально признаютъ и допускаютъ воровство.

въ другую комнату. Погодинъ воспользовался этою минутою и заглянулъ въ лежавшіе на столѣ формулярные списки, въ которыхъ Аракчеевъ вписывалъ свои аттестаціи для поднесенія государю. Противъ своего имени прочиталъ онъ: „глупъ, подлъ и лѣнивъ". И Погодинъ разсказывалъ это всѣмъ, жалуясь на несправедливость и неблагодарность.

Полагаю, что Александръ видѣлъ въ свѣтскихъ друзьяхъ своихъ будущихъ своихъ помощниковъ предъ глазами свѣта, а въ Аракчеевѣ готовилъ цѣпную собаку, чѣмъ онъ и былъ во всю свою жизнь. Аракчеевъ выбралъ себѣ девизомъ: „Безъ лести преданъ". Изъ этого общій голосъ сдѣлалъ: „Бѣсъ лести преданъ".

Причуды, сумасбродство, тиранство Павла, возрастая ежедневно, достигли высшей степени. Нынѣшнее поколѣніе не можетъ составить себѣ о томъ понятія. Мнѣ смѣшно, когда толкуютъ о деспотизмѣ Николая Павловича. Пожили бы вы съ его родителемъ, заговорили бы иное. Все трепетало предъ Павломъ, особенно честные и добрые изъ его подданныхъ. Почтенные люди, выѣзжая поутру со двора къ должности, прощались съ домашними, не зная, гдѣ будутъ обѣдать,—дома или на первой станціи по дорогѣ въ Сибирь. Павелъ воображалъ себя справедливымъ, а никогда не бывало въ Россіи такого неправосудія, какъ въ его время: честныхъ людей гнали и губили, негодяевъ и мерзавцевъ возвышали. Напримѣръ: полицiймейстеромъ въ Петербургѣ былъ обанкрутившійся трактирщикъ Морелли. Первымъ любимцемъ его былъ турченокъ, фердшалъ Кутайсовъ, графъ, шталмейстеръ и андреевскій кавалеръ. Любовница Кутайсова, французская пѣвицу Шевалье, раздавала мѣста, жаловала чинами, рѣшала процессы съ публичнаго торгу. Истинные патріоты,—Васильевъ, Беклешовъ, и проч. были въ немилости и изгнаніи. Павелъ разсорился со всѣми своими союзниками и, въ сумасбродствѣ своемъ, вздумалъ вызывать на дуэль римскаго императора Франца II. Онъ вступилъ въ дружбу съ коварнымъ Наполеономъ Бонапарте и, забывъ всѣ свои донъ-кихотства

за Бурбоновъ, выгналъ Людовика XVIII съ его семействомъ, среди зимы, изъ Митавы и призналъ французскую республику. Мало этого: онъ согласился съ Бонапарте завоевать у англичанъ Остъ-Индію и уже двинулъ свои войска въ степь. Англійскій флотъ, пробившись сквозь Зундъ, шелъ на Кронштадтъ, тогда очень плохо укрѣпленный. Дѣла внутреннія были въ совершенномъ разстройствѣ.

При кончинѣ Павла, въ Государственномъ казначействѣ было всего четырнадцать тысячъ рублей деньгами. 1-го мая ни одинъ чиновникъ не получилъ бы жалованья. Торговля и промышленность остановились. О наукахъ тогда и помину не было. Взлелѣянная Екатериною литература замерзла. Въ народѣ господствовало какое-то нѣмое оцѣпенѣніе. Все предвѣщало какой нибудь страшный переломъ.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Россія привѣтствовала воцареніе Александра съ невыразимымъ восторгомъ. Первые поэты того времени славили его вступленіе на престолъ. Карамзинъ, Херасковъ, Державинъ, Дмитріевъ писали восторженные стихи на этотъ случай.

Ода Карамзина была выраженіемъ искреннихъ чувствъ всей Россіи, отличаясь не пареніемъ, не восторженностью, а умными мыслями и благородными чувствованіями. Ода Державина показываетъ, до какой степени можетъ закалиться поэзія въ душѣ человѣка. При вступленіи на престолъ Александра, онъ лишился мѣста государственнаго казначея, но написалъ похвальную оду новому государю громкими, звучными, вдохновенными стихами, въ которыхъ немилосердно каралъ его предшественника. Въ негодованіи на новыхъ министровъ, онъ подписалъ подъ портретомъ Александра:

> Се видъ величія и ангельской души!
> Ахъ, еслибъ вокругъ него всѣ были хороши!

Платонъ Зубовъ возразилъ:

> Конечно, намъ Державина не надо:
> Паршивая овца и все испортитъ стадо.

Изъ записокъ Державина можно видѣть, какія причины Зубовъ имѣлъ не уважать его.

Александръ воспользовался всѣми зависящими отъ него средствами, чтобы прекратить злоупотребленія и несправедливости предшествовавшаго царствованія и поправить что

возможно. Тогдашніе манифесты (2-го апрѣля 1801 года) и указы останутся навѣки памятниками его любви къ правосудію и милосердія. Онъ возвратилъ народу права его; онъ расторгъ оковы, наложенныя на торговлю и промышленность. Наканунѣ бѣдственной смерти Павла, состоялся указъ Коммерцъ-коллегіи, вслѣдствіе именнаго указа о запрещеніи вывоза изъ русскихъ портовъ какихъ бы то ни было товаровъ! Возвращены были права Сенату; обуздана тиранская и самовольная полиція; исключеннымъ изъ службы даны были надлежащіе аттестаты; позволенъ выѣздъ заграницу и въѣздъ въ Россію; допущенъ ввозъ книгъ и нотъ изъ чужихъ краевъ, и наконецъ уничтожена ужасная Тайная канцелярія, остатокъ варварской старины и инквизиціи. Россія отдохнула и прославила его имя. Александръ нашелъ утѣшеніе горестному своему чувству во всеобщей къ нему любви. Такъ продолжалось въ первые годы его царствованія: учреждены были министерства; образовалось Министерство Народнаго Просвѣщенія; основались университеты и гимназіи, изданъ былъ либеральный цензурный уставъ; преобразована Комиссія составленія законовъ; прилагаемы были старанія о теченіи дѣлъ гражданскихъ и объ искорененіи злоупотребленій. Финансы, при стараніи перваго въ Россіи министра финансовъ, графа Васильева, были приведены въ порядокъ; всѣ отрасли государственнаго управленія и быта получили новую жизнь и силу. Нельзя сказать, чтобы всѣ и тогда были довольны настоящимъ порядкомъ дѣлъ. Простая и тихая жизнь государя, его бережливость, его снисхожденіе къ людямъ, которые того не заслуживали, и главное — внушенія зависти и злобы — возбуждали порицанія его правленія и дѣйствій. Эти порицанія проявлялись въ рукописныхъ стихотвореніяхъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Прекрасное это время, благотворное, кроткое, спокойное, продолжалось до 1805 года. Достойно замѣчанія, что и заря царствованія Екатерины II продолжалась лѣтъ шесть благотворно для Россіи. Тогда увлекли ее замыслы властолюбія и честолюбія: война турецкая и раздѣлъ Польши. Благо и польза Россіи стали на второмъ планѣ. Потомъ возникъ и у нея Аракчеевъ, — образцовый варваръ Потемкинъ, и опуталъ ее какъ злой паукъ: онъ много повредилъ и ея славѣ, и благу Россіи.

Въ 1801 году революціонныя войны были прекращены заключеніемъ мира въ Люневиллѣ, между торжествующею Франціею и изнеможенною неудачными походами Австріею. Въ 1802 г. подписанъ былъ мирный трактатъ между Франціею и Англіею въ Амьенѣ, но не надолго. Въ 1803 году Англія нарушила миръ, вслѣдствіе многихъ самовольныхъ поступковъ Наполеона. Россія была въ сторонѣ, но, въ мартѣ 1804 г., случилось происшествіе, изумившее всю Европу. Бонапарте, вопреки всѣмъ правамъ и законамъ, велѣлъ схватить въ Германіи жившаго тамъ спокойно герцога Ангіенскаго, потомка Бурбонскаго дома, привезти его въ Парижъ, посадить въ тюрьму и разстрѣлять вслѣдствіе беззаконнаго приговора. Этотъ поступокъ преисполнилъ мѣру терпѣнія Европы, но Англія не имѣла средствъ выразить свое неудовольствіе, находясь уже въ войнѣ съ Франціею. Австрія не могла двинуться отъ нанесенныхъ ей ранъ. Пруссія боялась поссориться съ Франціею. Возвысилъ голосъ одинъ Александръ. Въ званіи поруки въ сохраненіи Люневилльскаго мира, онъ подалъ протестъ Регенсбургскому сейму противъ нарушенія нейтралитета Германіи. Протестъ этотъ былъ написанъ въ выраженіяхъ сильныхъ, но умѣренныхъ и вѣжливыхъ. Бонапарте отвѣчалъ дерзко и нагло. Тьеръ называетъ ноту Александра неблагоразумною. Нѣтъ! это наименованіе слѣдуетъ дать отвѣту Наполеона, ибо онъ стоилъ ему трона. На жалобу Александра, что принцъ Бурбонскій захваченъ былъ не во Франціи, а заграницею, на чужой землѣ, Наполеонъ от-

вѣчалъ, что вынужденъ былъ къ тому интригами Бурбоновъ, участвовавшихъ въ замыслахъ Жоржа, Пишегрю и другихъ на его жизнь . . . .

. . . .

Александръ питалъ ненависть къ Наполеону, руководствовавшую всѣми его помыслами и дѣлами впослѣдствіи. Принужденный заключить съ нимъ миръ въ Тильзитѣ, Александръ принесъ въ жертву своему долгу и Россіи угрызавшее его чувство, но ни на минуту не терялъ его и, когда приспѣло время, отомстилъ дерзновенному совершенною его гибелью. Вообще Александръ былъ злопамятенъ и никогда въ душѣ своей не прощалъ обидъ, хотя часто, изъ видовъ благоразумія и политики, скрывалъ и подавлялъ въ себѣ это чувство [1]).

. . . .

[1]) Разительный примѣръ памятозлобія Александра I видимъ въ поступкахъ его съ барономъ Корфомъ. Генералъ-адъютантъ Ѳедоръ Карловичъ Корфъ, умный, прекрасный, воспитанный, благородный, былъ одною изъ блистательнѣйшихъ звѣздъ плеяды, окружавшей Александра, въ 1812 году,

Разгласіе съ Франціею увлекло Александра на поприще политики и войны. Дерзости и захваты Бонапарте вывели Европу изъ терпѣнія. Всѣ, и самые недальновидные люди, понимали, что, при существованіи этого человѣка, миръ въ Европѣ невозможенъ. Новый императоръ жилъ и дышалъ войною, и тревожа, оскорбляя, грабя всѣхъ, кого могъ, утверждалъ, что все это дѣлаетъ для своей защиты отъ государствъ, возбуждаемыхъ противъ него золотомъ Англіи. Сдѣлаемъ здѣсь одно замѣчаніе, выведенное нами изъ всей исторіи Франціи XIX вѣка. За исключеніемъ времени царствованія Бурбоновъ обѣихъ линій, особенно старшей, она возвышалась, устроивалась, распространялась, побѣждала, торжествовала — обманомъ и ложью, что продолжается и понынѣ. Пишу эти строки 9-го ноября 1857 года и утверждаю, что это стереотипное и исключительное орудіе Наполеоновской династіи сгубитъ и нынѣшняго Гришку Отрепьева, называемаго Лудовикомъ-Наполеономъ III. Владычество этого племени въ Европѣ есть въ ней то же, что преобладаніе золотушнаго начала въ человѣческомъ тѣлѣ. Впрочемъ, французовъ нельзя

въ Вильнѣ. На двадцатомъ году отъ роду, получилъ онъ георгіевскій крестъ изъ рукъ Суворова на штурмѣ Праги; командовалъ, въ войнѣ 1806—1807 г., Псковскимъ драгунскимъ полкомъ и въ началѣ 1812-го назначенъ былъ командиромъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса. Въ званіи генералъ-адъютанта, провожалъ онъ императора въ дрисскій лагерь. Александръ, увлеченный разсказами шарлатана Пфуля, воображалъ найти тамъ нѣчто въ родѣ Кенигштейна и Гибралтара, изумился, увидѣвъ невыгодное положеніе и ничтожность укрѣпленій мѣста, избраннаго для удержанія напора Наполеонова. Онъ отошелъ въ сторону и залился слезами. Корфъ, не догадываясь объ этомъ изліяніи чувствъ, подошелъ къ Александру. Императоръ опомнился, отеръ слезы, но съ того времени вознегодовалъ на свидѣтеля его слабости. Бывшій дотолѣ любимецъ отодвинутъ былъ въ ряды дюжинныхъ людей. Напрасны были подвиги его храбрости, свидѣтельства его самоотверженія. Всѣ прочіе генералы были ему предпочитаемы. Съ трудомъ получилъ онъ, по окончаніи войны 1815 года, александровскую ленту, но не былъ призываемъ къ лицу государя. Онъ пережилъ Александра; скончался въ 1826 году.

угомонить ничѣмъ такъ, какъ ложью, хвастовствомъ и блескомъ.

Въ 1805 году созрѣлъ этотъ нарывъ и разразился австрійскою кампаніею. Ульмъ и Аустерлицъ рѣшили судьбу Европы въ пользу Наполеона. Осталась нетронутою Пруссія, но и ея часъ пробилъ вскорѣ. Наполеонъ, уступивъ ей не принадлежавшій ему Гановеръ, поссорилъ ее тѣмъ съ Англіею и въ то же время своими дерзостями и кознями принудилъ ее къ вызову, увѣряя, что хочетъ мира. Все одно: l'empire c'est la paix (имперія—миръ). Прусская кампанія 1806 года не имѣла подобной себѣ въ исторіи. Это Росбахская битва въ пятнадцати мѣстахъ. Русскіе не успѣли подойти вовремя, но, столкнувшись съ Наполеономъ, дали ему знать свою храбрость и стойкость при Эйлау. А онъ наконецъ взялъ свое. Побѣдою подъ Фридландомъ онъ доказалъ, что намъ еще рано съ нимъ бороться. Англія помогала намъ вяло. Австрія хитрила и мошенничала, какъ всегда. Александръ увидѣлъ себя въ необходимости склониться на миръ, и онъ былъ заключенъ въ Тильзитѣ. Тьеръ и другіе историки не рѣшили еще, искрененъ ли былъ Александръ въ дружбѣ, которую при семъ случаѣ заключилъ съ Наполеономъ. Нѣтъ! истиннымъ другомъ не былъ онъ съ нимъ никогда и ни минуты ему не вѣрилъ. Онъ, можетъ быть, не хотѣлъ съ нимъ войны, можетъ быть, надѣялся сначала, что и Наполеонъ будетъ съ нимъ откровененъ и прямодушенъ, но этого не было. Рана, нанесенная нотою о герцогѣ Ангіенскомъ, не заживала. Да и кто могъ ужиться съ Наполеономъ? Онъ бросался на друга и на недруга, какъ бѣшеная собака, и только совершенное, рабское подчиненіе его власти могло, и то ненадолго, удержать его жадность и дерзость въ нѣкоторыхъ предѣлахъ. Говорятъ, что Парижскій миръ постыднѣе Тильзитскаго. Нѣтъ! нѣтъ! Мы въ 1856 г. заключили миръ, видя, что продолженіе войны не можетъ повести къ успѣхамъ, уступили свое, не взяли чужаго. Но тогда мы взяли изъ рукъ недавняго врага область (Бѣлостокскую), отнятую нами у на-

шего друга и союзника, и этимъ набросили тѣнь на наше безкорыстіе. Въ оправданіе наше говорили, что еслибы мы и не взяли ея, она все же осталась бы за герцогствомъ Варшавскимъ и не была бы оставлена во владѣніи Пруссіи. Я полагаю, что Александръ взялъ эту полосу земли въ угожденіе Наполеону и для увѣренія его въ своей дружбѣ, взялъ ее съ вѣдома и согласія короля прусскаго. При заключеніи Тильзитскаго мира, Александръ именно сказалъ королю и королевѣ прусскимъ: „Потерпите; мы свое воротимъ. Онъ сломитъ себѣ шею. Несмотря на всѣ мои демонстраціи и наружныя дѣйствія, въ душѣ я вашъ другъ и надѣюсь доказать вамъ это на дѣлѣ“.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Перемѣна въ императорѣ Александрѣ.—Удаленіе однихъ дѣятелей, возвышеніе другихъ.—Предсказаніе Талейрана о Нессельродѣ.—„Надобно быть отчасти и философомъ“.—Несочувствіе къ войнѣ со шведами.—Неудачное веденіе войны съ Турціею.—Прозоровскій, Багратіонъ, Каменскій.—Блистательное окончаніе ея Кутузовымъ.—Министръ полиціи, Балашевъ.—Правая его рука Сангленъ.—Случаи съ Коленкуромъ и примѣры его наглости и униженія.—Примѣты разрыва съ Наполеономъ.—Ближайшія лица къ императору Александру въ ту эпоху.—Высылка Сперанскаго и Магницкаго.—Нѣмцы, окружавшіе императора Александра.—Свѣтлыя и тѣневыя стороны эпохи 1812—1815 годовъ.—Возстановленіе Польши.—Ошибочность этой мѣры.—Пренебреженіе внутренними дѣлами Россіи.—Зародышъ неудовольствія.—Переходъ къ аскетизму.—Вліяніе князя А. Н. Голицына.—Отзывъ Вилльмена.—Нѣмецкія купчихи.—Библейскія общества.—Господство святошъ.—Министерство Народнаго Просвѣщенія.—Магницкій и Руничъ.—Изгнанія профессоровъ.—Исторія экзамена профессора Плисова въ гимназіи.—Оправданіе Гаупаха.—Судьба Рунича.—Судьба Магницкаго.—Происки Аракчеева противъ князя А. Н. Голицына.—Предательство Магницкаго.—Процессъ Госнера.

Тильзитскій миръ огорчилъ Россію, но не ослабилъ ея: напротивъ того, далъ ей средства и поводъ продолжать войну съ Турціею и пріобрѣсть Финляндію, но для Россіи имѣлъ онъ слѣдствія пагубныя тѣмъ, что произвелъ въ Александрѣ существенную перемѣну. Съ тѣхъ поръ прекратились или чрезвычайно ослабли благородныя его помышленія о благѣ и просвѣщеніи Россіи. Онъ сдѣлался недовѣрчивѣе и нелюдимѣе прежняго. Достойные слуги его были удалены или удалились сами. Графъ П. А. Строгановъ, опасаясь, что его

употребятъ по дипломатической части въ сношеніяхъ съ врагомъ Европы и Россіи, перешелъ въ военную службу. Чичаговъ сдалъ министерство морское жалкому маркизу Траверсе. Новосильцевъ прозябалъ попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа, доколѣ не былъ (1-го января 1811 г.) смѣненъ фанфарономъ Уваровымъ. Князь П. П. Долгорукій, М. Н. Муравьевъ умерли. Возвысились глупые и недобрые Куракины, неспособный говорунъ Румянцевъ, мнимо-справедливый, безтолковый князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій. По смерти графа Васильева (1807 г.), управлялъ Министерствомъ Финансовъ государственный казначей Ѳедоръ Александровичъ Голубцевъ и, изобличенный неосторожностью секретаря во взяткахъ, уступилъ мѣсто ничтожному графу Гурьеву. Съ другой стороны, возникъ Аракчеевъ во всей красѣ своей. Александръ болѣе и болѣе пренебрегалъ ненавистными ему внутренними дѣлами, ограничиваясь военными и дипломатическими. „Честь", какъ говорили во время французской революціи, „удалилась въ армію". Войны съ турками и со шведами были школою для нашихъ генераловъ и офицеровъ.

По дипломатической части Александръ наблюдалъ хитрую и умную политику Лудовика XV. Послами и посланниками его въ чужихъ краяхъ были вельможи и знатные баре: князья Куракины, Долгорукіе, гр. Головкинъ, но только для виду, по поверхности; истинными же исполнителями царской воли и повѣренными его тайнъ были совѣтники и секретари посольствъ: графъ Нессельродъ, Анштетъ, Каподистрія. И государственный канцлеръ, графъ Румянцевъ, не зналъ тайныхъ думъ и намѣреній государя. Онъ и оба Куракина увѣрены были въ искренней, непоколебимой дружбѣ Александра къ Наполеону и, увѣряя въ этомъ послѣдняго, давали ему въ томъ неоспоримыя доказательства. Одинъ Талейранъ проникъ истинное свойство тогдашнихъ дѣлъ [1]), но, не любя Напо-

[1]) Въ молодости моей, въ 1808 и 1809 годахъ, давалъ я уроки рускаго языка саксонскому посланнику, графу Эйнзиделю, прекратившіеся

леона, предвидя неизбѣжное его паденіе, хотя имперія была тогда на высшей степени силы и славы, не выводилъ его изъ заблужденія. Политика тогдашняя была не безполезна Россіи, но не оправдывалась законами нравственными. Всякое прикосновеніе къ революціи французской и ея гнуснымъ исчадіямъ, наполеонидамъ, губитъ и срамитъ всякую державу, дотолѣ чистую и благородную. Мы безмолвно согласились на разбойничій набѣгъ Наполеона на Испанію и Португалію, не предвидя, что онъ тамъ расшибетъ себѣ лобъ; не принимали участія въ войнѣ Австріи, поднявшей оружіе на притѣснителя Европы (1809 г.), и въ этомъ случаѣ были правы, ибо можно было предвидѣть, что мы успѣха имѣть не будемъ; но вотъ что нехорошо: Россія, въ званіи союзницы Франціи, двинула, подъ начальствомъ кн. С. Ѳ. Голицына, войска свои противъ Австріи, но дѣйствовала слабо и вяло. Французамъ она не помогла, а австрійцевъ обидѣла. Полумѣры безсовѣстныя и

съ переводомъ его въ Парижъ. По заключеніи мира, онъ опять присланъ былъ къ нашему двору. На одномъ публичномъ спектаклѣ, въ 1816 году, на которомъ присутствовали императорская фамилія и весь дворъ, очутился я въ креслахъ подлѣ моего бывшаго ученика и разговорился съ нимъ.

— Не дивитесь ли вы перемѣнамъ, которыя произошли въ ваше отсутствіе? спросилъ я. Кто бы подумалъ, что эти господа такъ скоро выскочатъ? Вотъ Волконскій, вотъ Чернышевъ, бывшій тогда поручикомъ, вотъ Нессельродъ.

— Объ этомъ не говорите, возразилъ графъ; я имѣлъ о немъ вѣрное предсказаніе. Однажды, обѣдая въ Парижѣ у вашего посла, князя Куракина, я очутился подлѣ Талейрана. Куракинъ вралъ безъ милосердія. „Не трудно, князь, сказалъ я Талейрану, сладить съ такими дипломатами, какъ эти русскіе“.—Правда ваша, сказалъ онъ.—Куракинъ ужасный оселъ, но вотъ этотъ маленькій нѣмецъ (указывая на сидѣвшаго противъ него Нессельрода) пойдетъ далеко.

Нессельродъ былъ особенно указанъ государю барономъ Штейномъ, въ началѣ 1812 года, когда безтолковость и недальновидность графа Румянцева всѣхъ приводила въ отчаяніе. Предсказаніе Талейрана сбылось вполнѣ.

вредныя. Общее мнѣніе Россіи порицало Александра. Наполеонъ осрамилъ его, давъ ему изъ земель, отнятыхъ у Австріи, не именно какую нибудь область, а четыреста тысячъ душъ, какъ бывало у насъ цари награждали своихъ клевретовъ.

На войну со Швеціею надобно смотрѣть съ иной стороны Правительство наше имѣло къ Россіи обязанность обезпечить сѣверо-западную ея границу. Владѣнія Швеціи начинались въ небольшомъ отдаленіи отъ Петербурга. Крѣпости ея владычествовали сѣверными берегами Финскаго залива. Финляндія, огромная гранитная стѣна, давила плоскую Ингерманландію. Сѣверная наша столица, въ случаѣ войны со Швеціею, которая пользовалась бы пособіемъ одной изъ сильныхъ державъ Европы, очутилась бы на краю гибели [1]). Въ началѣ

[1]) Сообщаю любопытную черту о расположеніи Александра къ его свояку, королю шведскому Густаву IV. Въ 1801 году генералъ-квартирмейстеромъ при государѣ былъ почтенный и достойный генералъ (впослѣдствіи графъ) Петръ Корниловичъ Сухтеленъ, человѣкъ весьма умный учтивый, кроткій въ обращеніи, но, тѣмъ не менѣе, настойчивый въ своихъ убѣжденіяхъ. Не знаю, кто изъ приближенныхъ къ государю, Ливенъ, Волконскій, что ли, сдѣлалъ ему непріятность, и вѣроятно немаловажную, потому что Сухтеленъ пожаловался государю. Александръ старался успокоить его, просилъ забыть оскорбленіе, можетъ быть, неумышленно нанесенное, и прибавилъ: „il faut avoir un peu de philosophie“. (Надобно быть отчасти и философомъ). Сухтеленъ не былъ доволенъ отвѣтомъ, но замолчалъ. Дня чрезъ два послѣ того, было у государя собраніе генераловъ, для обсужденія разныхъ стратегическихъ вопросовъ, впрочемъ, въ одной теоріи, ибо о войнѣ тогда не помышляли. Стали говорить, какія границы были бы всего выгоднѣе для Россіи.

— Что вы думаете объ этомъ, Сухтеленъ? спросилъ императоръ.

Сухтеленъ всталъ, не говоря ни слова, взялъ со стола линейку и на картѣ Россіи, висѣвшей предъ собраніемъ, провелъ черту по рѣкѣ Торнео.

— Полно, полно, сказалъ государь: эта граница намъ недоступна. Что скажетъ своякъ мой, король шведскій?

— Sire, отвѣчалъ Сухтеленъ: il faut avoir un peu de philosophie. (Государь, надобно быть отчасти и философомъ). Присутствующіе не поняли всего значенія этихъ словъ. Александръ закусилъ губы, но такъ какъ колкость этого возраженія извѣстна была ему одному, то не сердился на Сухтелена.

царствованія Александра (1802), шведскій король Густавъ IV, приказавъ выкрасить русскую половину моста на пограничной рѣкѣ Кюменѣ шведскими красками (синею и желтою), нарушилъ тѣмъ одну статью Верельскаго трактата и на жалобы Россіи отвѣчалъ высокомѣрно. Наша армія двинулась къ границѣ, и судьба Финляндіи была бы рѣшена тогда же, еслибы Англія не употребила всѣхъ своихъ средствъ для примиренія враждующихъ. Въ 1807 году, по заключеніи Тильзитскаго мира, король шведскій, не понимая ни положенія своего, ни обязанностей къ сосѣднимъ державамъ, опять оскорбилъ Россію своими сумасбродными требованіями и дерзостями. Александръ воспользовался этимъ случаемъ и исполнилъ то, что имѣли въ виду его предшественники, взялъ Финляндію и обезпечилъ тѣмъ сѣверо-западъ Россіи. Хотя это завоеваніе было очень полезно, но такъ какъ оно было сдѣлано противъ союзника и родственника, то не одобрялось общимъ мнѣніемъ въ Россіи. При молебствіи, по взятіи Свеаборга, въ Исаакіевскомъ соборѣ, было въ немъ очень мало публики, и проходившіе по улицамъ, слыша пушечные выстрѣлы въ крѣпости, спрашивали, по какому случаю палятъ. Услышавъ, что это дѣлается по случаю взятія важнѣйшей крѣпости въ Финляндіи, всякъ изъ нихъ, махнувъ съ досады рукою, въ раздумьѣ шелъ далѣе. Русскій народъ чуялъ, что не тамъ развяжется трагедія, которая готовилась въ Европѣ.

Война на югѣ не имѣла такихъ же счастливыхъ результатовъ потому, что вѣрный нашъ союзникъ Наполеонъ подстрекалъ противъ насъ Турцію, между тѣмъ какъ враги наши, англичане, ей помогали. Къ тому же, эта война была ведена довольно безтолково. Въ 1808 году, когда положено было вести ее серьезно, назначили въ главнокомандующіе восьмидесятилѣтняго князя Прозоровскаго: всѣ его старанія клонились къ тому, чтобы умереть на п р а в о м ъ берегу Дуная. Богъ услышалъ его молитву: онъ скончался 9-го августа 1809 года. Команду послѣ него принялъ князь Багратіонъ и молодецки началъ кампанію. Александръ, въ видахъ за-

падной политики, хотѣлъ, чтобъ армія осталась зимовать на правомъ берегу Дуная. Это было невозможно по недостатку тамъ продовольствія. Багратіонъ отказалъ въ томъ рѣшительно и впалъ въ немилость. Въ теченіе зимы онъ сформировалъ армію въ сто шестьдесятъ тысячъ человѣкъ и готовился открыть кампанію. Вдругъ на его мѣсто былъ назначенъ графъ Каменскій. Кампанія 1810 года началась блистательно и кончилась бѣдственно, несчастнымъ штурмомъ Рущука, одною изъ сильнѣйшихъ неудачъ, какія претерпѣла Россія. Графъ Каменскій былъ человѣкъ храбрый, умный, свѣтскій, образованный и отличился въ званіи дивизіоннаго генерала въ шведскую войну, особенно переходомъ по льду чрезъ Ботническій заливъ, но чтобы командовать арміею, у него не стало силъ. Онъ удалился изъ арміи, занемогъ вскорѣ и умеръ (4-го мая 1811, на тридцать пятомъ году отъ роду). Кончина молодого блистательнаго полководца опечалила всю Россію, но нельзя не видѣть въ этомъ грустномъ обстоятельствѣ милосердія Божія. Еслибы Каменскій кончилъ удачно кампанію съ турками, онъ непремѣнно былъ бы назначенъ главнокомандующимъ арміею противъ французовъ (въ 1812 году), никакъ не согласился бы на выжидательныя и отступательныя дѣйствія, пошелъ бы прямо на Наполеона, былъ бы разбитъ непремѣнно, и вся новая исторія Россіи и Европы приняла бы иной видъ,—а какой—легко можно сказать теперь, по исходѣ полувѣка. Темны и неисповѣдимы пути Божіи! Отъ нетерпѣнія молодаго русскаго генерала на берегахъ Дуная въ 1810 году зависѣла судьба царствъ и народовъ!—„Не съ чего, такъ съ бубёнъ!“ говорятъ игроки. Такъ и при Александрѣ. Некого послать на выручку, такъ Кутузова. Александръ не любилъ его, по правилу старой русской пословицы: рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видитъ; но въ важнѣйшихъ случаяхъ принужденъ былъ прибѣгать къ нему, и Кутузовъ его спасалъ. Удивительная кампанія съ турками въ 1811 году и заключеніе Бухарестскаго мира въ 1812 г., принадлежащія къ рѣдкимъ подвигамъ стратегіи и дипломатіи,

и безъ 1812 года предали бы имя Кутузова безсмертію и благодарному воспоминанію Россіи.

Выше исчислилъ я перемѣну лицъ при дворѣ и въ управленіи. Съ лицами перемѣнился и духъ правленія. Прежняя любовь къ законности и просвѣщенію, къ либеральнымъ идеямъ, исчезла. Мѣсто ея заступили недовѣрчивость, скрытность, неуваженіе къ людямъ достойнымъ, возвышеніе подлецовъ и негодяевъ. Цензура изъ благородной и снисходительной сдѣлалась строгою, придирчивою. Не учреждалось новыхъ училищъ, кромѣ спеціальныхъ, т. е. духовныхъ и медицинскихъ. Лицей былъ учрежденъ съ особою цѣлью, которая, однако, не знаю почему, была потомъ выпущена изъ виду [1]). Государственный Совѣтъ преобразованъ былъ по образцу Наполеонова. Въ законодательствѣ служилъ руководствомъ Code Napoléon. Учреждено было Министерство Полиціи, подъ вѣдѣніемъ посредственнаго и слабохарактернаго Балашева, у котораго правою рукою былъ фанфаронъ Сангленъ [2]). Война

[1]) Говорятъ, что Александръ хотѣлъ воспитать въ лицеѣ братьевъ своихъ, Николая и Михаила, наравнѣ съ будущими подданными, и что политическія обстоятельства помѣшали ему исполнить это. Невѣроятно: Николаю Павловичу, въ 1811 году, при открытіи лицея, былъ уже шестнадцатый годъ. А мысль эта, если она была, заслуживаетъ всякаго уваженія. Лицею (то есть первымъ выпускамъ) обязана Россія многими достойными и блистательными людьми.

[2]) Александръ Дмитріевичъ Балашевъ, не знаю какимъ образомъ, сдѣлался довѣреннымъ лицомъ Александра. Онъ былъ оберъ-полиціймейстеромъ сперва въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, и назначенъ былъ министромъ полиціи, при учрежденіи этого министерства въ 1809 году, въ подражаніе Наполеону. Онъ окружилъ себя людьми не великаго достоинства. Въ числѣ ихъ былъ Лавровъ, человѣкъ неглупый, въ дѣлахъ опытный, но грубый и суровый: онъ ввелъ сѣченіе въ число полицейскихъ средствъ надъ людьми, изъятыми отъ тѣлеснаго наказанія. Балашевъ спросилъ его однажды, каковъ экзекуторъ въ исполнительномъ департаментѣ. „Золотой человѣкъ!“ отвѣчалъ Лавровъ: „приведутъ арестанта; онъ разомъ закричитъ: штаны долой и ложись на скамью“. Лавровъ былъ впослѣдствіи сенаторомъ, и не изъ худыхъ. Начальникомъ Особенной канцеляріи, что нынѣ III Отдѣленіе собственной канцеляріи Е. И. В., былъ хвастунъ,

съ Англіею ведена была вяло съ обѣихъ сторонъ: и Россія, и Англія чувствовали, что не имъ должно сражаться между собою, а предстояло соединиться для сопротивленія общему врагу человѣчества. Между тѣмъ, и эта война тяготила насъ. Не было ни кофе, ни виноградпаго вина въ общемъ употре-

---

негодяй Сангленъ, побочный сынъ какого-то Голицына, рожденный въ Ревелѣ, носившій французское имя и притомъ—православный! Нахватавшись разныхъ поверхностныхъ знаній, не умѣя порядочно писать ни на какомъ языкѣ, онъ имѣлъ искусство ошеломить, озадачить кого угодно своею смѣлостью и самонадѣянностью. Онъ взялся устроить высшую тайную полицію, набралъ шпіоновъ, завелъ доносы, морочилъ Балашева разными навѣтами и выдумками и нѣкоторое время умѣлъ пускать пыль въ глаза до того, что иногда ѣздилъ съ докладами прямо къ государю. Александръ не довѣрялъ никому, даже своему министру полиціи, и Сангленъ служилъ ему соглядатаемъ. Вечеромъ и ночью императоръ посылалъ за нимъ по секрету и спрашивалъ, что дѣлается въ министерствѣ. Triste sort des rois! (Грустная участь царей)! Сангленъ, разумѣется, выдавалъ своего начальника головою. Но такая служба не можетъ быть продолжительною. Александръ вскорѣ разгадалъ Санглена и удалилъ его съ кровавою обидою. Балашевъ, узнавъ о продѣлкахъ Санглена въ Вильнѣ (въ маѣ 1812-го), открылъ глаза царю. Александръ притворился, что полюбилъ Санглена какъ друга, и особенно на одномъ балѣ преслѣдовалъ его своими любезностями, приглашалъ танцовать, подчивалъ мороженымъ и т. п. Сангленъ, увидѣвъ, что наступилъ его послѣдній часъ, просилъ увольненія отъ должности. Его опредѣлили въ главную квартиру Барклая, по особымъ порученіямъ, но не употребляли. Кутузовъ, прибывъ къ арміи, выгналъ его. Получивъ въ 1816 г. пенсіонъ въ 4,000 р. асс., онъ поселился въ подмосковной деревнѣ и прожилъ долго . . . . Балашевъ самъ, сдавъ управленіе Министерствомъ Полиціи Вязмитинову, оставался въ свитѣ государя, и былъ употребляемъ по дипломатической части. Въ 1812 году велъ онъ послѣдніе переговоры съ Наполеономъ. Извѣстенъ отвѣтъ его на вопросъ: какой путь ведетъ на Москву? „Есть, но чрезъ Полтаву". По окончаніи войны былъ онъ нѣсколько лѣтъ въ бездѣйствіи, потомъ плохимъ генералъ-губернаторомъ орловскимъ, тамбовскимъ и рязанскимъ. Умеръ въ безвѣстности. Какъ частный человѣкъ, можетъ быть, онъ имѣлъ и достоинства. Онъ былъ, напримѣръ, пріятелемъ Карамзина, но въ отношеніи государственномъ онъ былъ болѣе вреденъ, нежели полезенъ. Непростительная ссылка Сперанскаго была отчасти его дѣломъ.

бленіи публики: богатые и знатные, конечно, ѣли и пили, что хотѣли, но всѣ прочіе терпѣли недостатокъ въ первыхъ потребностяхъ, жаловались, роптали. Больнѣе всего было униженіе Россіи. Бонапарте умышленно прислалъ послами двухъ участниковъ въ убійствѣ герцога Ангіенскаго, Савари и Коленкура. Первый оставался недолго, зато послѣдній игралъ роль проконсула. Общее мнѣніе, общее негодованіе обвиняло Александра, а онъ самъ терпѣлъ болѣе всѣхъ, принужденъ былъ скрывать свои мысли и чувства, видѣлъ страданіе своего народа и не могъ помочь ему. Тяжелое, грустное время [1])!

---

[1]) Разскажу при семъ случаѣ анекдотъ, слышанный мною отъ очевидца (Ѳ. И. Ласковскаго). Въ началѣ 1809 года, въ пребываніе въ Петербургѣ прусскаго короля и королевы, всѣ знатнѣйшія государственныя и придворныя особы давали великолѣпные балы въ честь знаменитыхъ гостей. А. Л. Нарышкинъ сказалъ притомъ о своемъ балѣ: „J'ai fait ce que je dois, mais je dois aussi tout ce que j'ai fait" (я сдѣлалъ, что я долженъ былъ сдѣлать, но я также долженъ за все, что я сдѣлалъ). Въ числѣ первыхъ лицъ двора былъ графъ А. С. Строгановъ, врагъ Наполеона, тогдашняго нашего союзника, удалявшійся отъ всякаго соприкосновенія съ Коленкуромъ. На балѣ у Нарышкина, Александръ сказалъ старику: „Ты дашь балъ и не будешь дурачиться. Понимаешь!" Графъ безмолвно поклонился. Это значило: пригласить и Коленкура. Графъ исполнилъ приказаніе. Но вотъ что случилось. Наканунѣ бала пріѣзжаетъ къ нему чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и привозитъ записку Коленкура къ графу Румянцеву съ жалобою, что онъ не приглашенъ на завтрашній вечеръ къ Строганову. Посылаютъ за секретаремъ графскимъ, Ласковскимъ. „Какъ не приглашенъ!" сказалъ Ласковскій чиновнику:—„его имя стоитъ первое въ спискѣ. Ваши же (министерскіе) курьеры развозили билеты. Призвать курьеровъ". Они явились.

— Развезли ли билеты по адресамъ?

— Развезли, только одного не нашли.

— А кого?

— Дюка де Висанса.

Тутъ недоразумѣніе объяснилось. Новый титулъ посла не дошелъ еще до свѣдѣнія экзекутора въ министерствѣ. Ласковскій отправился съ чиновникомъ къ Коленкуру и объяснилъ причину ошибки. Великолѣпный балъ кончился ужиномъ. Въ одномъ концѣ залы накрытъ былъ круглый столъ на девять кувертовъ, по числу царственныхъ особъ, удостоившихъ балъ своимъ посѣщеніемъ. Отъ этого круглаго стола тянулись два длинные

Сколько труда стоило Александру уклониться отъ брачнаго союза Наполеона съ одною изъ нашихъ великихъ княженъ, а глупые, безсовѣстные невѣжды французскіе (вслѣдъ за ними и нѣкоторые нѣмцы) утверждаютъ, будто Александръ раздраженъ былъ предпочтеніемъ эрцгерцогини австрійской. У народовъ есть чутье, или второе зрѣніе. Когда Наполеонъ былъ на апогеѣ славы, когда весь міръ предъ нимъ преклонялся и трепеталъ, честные и благородные люди въ Россіи и въ чужихъ краяхъ предвидѣли и предчувствовали его паденіе, какъ теперь предвидятъ неминуемое паденіе его достойнаго племянника: тотъ былъ дневной разбойникъ, а этотъ ночной воришка.

Разрывъ съ Наполеономъ, или первые его примѣты начались года чрезъ два послѣ Тильзитскаго мира. Я упомянулъ о негодованіи Наполеона на вялость, съ какою мы помогали ему въ 1809 году противъ Австріи. Онъ напалъ бы на насъ тогда же, еслибы не былъ запутанъ въ Испаніи: для успѣш-

стола для вѣрноподданныхъ и прочихъ. Предъ самымъ окончаніемъ танцевъ, Коленкуръ вошелъ въ столовую, увидѣлъ распоряженіе, по которому онъ исключался изъ общества царскихъ особъ, и рѣшился захватить свое мѣсто наглостью. Онъ сталъ у круглаго стола и взялся за стулъ.

Входятъ гости. Александръ въ первой парѣ велъ королеву, взглянулъ увидѣлъ Коленкура, догадался и сказалъ королевѣ: „Сегодня позвольте мнѣ не садиться подлѣ васъ. Ужъ и такъ мнѣ нѣтъ покою отъ моей жены. Буду ходить вокругъ стола и ухаживать за всѣми“. Королева стала, смѣючись, возражать. Императрица Елисавета Алексѣевна, понявъ мысль государя, начала играть роль ревнивой жены. Государь не садился и былъ до крайности любезенъ со всѣми, и особенно съ Коленкуромъ, который согналъ его съ мѣста и потомъ жестоко поплатился за свою наглость. Вспомнилъ ли онъ объ этомъ вечерѣ, когда онъ, утромъ 19-го марта 1814 года, съ порученіемъ Наполеона подъѣхалъ верхомъ къ воротамъ замка Пантенъ, изъ котораго Александръ готовился вступить въ Парижъ? У воротъ русскій часовой закричалъ: „Слѣзай съ лошади, с. сынъ!“ И онъ сошелъ съ коня и, снявъ шляпу, потупивъ голову, прошелъ съ выраженіемъ битаго французскаго парикмахера между рядами нашихъ офицеровъ, которыхъ бывало возмущалъ своимъ высокомѣріемъ и наглостью. Такимъ образомъ вскорѣ пройдутъ и Морни, и Валевскій, и всѣ эти подлые рабы корсиканскихъ звѣрей. (Написано 16-го іюля 1858 г.).

наго боя съ нами надлежало собраться съ силами, что онъ и сдѣлалъ. Первымъ выраженіемъ его злобы былъ отзывъ его въ Законодательномъ Собраніи, въ началѣ 1811 года, по случаю изданія у насъ новаго тарифа. Онъ сказалъ: „Мелочныя (mesquines) мѣры Россіи не повредятъ нашимъ фабрикамъ". При общемъ безмолвіи, при могильной тишинѣ, господствовавшей въ тогдашней политической литературѣ Европы, эти слова были многозначительны.

Александръ предвидѣлъ бурю: всѣ враждебныя происшествія и обстоятельства закалили его по природѣ мягкое сердце, внушили ему твердость и настойчивость, какихъ мы отъ него не надѣялись и не ожидали, особенно при его тогдашней обстановкѣ. Братъ его, Константинъ, былъ . . . .

. . . .

. . . . въ политикѣ недальновиденъ. Къ несчастію, онъ потерялъ единственнаго порядочнаго человѣка, бывшаго при немъ, графа Миниха. Жандръ, Албрехтъ, Курута, были люди ниже обыкновенныхъ. Изъ особъ женскаго пола царской фамиліи, Марія Ѳеодоровна была женщина добрая, благотворительная, не имѣвшая вліянія на государственныя дѣла . . . .

. . . .

Императрица Елисавета Алексѣевна и великая княгиня Екатерина Павловна, бывшая, къ счастію, замужемъ и за благороднымъ человѣкомъ, были на высотѣ своего званія. Изъ приближенныхъ къ государю, два человѣка были достойны его довѣренности—графъ Кочубей и военный министръ, Барклай-де-Толли. Кочубей былъ человѣкъ умный, высокообразованный и благородный, но, кажется мнѣ, не имѣлъ довольно твердости и энергіи, не могъ совладать съ событіями необыкновенными, каковы были событія того времени. Я слышалъ отъ людей достойныхъ вѣры, что Александръ, въ началѣ 1812 года, не совершенно ввѣрился Кочубею по той причинѣ, что считалъ его неоткровеннымъ, хитрымъ человѣкомъ. Странное дѣло! Кто же изъ придворныхъ не притворяется, не скры-

ваетъ своихъ затаенныхъ мыслей? Александръ, самъ двуличный и скрытный, напрасно ждалъ и требовалъ прямоты отъ другихъ. Будь онъ чистосердеченъ съ Кочубеемъ, онъ, конечно, нашелъ бы въ немъ отголосокъ. Барклай былъ человѣкъ возвышенный и честный, но ограничивался тѣмъ, что зналъ въ самомъ дѣлѣ: военною частью. Къ тому же, онъ былъ холоденъ въ обращенiи и нелюбимъ русскими, которые его не понимали и безсовѣстно порицали. Честь Пушкину, что онъ прекрасными своими стихами отдалъ должную справедливость неузнанному и непонятому другу правды и добра. А прочiе! Румянцевъ, Аракчеевъ, Балашевъ, князь А. Н. Голицынъ, графъ Гурьевъ, князь Алексѣй Ив. Горчаковъ, Армфельтъ — одно ничтожество за другимъ.

Въ мартѣ 1812 года произошла исторiя съ Сперанскимъ. Въ то время занимались преобразованiемъ Государственнаго Совѣта. И Сенатъ положено было передѣлать. Сперанскiй, въ званiи государственнаго секретаря, которое онъ сочинилъ самъ для себя, работалъ 17-го марта съ Александромъ до одиннадцати часовъ вечера. Когда ударилъ этотъ часъ, государь сказалъ: „Довольно поработали!“ всталъ (кажется, перекрестилъ Сперанскаго). „Прощай, Михаилъ Михайловичъ! Доброй ночи! До свиданья“. Михаилъ Михайловичъ отправился. Выѣхавъ изъ Зимняго дворца, онъ увидѣлъ свѣтъ въ квартирѣ Магницкаго (который жилъ на Дворцовой площади, въ верхнемъ ярусѣ дома Кушелева, гдѣ нынѣ зданiе Главнаго Штаба) и вздумалъ къ нему заѣхать. Всходитъ и видитъ ужасное разстройство. Всѣ двери настежь. Жена Магницкаго (француженка) встрѣчаетъ его въ изступленiи и объявляетъ ему, что министръ полицiи лишь только арестовалъ ея мужа и отвезъ неизвѣстно куда. Сперанскiй изумился, но догадался въ ту же минуту, что подобная участь ожидаетъ и его, утѣшалъ несчастную женщину, какъ могъ, обѣщалъ ей постараться о ея мужѣ и поѣхалъ домой. Онъ имѣлъ время подумать, потому что жилъ на краю города, на углу Сергiевской и Таврической улицъ, насупротивъ Таврическаго сада.

Пріѣхавъ на дворъ, онъ увидѣлъ экипажъ Балашева и кибитку тройкой и догадался, въ чемъ дѣло. Какая причина (не говорю вина) побудила поступить со Сперанскимъ такъ нечестно? Я думаю, что единственною тому причиною было его плебейское происхожденіе. Воспитанные французскими гувернерами, баричи не могли перенести мысли, что ими управляетъ поповичъ, и обвиняли его въ дѣлахъ, которыя, по его докладу, рѣшали и утверждали сами. Въ біографіи Штейна утверждается, что Сперанскій учреждалъ тайныя общества при помощи Фёслера и Розенкампфа: это вздоръ. Магницкій дѣло другое, но и онъ виновенъ былъ не въ измѣнѣ, а только въ легкомысліи и болтливости. Различіе характера и души обоихъ сосланныхъ оказалось впослѣдствіи во всемъ своемъ свѣтѣ. Ссылка Сперанскаго принесла свою пользу, обратила на себя вниманіе и толки публики и отвлекла ее отъ другихъ важнѣйшихъ дѣлъ. Враги Сперанскаго торжествовали, но не дай Богъ никому подобнаго торжества. Гдѣ они? Всѣ умерли, не оставивъ ни сожалѣнія, ни памяти о себѣ, а имя Сперанскаго будетъ блистать, доколѣ будутъ существовать законы въ Россіи. На мѣсто его государственнымъ секретаремъ назначенъ былъ Шишковъ, человѣкъ неглупый и почтенный, но вовсе не способный ни къ какимъ дѣламъ. Движимый теплымъ чувствомъ любви къ отечеству, онъ написалъ нѣсколько манифестовъ; лучшимъ изъ нихъ было извѣстіе о потерѣ Москвы. Шутники говорили, что, для возбужденія въ немъ краснорѣчія, должно было сгорѣть Москвѣ. Это сказалъ Блудовъ. По законному возмездію судьбы, пишетъ онъ самъ теперь манифесты, а они гораздо хуже сочиненныхъ Шишковымъ. Ни рыба, ни мясо. Средина между бѣдною „Лизою" и „Марьиною Рощею"; даже не смѣшно.

Александръ, на безлюдьѣ, воспользовался давнишнимъ правиломъ, которое потомъ было выговорено и внесено въ законъ Грибоѣдовымъ: „намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья". Первымъ приближеннымъ къ нему совѣтникомъ былъ генералъ Пфуль, преподававшій ему въ теченіе двухъ лѣтъ тео-

рію военнаго искусства. Можетъ быть, что планъ кампаніи 1812 года, составленный Пфулемъ, былъ нехорошъ, но Александръ, искуснымъ веденіемъ кампаніи въ 1813 и 1814 годахъ, доказалъ, что воспользовался уроками умнаго и знающаго тактика. При немъ состояли также генералы Клаузевицъ, Мюфингъ, Вольцогенъ; но самое благодѣтельное на него вліяніе имѣлъ бывшій прусскій министръ, баронъ Штейнъ, человѣкъ, какіе родятся вѣками, служившій ему вѣрно, усердно и безкорыстно. Послѣдніе четверо оставили по себѣ записки, могущія служить матеріалами къ тогдашней исторіи. Не все въ нихъ изложено совершенно безпристрастно, но они многое объясняютъ изъ тогдашнихъ обстоятельствъ. Слава Кутузова, Барклая, Багратіона, Витгенштейна, Платова, Воронцова, Ермолова, Кутайсова, Толля, не померкнетъ отъ ошибокъ и недосмотровъ писателей иностранныхъ, но еще возвысится ихъ безпристрастіемъ. Должно сказать по совѣсти, что если нѣкоторыя изъ сихъ лицъ слишкомъ рѣзко отзываются о нашихъ генералахъ и государственныхъ людяхъ, то имъ извинительно. У насъ господствуетъ нелѣпое пристрастіе къ иностраннымъ шарлатанамъ, актерамъ, поварамъ и т. п., но иностранецъ, замѣчательный умомъ, талантами и заслугами, рѣдко оцѣняется по достоинству: наши критики выставляютъ странныя и смѣшныя стороны пришельцевъ, а хорошее и достойное хвалы оставляютъ въ тѣни. Разумѣется, если русскій и иностранецъ равнаго достоинства, я всегда предпочту русскаго, но, доколѣ не сошелъ съ ума, не скажу, чтобы какой нибудь Башуцкій, Арбузовъ, Мартыновъ были лучше Беннигсена, Ланжерона или Паулуччи. Къ тому, должно отличать нѣмцевъ (или германцевъ) отъ уроженцевъ нашихъ Остзейскихъ губерній: это русскіе подданные, русскіе дворяне, охотно жертвующіе за Россію кровью и жизнью, и если иногда предпочитаются природнымъ русскимъ, то оттого, что домашнее ихъ воспитаніе было лучше и нравственнѣе. Они не знаютъ русскаго языка въ совершенствѣ, и въ этомъ виноваты не они одни: когда наша литература сравняется съ нѣмецкою, у нихъ

исчезнетъ преимущественное употребленіе нѣмецкаго языка, а теперь можно ли негодовать на нихъ, что они предпочитаютъ Гете и Лессинга—Гоголю и Щербинѣ?

Я написалъ эти строки въ оправданіе Александра: помышляя о спасеніи Россіи, онъ искалъ пособій и средствъ повсюду и предпочиталъ иностранцевъ, говорившихъ ему правду, своимъ подданнымъ, которые ему льстили, лгали, интриговали и ссорились между собою. Да и чѣмъ лифляндецъ Барклай менѣе русскій, нежели грузинъ Багратіонъ? Скажете: этотъ православный, но дѣло идетъ на войнѣ не о происхожденіи Святаго Духа! Всякому свое по дѣламъ и заслугамъ. Александръ воздвигъ памятникъ своему правосудію и безпристрастію, поставивъ рядомъ статуи Кутузова и Барклая. Дѣло противъ Наполеона было не русское, а общеевропейское, обще-человѣческое, слѣдственно всѣ благородные люди становились въ немъ земляками и братьями: итальянцы и нѣмцы, французы (эмигранты) и голландцы, португальцы и англичане, испанцы и шведы—всѣ становились подъ одно знамя . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Впрочемъ, отказаться въ крайнихъ случаяхъ отъ совѣта и участія иностранцевъ было бы то же, что, по внушенію патріотизма, не давать больному хины, потому что она растетъ не въ Россіи.

Наполеонъ вторгнулся въ Россію. Обстоятельства и послѣдствія этого вторженія извѣстны. Не прошло шести мѣ-

сяцевъ, какъ великолѣпная армія его исчезла, и онъ въ легкихъ санкахъ бѣжалъ съ Коленкуромъ, приговаривая: du sublime au ridicule il n'y a souvent qu'un pas [1]. Александръ явилъ въ теченіе этого года твердость, какой отъ него не ожидали, особенно зная его обстановку. Послѣ потери Москвы, возвысились голоса, требовавшіе мира. И чьи? Императрицы Маріи Ѳеодоровны, великаго князя Константина Павловича, Аракчеева, Румянцева и нѣкоторыхъ другихъ. Раздѣляли его убѣжденіе императрица Елисавета Алексѣевна, великая княгиня Екатерина Павловна и принцесса Антонія Виртембергская (урожденная принцесса Кобургская). Однимъ изъ главныхъ его совѣтниковъ и поддержчиковъ былъ, какъ выше сказано, баронъ Штейнъ: онъ понялъ, что потеря Москвы есть уже освобожденіе Европы, и нашелъ сочувствіе въ государѣ и въ нѣкоторыхъ его приближенныхъ.

Если въ 1812 году Александръ Павловичъ явилъ благородную твердость духа въ опытахъ и бѣдствіяхъ, въ 1813 онъ снискалъ славу искуснаго и прозорливаго дипломата. Ему удалось рѣшить задачу, надъ которою трудились напрасно многіе великіе люди: онъ успѣлъ соединить, для достиженія общей цѣли, всѣ разрозненныя государства Германіи; онъ успѣлъ вдохнуть единочувствіе и единомысліе въ разнонародныя войска, составлявшія армію, которая дѣйствовала противъ Наполеона. Должно было соединять въ одномъ лицѣ и кротость, и твердость, и уступчивость, и настойчивость, и ласку, и грозу — все во̀время, все кстати. И въ этомъ онъ успѣлъ совершенно и удивительно. Соединенными силами всей Европы, за исключеніемъ Даніи, низринута была власть Наполеона въ Германіи, и онъ принужденъ былъ отступить за Рейнъ съ потерею большей части вновь набранной имъ арміи. Но упорный и надменный духъ его не упалъ, не унылъ: онъ все еще надѣялся на звѣзду свою и выдержалъ тяжелую кампанію 1814 года, которая, дивными соображеніями и част-

---

[1]) Отъ великаго до смѣшнаго часто растояніе — одинъ шагъ.

ными успѣхами, равнялась съ первымъ его мастерскимъ походомъ, 1796 года, въ Италіи. И здѣсь окончательнымъ, рѣшительнымъ и блистательнымъ исходомъ войны обязана была союзная армія уму и твердости Александра: безъ его непрерывныхъ усилій и убѣжденій, союзники не дерзнули бы пойти на Парижъ и, можетъ быть, нашлись бы въ необходимости очистить Францію, когда Наполеонъ сталъ на сообщеніяхъ ихъ съ Рейномъ. Слава благоразумія, доблести и великодушія Акександра достигла, вшествіемъ его въ Парижъ, своего апогея. Едва ли какой либо государь въ мірѣ имѣлъ такое торжество. Черезъ восемнадцать мѣсяцевъ по занятіи Наполеономъ Москвы, по истребленіи сильныхъ и неистовыхъ враговъ, вступилъ онъ въ Парижъ въ челѣ всей арміи, къ которой присоединились войска остальной Европы, и подалъ руку Веллингтону, пришедшему изъ-за Пиреней, вступилъ въ Парижъ не при проклятіяхъ и оскорбленіяхъ, а при радостныхъ восклицаніяхъ жителей вражеской столицы. Впрочемъ, возгласы и восторги вѣтренныхъ, легкомысленныхъ французовъ менѣе нежели ничего.

Счастье благопріятствовало Александру даже многими потерями. Первая — смерть Кутузова. Думали, что онъ не могъ бы вести войны такъ успѣшно: онъ не ужился бы съ нѣмцами, напримѣръ, съ Блюхеромъ, и они не согласились бы его слушаться. Вторая — смерть Моро. Еслибы онъ остался живъ и сопровождалъ Александра, вся слава досталась бы ему.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . . Великодушіе вообще не всегда бываетъ у мѣста. Почему было не взять контрибуціи съ Парижа за Москву? Французы не кричали бы намъ: vive l'Empereur! посердились бы и заплатили. Добро, сдѣланное имъ, они тотчасъ забыли, а пеню чувствовали бы долго, и это было бы имъ очень здорово. И великодушіе, оказанное Наполеону, было излишнее и вредное, что̀ оказалось ровно чрезъ годъ.

За обаяніемъ славы вскорѣ послѣдовало разочарованіе. Александръ, посѣтивъ навремя Петербургъ, гдѣ уклонялся отъ всякихъ торжествъ и встрѣчъ, отправился на Вѣнскій конгрессъ; но побѣдитель и тріумфаторъ на полѣ брани долженъ былъ бороться съ гораздо большими препятствіями въ стѣнахъ мнимо мирнаго кабинета. Люди и правительства, освобожденные и спасенные имъ, сдѣлались его врагами; Англія, окончившая при его помощи продолжительную, изнурительную войну; Австрія, возвратившая, при пособіи Россіи, всѣ потери свои съ лихвою; Франція, обязанная ему тѣмъ, что не была стерта съ карты Европы,—соединились и положили дѣйствовать противъ Россіи. Въ то самое время, какъ владыки этихъ земель изливались въ выраженіяхъ взаимной дружбы, уваженія и благодарности, министры ихъ подписали трактатъ о противодѣйствіи Александру. Этотъ секретный трактатъ присланъ былъ Александру Наполеономъ, который, воротясь съ острова Эльбы, нашелъ его на столѣ въ кабинетѣ бѣжавшаго Лудовика XVIII. Появленіе Наполеона прекратило эти дипломатическіе ковы и заставило Европу, забывъ частныя разногласія, возобновить свой союзъ противъ демона вражды и кровопролитія. Вѣнскій конгрессъ возобновился послѣ Ватерлооской битвы и былъ конченъ къ удовольствію нѣкоторыхъ царей и къ неудовольствію многихъ народовъ. Произошло замѣчательное явленіе. Русскій императоръ домогался

пріобрѣтенія ненужнаго, тяжелаго и вреднаго, какъ ему предсказывали и друзья, и враги, и какъ доказали послѣдствія и ему, и его преемнику. Александръ впалъ въ большую ошибку. Побѣда и слава растворили его мягкое сердце, зачерствѣвшее было въ трудахъ, опасностяхъ и особенно въ союзѣ съ Наполеономъ: союзы съ Бонапарте и его исчадіями всегда были пагубны для державъ Европы. Въ Александрѣ проснулись и либеральныя идеи, очаровавшія начало его царствованія. Въ 1814 году онъ побудилъ Лудовика XVIII дать французамъ хартію, а на Вѣнскомъ конгрессѣ хлопоталъ о дарованіи германскимъ державамъ представительнаго образа правленія. Въ Вѣнѣ окружили его поляки, Чарторыжскій, Костюшко, Огинскій и другіе, напомнили ему прежнія его обѣщанія и исторгли у него честное слово, что онъ употребитъ всѣ свои силы, чтобы возстановить Польшу и дать ей конституцію. Европа видѣла въ этомъ требованіи замыслы властолюбія и распространенія предѣловъ и увеличенія силъ Россіи. Австрія и Пруссія опасались вліянія этой конституціи на свои польскія области. Англія и Франція не хотѣли, чтобы Россія въѣхала клиномъ въ Европу. Всѣ русскіе министры возстали противъ этого, даже бывшіе въ ея службѣ иностранцы — Штейнъ, Каподистрія и Поццо-ди-Борго. Нессельродъ впалъ было въ немилость государеву; употребленъ былъ дипломатъ-писарь Анштетъ, которому все было нипочемъ, лишь бы онъ могъ ѣсть страсбургскіе паштеты. Иностранцы, особенно австрійцы и пруссаки, соглашались и на присоединеніе Варшавскаго герцогства къ Россіи, только бы въ немъ не было представительнаго правленія. Александръ настоялъ на своемъ и, получивъ герцогство съ небольшими уступками сосѣдямъ, назвалъ его королевствомъ въ Европѣ и царствомъ въ Россіи. Поляки негодовали на это наименованіе тѣмъ болѣе, что въ полномъ титулѣ „Царь Польскій" постоянно былъ подлѣ „Сибирскаго". Русскіе были огорчены дарованіемъ исконнымъ врагамъ нашимъ правъ, которыхъ мы сами не имѣли. Награждены были люди, лѣзшіе на стѣны

Смоленска и грабившіе Москву, а защитники Россіи, вѣрные сыны ея, оставлены были безъ вниманія: имъ заплатили варяго-русскими манифестами Шишкова. Александръ упрямился въ исполненіи слова, даннаго врагамъ Россіи, окружавшимъ его польскимъ измѣнникамъ, а развѣ онъ другихъ словъ своихъ не нарушилъ? За послѣднее никто бы не винилъ его, еслибы оно было сдѣлано въ пользу Россіи. Но какъ бы онъ былъ великъ, когда бы, по окончаніи войны, не взялъ себѣ ничего! Какъ ничего? А слава безкорыстія, великодушія, а успокоеніе Европы насчетъ властолюбія и жадности Россіи? Онъ выигралъ бы этимъ во сто разъ болѣе, нежели пріобрѣлъ занятіемъ Польши. И къ чему онъ это сдѣлалъ?

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Супостаты наши боялись усилить Россію присоединеніемъ къ ней Польши, а это ее ослабило. Финансы герцогства были разстроены. Россія давала въ годъ нѣсколько милліоновъ рублей серебромъ на содержаніе арміи, которая потомъ сражалась противъ нея. А нравственное зло! Четыре милліона измѣнниковъ, закоренѣлыхъ враговъ нашихъ, сдѣлались русскими гражданами, дворянами: ядовитая жидкость влилась въ жилы Россіи. За одно должно благодарить поляковъ: они разочаровали Александра и заплатили Россіи по-польски, за добро зломъ, оправдали предсказанія друзей и недрузей нашихъ.

По учрежденіи царства, надлежало избрать намѣстника. Выборъ Александра палъ на храбраго генерала Зойончека, лишившагося ноги при Бородинѣ. Думали, что поляки будутъ довольны признаніемъ ихъ храбрости, единственной ихъ добродѣтели, которую они, впрочемъ, раздѣляютъ со всѣми разбойниками. Не тутъ-то было! Каждый изъ магнатовъ считалъ одного себя способнымъ и достойнымъ занять первое мѣсто въ государствѣ. Всѣ они разлетѣлись

по Европѣ: въ Парижъ, въ Лондонъ, въ Берлинъ, въ Вѣну, вездѣ стали поносить своего благодѣтеля и злоумышлять противъ него. Въ самой Польшѣ свобода тисненія и рѣчи употреблена была на хулы и насмѣшки надъ новымъ правительствомъ (однако состоявшимъ изъ поляковъ), на брань и клеветы, которыхъ предметомъ былъ неблагоразумный ихъ благодѣтель. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Александръ вскорѣ нашелся вынужденнымъ прекратить публичность и гласность преній и ограничить свободу тисненія, которою новые его вѣрноподданные не умѣли пользоваться. Новыя жалобы, новые вопли! Удивительнѣе всего было, что Константинъ Павловичъ былъ убѣжденъ въ любви къ нему поляковъ и вѣрилъ имъ болѣе, нежели русскимъ, а между тѣмъ оскорблялъ ихъ и кололъ булавками. Чашу, наполненную обоими братьями, долженъ былъ испить неповинный ни въ чемъ императоръ Николай.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Каково было положеніе Александра въ Россіи? Онъ никогда не былъ прилежнымъ работникомъ, предоставляя дѣла другу своему, Аракчееву, но съ 1812 до 1815 г. дѣлалъ очень мало. Это извинялось военными дѣлами и отсутствіемъ государя. Вотъ, говорили, война кончилась; онъ удосужится,

вѣроятно, и займется, а, между тѣмъ, накопилось дѣлъ громады. Въ „Бесѣдѣ любителей Россійскаго Слова“ было торжественное собраніе съ музыкою и пѣніемъ. Хоръ пѣлъ стихи, сочиненные на этотъ случай Державинымъ, въ которыхъ было сказано:

„И хочетъ благомъ онъ заняться своихъ днесь чадъ, своихъ дѣтей“.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но ожиданія не оправдались. Аракчеевъ сдѣлался сильнѣе, нежели когда нибудь.

Для объясненія послѣдовавшихъ мыслей и дѣлъ Александра, должно обратить вниманіе на религіозное его направленіе. Не знаемъ, каково было состояніе его вѣрованій въ молодыхъ его годахъ, но съ 1812 года они получили направленіе строго аскетическое. Говорятъ, что первымъ тому виновникомъ былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ [1]). Когда, по занятіи Москвы, всѣ бывшіе при дворѣ

---

[1]) Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (родился 8-го декабря 1773 г., скончался 22-го ноября 1844 г.) былъ человѣкъ добраго сердца, одаренный большимъ придворнымъ тактомъ и знаніемъ, чего не должно ему говорить; но умъ и разсудокъ его были весьма тѣсные. Есть преданіе, что камеръ-юнкеръ Дм. А. Гурьевъ (впослѣдствіи министръ финансовъ) и онъ были высланы императоромъ Павломъ изъ города за глупость. Голицынъ набрался незрѣлыхъ духовныхъ идей, вѣроятно, въ то время, когда былъ оберъ-прокуроромъ въ Синодѣ. Современемъ онѣ перешли въ мистицизмъ и въ ученіе англійскихъ методистовъ. И этотъ человѣкъ былъ министромъ Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ? Его окружили невѣжды, фанатики и негодяи, и этотъ добрый, почтенный человѣкъ сдѣлался орудіемъ гоненій, преслѣдованій, почти злодѣяній. Люди ученые благородные (напримѣръ, Александръ Петровичъ Куницынъ) сдѣлались жертвами козней адскаго союза, который окружилъ его. Главнымъ против-

впали въ уныніе, онъ одинъ сохранялъ равнодушіе и спокойствіе. Это не укрылось отъ взора императора. Не зная, чему приписать такое расположеніе духа, при общемъ унывіи, онъ спросилъ у князя, гдѣ онъ беретъ такую твердость. Князь вынулъ изъ кармана Библію и сказалъ, что въ этой книгѣ почерпнулъ онъ увѣренность въ непремѣнномъ спасеніи Россіи. Александръ призадумался. Въ 1813 году, во время перемирія, посѣтилъ онъ гернгутскія селенія въ Силезіи (Гнаденбергъ, Гнаденфрей и пр.); тамъ восхитился онъ порядкомъ, опрятностью и смиреніемъ жителей (моравскихъ братьевъ), взялъ у нихъ нѣсколько книгъ духовнаго содержанія и погрузился въ мистику. Потомъ сблизился онъ съ помѣшавшеюся на святости баронессою Криднеръ, старавшеюся лицемѣріемъ святости искупить грѣшки юныхъ лѣтъ.

никомъ его былъ Аракчеевъ. Князь оказывалъ къ нему презрѣніе и даже никогда не кланялся. Александру это, видно, нравилось по правилу: Divide et impera! Князь Голицынъ дѣлалъ много добра бѣднымъ и страждущимъ и щедро награждалъ своихъ подчиненныхъ, къ сожалѣнію, очень часто негодяевъ. На почтѣ принимали гривенныя письма чиновники съ звѣздою Станислава. Любопытное зрѣлище представляетъ человѣкъ слабохарактерный, управляемый обстоятельствами. Съ одной стороны, въ Министерствѣ Просвѣщенія и по Почтовому Вѣдомству окружали его ханжи и плуты; съ другой стороны—директоромъ Департамента Духовныхъ Дѣлъ былъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, добрый человѣкъ, но пустой, надутый вѣтренникъ, конечно, ничему не вѣрившій. Онъ жилъ въ верхнемъ этажѣ министерскаго дома и, надъ кабинетомъ гонителя наукъ и просвѣщенія, сочинялъ либеральную конституцію и бесѣдовалъ съ одномышленнымъ Николаемъ Тургеневымъ! И въ то время, когда составлялись ковы противу царя, участники въ нихъ, великодушные либералы, позволяли преслѣдовать людей, подозрѣваемыхъ въ свободомысліи, и, скажемъ болѣе, еще указывали на нихъ, чтобы отвести отъ себя взоры тайной полиціи.

Впрочемъ, о придворныхъ можно сказать то же, что Крыловъ говорилъ объ иностранныхъ воспитателяхъ:

— „И лучшая змѣя по мнѣ ни къ чорту не годится“.

Сообщаю, для характеристики кн. Голицына, истинное происшествіе, которое касалось меня очень близко. Въ 1820 году, Жуковскій принесъ ко мнѣ русскій переводъ одной сказочки Перро, переведенной съ

Вотъ что значило воспитаніе Александра, основанное на сказочкахъ и на порывахъ чувствительности. Весь вѣкъ свой прошатался онъ между крайностями. Въ 1814 году, знаменитый впослѣдствіи писатель и министръ Вилльменъ, въ присутствіи Александра во Французской Академіи, получилъ призъ за похвальное слово Монтескье, былъ обласканъ императоромъ и явился къ нему на другой день. Въ бытность мою въ Парижѣ, въ 1817 году, разсказывая мнѣ о разговорѣ своемъ съ императоромъ, Вилльменъ сказалъ: „до сихъ поръ не могу понять, что хотѣлъ мнѣ сказать вашъ царь. Рѣчи его были смѣсью либеральныхъ идей съ Библіею. Что въ нихъ общаго?“

Въ самомъ дѣлѣ, въ головѣ его произошло странное смѣ-

французскаго ученицею его, великою княгинею Александрою Өеодоровною, и просилъ, чтобы я напечаталъ ее въ своей типографіи въ числѣ десяти экземпляровъ, но съ тѣмъ, чтобы эта книжка не была въ обыкновенной цензурѣ, что онъ говорилъ объ этомъ князю Голицыну, и князь, изъявивъ свое согласіе, обѣщалъ извѣстить меня оффиціально о напечатаніи ея безъ обыкновенныхъ формальностей. Великая княгиня хотѣла по этой книжечкѣ учить читать своего сына. Я напечаталъ книжечку. Нѣтъ извѣщенія отъ Голицына. Жуковскій пишетъ изъ Павловска, что великая княгиня ждетъ оттисковъ. Что тутъ дѣлать? Я повезъ рукопись къ цензору Тимковскому, и онъ подписалъ ее. Вслѣдъ за этимъ послалъ экземпляры Жуковскому. Вдругъ поднялась буря. Голицынъ, забывъ (?) объ обѣщаніи, данномъ Жуковскому, написалъ къ военному генералъ-губернатору графу Милорадовичу, что въ типографіи Греча напечатана книга, недозволенная цензурою, и просилъ поступить съ содержателемъ типографіи на основаніи законовъ. Графъ потребовалъ у меня объясненія. Я представилъ рукопись, одобренную Тимковскимъ за двѣ недѣли предъ тѣмъ, и сказалъ, что одобреніе не выставлено на заглавномъ листкѣ по ошибкѣ фактора типографіи. Дѣло тѣмъ и кончилось. Хорошо было, что я не положился на словесное позволеніе министра: было бы мнѣ много хлопотъ. Добрый Жуковскій очень сожалѣлъ о непріятности, сдѣланной мнѣ, и говорилъ мнѣ, что выговаривалъ князю Голицыну, а тотъ извинился, что запросъ (имъ подписанный) былъ составленъ, безъ его вѣдома, въ его канцеляріи.—По доносамъ и наговорамъ Магницкаго, я былъ предметомъ гоненія Министерства Просвѣщенія, а потомъ преданъ былъ суду съ его же чиновниками!

шеніе. Онъ никогда не любилъ свѣта, его удовольствій и развлеченій; никогда не бывалъ ни въ театрѣ, ни въ концертѣ; изъ искусствъ любилъ одну архитектуру; удалялся отъ бесѣды съ людьми учеными и умными, которыхъ, по своему образованію и уму, могъ бы постигать и цѣнить. По вечерамъ ѣздилъ пить чай къ нѣмецкимъ купчихамъ, госпожамъ Бахерахтъ, Кремеръ и т. п. порядочнымъ дурамъ. Читалъ онъ одни французскіе романы и выписки изъ иностранныхъ газетъ. Видно, онъ скучалъ, и, послѣ шумной и блистательной славы, все казалось ему безмолвнымъ и мрачнымъ. При дворѣ составились двѣ партіи. Съ одной стороны, графъ Аракчеевъ, окруженный подлыми рабами, въ сравненіи съ которыми самъ онъ былъ героемъ добродѣтели; съ другой — князь А. Н. Голицынъ, къ которому примыкали Гурьевъ и другіе подобные. Аракчеевъ не участвовалъ въ духовныхъ помыслахъ и подвигахъ Александра, смотря на нихъ издали съ скотскимъ благоговѣніемъ злаго пса, еще неувѣреннаго въ своихъ силахъ, чтобы напасть на враговъ своихъ. Голицынъ же сдѣлался повѣреннымъ души императора, двигателемъ и орудіемъ его чувствъ и мыслей. Первымъ помощникомъ его былъ служившій дотолѣ по почтовой части при Козодавлевѣ, Василій Михайловичъ Поповъ, человѣкъ довольно образованный, знавшій иностранные языки и писавшій очень порядочно по-русски, но умомъ ограниченный, суевѣрный святоша, преданный мистикамъ. Сподвижникомъ его былъ директоръ Почтоваго Департамента, Николай Дмитріевичъ Жулковскій. Они были люди честные, искренніе, убѣжденные въ истинѣ своихъ вѣрованій. Къ этимъ добрымъ и хорошимъ людямъ примкнула толпа изувѣровъ и лицемѣровъ, ища спасенія на томъ свѣтѣ и благъ въ нынѣшнемъ, шедшихъ по кресту къ крестамъ, чинамъ и деньгамъ. Главнымъ орудіемъ ихъ дѣйствій и стремленій было изданіе и распространеніе Библіи на всѣхъ возможныхъ языкахъ. Дѣло хорошее и дѣйствительно душеспасительное, но не единое на потребу, ибо зломысліе человѣческое превращаетъ и

цѣлебное питіе въ отраву, изъ слова Божія извлекаетъ своими ухищреніями вредъ и ядъ. Они вошли въ сношеніе съ Лондонскимъ Библейскимъ Обществомъ: въ Россію пріѣхали многіе англійскіе миссіонеры, Паттерсонъ, Чендерсонъ, Пинкертонъ, и при ихъ руководствѣ составилось Русское Библейское Общество, которое стало печатать Библіи на употребительныхъ въ Россіи языкахъ и разсылать ихъ.

Князь Голицынъ (въ 1817 г.), назначенный министромъ Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ, поощрялъ и награждалъ ревнителей Библіи, успѣвъ преклонить на свою сторону архіепископа Филарета и другихъ важныхъ духовныхъ особъ. Хорошее дѣло, переводъ Библіи на русскій языкъ, къ сожалѣнію не исполнилось, но это можно было сдѣлать въ тиши, безъ шума, безъ лицемѣрія и изувѣрства. Кто не принадлежалъ къ Обществу Библейскому, тому не было хода ни по службѣ, ни при дворѣ. Люди благоразумные пробавлялись содѣйствіемъ косвеннымъ или молчаніемъ: таковы были Сперанскій, Козодавлевъ и т. п. Тщеславные шуты, люди безъ убѣжденій и совѣсти, старались подъиграться подъ общій тонъ, но не всегда удачно. Такимъ образомъ Уваровъ, произнесшій, въ 1819 году, при открытіи въ Петербургскомъ Университетѣ каѳедры восточныхъ языковъ, ультра-либеральную рѣчь, за которую впослѣдствіи самъ себя посадилъ бы въ крѣпость, потомъ сталъ охать, выворачивать глаза и твердить въ своихъ всенародныхъ рѣчахъ о необходимости чтенія слова Божія, но никакъ не могъ поддѣлаться подъ господствующій тонъ и съ отчаянія перешелъ изъ Министерства Просвѣщенія въ Департаментъ Мануфактуръ и при сей вѣрной оказіи разорилъ нѣсколько московскихъ фабрикъ, мѣшавшихъ его собственнымъ фабрикамъ. Вся эта комедія была бы только смѣшна, если бы она не превратилась въ трагедію. Къ ревнителямъ Библіи, глупымъ и умнымъ, присоединились злодѣи и негодяи и употребили во зло слабости и заблужденіе государя. Самый злой, коварный и вредный былъ изъ нихъ Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій. По возвращеніи изъ ссылки,

былъ онъ назначенъ сначала вице-губернаторомъ въ Воронежѣ, потомъ гражданскимъ губернаторомъ въ Симбирскѣ. Замѣтивъ, откуда дулъ вѣтеръ, онъ вздумалъ имъ воспользоваться. Не только онъ завелъ въ Симбирскѣ Библейское Общество и принуждалъ всѣхъ чиновниковъ и дворянъ вступать въ оное членами, но и сталъ жечь на площади сочиненія Вольтера и другихъ подобныхъ писателей XVIII вѣка: онъ зналъ ихъ очень хорошо, ибо до ссылки своей былъ безбожникомъ и кощуномъ перваго класса. Это аутодафе понравилось государю, и хотя для виду порицали въ газетахъ излишнее усердіе губернатора, но на дѣлѣ увидѣли въ немъ сильнаго поборника и вѣрнаго друга. Онъ былъ назначенъ членомъ Главнаго Правленія Училищъ и попечителемъ Казанскаго Университета. Что онъ тамъ дѣлалъ, какими негодяями и бездѣльниками окружилъ себя, какъ жестоко, нагло и насмѣшливо гналъ честныхъ и полезныхъ людей, не соглашавшихся быть его клевретами, шпіонами и рабами, объ этомъ можно написать нѣсколько томовъ. Искреннимъ другомъ и чтителемъ его былъ попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, Дмитрій Павловичъ Руничъ, старавшійся превзойти даже Магницкаго въ его сатанинскихъ подвигахъ. Третьимъ въ этомъ миломъ совѣтѣ былъ директоръ Педагогическаго Института, Дмитрій Александровичъ Кавелинъ, жалкій и глупый, но тихій лицемѣръ, отецъ достойнаго сына, профессора Константина Дмитріевича, бывшаго наставника цесаревича Николая Александровича. Руничъ взялся за С.-Петербургскій Университетъ при помощи инспектора университетскаго пансіона, Якова Васильевича Толмачева, выкралъ тетрадки нѣсколькихъ студентовъ, выписалъ изъ нихъ казавшіяся предосудительными мѣста, которыхъ самъ не понималъ, составилъ изъ нихъ обвинительный актъ и предалъ суду университетскаго совѣта профессоровъ Раупаха, Германа, Арсеньева и Галича. Едва ли найдется въ лѣтописяхъ инквизиціи что либо подобное! Профессоры эти лишились мѣстъ, другіе вышли изъ службы, негодуя и стыдясь служить въ такомъ министерствѣ. Сооб-

щаю подробности этого траги-комическаго дѣла. Дѣйствовавшія въ немъ лица сошли со сцены. Живъ одинъ Руничъ [1]), оставленный женою и дѣтьми, больной, полуумный.

Самое неудачное изъ нашихъ министерствъ есть именно Министерство Народнаго Просвѣщенія. Впрочемъ, можетъ быть, это такъ кажется мнѣ, потому что я слѣдилъ за нимъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ, нежели за другими, и имѣлъ съ нимъ болѣе сношеній. Оно учреждено было благою мыслію Александра Павловича въ 1802 году. Министромъ назначенъ былъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, человѣкъ большаго ума, обогащенный познаніями тогдашняго времени, но притомъ лѣнивецъ и пьяница. Онъ не успѣлъ бы ничего сдѣлать, если бы не придано было ему въ помощь Главное Правленіе Училищъ, въ которомъ засѣдали М. Н. Муравьевъ (товарищъ министра и попечитель Московскаго Учебнаго Округа), Н. Н. Новосильцевъ (попечитель С.-Петербургскій), князь Чарторыжскій (попечитель Виленскій), графъ П. А. Строгановъ, Клингеръ (попечитель Дерптскій), и т. д. Они образовали это министерство; они учредили новыя ученыя и учебныя заведенія и возобновили старыя, составили благородный цензурный уставъ и т. п. Но это время было непродолжительно. Политическія дѣла разстроили этотъ благородный союзъ и произвели въ умѣ и сердцѣ Александра остуду къ предмету, за который онъ взялся было съ жаромъ пламеннаго юноши. По смерти Муравьева, занялъ его мѣсто графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, человѣкъ умный и образованный, но большой баринъ и лѣнивецъ, любитель одной науки—ботаники, при которой онъ допускалъ необходимость латинскаго языка. Впослѣдствіи, сдѣлавшись министромъ Просвѣщенія, онъ поручилъ всѣ дѣла директору своей канцеляріи, Ивану Ивановичу Мартынову.

Бывши попечителемъ, онъ ненавидѣлъ Мартынова и говорилъ, что желаетъ быть министромъ единственно для того,

---

[1]) Онъ также уже скончался. Прим. ред.

чтобы выгнать этого негоднаго человѣка. На самомъ же дѣлѣ Мартыновъ сдѣлался у него сильнѣе, нежели былъ у Завадовскаго. Когда спросили графа Разумовскаго, почему онъ не держитъ даннаго слова, онъ отвѣчалъ: „Ахъ, вы не повѣрите, какъ мнѣ пріятно, когда этотъ бывшій врагъ мой докладываетъ мнѣ стоя и потомъ засыпаетъ пескомъ, когда я подписываю бумаги“. А дѣла? а польза службы? а просвѣщеніе? а Россія? Кто же станетъ заботиться о такихъ пустякахъ!

Уваровъ, рѣшившійся жениться на устарѣлой его дочери, сдѣланъ былъ попечителемъ С.-Петербургскаго Учебнаго Округа. Въ 1816 году графъ Разумовскій былъ смѣненъ въ Министерствѣ Просвѣщенія княземъ А. Н. Голицынымъ. Разумовскаго подсидѣлъ директоръ лицея, Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ. . . . .
. . . . Онъ пользовался милостью Александра, къ которому успѣлъ подольститься подъ личиною прямодушія. Въ 1816 году, по прибытіи Александра въ Царское Село, онъ будто невзначай попался ему навстрѣчу въ саду, и на вопросъ государя, что онъ дѣлаетъ, отвѣчалъ, что огорченъ выговоромъ министра. Государь полюбопытствовалъ знать за что; Энгельгардтъ отвѣчалъ: „Въ декабрѣ прошлаго года представлялъ я министру о необходимости сдѣлать торги на постройку лѣтнихъ панталонъ воспитанникамъ и не получилъ никакого отвѣта. Въ январѣ повторилъ представленіе. И тутъ отвѣта не было. Въ мартѣ третье представленіе и новый отказъ. Вотъ наступилъ май, и я сшилъ панталоны безъ торговъ. Въ октябрѣ наконецъ получилъ я разрѣшеніе на торги, но тогда донесъ, что панталоны уже сшиты и изношены. Министръ сдѣлалъ мнѣ строжайшій выговоръ за ослушаніе предъ начальствомъ и за неисполненіе приказаній“. Чрезъ недѣлю Разумовскій былъ отставленъ. И Энгельгардтъ просидѣлъ на мѣстѣ недолго. Его уходили святоши. Потомъ онъ вкрался въ милость къ Канкрину и сдѣланъ былъ директоромъ редакціи „Земледѣльческой Газеты“. Работу всю отправлялъ редакторъ Степанъ Михайловичъ Усовъ,

а Энгельгардтъ, подъ предлогомъ изученія земледѣлія, выписывалъ себѣ на казенный счетъ журналы о садоводствѣ. Когда интригантъ Заблоцкій прибралъ въ руки „Земледѣльческую Газету", Усова, создавшаго этотъ органъ печати, уволили безъ всего, безъ награды, безъ привѣта, за двадцатилѣтній слишкомъ трудъ, а Энгельгардту дали полный пенсіонъ. Энгельгардтъ хвалился своимъ постоянствомъ. Оно состояло въ томъ, что онъ всю жизнь ходилъ въ темно-голубомъ фракѣ съ чернымъ стоячимъ воротникомъ и въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ. Онъ умѣлъ обморочить не одного умнаго и образованнаго человѣка.

Зная въ князѣ Голицынѣ человѣка кроткаго, добраго, благонамѣреннаго, многіе надѣялись отъ него всякихъ благъ—

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Тогдашнія происшествія въ Европѣ, неудовольствія Германіи на исходъ Вѣнскаго конгресса, обманувшаго надежды нѣмцевъ, пожертвовавшихъ всѣмъ для сверженія иноземнаго ига, въ ожиданіи лучшей будущности; волненія въ университетахъ, умерщвленіе Коцебу студентомъ Зандомъ—все это заставляло призадумываться и искать средствъ къ успокоенію умовъ и къ прекращенію безпорядковъ. Вздумали водворять религію распространіемъ Библіи и сочиненій Эккартсгаузена и Юнгъ-Штиллинга. Вошелъ въ моду Лабзинъ, Поповъ, Магницкій, Руничъ, Кавелинъ и тому подобные ханжи; лицемѣры и плуты завладѣли Голицынымъ и его министерствомъ. Главную роль игралъ при томъ Магницкій. Ему отданъ былъ на съѣденіе Казанскій Университетъ. Пріѣхавъ туда и взглянувъ на профессоровъ, онъ тотчасъ отличилъ подлецовъ отъ порядочныхъ людей: первыхъ приближалъ къ себѣ, возвышалъ, представлялъ къ наградамъ; другихъ преслѣдовалъ, обижалъ и выгонялъ. И въ этомъ поступалъ онъ какъ кровожадные члены Комитета Общественнаго блага (du salut public)

во Франціи. Является къ нему профессоръ, толкуетъ съ нимъ, сообщаетъ свои мнѣнія, можетъ быть, приноситъ жалобы. Магницкій слушаетъ его внимательно, благосклонно. По окончаніи рѣчи говоритъ: „Я имѣлъ до васъ просьбу и надѣюсь, что вы ее исполните". Профессоръ кланяется. „Вотъ листъ гербовой бумаги, потрудитесь написать прошеніе объ увольненіи васъ отъ службы и будьте увѣрены, что оно вскорѣ будетъ исполнено". Студентовъ заставлялъ онъ ходить въ церковь какъ можно чаще; инспектору и профессорамъ предписано было присматривать, кто изъ нихъ молится съ большимъ усердіемъ, по гримасамъ ихъ, повышалъ и награждалъ. Ханжество, лицемѣріе, а съ тѣмъ вмѣстѣ развратъ и нечестіе дошли тамъ до высшей степени. Особенно отличался подлостями всякаго рода профессоръ Пальминъ, поступившій туда изъ плохихъ учителей С.-Петербургской Гимназіи. Когда іезуитскій уставъ Казанскаго Университета былъ введенъ въ Петербургѣ, казанскій ректоръ Никольскій поздравилъ „петербургскую обитель благочестія и просвѣщенія" отношеніемъ, составленнымъ трудами благочестиваго Пальмина. Эта бумага сдѣлалась извѣстною и возбудила общій смѣхъ. Магницкій видѣлъ, что его дураки пошли слишкомъ далеко, и обратилъ свой гнѣвъ на Пальмина. Это же обстоятельство подало Магницкому средство или, лучше сказать, предлогъ расторгнуть связь свою съ Голицынымъ и передаться Аракчееву.

Руничъ былъ ревнителемъ, поклонникомъ, подражателемъ и каррикатурою Магницкаго. Тотъ былъ хитрый и разсчетливый плутъ, насмѣхался надъ всѣмъ въ свѣтѣ, дурачилъ кого могъ и пользовался слабостями и глупостью людей. Руничъ былъ дуракъ, хвастунъ, пустомеля; фанатизмъ его былъ неестественный, а прививной: попадись онъ въ руки Рылѣева, онъ былъ бы повѣшенъ вмѣстѣ съ нимъ. Подражая во всемъ Магницкому, восхищаясь его Робеспіеровскими подвигами въ Казани, Руничъ хотѣлъ повторить то же съ большимъ блескомъ и громомъ въ Петербургѣ. Помощникомъ его былъ профессоръ русской словесности Яковъ Васильевичъ Толмачевъ,

переведенный въ университетъ изъ петербургской семинаріи за то, что училъ грамотѣ побочныхъ дочерей графа Разумовскаго . . . .

. . . .

. . . . . Толмачевъ досталъ тайными путями тетрадки студентовъ. Это мнѣ извѣстно въ точности. Братъ Бориса Карловича Данзаса, Генрихъ, умершій въ молодыхъ лѣтахъ, лежалъ больной неопасною болѣзнію въ лазаретѣ и слышалъ, какъ Толмачевъ подговаривалъ студентовъ выдать ему тетрадки ихъ товарищей. На возраженія ихъ, онъ отвѣчалъ: „Что ихъ щадить, этихъ проклятыхъ нѣмцевъ: всѣхъ ихъ надо выгнать. Отъ нихъ житья нѣтъ!“ На жертву избраны были профессоры Германъ, Раупахъ, Арсеньевъ и Галичъ. Германъ, ученикъ знаменитаго Шлецера, въ Геттингенѣ, былъ человѣкъ умный и ученый, но тяжелый, лѣнивый и довольно легкомысленный. Онъ преподавалъ въ университетѣ всеобщую статистику умно и дѣльно, но поверхностно. Гораздо интереснѣе и важнѣе были частныя лекціи его въ обществѣ молодыхъ офицеровъ и другихъ любителей наукъ. По минованіи бури, онъ поступилъ инспекторомъ классовъ въ Смольномъ Монастырѣ и Екатерининскомъ Институтѣ и пользовался до конца жизни своей милостями императрицы Маріи Ѳеодоровны. Онъ издалъ нѣсколько книгъ о статистикѣ на русскомъ и на нѣмецкомъ языкѣ, не отличающихся внутреннимъ достоинствомъ и написанныхъ поверхностно, но былъ человѣкъ честный и добрый и никогда не замышлялъ ничего дурного: это требуетъ напряженія и труда, а онъ любилъ нѣгу и лѣнь. Умеръ онъ въ 1838 г. Эрнстъ Раупахъ, впослѣдствіи извѣстный драматическій писатель, былъ гувернеромъ дѣтей князя П. М. Волконскаго и, по протекціи Уварова, поступилъ въ университетъ сперва профессоромъ нѣмецкой литературы, а потомъ всеобщей исторіи. Онъ былъ протестантъ и поэтъ, слѣдственно преподавалъ свой предметъ свободно, не стѣсняясь узкими взглядами суевѣровъ. Можетъ быть, онъ былъ и неостороженъ, но никакъ не былъ ни револю-

ціонеромъ, ни безбожникомъ. Лекціи его были тѣмъ безвреднѣе, что онъ преподавалъ на нѣмецкомъ языкѣ, котораго девять десятыхъ студентовъ не понимали, а остальные были протестанты. Полагаю, что онъ навлекъ на себя негодованіе начальства тѣмъ, что понималъ и презиралъ тогдашнихъ своихъ командировъ.

Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ, ученикъ Германа, человѣкъ благородный, честный и кроткій, подпалъ гнѣву начальства за то, что не согласился жениться на племянницѣ ректора Зябловскаго. Какой извергъ! Онъ долженъ бы былъ взять примѣръ съ извѣстнаго литератора, переводчика Исторіи Гиллиса, Алексѣя Григорьевича Огинскаго, который, для пріобрѣтенія протекціи, женился на тещѣ Толмачева! Арсеньевъ, служа въ Инженерномъ Училищѣ, пользовался милостями великаго князя Николая Павловича и впослѣдствіи былъ учителемъ нынѣшняго государя Александра Николаевича. Въ 1848 году, будучи уже тайнымъ совѣтникомъ и членомъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, онъ подвергся немилости императора Николая, по доносу предсѣдателя секретной цензуры, Д. П. Бутурлина, за одно выраженіе въ письмѣ, при которомъ онъ поднесъ свою книгу цесаревичу; но этотъ гнѣвъ не имѣлъ вредныхъ для Арсеньева послѣдствій.

Александръ Ивановичъ Галичъ, человѣкъ добрѣйшій, основательно учившійся философіи, но слабый и безхарактерный, былъ игрушкою учениковъ Петровской школы, въ которой онъ смѣнилъ меня, въ 1813 году, въ званіи старшаго учителя русскаго языка. Не умѣя, при всей своей учености, справиться съ высшими классами, онъ просилъ перевести его въ классъ для преподаванія чтенія, что̀ и было исполнено: потомъ получилъ онъ мѣсто профессора философіи въ университетѣ. Онъ написалъ „Исторію Философскихъ Системъ“, по нѣмецкимъ источникамъ, варварскимъ и темнымъ слогомъ. Изъ этой несчастной книги извлекли матеріалы къ обвиненію его. Ему самому приписали

чужія мнѣнія, которыя онъ приводилъ въ исторіи. Профессоры университета раздѣлились на двѣ стороны — бѣлую и черную. На бѣлой были: Балугіянскій, Лодій, Бутырскій, Плисовъ, Шармуа, Деманжъ, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ, Вишневскій, Ржевскій, Радловъ и директоръ училищъ Тимковскій. На черной: Дегуровъ, Зябловскій, Толмачевъ, Роговъ, Поповъ и Щегловъ. Первые придерживались своего мнѣнія и выражали оное по искреннему убѣжденію, по долгу правды и чести; послѣдніе слѣдовали чужимъ указаніямъ, по зависти, подлости, трусости и желанію выслужиться у гнуснаго начальства. По составленіи Руничемъ и его клевретами обвинительныхъ пунктовъ, подсудимымъ сдѣланы были допросы въ засѣданіяхъ университета, 3-го, 4-го и 7-го ноября 1821 года. Подробное и вѣрное описаніе этихъ засѣданій составлено было тогда же профессоромъ Плисовымъ [1]). Едва ли можно повѣрить, чтобы нѣчто подобное могло случиться въ XIX вѣкѣ, въ царствованіе Александра I. Рукопись Плисова разошлась по рукамъ. Святоши, узнавши о томъ, стали его преслѣдовать. Плисовъ преподавалъ естественное право въ гимназіи. Кавелинъ обѣщалъ Руничу сгубить его на тогдашнемъ экзаменѣ. Сообщаю исторію этого экзамена, написанную Плисовымъ.

„Записка о частномъ испытаніи въ С.-Петербургской Гимназіи учениковъ седьмаго класса, произведенномъ 7-го дня декабря 1821 года, по предмету естественнаго права“.

„Испытаніе началось въ присутствіи г. исправляющаго должность ректора университета, Зябловскаго, директора гимназіи, Тимковскаго, инспектора гимназіи, Миддендорфа, и профессора университета, Плисова, какъ преподающаго въ гимназіи право. Вскорѣ потомъ прибылъ въ собраніе директоръ университета, Кавелинъ, а спустя нѣсколько и г. Руничъ.

„Профессоръ Плисовъ представилъ программу, или оглав-

---

[1]) См. приложенія въ концѣ книги, примѣчаніе I.

еніе статей и предметовъ, пройденныхъ подъ его руководствомъ изъ естественнаго права. Г. Зябловскій вызывалъ учениковъ и самъ предлагалъ вопросы. До прибытія Рунича не произошло ничего особеннаго, кромѣ того, что когда, по причинѣ посторонних предметовъ, въ которые Кавелинъ вводилъ учениковъ чрезъ даваемые имъ посторонніе вопросы, испытаніе удалялось отъ своей цѣли и проф. Плисовъ хотѣлъ то замѣтить, то Кавелинъ предупредилъ его, сказавши: „это у васъ скверная привычка мѣшаться, и я вамъ скажу однажды навсегда, что если вы осмѣлитесь говорить, то можно будетъ вывести васъ вонъ". Плисовъ отвѣчалъ молчаніемъ, а между тѣмъ, г. Кавелину угодно было заставить ученика Лаубе проговорить наизустъ Десятословіе, а сей, приведенъ будучи въ замѣшательство, сдѣлалъ ошибку, пропустивши слова: елико на небеси горѣ. Вслѣдъ затѣмъ вызваны другіе воспитанники, кои говорили десять заповѣдей. Наконецъ прибылъ г. Руничъ, и образъ испытанія еще больше измѣнился.

„Вызванный г. Зябловскимъ воспитанникъ долженъ былъ говорить: о правильномъ понятіи, названіи, предметѣ и опредѣленіи естественнаго права. Сказавши сперва' что названіе естественнаго права существовало прежде, нежели оно составило предметъ особой науки, и что прежде, нежели составилось правильное объ оной понятіе, съ онымъ названіемъ соединяемы были многія, весьма различныя, — воспитанникъ началъ потомъ излагать (исторически) разныя сіи понятія. Г. Руничъ остановилъ его на мнѣніи Гоббеза, который, какъ говорилъ воспитанникъ, разумѣлъ подъ естественнымъ правомъ систему правъ, приличныхъ людямъ въ какомъ-то естественномъ состояніи, предшествовавшемъ общежительному и гражданскому. Г. Руничъ рѣшительно объявилъ, что „о естественномъ правѣ и невозможно имѣть никакого другого понятія: что это должно быть опредѣленіемъ сей науки". Воспитанникъ начиналъ доказывать, что „они имѣютъ совсѣмъ другое понятіе и опре-

дѣленіе сей науки; что естественное право въ понятіи Гоббеза было бы предметомъ пустыхъ умствованій, игрою воображенія, не имѣло бы никакой практической пользы", и т. п. „Вы меня хотите переучивать!" прервалъ г. Руничъ, — „оставьте сей напрасный трудъ". Профессоръ Плисовъ начиналъ также говорить, но г. Кавелинъ велѣлъ ему молчать, грозя выслать его вонъ. Между тѣмъ, испытаніе продолжалось и статья для вопроса осталась та же. Говоря о разныхъ названіяхъ естественнаго права, воспитанникъ, между прочимъ, сказалъ: „естественное право можно бы назвать философіею права, если бы сіе названіе или слово не имѣло такого неопредѣлительнаго значенія".—„Это и есть безумная философія!" прервалъ г. Руничъ довольно длиннымъ разсужденіемъ, изъ котораго однако никто не понялъ ничего.

„Профессоръ Плисовъ сказалъ, что, именно для избѣжанія сего недоразумѣнія и предубѣжденія, онъ не даетъ естественному праву сего названія. Г. Кавелинъ велѣлъ ему молчать, съ прежнею угрозою. „Исторія положительнаго права", говорилъ между прочимъ воспитанникъ далѣе,—„служитъ доказательствомъ тому, что, кромѣ нарочитыхъ законовъ, существуютъ также положенія здраваго разума и обычаи, кои во многихъ случаяхъ замѣняютъ недостатокъ нарочитыхъ законовъ". Г. Руничъ прервалъ это разсужденіе и наконецъ сказалъ, что естественное право не предполагаетъ ни исторіи, ни положительнаго права, ни нарочитыхъ законовъ, а „потому отнюдь не слѣдуетъ о томъ говорить (!)".

„Вызваны вновь воспитанники и предложенъ другой вопросъ: Доказательство, что естественное право, какъ особая, отдѣльная отъ прочихъ, наука существуетъ. Продолжая отвѣчать на оный, воспитанникъ говорилъ: „всякій человѣкъ при здравомъ разумѣ различаетъ правое отъ несправедливаго, какъ въ своихъ поступкахъ, такъ и въ поступкахъ другихъ людей, хотя бы о томъ не было никакого постановленія въ нарочитомъ законѣ или хотя бы положи-

тельный законъ опредѣлялъ противное". Трудно припомнить всѣ слова и выраженія, коими г. Руничу угодно было нѣсколько разъ прерывать оное краткое, но ясное изложеніе; наконецъ изъ длиннаго своего и отрывистаго разсужденія онъ вывелъ и сказалъ заключеніе: „Всѣ люди по природѣ глупы и безумны".—„Глупые и безумные, намъ подобные, составляютъ исключеніе изъ правила", отвѣчалъ воспитанникъ. „Цѣлыя республики глупыхъ и безумныхъ представляетъ намъ исторія", сказалъ г. Руничъ; „примѣромъ тому служитъ республика Абдератовъ (!)".—„Это Виландовъ романъ, а не исторія", говорилъ профессоръ Плисовъ, но его не слушали, а разговоръ совершенно посторонній и сужденія, нимало не относящіяся къ дѣлу, продолжаемы были г. Кавелинымъ, въ довольно обидныхъ насчетъ профессора Плисова выраженіяхъ, о безуміи ученыхъ. Одно постороннее слово рождало постороннюю мысль, одна посторонняя мысль — другую, еще посторроннѣйшую. Наконецъ профессоръ Плисовъ принужденъ былъ доложить, „что главная цѣль испытанія состоитъ въ томъ, чтобы удостовѣриться въ степени познаній и успѣховъ, сдѣланныхъ воспитанниками въ наукѣ". Онъ просилъ продолжать испытаніе, не устраняясь въ постороннія матеріи, нимало не принадлежащія къ предмету. — „Вы осмѣливаетесь меня учить!" прервалъ г. Руничъ.—„Я никакъ не беру на себя этого труда, ваше превосходительство", отвѣчалъ профессоръ Плисовъ. — „Да и что за умъ, въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ г. Руничъ,—„умъ, разумъ, разумѣніе, сила мышленія—это вѣроятно также не маловажную у васъ играетъ ролю".—„Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ профессоръ Плисовъ,—„она также предполагается во всякомъ мыслящемъ человѣкѣ, и хотя есть люди, кои мыслятъ, что не должно мыслить, но большая часть говоритъ это по подражанію другимъ, другіе подражаютъ въ томъ третьимъ и т. д.; однако-жъ, если дойти до перваго чудака, который мыслитъ, что не должно мыслить, то онъ все же мыслитъ". Сіе посторон-

нее отступленіе прервано другимъ, еще посторпоходнѣйшимъ, разговоръ между гг. Руничемъ и Кавелинымъ продолжался, а испытаніе удалялось отъ своей цѣли.

„Нѣкоторые изъ воспитанниковъ, видя необходимость или почитая себя въ состояніи отвѣчать на всякія постороннія матеріи, въ постороннихъ вопросахъ имъ предлагаемыя, продолжали вдаваться въ оныя и судить по-своему. Профессоръ Плисовъ объявилъ, что онъ не ручается за правильность таковыхъ сужденій. „Это ваша обязанность!“ сказалъ г. Руничъ.—„Я отвѣчаю за правильность сужденій, относящихся къ преподанной мною наукѣ,—возразилъ профессоръ Плисовъ; но предметы, о которыхъ предлагать изволите, ни посредственно, ни непосредственно не входили никогда въ составъ оной“.

„Тутъ вызваны нѣсколько воспитанниковъ вдругъ. Что есть государство? Верховная власть? Какимъ образомъ люди оставили естественное состояніе? Какъ пожертвовали они свободою? Что есть подчиненность? и прочіе вопросы, одинъ за другимъ, предложены были отъ г. Рунича.—Г. Кавелинъ сопровождалъ оные своими сужденіями въ выраженіяхъ довольно странныхъ, хотя и не совсѣмъ понятныхъ, и пр. Отчего произошло то, что одинъ повелѣваетъ, а милліоны должны повиноваться? Безъ сомнѣнія, лучше повелѣвать, нежели повиноваться? Какъ можно понять или представить себѣ возможною эту жертву? и т. п. Профессоръ Плисовъ объявилъ, „что вопросы о государствѣ и верховной власти относятся къ публичному и государственному праву, котораго онъ не проходилъ съ воспитанниками, что, вопреки сужденію г. Кавелина, онъ имѣетъ о сихъ важныхъ предметахъ совершенно другія учебныя понятія, и что такъ какъ онъ не проходилъ публичнаго права, то самое оное сужденіе г. Кавелина, которое онъ, профессоръ, объявляетъ не только превратнымъ, но и ни съ чѣмъ несообразнымъ, можетъ послужить соблазномъ для воспитанниковъ“. Г. Руничъ велѣлъ профессору молчать, а, между

тѣмъ, воспитанники, разспрашиваемы будучи, отвѣчали какъ могли, не сказавши однако-жъ ничего противнаго здравому смыслу и существу дѣла. Профессора спросили: принимаетъ ли онъ это за свое ученіе? Онъ повторилъ сказанное прежде, что не проходилъ публичнаго права.— „Откуда же воспитанники получили всѣ сіи понятія?“ спросилъ г. Руничъ.— „Кромѣ тѣхъ понятій, отвѣчалъ Плисовъ,— кои они въ теченіе годичнаго курса заимствовали отъ меня по части преподанной мною имъ науки, они могутъ имѣть разныя другія, но я еще разъ повторяю, что я не проходилъ публичнаго права, къ которому относятся предложенные вопросы“. — „Вы меня никакъ не проведете и въ томъ не увѣрите, возразилъ г. Руничъ.—Вы хотите меня обмануть! Вы хотите ускользнуть подобно проф. Балугіянскому, который, призванъ будучи въ Главное Правленіе Училищъ, вилялъ, вилялъ и старался всячески ускользнуть отъ подобныхъ вопросовъ, а наконецъ долженъ былъ сознаться“. — „Я не проходилъ публичнаго права, повторилъ проф. Плисовъ;—а впрочемъ, въ сужденіи и объясненіи воспитанника не нахожу ничего противнаго здравому смыслу, или въ какомъ бы то ни было отношеніи предосудительнаго“.

„Вмѣсто того, чтобы тутъ же спросить г. директора гимназіи, или инспектора, или какихъ учениковъ, и удостовѣриться въ томъ, въ чемъ, неизвѣстно по какой причинѣ, не довѣряли проф. Плисову, который, кажется, не имѣлъ никакой надобности скрывать то, что послужило бы ему же въ похвалу, т. е., если бы кромѣ естественнаго права, частнаго, означеннаго въ его программѣ, онъ прошелъ и публичное,—вмѣсто всего этого г. Руничъ продолжалъ:—„Такъ вы не проходили государственнаго права? Вотъ я тотчасъ это узнаю! Возьмемъ статью о поступкахъ (по программѣ)“.—„О сравненіи поступковъ съ законами“, сказалъ г. исправляющій должность ректора университета вызванному имъ ученику. Сей послѣдній, опредѣливши понятіе о

поступкѣ, началъ различные роды оныхъ по различію отношеній. „Всякій поступокъ, говорилъ онъ,—„предполагаетъ дѣйствіе, но поступки не всегда состоятъ въ дѣйствіи; упущеніе дѣйствія называется также поступкомъ, когда предполагается, что оно могло, или не долженствовало быть сдѣлано. Въ семъ отношеніи поступки раздѣляются на положительные, кои состоятъ въ содѣланіи, и отрицательные, состоящіе въ упущеніи, напр., пойти, куда должно идти, есть поступокъ положительный; остаться есть поступокъ отрицательный".—„Этотъ примѣръ не годится, прервалъ Руничъ,—„идти есть дѣйствіе физическое".—„Но оно можетъ быть предметомъ нравственныхъ и юридическихъ отношеній", отвѣчалъ воспитанникъ.—„Приведите другой примѣръ", сказалъ проф. Плисовъ.—„Кто оказываетъ другому милость, помощь, снисхожденіе и т. п., отвѣчалъ воспитанникъ,—или, напр., платитъ долгъ, тотъ совершаетъ поступокъ положительный; кто того не дѣлаетъ, тотъ чрезъ упущеніе совершаетъ поступокъ отрицательный".—„А! прервалъ г. Руничъ,—и послѣ этого вы все еще будете говорить, что не преподавали публичнаго права, когда, какъ извѣстно, платежъ долга, какъ поступокъ положительный, относится къ публичному праву (?)".

„Ученикъ пораженъ былъ не меньшимъ удивленіемъ, какъ и самъ профессоръ, который послѣ таковаго объясненія считалъ уже излишнимъ всякое дальнѣйшее съ своей стороны и потому отвѣчалъ молчаніемъ. Испытаніе продолжалось, но, вмѣсто даннаго вопроса, г. Руничъ предложилъ другой, прежній: Доказательство, что естественное право существуетъ. Доказавши, что общія понятія о правѣ, или естественные законы, существуютъ, воспитанникъ продолжалъ: „Сіи общія понятія, или естественные законы вездѣ и всегда одинаковы, существенны, и потому заключаются въ самой природѣ человѣка". — Вы никакъ не увѣрите меня въ томъ, что естественные законы вездѣ и всегда одинаковы", возразилъ г. Руничъ. — „Исторія и ежедневный опытъ всякаго въ томъ убѣждаютъ, отвѣчалъ воспитан-

никъ;—за нѣсколько тысячелѣтій люди различали добродѣтели отъ порока и справедливость отъ несправедливости такъ же, какъ различаютъ и нынѣ и такъ, какъ будутъ различать до тѣхъ поръ, пока человѣкъ останется человѣкомъ!!“—„Исторія полна злодѣевъ! прервалъ Руничъ,—и потому отнюдь не можетъ служить доказательствомъ (!)“.—„Это же самое“, отвѣчалъ воспитанникъ,—и доказываетъ уже то, что злодѣйство различали, а это только мы и сказать хотѣли“.—„Сколько протекло тысячелѣтій, о которыхъ вы говорите?“ спросилъ Руничъ.—„Мы употребляемъ здѣсь опредѣлительное выраженіе вмѣсто неопредѣлительнаго“, отвѣчалъ воспитанникъ,—„И въ томъ отношеніи, въ которомъ мы говоримъ“, прибавилъ проф. Плисовъ,—„нѣтъ нужды въ точныхъ вычисленіяхъ“. Г. Руничъ продолжалъ свое разсужденіе, а г. Кавелинъ въ такихъ выраженіяхъ и словахъ, кои при всей странности трудно припомнить.

„Между тѣмъ, данъ былъ другой вопросъ вызваннымъ воспитанникамъ: „О различіи между правомъ естественнымъ и правомъ государственномъ“. Одинъ изъ нихъ между прочимъ сказалъ: „оное различіе состоитъ и въ томъ, что законы, составляющіе предметъ въ правѣ, бываютъ различны, по различію мѣста и различію времени на одномъ и томъ же мѣстѣ, а потому терпятъ перемѣны и изъятія; напротивъ того, законы естественные, начертанные въ сердцѣ каждаго человѣка, какъ доказывали уже прежде, составляющіе предметъ права естественнаго, суть законы постоянные, непремѣнные и существенные“. Доказательство сего послѣдняго сказано было уже прежде, при семъ же вопросѣ. Но когда самое положеніе принято было г. Руничемъ за нѣчто несообразное, противное, опасное, или въ какомъ-то отношеніи предосудительное, и когда онъ, изъявляя то и требуя настоятельно, чтобы оное положеніе было повторено нѣсколько разъ, началъ тутъ же для себя писать оное по словамъ воспитанника, то сей послѣдній, на вопросъ: почему естественные законы постоянны, непремѣнны и существенны, отвѣ-

чалъ перифразомъ, сколько можно помнить: потому что они основываются на общихъ началахъ ума.—„Вы имѣете и другія доказательства“, отвѣчалъ проф. Плисовъ.—„Отъ сего вы отступаетесь?“ спросилъ его г. Руничъ.— „Я и въ семъ не нахожу ничего несообразнаго“, отвѣчалъ профессоръ. Изъявляя свое убѣжденіе въ противномъ, г. Руничъ положилъ къ себѣ въ карманъ записанное имъ со словъ воспитанника положеніе, говоря притомъ: „вотъ это ужъ къ чему нибудь пригодится!“ Замѣчая ужъ притомъ, что время примѣтно уходитъ и испытаніе болѣе и болѣе удаляется отъ своей цѣли, г. директоръ гимназіи считалъ своимъ долгомъ о томъ и о другомъ напомнить, что́ и сдѣлалъ, подошедши къ г. исправляющему должность ректора университета; впослѣдствіи г. исправляющій должность ректора университета представилъ о томъ г. Руничу, который отвѣчалъ ему: „я хочу испытать прежде его (указывая на проф. Плисова) и ученіе, которое онъ разсѣевалъ“.—„Вашему превосходительству угодно испытать меня?“ спросилъ скромно проф. Плисовъ.—„Ну, да“, отвѣчалъ г. Руничъ.—„Позвольте однако-жъ доложить вашему превосходительству, что здѣсь, кажется, не мѣсто для испытанія меня“, сказалъ проф. Плисовъ. — „Какъ! прервалъ г. директоръ университета,—„изъ чего вы взяли, что васъ экзаменовать хотятъ?“ — Изъ собственныхъ словъ его превосходительства,“ отвѣчалъ Плисовъ“.—Да не такъ ли вы сказали, ваше превосходительство, прервалъ г. директоръ университета (оборотясь къ г. Руничу), не такъ ли вы сказали, что предоставляете г. профессору экзаменовать учениковъ.—„Точно такъ“, отвѣчалъ Руничъ. „Вы не дослышали, г. Плисовъ, продолжалъ онъ;—изъ чего вы взяли,—продолжайте экзаменовать,—спрашивайте, давайте вопросы—продолжайте“.—„Это опять другое распоряженіе, какое угодно вашему превосходительству дѣлать,“ сказалъ профессоръ Плисовъ. „Первое состояло въ томъ, чтобы экзаменовать меня. Я это очень хорошо слышалъ, такъ какъ и всѣ предстоящіе, а потому осмѣливаюсь доложить, что хотя

мое званіе и увольняетъ меня отъ всякаго дальнѣйшаго испытанія, однако-жъ, я охотно оному подвергнусь, предполагая притомъ, какъ само собою разумѣется, что испытующій будетъ имѣть основательное свѣдѣніе въ наукѣ".—„Продолжайте экзаменовать сами! прервалъ Руничъ;—„или вы хотите, чтобы я обвинилъ васъ въ неповиновеніи?"

„Тутъ профессоръ Плисовъ, который и не начиналъ до сихъ поръ еще экзаменовать (потому что вызовъ учениковъ и предложеніе для вопросовъ общихъ статей по программѣ дѣлалъ г. исправляющій должность ректора университета, Зябловскій, а профессору, при всякомъ случаѣ, когда онъ начиналъ говорить, велѣно было молчать), принужденъ былъ дать ученику вопросъ, а между тѣмъ, спустя нѣсколько времени, просилъ извинить его, что не можетъ продолжать, по причинѣ приключившагося ему круженія головы, и вышелъ изъ собранія.

По разсмотрѣніи Руничемъ учебныхъ тетрадокъ, донесъ онъ о нихъ министру: „Хотя въ тетрадкахъ Плисова не найдено ничего предосудительнаго, но это самое и доказываетъ, что онъ человѣкъ вредный, ибо, при устномъ преподаваніи, могъ прибавлять, что ему вздумается". Плисовъ былъ уволенъ отъ должности. Впослѣдствіи былъ онъ директоромъ Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и отставленъ Перовскимъ за то, что не хотѣлъ скрѣпить противозаконной, по его мнѣнію, бумаги. Онъ умеръ въ званіи члена консультаціи въ Министерствѣ Юстиціи.

Дѣло профессоровъ кончилось ничѣмъ. Германъ поступилъ на службу къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Раупахъ вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ Германію, посвятилъ себя драматической литературѣ, и пріобрѣлъ большую извѣстность. Сообщаемъ его отвѣтъ Руничу на обвиненія въ безбожіи [1]). Арсеньевъ былъ опредѣленъ по Статисти-

14 Novembre 1821.

[1]) Votre excellence m'a proposé des questions auxquelles il m'est impossible de répondre à fond, étant privé de tous les papiers, qui me se-

ческому Отдѣленію въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Когда Руничъ, получивъ за свои подвиги орденъ св. Вла-

raient nécessaires pour une telle réponse, je crois cependant au total pouvoir Vous la donner d'une manière satisfaisante. — Étant connu de Vous depuis six ans et habitué à la frequente communication des idées qui a du avoir lieu pendant ce temps, j'ose croire n'avoir pas besoin de Vous assurer que la propagation préméditée d'un système d'Atheisme et des principes destructifs du bien géneral, dont je suis chargé dans les papiers du ministre du 19 Septembre, n'a jamais pu entrer dans mon ésprit et qu'une semblable intention a été de tout temps étrangère à mon âme. Si j'avais mes cahiers, je pourrais vous citer de morceaux qui sont en opposition directe avec le plan honteux dont on m'accuse; mais mes accusateurs se sont bien gardé de les relever. On s'est au contraire contenté de tirer de leur ordre naturel toutes les phrases, qui parraissent temoigner contre moi; et Vous savez combien il est aisé, en agissant de cette manière, de faire tomber les soupçons sur toutes les assertions possibles et que l'on pourrait, en procédant ainsi, accuser aussi bien que moi, tous les professeurs du monde. Je n'ai pas pu naturellement retenir de mémoire tous les passages extraits de mes cahiers comme dangereux, ne les ayant entendu lire qu'une fois; mais au total, les erreurs, dont on m'accuse, peuvent se reduire aux trois points suivants.

1) On me blâme d'avoir rapporté dans mes leçons les opinions religieuses des anciens peuples de l'Orient. Destiné à enseigner l'histoire à des jeunes gens de 20 à 24 ans et à en faire des professeurs d'histoire, j'ai cru de mon devoir de la leur exposer dans toute son etendue les opinions religieuses dont je parle en formant une partie. La Religion, la veritable comme la fausse, a toujours été la base de l'existence, donc il résulte, qu'il est impossible de juger d'un peuple comme d'un individu sans connaître ses opinions religieuses. Parmi les croyances anciennes se trouvent, comme vous savez, quelques unes, qui contrarient la Révélation, d'autres, qui lui ressemblent, d'autres enfin, qui lui sont absolument étrangères; mais quoi qu'il en soit, de ces trois divisions, qui dans le monde entier s'est avisé de penser qu'un professeur, qui rapporte ces opinions, exprime là-dessus sa propre conviction ou suppose par là à ces rêveries la moindre réalité? J'ai montré à mes auditeurs, comment l'homme, livré à lui même et non appuyé par la Révélation, était tombé dans les égarements; mais ai-je par cela enseigné que ces erreurs fussent la verité! Si l'on avait lu mes cahiers avec quelque attention, on aurait vu, que jamais telle chose n'a pu m'entrer dans l'ésprit. Je me rapelle d'avoir dit positivement, que pour nous autres, qui avons été élevés dans une religion révélée, il est

диміра 2-й степени, явился къ великимъ князьямъ, Николай Павловичъ благодарилъ его за изгнаніе Арсеньева, который

difficile de comprendre, comment l'homme a pu tomber dans les religions anciennes. Je me souviens encore d'avoir dit à mes auditeurs au sujet de quelques opinions qui se rapprochaient de la Révélation, que ces opinions avaient été très vraisemblablement transportées du Christianisme dans le paganisme par les Gnostiques et les Manichéens pendant les premiers siècles de l'Eglise. J'ai employé cette explication entre autres en parlant de la cérémonie du Daroun chez les Perses, qui sans doute a une ressemblance exterieure avec notre sacrement de la S-te Cène, en citant à ce sujet un passage de l'apologie de St. Justin Martyr qui dit: On celèbre dans les Mystères de Mithra la St. Cène par quoi les mauvais esprits pretendent se jouer des saintes cérémonies des Chretiens. Où donc est, en rapportant ces paroles, la mauvaise intention dont on m'accuse. Au surplus je n'ai donc rien inventé, mais j'ai tout puisé dans les ecrivains grecs et latins, auxquels mes auditeurs, connaissant les deux langues, pourraient avoir recours aussi bien que moi. Veut on leur rendre ces recherches impossibles, alors il faut leur defendre les auteurs grecs et latins et nommement les écrits des Pères de l'Eglise dont la plupart, temoin: Eusèbe, Clement d'Alexandrie etc., traitent de cette matière.

2) On m'accuse de n'avoir pas enseigné l'histoire des Israëlites dans le sens de l'Ecriture Sainte. Cela provient visiblement de ce que l'on confond la science avec la Révélation. La science, comme vous me l'accordez, sans doute, est la totalité des connaissances que l'esprit humain peut acquerir par ses propres forces, donc il suit, qu'elle appartient à la sphère inferieure de l'intelligence. La Révélation au contraire est la totalité des connaissances auxquelles l'homme n'aurait pu attendre sans le secours immediat de la Divinité; elle entre donc dans la sphère superieure de la Foi. Elle nous est donnée pour nous éclairer et nous consoler là où la science humaine nous abandonne. Il existe par consequent deux genres d'histoire: l'histoire scientifique ou profane et l'histoire révélée ou sacrée. La première represente les événements ainsi qu'ils parraissent naturellement à l'oeil, qui n'est pas éclairé par la Révélation; l'autre represente les événements ainsi qu'il se developpent au flambeau de la Révélation. J'ai été destiné à enseigner l'histoire profane, l'histoire sacrée étant du domaine de celui qui enseigne la Religion, et comment aurai-je osé, moi protestant, enseigner à des jeunes gens de la communion grecque l'histoire sacrée? J'ai donc representé l'histoire politique des Israëlites dans le sens scientifique ou profane, sans avoir jamais osé, même pas une seule expression, que cette histoire ne parut sous un point de vue entièrement different, quand on la considère sous le rapport de la Révélation.

могъ теперь посвятить все свое время Инженерному Училищу, и просилъ выгнать изъ университета еще нѣсколько

Je n'ai pas abordé l'histoire religieuse des Israëlites parceque comme Révélation elle était directement du ressort de l'histoire sacrée. Est-ce ma faute, à moi, si mes accusateurs ne savent pas faire la différence entre la science et la Révélation? qu'ils ne veulent pas penser qu'alors seulement on peut interdire la parole à la science, quand elle a l'audace d'attaquer la Révélation, par consequent de se hasarder dans le domaine de la Foi, tandis qu'elle n'a ni le droit, ni le moyen d'y pretendre! Ce qui au reste ne peut guère arriver qu'à la science superficielle, ou plutôt à la demi-science.

3) Je dois avoir enseigné, que les gouvernements sont fondés sur l'oppression des peuples. En vérité je n'aurais jamais supposé, que l'on aurait pu faire un semblable reproche à un homme dont les opinions sont aussi complètement monarchiques que les miennes. Aussi n'a-t-on, si je ne me trompe, pu decouvrir dans mes cahiers que deux phrases, qui servent, dit-on, à établir cette accusation. Dans l'une des deux phrases j'ai dit: quelqu'uns pretendent, que les gouvernements ont été établis immédiatement par Dieu, mais il nous manque pour cela des preuves historiques. Et n'ai-je pas raison? La vérité, que l'autorité des gouvernements vient de Dieu, ne s'appuye ni sur la science, ni sur l'histoire profane. Elle a une origine bien plus imposante, puisqu'elle découle de la Révélation. Dans l'autre endroit j'ai parlé de l'empire des Assyriens et des Chaldéens, fondé sur des conquêtes, en ajoutant, que ce sont là les premières monarchies regulières dont l'histoire fasse mention en les comparant c'est à dire avec les monarchies primitives modifiées par les Pontifes et les chefs de Tribus. Est-ce que cela ne serait pas vrai, par hasard? et cela s'appelle-t-il enseigner que les monarchies soient fondées sur l'oppression? Est-ce que la plupart des souverains de l'Europe ne possedent pas une partie de leurs états par droit de conquête, et a-t-on jamais nommé cela oppression? Et supposant même, que les plus anciennes monarchies eussent été fondées sur l'oppression, quelle application pourrait-on en faire à nos monarchies actuelles hériditaires depuis mille ans? En vérité je ne le comprends pas.

Voilà tout ce que je puis vous dire sur ces matières, étant privé de mes papiers. J'aurais donné cette même explication à la séance de l'Université du 3 Novembre, si le chagrin intime, causé par un tel événement et des souffrances physiques ne m'auraient empeché d'entreprendre, séance tenante, un travail de quelques heures au moins, et si tant d'autres circonstances ne s'y étaient jointes pour me faire craindre de nouveau une interprétation défavorable d'un mot quelconque que j'aurais peut-être mal choisi.

Je suis avec respect etc.

человѣкъ подобныхъ, чтобы съ пользою употребить ихъ на службу. Самъ Руничъ сгубилъ себя. Надлежало перестроить зданіе, купленное для Петербургскаго Университета въ Семеновскомъ полку, гдѣ нынѣ Синодальное подворье, на углу Кабинетской улицы. Руничъ исходатайствовалъ согласіе министра строить эти зданія не съ подрядовъ, а хозяйственнымъ образомъ, получилъ милліонъ триста тысячъ рублей асс. по смѣтѣ, отдѣлалъ себѣ квартиру, построилъ отхожія мѣста и кончилъ—за недостаткомъ суммъ. Его и всѣхъ чиновниковъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, предали слѣдствію и суду и приговорили къ взысканію съ нихъ недоимки. Но взять было нечего. Руничъ дѣтей своихъ роздалъ по казеннымъ заведеніямъ, а самъ шатался по улицамъ съ владимірскою звѣздою, отпустивъ себѣ усы, горланилъ, хвасталъ и жаловался, обѣдалъ гдѣ случалось и такъ провелъ свой вѣкъ. Наконецъ, онъ впалъ въ болѣзнь и ребячество. Дм. В. Дашковъ надъ нимъ сжалился и помогъ ему. Равно ходатайствовалъ за него и князь Варшавскій. Достойно замѣчанія, что Магницкій, втянувъ Рунича въ свой кругъ, потомъ представлялся, что удерживаетъ его отъ необдуманныхъ поступковъ и предсказывалъ ему худой конецъ. Замѣчательно также, что, по паденіи Голицына, потухла въ Руничѣ и ревность къ вѣрѣ, заставлявшая его дѣлать всякія несправедливости и преслѣдовать людей. Въ послѣдній день масляницы 1824 года приходитъ ко мнѣ отъ него человѣкъ и приглашаетъ къ обѣду на вторникъ, увѣдомляя, что у него будетъ обѣдать Сергѣй Николаевичъ Глинка. Я изумился и спросилъ у посланнаго, не ошибается ли онъ.—„Во вторникъ на первой недѣлѣ великаго поста православные не кушаютъ скоромнаго, а до постной пищи я не охотникъ и потому прошу извинить меня нездоровьемъ“.—„Что вы, сударь“, возразилъ мнѣ съ язвительною улыбкою посланный. „Вы говорите о временахъ прошлыхъ. Нынче у насъ мясоѣдъ круглый годъ“. Я отправился къ Руничу въ назначенный день и нашелъ, что онъ, видно для возбужденія аппетита, играетъ съ какимъ-то мо-

лодымъ человѣкомъ на билліардѣ и въ то же время толкуетъ ему литургію Василія Великаго. Пріѣхалъ С. Н. Глинка. Обѣдъ былъ самый скромный и бесѣда отнюдь не великопостная! Руничъ оставался попечителемъ округа и въ министерство Шишкова, до открытія безпорядковъ по хозяйственной части, и всячески старался къ нему подбиться. На экзаменѣ гимназіи, Шишковъ, утомясь испытаніемъ учениковъ въ какихъ-то скучныхъ предметахъ, вздумалъ посмотрѣть книги, разложенныя на столѣ предъ нимъ, для раздачи въ награду ученикамъ. Взялъ одну и развернулъ: „О старомъ и новомъ слогѣ русскаго языка"; другую: „Разговоръ о Словесности"; третью: „Дѣтская Библіотека"—все его собственныя сочиненія! Шишковъ видимо смутился. Шутники говорили, что потомъ, когда онъ, по приглашенію попечителя, пришелъ къ нему на завтракъ, дѣти Рунича (а ихъ была куча) запѣли хоромъ изъ „Дѣтской Библіотеки":

Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько и проч.

И Магницкій не избѣжалъ своей участи. Ниже сказано, какъ онъ поѣхалъ на поклоненіе въ Грузино. Тамъ онъ всячески льстилъ и пресмыкался, но врядъ ли умѣлъ надуть Змѣя-Горыныча. Аракчеевъ, употребивъ его въ свою пользу, бросилъ бы какъ выжатый лимонъ. Магницкій, уѣзжая, поднесъ Аракчееву описаніе вѣщаго сна, будто бы видѣннаго имъ, когда онъ ночевалъ въ Грузинѣ: въ этомъ снѣ видѣлъ онъ дивныя вещи въ будущемъ и предсказывалъ успѣхи и всякое счастіе поборнику православія. Воротясь въ Петербургъ, занялся онъ какими-то планами о преобразованіи просвѣщенія и духовной части въ Россіи.

27-го ноября 1825 года, Магницкій сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и сочинялъ — Богъ знаетъ что. Входитъ къ нему ренегатъ, примкнувшій къ православію, но человѣкъ честный, сенаторъ Матвѣй Петровичъ Штеръ. Магницкій показываетъ ему съ торжествомъ написанную имъ бумагу. „От-

крою глаза государю!“ говоритъ онъ:—„увидитъ всю мерзость людей!“

— Вы пишете къ государю? спросилъ Штеръ.

— Къ государю, а что?

— Государь скончался.

Магницкій опустился на стулъ и, преклонивъ голову, закрылъ глаза руками. Между тѣмъ, Штеръ сообщилъ ему подробности плачевнаго событія. Чрезъ нѣсколько минутъ Магницкій вскочилъ и закричалъ: — „Пишу къ императору Константину Павловичу“. Единственнымъ дѣломъ, которое дозволилъ себѣ Николай Павловичъ, до вступленія своего на престолъ, была высылка Магницкаго. Ему велѣно было ѣхать въ мѣсто служенія своего, въ Казань. Онъ барахтался нѣсколько времени, но принужденъ былъ повиноваться. Вскорѣ онъ былъ уволенъ отъ службы, съ приказаніемъ жить въ Ревелѣ. Впослѣдствіи жилъ онъ въ Одессѣ, гдѣ и умеръ. Всѣ его старанія выкарабкаться оттуда были напрасны.

У Магницкаго былъ одинъ сынъ, хорошенькій собою, умный мальчикъ, служившій въ гвардейскихъ гусарахъ. За какую-то шалость онъ былъ выписанъ изъ гвардіи. Я видѣлъ его потомъ у Ростислава (Ѳеофила Матвѣевича Толстаго). Онъ былъ человѣкъ образованный и пріятный. Женатый уже, онъ влюбился въ другую замужнюю женщину, сошелъ съ ума и умеръ. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Голицынъ, Поповъ и ихъ приверженцы восхищалась плодами трудовъ своихъ. Но—on n'est jamais trahi que par les siens, что значитъ по-русски: „не выкормя, не выпоя, ворога не узнаешь“. Аракчеевъ издавна, со всею злобою зависти, смотрѣлъ на успѣхи и распространеніе силы Голицына. Подъ вліяніемъ его внушеній, составилась партія антиголицынская; . . . .

. . . . ее составляли: петербургскій митрополитъ Серафимъ, ...
. . . .
. . . .
петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, Иванъ Васильевичъ Гладковъ, сестра его, игуменья казанскаго женскаго монастыря Назарета, Прасковья Михайловна Нилова, урожденная Бакунина, и еще нѣкоторыя особы, собиравшіяся у вдовы Державина. Чрезъ кого дѣйствовать на Голицына—не знали. Думали, думали, и наконецъ догадались пощупать Магницкаго, не согласится ли святой человѣкъ съиграть роль Іуды, измѣнить своему благодѣтелю. Между тѣмъ, В. М. Поповъ не согласился на предложеніе Магницкаго объ исключеніи изъ службы казанскаго профессора Пальмина, котораго онъ самъ недѣли за двѣ представилъ къ ордену за христіанскую его душу и положеніе Комитета Министровъ было уже утверждено государемъ. Къ тому же, Магницкій получилъ все, чего могъ ожидать: аренду, земли, пенсіонъ, единовременное награжденіе: съ чего было ему оставаться долѣе у Голицына? Онъ склонился на предложенія благороднаго Аракчеева и поѣхалъ на поклоненіе въ его Мекку (Грузино).

Тамъ Іуда Искаріотскій раскрылъ предъ Вельзевуломъ всѣ подробности, всѣ таинства Библейскаго Союза, всю нелѣпость, всѣ ухищренія друзей своихъ: онъ могъ сдѣлать это легко и скоро, ибо самъ былъ въ этихъ продѣлкахъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Новые друзья условились, какъ погубить Голицына, и дѣйствительно въ томъ успѣли. Подробности этого дѣла, извѣстныя мнѣ потому, что я былъ въ нихъ если не дѣйствующимъ, то страдательнымъ лицомъ, будутъ изложены въ примѣчаніи. Государя убѣдили, что Голицынъ и его приверженцы составили заговоръ противъ православной церкви, распространяли ученіе протестантизма и намѣрены водворить въ Россіи безбожіе и нечестіе. Выкрали для того подлымъ образомъ корректуру одной книги Госнера, печатавшейся съ одобренія цензуръ князя Голицына, выпи-

сали изъ нея нѣсколько мѣстъ и дали имъ кривой толкъ. Слабый Александръ испугался, отнялъ у Голицына Министерство Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ, оставивъ его только главноначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ, смѣнилъ Александра Ивановича Тургенева, бывшаго директоромъ Департамента Духовныхъ Дѣлъ, и директора Департамента Просвѣщенія, Попова, съ преданіемъ послѣдняго уголовному суду. Министромъ на мѣсто Голицына поступилъ выжившій въ то время изъ ума безтолковый Шишковъ, за сочиненіе нелѣпаго разбора означенной заподозрѣнной книги. Не знаемъ, что сталось бы съ лицами прикосновенными къ этому дѣлу, еслибы не умеръ Александръ.

Это любопытное, такъ называемое дѣло Госнера могу я описать во всей подробности, потому что самъ участвовалъ въ немъ—страдательнымъ лицомъ. Описаніе мое будетъ справедливое и безпристрастное, потому что, по истеченіи слишкомъ тридцати лѣтъ, исчезли въ душѣ моей всѣ неудовольствія и огорченія, претерпѣнныя мною: осталось воспоминаніе о любопытной драмѣ.

Въ то время, когда мистицизмъ, методизмъ, библизмъ и тому подобныя повѣтрія проникли въ Россію и распространились въ ней, какъ сорная трава на черноземѣ, пріѣхали сюда два католическіе священника: Линдль и Госнеръ. Оба они, не отрекаясь отъ католицизма, проповѣдывали какой-то мистическій протестантизмъ, говорили южно-нѣмецкимъ нарѣчіемъ, прямо, грубо, съ убѣжденіемъ и съ краснорѣчіемъ проповѣдниковъ среднихъ вѣковъ. Линдль проповѣдывалъ въ Мальтійской церкви, а Госнеръ въ большой католической (св. Екатерины), на Невскомъ проспектѣ. Католики видѣли въ этихъ проповѣдникахъ предателей и еретиковъ и проклинали ихъ. Слушателями ихъ были отчасти вѣрующіе и убѣжденные, но не находившіе достойной духовной пищи въ поученіяхъ пасторовъ протестантскихъ и православныхъ священниковъ, но большая часть ихъ ходила на эти поученія изъ подлой угодливости покровителю ихъ Голицыну, и т. п.

Магницкій, Руничъ, Кавелинъ, Поповъ, Пезаровіусъ (основатель „Русскаго Инвалида"), Ливенъ (князь Карлъ Андреевичъ), Адеркасъ, директоръ Петровской школы, Шубертъ, Сѣровъ и т. д. окружали ихъ каѳедры, выворачивали глаза, вздыхали, плакали, становились на колѣни. Желающіе знать содержаніе, направленіе и слогъ этихъ рѣчей, могутъ прочесть напечатанныя тогда, въ русскомъ переводѣ, три проповѣди Линдля.

Госнеръ написалъ въ то время толкованія на Новый Завѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ. Карлъ Карловичъ фонъ-Поль (впослѣдствіи тайный совѣтникъ и директоръ Канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ при Блудовѣ), одобрилъ эту книгу къ напечатанію; думаю, онъ читалъ ее, стоя на колѣняхъ. Другой усердный читатель Госнера, отставной инженеръ-генералъ-маіоръ Александръ Максимовичъ Брискорнъ (дядя Максима Максимовича, пострадавшаго въ дѣлѣ Политковскаго), занимавшійся попеременно пуншемъ и Библіею, вздумалъ перевесть эти толкованія на русскій языкъ; но, получивъ въ Инженерномъ Корпусѣ образованіе безграмотное, споткнулся на первомъ шагу и нанялъ для перевода бывшаго казанскаго профессора Яковкина и одного чиновника 5-го класса Трескинскаго. По окончаніи перевода перваго тома, Брискорнъ принесъ рукопись Павлу Христіановичу Безаку (моему двоюродному брату), съ которымъ мы вмѣстѣ купили и содержали типографію. Безакъ, какъ для увеличенія доходовъ типографіи, такъ и изъ угодливости къ партіи Голицына, къ которой принадлежалъ другъ его Николай Дмитріевичъ Жулковскій, охотно взялся напечатать книгу, но, взглянувъ на переводъ, ужаснулся. Не было ни смыслу, ни толку. Надлежало все исправить. Я обязанъ былъ принять участіе въ этой адской работѣ. Цѣлые дни проходили у насъ въ корректурахъ. Брискорнъ умеръ въ концѣ 1823 года. Госнеръ принялъ на себя продолженіе изданія. Василій Михайловичъ Поповъ взялся кончить переводъ и перевелъ нѣсколько главъ.

Между тѣмъ произошла катастрофа, о которой я упоминалъ выше. Магницкій, передавшись Аракчееву, возгласилъ, что Голицынъ покровительствуетъ шайкѣ безбожниковъ и злодѣевъ, которые пытаются сгубить въ Россіи христіанскую вѣру, и взялся доказать это книгою Госнера, которая печатается съ вѣдома и позволенія Голицына. Для этого нужны были доказательства, должно было выкрасть изъ типографіи книгу или хотя листокъ ея. „Дайте мнѣ три неважныя слова", сказалъ какой-то инквизиторъ:—„я найду въ нихъ средство сгубить сочинителя". Однажды, въ мартѣ 1824 г., явился ко мнѣ нѣкто Платоновъ, крещеный жидъ, извѣстный шпіонъ, умѣвшій пробраться и въ порядочный домъ, напримѣръ, къ князю Салтыкову, и съ іезуитскою покорностью просилъ дать ему, хотя бы только прочесть, листочекъ изъ душеспасительной книги Госнера, печатаемой въ моей типографіи. Зная этого молодца, я отвѣчалъ ему, что, во-первыхъ, я не смѣю распоряжаться чужою собственностью, а во-вторыхъ, книга не отпечатана, слѣдственно билета на выпускъ въ свѣтъ не получено, и я не въ правѣ выпускать ее изъ типографіи. Онъ сталъ всячески ублажать меня. Я отвѣчалъ сухо, что не дамъ, и просилъ его оставить меня въ покоѣ. Не успѣвши у меня, подлецы нашли другой путь. Узнали, что Брискорнъ давалъ корректуру для прочтенія доктору Христіану Яковлевичу Витту. Нѣкто Степановъ, чиновникъ 5-го класса, прикинулся больнымъ, послалъ за Виттомъ, и на вопросъ, чѣмъ онъ боленъ, отвѣчалъ: „стражду не тѣломъ, а душою. Меня давятъ тяжкіе грѣхи. Только духовная пища можетъ утолить меня. Вотъ если бы я могъ прочитать хоть строчку святаго мужа Госнера, я непремѣнно бы выздоровѣлъ". Виттъ, не замѣчая и не подозрѣвая ничего, отвѣчалъ: „въ этомъ случаѣ могу служить вамъ. У меня есть два листочка этой книги, и я пришлю ихъ вамъ".—„Благодѣтель! спаситель!" отвѣчалъ ему Степановъ.

Получивъ листки, онъ воспрянулъ съ одра болѣзни и кинулся къ оберъ-полиціймейстеру; тотъ отдалъ листки Магницкому. Магницкій на первой же страницѣ нашелъ

богохульство и безбожіе и препроводилъ къ Аракчееву. Аракчеевъ отдалъ ихъ на разсмотрѣніе Шишкову. Шишковъ, занимавшійся только корнями славянскаго языка, не понимавшій ни богословія, ни философіи, сталъ разбирать листы. Цитаты и стихи изъ Библіи приведены были не на славянскомъ языкѣ, а въ русскомъ переводѣ, такъ что храбрый адмиралъ нашелъ безбожіе и побужденіе къ мятежу въ словахъ самого Спасителя. Такъ, напримѣръ, изъ словъ: „и не бойтесь убивающихъ тѣло, бойтесь могущихъ убить душу", онъ вывелъ, что авторъ учитъ не бояться суда царскаго, и т. п. Критика его оканчивалась словами: „читая таковыя мерзости, перо изъ рукъ моихъ упадаетъ". Подписали: Александръ Шишковъ, Василій Ланской, тогдашній министръ Внутреннихъ Дѣлъ. . . . .

Вскорѣ разнесся въ городѣ слухъ объ этой книгѣ и ея богопротивномъ содержаніи. Ко мнѣ пріѣхалъ правитель Канцеляріи Военнаго Генералъ-Губернатора, графа Милорадовича, Н. И. Хмельницкій, и спрашиваетъ, одобрена ли цензурою печатаемая у меня книга. Я показалъ ему одобреніе. Прибѣжалъ Булгаринъ и говоритъ, что надо мною сбирается гроза. Я отвѣчалъ, что, дѣйствуя по совѣсти и по законамъ, не боюсь никакой грозы. Да и что мнѣ было тогда до глупыхъ свѣтскихъ и судебныхъ отношеній! Меня поразилъ ударъ, какого не могъ отвратить ни Александръ I, ни весь Священный Союзъ: 24-го апрѣля 1824, въ шесть часовъ утра, умерла моя милая одиннадцатилѣтняя дочь Ольга; вечеромъ въ тотъ же день, родилась другая, Александра. Стеченіе и бореніе противоположныхъ чувствъ заглушало во мнѣ всѣ мои мысли, и я могъ бы въ то время перенести безтрепетно самые жестокіе удары. — Въ самый этотъ несчастный для меня день, Платоновъ (я узналъ его по описанію) приходилъ ко мнѣ въ типографію, нашелъ одного ученика на крыльцѣ и предлагалъ ему сто рублей за четыре экземпляра листовъ Госнеровой книги. Мальчикъ просилъ его придти на другой день. Онъ явился и обѣщалъ троимъ

ученикамъ двѣсти рублей за два экземпляра. Они отвѣчали, что не смѣютъ и не могутъ сдѣлать этого безъ вѣдома фактора. Искуситель удалился. Какъ сожалѣлъ я, что мнѣ не сказали о первомъ его посѣщеніи! Я захватилъ бы его при второмъ пришествіи, скрутилъ бы ему руки, какъ вору, и повелъ бы его съ дворникомъ моимъ среди бѣлаго дня на съѣзжую 1-й части, мимо Гладкова и Милорадовича! Я пожаловался письменно Милорадовичу на подкупъ моихъ людей и, разумѣется, не получилъ отвѣта. Къ чему были имъ нужны печатные экземпляры, когда они имѣли уже корректуру? Они хотѣли, предъявленіемъ этихъ экземпляровъ, подтвердить выдуманную и распространенную ими ложь, будто я напечаталъ двѣ тысячи экземпляровъ и распространилъ ихъ въ публикѣ. И Александръ I вѣрилъ этому! 27-го апрѣля, въ воскресенье, послѣ обѣда, является ко мнѣ одобрившій эту книгу къ напечатанію цензоръ Александръ Степановичъ Бируковъ, и говоритъ съ умильною улыбкою: „Ну, попали мы съ вами, Николай Ивановичъ!“ — „Что за мы?“ возразилъ я. „Вы, вы одни восхищались Госнеромъ; вы съ Магницкимъ стояли предъ нимъ на колѣняхъ, вы подписывали рукопись со всѣми нелѣпостями: вы и отвѣчайте. Я только напечаталъ то, что вы одобрили, и еслибы объявилъ, что не хочу печатать этой книги, Голицынъ предалъ бы меня суду, какъ богохульника и бунтовщика“. Бируковъ отвѣчалъ дерзко: „Да вы Богъ знаетъ что прибавили къ одобренной мною рукописи! Отдайте мнѣ рукопись!“ — „Не отдамъ!“ отвѣчалъ я: „она одна мое спасеніе. Вы исключите теперь изъ нея что угодно, а я подвергнусь отвѣту“. Онъ всячески старался убѣдить меня. Я отвѣчалъ, что рукопись у П. Хр. Безака, товарища моего по типографіи, и тѣмъ отдѣлался отъ него. На другой день призвалъ я переплетчика, заставилъ его при себѣ переплесть рукопись, перемѣтилъ въ ней страницы, продѣлъ шнурокъ, и, гдѣ были сдѣланы перемѣны въ рукописи цензоромъ, отмѣтилъ на полѣ. Изготовилъ и жду. Во вторникъ утромъ пріѣ-

халъ ко мнѣ адъютантъ графа Милорадовича, графъ Мантейфель, и просилъ пожаловать къ графу. Я взялъ рукопись и пріѣхалъ, по назначенію, оставивъ ее у кучера. Милорадовичъ встрѣтилъ меня какъ-то торжественно и, сказавъ: „qu'il est l'organ de Sa Majesté“ (что онъ органъ его величества), объявилъ, что государь императоръ, обязанный пещись о благочестіи и нравственности своихъ подданныхъ, требуетъ, чтобы не было печатаемо ничего богопротивнаго и безнравственнаго.

— И потому, сказалъ онъ, спрашиваю васъ, какъ вы смѣли напечатать книгу, не получивъ на то билета изъ цензуры?

Узнавъ наканунѣ, что таковъ былъ въ Комитетѣ Министровъ отзывъ князя Голицына, я отвѣчалъ ему:

— Неудивительно, что ваше сіятельство, какъ человѣкъ военный, не знаете подробностей цензурнаго и типографскаго дѣла. Странно только, какъ оно неизвѣстно министру Просвѣщенія. Цензурный билетъ выдается изъ комитета по отпечатаніи книги и по сличеніи печатнаго экземпляра съ одобренною рукописью, а печатается книга по такой рукописи безъ всякаго билета. Книга не была еще отпечатана, а потому надобности въ билетѣ не настояло.

— А рукопись была одобрена?

— Была, ваше сіятельство.

Казалось, онъ сомнѣвался въ правдѣ словъ моихъ.

— Можете ли вы представить ее мнѣ?

— Я взялъ ее съ собою; она у моего кучера. Позвольте послать за нею Фогеля (шпіона 1-го класса), котораго я видѣлъ въ передней.

— Извольте.

Принесли рукопись. Графъ, увидѣвъ, что она продѣта шнуромъ за печатью и что всѣ листы ея помѣчены, сказалъ, улыбаясь:

— Вы приняли всѣ предосторожности.

— Я зналъ, отвѣчалъ я,—съ кѣмъ буду имѣть дѣло: эти святоши—люди безсовѣстные и наглые.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Видно было,

что онъ почелъ было меня принадлежащимъ къ шайкѣ Магницкаго и подобныхъ.

— Чья эта рука? спросилъ онъ.

— Рука писаря, отвѣчалъ я, — перебѣлившаго переводъ покойнаго Брискорна.

— А это?

— Профессора Яковкина.

— А это?

— 5-го класса Трескинскаго.

— А это?

— Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Попова, директора Департамента Министерства Просвѣщенія.

— Точно ли?

— Точно, ваше сіятельство.

— Да какъ цензоръ могъ дозволить все это?

— Цензоръ не виноватъ: онъ не читалъ рукописи и подписалъ ее по волѣ своего начальства, князя Голицына, Рунича, Попова и прочихъ.

— Чѣмъ вы это докажете? спросилъ графъ.

— А вотъ чѣмъ. Вотъ стихъ изъ Библіи: „Іисусъ ходилъ... исцѣляя всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ“. Въ рукописи ошибка: вмѣсто „въ людяхъ“, написано „въ лошадяхъ“. Если бы цензоръ читалъ ее, то непремѣнно поправилъ бы эту непростительную описку.

Графъ, разсмѣявшись, согласился со мною, и мы разстались. Въ донесеніи своемъ онъ совершенно оправдалъ меня и другаго содержателя типографіи, Края, печатавшаго нѣмецкій подлинникъ. Вообще во всемъ этомъ дѣлѣ графъ Милорадовичъ велъ себя честно и благородно.

Имѣя давнишнюю злобу на Безака, который насолилъ ему въ турецкую кампанію 1809 г., когда былъ директоромъ канцеляріи князя Багратіона, Милорадовичъ всячески допытывался, не участвовалъ ли и онъ въ этомъ дѣлѣ. Я отвѣчалъ, что я одинъ содержатель типографіи, и только долженъ за нее деньги Безаку.

Комитетъ Министровъ рѣшилъ предать суду за составленіе этой книги Попова, Яковкина, Трескинскаго, цензоровъ Бирукова и фонъ-Поля, содержателей типографій Греча и Края. За двухъ послѣднихъ вступились нѣкоторые члены, находя ихъ невинными. Шишковъ замѣтилъ: „если они невинны, то оправдаются по суду“. Прекрасное сужденіе! Прочіе съ нимъ согласились. Впослѣдствіи я спрашивалъ у Канкрина:

— Какъ вы могли согласиться съ такою гнусностью?

Онъ отвѣчалъ: „Дѣло шло о выгодахъ православія. Нессельродъ, Моллеръ и я, какъ протестанты, не противились ничему и согласились съ большинствомъ“. Поповъ былъ преданъ суду въ Сенатѣ, Яковкинъ, Трескинскій и оба цензоры въ Уголовной Палатѣ, а мы, содержатели типографій, какъ люди, производящіе свободный промыселъ, въ Надворномъ Судѣ. Процессъ тянулся. Разумѣется, что въ Сенатѣ, какъ въ верхней инстанціи, онъ былъ рѣшенъ прежде, нежели въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ. Всѣ сенаторы, отличавшіеся извѣстнымъ своимъ благородствомъ и независимымъ мнѣніемъ, пристали къ сторонѣ сильнаго Аракчеева, всѣ — кромѣ одного, Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола. Разсмотрѣвъ и обсудивъ дѣло со вниманіемъ и чистою совѣстью, онъ написалъ свое рѣшительное и основанное на здравомъ смыслѣ и на законахъ мнѣніе, въ которомъ доказывалъ несправедливость обвиненія и невинность прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, особенно Попова, подлежавшаго непосредственно суду Сената. По разногласію въ Департаментѣ, дѣло слѣдовало перенести въ Общее Собраніе. Докладная записка о немъ была напечатана и разошлась въ публикѣ. Изумленіе и негодованіе было всеобщее. Дошло и до государя. Онъ встревожился и хотѣлъ узнать правду, но, не смѣя сдѣлать этого явно, далъ знать Муравьеву подъ рукою, чтобы онъ въ такое-то утро былъ въ такой-то аллеѣ [1]) Каменнаго Острова, гдѣ Александръ Пав-

[1]) Говорятъ, что это свиданіе было въ Березовой аллеѣ, идущей по берегу Каменнаго Острова, противоположному Новой Деревнѣ.

Пр. ред.

ловичъ часто прогуливался съ Елисаветою Николаевною Кусовою, урожденною Тухачевскою, препорядочною полуфранцузскою дурою. Въ назначенное утро (это было въ августѣ 1825 года) онъ встрѣтился будто невзначай съ Муравьевымъ, сѣлъ съ нимъ на скамью, сталъ говорить о Сенатѣ и спросилъ, какія важныя дѣла производились у нихъ недавно. Муравьевъ исчислилъ ихъ и въ томъ числѣ назвалъ дѣло Попова. Императоръ пожелалъ узнать подробности, и Муравьевъ разсказалъ все откровенно, смѣло и справедливо. Александръ поблагодарилъ его, но не изъявилъ своего мнѣнія. Вскорѣ потомъ уѣхалъ онъ въ Таганрогъ, гдѣ судьба положила предѣлъ днямъ его. Не знаю, какое направленіе принялъ бы этотъ процессъ при жизни Александра. По вступленіи на престолъ императора Николая, рухнулось все это зданіе, составленное изъ флигелей Аракчеевскаго и Голицынскаго. Царствовать началъ россійскій самодержецъ, а не добрый нашъ угодникъ Запада, спрашивавшій: „что говорятъ обо мнѣ въ салонѣ мадамъ Сталь? какъ отзовется Шатобріанъ?“ Пали и исчезли и протестантскіе іезуиты съ своими библіями, изъ которыхъ черкесы дѣлали патроны, и съ трактатами, пославшими не одного человѣка въ домъ умалишенныхъ. Пали и исчезли Фотій и другіе монахи, полуплуты и полудураки! Николай Павловичъ умеръ, и его можно хвалить безъ зазрѣнія совѣсти. Скажу прямо и отъ души: и онъ, и его внутреннее правленіе Россіи было лучше Александрова. Александръ былъ чуждъ и неприступенъ своему народу, онъ рисовался и кокетничалъ, а дѣла не дѣлалъ: разумѣю послѣдніе его годы. Вдругъ, бывало, падетъ на кого нибудь немилость: „не давать ходу!“ былъ техническій терминъ этой инквизиціи. Явишься къ какому нибудь министру, требуешь, если не правосудія, то объясненія, отвѣта. Нѣтъ отвѣта: пожимаютъ плечами. Наконецъ добьешься: „ступайте къ графу Алексѣю Андреевичу“. А этотъ былъ неприступенъ, какъ китайскій богдыханъ. При Николаѣ поступали иногда крутенько, но скоро и рѣшительно. При какомъ либо доносѣ, промахѣ или недоразумѣніи, идешь къ

фонъ-Фоку, или къ Дубельту, или прямо къ Бенкендорфу и къ Орлову, объяснишь дѣло, оправдаешься или получишь замѣчаніе; тѣмъ и кончится. Какъ часто Николай просилъ прощенія у особъ, обиженныхъ имъ въ пылу гнѣва или нетерпѣнія! . . . .

. . . . Уже теперь (въ іюлѣ 1858) начинаетъ заниматься для Николая заря правды. Современемъ онъ явится въ исторіи во всемъ своемъ блескѣ, чести и доблести.

Процессъ нашъ длился до 1828 года по всей формѣ суда и кончился въ Сенатѣ совершеннымъ оправданіемъ подсудимыхъ. Я получилъ въ вознагражденіе (22-го января 1829 г.)— чинъ статскаго совѣтника. Этому процессу обязана существованіемъ „Сѣверная Пчела". Въ 1824 году, видя, что мнѣ нѣтъ ходу по Министерству Просвѣщенія, я обратился къ Канкрину, съ просьбою принять меня къ себѣ на службу. Онъ зналъ меня и прежде (я имѣлъ случай сдѣлать добро его сестрѣ, госпожѣ Шлютеръ) и изъявилъ свое согласіе. Вдругъ узнали, что я преданъ суду. Канкринъ объявилъ, что я не могу поступить къ нему на службу до оправданія. Что дѣлать? „Сынъ Отечества" шелъ вяло. Мы съ Булгаринымъ затѣяли изданіе „Сѣверной Пчелы" и начали ее съ 1-го января 1825 года.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Общій ропотъ послѣ 1815 года. — Тогдашніе офицеры и нижніе чины гвардіи. — Замѣчательный обѣдъ. — Строгости дисциплины. — Полковникъ Шварцъ и Семеновскій полкъ. — Безпорядки въ полку. — Александръ I и Меттернихъ. — Старынкевичъ. — Ланкастерская метода. — Предложеніе Ланглеса. — Графъ Сиверсъ. — Н. М. Сипягинъ. — Центральная школа для гвардейскихъ солдатъ. — Начальникъ ея И. Г. Бурцовъ. — Помощникъ его Павелъ Ивановичъ Гречъ. — 7-е ноября 1824 года. — Награды въ турецкую и польскую кампанію. — Паденіе Сипягина. — Посѣщеніе Александромъ I центральной школы. — Учрежденіе ланкастерскихъ школъ въ полкахъ. — Распространеніе ихъ по другимъ вѣдомствамъ. — Разговоръ Александра I съ Чаадаевымъ о Н. И. Гречѣ. — Стихотвореніе Шелехова. — Доносы Воейкова. — Разговоръ съ графомъ Кочубеемъ. — Обходъ наградами. — Вліяніе на награды разныхъ лицъ. — Благоволеніе и немилость императрицы Маріи Ѳеодоровны. — Послѣдніе годы царствованія императора Александра Павловича. — Эпизодъ съ Шумскимъ. — Убіеніе его матери, Настасьи. — Губернаторъ Жеребцовъ. — Воспитаніе великихъ князей и великихъ княженъ. — Эпизодъ съ королемъ Виртембергскимъ.

Въ политическомъ отношеніи жизнь и царствованіе Александра, съ 1815 года, были также безпокойны, неровны и никакъ не походили на первыя лѣта его владычества, благія и кроткія. Не въ одной Россіи, во всѣхъ государствахъ Европы народъ былъ разочарованъ и обманутъ. Тонули—топоръ сулили, вытащили—топорища жаль. Низверженіе преобладанія Наполеонова произошло при восклицаніяхъ: „да здравствуетъ независимость, свобода, благоденствіе народовъ, владычество законовъ!“ Всѣ ждали наступленія какого-то Астреина вѣка.

Вѣнскій конгрессъ показалъ, что о народахъ и правахъ ихъ никто не заботится. Одинъ Александръ ратовалъ, на зло всѣмъ и во вредъ себѣ, за безмозглыхъ поляковъ. Между тѣмъ либеральныя или, какъ называлъ ихъ Александръ, законо-свободныя идеи разлетѣлись, укоренились, разцвѣли и принесли плоды во всей Европѣ. Началось ропотомъ, кончилось мятежемъ. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи, въ Испаніи, въ Португаліи и особенно въ Италіи, народъ, подстрекаемый честолюбцами и поджигателями, возсталъ на правительство и принудилъ неограниченныхъ дотолѣ владыкъ своихъ надѣть цѣпи конституціоннаго правленія, за которымъ скорыми шагами шли республика и анархія. Государи Европы испугались и стали совѣтоваться, какъ бы усмирить эти волненія и утвердить свои престолы. Александръ видѣлъ справедливость ихъ опасеній и раздѣлялъ ихъ испугъ, но рѣшительно началъ дѣйствовать противъ либерализма только послѣ Троппаускаго конгресса, въ которое время вспыхнула вѣстница судебъ, семеновская исторія.

Какъ въ XVIII вѣкѣ пребываніе французскихъ генераловъ и офицеровъ въ Сѣверной Америкѣ подало случай занести сѣмена возмущенія во Францію, такъ въ началѣ XIX наши молодцы заразились либеральными идеями во Франціи, поощряемые къ тому правилами и мнѣніями своего законнаго государя. Общее мнѣніе не батальонъ; ему не скажешь: „смирно!“ Не только офицеры, но и нижніе чины гвардіи набрались заморскаго духа; они чувствовали и видѣли свое превосходство предъ иностранными войсками, видѣли, что тѣ войска, при меньшемъ образованіи, пользуются бо́льшими льготами, бо́льшимъ уваженіемъ, имѣютъ голосъ въ обществѣ. Это не могло не возбудить въ началѣ просто ихъ соревнованія и желанія стать наравнѣ съ побѣжденными. Я былъ свидѣтелемъ обѣда, даннаго въ 1816 году гвардейскимъ фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ однимъ обществомъ (масонскою ложею). Люди эти вели себя честно, благородно, съ чувствомъ своего достоинства; у многихъ были часы и сереб.

ряныя табакерки. Нѣкоторые вклеивали въ свою рѣчь французскія фразы. Одни изъ посторонних зрителей обѣда восхищались этою перемѣною, другіе пожимали плечами. Офицеры дѣлились на двѣ неравныя половины. Первые, либералы, состояли изъ образованныхъ аристократовъ; это было меньшинство; послѣдніе, большинство, были служаки, люди простые и прямые, исполнявшіе свою обязанность безъ всякихъ требованій. Аристократы либеральные занимались тогдашними дѣлами и казнями, особенно политическими, читали новыя книги, толковали о конституціяхъ, мечтали о благѣ народа, и въ то же время смотрѣли съ гордостью и презрѣніемъ на плебейскихъ своихъ товарищей. Въ числѣ послѣднихъ было не мало Репетиловыхъ, фанфароновъ, которые, не имѣя ни твердаго ума, ни основательнаго образованія, повторяли фразы людей съ высшими взглядами и восхищались надеждою, что современемъ Пестель или Сергѣй Муравьевъ отдастъ имъ справедливость и введетъ ихъ въ свой кругъ.

Наконецъ высшее начальство замѣтило послабленіе дисциплины и фронта въ войскахъ гвардейскаго корпуса и сочло нужнымъ попритянуть возжи. Бригадными командирами 1-й гвардейской дивизіи назначены были: первой бригады (полки Преображенскій, Семеновскій и Егерскій) великій князь Михаилъ Павловичъ, а второй (полки Лейбъ-Гренадерскій, Павловскій и Саперный батальонъ) Николай Павловичъ. Въ Преображенскомъ полку назначили командиромъ (на мѣсто барона Розена) умнаго и благороднаго полковника Карла Карловича Пирха; въ Семеновскомъ (на мѣсто Потемкина) армейскаго служаку, строгаго исполнителя своихъ обязанностей, Ѳедора Ефимовича Шварца. Этотъ несчастный выборъ былъ причиною всей бѣды. Шварца, человѣка чужаго, не аристократа, приняли офицеры съ явнымъ презрѣніемъ, которое вскорѣ выразилось эпиграммами и насмѣшками. Братъ мой, служившій въ Финляндскомъ полку, предсказывалъ мнѣ, что добра въ Семеновскомъ не будетъ. Онъ стоялъ однажды въ караулѣ въ семеновскомъ госпиталѣ. Одинъ батальонъ учился.

Пошелъ сильный дождь. Офицеры укрылись въ корридорахъ госпиталя и, несмотря на присутствіе солдатъ, издѣвались и ругались надъ полковыми командирами, и какъ нарочно по-русски. Я самъ былъ свидѣтелемъ одной сцены. Потемкинъ не съѣзжалъ еще съ квартиры полковаго командира, въ деревянномъ домѣ по Загородному проспекту, насупротивъ лѣтнихъ палатъ Обуховской больницы. Въ палатахъ загорѣлось. Солдаты въ казармахъ, завидѣвъ дымъ, поднявшійся въ той сторонѣ, всѣ, безъ приказанія, опрометью бросились спасать домъ бывшаго любимаго командира. „Отецъ нашъ, Яковъ Алексѣевичъ!" кричали они: „онъ не то, что этотъ подлецъ Шварцъ". Офицеры дали прощальный обѣдъ Потемкину, произносили тосты, плакали, бранили Шварца (который приглашенъ не былъ), а послѣ обѣда нѣкоторые изъ нихъ, разгоряченные шампанскимъ, подошли къ квартирѣ Шварца и громко его ругали.

По званію моему, директора полковыхъ училищъ, я познакомился со Шварцемъ и нашелъ въ немъ добраго, простаго православнаго человѣка, въ которомъ не было и тѣни нѣмца. Онъ видѣлъ свое ложное положеніе, горевалъ о немъ, предчувствовалъ бѣду и говорилъ о томъ, не зная, какъ вывернуться. Презрѣніе къ нему офицеровъ, неуваженіе и дерзость солдатъ доходили до высшей степени.

Онъ нашелся принужденнымъ наказать одного унтеръ-офицера, и пламя, таившееся подъ пепломъ, вспыхнуло. Одна рота, первая гренадерская, оказала ослушаніе; ее не могли успокоить добромъ и отправили въ крѣпость. Весь полкъ пришелъ въ волненіе, требовалъ возвращенія роты, и, когда въ томъ было отказано, равномѣрно былъ арестованъ и отведенъ въ крѣпость. Всему виновато было начальство. Корпусной командиръ, Васильчиковъ, впрочемъ человѣкъ благородный, былъ нездоровъ, приставилъ мушку къ боку и поручилъ дѣло безтолковому царедворцу Бенкендорфу. Все дѣлалось глупо и безразсудно.

На Александра это происшествіе произвело сильное и

бѣдственное впечатлѣніе по одному особенному обстоятельству. Онъ находился на конгрессѣ въ Троппау. Лишь только исторія эта сдѣлалась извѣстною, австрійскій посланникъ, Лебцельтернъ, отправилъ о ней донесеніе съ курьеромъ къ Меттерниху. Васильчиковъ, съ своей стороны, послалъ своего адъютанта, Чаадаева, но нѣсколькими часами позже, потому что дежурный штабъ-офицеръ, Александръ Ивановичъ Казначеевъ, племянникъ Шишкова, не успѣлъ такъ скоро написать краснорѣчивое донесеніе. Случилось такъ, что именно въ то самое время государь, толкуя съ Меттернихомъ о волненіяхъ Европы, сказалъ, что она можетъ положиться на вѣрную русскую армію. Меттернихъ возразилъ ему: „Государь! въ сію самую минуту готовился я донести вамъ, что первый полкъ вашей гвардіи взбунтовался. Вотъ депеша Лебцельтерна“. Александръ остолбенѣлъ, какъ громомъ пораженный. Черезъ нѣсколько часовъ прибылъ Чаадаевъ, и извѣстіе о происшествіи подтвердилось. Александръ сталъ доискиваться причинъ и находилъ ихъ въ зараженіи войска (а не офицеровъ) либеральными идеями, и тутъ, дѣйствительно, въ числѣ подозрительныхъ назвалъ и меня.

Такъ какъ неизвѣстный лѣтописецъ русскій (въ „Полярной Звѣздѣ“, Герцена) обнаружилъ, что имя мое произнесено было въ этихъ важныхъ событіяхъ, то я считаю обязанностью изложить здѣсь въ подробности всѣ обстоятельства, по которымъ я сдѣлался соприкосновеннымъ къ важнымъ дѣламъ тогдашняго времени. Въ первое время пребыванія моего въ Парижѣ (въ 1817 году) прихожу я къ состоявшему тогда при графѣ Воронцовѣ Николаю Александровичу Старынкевичу (впослѣдствіи сенатору въ Варшавѣ), самому умному и любезному человѣку, отъявленному либералу. Онъ сидѣлъ за какими-то огромными таблицами, на которыхъ начертана была русская азбука, и на вопросъ мой: что это значитъ? отвѣчалъ: „это таблицы для обученія чтенію, по недавно изобрѣтенной удивительной методѣ, ланкастерской. При пособіи ея сотни человѣкъ могутъ безъ учителя выучиться

грамотѣ въ самое короткое время. Эти таблицы составлены для обученія солдатъ нашего корпуса въ Мобежѣ". Я сталъ разсматривать таблицы и нашелъ, что онѣ составлены съ совершеннымъ незнаніемъ свойствъ русской азбуки, напримѣръ, между прочимъ, буква *ж* поставлена была въ числѣ гласныхъ. На замѣчаніе мое о томъ, Старынкевичъ сказалъ:

— Да вы не знаете этой методы!

— Такъ, но я знаю русскую азбуку.

— Посвятите меня въ ея тайны,—сказалъ Старынкевичъ насмѣшливо, и я написалъ предъ нимъ раздѣленіе русскихъ буквъ, которое впослѣдствіи изложилъ въ моей грамматикѣ. Онъ началъ спорить. Къ нему въ то время пришелъ профессоръ персидскаго языка, Ланглесъ.

— Посмотрите,—сказалъ ему Старынкевичъ:—вотъ господинъ Гречъ сообщаетъ неизвѣстную мнѣ доселѣ систему русской азбуки.

Ланглесъ полюбопытствовалъ узнать ея составъ и свойства. Я изложилъ ему истинную систему нашихъ буквъ, отличительныя свойства полугласныхъ, дѣленіе гласныхъ на твердыя и мягкія, согласныхъ на произносимыя разными органами; показалъ сродство ихъ, сліяніе и сочетаніе, измѣненія обѣихъ буквъ отъ присоединенія къ другимъ. Ланглесъ пришелъ въ восхищеніе, списалъ мою систему, и тутъ же предложилъ мнѣ мѣсто профессора русскаго языка въ парижскомъ училищѣ живыхъ восточныхъ языковъ, котораго я, къ сожалѣнію, принять не могъ. Старынкевичъ убѣдился въ истинѣ и важности моей системы. По его просьбѣ, составилъ я таблицы азбуки, складовъ и словъ для обученія чтенію и письму по ланкастерской методѣ, посѣщалъ училище взаимнаго обученія въ Rue St. Jean de Beauvais, ѣздилъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ Тургеневымъ, секретаремъ графа Воронцова, въ королевскую типографію, чтобы заказать буквы для перепечатанія таблицъ. Тѣмъ занятіе мое и кончилось: я не думалъ, чтобы мнѣ пришлось употребить эти опыты на дѣлѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, посѣтилъ я, по постороннему дѣлу, инже-

неръ-генерала графа Егора Карловича Сиверса; мы разговорились, между прочимъ, о методахъ обученія, и я упомянулъ о ланкастерской. Графъ сказалъ мнѣ, что ему хотѣлось бы выписать кого либо изъ Франціи, для введенія этой методы обученія въ кантонистскихъ школахъ. Я объявилъ ему, что посвященъ во всѣ таинства этого ученія и могу быть ему полезнымъ. Онъ очень этому обрадовался и предложилъ мнѣ вступить членомъ въ Комиссію составленія учебныхъ пособій кантонистамъ поселенныхъ войскъ, въ которой онъ былъ предсѣдателемъ. Я былъ тогда на службѣ почетнымъ библіотекаремъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, состоявшей въ вѣдѣніи Министерства Просвѣщенія. По требованію гр. Аракчеева, меня откомандировали въ Комиссію, въ которой, подъ предсѣдательствомъ гр. Сиверса, были членами генералы Перскій (директоръ 1-го Кадетскаго Корпуса) и Петровъ, флигель-адъютантъ полковникъ Клейнмихель, священникъ Герасимъ Петровичъ Павскій, ст. сов. Иванъ Осиповичъ Тимковскій и я, коллежскій ассессоръ Гречъ. Я написалъ руководство къ учрежденію и дѣйствіямъ училищъ, составилъ таблицы, книги и пр., но вскорѣ разошелся въ мнѣніяхъ съ гр. Сиверсомъ, который былъ человѣкъ образованный и почтенный, но тяжелый педантъ и крохоборъ. Меня уволили съ чиномъ надворнаго совѣтника.

Между тѣмъ я вошелъ въ моду. Въ концѣ 1818 года, начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, Николай Мартьяновичъ Сипягинъ, поручилъ мнѣ заведеніе центральной школы для обученія солдатъ гвардейскаго корпуса. Не могу не сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ добромъ, любезномъ, умномъ человѣкѣ въ частной жизни, храбромъ на войнѣ, прилежномъ и дѣловомъ въ службѣ, но притомъ крайне честолюбивомъ и — придворномъ, то есть жертвовавшемъ всѣмъ удовлетворенію своего тщеславія. Онъ служилъ въ походахъ 1812—1815 гг. при графѣ Милорадовичѣ, былъ вездѣ правою его рукою, въ званіи начальника штаба его отряда. По назначеніи Милорадовича командиромъ гвар-

дейскаго корпуса, Сипягинъ, сдѣлавшись и здѣсь начальникомъ штаба, умѣлъ оттѣснить его и забрать въ свои руки всю власть. На пути его стоялъ генералъ Криденеръ, почему-то возбудившій неудовольствіе императора, который однако изъявлялъ желаніе съ нимъ примириться. Сипягинъ мѣшалъ Криденеру сблизиться съ государемъ, увѣряя, что Александръ все еще гнѣвается на него. Начальникъ штаба былъ на дѣлѣ корпуснымъ командиромъ; дѣлалъ что хотѣлъ, переводилъ офицеровъ въ гвардію по своему усмотрѣнію, раздавалъ батальоны, полки и проч., но никому не дѣлалъ зла; напротивъ, дѣлалъ добра, сколько могъ. Между прочимъ, я обязанъ ему вѣчною благодарностью за переводъ брата моего въ гвардію. Мнѣ лично онъ не успѣлъ сдѣлать ничего, но его дружеское, благородное, довѣрчивое со мною обращеніе останется на всю жизнь въ благодарномъ моемъ воспоминаніи. Какая разница съ преемникомъ его, добрымъ, но пустымъ Бенкендорфомъ!

Школа устроена была въ просторныхъ залахъ новопостроенныхъ казармъ Павловскаго полка, на Царицыномъ Лугу. Ученики были набраны изъ всѣхъ полковъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, числомъ до двухъ сотъ пятидесяти. Въ числѣ ихъ было нѣсколько грамотныхъ унтеръ-офицеровъ, служившихъ учителями. Начальникомъ школы опредѣленъ былъ гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Иванъ Григорьевичъ Бурцовъ, человѣкъ возвышенной души, благороднѣйшаго сердца, большаго ума и рѣдкаго образованія. Онъ, въ началѣ 1819 г. (по паденіи Сипягина), перешелъ въ южную армію, къ полковнику П. Д. Киселеву, назначенному начальникомъ ея штаба; былъ друженъ съ нѣкоторыми героями 14-го декабря, но не участвовалъ въ ихъ замыслахъ и даже не зналъ о нихъ; въ 1824 г. былъ уже командиромъ Уфимскаго полка, но, по открытіи заговора, обратилъ на себя неудовольствіе государя и былъ переведенъ въ другой полкъ (Мингрельскій) младшимъ штабъ-офицеромъ. Въ 1828 и 1829 годахъ отличился онъ своими подвигами въ

Азіятской Турціи, назначенъ былъ командиромъ Херсонскаго гренадерскаго полка, произведенъ былъ въ генералы, но тѣмъ и прекратилось его блистательное поприще: онъ былъ убитъ при Байбуртѣ (23-го іюня 1829 г.), на тридцать пятомъ году отъ рожденія. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Бурцовъ, оставшись въ живыхъ, сдѣлался бы великимъ полководцемъ. Память его дорога для всѣхъ, кто имѣлъ счастье знать его.

Сказалъ доброе слово о чужомъ человѣкѣ, позволяю себѣ написать нѣсколько строкъ въ память человѣка мнѣ близкаго. Помощникомъ ему назначенъ былъ братъ мой, Павелъ Ивановичъ, бывшій тогда прапорщикомъ въ Финляндскомъ полку. Онъ былъ человѣкъ не блистательный, несообщительный, скромный, молчаливый (мой антиподъ!), ревностный служака и честный солдатъ. Вся жизнь его была цѣпью препятствій, и лишь только онъ вышелъ на торную дорогу, смерть прекратила дни его. По примѣру средняго нашего брата, Александра, убитаго потомъ при Бородинѣ, и Павелъ хотѣлъ служить въ артиллеріи и поступилъ во 2-й Кадетскій Корпусъ, но, въ концѣ 1812 года, отъ дурнаго содержанія въ корпусѣ, жестоко заболѣлъ: все тѣло его покрылось струпьями. Только неусыпнымъ, нѣжнымъ попеченіямъ нашей доброй, несравненной матери, обязанъ онъ былъ спасеніемъ отъ смерти и возстановленіемъ здоровья. По болѣзни онъ былъ уволенъ изъ корпуса, и то съ большимъ трудомъ, потому что въ 1812 году нужны были офицеры, и ихъ выпускали совершенными еще дѣтьми. Когда братъ выздоровѣлъ, положили быть ему чиновникомъ гражданскимъ, но лишь только онъ увидѣлъ военный мундиръ на одномъ сверстникѣ, родственникѣ моей жены, то объявилъ, что никакъ не можетъ быть статскимъ. Между тѣмъ онъ учился въ гимназіи и все налегалъ на математику. Его опредѣлили юнкеромъ въ гвардейскую артиллерію, и года чрезъ два выпустили въ армію подпоручикомъ. Но и тутъ не обошлось безъ затрудненія. Когда ему надлежало явиться на смотръ къ графу Аракчееву, начальнику артиллеріи, онъ какъ-то на-

теръ себѣ ногу и не могъ надѣть сапога. Его исключили изъ списка производимыхъ. Къ счастью, я зналъ графа, при посредствѣ Мишки Шумскаго, написалъ къ нему о томъ письмо и требовалъ моему брату новаго смотра. Графъ былъ особенно въ духѣ, осмотрѣлъ брата и аттестовалъ его.

Выше говорилъ я, что Сипягинъ перевелъ брата въ гвардію. Онъ назначилъ его было въ гвардейскую артиллерію, но такъ какъ не дали пятисотъ рублей правителю канцеляріи инспектора артиллеріи барона Меллеръ-Закомельскаго, Александру Яковлевичу Перрену, то объявлено было, что въ артиллеріи гвардейской нѣтъ вакансіи. И такъ братъ мой, оставивъ артиллерію, поступилъ въ егеря, въ Финляндскій полкъ. Передъ самымъ его прибытіемъ въ полкъ, когда уже отдано было въ приказѣ о переводѣ его, полковой казначей Колокуцкій промоталъ казенныя деньги. Офицеры сложились, чтобы внести ихъ, и Павелъ лишился значительной части своего жалованья.

Во время наводненія, 7-го ноября 1824 года, стоялъ онъ въ караулѣ въ Галерной Гавани, въ ветхой караульнѣ, построенной на берегу на сваяхъ. Вода поднялась до-верху. И караульные, и арестанты взобрались на крышу; зданіе качалось во всѣ стороны. Ежеминутно ждали паденія его и неминуемой смерти. Солдаты, любившіе своего офицера (онъ командовалъ ихъ ротою), хотѣли спасти его, высадивъ на одно изъ судовъ, которыхъ бурею гнало мимо караульни, сбирались даже спустить его насильно, но онъ, отбившись отъ нихъ, объявилъ, что предоставляетъ каждому изъ нихъ спасаться, какъ кто можетъ; самъ же сойдетъ съ поста послѣднимъ. Одинъ солдатъ дѣйствительно спасся такимъ образомъ. Смерклось. Вода начала сбывать. Изъ морскихъ казармъ замѣтили бѣдствіе караульни и отправили на помощь катеръ (причемъ съ трудомъ добились у смотрителя веселъ: онъ боялся, что погибнетъ казенное добро). Тутъ опять началась борьба, чтобы офицеръ ѣхалъ первый на катерѣ, который, можетъ быть, потомъ бы и не могъ придти вторично.

*

Братъ посадилъ на катеръ нѣсколько солдатъ съ арестантами и унтеръ-офицеромъ и дожидался ихъ возвращенія на расшатанномъ зданіи караульни. Отправивъ такимъ образомъ всѣхъ (шестьдесятъ нижнихъ чиновъ и двадцать двухъ арестантовъ), онъ съ старшимъ унтеръ-офицеромъ поѣхалъ послѣднимъ. Спасены были и всѣ бумаги; пропали только два кивера. Лишь только отвалилъ катеръ въ послѣдній разъ, домъ рухнулъ въ воду. Ночевали они въ морской казармѣ, поужинавъ черствымъ хлѣбомъ, которымъ подѣлились съ ними добрые моряки. На другой день офицеры Финляндскаго полка, узнавъ отъ спасеннаго солдата о бѣдствіи, въ которомъ онъ оставилъ караулъ, пошли на то мѣсто, гдѣ стояла караульня, чтобы отыскать хотя слѣды несчастныхъ. Имъ навстрѣчу идетъ караулъ съ барабаннымъ боемъ. За это дивное спасеніе караула, командиръ полка, генералъ Шеншинъ, получилъ Владиміра второй степени, а поручикъ Гречъ не удостоился даже изъявленія благодарности . . . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

14-го декабря 1825 г. рота моего брата стояла въ караулѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ. Государь Николай Павловичъ отрекомендовалъ его принцу Евгенію Виртембергскому, какъ извѣстнаго ему, отличнаго офицера, на котораго можно положиться, и тутъ братъ мой узналъ, что государь думаетъ, будто онъ получилъ Аннинскій крестъ за наводненіе, а не за командованіе школою за пять лѣтъ до того! Въ то время великій князь не былъ еще ихъ дивизіоннымъ командиромъ. Павелъ Ивановичъ Гречъ простоялъ въ караулѣ двое сутокъ,

и занимался составленіемъ бланковъ, при которыхъ препровождали арестантовъ въ крѣпость.

Въ 1827 г., наскучивъ гарнизонною службою и не успѣвъ снискать благоволенія великаго князя Михаила Павловича, перешелъ онъ офицеромъ въ Пажескій Корпусъ, но вскорѣ стосковался по военной службѣ, и когда, въ 1828 г., сказанъ былъ походъ въ Турцію, перепросился на прежнее мѣсто. И эта карьера была ему невыгодна. При осадѣ Варны, стоя по колѣни въ холодной водѣ, онъ лишился употребленія ногъ отъ ревматизма; по взятіи крѣпости, онъ отправленъ былъ съ другими больными и ранеными на далматскомъ суднѣ въ Одессу. Ихъ носило цѣлый мѣсяцъ по Черному морю, и они едва не погибли. Между тѣмъ всѣ товарищи брата, участвовавшіе въ походѣ, были награждены крестами, а онъ, командиръ роты Его Высочества, обойденъ былъ потому, что его считали утонувшимъ. Къ тому присоединилось еще одно обстоятельство. Въ продолженіе Турецкой войны наблюдалось правило—давать въ награду отличившимся офицерамъ двухъ дѣйствующихъ батальоновъ кресты, а не чины, чтобы не обидѣть офицеровъ батальона, остававшагося въ Петербургѣ. Въ польскую кампанію, въ продолженіе которой батальонъ моего брата оставался въ Петербургѣ, это правило было оставлено: штабсъ-капитаны и поручики, оставившіе моего брата капитаномъ, вернулись полковниками. Онъ командовалъ ротою двѣнадцать лѣтъ, и во все это время подвергался замѣчаніямъ, придиркамъ и выговорамъ великаго князя Михаила Павловича, который уважалъ его, но поступалъ такъ по какому-то странному предубѣжденію. Наконецъ, онъ произведенъ былъ въ полковники и вскорѣ получилъ батальонъ. И тутъ обошлось не безъ бѣды. На маневрахъ въ Гатчинѣ, осенью 1844 года, лошадь его, испугавшись нечаянныхъ выстрѣловъ, упала съ нимъ навзничь на мостовую (на возвышеніи Коннетабля), и онъ такъ сильно ушибъ затылокъ, что лишился памяти. Это было въ виду императора Николая Павловича. Его внесли во дворецъ. Государь и государыня

принимали самое жаркое участіе въ его положеніи и радовались его выздоровленію. Въ 1847 году былъ онъ назначенъ с.-петербургскимъ плацъ-маіоромъ и вскорѣ снискалъ полное вниманіе и довѣренность государя, уваженіе начальства города и всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ вторымъ комендантомъ. Въ этой должности онъ могъ удовлетворить влеченіямъ добраго своего сердца, облегченіемъ участи и страданій тѣхъ лицъ, которыя, находясь подъ военнымъ судомъ, содержались въ ордонансъ-гаузѣ. 16-го марта 1850 г. скончался онъ скоропостижно. Государь, услышавъ о его смерти отъ коменданта, сказалъ: „онъ былъ достойнѣйшій человѣкъ". Эти слова вырѣзаны на его надгробномъ камнѣ на Волковомъ кладбищѣ. За гробомъ шли, проливая слезы умиленія и благодарности, люди, сидѣвшіе у него подъ арестомъ!

Кто станетъ укорять человѣка за многорѣчіе, когда идетъ дѣло о его другѣ? А я говорю здѣсь о родномъ братѣ. Le frère est un ami donné par la nature [1]).

Возвратимся къ солдатской школѣ. Учебною частью завѣдывалъ я только сначала: вскорѣ моя помощь сдѣлалась ненужною. Ученіе продолжалось съ удивительнымъ успѣхомъ. Въ концѣ втораго мѣсяца, солдаты, не знавшіе дотолѣ ни аза, выучились читать и съ таблицъ и по книгамъ; многіе писали уже порядочно. Нельзя вообразить прилежанія, рвенія, удовольствія, съ какими они учились: предъ ними разверзался новый міръ. Сипягинъ былъ въ восторгѣ. Васильчиковъ (Л. В.), Бистромъ (Карлъ Ив.), Потемкинъ, Храповицкій и многіе другіе пріѣзжали смотрѣть училище и не могли надивиться. Ожидали, что пожалуетъ самъ государь. Однажды, вовсе неожиданно, пріѣхалъ начальникъ главнаго штаба, князь Волконскій, осмотрѣлъ школу съ явнымъ неудовольствіемъ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній Бурцову за несоблюденіе солдатами формы, и уѣхалъ. Вскорѣ за нимъ прибылъ Сипягинъ и, уз-

---

[1]) Братъ—это другъ, данный природою.

навъ, что пріѣзжалъ князь Волконскій (который за полчаса обѣщалъ ему поѣхать въ школу на другой день съ нимъ самимъ), измѣнился въ лицѣ. Это было первымъ признакомъ его паденія. Второй признакъ замѣтили въ томъ, что командиръ Павловскаго полка, Адамъ Бистромъ (недостойный братъ Карла Ивановича), велѣлъ выкинуть изъ сарая казармъ разныя вещи Сипягина, которыя тамъ дотолѣ хранились съ благоговѣніемъ. Паденіе Сипягина послѣдовало оттого, что государь гдѣ-то встрѣтился съ Криденеромъ и сталъ укорять его, что онъ упрямится и не хочетъ покориться, сколько не убѣждали его къ тому чрезъ Сипягина. Кридинеръ отвѣчалъ и доказалъ, что Сипягинъ именно отсовѣтовалъ ему обращаться къ государю. Къ тому же Сипягинъ тяготилъ своимъ превосходствомъ корпуснаго командира, Васильчикова. Положили сбыть его съ рукъ, и сбыли: онъ былъ назначенъ командиромъ 6-й пѣхотной дивизіи, стоявшей въ Ярославлѣ.

Перенесъ онъ эту невзгоду съ величайшею твердостью и спокойствіемъ. Я былъ у него на другое утро, по напечатаніи приказа о его перемѣщеніи. Онъ говорилъ со мною равнодушно, изъявлялъ только сожалѣніе, что не дождался плодовъ школы. Призвалъ къ себѣ гвардейскаго капельмейстера, Дёрфельда, заказалъ ему новые инструменты для шести полковъ своей дивизіи и просилъ доставить ему учителей. Товарищи Сипягина, пресмыкавшіеся предъ нимъ наканунѣ, прислали къ нему Николая Ивановича Демидова, чтобы посмотрѣть, какъ онъ выглядитъ. Сипягинъ принялъ генералъ-лейтенанта стоя, въ сюртукѣ и ночныхъ сапогахъ, не вынимая изо рта сигары, не прося его садиться, и преравнодушно говорилъ о новомъ своемъ назначеніи, какъ будто бы это было повышеніе. Демидовъ не зналъ куда дѣваться. . . . . Разграбленіемъ города Вазы, въ Шведскую войну, онъ осрамилъ себя навѣки, но, не смотря на это, былъ потомъ—главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній! Сипягинъ уѣхалъ въ тотъ же вечеръ, командовалъ усердно 6-ю дивизіею, потомъ

20-ю въ Пензѣ. Тамъ, въ 1824-мъ году, смотрѣлъ ее Александръ и восхитился ея совершенствомъ. Между прочимъ третья шеренга всѣхъ полковъ была выучена артиллерійской службѣ. Случись, что перебьютъ въ дѣлѣ прислугу у пушекъ, строевые солдаты замѣнятъ ее мгновенно. Государь возвратилъ Сипягину прежнюю милость. Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, и я обрадованъ былъ его встрѣчею и пріемомъ. Потомъ онъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Тифлисѣ, дѣйствовалъ успѣшно противъ непріятелей (въ Персидскую войну), и умеръ въ 1827 году отъ болѣзни.— Память его не исчезнетъ въ сердцахъ людей, знавшихъ его въ частной жизни.

Училище шло своимъ чередомъ. Бурцовъ, оставивъ службу при гвардейскомъ корпусѣ, рекомендовалъ моего брата, какъ совершенно способнаго замѣнить его. Я продолжалъ свой надзоръ. Но училище утратило часть своего блеска. Новый начальникъ штаба, А. X. Бенкендорфъ, былъ человѣкъ пріятный, образованный, добрый, но равнодушный къ дѣламъ, выходившимъ изъ обыкновеннаго круга. Между тѣмъ назначеніе школы было достигнуто. Въ полгода всѣ солдаты въ ней выучились грамотѣ, разумѣется, лучше или хуже. 19-го іюля 1819 года происходилъ смотръ ея Александромъ I. Государь пріѣхалъ, въ сопровожденіи Васильчикова, Бенкендорфа, А. Θ. Орлова и нѣсколькихъ другихъ генераловъ, былъ очень веселъ и доволенъ, любовался пестротою разнокалиберныхъ мундировъ, обласкалъ меня. Произведенъ былъ экзаменъ и кончился къ общему удовольствію. При этомъ произошелъ неважный случай, могущій служить прибавленіемъ къ истинѣ: большія дѣйствія отъ малыхъ причинъ. Главнымъ указателемъ или мониторомъ въ классѣ былъ кавалергардскій унтеръ-офицеръ Горшковъ, красавецъ, миловидный собою, умный и проворный. Но и на старуху бываетъ проруха! Когда братъ мой скомандовалъ къ началу упражненій, Горшковъ сбился и не такъ повторилъ команду. Я взглянулъ на него и покачалъ головою. Горшковъ покраснѣлъ, улыбнулся и поправился. Эта безмолвная перемолвка не ускользнула отъ вни-

манія Александра I, какъ оказалось впослѣдствіи. Между тѣмъ государь очень милостиво благодарилъ меня за стараніе о его солдатахъ (опричникахъ) и уѣхалъ совершенно довольный. Училище ему понравилось, и онъ приказалъ учредить по такому же училищу въ каждомъ полку гвардейскаго корпуса.

Я былъ назначенъ директоромъ съ 5,000 рублей жалованья; за экзаменъ получилъ перстень въ 3,000 руб.; брату моему данъ орденъ св. Анны 3-й степени; унтеръ-офицеры, бывшіе мониторами, произведены въ 14-й классъ, словомъ все шло какъ по маслу. Я составилъ уставы, руководства и учебныя таблицы, напечаталъ ихъ и разсылалъ по арміи. Начали учреждаться школы: онѣ были устроены въ Преображенскомъ полку [1]), въ Московскомъ [2]), въ Егерскомъ [3]), въ Кавалергардскомъ. Въ другихъ готовились. Здѣсь долженъ я опять сдѣлать отступленіе.

Введеніе ланкастерской методы не ограничилось гвардейскими полковыми училищами. Въ началѣ 1820 года, императрица Марія Өеодоровна поручила мнѣ, чрезъ почетнаго опекуна, Карла Өедоровича Модераха, ввести эту методу въ классахъ воспитанниковъ и воспитанницъ воспитательныхъ домовъ Петербургскаго и Гатчинскаго; это было исполнено вскорѣ и съ успѣхомъ. Потомъ заведены были, существующія понынѣ, училища солдатскихъ дочерей полковъ гвардіи (первое въ Семеновскомъ полку, другое въ Большой Конюшенной). И здѣсь успѣхъ совершенно оправдалъ и методу, и способъ ея приложенія. Въ то же время составилъ я, преимущественно изъ членовъ масонской ложи избраннаго Михаила (графа Өедора Петровича Толстаго, Өедора Николаевича Глинки, Петра Яков-

[1]) Начальникомъ этой школы былъ подпоручикъ Игнатьевъ, нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи, С.-Петербургскій военный губернаторъ.

[2]) Начальникомъ школы былъ поручикъ Б. А. Фридериксъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ.

[3]) Начальникомъ школы былъ поручикъ Алексѣй Васильевичъ Семеновъ, нынѣ сенаторъ.

левича фонъ-Фока, Василія Ивановича Григоровича, Николая Ивановича Кусова и н. др.), общество для заведенія училища взаимнаго обученія, и мы открыли одну школу (на 360 человѣкъ) въ домѣ Шабишева, на углу Вознесенской и Садовой улицъ. Во всѣхъ этихъ начинаніяхъ былъ я дѣйствующимъ лицомъ. Кажется, по естественному порядку вещей, слѣдовало бы Министерству Просвѣщенія воспользоваться моими знаніями и опытностью и употребить меня на пользу народныхъ школъ, которыя находились тогда и находятся нынѣ въ жалкомъ положеніи. Вышло противное. Министерство Просвѣщенія (то-есть главный его двигатель, Магницкій) возненавидѣло меня, осмѣлившагося дѣйствовать въ пользу общую безъ его вѣдома, и положило стереть меня съ лица земли. Можетъ быть я самъ подалъ къ тому поводъ явными и громкими своими сужденіями объ этихъ лицемѣрахъ и негодяяхъ. Обстоятельства имъ благопріятствовали.

Семеновская исторія изумила и огорчила Александра. Онъ получилъ извѣстіе о ней въ Троппау, какъ сказано выше. Вмѣсто того, чтобы видѣть въ этомъ неповиновеніи вспышку нетерпѣнія избалованныхъ солдатъ, которыхъ хотѣли обратить къ прежнему порядку, онъ вообразилъ, что это есть проявленіе революціонныхъ замысловъ, о существованіи которыхъ онъ давно догадывался. Случилось такъ еще, что король прусскій сообщилъ ему догадку свою о существованіи въ Швейцаріи центральнаго комитета для возмущенія Европы. Александръ спросилъ у Чаадаева, прибывшаго изъ Петербурга съ донесеніемъ о непріятномъ происшествіи:

— Знаешь ли ты Греча?

— Знаю, ваше величество.

— Бывалъ ли онъ въ Швейцаріи?

— Бывалъ, сколько знаю, — отвѣчалъ Чаадаевъ по всей справедливости.

— Ну такъ теперь я вижу, — продолжалъ государь, и прибавилъ: — боюсь согрѣшить, а думаю, что Гречъ имѣлъ участіе въ семеновскомъ бунтѣ.

Эта догадка пришла въ Петербургъ и пала, какъ свѣжее зерно, на удобренную землю. Кто смѣлъ противорѣчить мнѣнію государя о поводахъ къ этимъ безпорядкамъ! Дѣйствительно, должна быть тому причиною революціонная мысль; да гдѣ она таится? Какъ гдѣ? Въ полковыхъ школахъ. А кто занесъ ее? Разумѣется, Гречъ. Началось съ того, что число школъ ограничилось существующими: новыхъ не заводили, да и въ прежнихъ стѣснили продолженіе уроковъ, занимая солдатъ службою. Сколь глубоко вкоренилась въ Александрѣ мысль о революціонномъ началѣ этого дѣла, явствуетъ изъ того, что онъ прогнѣвался на графа Павла Петровича Сухтелена, который сообщилъ отцу своему (посланнику въ Стокгольмѣ) вѣрныя свѣдѣнія о существѣ этого дѣла. Отецъ напечаталъ ихъ въ газетахъ. Александръ думалъ, что этимъ хотятъ прикрыть истину, и во всю жизнь не прощалъ этого графу П. П. Сухтелену, одному изъ достойнѣйшихъ своихъ слугъ и подданныхъ. Къ подавленію меня присоединились еще другіе обстоятельства и случаи . . . .

. . . .

. . . .

. . . . . Подполковникъ Лейбъ-Гренадерскаго полка, Дмитрій Потаповичъ Шелеховъ [1]), написалъ стихи на семеновскій бунтъ, и особенно на Шварца. Стихи эти разошлись по городу въ рукописяхъ, безъ имени сочинителя.

---

[1]) Шелеховъ, прожившій родовое свое имѣніе разными сельско-хозяйственными спекуляціями, брался за разныя средства къ поддержанію своего существованія и къ пріобрѣтенію извѣстности. Между прочимъ, онъ читалъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ лекціи о сельскомъ хозяйствѣ. Около 1850 г. онъ описалъ царствованіе императора Павла, выставляя его величайшимъ царемъ и человѣкомъ, сдѣлавшимся жертвою своей любви къ чести и правосудію, и представилъ его въ рукописи Николаю Павловичу. Государь прочиталъ ее со вниманіемъ, пожертвовавъ для этого цѣлую ночь, восхищался ея содержаніемъ, произвелъ Шелехова изъ подполковниковъ въ полковники и опредѣлилъ къ своей особѣ, предоставивъ ему входъ къ себѣ во всякое время. Но Шелеховъ вскорѣ умеръ.

*

Авторъ былъ извѣстенъ, но начальство гвардіи хотѣло его скрыть, и стихи были приписаны мнѣ. „Онъ не военный“, сказалъ Бенкендорфъ,—„да и вообще о немъ государь нехорошаго мнѣнія, такъ что его щадить!“ Непремѣнно хотѣли приписать мнѣ участіе въ подговорѣ солдатъ къ бунту, потому только, что я очень часто бывалъ въ училищѣ солдатскихъ дочерей (состоявшемъ въ Семеновскомъ полку), а это вѣдь была моя служба. Казначеевъ, дежурный штабъ-офицеръ въ гвардейскомъ штабѣ (нынѣ сенаторъ въ Москвѣ), не благоволилъ ко мнѣ за критику на грамматику Россійской Академіи, которою обидѣлся дядя его, Шишковъ. Признаюсь, всѣхъ лучше обходился со мною Грибовскій (библіотекарь и секретарь Комитета 18-го августа). Говорятъ, онъ доносилъ на своего благодѣтеля, Глинку, но Глинка былъ, хотя и невиненъ, но въ какой нибудь связи съ либералами, а я былъ имъ чуждъ совершенно, и Грибовскій зналъ это въ точности. Но всего замѣчательнѣе было, что главные навѣты на меня произошли отъ Воейкова, человѣка мною призрѣннаго и облагодѣтельствованнаго. Онъ былъ моимъ половинщикомъ въ „Сынѣ Отечествѣ“ и старался сжить меня съ рукъ, чтобы завладѣть всѣмъ журналомъ, клеветалъ и доносилъ на меня, и словесно и письменно, и когда это удалось, совѣтовалъ мнѣ бѣжать заграницу для уклоненія себя отъ гоненій, принимая на себя изданіе въ пользу моего семейства. Я былъ ошеломленъ этимъ предложеніемъ, но Булгаринъ, бывшій тогда еще человѣкомъ порядочнымъ, открылъ мнѣ глаза. Впрочемъ, я переносилъ тогдашнія бури, невзгоды и опасенія равнодушно, по той причинѣ, что сердце мое страдало отъ существенныхъ потерь, и я ожесточился противъ другихъ ударовъ судьбы. 12-го декабря 1820 г. умерла любезная моя свояченица, Сусанна Даниловна Мюссаръ, а 11-го января 1821 г. скончался первый другъ мой въ мірѣ, Иванъ Карловичъ Борнъ.

Въ январѣ 1821 г. прислалъ ко мнѣ графъ В. П. Кочубей, тогдашній министръ Внутреннихъ Дѣлъ, своего камердинера и просилъ пріѣхать къ нему на другой день

вечеромъ. У меня бывали частныя сношенія съ графомъ: я доставлялъ ему учителей. Пріѣзжаю и нахожу въ пріемной залѣ М. Я. фонъ-Фока, директора Особенной Канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (что нынѣ III Отдѣленіе государевой канцеляріи). Насъ позвали въ гостиную. Графъ, страдая подагрою, лежалъ на диванѣ. Мы сѣли по сторонамъ. Графъ заговорилъ со мною объ учителѣ русскаго языка, котораго я рекомендовалъ ему и который оказался пьяницею. Я обѣщалъ ему пріискать другаго и, думая, что дѣло кончилось, всталъ, чтобы откланяться и уйти, тѣмъ болѣе, что фонъ-Фокъ пріѣхалъ съ портфелемъ, слѣдственно, по дѣламъ службы.

— Куда вы это спѣшите?—сказалъ графъ:—вотъ не хотите посидѣть съ больнымъ человѣкомъ. Что вы подѣлываете? Какъ идутъ ваши солдатскія школы?

— Очень плохо, ваше сіятельство: видно полковые командиры боятся, чтобы солдаты не сдѣлались ученѣе ихъ, и потому ни мало не радѣютъ объ успѣхахъ школъ, уже существующихъ, и объ учрежденіи новыхъ.

— А какъ принимаютъ солдаты это обученіе? Какъ они учатся?

— Они принимаютъ это какъ величайшее благодѣяніе и учатся съ большимъ усердіемъ.

— И семеновскіе хорошо учились?

— Семеновскіе еще вовсе не учились.

— Почему такъ?—спросилъ графъ съ удивленіемъ.

— Потому что въ Семеновскомъ полку и школы не было.

При этомъ взглянулъ я на фонъ-Фока и замѣтилъ, что онъ, переглянувшись съ графомъ, улыбкою выражалъ подтвержденіе сказаннаго мною.

— Почему-жъ не было?

— Школы учреждаемы были по возможности и по благоусмотрѣнію полковыхъ командировъ, особенно адъютантовъ. Въ Семеновскомъ полку матеріальное устройство классовъ было кончено, люди назначены, но я въ училищѣ не бывалъ,

да и не зналъ, гдѣ именно оно въ полку находится. Въ субботу явился ко мнѣ фельдфебель отъ полковаго адъютанта, флигель-адъютанта Бориса Петровича Бибикова, съ вопросомъ, нельзя ли сдѣлать открытіе школы въ понедѣльникъ. Я отвѣчалъ, что въ тотъ день положено быть открытію школы въ Лейбъ-Гренадерскомъ полку, и потому должно отложить до вторника. Между тѣмъ случилось извѣстное происшествіе, и школа не открывалась.

Графъ видимо былъ доволенъ моимъ отвѣтомъ, и, послѣ другихъ ничтожныхъ разговоровъ, я откланялся. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ допросъ, произведенный по высочайшему повелѣнію, и что гр. Кочубей, въ своемъ донесеніи, изложилъ это дѣло въ истинномъ его свѣтѣ и выставилъ совершенную мою невинность. Какое счастье, что я попался въ руки честныхъ и безпристрастныхъ людей! Впрочемъ, мои похожденія этимъ не кончились. Воспользовались выступленіемъ гвардіи въ походъ (въ началѣ 1821 г.) для закрытія училища, съ чѣмъ вмѣстѣ прекращалось званіе директора. На бумагѣ о томъ государь написалъ своеручно: „а надворнаго совѣтника Греча не оставить безъ пропитанія". Когда мнѣ объявили о томъ, я отправился къ Л. В. Васильчикову (корпусному командиру) и объявилъ ему, что считаю себя обиженнымъ, что благодарю государя за вниманіе, въ пропитаніи не нуждаюсь, но имѣю все право требовать гласнаго признанія непорочности и безукоризненности моей службы.

— Чего же вы хотите?—спросилъ Васильчиковъ.

— Я дослуживаю послѣдній годъ въ настоящемъ чинѣ: дайте мнѣ чинъ коллежскаго совѣтника, который слѣдуетъ мнѣ и безъ того чрезъ четыре мѣсяца за выслугу лѣтъ, но упомянувъ въ указѣ, что это повышеніе есть награда за вѣрную и усердную мою службу по званію директора полковыхъ школъ.

— Справедливо,—отвѣчалъ Васильчиковъ, въ которомъ былъ одинъ порокъ, что онъ былъ большой баринъ и придворный:—постараюсь объ этомъ и надѣюсь на успѣхъ.

Я сдалъ свою должность въ штабѣ; гвардія вышла въ походъ; чинъ мнѣ не выходилъ, и я вскорѣ утѣшился. Ну, стоитъ ли этимъ тревожиться! Я и теперь легко переношу эти дрянныя неудачи, а тогда! Въ молодости чего не вытерпишь, а мнѣ былъ тридцать четвертый годъ отъ роду. Что-жъ вышло на дѣлѣ? Васильчиковъ дѣйствительно представилъ государю и получилъ согласіе дать мнѣ чинъ, если не надстоитъ къ тому препятствій по службѣ, а какъ я былъ почетнымъ библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки, она же имѣла несчастье состоять въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, то запросъ о неимѣніи препятствій отправленъ былъ изъ штаба въ таковое. Тамъ это отношеніе попало въ руки Магницкаго. Этотъ гадъ натѣшился при семъ случаѣ, написавъ въ отвѣтъ, что надворный совѣтникъ Гречъ не только не достоинъ награды, но и не можетъ быть терпимъ на службѣ, по вреднымъ своимъ правиламъ и дѣйствіямъ, по явному сопротивленію волѣ начальства и дерзкимъ къ оному отзывамъ. А я отъ роду не имѣлъ сношенія съ этимъ начальствомъ, и если писалъ къ нему бумаги, то эти бумаги исходили отъ Управленія Общества Училищъ Взаимнаго Обученія и подписывались не мною. Въ то же время предписано было этому управленію удалить меня отъ участія въ дѣлахъ его. Послѣднее было мнѣ извѣстно, но о первомъ отзывѣ я не зналъ. Начальство Штаба, получивъ его на походѣ и видя гнусную несправедливость Министерства Просвѣщенія, пожалѣло обо мнѣ и не сообщило о томъ, а я думалъ, что меня забыли! Между тѣмъ я оставался на службѣ въ Воспитательномъ Домѣ и въ училищахъ солдатскихъ дочерей, но золотые дни мои прошли. Со мною обходились внимательно и учтиво, но холодно. Государыня уже не приглашала меня къ обѣдамъ въ Гатчинѣ, рѣже обращала ко мнѣ рѣчь, и т. п.

При открытіи втораго училища солдатскихъ дочерей, въ Большой Конюшенной, государыня жестоко сердилась на архитектора, который далеко пошелъ за смѣту. На внутреннее

устройство классовъ мнѣ отпустили тысячу рублей. Оно обошлось въ семьсотъ рублей, и остатокъ представленъ былъ мною по начальству. Для смягченія гнѣва на архитектора, Гр. И. Вилламовъ представилъ государынѣ мой отчетъ. Она обрадовалась, оборотилась ко мнѣ ласково и сказала: „я отъ васъ иного и не ожидала". Что-жъ, когда меня представили къ наградѣ, она отозвалась: „Que voulez-vous que je lui donne? c'est un grand seigneur!" [1]) Въ 1822 году представила она меня однако къ Аннинскому ордену втораго класса. Вмѣсто того мнѣ вышелъ чинъ, уже за годъ выслуженный мною. Я довелъ о томъ до свѣдѣнія императрицы. Она поручила Вилламову спросить у государя, почему онъ, утвердивъ всѣ награды въ представленіи, перемѣнилъ одну, назначенную Гречу. „Доложите матушкѣ", отвѣчалъ Александръ, „что Гречъ, какъ мнѣ извѣстно, именно желалъ награды чиномъ. Я не могъ исполнить этого прежде, а теперь воспользовался случаемъ". Достойная вниманія черта характера Александра! Онъ возъимѣлъ на меня подозрѣніе, потомъ увѣрился въ невинности моей и желалъ сдѣлать мнѣ добро, но боялся гадинъ, пресмыкавшихся вокругъ его престола. Душевная моя признательность слѣдуетъ его памяти за могилу! Я служилъ еще года два по этимъ заведеніямъ, но, видя, что не могу принести, въ новыхъ обстоятельствахъ, всей пользы, какой ожидали, вышелъ въ отставку съ прекрасными аттестатами. Частная школа взаимнаго обученія, принесшая въ свое время много пользы, потомъ исчезла отъ недостатка вниманія и соревнованія.

При этомъ случаѣ скажу о службѣ моей при императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ. Она пригласила меня, какъ я уже сообщалъ, къ учрежденію въ Воспитательномъ Домѣ классовъ взаимнаго обученія, чрезъ почетнаго опекуна, Карла Ѳедоровича Модераха, и главнаго надзирателя, А. И. Нейдгардта (братъ генералъ-адъютанта, командовавшаго на Кавказѣ). Недѣли чрезъ

[1]) Чего хотите, что бы я ему дала? Это большой баринъ.

двѣ по начатіи классовъ (въ мартѣ 1820), государыня пріѣхала посмотрѣть новую методу на дѣвичьей половинѣ. Когда меня представили ей, она заговорила со мною пофранцузски; я отвѣчалъ ей такъ же. Потомъ она попросила меня начать упражненія, и когда я скомандовалъ: „смирно“, изумилась и сказала: „какъ вы хорошо говорите порусски!“ Модерахъ подошелъ къ ней и сказалъ: „какъ г. Гречу не говорить порусски: его дѣдъ былъ моимъ профессоромъ въ кадетскомъ корпусѣ и самъ онъ русскій писатель и грамматикъ“. Государыня спросила меня о моемъ происхожденіи и, узнавъ, что оно бóльшею частью нѣмецкое, изъявила свое удовольствіе. И впослѣдствіи, когда я представлялся ей, когда докладывалъ ей по дѣламъ службы, она изъявляла ко мнѣ свое благоволеніе до того, что однажды сказала окружавшимъ ее: „вотъ человѣкъ, котораго можно было бы употребить при воспитаніи моего внука“ (нынѣшняго государя Александра Николаевича). Впослѣдствіи императрица ко мнѣ охладѣла, и я приписывалъ это неудачамъ службы моей вообще, но чрезъ нѣсколько времени узналъ, что я сдѣлался жертвою придворной интриги. Приближенные ея, узнавъ о ея отзывѣ, приведенномъ мною выше, рѣшились воспрепятствовать исполненію этого предположенія, находя вѣроятно, что человѣкъ смѣлый, открытый, пылкій, независимый, не будетъ хорошимъ наставникомъ юнаго царевича. Однажды, послѣ обѣда, въ Гатчинѣ (это было осенью 1820 года), нянька англичанка принесла маленькаго великаго князя Александра Николаевича въ такъ называемый арсеналъ, нижній этажъ гатчинскаго дворца, въ которомъ были столовая государыни и залы вечернихъ ея собраній. Государыня удалилась; остались нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ адъютантъ великаго князя Михаила Павловича (Илья Гавриловичъ Бибиковъ) и еще гусарскіе офицеры. Гр. И. Вилламовъ няньчилъ младенца, великую княжну Марію Николаевну. Потомъ они, и съ ними я, окружили великаго князька и начали играть съ нимъ. Шевичъ сказалъ ему: „Ваше высочество, представьте дядюшку Кон-

стантина Павловича". Ребенокъ поднялъ и сжалъ носикъ. Всѣ расхохотались. „Смотрите", сказалъ Бибиковъ нянькѣ: „если онъ будетъ похожъ на этого дядюшку, мы вамъ свернемъ шею". Потомъ говорено было еще многое на этотъ счетъ, между прочимъ смѣялись, что ребенокъ называетъ снѣгъ бѣлыми мухами. Я спросилъ у няни, каковъ у него нравъ. „Предобрый", отвѣчала она: „онъ очень жалостливъ, и, увидѣвъ недавно нищаго мальчика, сказалъ съ сожалѣніемъ: „Poor boy" (бѣдный мальчикъ). У него въ рукѣ былъ кусокъ кренделя. Я протянулъ къ нему руку и сказалъ: „пожалуйте: мнѣ!" Онъ тотчасъ отдалъ. „Такъ вы знаете, прибавилъ я, что значитъ и good boy (хорошій мальчикъ)". Изъ этихъ невинныхъ словъ сплели предлинную сказку, приписали мнѣ сказанное офицерами, прибавили еще кое-что и донесли всеподданнѣйше. Засимъ послѣдовало отчужденіе мое, а я и не догадывался о причинѣ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1830 году), на большомъ обѣдѣ у Василія Васильевича Энгельгардта, очутился я за столомъ подлѣ И. Г. Бибикова. Онъ разсказалъ тутъ при всѣхъ мою придворную мезавантюру, говорилъ, что его спрашивали объ этомъ случаѣ, что онъ всячески старался оправдать меня, завѣряя, что предосудительныя рѣчи произнесены были не мною, и пр., но все было напрасно. Въ Сангедринѣ, у княгини Ливенъ, положено было удалить опаснаго человѣка и исполнено въ точности. Главнымъ орудіемъ въ томъ былъ гофмаршалъ баронъ Албедиль, котораго всѣ работники и мастеровые называли „баронъ Обидѣлъ".— Мечта о томъ, что я, можетъ быть, сдѣлаю карьеру при дворѣ, ласкала меня слегка, но недолго, и я разстался съ нею безъ сожалѣнія, а потомъ, размысливъ хорошенько, благословилъ судьбу, что мимолетная мысль императрицы Маріи Ѳеодоровны не осуществилась. Я не ужился бы никакъ при дворѣ, и недѣли чрезъ двѣ изгнали бы меня, какъ изъ шустеръ-клуба, mit Skandal (съ скандаломъ). Человѣкъ законнорожденный, честный, откровенный, можетъ быть и слишкомъ болтливый, врагъ

подлости, глупости и невѣжества—не устоялъ бы на паркетѣ. Довольно того, что я вблизи видѣлъ всю эту мишуру.

. . . .

Недѣли за двѣ до семеновской исторіи, былъ я въ Гатчинѣ. Въ этотъ день не являлся я къ государынѣ, но вечеромъ подошелъ съ толпою народа къ окнамъ арсенала; у императрицы было собраніе. Въ большой залѣ двигались придворные и другія лица. Видно было ихъ хорошо, но не было слышно что говорили. . . . .

. . . .

Какъ они вертѣлись, кланялись, ухмылялись, точно кукольная комедія . . . .

. . . .

. . . .

Между тѣмъ, назвавъ людей, которые мнѣ вредили у Маріи Ѳеодоровны, поименую и тѣхъ, которые благородно за меня вступались. Это были Гр. И. Вилламовъ, А. К. Шторхъ, Н. М. Карамзинъ и И. Ѳ. Саврасовъ. Съ такими заступниками и потеря дѣла не лишаетъ отрады!

Семеновскій полкъ былъ раскасированъ; офицеры его были переведены въ армію [1]). Составленъ былъ другой полкъ изъ гренадерскихъ батальоновъ. Но Александру нанесена была глубокая рана. Онъ сдѣлался задумчивъ, печаленъ, подозрителенъ, еще менѣе сталъ вѣрить людямъ откровеннымъ и благороднымъ, обративъ все свое вниманіе и слухъ, съ одной стороны, ко внушеніямъ Аракчеева и ему подобныхъ, а съ другой, къ совѣтамъ мистиковъ и святошъ. Въ такомъ положеніи оставался онъ до конца своей жизни. Тщетно раздираемая дикими тиранами Греція поднимала къ нему окровавленныя свои руки. Онъ видѣлъ въ несчастныхъ жертвахъ мусульманскаго изувѣрства мятежниковъ и якобинцевъ. Турція приписывала это долготерпѣніе слабости Россіи и дѣй-

[1]) См. Приложеніе въ концѣ книги, примѣчаніе II.

ствовала съ нами дерзко и нагло. Примиритель Европы не хотѣлъ воевать.

Присоедините къ этимъ политическимъ смятеніямъ нравственное и духовное направленіе Александра, какъ мы его описали выше, и вы составите себѣ понятіе о положеніи его души въ послѣдніе годы его пребыванія въ здѣшнемъ свѣтѣ. Разочарованный въ вѣрованіяхъ своихъ глубокому библейскому христіанству, онъ обратился не къ православію, а къ слабой и грязной его сторонѣ, къ монахамъ, глупымъ и изувѣрнымъ. Внукъ Екатерины, ученикъ Лагарпа, сдѣлался поклонникомъ изувѣра-фанатика Фотія, принималъ у себя разныхъ ханжей и монаховъ и цѣловалъ имъ руки. Канунъ отъѣзда своего въ Таганрогъ провелъ онъ въ бесѣдѣ съ . . . . схимникомъ въ Александро-Невской Лаврѣ. Окружавшіе его . . . люди, преимущественно Іуда Магницкій, пугали его и заставляли дѣлать несправедливости: они всячески старались очернить въ его глазахъ бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Кочубея, и директора Особой Канцеляріи (что нынѣ III-е Отдѣленіе Собственной Канцеляріи), благороднѣйшаго Максима Яковлевича фонъ-Фока, донесли, что состоящая въ вѣдѣніи его цензура иностранныхъ книгъ позволила къ продажѣ богопротивную книгу. Книга эта (впрочемъ, позволенная самимъ Кочубеемъ, находившимся во время доноса заграницею) была извѣстный Брокгаузеновъ „Conversations Lexicon", въ которомъ ученіе о Богородицѣ изложено было по догматамъ протестанской церкви. Читавшихъ ее двухъ цензоровъ, Лерке и Гуммеля, посадили въ крѣпость. Это случилось 8-го августа 1825 года, и въ тотъ самый день сгорѣлъ Преображенскій Соборъ. Цензоровъ выпустили наканунѣ отъѣзда государева: въ тотъ же день призывали фонъ-Фока въ тайную комиссію, собиравшуюся у Аракчеева, и старались вывѣдать, кто одобрилъ книгу. Фонъ-Фокъ отвѣчалъ твердо: „Одобрилъ ее графъ Кочубей, но не подписалъ о томъ бумаги; я сдѣлалъ отмѣтку на полѣ, и одинъ отвѣчаю". Его отпустили, чего онъ не

ожидалъ, думая, что будетъ ночевать въ Алексѣевскомъ Равелинѣ. Грустное воспоминаніе! И это происходило въ царствованіе государя добраго, благороднаго, желавшаго счастья своему народу, ревностнаго христіанина!

Къ этому же времени принадлежитъ любопытный эпизодъ изъ жизни Аракчеева. Александръ осматривалъ, лѣтомъ 1825 года, новгородскія военныя поселенія и былъ восхищенъ этимъ уродливымъ произведеніемъ его прихоти, которой исполненіе могъ принять на себя только одинъ Аракчеевъ и воспитанникъ его, Клейнмихель. Оставляя поселенія, Александръ сказалъ графу: „Любезный Алексѣй Андреевичъ! требуй чего хочешь: я ни въ чемъ не откажу тебѣ". Аракчеевъ сталъ на колѣни и съ сатанинскимъ лицемѣріемъ сказалъ: „Прошу одного, государь, позвольте мнѣ поцѣловать вашу ручку". Дружеское обнятіе было отвѣтомъ. Оттуда государь пріѣхалъ въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ, гдѣ встрѣтилъ его весь штабъ гвардейскаго корпуса. Подошли дежурные генералъ-адъютантъ и флигель-адъютантъ. Послѣднимъ былъ Шумскій, воспитанникъ, т. е. побочный сынъ Аракчеева, прижитый имъ съ подлою бабою Настасьею Ѳедоровною. Шумскій былъ совершенно пьянъ; онъ подошелъ къ государю, споткнулся, упалъ и его вырвало. Александръ, брезговавшій всѣмъ, что походило на пьянство и его послѣдствія, былъ выведенъ изъ себя этимъ послѣднимъ явленіемъ, обратился къ Аракчееву и сказалъ: „ваша рекомендація, графъ, покорнѣйше благодарю!" и пошелъ далѣе. Шумскаго подняли; онъ исчезъ и не появлялся болѣе; говорятъ, его увезли въ Грузино и тамъ спрятали. Негодованіе государя не имѣло слѣдствій, ибо Аракчеевъ слишкомъ глубоко угнѣздился въ его сердцѣ. Провидѣніе приняло на себя поразить злодѣя.

Наложница его, какъ слышно было, бѣглая матросская жена, была женщина необразованная, грубая, подлая, злая, къ тому безобразная, небольшого роста, съ хамскимъ лицомъ и грузнымъ тѣломъ. Владычество ея надъ графомъ было такъ сильно, что въ народѣ носился слухъ, будто она

его околдовала какимъ-то питьемъ, и когда Александръ бывалъ въ Грузинѣ, варила волшебный супъ и для его стола, чтобы внушить ему благоволеніе и дружбу къ графу. Она обходилась со слугами и людьми графа очень дурно, наговаривала на нихъ, подвергала жестокимъ наказаніямъ безъ всякой вины, и особенно тиранила женщинъ и дѣвокъ. Онѣ вышли изъ терпѣнія. Въ отсутствіи графа, осматривавшаго поселенія, вошли онѣ ночью (въ сентябрѣ 1825 года) въ ея спальню, убили ее, отсѣкли ей голову, и потомъ сами объявили о томъ земскому начальству. Аракчеевъ, узнавъ о томъ, оцѣпенѣлъ было, а потомъ впалъ въ бѣшенство, похоронилъ ее съ почестью, подлѣ могилы, которую заготовилъ себѣ въ церкви села Грузина и самъ сочинилъ ей надгробную надпись. Онъ извѣстилъ государя о постигшемъ его несчастіи и въ отвѣтъ получилъ письмо, въ которомъ Александръ выражалъ ему свое соболѣзнованіе, уговаривалъ его и поручалъ уроду Фотію принять на себя утѣшеніе царскаго друга въ постигшемъ его несчастіи.

Едва вѣришь глазамъ, читая эти письма. Первымъ движеніемъ Аракчеева было отомстить несчастнымъ, увлеченнымъ въ преступленіе невыносимымъ тиранствомъ. Опасаясь, чтобы, при ревизіи этого дѣла въ Сенатѣ, не открылось нѣкоторыхъ тайнъ его домашней жизни, онъ приказалъ новгородскому гражданскому губернатору, Жеребцову, повесть дѣло такъ, чтобы оно рѣшено было Уголовною Палатою, безъ переноса въ Сенатъ. Преступниковъ было болѣе девяти (двадцать шесть), и поэтому непремѣнно слѣдовало представить процессъ Сенату. Что же сдѣлалъ подлецъ-губернаторъ? Раздѣлилъ подсудимыхъ на три категоріи, каждую не болѣе девяти человѣкъ, составилъ изъ одного дѣла три и ускользнулъ отъ ревизіи Сената.

Между тѣмъ воцарился Николай I. Вышелъ милостивый манифестъ, по которому смягчались казни, еще не исполненныя. Полученнаго въ Новгородскомъ Губернскомъ Правленіи манифеста не объявляли и приговоръ, жестокій, вар-

варскій, исполнили. Императоръ Николай Павловичъ ужаснулся, но дѣло было такъ искусно облечено во всѣ законныя формы, что не къ чему было придраться. Къ тому и не хотѣли срамить памяти государя, лишь только умершаго, но чрезъ полгода воспользовались безпорядками въ Новгородской Губерніи, при проходѣ гвардіи въ Москву на коронацію, и выгнали Жеребцова. Аракчеевъ барахтался еще нѣсколько времени, какъ утопающій, но его солнце закатилось навѣки. . . . .

. . . .

Вотъ каковы были послѣдніе дни жизни императора Александра, который, своимъ добрымъ сердцемъ, благородствомъ души, умомъ, образованіемъ, твердостью и упованіемъ на Бога въ несчастіяхъ и глубокимъ смиреніемъ въ дни успѣховъ и славы, достоинъ былъ лучшей участи. Въ цвѣтѣ лѣтъ мужества онъ скучалъ жизнью, не находилъ отрады ни въ чемъ, искалъ чего-то и не находилъ, опасаясь вѣрить честнымъ и умнымъ людямъ, и довѣрялъ хитрому льстецу, не дорожилъ своимъ саномъ, и между тѣмъ ревновалъ къ совмѣстникамъ. Я говорилъ выше, какъ онъ, бывъ наслѣдникомъ, внушилъ общую къ себѣ любовь всей Россіи, какъ она обрадовалась, когда онъ вступилъ на престолъ . . . .

. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . Вообразите, каковъ бы былъ Николай, съ своимъ благороднымъ, твердымъ характеромъ, съ трудолюбіемъ и любовью къ изящному, еслибы его приготовили къ трону, хотя бы такъ, какъ приготовляли Александра. . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . За то великія княжны были образованы и воспитаны тщательно и успѣшно. Всѣ онѣ принесли честь Россіи, своимъ родителямъ и фамиліи. Отъ всѣхъ отличалась четвертая дочь императора Павла, недаромъ нареченная Екатериною. Память о ней живетъ въ сердцахъ виртембергцевъ, тѣхъ самыхъ, которые при жизни на нее жаловались и клеветали. Теперь достойно заступила ея мѣсто великая княгиня Ольга Николаевна. . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Причина зарожденія заговора 1825 года. — Главныя дѣйствовавшія въ немъ лица.—П. И. Пестель.—Его отецъ и мать.—Уши госпожи Шевалье.—Первый нумеръ на выпускномъ экзаменѣ.—Высѣченный маіоръ.—Свиданіе съ Рейнботомъ.—К. Ѳ. Рылѣевъ.—Его стихотвореніе на Аракчеева.—Картофельный носъ Аракчеева.—Библіотека Желѣзникова.—Вербованіе въ заговорщики — Потомки Рылѣева и Муравьева.—Разговоръ съ Батеньковымъ.—Голова и руки.—Казенныя дрова.—Булгаринъ и Рылѣевъ.—Предсмертное письмо Рылѣева.—Три брата Муравьевы-Апостолы. — Каховскій въ 1812 году въ Москвѣ. — Приключенія Вильгельма Карловича Кюхельбекера.—Его дуэль съ Пушкинымъ.—Бѣгство его и поимка въ Варшавѣ.—Михаилъ Кюхельбекеръ.—Якубовичъ.—А. А. Бестужевъ (Марлинскій).—Его добровольная сдача.—Разговоръ его съ императоромъ Николаемъ.—Н. А. Бестужевъ.—Его военная служба.—Неудавшееся переодѣваніе.—Его участь.—Другіе братья Бестужевы.—Встрѣча М. М. Муравьева съ Коленкуромъ.—Причина помѣшательства поэта Батюшкова.—Пущины.—Семейство Тургеневыхъ.—Двѣ литературныя партіи.—Исторія Боголюбова.—Александръ и Сергѣй Тургеневы.—Николай Ивановичъ Тургеньевъ.—Его осужденіе.— Участіе въ томъ Блудова.—Его сочиненія.—Батеньковъ.—Сближеніе его съ Сперанскимъ и Аракчеевымъ.—Жестокое его наказаніе.—Штейнгель, Одоевскій, Оболенскій. Мухановъ.—Корниловичъ и Галяминъ.—Торсонъ, Цебриковъ, Рѣпинъ, Лунинъ.—Подвигъ г-жи Гебль.—Самоотверженіе дѣвицы Ледантю.—Фонъ-дер-Бригенъ.—Партія виста.—Общій выводъ.

Едва ли случалось въ мірѣ какое либо великое бѣдствіе, возникло какое либо ложное и вредное ученіе, которое въ началѣ своемъ не имѣло хорошаго повода, благой мысли. Первое движеніе ума и совѣсти человѣческой почти всегда бываетъ чистое и доброе: потомъ прививаются къ нему по-

мысли и страсти, порождаемые невѣжествомъ и злыми наклонностями, и изъ благотворнаго сѣмени возрастаетъ древо зла и пагубы. Такъ бываетъ со всѣми революціями, и нравственными, и политическими. Изъ христіанскаго усердія возникъ кровожадный фанатизмъ католиковъ; отъ желанія очистить религію отъ суевѣрія произошло вольнодумство протестантовъ; изъ свѣтлыхъ идей 1789 года—кровавыя сцены 1793 г.; изъ возстановленія порядка единоначаліемъ Наполеона I—порабощеніе Европы тяжкому и постыдному игу.

И у насъ бѣдственная и обильная злыми послѣдствіями вспышка 14-го декабря 1825 года имѣла зерномъ мысли чистыя, намѣренія добрыя. Какой честный человѣкъ и истинно просвѣщенный патріотъ можетъ равнодушно смотрѣть на нравственное униженіе Россіи, на владычество въ ней дикой татарщины! Государство, обширностью своею не уступающее древней римской монархіи, окруженное восемью морями, орошаемое великолѣпными рѣками, одаренное особою, неизвѣстною въ другихъ мѣстахъ, силою плодородія, скрѣпленное единствомъ и плотностью, обитаемое сильнымъ, смышленнымъ, добрымъ въ основаніи своемъ народомъ,—представляетъ съ духовной стороны зрѣлище грустное и даже отвратительное. Честь, правда, совѣсть у него почти неизвѣстны и составляютъ въ душахъ людей исключеніе, какъ въ иныхъ странахъ къ исключеніямъ принадлежатъ пороки. Не крѣпостное состояніе у насъ ужасно и отвратительно: оно составляетъ только особую форму подчиненности и бѣдности, въ которыхъ томится болѣе половины жителей всякаго и самаго просвѣщеннаго государства. У насъ злоупотребленія срослись съ общественнымъ нашимъ бытомъ, сдѣлались необходимыми его элементами. Можетъ ли существовать порядокъ и благоденствіе въ странѣ, ...

. . . .

. . . .

. . . . где нѣтъ правды въ судахъ, порядка въ управленіи, гдѣ честные и добродѣтельные люди

страждутъ и гибнутъ отъ корыстолюбія и безчеловѣчія злодѣевъ, гдѣ никто не стыдится сообщества и дружбы съ негодяями и подлецами, только бы у нихъ были деньги; гдѣ ложь, обманъ, взятки считались дѣломъ обыкновеннымъ и ни мало не предосудительнымъ; гдѣ женщины не знаютъ добродѣтелей домашнихъ: не умѣютъ и не хотятъ воспитывать дѣтей своихъ и разоряютъ мужей щегольствомъ и страстью къ забавамъ; . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . гдѣ народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ! [1])

Такія печальныя размышленія возникаютъ въ душѣ особенно при сравненіи нравственнаго и гражданскаго состоянія Россіи съ нравственнымъ и гражданскимъ состояніемъ другихъ странъ. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

---

[1]) Необходимо припомнить, что эта глава, слѣдовательно и эта тирада, писана Н. И. Гречемъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Пр. ред.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . Война 1812 года возвысила мнѣніе русскихъ о самихъ себѣ и о своемъ отечествѣ. Въ 1813 году сроднились они мыслью и сердцемъ съ нѣмцами, искавшими независимости, правъ и свободы, которыхъ лишилъ ихъ свирѣпый завоеватель, гонитель чести, правды, просвѣщенія. Rettung von Tyranenketten! [1]) пѣли они съ Шиллеромъ. Во Франціи русскіе были свидѣтелями сверженія тяжкаго ига съ образованной націи, учрежденія конституціоннаго правленія и торжества либеральныхъ идей. Возвращаются въ Россію и что видятъ? Несправедливости, притѣсненія, рабство, низость и безчестіе. . . . .
. . . .

Молодые, пламенные, благородные люди возымѣли ревностное желаніе доставить торжество либеральнымъ идеямъ, подъ которыми разумѣли владычество законовъ, водвореніе правды, безкорыстія и честности въ судахъ и въ управленіи, искорененіе вѣковыхъ злоуротребленій, подтачивающихъ дерево русскаго величія и благоденствія народнаго. Составилось общество, основанное на самыхъ чистыхъ и благородныхъ началахъ, имѣвшее цѣлью: распространеніе просвѣщенія, под-

---

[1]) Освобожденіе отъ цѣпей тирана.

держаніе правосудія и поощреніе промышленности и усиленіе народнаго богатства. Это были благонравныя дѣти, игравшія обоюдо-острыми кинжалами, сжигавшія фейерверкъ подъ пороховыми бочками. Нѣкоторые изъ нихъ, встрѣтивъ съ самаго начала препятствія, убѣдившись въ неисполнимости ихъ мечтательныхъ замысловъ, отказались отъ участія въ дѣлахъ общества; другіе оставались въ немъ, надѣясь что нибудь сдѣлать; иные еще, честолюбивые мечтатели, вздумали воспользоваться такимъ союзомъ для удовлетворенія своимъ страстямъ, для низверженія правительства и для овладѣнія верховною властью, во благо народа, говорили они, но на дѣлѣ для утоленія собственной ихъ жадности. Къ этимъ сумасбродамъ присоединилось нѣсколько злодѣевъ, подъ маскою патріотовъ, и какъ зло на свѣтѣ всегда сильнѣе добра, послѣдніе и одолѣли. Въ числѣ участниковъ было нѣсколько легкомысленныхъ вѣтренниковъ, которые не смѣли отстать отъ другихъ, кричали и храбрились, въ надеждѣ, что все кончится громкими фанфаронадами, не дойдетъ до дѣла. Всего грустнѣе было то, что заговорщики заманили съ свою шайку нѣсколько прекрасныхъ молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста и не понимавшихъ, что заставляютъ ихъ предпринимать.

Такимъ образомъ составилось это разнокалиберное скопище. Такимъ образомъ подготовились и разыгрались элементы этой нелѣпой стачки, стоившей многихъ слезъ и страданій цѣлымъ семействамъ и могшей навлечь на Россію неисчислимыя бѣдствія.

При началѣ всякаго драматическаго творенія исчисляются дѣйствующія въ немъ лица, съ изложеніемъ ихъ характера и съ описаніемъ костюмовъ. Такъ поступаю и я: исчислю и, сколько могу, опишу каждаго изъ дѣйствовавшихъ, то есть только тѣхъ, которыхъ или я зналъ лично, или о комъ имѣлъ достовѣрныя свѣдѣнія.

1) Павель Ивановичъ Пестель—полковникъ и командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка. Достойно замѣчанія, что

первенствующимъ изъ заговорщиковъ былъ сынъ жестокосердаго проконсула, врага всякой свободной идеи, всякаго благороднаго порыва. Отецъ его, Иванъ Борисовичъ Пестель, былъ человѣкъ очень умный, хорошо образованный, можетъ быть и честный, но суровый, жестокій, неумолимый. При императорѣ Павлѣ былъ онъ почтъ-директоромъ въ Петербургѣ, а братъ его въ той же должности въ Москвѣ. Однажды призываютъ его къ императору. Павелъ въ гнѣвѣ говоритъ ему: „вы, сударь, должны брать примѣръ съ вашего брата: онъ удержалъ одну иностранную газету, въ которой было сказано, будто я велѣлъ отрѣзать уши мадамъ Шевалье, а вы ее выпустили въ свѣтъ. На что это похоже?“ Пестель отвѣчалъ, не смутившись: „точно выпустилъ, государь, именно для того, чтобы обличить иностранныхъ вралей. Каждый вечеръ публика видитъ въ театрѣ, что у ней уши цѣлы, и, конечно, смѣется надъ нелѣпою выдумкою.“—„Правда! Я виноватъ. Вотъ, сказалъ Павелъ (написавъ нѣсколько словъ на лоскуткѣ бумаги объ отпускѣ изъ кабинета брилліантовыхъ серегъ въ 6000 р.),—поѣзжай въ кабинетъ, возьми серьги, отвези къ ней и скажи, чтобы она надѣла ихъ непремѣнно сегодня, когда выйдетъ на сцену“.

Впослѣдствіи Пестель былъ генералъ-губернаторомъ въ Сибири и затмилъ собою подвиги всѣхъ проконсуловъ, Клейва, Гастингса и подобныхъ. Сибирь стонала подъ жесточайшимъ игомъ. Пестель окружилъ себя злодѣями и мошенниками: первымъ изъ нихъ былъ Николай Ивановичъ Трескинъ, гражданскій губернаторъ иркутскій. До сихъ поръ живо въ Сибири воспоминаніе о тѣхъ временахъ. Пестель долго управлялъ Сибирью изъ Петербурга, для того чтобы ему не подсидѣли у двора. Жилъ онъ на Фонтанкѣ, насупротивъ Михайловскаго замка, на одномъ крыльцѣ съ Пуколовою, любовницею Аракчеева, и чрезъ нее держался у него въ милости. Притомъ онъ считалъ себя самымъ честнымъ и справедливымъ человѣкомъ, гонителемъ неправды и притѣсненія. Однажды, разсказывалъ мнѣ сынъ его, Борисъ Ивановичъ, не

спалъ онъ цѣлую ночь отъ негодованія на неправосудіе людей, видѣвъ наканунѣ на нѣмецкомъ театрѣ драму, въ которой былъ выставленъ безсовѣстный судья. Я долженъ замѣтить здѣсь, почему зналъ Пестеля. У меня былъ въ пансіонѣ (когда я служилъ старшимъ учителемъ въ Петровской школѣ) третій сынъ его, Борисъ Ивановичъ, мальчикъ неглупый, но злой нравомъ: въ дѣтствѣ у него отняли ногу, послѣ какой-то болѣзни, и это имѣло вліяніе на его характеръ. Отецъ привезъ его ко мнѣ (въ 1810 г.) вмѣстѣ со старшими сыновьями, Павломъ и Владиміромъ, только что возвратившимися изъ Дрездена, гдѣ они видѣли Наполеона. Я спросилъ у Павла Ивановича, каковъ теперь собою Наполеонъ. „Говорятъ-де, что потолстѣлъ", сказалъ Павелъ Ивановичъ, смѣясь и указывая на отца, который стоялъ спиною къ намъ: „вотъ точно какъ батюшка", а старикъ Пестель былъ малорослый толстякъ. Жена его, урожденная фонъ-Крокъ (дочь сочинительницы писемъ объ Италіи и Швейцаріи, урожденной фонъ-Дицъ), была женщина умная и не только образованная, но и ученая. Не знаю, какъ она уживалась съ своимъ тираномъ (хотя, впрочемъ, политическіе тираны бываютъ иногда самыми нѣжными мужьями), но дѣтямъ своимъ, особенно Павлу, внушала она высокомѣріе и непомѣрное честолюбіе, соединявшіяся съ хитростью и скрытностью. Въ немъ было нѣчто іезуитское. Ума онъ былъ необыкновеннаго, поведенія безукоризненнаго. Онъ и братъ его, Владиміръ, воспитывались въ Дрезденѣ, подъ руководствомъ умной и просвѣщенной бабки. Напрасно станутъ обвинять иностранное воспитаніе: отчего же одинъ Павелъ заразился имъ, а Владиміръ остался вѣрноподданнымъ, въ день казни брата пожалованъ былъ флигель-адъютантомъ, потомъ служилъ ревностно и, наконецъ, былъ губернаторомъ въ Крыму.

Возвращеніе Павла Пестеля въ Россію и поступленіе его на службу сопровождалось замѣчательными обстоятельствами. Онъ былъ камеръ-пажемъ и, по прибытіи въ Петербургъ, явился въ корпусъ на выпускной экзаменъ. Это было въ мартѣ

1812 года [1]). До явки его конченъ былъ общій экзаменъ, и камеръ-пажъ Владиміръ Адлербергъ удостоенъ былъ перваго нумера. Это было въ то время очень важно. Первый по экзамену получалъ чинъ поручика гвардіи и дорогую дорожную шкатулку; второй чинъ подпоручика; прочіе выпускались прапорщиками. Приказано было сдѣлать экзаменъ Пестелю; оказалось, что онъ былъ по наукамъ и языкамъ несравненно выше Адлерберга; ему слѣдовалъ первый призъ. Пошли хлопоты и интриги. Мать Адлерберга (начальница Смольнаго Монастыря) бросилась съ просьбою къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: „Мой-де сынъ учился съ успѣхомъ всему, что преподается въ корпусѣ, получилъ прилежаніемъ и успѣхами первое мѣсто. Пріѣхалъ Пестель, и моего Владиміра ставятъ на второе. Да виноватъ ли онъ, что его не учили тому, чему учатъ въ Дрезденѣ? Теперь пріѣдетъ еще какой нибудь профессоръ, и ему должны будутъ уступить наши бѣдныя дѣти. Гдѣ тутъ справедливость? вступитесь за моего сына". Съ другой стороны Пестель, чрезъ сосѣдку свою Пукалову, искалъ помощи у верховнаго визиря. Аракчеевъ доложилъ государю, что Адлербергъ награжденъ уже казеннымъ содержаніемъ и обученіемъ, а Пестель не получилъ отъ казны ничего, образовался самъ собою и на свой счетъ, а потому заслуживаетъ преимущества. Государь отвѣчалъ, и матушкѣ своей и другу, что поступитъ по всей справедливости, и, когда кандидаты въ герои явились къ нему на смотръ, сказалъ имъ: „Господа, поздравляю васъ всѣхъ прапорщиками новаго гвардейскаго, Литовскаго, полка" (нынѣ Московскій). Замѣчательно, что одинъ изъ состязателей теперь генералъ-адъютантъ, графъ, андреевскій кавалеръ, министръ [2]), а другой повѣшенъ какъ преступникъ! Судьбы Божіи неисповѣдимы!

Пестель служилъ усердно и честно, былъ храбръ въ сра-

[1]) Не въ 1811 ли году? Прим. ред.

[2]) Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ скончался 8-го марта 1884 года. Прим. ред.

женіи, но и человѣколюбивъ послѣ боя. Въ 1814 году онъ былъ адъютантомъ графа Витгенштейна. Его послали съ немногими казаками съ какимъ-то порученіемъ въ Баръ-сюръ-Объ. Прискакавъ въ этотъ городокъ, Пестель видитъ на улицахъ большое смятеніе. Баварцы вытѣснили французовъ, недавнихъ своихъ союзниковъ, и грабятъ немилосердно. Изъ одного дома несутся раздирающіе крики. Пестель входитъ туда съ казакомъ и видитъ, что три баварца вытаскиваютъ тюфякъ изъ-подъ умирающей старухи. Она кричитъ и проситъ пощады. Пестель сталъ было уговаривать солдатъ, чтобы они сжалились надъ несчастною, а когда они отвѣчали ему ругательствами, то приказалъ казакамъ выгнать негодяевъ нагайками. Когда они выбѣжали на улицу, раздался голосъ баварскаго маіора, курившаго (въ халатѣ) трубку въ окнѣ втораго этажа. „Что это значитъ? Бьютъ людей, какъ собакъ! Какъ вы смѣете?“ Пестель оглянулся и закричалъ казакамъ: „Стащить скотину!“. Маіора стащили, и тутъ же высѣкли. Грабежъ кончился. Баварское начальство пожаловалось, но Витгенштейнъ замѣтилъ, чтобы не доводили этого до свѣдѣнія Александра: тогда было бы еще хуже. Впослѣдствіи Пестель дослужился до полковника и былъ командиромъ Вятскаго полка, стоявшаго въ Подоліи. При началѣ греческаго возстанія, его посылали въ Молдавію и Валахію, чтобы узнать причинахъ и свойствѣ этого возстанія. Въ донесеніи своемъ онъ сказалъ, что это то же самое, что освобожденіе Россіи отъ татарскаго ига. Александръ принялъ донесеніе благосклонно, но грекамъ, какъ извѣстно, не помогалъ. Лица, замыслившія заговоръ, не могли не принять къ себѣ Пестеля, и онъ вскорѣ сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ его. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Я видалъ его въ собраніяхъ масонскихъ ложъ. Онъ молчалъ, и замѣчалъ случаи и лица. Роста былъ онъ невысокаго, имѣлъ умное, пріятное, но серьезное лицо. Особенно отличался онъ высокимъ лбомъ и длинными передними зубами. Уменъ и зубастъ! Участіе его въ замыслахъ революціи явствуетъ изъ оффиціальныхъ бумагъ. Какая

была его цѣль? Сколько я могу судить, личная, своекорыстная. Онъ хотѣлъ произвесть суматоху; пользуясь ею, завладѣть верховною властью въ замышленной сумасбродами республикѣ. Достойно замѣчанія, что онъ составилъ себѣ роль, которую чрезъ четверть вѣка разыгралъ съ успѣхомъ другой бунтовщикъ, Лудовикъ-Наполеонъ, по тому непреложному закону, что плохая монархія производитъ республиканцевъ, а плохая республика тирановъ. Достигнувъ верховной власти, Пестель далъ бы несомнѣнно волю своей отцовской крови, сдѣлался бы жесточайшимъ деспотомъ. При слѣдствіи и судѣ, онъ велъ себя твердо и рѣшительно, но не всегда говорилъ правду, и старался оправдаться во многихъ уликахъ; иногда игралъ разныя роли. Есть слухъ, что онъ предъ смертью не хотѣлъ исповѣдываться и причащаться. Это неправда: его не было въ спискахъ причащавшихся у православнаго священника, потому что онъ былъ лютераниномъ. Его пріобщалъ тогдашній пасторъ и суперъ-интендентъ Рейнботъ, жившій въ то время подлѣ меня на Черной Рѣчкѣ. Въ первомъ часу ночи пріѣхалъ къ нему адъютантъ генералъ-губернатора (чуть ли не нынѣшній оберъ-форшнейдеръ, завѣдывающій просвѣщеніемъ Россіи [1]), разбудилъ его и просилъ пріѣхать въ крѣпость для напутствія приговоренныхъ къ смерти преступниковъ. Рейнботъ впослѣдствіи разсказывалъ мнѣ о послѣднемъ своемъ свиданіи съ Пестелемъ. Онъ нашелъ его не упадшимъ въ духѣ, но безпокойнымъ и тревожнымъ. Послѣ первыхъ словъ о поводѣ къ этому свиданію, Пестель началъ говорить о своемъ дѣлѣ, сталъ оправдываться, жаловаться на несправедливость суда и приговоръ, причемъ безпрестанно хватался за галстухъ. Рейнботъ, выслушавъ его внимательно, сказалъ ему: „Теперь вамъ не до свѣта и не до его мнѣній: вы должны помышлять о томъ, что вскорѣ явитесь предъ Бо-

---

[1]) Тайный совѣтникъ Мухановъ, бывшій товарищемъ министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго, назначеннаго на этотъ постъ въ 1858 году.
Прим. ред.

гомъ". Въ дальнѣйшей бесѣдѣ, Пестель еще порывался оправдываться, но Рейнботъ наводилъ его на предметъ своего посѣщенія; наконецъ Пестель покорился и исполнилъ обрядъ съ благоговѣніемъ, и просилъ пастора передать послѣднее прости его родителямъ. Вообще, онъ показался Рейнботу неоткровеннымъ іезуитомъ, даже въ эту великую минуту.

2) Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ — соучастникъ Пестеля, но самая рѣзкая ему противоположность. Одинъ былъ аристократъ и мѣтилъ въ цари; другой — человѣкъ не важный и самъ не зналъ, чего хотѣлъ. Рылѣевъ, небогатый дворянинъ, былъ воспитанъ въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, показывалъ съ дѣтства большую любознательность, учился довольно хорошо чему учили въ корпусѣ, велъ себя порядочно, но былъ непокоренъ и дерзокъ съ начальниками, и съ намѣреніемъ подвергался наказаніямъ: его сѣкли нещадно; онъ старался выдержать характеръ, не произносилъ ни жалобъ, ни малѣйшаго стона, и, ставъ на ноги, опять начиналъ грубить офицеру. Онъ былъ выпущенъ въ артиллерію, вскорѣ вышелъ въ отставку и былъ, по выборамъ дворянства, засѣдателемъ въ Петербургской Уголовной Палатѣ, служилъ усердно и честно, всячески старался о смягченіи судьбы подсудимыхъ, особенно простыхъ, беззащитныхъ людей. Въ то же время былъ онъ правителемъ дѣлъ Правленія Россійско-Американской Компаніи. Какъ я слышалъ отъ директора компаніи, Ивана Васильевича Прокофьева, онъ въ началѣ своего служенія трудился ревностно и съ большою пользою, но потомъ, одурѣвъ отъ либеральныхъ мечтаній, охладѣлъ къ службѣ и валилъ чрезъ пень колоду. Поэтическаго дарованія онъ не имѣлъ и писалъ стихи негладкіе, но замѣчательные своею желчью и дерзостью. Въ посланіи къ Вяземскому, написанномъ будто бы въ подражаніе Персіевой сатирѣ къ Рубелліи и напечатанномъ въ „Невскомъ Вѣстникѣ", онъ говорилъ очень явно объ Аракчеевѣ:

„Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,

Неистовый тиранъ родной страны своей,
Вознесенный въ высшій санъ пронырствами злодѣй,
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!"

Въ одномъ отношеніи Рылѣевъ стоитъ выше своихъ соучастниковъ. Почти всѣ они, замышляя зло противъ правительства и лично противъ государя, находились въ его службѣ, получали чины, ордена, жалованье, денежныя и другія награды. Рылѣевъ, замысливъ дѣйствовать противъ правительства, пересталъ пользоваться его пособіемъ и милостями.

Въ этомъ отношеніи могу сообщить любопытный анекдотъ, характеризующій либераловъ всѣхъ временъ и странъ. Николай Ивановичъ Тургеневъ, будучи статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта, пользуясь разными окладами и т. п., толковалъ громогласно объ всѣхъ министрахъ, и особенно истощалъ все свое краснорѣчіе на обличеніе Аракчеева. Въ началѣ 1824 года, изъявилъ онъ желаніе ѣхать заграницу: ему дали чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, орденъ Владиміра 3-ей степени и, кажется, тысячу червонцевъ на проѣздъ. Тургеневъ обѣдывалъ обыкновенно въ Англійскомъ Клубѣ и послѣ обѣда возвращался домой пѣшкомъ, но, вскорѣ уставая отъ хромоты, отдыхалъ на скамьѣ аллеи Невскаго Проспекта. Вечеромъ въ апрѣлѣ (1824), мы шли съ Булгаринымъ по проспекту, увидѣли отдыхающаго Тургенева и присѣли къ нему. Булгаринъ сталъ разсказывать, какъ я наканунѣ въ большой компаніи уличалъ гравера Уткина въ лѣности, и говорилъ: „ты выгравировалъ картофельный носъ Аракчеева, получилъ за то пенсію и пересталъ работать". Булгаринъ думалъ, что разсмѣшитъ Тургенева—вышло иное. Онъ сказалъ съ нѣкоторою досадою: „съ чего взяли, будто у Аракчеева картофельный носъ: у него умное русское лицо!" Насъ такъ и обдало кипяткомъ. „Вотъ наши либералы!" сказали мы въ одинъ голосъ: „дай имъ на водку, все простятъ!"

Воротимся къ Рылѣеву. Откуда могли залѣзть въ его

голову либеральныя идеи? Прочіе заговорщики воспитаны были заграницею, читали иностранныя книги и газеты, а этотъ неучъ, котораго мы обыкновенно звали „цвибелемъ“, откуда набрался этого вздору? Изъ книги „Сокращенная Библіотека“, составленной для чтенія кадетъ учителемъ корпуса, даровитымъ, но пьянымъ, Желѣзниковымъ, который помѣщалъ въ ней цѣликомъ разные республиканскіе разсказы, описанія, рѣчи, изъ тогдашнихъ журналовъ. Утверждаютъ, что мятежники 14-го декабря были большею частью лицеисты. Неправда, были два лицеиста, Пущинъ и Кюхельбекеръ, да и послѣдній былъ полоумнымъ: большею частью были въ числѣ ихъ воспитанники 1-го Кадетскаго Корпуса, читатели библіотеки Желѣзникова. Заманчивыя идеи либерализма, свободы, равенства, республиканскихъ доблестей ослѣпили молодаго, недообразованнаго человѣка! Читай онъ по-французски и по-нѣмецки, не говорю уже по-англійски, онъ съ ядомъ нашелъ бы и противоядіе. За улыбающимися обѣщаніями и свѣтлыми мечтами 1789 года, резверзла бы предъ нимъ пасть свою гидра 1793 года! Революціи 1830 и 1848 годовъ имѣли благія послѣдствія для направленія умовъ въ Европѣ, показавъ, что, за свободою для народовъ, не понимающихъ ея и къ ней непривыкшихъ, слѣдуетъ своеволіе; за своеволіемъ жесточайшій деспотизмъ. Мечтанія и обаянія пылкаго оптимизма исчезаютъ предъ свѣтомъ исторіи. Кажется, опытъ научилъ насъ, что извѣстный образъ правленія, какъ пища человѣческая, равно несвойственъ всѣмъ народамъ. Націи холодныя, разсудительныя, притомъ нравственныя и преимущественно прозаически-протестантскія, могутъ жить подъ правленіемъ разсудка и права, выражающихся формою представительною. Англичане, шведы, датчане, голландцы, сѣверные германцы (а не глупые австрійцы), сѣвероамериканцы, подъ этою формою живутъ счастливо и успѣшно. Народы племенъ романскаго и славянскаго къ ней неспособны: у нихъ должна царствовать палка, да и палка. Упаси бывало Боже, въ двадцатыхъ годахъ, возгласить эти прѣсныя

математическія истины: поднимутъ тебя на смѣшки, выставятъ дуракомъ и, что еще хуже, подлецомъ, рабомъ и шпіономъ! Большинство либеральныхъ умовъ было такъ велико, что его рѣшенія считались мнѣніемъ общимъ, за немногими исключеніями; къ нему привыкли, какъ къ закону всесильной моды, никто не смѣлъ ему противорѣчить, въ немъ сомнѣваться. И въ этой толпѣ олуховъ и пустомелей вращались лица, замыслившія мятежъ и перемѣну правительства, но такъ какъ они говорили такъ же, какъ всѣ, никто не замѣчалъ ихъ, и потому неудивительно, что бѣдный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, въ эпоху общаго жужжанія, не могъ отличить мухъ ядовитыхъ отъ просто жужжавшихъ и только грязныхъ. Къ тому же запѣвалами въ этомъ хорѣ были аристократы, подававшіе тонъ въ высшемъ обществѣ. Вотъ за ними и полѣзли мошки и букашки.

Рылѣевъ былъ не злоумышленникъ, не формальный революціонеръ, а фанатикъ, слабоумный человѣкъ, помѣшавшійся на пунктѣ конституціи. Бывало сядетъ у меня въ кабинетѣ и возьметъ „Гамбургскую Газету"; читаетъ, ничего не понимая, строчку за строчкою; дойдетъ до слова constitution (конституція), вскочитъ и обратится ко мнѣ: „Сдѣлайте одолженіе, Николай Ивановичъ, переведите мнѣ, что тутъ такое. Должно быть очень хорошо!" Фанатизмъ силенъ и заразителенъ, и потому неудивительно, что необразованный Рылѣевъ успѣлъ увлечь за собой людей, которые были несравненно выше его во всѣхъ отношеніяхъ, напримѣръ, Александра Бестужева. Однажды шли они вдвоемъ изъ засѣданія Общества Соревнователей Просвѣщенія и Благотворительности и толковали, какимъ образомъ можетъ быть направлено это общество къ какой либо высшей, практической цѣли. Тогда Рылѣевъ открылъ Бестужеву о замыслѣ и поступкахъ, по его словамъ, благородныхъ людей, имѣющихъ цѣлью преобразованіе Россіи, и взялъ съ него слово приступить къ этому скопищу. Съ Николаемъ Тургеневымъ Рылѣевъ познакомился у меня, 4-го октября 1882 года, на праздновaніи десятилѣтія „Сына Оте-

чества". Меня и многихъ изумило, что надутый аристократъ и геттингенскій дурень долго бесѣдовалъ съ плебеемъ и кадетомъ, который даже не говорилъ по-французски. Могли ли мы воображать, о чемъ они толкуютъ и до чего дойдетъ бѣдный цвибель! Рылѣевъ сдѣлался двигателемъ и душою этого дѣла, искалъ, набиралъ соумышленниковъ, внушалъ имъ свои революціонныя мечтанія, писалъ сатирическіе и возмутительные стихи.

Сообщу средства, какими эти господа вербовали рекрутъ, въ которыхъ предполагали законный по нимъ ростъ. Однажды Рылѣевъ сидѣлъ у меня вечеромъ въ кабинетѣ, одинъ со мною, и толковалъ о разныхъ неинтересныхъ предметахъ. Вдругъ сказалъ онъ:

— Удивительно, какъ иногда можно очутиться въ непріятномъ положеніи.

— Точно, отвѣчалъ я,—мало ли что бываетъ.

— А что по вашему, спросилъ онъ:—было бы вамъ непріятнѣе всего?

— Всего непріятнѣе было бы,—отвѣчалъ я,—еслибы мнѣ слѣдовало завтра заплатить три тысячи рублей, которыя я долженъ на честное слово, и у меня не было бы ни копѣйки.

— Это пустое,—сказалъ Рылѣевъ:—есть случаи гораздо непріятнѣе.

— А какіе, напримѣръ?

— Вотъ,—сказалъ онъ, вперивъ въ меня свои вѣчнодвижущіеся маленькіе глаза.—Еслибы вамъ открыли, что существуетъ заговоръ противъ правительства, и пригласили бы въ него вступить? А? что бы вы сдѣлали?

— Это рѣшить нетрудно,—отвѣчалъ я хладнокровно, и вовсе тогда не подозрѣвая, что онъ говоритъ это съ какимъ либо намѣреніемъ:—я поступилъ бы съ пріятелемъ, какъ совѣтовалъ графъ Растопчинъ поступать съ французскими шпіонами: за хохолъ да и на съѣзжую.

— Возможно ли,—сказалъ онъ,—такъ думать! Подумайте,

еслибы заговоръ былъ составленъ для блага и спасенія государства, какъ, напримѣръ, противъ Павла Перваго.

— Нѣтъ, Кондратій Ѳедоровичъ,—отвѣчалъ я,—заговоры составляются не для блага государства, а для удовлетворенія тщеславія или корыстолюбія частныхъ лицъ. Пользы они не принесутъ никакой, кромѣ горькаго урока. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

— Да что же васъ такъ привязываетъ къ царямъ?—спросилъ онъ съ какою-то досадою.

— Положимъ,—отвѣчалъ я,—что вы ни во что ставите присягу, но между царемъ и мною есть взаимное условіе: онъ оберегаетъ меня отъ внѣшнихъ враговъ и отъ внутреннихъ разбойниковъ, отъ пожара, отъ наводненія, велитъ мостить и чистить улицы, зажигать фонари, а съ меня требуетъ только: сиди тихо! Вотъ я и сижу.

Рылѣевъ не продолжалъ разговора, обратилъ рѣчь къ чему-то другому и, напившись чаю, уѣхалъ. Потомъ онъ никогда не проронилъ о томъ ни слова. Другое искушеніе. Никита Михайловичъ Муравьевъ повадился пріѣзжать ко мнѣ по утрамъ, ѣдучи на службу въ Главный Штабъ. Пріѣдетъ, поболтаетъ, и только. Разумѣется, разговоры были тогдашніе, либеральные. Однажды, пріѣхавъ ко мнѣ, нашелъ онъ меня въ большой досадѣ и разстройствѣ. На вопросъ о томъ, что меня сердитъ, я отвѣчалъ:—„Да вотъ, посмотрите, какъ этотъ дуракъ, цензоръ Бируковъ, вымаралъ изъ „Сына Отечества“ самыя невинныя вещи, въ которыхъ онъ видитъ чортъ знаетъ что! Да и хорошо наше умное правительство! цензуру поручаетъ набитымъ дуракамъ и подлецамъ. Ну, можетъ ли та-

кой глупый семинаристъ судить о литературѣ, о политикѣ? Можетъ ли онъ быть хорошимъ, вѣрнымъ подданнымъ? А ему вѣрятъ, а не вѣрятъ мнѣ, извѣстному писателю, дворянину, отцу семейства; стану ли я измѣнять правительству, дѣйствовать вопреки его видамъ?..“ При этихъ словахъ, сказанныхъ безъ умысла, отъ глубины души, Муравьевъ, видимо, смутился, тотчасъ уѣхалъ и уже не являлся болѣе.

Третья вербовка была еще оригинальнѣе. Въ ноябрѣ 1825 г., за мѣсяцъ до вспышки, я обѣдалъ у Булгарина съ Батеньковымъ и Погодинымъ. Батеньковъ пилъ досуха, и въ концѣ обѣда спросилъ еще шампанскаго. Эти господа въ послѣднее время пили непомѣрно, какъ бы стараясь тѣмъ придать себѣ духу или выбить что-то изъ ума и памяти. Булгаринъ, не желая оскорбить чувство бережливости своей, сказалъ ему: „Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ и выпьемъ тамъ на просторѣ“. Встали и пошли. На столъ поставили бутылку, наполнили стаканы. Батеньковъ, развалившійся съ трубкою въ зубахъ на диванѣ, духомъ выпилъ стаканъ, крякнулъ и сказалъ:

— Ахъ, какъ все гадко въ Россіи! Житья скоро не будетъ. Неправда ли, Николай Ивановичъ?

— Кому и знать это,—отвѣчалъ я,—если не вамъ, мизинцу правой руки государевой!

— Нѣтъ, — продолжалъ онъ, — невтерпежъ приходитъ. Булгаринъ испугался этихъ словъ изъ устъ Батенькова.

— Ну, полно, — сказалъ онъ,—что ты людей морочишь, аракчеевскій шпіонъ.

— Молчи,—возразилъ Батеньковъ:—я не съ тобою говорю. Ты полякъ, и чѣмъ для насъ хуже, тѣмъ для васъ лучше. Я говорю съ Николаемъ Ивановичемъ: онъ сынъ отечества, и согласится со мною, что все это надо передѣлать и перемѣнить.

— Да нашли ли вы на то средство?—сказалъ я, чтобы сказать что нибудь.

— Нашелъ! Надобно составить тайное общество, набрать

въ него, сколько найдется, честныхъ людей въ Россіи, прибрать въ руки власть и разсадить этихъ людей по всѣмъ мѣстамъ. Тогда Россія переродится.

Булгаринъ трусилъ и показывалъ мнѣ знаками, чтобы я не соглашался. Батеньковъ продолжалъ:

— Конечно вы, Николай Ивановичъ, не откажетесь вступить въ такое общество?

— Разумѣется, не откажусь.

Булгаринъ поблѣднѣлъ. Батеньковъ поднялся, выпустилъ трубку изо рта.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчалъ я:—только у меня есть одно маленькое условіе.

— Какое?

— Чтобы предсѣдателемъ этого общества былъ оберъ-полиціймейстеръ Иванъ Васильевичъ Гладковъ.

Булгаринъ восхитился, расхохотался и закричалъ:

— Ай да Гречъ! браво, браво! предсѣдатель Гладковъ!

Батеньковъ возразилъ съ досадою:

— Да вы шутите, Николай Ивановичъ?

— И вы, конечно, шутите, Гаврило Степановичъ, отвѣчалъ я.

Разговоръ принялъ другое направленіе. Я приписывалъ эти отзывы Батенькова внушеніямъ паровъ шампанскаго, не воображая, чтобы членъ Совѣта военныхъ поселеній могъ въ здравомъ умѣ говорить такія вещи. Чрезъ нѣсколько дней послѣ 14-го декабря, узналъ я, что и онъ былъ въ этомъ заговорѣ. Не приписываю себѣ никакой заслуги, что не попалъ самъ въ эту кутерьму. Меня предохранила отъ того, вопервыхъ, семеновская исторія: въ ней видѣлъ я, какъ легко было запутаться однимъ словомъ, однимъ какимъ либо необдуманнымъ шагомъ. Вовторыхъ, берегла меня милость Божія! Сколько запутано было въ это дѣло людей, виновныхъ столько же, какъ и я, слышавшихъ дерзкія рѣчи и не донесшихъ о нихъ, потому что считали ихъ пустыми и

ничтожными. Такъ, напримѣръ, въ донесеніи слѣдственной комиссіи отзывъ Якубовича („вы хотите быть головами, господа! Пусть такъ, но оставьте намъ руки") сказанъ былъ въ моемъ присутствіи. Это было въ субботу, 26-го ноября, на обѣдѣ у директора Американской Компаніи, Ивана Васильевича Прокофьева. Обѣдали у него, сколько помню, Ѳ. Н. Глинка, Батеньковъ, Якубовичъ, Рылѣевъ, Михаилъ Кюхельбекеръ, Александръ Бестужевъ, Штейнгель, Мухановъ, я и еще нѣсколько человѣкъ. Булгарина, помнится, не было. Бесѣда была шумная, веселая и препріятная. Добрый хлѣбосолъ ходилъ вокругъ стола и подливалъ вина, добываемаго за шкуры сивучей и котиковъ, не догадываясь кого подчиваетъ. Вдругъ Батеньковъ спросилъ:

— А гдѣ Николай Ивановичъ Кусовъ? (тогдашній городской голова).

Прокофьевъ отвѣчалъ ему:

— Остался за Невою (которая тогда только что стала).

— Голова!—сказалъ Батеньковъ:— какое славное званіе голова! ну что значитъ противъ этого какой нибудь маіоръ [1])! Ахъ, еслибы быть головою!

---

[1]) Г. Завалишинъ (см. „Древняя и Новая Россія" т. III, 1876 г. стр. 211) сдѣлалъ слѣдующую поправку къ этому мѣсту записокъ Греча: Во-первыхъ, всѣмъ извѣстно, что обѣды у Ивана Васильевича Прокофьева, сибиряка по происхожденію и великаго хлѣбосола (такъ называемые „обѣды съ министрами", потому что на нихъ бывали и министры), никогда не давались въ субботу, а были постоянно по пятницамъ; во-вторыхъ, 26-го ноября никто изъ военныхъ и быть не могъ, потому что и тогда уже (хотя и не такъ шумно, какъ впослѣдствіи, безъ газетнаго оглашенія, какъ теперь это водится) бывали также георгіевскіе парады и праздники, отвлекавшіе военныхъ, а георгіевскихъ кавалеровъ было тогда еще очень много, за отечественную войну; въ-третьихъ, день 26-го ноября былъ въ 1825 году не въ субботу, а въ четвергъ, такъ какъ, даже по воспоминаніямъ и самого Греча, не могъ быть въ субботу, потому что Гречъ, говоря далѣе о В. К. Кюхельбекерѣ, разсказываетъ, что 29-го ноября было воскресенье, слѣд. 26-е не могло быть въ субботу; въ-четвертыхъ, Михайло Кюхельбекеръ не могъ быть на обѣдѣ, потому что не былъ даже знакомъ съ Прокофьевымъ и никогда у него не бывалъ, да и не имѣлъ повода

Якубовичъ сказалъ на это:

— Будьте головами, только намъ развяжите руки.

Всѣ мы, непричастные къ Удольфскимъ таинствамъ, при-

быть; бывалъ же братъ его, Вильгельмъ, и то только по связи съ жившими въ самомъ домѣ Росс. - Америк. Компаніи, Рылѣевымъ, секретаремъ, или правителемъ дѣлъ управленія Компаніи, и Орестомъ Сомовымъ, помощникомъ Рылѣева. Кромѣ того, изъ упоминаемыхъ Гречемъ не было на обѣдѣ ни Александра Бестужева, ни Муханова. Въ-пятыхъ, если бы это было 26-го ноября, то Нева не могла бы помѣшать Кусову пріѣхать, такъ какъ въ 1825 году она стала въ день праздника Введенія Пресвятыя Богородицы, 21-го ноября; а наконецъ, и это лучше всего, Кусовъ-то именно и присутствовалъ на этомъ обѣдѣ (онъ былъ старшій изъ директоровъ Россійско - Американской Компаніи и предсѣдатель ея правленія; третій директоръ былъ Андрей Ивановичъ Северинъ), и именно разсказъ Кусова объ одномъ обстоятельствѣ и подалъ Батенькову поводъ къ возраженію, разумѣется, не такому нелѣпому, какое приписываетъ ему Гречъ; потому что спрашивается: какой смыслъ могли бы имѣть слова, приводимыя Гречемъ: „голова! какое славное званіе! ну, что значитъ противъ этого какой нибудь маіоръ!“ Всякій пойметъ, что приплетать тутъ какого нибудь маіора было бы ни къ селу, ни къ городу, какъ говорится, потому что сравненіе съ маіорскимъ чиномъ или званіемъ никакъ уже не могло бы, конечно, служить мѣриломъ значенія какого нибудь важнаго мѣста, должности или званія; къ тому же, Н. И. Кусовъ даже лично самъ былъ уже тогда въ чинѣ выше маіора.

Я самъ присутствовалъ на этомъ обѣдѣ, какъ представившій обсуждавшійся тогда въ общихъ собраніяхъ проектъ о преобразованіи управленія колоніями и о расширеніи колоніи Россъ въ Калифорніи.

Начать съ того, что этотъ обѣдъ былъ въ исходѣ октября, а не ноября. Кусовъ сталъ разсказывать объ одномъ непріятномъ столкновеніи съ полиціею по городскому управленію. Батеньковъ доказывалъ Кусову, что ему не слѣдуетъ уступать, и сказалъ: „такъ зачѣмъ же вы и голова?“—„Что дѣлать, отвѣчалъ Кусовъ,—у насъ, какъ вы знаете, городской голова хорошъ только, какъ исполнитель приказаній, а въ другомъ не имѣетъ никакого значенія“.—„Вотъ то-то и есть, Николай Ивановичъ!—возразилъ Батеньковъ,—а вотъ, еслибы я былъ здѣсь городскимъ головою, то у меня званіе головы и въ Петербургѣ значило бы не меньше, чѣмъ лорда-маіора въ Лондонѣ“. (Lord-Mayor, лордъ-меръ Лондона).

Всякій пойметъ, что былъ большой смыслъ сравнивать городскаго голову съ лордомъ-маіоромъ Лондона, и чистая безсмыслица сравнивать его съ „какимъ нибудь маіоромъ“.

няли эти слова раненаго на Кавказѣ офицера, съ повязанною головою, за желаніе его подраться съ горцами. И сколько такихъ порывовъ и намековъ промелькнуло у насъ мимо ушей!

Какая была цѣль Рылѣева? Онъ самъ ее не зналъ. Учрежденіе ли конституціоннаго правленія, водвореніе ли республики? только бы пошумѣть, подраться, пролить крови и заслужить статью въ газетахъ, а потомъ въ исторіи. Нечего сказать! Завидная слава!

12-го декабря, въ бывшемъ у него въ квартирѣ предуготовительномъ собраніи заговорщиковъ, онъ вынудилъ у нихъ согласіе взбунтовать войска и народъ 14-го числа, и потомъ, при слѣдствіи, откровенно признался, что былъ главнымъ дѣятелемъ, и еслибы хотѣлъ, то могъ бы все остановить.

14-го декабря Рылѣевъ самъ на площади не сражался, но бѣгалъ повсюду, какъ угорѣлая кошка, поощрялъ своихъ соумышленниковъ, приглашалъ людей изъ народа къ участію въ бунтѣ, причемъ происходили иногда сцены пресмѣшныя и оригинальныя. Когда начала напирать гвардія и впереди ея корпусный командиръ, генералъ Воиновъ, Рылѣевъ закричалъ мужикамъ:

— Что вы стоите, братцы! Бейте ихъ: они ваши злодѣи!

— Да чѣмъ прикажете?

— Хоть вотъ этими полѣньями,—сказалъ онъ, указавъ на дрова, складенные у забора Исаакіевской церкви.

— Помилуйте, ваше благородіе,—отвѣчали ему,—какъ можно! Дрова-то казенные!

Когда кончилась драка, Рылѣевъ скитался не знаю гдѣ, но къ вечеру пришелъ домой. У него собралось нѣсколько героевъ того дня, между прочими баронъ Штейнгель: они сѣли за столъ и закурили сигары. Булгаринъ, жестоко ошеломленный взрывомъ, о которомъ онъ имѣлъ темное предчувствіе, пришелъ къ нему часовъ въ восемь, и нашелъ честную компанію, преспокойно сидящую за чаемъ. Рылѣевъ всталъ, преспокойно отвелъ его въ переднюю и сказалъ:

„Тебѣ здѣсь не мѣсто. Ты будешь живъ, ступай домой. Я погибъ! Прости! Не оставляй жены моей и ребенка". Поцѣловалъ онъ его и выпроводилъ изъ дому. Онъ не только не устрашался смерти, но и встрѣчалъ ее съ какою-то гордою радостью. Выслушавъ смертный приговоръ, онъ написалъ къ женѣ своей письмо слѣдующаго содержанія:

„Богъ и государь рѣшили участь мою, я долженъ умереть, и умираю смертью позорною, да будетъ Его святая воля! Мой милый другъ! Предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя! За душу моли Бога: Онъ услышитъ твои молитвы; не ропщи ни на Него, ни на государя, это будетъ безразсудно и грѣшно: намъ ли постигнуть неисповѣдимыя судьбы непостижимаго? Я ни разу не возроптал во все время моего заключенія, и за то Духъ Святой дивно утѣшилъ меня; подивись, мой другъ, и въ сію минуту, когда я занятъ только тобою и нашею малюткою, я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить тебѣ. О, милый другъ! какъ спасительно быть христіаниномъ! Благодарю моего Создателя, что Онъ меня просвѣтилъ и что я умираю во Христѣ. Это дивное спокойствіе порукою, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога, не предавайся отчаянію, ищи утѣшенія въ религіи. Я просилъ нашего священника, чтобы посѣщалъ тебя, слушай совѣтовъ его и поручи ему молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ, въ знакъ признательности моей, или, лучше сказать, на память, потому что возблагодарить его можетъ одинъ Богъ за то благодѣяніе, которое онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Ты не оставайся здѣсь долго, а старайся кончить скорѣе дѣла свои и отправиться къ почтеннѣйшей матушкѣ. Проси ее, чтобы она простила меня, равно всѣхъ родныхъ своихъ проси о томъ же. Екатеринѣ Ивановнѣ [1]) и дѣтямъ ея кланяйся, и скажи, чтобы она не роптала на меня за И. П. [2]): не я его вовлекъ въ

[1]) Родственница Рылѣева, генеральша Малютина.

[2]) Сынъ Малютиной.

общую бѣду—онъ самъ это засвидѣтельствуетъ. Я хотѣлъ было просить свиданія съ тобой, но раздумалъ, чтобы не разстроить тебя. Молюсь за тебя и Настеньку и за бѣдную сестру молю Бога и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ у меня священникъ, мой другъ и благодѣтель, и опять причаститъ меня. Настеньку благословляю мысленно нерукотвореннымъ образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому покровительству живаго Бога! Прошу тебя болѣе всего заботиться о воспитаніи ея; я желалъ бы, чтобы она воспитана была при тебѣ. Старайся перелить въ нее свои христіанскія чувства и она будетъ счастлива, не смотря ни на какія превратности въ жизни, и когда будетъ имѣть мужа, то осчастливитъ и его, какъ ты, мой милый, мой неоцѣненный другъ, осчастливила меня въ продолженіе восьми лѣтъ. Могу ли, мой другъ, благодарить тебя словами? они не могутъ выражать чувствъ моихъ. Богъ вознаградитъ за все!

„Почтеннѣйшей П. В. моя душевная, искренняя, предсмертная благодарность. Прощай, велятъ одѣваться. Да будетъ его святая воля.

„Твой искренній другъ Кондратій Рылѣевъ. 13-го іюля 1826 года“.

Онъ сдѣлалъ къ письму коротенькую приписку, въ которой распоряжался какою-то неважною суммою, будто ѣхалъ на дачу. Онъ былъ изъ числа тѣхъ трехъ несчастныхъ, которые сорвались съ петли и были повѣшены вторично. Говорятъ, онъ сказалъ при томъ: „и въ этомъ неудача!“ Можно сказать, что онъ погибъ отъ несваренія въ желудкѣ неразжеванной либеральной пищи.

3) Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, сынъ бывшаго въ Мадридѣ русскимъ посланникомъ, Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола (человѣка необыкновеннаго ума, познаній, учености, талантовъ), воспитанъ былъ въ Парижѣ, въ Политехническомъ Училищѣ, служилъ въ Семеновскомъ полку и былъ, во время бунта (въ 1820 г.), командиромъ

роты его величества, оказавшей непослушаніе. Онъ былъ любимъ и уважаемъ своими солдатами, употреблялъ всѣ средства, чтобы удержать ихъ, но не успѣлъ въ томъ. Его перевели въ армію подполковникомъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ. Вѣроятно, эти неудачи по службѣ распалили дремавшія въ немъ страсти. Я видалъ Сергѣя Ивановича Муравьева въ домѣ Алексѣя Николаевича Оленина: онъ былъ не очень сообщителенъ, но учтивъ, привѣтливъ и пріятенъ въ обращеніи, разумѣется, съ душкомъ аристократическимъ. Въ тѣсномъ кругу былъ онъ веселъ и остеръ. Однажды Алексѣй Николаевичъ Оленинъ жаловался на необразованность нашей публики, именно, что въ одномъ публичномъ чтеніи въ Императорской Библіотекѣ слетѣло съ верхней галлереи яблоко. „Cela doit vous faire plaisir, сказалъ Муравьевъ! On a ecouté avec fruit“ [1]). Нравомъ онъ казался очень кротокъ, и въ немъ никакъ нельзя было подозрѣвать того изступленнаго революціонера, того безумнаго предводителя шайки мятежниковъ (и еще обманутыхъ), какимъ онъ явился впослѣдствіи. Общество людей, въ обыкновенное время похоже на озеро, гладкое въ безвѣтріе. Когда буря всколышетъ его, поднимутся на поверхность такія уродливыя гадины, о существованіи которыхъ нельзя было бы и подумать. Конечно, Сергѣй Муравьевъ получилъ идеи и направленіе отъ воспитанія своего во Франціи, но сколько молодыхъ людей русскихъ, воспитанныхъ тамъ, остались чистыми и вѣрными! По всему видно, что Сергѣй Муравьевъ дѣйствовалъ рѣшительно, твердо, по внутреннимъ убѣжденіямъ, и остался имъ вѣренъ до конца. Онъ привезенъ былъ въ петербургскую крѣпость въ концѣ января. Когда его посадили въ казематъ, онъ написалъ на оборотѣ оловянныхъ тарелокъ, на которыхъ подавалось кушанье арестантское: „Сергѣй Муравьевъ здѣсь“. Съ тѣхъ поръ стали давать имъ посуду глиняную. Отцу позволили посѣтить его въ тюрьмѣ. Старый дипломатъ огор-

---

[1]) Это должно быть вамъ пріятно. Слушали не безъ плода.

чился, увидѣвъ сына своего въ изодранномъ мундирномъ сюртукѣ, обрызганномъ кровью (Сергѣй Муравьевъ былъ раненъ, когда его взяли), и сказалъ, что пришлетъ ему другое платье.—„Не нужно", отвѣчалъ сынъ: „я умру съ пятнами крови, пролитой за благо отечества!" Такое ослѣпленіе непостижимо! Несчастные слѣпцы не видѣли, что ведутъ свое отечество на край гибели. Удайся хотя часть ихъ безразсуднаго, нелѣпаго и глупаго замысла, пропала бы Россія, стоявшая при кончинѣ Александра на высокой степени славы и могущества.

Я полагаю, что виною дѣйствій Сергѣя Муравьева была семеновская исторія. Не случись ея, онъ преспокойно прослужилъ бы въ гвардіи, получалъ бы чины, или поступилъ бы въ флигель-адъютанты, женился бы на богатой барынѣ и былъ бы теперь гдѣ нибудь хорошимъ военнымъ губернаторомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что начала либерализма были посѣяны въ немъ воспитаніемъ и обученіемъ во Франціи, но они заглохли бы въ шумѣ свѣта, высохли бы отъ лучей царской милости; остался бы человѣкъ благородный, умный, полезный отечеству. Онъ командовалъ въ Семеновскомъ полку ротою его величества, которая любила его какъ отца. Прибывъ благовременно въ казармы, онъ успѣлъ бы усмирить волненіе, но какая-то нелѣпая вѣсть вновь воспалила солдатъ. „Ваше высокоблагородіе! кричали они: не троньте насъ, мы идемъ за своихъ". Переводъ его въ армію, заградивъ ему путь службы, возбудилъ ненависть къ престолу въ высшей степени, а бесѣда съ Пестелемъ и другими поддержала этотъ огонь, и Муравьевъ ринулся въ бездну.

Достойно замѣчанія, что однимъ изъ первыхъ крикуновъ-либераловъ въ Южной арміи былъ знаменитый впослѣдствіи начальникъ Штаба жандармовъ, Леонтій Васильевичъ Дубельтъ. Когда арестовали участниковъ мятежа, всѣ спрашивали: „Что же не берутъ Дубельта?" Впрочемъ долгъ справедливости требуетъ сказать, что Дубельтъ, въ послѣдней своей старости, велъ себя какъ честный и благородный че-

ловѣкъ; если не сдѣлалъ много добра, то отвратилъ много зла, и старался помочь и пособить всякому. Онъ былъ очень полезенъ при безтактномъ Бенкендорфѣ и при добромъ, умномъ, но безпечномъ Орловѣ. Главнымъ недостаткомъ его было, что онъ обѣщалъ многое, чего не могъ исполнить. Еще имѣли на него большое вліяніе женскіе глазки.

Братъ Сергѣя Ивановича, Ипполитъ, убитъ былъ при усмиреніи мятежа при Бѣлой Церкви. Матвѣй Ивановичъ, другой братъ, человѣкъ слабаго тѣлосложенія, малорослый, тщедушный (тяжело раненый въ 1831 г.), какъ видно, увлекся Сергѣемъ: увидѣвъ всю важность своего преступленія, онъ впалъ въ отчаяніе и искренно раскаялся. По прощеніи осужденныхъ за мятежъ, онъ поселился въ Москвѣ.

4) Подпоручика Бестужева-Рюмина я не зналъ, слышалъ только, что онъ былъ нечестивый, безтолковый фанатикъ, не знавшій самъ, что̀ говоритъ и дѣлаетъ.

5) Петръ Каховскій, уроженецъ Смоленской губерніи, сдѣлался мнѣ извѣстнымъ лѣтомъ въ 1825 году, когда онъ приходилъ въ гости къ Кюхельбекеру, жившему у меня, во время пребыванія семейства моего на дачѣ. Онъ былъ человѣкъ съ виду невзрачный съ ничтожнымъ лицомъ и оттопырившеюся губою, которая придавала ему видъ какой-то дерзости. Образованіе его было небольшое. Извѣстно, что онъ былъ убійцею Милорадовича, полковника Стюрлера и еще ранилъ одного офицера. Однажды, вечеромъ, когда пилъ я чай съ Кюхельбекеромъ, пришелъ къ нему Каховскій и между прочимъ разсказалъ о приключеніяхъ своего дѣтства. Онъ былъ въ какомъ-то пансіонѣ въ Москвѣ, въ 1812 году, когда вступили туда французы. Пансіонъ разбѣжался, и Каховскій остался гдѣ-то на квартирѣ. Въ этомъ домѣ поселились французскіе офицеры и съ мальчикомъ ходили на добычу. Однажды пріобрѣли они нѣсколько стклянокъ разнаго варенья. Должно было откупорить. За это взялся Каховскій, но какъ-то неосторожно засунулъ палецъ въ горлышко стклянки и не могъ его вытащить. Французы смѣя-

лись и спрашивали, какъ онъ освободитъ свой палецъ. „А вотъ какъ!“ сказалъ мальчикъ и, размахнувшись, разбилъ стклянку объ голову одного француза. Его приколотили за эту дерзость и выгнали. Это начало обѣщало многое, и онъ сдержалъ обѣщанное.

6) Князь Сергѣй Трубецкой — самая жалкая фигура (chevalier de la triste figure) въ этомъ кровавомъ игрищѣ. Длинный, сухопарый, носатый, женатый на дочери графа Лаваля, образованный по-французски, но довольно ограниченный умомъ . . . . Я не знаю, почему онъ вошелъ въ славу и почетъ у нашихъ либераловъ. Какъ мужики боялись въ бунтѣ бросать казенными дровами, такъ и либералы, проповѣдывавшіе равенство, охотно забирали подъ свои знамена князей и князьковъ всякаго рода, и Трубецкихъ, и Оболенскихъ, и Щепиныхъ, и Шаховскихъ, и Голициныхъ, и Одоевскихъ, и графовъ, и бароновъ. Cela sonne bien [1])! Князя Трубецкого всѣ знали за добряка и самаго ничтожнаго человѣка, и потому именно не могли бы подозрѣвать не только въ начальствѣ надъ заговорщиками, но и въ участіи съ ними. Онъ и повелъ себя удивительно. 12-го числа былъ у Рылѣева на сходбищѣ, условился въ дѣйствіяхъ, но, проснувшись на утро 14-го числа, опомнился, струсилъ, пошелъ въ штабъ, присягнулъ новому государю и спрятался у свояка своего, графа Лебцельтерна, австрійскаго посланника. Когда его схватили и привели къ государю, онъ бросился на колѣни и завопилъ: „la vie, Sire!“ [2]) Государь отвѣчалъ съ презрѣніемъ: „Даю тебѣ жизнь, чтобы она служила тебѣ стыдомъ и наказаніемъ“. Онъ пережилъ время заточенія и живетъ нынѣ въ полуденной Россіи.

7) Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ,—комическое лицо мелодрамы. Онъ воспитывался въ лицеѣ съ Пушкинымъ, Дельвигомъ, Корфомъ и др., успѣлъ хорошо въ нау-

---

[1]) Звонъ отъ того хорошій.

[2]) Жизни, государь!

кахъ и отличался необыкновеннымъ добродушіемъ, безмѣрнымъ тщеславіемъ, необузданнымъ воображеніемъ, которое онъ называлъ поэзіею, раздражительностью, которую можно было употреблять въ хорошую и въ дурную сторону. Онъ былъ худощавъ, долговязъ, неуклюжъ, говорилъ протяжно съ нѣмецкимъ акцентомъ. По выходѣ изъ лицея, былъ онъ учителемъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій; потомъ поѣхалъ въ чужіе края секретаремъ при Александрѣ Львовичѣ Нарышкинѣ, который было полюбилъ его, но вскорѣ принужденъ былъ съ нимъ разстаться. Въ Парижѣ Кюхельбекеръ свелъ знакомство съ какими-то либеральными литераторами и вздумалъ читать на французскомъ языкѣ лекцію въ Атенеѣ о литературѣ и политическомъ состояніи Россіи, наполненную вздорными идеями, которыя тогда (1820 г.) были въ модѣ. Часть публики смѣялась надъ нимъ; другая рукоплескала его выходкамъ. Въ концѣ рѣчи онъ сдѣлалъ какое-то размашистое движеніе рукою, сшибъ свѣчу, стаканъ съ водою, хотѣлъ удержать и самъ слетѣлъ съ каѳедры. Одинъ сѣдой якобинецъ слушалъ его внимательно и поддержалъ его словами: „Ménagez-vous, jeune homme! Votre patrie a besoin de vous“ [1]). Нарышкинъ, узнавъ объ этомъ, взбѣсился и выгналъ отъ себя Кюхельбекера, который пропалъ бы въ Парижѣ безъ помощи благороднаго Василья Ивановича Туманскаго (человѣка съ замѣчательнымъ талантомъ, неизвѣстно почему оставившаго службу и свѣтъ). Онъ же помогъ Кюхельбекеру пробраться въ Россію. Здѣсь онъ жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, издавалъ въ Москвѣ съ княземъ Одоевскимъ журналъ „Мнемизину“, потомъ участвовалъ въ разныхъ изданіяхъ петербургскихъ. Пушкинъ любилъ Кюхельбекера, но жестоко надъ нимъ издѣвался. Жуковскій былъ званъ куда-то на вечеръ и не явился. Когда его спросили, зачѣмъ онъ не былъ, онъ отвѣчалъ: „Мнѣ что-то нездоровилось ужъ наканунѣ, къ тому же

[1]) Берегите себя, молодой человѣкъ! Ваше отечество нуждается въ васъ!

пришелъ Кюхельбекеръ, и я остался дома". Пушкинъ написалъ:

„За ужиномъ объѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно,
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно".

Кюхельбекеръ взбѣсился и вызвалъ его на дуэль. Пушкинъ принялъ вызовъ. Оба выстрѣлили, но пистолеты заряжены были клюквою, и дѣло кончилось ничѣмъ. Жаль, что зарядъ Гекерна былъ не клюквенный! Кюхельбекеръ служилъ въ 1824 году и на Кавказѣ, гдѣ пріятелемъ его былъ Грибоѣдовъ, встрѣтившій его у меня, и съ перваго взгляда принявшій его за съумасшедшаго. На Кавказѣ онъ тотчасъ надѣлалъ глупостей, и Ермоловъ, называвшій его „хлѣбопекаремъ", выпроводилъ чудака. Въ Петербургѣ онъ занимался литературою, и въ послѣднее лѣто (1825 г.) жилъ у меня, когда семейство мое было на дачѣ, какъ я сказалъ, говоря о Каховскомъ. Въ сентябрѣ онъ отъ меня выѣхалъ и поселился въ домѣ Булатова, что нынѣ Китнера, на углу Почтамтской улицы и Исаакіевской площади. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что онъ приступилъ къ обществу вмѣстѣ со многими другими; потомъ, что его приняли послѣ полученія извѣстія о смерти Александра, или даже наканунѣ происшествія. Въ воскресенье, 29-го ноября, онъ обѣдалъ у меня, былъ тихъ, скроменъ, изъявлялъ сожалѣнія о смерти государя и прибавлялъ, улыбаясь: „добрый былъ человѣкъ Александръ Павловичъ; другой царь не такъ поступилъ бы со мною". 14-го декабря, когда я, въ собраніи моего семейства (изъ постороннихъ были при томъ Булгаринъ, племянникъ его, генеральнаго штаба подпоручикъ Демьянъ Александровичъ Искрицкій и маклеръ Толченовъ), читалъ манифестъ, раздался громкій звонъ колокольчика въ передней, и вошелъ Кюхельбекеръ, разстроенный, со взглядомъ театральнаго бандита, и, не здороваясь ни съ кѣмъ, подошелъ и спросилъ у меня:

— Qu'est ce que vous lisez là? Je crois que c'est le manifeste?

— Oui, c'est le manifeste. Ecoutez! [1]) отвѣчалъ я и продолжалъ чтеніе.

Когда я остановился на одномъ какомъ-то пунктѣ, онъ спросилъ порусски.

— А позвольте узнать, отъ котораго числа отреченіе Константина Павловича?

Я отвѣчалъ:

— Я и не видалъ. Посмотримъ: отъ 26-го ноября.

— Отъ 26-го, возразилъ онъ,— хорошо! прощайте!

Булгаринъ, съ которымъ онъ въ то время былъ на ножахъ, сказалъ ему, подавая руку:

— Здравствуйте, Вильгельмъ Карловичъ!

Онъ отвѣчалъ: „здравствуйте и прощайте!“ Съ этими словами онъ ринулся изъ комнаты. Матушка спросила у меня, что съ нимъ сдѣлалось.

— Ничего,— отвѣчалъ я:—вѣроятно пишетъ оду на восшествіе на престолъ.

Это было часу въ двѣнадцатомъ утра. Вскорѣ потомъ актеръ Каратыгинъ и еще кто-то встрѣтили его идущаго въ изступленіи къ Исаакіевской площади.

— Слышали ли вы,— спросилъ одинъ изъ нихъ: — на Исаакіевской площади бунтъ.

— Знаю,— отвѣчалъ Кюхельбекеръ,— это наше дѣло.

Подвигъ его на площади описанъ въ книгѣ барона Корфа, который однако, щадя школьнаго своего товарища, не называетъ его по имени. Онъ мѣтилъ пистолетомъ въ великаго князя Михаила Павловича, которому былъ обязанъ своимъ воспитаніемъ. Онъ былъ его пансіонеромъ, до вступленія въ лицей. Достойно замѣчанія, что люди смѣтливые и проворные не успѣли бѣжать, а взбалмошный и безтолковый

[1]) — Что вы читаете? Полагаю, что это манифестъ.
— Да, это манифестъ. Послушайте!

„хлѣбопекарь“ утекъ изъ Петербурга и ушелъ бы заграницу, еслибы самъ не сдѣлалъ колоссальной глупости.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Кюхельбекеръ бѣжалъ, приняты были всѣ средства, чтобы узнать, гдѣ онъ, и схватить его. И меня при этомъ тревожили. Въ самый день 14-го декабря, часу въ первомъ ночи, когда всѣ въ домѣ у меня улеглись спать, раздался громкій звонъ колокольчика у дверей. Я вскочилъ съ постели, накинулъ на себя халатъ и вышелъ въ гостиную. Двери отворились, и вошелъ полиціймейстеръ Чихачевъ, сопровождаемый отрядомъ Санта-Германдада, квартальными, жандармами, драгунами и т. п. Не извиняясь въ томъ, что потревожилъ меня, онъ сказалъ мнѣ: „извольте отвѣчать на эти вопросы“, и подалъ мнѣ бумагу, на которой было написано: „Гдѣ живетъ Кюхельбекеръ? Гдѣ живетъ Каховскій?“ При этомъ имени написано было, въ скобкахъ, у Вознесенскаго моста, въ гостинницѣ Неаполь, въ домѣ Мюссара. Было еще нѣсколько именъ, которыхъ не упомню. Я отвѣчалъ:

— Кюхельбекеръ живетъ, сколько я знаю, неподалеку отсюда, въ домѣ Булатова. У Каховскаго адресъ показанъ, но вѣрно ли, мнѣ неизвѣстно. О прочихъ не знаю.

— Точно ли такъ?— спросилъ Чихачевъ.

— Точно!

— Знаете ли вы кто написалъ это? Самъ государь.

— Хорошо пишетъ!—сказалъ я.

Полиціймейстеръ откланялся.

Въ четвертокъ (17-го декабря) пришелъ ко мнѣ братъ мой, стоявшій въ караулѣ въ Зимнемъ Дворцѣ двое сутокъ. Мы пошли съ нимъ пройтись по улицамъ, и около четырехъ часовъ подошли обратно къ моей квартирѣ (въ домѣ Бремме [1]), на углу Новоисаакіевской улицы и Исаакіевской площади. Я спросилъ, будетъ ли онъ у меня обѣдать. Братъ извинялся

[1]) Домъ этотъ теперь перестроенъ, надстроенъ и принадлежитъ Глуховскому.

тѣмъ, что не хочетъ въ нынѣшнее смутное время оставлять свою роту. Вдругъ увидѣли мы жандарма, который усиливался разобрать прозваніе домохозяина на бляхѣ дома.

— Кого тебѣ надобно? — спросилъ я.

— Въ домѣ Бремме ищу коллежскаго совѣтника Греча.

— На что тебѣ?

— Оберъ-полиціймейстеръ проситъ его придти тотчасъ къ нему.

— Я этотъ Гречъ, — отвѣчалъ я: — ступай и скажи, что я сейчасъ буду.

Съ тѣмъ вмѣстѣ сказалъ я брату: „ты знаешь, куда я иду. Если не ворочусь, отыщи меня и приходи ко мнѣ".

Нанялъ я извозчика, заѣхалъ къ Булгарину (жившему въ Офицерской, въ домѣ Струговщикова, нынѣ Сольскаго) и объявилъ куда ѣду. Когда я вошелъ въ гостиную оберъ-полиціймейстера, Александра Сергѣевича Шульгина, онъ, хвативъ полный стаканчикъ рому, и вѣроятно съ утра не первый, сказалъ мнѣ довольно учтиво:

— Я долженъ попросить у васъ объясненія по одному дѣлу и прошу васъ сказать сущую правду, по долгу чести и присяги.

— И безъ этого предисловія, во всякомъ случаѣ, скажу вамъ сущую правду. Что вамъ угодно знать?

— Знаете ли вы Кюхельбекера?

— Знаю и очень коротко: онъ жилъ у меня все нынѣшнее лѣто.

— И вы его узнаете, когда его вамъ покажутъ?

— Непремѣнно.

— Итакъ, пожалуйте.

Онъ ввелъ меня въ другую комнату. Тамъ поднялся съ софы высокій, худощавый, молодой человѣкъ.

— Кюхельбекеръ ли это?

— Нѣтъ!

— А кто онъ?

— Не знаю.

Тогда молодой человѣкъ возопилъ жалкимъ голосомъ:

— Какъ это, Николай Ивановичъ, вы не хотите узнать меня. Сколько разъ видали меня у Александра Ѳедоровича Воейкова. Я Протасовъ, племянникъ Александры Андреевны.

Я вглядѣлся и вспомнилъ, что дѣйствительно его тамъ видалъ.

— Довольно, — сказалъ Шульгинъ: — намъ нѣтъ нужды знать, кто онъ; довольно того, что онъ не Кюхельбекеръ.

— Въ этомъ я могу васъ увѣрить, сказалъ я; да какъ вы напали на этого господина?

— Мы ищемъ Кюхельбекера по сообщеннымъ намъ примѣтамъ. Вотъ полиція нашла этого долговязаго господина, какъ онъ кутилъ въ загородныхъ трактирахъ, и наложила на него руку. Извините, что я васъ обезпокоилъ.

— Очень радъ, что не больше,—отвѣчалъ я и попросилъ скорѣе отпустить невиннаго.

Полиція искала Кюхельбекера по его примѣтамъ, которыя описалъ Булгаринъ очень умно и мѣтко. Но въ Петербургѣ Кюхельбекера не было. Онъ, не знаю какъ, пробрался до Варшавы, и оттуда легко успѣлъ бы уйти заграницу. Еслибы онъ говорилъ и имѣлъ дѣло только съ поляками и жидами, то вѣроятно ускользнулъ бы отъ поисковъ, но судьба навела его на русскихъ. Онъ вошелъ въ одну харчевню или пивную лавочку въ Прагѣ (предмѣстье Варшавы) и, увидѣвъ пирующихъ тамъ солдатъ, сѣлъ съ ними, началъ бесѣдовать и вздумалъ ни съ чего подчивать ихъ пивомъ. Въ этой бесѣдѣ открылся онъ весь, какъ былъ и какъ описанъ въ примѣтахъ. Одинъ изъ присутствующихъ, унтеръ-офицеръ гвардіи Волынскаго полка, Григорьевъ, догадался, кто долженъ быть этотъ взбалмошный угоститель, и закричалъ: „братцы, возьмите его; это Кюхельбекеръ!“ Раба Божія схватили, заковали и отправили въ Петербургъ. — Такъ какъ главною его виною было, что онъ мѣтилъ пистолетомъ въ Михаила Павловича, то великій князь просилъ о пощадѣ его. Кюхельбекеръ не былъ сосланъ въ Сибирь, а сидѣлъ нѣсколько лѣтъ на гауптвах-

тахъ въ Финляндіи и въ западныхъ губерніяхъ. Между прочимъ содержался онъ въ Динабургской крѣпости, но ходилъ на свободѣ и занимался обученіемъ дѣтей коменданта. Наконецъ онъ былъ освобожденъ, жилъ у сестры своей (Глинки) въ Смоленской губерніи и тамъ умеръ. Великій князь, конечно, поступилъ великодушно, испросивъ облегченіе судьбы несчастнаго, но Кюхельбекеръ былъ взбалмошный, полупомѣшанный человѣкъ и не могъ подлежать суду уголовному (unzurechnungsfähig [1]). Гораздо справедливѣе и человѣколюбивѣе было бы отправить его на жительство въ деревню къ сестрѣ въ самомъ началѣ. Виноваты были тѣ, которые взбаламутили слабую голову.

8) Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ—братъ Вильгельма, но мало на него похожій; твердый характеромъ, скромный, хорошій морской офицеръ, правдивый и неуступчивый. Онъ видѣлъ все сумасбродство своего брата и старался его удерживать. «Вообразите, говорилъ Вильгельмъ, братъ Михайло считаетъ меня дуракомъ“. Михаилъ Кюхельбекеръ увлеченъ былъ въ заговоръ, вѣроятно, дружбою съ Николаемъ Бестужевымъ и Торсономъ и безропотно подвергался постигшему его жеребью. Братья не видались во все продолженіе процесса. Когда ихъ вывели изъ каземата (13-го іюня 1826 г.) на гласисъ Петропавловской крѣпости для выслушанія приговора, а можетъ, для отправленія въ Кронштадтъ, восторженный Вильгельмъ, еще размягченный въ тюрьмѣ, кинулся къ Михаилу со слезами и съ высокопарными фразами о покаяніи, раскаяніи, покорности судьбѣ, и т. п. Михаилъ отвѣчалъ твердо и спокойно: „я зналъ, что дѣлалъ, зналъ, что произойдетъ изъ этого, и безропотно подвергаюсь заслуженному“. Когда сосланнымъ въ Сибирь предложено было, въ напутствіе, исполнить долгъ христіанскій, покаяніемъ и причащеніемъ святыхъ тайнъ, Вильгельмъ, пріобщившись съ глубокимъ чувствомъ и горькими слезами, просилъ пастора

---

[1]) Невмѣняемъ.

смягчить затвердѣлое сердце его брата. Михаилъ встрѣтилъ пастора учтиво, почтительно, и спокойно сказалъ: „не чувствую теперь необходимости пріобщаться. Ѣду въ Сибирь по рѣшенію правительства, какъ бывало отправлялся въ походъ. Не зная за собою никакого грѣха, думаю, что могу ѣхать и такъ". Онъ отправился въ Сибирь и безмолвно исполнялъ все, чего отъ него требовали. По минованіи годовъ каторги, онъ перешелъ на поселеніе, и тамъ познакомился съ одною молодою дѣвицею (кажется, дочерью священника), женился на ней и былъ совершенно счастливъ! Что-жъ? Чрезъ нѣсколько лѣтъ узнали, что онъ когда-то крестилъ съ нею ребенка и бракъ былъ расторгнутъ, на основаніи богопротивнаго закона о духовномъ родствѣ. Что было съ нимъ потомъ, не знаю. Думаю только: „Должно же непремѣнно быть возмездіе на томъ свѣтѣ за бѣдствія, претерпѣваемыя людьми въ нынѣшнемъ отъ варварскихъ законовъ, вымышленныхъ невѣжествомъ, злобою и фанатизмомъ" [1]).

---

[1]) Дм. Ив. Завалишинъ (см. „Древнюю и Новую Россію" 1876 г., т. III, стр. 211) замѣчаетъ, по поводу отзыва Н. И. Греча о М. К. Кюхельбекерѣ, что „Михаилъ Карловичъ былъ очень добрый человѣкъ, чрезвычайно услужливый, съ „золотымъ сердцемъ", какъ говорили, но очень слабаго характера, за что его упрекали лично и постоянно самые лучшіе его пріятели, предвидя большую для него опасность отъ такого недостатка, какъ, къ несчастію, это и сбылось впослѣдствіи, на поселеніи, гдѣ слабость характера именно погубила его, вовлекши въ несоотвѣтственное общество и въ запутанныя семейныя отношенія, повлекшія къ расторженію его брака. Братъ же его не только не вовлекалъ его въ тайное общество, но Михаилъ Карловичъ вовсе и не зналъ, что братъ его участвуетъ въ немъ, какъ и самъ до 14-го декабря не зналъ ничего о тайномъ обществѣ. Попалъ онъ въ довольно высокій разрядъ по ошибкѣ, какъ это объяснилось, къ счастію его, уже слишкомъ поздно. Дѣло было въ томъ, что мало знавшіе офицеровъ Гвардейскаго Экипажа смѣшали его съ Арбузовымъ и дѣлали показанія на Мих. Карл., относившіяся къ Арбузову. Точно также онъ не могъ быть увлеченъ 14-го декабря дружбою съ Николаемъ Бестужевымъ и Торсономъ потому, что если и зналъ ихъ, какъ всѣ моряки знали другъ друга, то вовсе не былъ съ ними въ отношеніяхъ даже и простаго знакомства; принялъ же участіе въ дѣйствіи

9) Александръ Ивановичъ Якубовичъ, капитанъ знаменитаго Нижегородскаго драгунскаго полка, былъ человѣкъ умный и образованный, но самый коварный, безсовѣстный, подлый и звѣрскій изъ всѣхъ участниковъ заговора и мятежа. Въ молодости служилъ въ гвардіи и былъ сосланъ на Кавказъ за участіе въ поединкѣ графа А. В. Завадовскаго съ Шереметевымъ (который въ немъ былъ убитъ). Грибоѣдовъ, бывшій секундантомъ Завадовскаго, отправился туда на службу и, поступивъ въ канцелярію Ермолова, пріобрѣлъ его уваженіе и дружбу. Якубовичъ, недовольный Грибоѣдовымъ, по случаю этой дуэли, вызвалъ его въ Тифлисѣ и имѣлъ звѣрство умышленно ранить его въ правую руку, чтобы лишить Грибоѣдова удовольствія играть на фортепіано. Къ счастью, рана была неопасна, и Грибоѣдовъ, излечившись, могъ играть попрежнему. Якубовичъ храбро сражался съ горцами, былъ раненъ въ голову и пріѣхалъ въ Петербургъ лѣтомъ 1825 года. Онъ ходилъ съ повязкою на головѣ, говорилъ громко, свободно, довольно умно и краснорѣчиво, и вошелъ въ сношенія съ шайкою Рылѣева. Въ немъ заговорщики видѣли нѣчто идеальное, возвышенное: это былъ Дантонъ новый революціи. 23-го ноября былъ я на именинахъ Александра Бестужева (въ квартирѣ Сомова, въ домѣ Американской Компаніи). Бесѣда была пріятельская, веселая, живая, но довольно скромная. Въ одиннадцатомъ часу пріѣхалъ изъ театра Якубовичъ и началъ говорить очень дѣльно объ

Гвардейскаго Экипажа на томъ же основаніи, какъ и другіе офицеры. Далѣе весь разсказъ о разговорѣ 13-го іюля съ нимъ брата, объ убѣжденіи къ причащенію и вообще о причащеніи будто бы отправляемыхъ въ Сибирь, есть чистѣйшій вымыселъ. Моряки были собраны отдѣльно, такъ какъ для выслушанія приговора ихъ отправляли въ Кронштадтъ; когда вели мимо тѣхъ, которые собраны были въ каре, чтобы вести ихъ на гласисъ, то едва было время, чтобы поздороваться и перемолвить по слову, а не произносить цѣлыя рѣчи и увѣщанія. Въ Сибирь Михаилъ Карловичъ былъ отправленъ только 5-го февраля слѣдующаго года съ Глѣбовымъ, Рѣпинымъ и Розеномъ и, слѣдовательно, не имѣлъ надобности въ напутствованіи, котораго, впрочемъ, никому и не предлагали“.

обязанностяхъ офицера, отряженнаго на отдѣльный постъ: онъ утверждалъ, что такой офицеръ не долженъ связываться словами данной ему инструкціи, а обязанъ дѣйствовать по своимъ соображеніямъ. Собственно либеральнаго и предосудительнаго не было сказано ни слова: въ то время не знали еще о кончинѣ государя. Изъ донесенія слѣдственной комиссіи видно, что Якубовичъ собственно не вступалъ въ заговоръ, но обѣщалъ заговорщикамъ свои услуги. Видно, что онъ поступалъ двулично. На площади онъ подходилъ къ государю и предлагалъ ему свои услуги, чтобы убѣдить мятежниковъ сдаться. Государь поручилъ ему сказать имъ, что даруетъ прощеніе всѣмъ, кромѣ главныхъ зачинщиковъ. Якубовичъ пошелъ къ нимъ и, воротясь, донесъ, что они не соглашаются. Онъ заговорилъ еще что-то въ полголоса. Государь наклонился, чтобы его выслушать. Вѣроятно, Якубовичъ имѣлъ намѣреніе убить государя, но у него не стало духу къ исполненію. Вечеромъ пріѣхалъ онъ въ домъ генералъ-губернатора, чтобы узнать, что дѣлаетъ графъ Милорадовичъ. Въ это время ѣхалъ къ графу, лежавшему въ конногвардейскихъ казармахъ, адъютантъ его, Александръ Павловичъ Башуцкій. Якубовичъ предложилъ свезти его въ своей каретѣ четверкою. Башуцкій согласился и, войдя въ карету, почувствовалъ, что сѣлъ на пистолеты.

— Это что?

— Они заряжены,—сказалъ Якубовичъ.—Бунтовщики хотѣли меня убить за то, что я не соглашался войти въ заговоръ съ ними.

Якубовичъ является самымъ гнуснымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ. Другіе разбойники и убійцы, Каховскій, Щепинъ и т. п., дѣйствовали безчестно, звѣрски, но съ какимъ-то убѣжденіемъ, а онъ игралъ и словомъ и дѣломъ. Имѣй онъ силу, не знаю, что бы вышло: я слыхалъ, что и въ Сибири оказывалъ онъ ту же безсовѣстность, то же коварство и былъ наказанъ, какъ наказываютъ каторжниковъ. И такой человѣкъ

жилъ и дѣйствовалъ между нами! И мы раздѣляли съ нимъ трапезу, мы подавали ему руку!

10) Александръ Александровичъ Бестужевъ, характеръ совершенно противоположный предъидущему: добрый, откровенный, благородный, преисполненный ума и талантовъ, красавецъ собою. Вступленіе его въ эту сатанинскую шайку и содѣйствіе его могу приписать только заразительности фанатизма, неудовлетворенному тщеславію и еще фанфаронству благородства. Отецъ Бестужева, Александръ Ѳедосѣевичъ, умершій рано, какъ я слышалъ, былъ человѣкъ умный и почтенный: онъ издалъ двѣ книги о воспитаніи военнаго юношества. Мать была женщина простаго званія. Александръ Бестужевъ учился въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ и, вступивъ въ военную службу, былъ адъютантомъ главноуправляющаго Путями Сообщенія, генерала Бетанкура, а потомъ поступившаго въ ту же должность герцога Александра Виртембергскаго, брата императрицы Маріи Ѳеодоровны. Онъ влюбился было въ прелестную дочь Бетанкура, успѣлъ снискать ея благоволеніе, но отецъ не соглашался на бракъ его. Бестужевъ впалъ въ уныніе и искалъ развлеченій, при скучной и безотрадной должности адъютанта докладывать о приходящихъ и отказывать докучливымъ. Познакомившись съ Рылѣевымъ, который былъ несравненно ниже его и умомъ, и дарованіями, и образованіемъ, заразился его нелѣпыми идеями, вдался въ омутъ, и потомъ не могъ или совѣстился выпутаться, руководствуясь правилами худо понимаемаго благородства; находилъ, вѣроятно, удовольствіе въ хвастовствѣ и разглагольствіяхъ, и погибъ! Вѣроятно мучило его и желаніе стать выше, подняться до степени аристократовъ, игравшихъ роль въ обществѣ. Мало ему было славы и чести въ русской литературѣ, въ которой онъ явился съ блистательнымъ успѣхомъ и съ нѣкоторыми особенностями въ мысляхъ и оборотахъ, которыя одинъ пріятель назвалъ „Бестужевскими каплями“. Повѣсть его „Амалатъ-Бекъ“ и нѣкоторыя другія, написанныя имъ подъ гнетомъ тяжкихъ обстоятельствъ,

среди тундръ якутскихъ или подъ солдатскою шинелью въ ущеліяхъ Кавказа, свидѣтельствуютъ о его неотъемлемыхъ, своеобразныхъ талантахъ, которые, созрѣвъ въ жизни благопріятной, дали бы ему почетное мѣсто въ первомъ ряду русскихъ писателей. Онъ просилъ меня изъ Якутска о присылкѣ ему книгъ. Дѣло было щекотливое. Благонамѣренныя книги глупы или по крайней мѣрѣ скучны. Другихъ нельзя было отправить. Что же я сдѣлалъ? Послалъ ему нѣсколько латинскихъ классиковъ, съ переводомъ en regard, и пособія къ изученію латинскаго языка. Онъ этимъ воспользовался, и чрезъ нѣсколько времени сталъ понимать и читать римлянъ, которымъ прежде того вздумалъ было подражать.

Въ мятежъ дѣйствовалъ онъ въ Московскомъ полку, но не онъ, а капитанъ князь Щепинъ-Ростовскій звѣрски ранилъ нѣсколько человѣкъ изъ начальниковъ, старавшихся образумить ошеломленныхъ солдатъ. Потомъ отправился онъ на площадь, впереди увлеченнаго батальона, размахивая саблею и крича: „Ура Константинъ! Долой Николая! Извести картофельницу!“ Народъ думалъ, что не офицеры ведутъ солдатъ, а солдаты ихъ гонятъ. Одна дама, увидѣвъ его на Исаакіевской площади въ окно, впереди неистовый толпы, открыла форточку и закричала: „Александръ Александровичъ! ступайте сюда. Здѣсь васъ не тронутъ!“ Онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на площади, и, когда мятежники разбѣжались, успѣлъ уйти и гдѣ-то скрыться. На другой день, услышавъ, что забираютъ людей невинныхъ, что главные зачинщики стараются слагать вину на другихъ, онъ явился вечеромъ на гауптвахту Зимняго Дворца и сказалъ дежурному по караульнямъ полковнику:

— Я Александръ Бестужевъ. Узнавъ, что меня ищутъ, явился самъ.

Это было произнесено спокойно, просто. Увидѣвъ моего брата, бывшаго въ караулѣ, онъ сдѣлалъ видъ, будто его не знаетъ.

— Вяжите его,—сказалъ солдатамъ одинъ унтеръ-офицеръ.

— Не троньте его, возразилъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, только что назначенный въ флигель-адъютанты: — онъ не взятъ, а самъ явился,—и повелъ его къ государю. Бестужевъ просто, откровенно и правдиво изложилъ предъ государемъ все, какъ было, и умѣлъ заслужить вниманіе прямодушнаго Николая. Слова Бестужева принимаемы были безъ малѣйшаго сомнѣнія. Государь спросилъ у него:

— Скажи правду, участвовали ли въ вашемъ дѣлѣ журналисты?

— Нѣтъ, ваше величество, они не имѣли о немъ ни малѣйшаго понятія.

— Какъ же это? вы были съ ними въ безпрестанныхъ сношеніяхъ.

— Булгарину мы не могли ввѣриться. Онъ полякъ и дѣло Россіи ему чуждо. Греча мы не хотѣли запутать: онъ не одного съ нами мнѣнія, притомъ онъ отецъ семейства, да еще слишкомъ довѣрчивъ и откровененъ: тотчасъ разболталъ бы нашу тайну.

Когда допросъ кончился и Бестужева повели въ крѣпость, великій князь Михаилъ Павловичъ нагналъ его на крыльцѣ и спросилъ убѣдительно:

— Скажи правду, Бестужевъ, знали ли Гречъ и Булгаринъ о вашемъ замыслѣ?

— Ваше высочество!—сказалъ Бестужевъ,—клянусь всѣмъ, если еще могу чѣмъ клясться: они были чужды всему этому дѣлу и понятія о немъ не имѣли.

Вслѣдствіе этого, всѣ навѣты и доносы были отвергаемы государемъ и насъ не тронули. Долгомъ считаю объявить объ этомъ въ честь Бестужева и для выраженія ему чувствъ искренней благодарности за могилою. Онъ видитъ и слышитъ меня.

Таковъ онъ былъ и во все продолженіе производства дѣла: говорилъ прямо и просто сущую правду и, сколько совмѣстно съ нею, щадилъ другихъ. Государь, довольный его откровенностью и правдивостью, обѣщалъ ему прощеніе

и сдержалъ свое слово, но по своему. Его не отсылали на такъ называемую каторгу, но отправили на жительство въ русскій Сорренто, Якутскъ, а оттуда перевели въ кавказскій корпусъ солдатомъ. Бестужевъ несъ службу безропотно и усердно, получилъ чинъ унтеръ-офицера, георгіевскій крестъ, былъ произведенъ въ прапорщики и погибъ въ дѣлѣ съ горцами въ лѣсу. Тѣло его не было найдено. Повышенію его по службѣ и смягченію его судьбы повредила одна исторія. Онъ имѣлъ любовницу, унтеръ-офицерскую дочь. Она застрѣлилась у него въ квартирѣ. Обстоятельства этого самоубійства были неясны. Подозрѣвали и обвиняли въ умерщвленіи ея ревность Бестужева. Дѣло это извѣстно Богу. Намъ остается только жалѣть, отъ глубины сердца, о потерѣ человѣка, который, при другой обстановкѣ, сдѣлался бы полезнымъ своему отечеству, знаменитымъ писателемъ, великимъ полководцемъ: можетъ быть, графъ Бестужевъ отстоялъ бы Севастополь. Богъ суди тѣхъ сумасбродовъ и злодѣевъ, которые сгубили достойныхъ иной участи молодыхъ людей и лишили Россію благороднѣйшихъ сыновъ! Остался урокъ потомству; да пользуются ли уроками? Послушайте, что говорятъ и толкуютъ нынѣ! (1859 г.).

11) Николай Александровичъ Бестужевъ, капитанъ-лейтенантъ, старшій братъ Александра, человѣкъ рѣдкихъ качествъ ума, разсудка и сердца, искренній мнѣ другъ, уступалъ Александру въ блистательныхъ талантахъ и въ пылкости характера, но замѣнялъ эти качества другими менѣе великолѣпными, но тѣмъ не менѣе достойными обратить на него вниманіе и уваженіе людей. Онъ былъ воспитанъ въ Морскомъ Корпусѣ и уже гардемариномъ былъ въ дѣйствительномъ сраженіи, при взятіи англичанами, 14-го августа 1808 года, линейнаго корабля „Всеволодъ", бывшаго подъ командою капитана Руднева. Корабль „Всеволодъ", отрѣзанный отъ эскадры впадшаго въ ребячество престарѣлаго адмирала Ханыкова, былъ аттакованъ двумя англійскими линейными кораблями: одинъ билъ его съ носу, другой съ боку. Онъ не

сдавался и тогда, когда изъ тысячи человѣкъ экипажа оставалось еще только восемьдесятъ. Флагъ его былъ не спущенъ, а сбитъ непріятельскимъ ядромъ. Бестужевъ былъ на одномъ изъ катеровъ, которые завозили канатъ. Я познакомился съ нимъ въ 1817 году, отправляясь во Францію на кораблѣ „Не тронь меня", на которомъ онъ былъ лейтенантомъ. Мы съ нимъ подружились и оставались въ неразрывныхъ сношеніяхъ до несчастной эпохи 14-го декабря. Бестужевъ занимался и литературою, писалъ умно и пріятно. Въ „Сынѣ Отечества" напечатано любопытное его описаніе гибели брига „Фалькъ", взятое Головнинымъ въ собраніе статей важнѣшихъ кораблекрушеній. Въ послѣднее время находился онъ при начальникѣ маяковъ въ Балтійскомъ морѣ, вице-адмиралѣ Леонтіи Васильевичѣ Спафарьевѣ, и лично содѣйствовалъ улучшенію этой части морскаго управленія, но скучалъ и искалъ развлеченія. Главною его слабостью была страсть къ женскому полу, особенно къ порядочнымъ замужнимъ женщинамъ. И въ Кронштадтѣ и въ Петербургѣ было у него нѣсколько нѣжныхъ связей, особенно занимала его одна любовь кронштадтская. И женщины привязывались къ нему легко и страстно.

Но какъ могъ человѣкъ умный, разсудительный, принять участіе въ этомъ сумасбродномъ, нелѣпомъ предпріятіи? Я могу растолковать его тѣмъ только, что Николай Бестужевъ поступилъ въ заговоръ позже своихъ братьевъ, которыхъ онъ любилъ глубоко: онъ рѣшился раздѣлить съ ними ожидавшую ихъ участь, и бросился стремглавъ въ бездну. Направленію его ума содѣйствовало еще другое обстоятельство. Въ 1821 году „ходилъ" онъ, какъ говорятъ моряки, на эскадрѣ въ Средиземное море и нѣсколько дней пробылъ въ Гибралтарѣ. Тамъ видѣлъ онъ, съ высоты утеса, какъ испанцы королевскіе разстрѣливали на перешейкѣ взятыхъ ими безоружныхъ либераловъ, сообщниковъ Ріего, разстрѣливали, какъ татей и разбойниковъ, сзади. Это зрѣлище заронило въ душу его ненависть къ деспотическому испанскому

правительству; да русское-то чѣмъ было виновато? У насъ только что кололи аракчеевскими и голицынскими булавками, а кнуты еще были окунуты въ святую воду! Но кто проникнетъ въ душу человѣка, кто постигнетъ ея движенія и порывы?

Сердце наше кладезь мрачный,
Тихъ, спокоенъ сверху видъ,
А спустись на дно—ужасный
Крокодилъ на немъ лежитъ.

Николай Бестужевъ обѣдалъ у меня на именинахъ 6-го декабря съ братьями своими, Александромъ и Павломъ. Николай пришелъ позже, и я сказалъ ему:

— Пришелъ, спасибо. А я думалъ, что ты измѣнишь!

— Никогда не измѣню!—сказалъ онъ твердымъ голосомъ, взглянувъ на Александра. А я, олухъ, еще пожалъ ему руку.

14-го числа онъ вывелъ на площадь Гвардейскій Экипажъ. Въ немъ было нѣсколько матросовъ, служившихъ подъ командою Бестужева на походѣ въ Средиземное море. „Ребята! знаете ли вы меня? Пойдемте же!" И они пошли. Я видѣлъ, какъ экипажъ, мимо конногвардейскихъ казармъ, шелъ бѣгомъ на площадь. Впереди бѣжали въ растегнутыхъ сюртукахъ офицеры и что-то кричали, размахивая саблями. Я не узналъ въ числѣ ихъ Бестужева, да и до такой степени былъ увѣренъ въ неучастіи его, что, услыхавъ о дѣлахъ Александра сказалъ съ сердечнымъ уныніемъ: „бѣдный Николай Александровичъ! Какъ ему будетъ жаль брата!"

По прекращеніи волненія, Николай Бестужевъ уѣхалъ на извозчичьихъ саняхъ въ Кронштадтъ; переночевавъ у одной знакомой старушки, онъ на другой день сбрилъ себѣ бакенбарды, подстригъ волосы, подрисовалъ лицо, одѣлся матросомъ, и пошелъ на Толбухинъ маякъ, лежащій на западной оконечности Котлина острова. Тамъ предъявилъ онъ командующему унтеръ-офицеру предписаніе вице-адмирала Спафарьева о принятіи такого-то матроса въ команду на маякъ.

— Ну, а что ты умѣешь дѣлать? спросилъ грозный командиръ.

— А что прикажете,—отвѣчалъ Бестужевъ, прикинувшись совершеннымъ олухомъ.

— Вотъ картофель, очисти его.

— Слушаю, государь, — отвѣчалъ онъ, взялъ ножъ и принялся за работу.

Полиція, не находя Бестужева въ Петербургѣ, догадалась, что онъ въ Кронштадтѣ, и туда послано было предписаніе искать его. Это было поручено одному полицейскому офицеру, который, лично зная Бестужева, заключилъ, что онъ конечно отправился на маякъ, чтобы оттуда пробраться заграницу. Прискакалъ туда, вошелъ въ казарму и перекликалъ всѣхъ людей. „Вотъ этотъ явился сегодня“, сказалъ унтеръ-офицеръ. Полицейскій посмотрѣлъ на Бестужева и увидѣлъ самое дурацкое лицо въ мірѣ. Всѣ сомнѣнія исчезли: здѣсь нѣтъ Бестужева; должно искать его въ другомъ мѣстѣ. Когда полицейскій вышелъ изъ казармъ, провожавшій его денщикъ (бывшій прежде того денщикомъ у Бестужева) сказалъ ему:

— Вѣдь новый-то матросъ господинъ Бестужевъ: я узналъ его по слѣдамъ золотаго кольца, которое онъ всегда носитъ на мизинцѣ.

Полицейскій воротился, подошелъ къ мнимому матросу, который опять принялся за свою работу, ударилъ его слегка по плечу и сказалъ:

— Перестаньте притворяться, Николай Александровичъ, я васъ узналъ.

— Узнали?—сказалъ Бестужевъ,—такъ поѣдемъ.

Военный губернаторъ отправилъ его въ Петербургъ, подъ арестомъ въ саняхъ на тройкѣ. Когда пріостановились передъ гауптвахтою при выѣздѣ, онъ сказалъ случившимся тамъ офицерамъ:

— Прощайте, братцы! Ѣду въ Петербургъ: тамъ ждутъ меня двѣнадцать пуль.

*

Дорогою по заливу, поровнявшись съ полыньею, онъ хотѣлъ было выскочить изъ саней, чтобы броситься въ воду, но былъ удержанъ. Въ Петербургѣ привезли его къ Морскому министру фонъ-Моллеру, который ненавидѣлъ Бестужева . . . . Онъ велѣлъ скрутить ему на спинѣ руки и отправить днемъ по Англійской набережной и по Адмиралтейскому бульвару въ Зимній Дворецъ. Одинъ изъ адъютантовъ накинулъ на него шинель. Во дворцѣ развязали ему руки и привели къ императору.

— Вы блѣдны, вы дрожите,—сказалъ ему государь.

— Ваше величество! — отвѣчалъ Бестужевъ: — я двое сутокъ не спалъ и ничего не ѣлъ.

— Дать ему обѣдать!—сказалъ государь.

Бестужева привели въ маленькую комнату Эрмитажа (въ которомъ помѣщался тогда государь, по случаю передѣлки комнатъ Зимняго Дворца), посадили на диванѣ за столъ и подали придворный обѣдъ.

— Я не пью краснаго вина,—сказалъ онъ официанту: подайте бѣлаго.

Онъ преспокойно пообѣдалъ, потомъ приклонился къ подушкѣ дивана и крѣпко заснулъ. Пробудясь часа черезъ два, всталъ и сказалъ:

— Теперь я готовъ отвѣчать.

Его привели въ прежнюю залу. Тамъ поклонился онъ Василію Алексѣевичу Перовскому, какъ короткому знакомому, и, увидѣвъ новаго флигель-адъютанта, Алексѣя Петровича Лазарева, сказалъ ему:

— Ну, Алешка! теперь перестанешь шалить!

Его ввели въ кабинетъ государя. Онъ не только отвѣчалъ смѣло и рѣшительно на всѣ вопросы, но и самъ начиналъ говорить: изобразилъ государю положеніе Россіи, исчислилъ неисполненныя обѣщанія, несбывшіяся надежды, и объяснилъ поводы и ходъ замысловъ. Государь выслушалъ его внимательно, и нѣтъ сомнѣнія, что не одна истина, дотолѣ неизвѣстная, упала въ его душу.

Обрядъ лишенія чиновъ и дворянства былъ исполненъ надъ флотскими офицерами въ Кронштадтѣ, на военномъ кораблѣ. Ихъ отвезли туда изъ петербургской крѣпости ночью, на арестантскомъ катерѣ. Бестужевъ спокойно бесѣдовалъ дорогою съ командующимъ и караульными офицерами, не жаловался, не сѣтовалъ на судьбу.

— Я заслужилъ смерть,— говорилъ онъ, и ожидалъ ее. Теперь все время, что проживу, будетъ для меня барышемъ и подаркомъ. Но вотъ кого мнѣ жаль — этихъ бѣдныхъ юношей (указывая на приговоренныхъ мичмановъ, спавшихъ крѣпкимъ сномъ молодости): они дѣти и не знали что̀ дѣлали.

Такъ, Николай Александровичъ, они дѣти, но зачѣмъ тѣ, которые знали что̀ дѣлаютъ, увлекали дѣтей? Тяжкая отвѣтственность за гибель этихъ юношей легла на васъ, старшихъ, умныхъ, предъ ихъ родителями и предъ Богомъ! Правительство въ этомъ винить нельзя: оно еще смягчило наказаніе, по собственному вашему признанію.

Въ Кронштадтѣ онъ взошелъ по трапу на корабль, бодро и свободно, учтиво поклонился собравшейся тамъ комиссіи адмираловъ и спокойно выслушалъ чтеніе приговора.

— Сорвать съ него мундиръ!— закричалъ одинъ изъ адмираловъ, вѣроятно, породнившійся съ Бестужевымъ посредствомъ своей супруги.

Два матроса подбѣжали, чтобы исполнить приказаніе благонамѣреннаго начальства. Бестужевъ взглянулъ на нихъ такъ, что они остолбенѣли, снялъ съ себя мундиръ, сложилъ его чиннехонько, положилъ на скамью и сталъ на колѣни, по уставу, для переломленія надъ нимъ шпаги. Когда его привезли назадъ въ Петропавловскую крѣпость, для отправленія въ ссылку, я пошелъ къ военному генералъ-губернатору, добрѣйшему Павлу Васильевичу Голенищеву-Кутузову, и просилъ его дать мнѣ свиданіе съ Николаемъ Бестужевымъ.

— Родственникъ ли вы ему?— спросилъ Кутузовъ.

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство.

— Такъ нельзя.

— Никакъ нельзя?

— Никакъ!

— Но позвольте мнѣ проститься съ нимъ хотя письменно: онъ другъ мнѣ.

— Извольте.

Я сѣлъ за столъ и написалъ нѣсколько строкъ, продиктованныхъ мнѣ сердцемъ. Кутузовъ самъ отдалъ ихъ Бестужеву и разсказалъ мнѣ, съ какимъ восторгомъ несчастный принялъ этотъ привѣтъ дружбы. И „любовь" его не оставляла. Одна дама прислала ему изъ Кронштадта свой портретъ и колоду картъ для препровожденія времени грандъ-пасіансомъ. Бестужевъ, мастеръ на всѣ руки, сберегъ рыбныя кости отъ своего обѣда, повыталкалъ нитей изъ наволочки, и изъ этихъ припасовъ, безъ всякаго инструмента, смастерилъ красивенькій гребешокъ. Не знаю, дошелъ ли онъ по адресу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, на танцовальномъ вечерѣ у адмирала Петра Ивановича Рикорда, гдѣ было нѣсколько дамъ изъ Кронштадта, двѣ молоденькія, хорошенькія дѣвицы, дочери одного адмирала, посматривали на меня съ большимъ вниманіемъ и какъ бы хотѣли заговорить со мною, а я этого и не замѣтилъ. Имъ интересенъ былъ во мнѣ другъ друга ихъ матери... Бестужевъ скоро нашелся въ ссылкѣ, занимаясь чтеніемъ, живописью. Въ первые годы нарисовалъ онъ нѣсколько акварельныхъ портретовъ, въ томъ числѣ и свой, очень похожій, только по лбу шла глубокая морщина, проведенная страданіями. Потомъ занялся онъ механическими работами: придумалъ какую-то повозку, удобную для того края, и вообще старался быть сколь возможно полезнымъ въ своемъ кругу. Онъ скончался въ 1854 году, не дождавшись своего освобожденія. Императоръ Николай Павловичъ лишалъ себя большаго наслажденія, заключающагося въ правѣ миловать. Караетъ законъ, но законъ постановленъ людьми, и людьми же исполняется, а люди ошибаются на каждомъ

шагу. Благость же и милосердіе исходятъ отъ Божества и не ошибутся никогда.

12) Михаилъ Александровичъ Бестужевъ, третій братъ, человѣкъ простой и недальній, былъ лейтенантомъ во флотѣ и перешелъ потомъ въ Московскій полкъ (полагаютъ, чтобы успѣшнѣе содѣйствовать въ мятежѣ); онъ участвовалъ въ бунтѣ безъ сознанія, что поступаетъ дурно. Тоже можно сказать и о четвертомъ, Петрѣ Бестужевѣ. Онъ былъ лейтенантомъ. Наказаніе сильно подѣйствовало на душу послѣдняго; онъ помѣшался въ умѣ и былъ отданъ матери съ тѣмъ, чтобы жить у ней въ Новгородской губерніи, и тамъ умеръ. Пятый братъ, Павелъ, мальчикъ живой и умный, воспитанный въ Артиллерійскомъ Училищѣ, былъ во время мятежа въ верхнемъ офицерскомъ классѣ. Его не удостоили чести принять въ этотъ гибельный кругъ, но онъ пострадалъ за родство съ несчастными. Въ августѣ 1826 года, во время иллюминаціи по случаю коронаціи, Павелъ Бестужевъ проталкивался въ толпѣ народа на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго Моста, и за что-то поспорилъ съ однимъ изъ прохожихъ, но безъ всякихъ послѣдствій. Воейковъ, смотрѣвшій иллюминацію изъ окна книжнаго магазина Слёнина, бывшаго въ домѣ Энгельгардта [1]), донесъ полиціи, что Бестужевъ буянилъ на улицѣ и произносилъ дерзкія рѣчи: его отправили на Кавказъ, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ боролся въ горахъ съ черкесами, а въ Сухумъ-Кале съ убійственною лихорадкою. Онъ прилежно занимался артиллеріею и придумалъ новые превосходные діоптры для прицѣла орудій; на отливку ихъ онъ пожертвовалъ своимъ мѣднымъ чайникомъ. Изобрѣтеніе его было найдено полезнымъ и онъ переведенъ былъ въ бригаду, стоявшую въ Москвѣ. Онъ выслужился и, какъ я слышалъ, женился на любезной и богатой дѣвицѣ. Итакъ уцѣлѣлъ хотя одинъ Бестужевъ! Что сталось съ Михаиломъ, не знаю.

13) Артамонъ Захарьевичъ Муравьевъ—полковникъ,

---

[1]) Нынѣ Учетнаго и ссуднаго банка. Пр. ред.

командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка, братъ графини Канкриной, надутое, не весьма умное существо. Я бывалъ съ нимъ на обѣдахъ у Чебышева и коротко его не знаю; только онъ отнюдь не походилъ на заговорщика.

14) Никита Михайловичъ Муравьевъ, сынъ Михаила Никитича, молодой, благородный, образованный, добрый человѣкъ, нѣсколько серьезный и дикій, былъ офицеромъ Генеральнаго Штаба и находился среди самаго омута заговора. Онъ былъ мечтателемъ, фанатикомъ либерализма. Увидѣвъ слишкомъ поздно бездну, въ которую ринулся съ своими сообщниками, онъ ужаснулся и искренно раскаялся въ своемъ непростительномъ заблужденіи, которому началомъ была благородная любовь къ отечеству. Достойно замѣчанія, какимъ образомъ зародились въ немъ идеи Запада. Онъ произведенъ былъ въ офицеры въ 1815 году и находился въ штабѣ князя Волконскаго при вторичномъ занятіи Парижа. Ему дали квартирный билетъ въ такой-то улицѣ, подъ нумеромъ такимъ-то. Муравьевъ отыскиваетъ домъ—огромный, великолѣпный и, не желая безпокоить жильцовъ бель-этажа, идетъ въ верхній ярусъ и предъявляетъ билетъ. Его встрѣчаютъ съ досадою и жалобами.

— Мы люди бѣдные, живемъ въ тѣснотѣ, дѣлиться съ вами не можемъ: подите въ бель-этажъ къ г. Ледюку [1]): онъ живетъ на просторѣ, одинъ, и помѣститъ васъ гораздо лучше.

Муравьевъ спускается по крыльцу, звонитъ у дверей. Отворяютъ.

— Monsieur Le Duc?

— C'est ici, monsieur, entrez [2]), отвѣчаетъ лакей и вводитъ его въ комнаты.

Его встрѣчаетъ учтиво человѣкъ средних лѣтъ, благородной наружности и, увидѣвъ билетъ, говоритъ:

---

[1]) Le Duc, т. е. герцогъ.

[2]) — Господинъ Ледюкъ?

— Здѣсь, сударь, войдите.

— Радуюсь, что ко мнѣ на постой назначенъ русскій. Извольте выбрать себѣ комнату. Скромный офицеръ отвѣчаетъ, что будетъ доволенъ всякою.

— Не угодно ли вотъ эту?—спрашиваетъ господинъ, отворяя дверь въ уютный кабинетъ съ алковомъ, въ которомъ стояла кровать.

— Очень охотно,—отвѣчаетъ Муравьевъ,—благодарю васъ всепокорнѣйше.

— Да вы съ дороги устали, вѣроятно, проголодались. Позвольте предложить вамъ завтракъ.

— Принимаю съ удовольствіемъ.

Въ ту же минуту накрыли на столъ и принесли великолѣпный завтракъ съ шампанскимъ и пр. Хозяинъ радовался аппетиту молодаго человѣка, подчивалъ его, стараясь угодить ему. Насытившись, Муравьевъ всталъ, поблагодарилъ, и сказалъ, что долженъ идти по службѣ. Въ передней спросилъ онъ у слуги:

— Кто этотъ господинъ Ледюкъ.

— C'est le Duc de Vicence.

— C'est donc monsieur de Caulincourt, ancien ambassadeur en Russie.

— Oui, monsieur! [1]).

Муравьевъ поспѣшилъ воротиться въ гостиную и извинялся предъ хозяиномъ, что поступилъ съ нимъ такъ cavalièrement.

— Ни мало!—отвѣчалъ Коленкуръ:—хорошо было бы, если бы всѣ поступали въ землѣ непріятельской, какъ вы. Я искренно преданъ вашему государю, въ немъ одномъ вижу надежду на спасеніе Франціи; о Россіи сохраняю самое пріятное воспоминаніе и считаю обязанностью служить русскимъ чѣмъ могу. Вы одолжите меня, если будете ежедневнымъ

---

[1]) — Это герцогъ Виченскій.
— Слѣдовательно, это г. де-Коленкуръ, бывшій посломъ въ Россіи
— Точно такъ, сударь.

моимъ гостемъ. Вы найдете у меня общество, въ которомъ не соскучитесь.

Дѣйствительно, общество было очень интересное: оно состояло изъ бонапартистовъ и революціонеровъ; между прочими приходилъ очень часто Бенжаменъ-Констанъ. Замѣчательно во Франціи постоянное сродство бонапартизма съ революціею: синій мундиръ подбитъ краснымъ сукномъ. И нынѣшній Гришка Отрепьевъ, принизивъ Францію самымъ постыднымъ и оскорбительнымъ игомъ, твердитъ о правилахъ 1789 года, низвергшихъ династію Бурбоновъ. Въ этой интересной компаніи неопытный молодой человѣкъ напитался правилами революціи, полюбилъ республику, возненавидѣлъ русское правленіе. Удивительно ли, что онъ вступилъ въ союзъ, составившійся для ниспроверженія трона: въ слѣпотѣ своей, онъ воображалъ, что идетъ къ блистательной цѣли.

Поэтъ Батюшковъ, двоюродный братъ Муравьева, будучи всѣмъ обязанъ отцу, нѣжно любилъ сыновей. Батюшковъ состоялъ въ двадцатыхъ годахъ при посольствѣ въ Неаполѣ, видѣлъ всю ничтожность, всю гнусность революціи, и потомъ содрогался, видя казни, которымъ подвергаемы были не одни преступники, но также восторженные мечтатели и легкомысленные говоруны. Воротясь въ Россію, онъ, вѣроятно, узналъ отъ Никиты Муравьева о существованіи тайныхъ замысловъ; можетъ быть, ему и предложено было вступить въ союзъ... Онъ ужаснулся и сошелъ съ ума. Вотъ, по моему мнѣнію, истинная причина разстройства его разсудка. Онъ возненавидѣлъ родъ Муравьевыхъ, гнушался Никитою, проклиналъ его мать, называя ее, по фамиліи отца, Колокольцовою... Въ то время (1822) вышла моя „Исторія Русской Литературы". Въ ней помѣщено сужденіе П. А. Плетнева о твореніяхъ Батюшкова, о его поэтическомъ дарованіи, сужденіе самое справедливое и благопріятное. Батюшковъ нашелъ въ немъ не только оскорбленіе, но и доносъ, жаловался на Плетнева, называя его, будто по ошибкѣ, Плетаевымъ. Напрасно всѣ мы, особенно честный, благородный Гнѣдичъ, не подозрѣвая, чтобы

болѣзнь его могла усилиться до такой степени, старались его образумить. Въ послѣдній разъ видѣлся я съ нимъ, встрѣтившись въ Большой Морской. Я сталъ убѣждать его, просилъ, чтобы онъ пораздумалъ о мнѣніи Плетнева. Куда! и слышать не хотѣлъ. Мы разстались на углу Исаакіевской площади. Онъ пошелъ далѣе на площадь, а я остановился и смотрѣлъ вслѣдъ за нимъ съ чувствомъ глубокаго унынія. И теперь вижу его субтильную фигуру, какъ онъ шелъ, потупивъ глаза въ землю. Вѣтеръ поднималъ фалды его фрака... Всѣхъ лучше ладилъ съ нимъ кроткій, терпѣливый Жуковскій, но и тотъ, наконецъ, съ грустью въ душѣ, отказался отъ надежды образумить несчастнаго друга. И вотъ Россія лишилась геніальнаго поэта, благороднаго человѣка, полезнаго гражданина! И сколько еще потеряла она отъ послѣдствій этого бѣдственнаго стеченія людей и обстоятельствъ.

Братъ Никиты Муравьева, Александръ, корнетъ Кавалергардскаго полка, молодой, тихій и недальній человѣкъ, удостоенъ былъ участія въ заговорѣ и погибъ ни за что.

15) Иванъ Ивановичъ Пущинъ—одинъ изъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея, перваго блистательнаго выпуска, благородный, милый, добрый молодой человѣкъ, истинный филантропъ, покровитель бѣдныхъ, гонитель неправды. Въ добродѣтельныхъ порывахъ, для благотворенія человѣчеству, вступилъ онъ на службу, безвозмездно по выборамъ, въ Уголовную Палату, познакомился на бѣду свою съ Рылѣевымъ, увлекся его сумасбродствомъ и фанатизмомъ и сгубилъ себя. Онъ выстрадалъ слишкомъ тридцать лѣтъ въ Сибири; былъ освобожденъ съ прочими, женился и въ нынѣшнемъ (1859 году) умеръ отъ болѣзни въ Петербургѣ. Я не имѣлъ случая видѣть его по возвращеніи. Память о его умѣ, сердцѣ и характерѣ и глубокое сожалѣніе о его несчастіи останется навѣки въ глубинѣ души моей. Братъ его, капитанъ Гвардейскаго Сапернаго баталіона, человѣкъ тоже хорошій и благородный, пострадалъ также.

16) Николай Ивановичъ Тургеневъ. Достойна замѣ-

нія судьба этого семейства. Отецъ ихъ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, бывшій кураторомъ Московскаго Университета, другъ и товарищъ Новикова, поплатился и пострадалъ за эту дружбу при гоненіи, воздвигнутомъ на мартинистовъ въ концѣ царствованія Екатерины II. Сколько можно догадываться, она преслѣдовала въ нихъ не вольнодумцевъ, не якобинцевъ, а приверженцевъ наслѣдника своего, Павла Петровича. Это явствуетъ и изъ того, что Павелъ, человѣкъ, конечно, не либеральный, освободилъ и возвысилъ всѣхъ ихъ, лишь только вступилъ на престолъ. У Ивана Петровича Тургенева было четыре сына: Андрей, Александръ, Николай и Сергѣй. Всѣ они получили основательное и блистательное воспитаніе, сначала въ Московскомъ Университетѣ, потомъ въ Гёттингенскомъ Университетѣ, и обѣщали принести своему отечеству большую пользу своими дарованіями, умомъ, познаніями и характеромъ. Надежды эти не сбылись. Андрей, товарищъ Жуковскаго, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ: память его осталась въ прекрасной элегіи, написанной его другомъ. Прочіе трое были въ государственной службѣ и шли впередъ очень быстро и счастливо. Каждый изъ нихъ имѣлъ по нѣскольку мѣстъ, разумѣется, съ хорошимъ жалованьемъ: Александръ былъ и директоромъ Департамента Духовныхъ Дѣлъ, и статсъ-секретаремъ въ Государственномъ Совѣтѣ, и въ Комиссіи Составленія Законовъ: немногое дѣлалъ самъ, прочее заставлялъ дѣлать другихъ, разъѣзжалъ съ визитами, по обѣдамъ и баламъ, былъ человѣкъ умный, пріятный и очень добродушный, особенно если дѣло или лицо не касались мнѣній и интересовъ партіи. А къ какой партіи онъ принадлежалъ? По службѣ, къ Голицынской, анти-Аракчеевской, а по литературѣ — къ Карамзинской. Свѣтъ литературный дѣлился тогда на двѣ, рѣзко обозначенныя, партіи—Шишкова и Карамзина. Къ первой принадлежали всѣ Кутузовы, Кикинъ, И. С. Захаровъ, Хвостовъ (Александръ Семеновичъ), князь Шаховской и вообще большая часть членовъ Бесѣды Любителей Русскаго Слова. Къ

послѣдней—Дмитріевъ, Блудовъ, Дашковъ, Тургеневъ, Жуковскій, Батюшковъ, В. Л. Пушкинъ, Вяземскій и т. д. Державинъ, Крыловъ, Гнѣдичъ держались средины, болѣе склоняясь къ послѣдней.

Карамзинолатрія достигла у его чтителей высшей степени: кто только осмѣливался сомнѣваться въ непогрѣшимости ихъ идола, того предавали проклятію и преслѣдовали не только литературно. Гораздо легче было ладить съ самимъ Карамзинымъ, человѣкомъ кроткимъ и благодушнымъ, нежели съ его изступленными сеидами. Духъ партіи ихъ былъ такъ силенъ, что они не только предавали остракизму достойнѣйшихъ людей, дерзавшихъ не обожать Карамзина, но и приближали къ себѣ гнусныхъ уродовъ, поддѣлывавшихся подъ ихъ тонъ. . . . . [1],

[1]) Въ числѣ замѣчательныхъ лицъ, съ которыми случай свелъ меня въ жизни, долженъ я упомянуть о Варѳоломеѣ Филипповичѣ Боголюбовѣ. Онъ представляетъ любопытное зрѣлище,—человѣка, всѣми презираемаго, всѣмъ извѣстнаго своими гнусными дѣлами и вездѣ находящаго входъ, пріемъ и наружное уваженіе! Таковы милыя свѣтскія связи. Человѣкъ честный, благородный, откровенный, но простой, не умѣющій хорошо говорить по-французски, незнакомый съ пріемами и хитростями большаго свѣта, при всѣхъ дарованіяхъ и заслугахъ своихъ, не добьется и десятой доли того, чѣмъ пользуется смѣлый, безстыдный и безсовѣстный негодяй, извѣстный своими порочными наклонностями и дѣлами.

Отецъ Боголюбова, въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины, служилъ экономомъ въ Смольномъ Монастырѣ и исполнялъ свою должность съ большимъ попеченіемъ о своемъ карманѣ. Когда, по вступленіи на престолъ императора Павла, всѣ воспитательныя и богоугодныя заведенія отданы были въ вѣдомство императрицы Маріи Ѳеодоровны и главное надъ ними начальство было поручено умному, дѣятельному и строгому графу Якову Ефимовичу Сиверсу, послѣдовала ревизія хозяйственной ихъ части за прежніе годы. Боголюбовъ, видя себѣ неминуемую бѣду, рѣшился предать себя смертной казни и вонзилъ себѣ въ животъ кухонный ножъ. На вопль его домашнихъ сбѣжались сосѣди, пригласили медика и изслѣдовали состояніе больнаго, который терзался въ ужасныхъ мученіяхъ. На вопросъ одного наслѣдника, есть ли надежда на спасеніе его жизни, врачи отвѣчали единогласно:

— Нѣтъ никакой.

муже... Вигеля, величайшаго въ мірѣ подлеца Воейкова. Второю собенкою этого круга былъ Жуковскій. Его любили, че-

— Долго ли проживетъ онъ въ этихъ мученіяхъ?

— Онъ умретъ, лишь только вынуть ножъ изъ раны.

— Да кто на это рѣшится?

Тогда девяти или десятилѣтній сынъ его, Варѳоломей, смѣло подошелъ къ кровати больного и, безтрепетно вынувъ ножъ, прекратилъ тѣмъ и страданія, и жизнь своего отца. Дивный примѣръ сыновней любви и самоотверженія!

Императрица Марія Ѳеодоровна изъявила глубокое сожалѣніе объ этомъ несчастномъ случаѣ, призрѣла осиротѣвшее семейство и поручила юнаго Варѳоломея попеченію князя Алексѣя Борисовича Куракина. Князь исполнилъ желаніе государыни, взялъ юнаго героя и далъ ему воспитаніе, наравнѣ съ своимъ роднымъ сыномъ, воспитаніе свѣтское, блистательное, и потомъ опредѣлилъ Боголюбова въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ былъ командированъ въ Корфу, къ генералу Анрепу, познакомился тамъ съ Бенкендорфомъ и другими молодыми людьми первыхъ фамилій; потомъ былъ при посольствѣ въ Мадридѣ и Вѣнѣ, подъ начальствомъ Дм. П Татищева. Въ послѣднее время числился онъ при министерствѣ и жилъ въ Петербургѣ, имѣя входъ въ лучшіе дома, и находился въ дружескихъ связяхъ съ Тургеневымъ, Блудовымъ и другими свѣтскими людьми. Я зналъ его только потому, что видѣлъ иногда у Тургенева и у Воейкова, но въ 1831 году, когда открылась холера, онъ былъ назначенъ попечителемъ квартала 1-й Адмиралтейской части, въ которой частнымъ попечителемъ былъ С. С. Уваровъ, съ которымъ онъ вошелъ въ тѣсныя связи по родству Уварова съ кн. Куракинымъ. Боголюбовъ, посѣщая дома разныхъ обывателей, зашелъ и ко мнѣ. Мы разговорились съ нимъ и познакомились, не говорю, подружились.

Когда я переѣхалъ въ свой домъ (въ іюлѣ 1831 года), онъ продолжалъ посѣщать меня, иногда у насъ обѣдалъ и забавлялъ всѣхъ своими анекдотами и остротами; только нельзя было остеречься отъ его пальца. „Плохо лежитъ, брюхо болитъ". Онъ воровалъ все, что ни попадалось ему подъ руки. Спальня моя была внизу; кабинетъ на антресоляхъ. Одѣваясь поутру, я оставлялъ въ спальнѣ бумажникъ. Однажды пришелъ ко мнѣ Боголюбовъ, заглянулъ въ спальню и, видя, что меня тамъ нѣтъ, взобрался въ кабинетъ и, посидѣвъ около часу, ушелъ. Я отправился со двора и, переходя чрезъ мостикъ на Мойкѣ, встрѣтился съ наборщикомъ, которому за что-то обѣщалъ дать на водку, остановилъ его, вынулъ изъ кармана бумажникъ, чтобы, изъ бывшихъ въ немъ пятнадцати рублей, вынуть синенькую. Не тутъ-то было: бумажникъ оказался пустымъ! Въ другой разъ,

стили, боготворили. Малѣйшее сомнѣніе въ совершенствѣ его стиховъ считалось преступленіемъ. Выгоды Жуковскаго были выше всего. Павелъ Александровичъ Никольскій, из-

---

воротясь домой передъ обѣдомъ, нахожу, что Боголюбовъ сидитъ у меня въ залѣ передъ столомъ, покрытымъ газетами, и читаетъ одну. Разговорившись съ нимъ, я увидѣлъ у него за пазухою въ боковомъ карманѣ картинку моднаго журнала и безъ всякаго умысла сказалъ ему, шутя:

— Къ какой это дамѣ несете вы моды, услужливый кавалеръ? Онъ поблѣднѣлъ и застегнулъ фракъ, сказавъ:

— Да къ одной почтенной барынѣ.

Я поглядѣлъ на пачку новыхъ газетъ: дѣйствительно, въ ней не доставало моднаго журнала. До обѣда зашелъ я къ матушкѣ, сестрѣ и дочерямъ и разсказалъ имъ штуку Боголюбова. Онъ остался у насъ обѣдать; сверхъ того, обѣдалъ у насъ одинъ французъ Бонне, разодѣтый куколкою. Между разговорами я сказалъ ему: „Какъ вы можете въ нашемъ климатѣ (это было въ глубокую осень) одѣваться такъ легко: и фракъ, и жилетъ у васъ на распашку. Долго ли простудиться! Вотъ посмотрите на этого застегнутаго дипломата: какъ онъ сохраняется. Подумаешь, что онъ прячетъ краденое“. Домашніе мои были въ страхѣ, что Боголюбовъ обидится. Но все прошло благополучно.

Однажды, во вторникъ на первой недѣлѣ великаго поста (mardi gras) пріѣхалъ ко мнѣ звать меня къ обѣду Булгаринъ и при этомъ случаѣ взялъ у меня двѣсти рублей; потомъ онъ отправился въ Большой Театръ и купилъ тамъ пять билетовъ, по пяти рублей, на вечерній маскарадъ. Обѣдали у него свитскій генералъ графъ Нессельродъ (двоюродный братъ министра иностранныхъ дѣлъ), одинъ польскій полковникъ, Боголюбовъ и я. Бесѣда за столомъ была препріятная. Послѣ обѣда гости, кромѣ Боголюбова, тотчасъ отправились по домамъ; Булгаринъ проводилъ ихъ, въ томъ числѣ и меня. Боголюбовъ оставался, и когда воротился Булгаринъ, простился съ нимъ и ушелъ также. Въ комнатѣ, гдѣ мы сидѣли послѣ обѣда, было бюро, на которое Булгаринъ положилъ свой бумажникъ. Хвать, всѣ оставшіеся въ немъ сто семьдесятъ пять рублей исчезли. Такихъ случаевъ зналъ я, знали всѣ, до тысячи, но никто не успѣлъ застать и уличить Боголюбова съ поличнымъ. А сколько онъ утащилъ у меня книжекъ! Добро бы укралъ полныя сочиненія, а то почти все разрознилъ. Я говорилъ выше, что онъ былъ знакомъ и коротокъ съ Бенкендорфомъ. Говорили, что онъ былъ его шпіономъ. Не знаю этого въ точности, но эту славу раздавали многимъ, и мнѣ самому, потому и не дерзаю говорить о томъ положительно. Вспомню только одинъ случай. Однажды, когда Уваровъ былъ въ Москвѣ, Боголюбовъ пришелъ ко мнѣ и прочиталъ

давая „Пантеонъ Русской Поэзіи“, не думалъ, что можетъ повредить Жуковскому, помѣщая въ „Пантеонѣ“ его стихотворенія. Александръ Тургеневъ увидѣлъ въ этомъ денежный

письмо, въ которомъ тогдашній товарищъ министра просвѣщенія увѣдомлялъ его, стараго друга, о разныхъ встрѣчахъ, о блюдахъ въ Англійскомъ Клубѣ, о рѣчахъ и сужденіяхъ нѣкоторыхъ именитыхъ особъ.

— Неправда ли, интересно? спросилъ у меня Боголюбовъ.

— И очень, отвѣчалъ я.

— Я читалъ это письмо генералу (тогда Бенкендорфъ не былъ еще графомъ), и ему оно понравилось.

Оставляю читателя догадываться, кто игралъ здѣсь какую роль. Дружба Боголюбова съ Бенкендорфомъ пресѣклась трагическою сценою. Однажды Боголюбовъ приходитъ къ нему, ни о чемъ не догадываясь, и видитъ, что его появленіе произвело на графа сильное впечатлѣніе.

— Qu'avez vous, cher comte [1])? спрашиваетъ Боголюбовъ. Бенкендорфъ подаетъ ему какую-то бумагу и спрашиваетъ:

— Кто писалъ это?

Это была перлюстрація письма, посланнаго Боголюбовымъ къ кому-то въ Москву: онъ насмѣхался въ немъ надъ дѣйствіями правительства и называлъ самого Бенкендорфа жалкимъ олухомъ. Это письмо доставилъ графу почтъ-директоръ Булгаковъ, ненавидѣвшій автора. Боголюбовъ поблѣднѣлъ, задрожалъ и упалъ на колѣни.

— Простите минуту огорченія и заблужденія старому другу!

— Какой ты мнѣ другъ? закричалъ Бенкендорфъ. — Ордынскій! велите написать въ канцеляріи отношеніе къ военному генералъ-губернатору о высылкѣ этого мерзавца за городъ. Боголюбовъ плакалъ, рыдалъ, валялся въ ногахъ и смягчилъ приговоръ.

— Убирайся, подлецъ! сказалъ Бенкендорфъ: — чтобы твоя нога никогда не была у меня! Боголюбовъ удалился. Этотъ случай разсказанъ былъ Булгарину Ордынскимъ, секретаремъ Бенкендорфа.

Съ Уваровымъ сохранилъ онъ связь до конца своей жизни: видно, между ними были какіе-то секреты, но Уваровъ стыдился этой связи. Однажды Боголюбовъ засталъ меня за сочиненіемъ одной статьи, помѣщенной потомъ въ „Пчелѣ“, о началѣ „Сына Отечества“.

— Что же вы ее не печатаете?

— Должно прежде цензуры показать Сергію Семеновичу, сказалъ я: — потому что въ ней идетъ рѣчь о немъ, а я не сберусь идти къ нему.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе, Николай Ивановичъ, поручите это дѣло

[1]) Что съ вами, любезный графъ?

ущербъ для Жуковскаго, котораго сочиненія тогда еще не были напечатаны полнымъ собраніемъ, и, однажды заговоривъ о нихъ съ Гнѣдичемъ на обѣдѣ у графини Строгановой, назвалъ Никольскаго воромъ. Гнѣдичъ вступился за Никольскаго. Вышла побранка, едва не кончившаяся дуэлью. Никольскій, узнавъ о томъ, пересталъ печатать въ „Пантеонѣ" сочиненія Жуковскаго. Эти изступленные фанатики требовали не только признанія таланта въ Карамзинѣ, уваженія къ нему, но и самаго слѣпаго языческаго обожанія. Кто только осмѣливался судить о Карамзинѣ, видѣть въ его твореніяхъ малѣйшее пятнышко, тотъ, въ ихъ глазахъ, становился злодѣемъ, извергомъ, какимъ-то безбожникомъ. В. Л. Пушкинъ сказалъ о приверженцахъ Шишкова:

И аще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
Нашъ долгъ, о людіе, злодѣя истребить.

То же можно было сказать о противной партіи, переложивъ только первый стихъ:

И аще смѣетъ кто Карамзина судить.

Приверженцы Карамзина составили особое закрытое литературное общество подъ названіемъ Арзамаса, въ которое

мнѣ: я очень часто бываю у Сергія Семеновича и непремѣнно исполню ваше желаніе.

Я, врагъ всѣхъ министерскихъ переднихъ, согласился и отдалъ ему статью. Чрезъ недѣлю добрый и любезный Василій Дмитріевичъ Комовскій, директоръ Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія, привезъ ко мнѣ эту статью, одобренную къ напечатанію и, отдавая ее мнѣ, просилъ именемъ Уварова, не относиться къ нему чрезъ Боголюбова, а являться лично или передавать чрезъ канцелярію.

Боголюбовъ умеръ въ мартѣ 1842 года, послѣ кратковременной болѣзни, оставивъ двухъ сестеръ, престарѣлыхъ дѣвицъ, безъ всякаго пропитанія. Вѣроятно, Уваровъ не оставилъ ихъ. Я спрашивалъ у домашнихъ Боголюбова, не остались ли послѣ него книги, въ числѣ которыхъ находились многія, взятыя имъ у меня. Мнѣ отвѣчали: не осталось ничего.

И все это примерло: и Боголюбовъ, и Бенкендорфъ, и Уваровъ! Къ чему послужило воровство одному, царедворничество другому, тщеславіе и властолюбіе третьему?

принимали людей, поклявшихся въ обожаніи Карамзина и въ ненависти къ Шишкову. Каждый при вступленіи долженъ былъ прочитать похвальное слово, сатиру или что нибудь подобное въ восхваленіе идола и въ униженіе противника. Я былъ всегда ревностнымъ чтителемъ Карамзина, не по связямъ и не по духу партіи, а по искренному убѣжденію; ненавидѣлъ Шишкова и его нелѣпыхъ хвалителей и подражателей; но не налагалъ на себя обязанности кадить Карамзину безусловно и безпрестанно, и потому не только не былъ принятъ въ Арзамасъ, но и сдѣлался предметомъ негодованія и насмѣшекъ его членовъ. Приверженцы же Шишкова злились на меня за дѣйствительную мою оппозицію. Впослѣдствіи роли перемѣнились. Напримѣръ, Блудовъ, самый изступленный карамзинистъ, вѣровавшій въ „Бѣдную Лизу", какъ въ Варвару великомученицу, сдѣлался, по Министерству Просвѣщенія, товарищемъ Шишкова. Одинъ Дашковъ остался вѣренъ своему призванію. Лѣтъ чрезъ пятнадцать послѣ того, бывши товарищемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, онъ, при встрѣчѣ, спросилъ у меня:

— И вы не обратились къ Шишкову?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: — остался при прежнемъ мнѣніи. А вы, Дмитрій Васильевичъ?

— И я т-т-т-о-же. У меня два в-в-ра-га: Ш-и-ш-шковъ и т-т-урки, сказалъ онъ, заикаясь.

Воротимся къ Александру Тургеневу. Онъ былъ любимцемъ князя Голицына и служилъ очень счастливо. Этотъ добрый, но вѣтряный и мечтательный человѣкъ былъ, въ званіи директора Департамента Духовныхъ Дѣлъ, однимъ изъ секретарей Библейскаго Общества и наружнымъ приверженцемъ англійскаго мистицизма. Жилъ онъ въ верхнемъ этажѣ казеннаго дома, занимаемаго А. И. Голицынымъ (на Фонтанкѣ, насупротивъ Михайловскаго замка, гдѣ нынѣ живетъ гр. Адлербергъ). Братья Тургеневы были связаны между собою самою нѣжною любовью и жили вмѣстѣ: всѣ они были холостые. Сергѣй Ивановичъ учился, какъ и прочіе, въ Мо-

сковскомъ, а потомъ въ Геттингенскомъ Университетѣ, и, по фамильному праву Тургеневыхъ, имѣлъ мѣста и получалъ жалованье по разнымъ вѣдомствамъ: онъ былъ секретаремъ при графѣ М. С. Воронцовѣ, командовавшемъ корпусомъ, стоявшимъ во Франціи, а потомъ, между прочимъ, состоялъ при Комиссіи Составленія Законовъ. Послѣ паденія Сперанскаго (1812 г.), дѣла въ ней шли вяло и безотчетливо. Чиновники—синекюристы, не уважавшіе пустаго и подлаго своего начальника, барона Розенкампфа, раздѣлили дѣла между собою полюбовно, пописывая, каждый про себя, что ему вздумается. Сергѣй Тургеневъ писалъ проектъ Уголовнаго Устава. Однажды, лѣтомъ 1823 года, на Черной Рѣчкѣ, я засталъ его за работою и полюбопытствовалъ посмотрѣть. Составляя лѣстницу преступленій и полагаемыхъ за каждое наказаній, онъ написалъ: „№ 2. За умыселъ государственной измѣны, посягательство на особу государя и т. п., — смертная казнь. № 3. За раскаяніе въ томъ, ссылка въ Сибирь и т. д.“, вмѣсто того, чтобы сказать: „въ случаѣ раскаяніія, казнь смягчается“. Прочитавъ эти строки, я сказалъ ему мое мнѣніе. Онъ самъ разсмѣялся и сказалъ: „да я это только такъ набросалъ“. А посмотрѣвши на этихъ господъ, бывало, подумаешь: вотъ великіе, государственные люди, поднимаютъ носъ, презираютъ всѣхъ, весь родъ человѣческій, кромѣ Карамзина, Орденскаго Капитула и Государственнаго Казначейства.

Самымъ умнымъ и солиднымъ и, къ тому, наиболѣе знающимъ былъ младшій, Николай, хромой на лѣвую ногу отъ слѣдствій золотухи. И онъ учился въ Геттингенѣ, и онъ шелъ по службѣ счастливо и быстро, но онъ заслуживалъ это добросовѣстнымъ исполненіемъ своей обязанности, примѣрною дѣятельностью и благороднымъ безкорыстіемъ. Онъ былъ правителемъ дѣлъ у знаменитаго барона Штейна и пользовался его искреннею дружбою и довѣренностью; впослѣдствіи онъ былъ помощникомъ статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ. Онъ имѣлъ глубокія познанія въ финансовой наукѣ,

чему доказательствомъ служитъ его „Опытъ теоріи налоговъ“ и писалъ порусски, какъ нынѣ, конечно, никто не пишетъ. Живя и служа долго въ чужихъ краяхъ, онъ увлекся очень легко понятіями о законности, о свободѣ и равенствѣ людей, и точно помѣшался на мысли, впрочемъ, справедливой, о необходимости истребленія рабства въ Россіи [1]) и о введеніи въ ней благоустроеннаго правленія. Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ благороднаго, но пылкаго мечтателя, графа Николая Семеновича Мордвинова, одного изъ достойнѣйшихъ людей, родившихся на небогатой ими русской почвѣ. Не удивительно, что Тургенева пригласили ко вступленію въ Союзъ Благоденствія, что онъ участвовалъ въ его собраніяхъ, трудахъ и планахъ, но этотъ союзъ прекратился въ 1821 году и съ тѣхъ поръ не возобновлялся. Тургеневъ участвовалъ въ послѣдовавшихъ событіяхъ и дѣлахъ только сочувствіемъ своимъ, только выраженіемъ своихъ мнѣній и желаній, но ни словомъ, ни дѣломъ. Обвиненіе его и осужденіе его произошли отъ легкомыслія, безтолковости и — tranchons le mot — глупости Блудова, который, можетъ быть, увлекся и желаніемъ явить свое безпристрастіе—безпощадностью къ брату бывшаго его друга и сопоклонника въ храмѣ святаго Карамзина. Николай Тургеневъ былъ въ отсутствіи изъ Россіи съ весны 1824 года, слѣдственно не могъ участвовать въ дѣлахъ, происходившихъ въ 1825 году, и вообще не могъ быть уличенъ ни въ какомъ преступленіи. Братъ его, Александръ, употреблялъ всѣ средства къ его спасенію, и напрасно.

Лѣтомъ 1826 года (отличавшимся необыкновенною засухою) шелъ я въ свѣтлую полночь по Невскому проспекту. Вижу: идутъ по другую его сторону Александръ Тургеневъ и Блудовъ, взявшись подъ руки. Александръ смотритъ Блудову въ лицо съ выраженіемъ недоумѣнія, боязни и печали.

---

[1]) Онъ былъ у меня третьяго дня (27-го мая 1859 г.) и говорилъ точно то, что и въ 1816 г., когда я видѣлъ его впервые.

Блудовъ въ глубокомъ трауръ и въ плерезахъ, размахиваетъ правою рукою и говоритъ что-то съ жаромъ. Дѣло кончилось осужденіемъ Николая Тургенева къ позорной смертной казни за преступленіе, котораго онъ „не могъ“ сдѣлать. Его обвиняли въ словахъ, произнесенныхъ будто бы имъ въ 1825 году, когда онъ былъ въ чужихъ краяхъ. Винили Тургенева за то, что онъ не явился къ суду, когда его приглашали.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Я порицаю его за изданіе книги: „La Russie et les Russes“. Онъ имѣлъ все право оправдаться предъ своими соотечественниками и Европою, но долженъ былъ сдѣлать это съ простотою и благородствомъ, тономъ благороднымъ и приличнымъ. Ему повѣрили бы вполнѣ. Но онъ избралъ тонъ дерзкій, бранчливый, отзывавшійся желчью и злобою. Человѣкъ правый такъ оправдываться не долженъ. Во всемъ этомъ plaidoyer [1]) не видать ни искры чувства, любви къ отечеству, къ его страданіямъ. Въ немъ господствуетъ строгая логика предубѣжденія, которую другою логикою опровергнуть можно. И притомъ, какая односторонность! Тургеневъ полагаетъ все спасеніе Россіи отъ прекращенія крѣпостнаго права. Мнѣ кажется, что это одно намъ не поможетъ, и что, при совершенномъ разстройствѣ нравственности и недостаткѣ истинной душевной религіи, при безнравственности мелкихъ чиновниковъ нашихъ, освобожденіе дикихъ рабовъ принесетъ Россіи полное разореніе и неисчислимыя бѣдствія. Пишу эти строки 2-го іюля 1859 года. Дай Богъ, чтобы мое предчувствіе не сбылось.

Еще одно обстоятельство говоритъ противъ Тургенева. Доколѣ живъ былъ братъ его Александръ, доколѣ еще Николай не получилъ всего своего наслѣдства изъ Россіи, онъ молчалъ, но, получивъ деньгами все свое фамильное до-

[1]) Защитительной рѣчи.

стояніе, онъ заговорилъ смѣло. Прощу это всякому, только не либералу. Это я говорю по искренней совѣсти, а не по чему иному. Въ 1853 году, встрѣтился я съ Тургеневымъ въ Парижѣ, въ Rue de la Paix, подошелъ къ нему, поздоровался съ нимъ. Онъ изумился.

— Я думалъ, сказалъ онъ,—что вы не захотите узнать меня.

— А почему же нѣтъ? Я вижу въ васъ стараго знакомца, котораго всегда уважалъ, и безчестно было бы, еслибы я отъ васъ отрекся.

— А вотъ, Жуковскій, сказалъ онъ, не хотѣлъ видѣться со мною въ Женевѣ, безъ высочайшаго позволенія.

— Жуковскій иное дѣло, сказалъ я:—онъ служилъ при дворѣ, при обученіи царскихъ дѣтей, слѣдственно обязанъ былъ наблюдать отношенія, которыя меня не связываютъ.

На другой день пригласилъ онъ меня къ себѣ. Я обѣдалъ у него два раза, въ кругу милой семьи, и всячески старался образумить его насчетъ императора Николая Павловича. Когда онъ воротился въ Петербургъ въ 1856 году, первый его визитъ былъ у меня. И нынѣ, въ 1859 году, посѣтилъ онъ меня и упрекалъ, что я ничего не пишу объ освобожденіи крестьянъ. Я сказалъ ему, что считаю это дѣло важнымъ и необходимымъ, желаю и надѣюсь ему успѣха, но писать не стану, потому что не имѣю объ этомъ предметѣ достаточныхъ понятій. Кажется, онъ не былъ этимъ очень доволенъ. Онъ пріѣхалъ въ Россію, чтобы вступить во владѣніе тремя стами душъ, доставшимися ему по наслѣдству. Любопытно знать, откажется ли онъ отъ нихъ на основаніи своихъ теорій. Жаль, что Россія не пользовалась умомъ, дарованіями и познаніями этого необыкновеннаго человѣка. Онъ сдѣлался бы превосходнымъ министромъ финансовъ или юстиціи. А тамъ Вроченко, Брокъ, Панинъ! Братъ его, Сергѣй, находился въ 1825 году въ Дрезденѣ, любезномъ ему потому, что онъ былъ секретаремъ генералъ-губернатора князя Репнина. Узнавъ

объ участи, постигшей брата его, Николая, онъ сошелъ съ ума и вскорѣ умеръ.

Должно отдать полную справедливость благородству брата его Александра. Послѣ несчастія, которому подвергся Николай, онъ вышелъ въ отставку, несмотря ни на какія убѣжденія и обѣщанія. Александръ Ивановичъ Тургеневъ отправился въ чужіе края и занимался тамъ отыскиваніемъ, въ архивахъ и библіотекахъ, матеріаловъ и документовъ касательно Русской Исторіи. Онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Россію и умеръ въ Москвѣ, въ 1854 году.

Не такъ поступили другіе родственники погибшихъ въ этомъ водоворотѣ: напримѣръ, графиня Лаваль, теща князя Трубецкаго, давала пиры и балы, между тѣмъ какъ дочь ея изнывала съ благороднымъ самоотверженіемъ въ Сибири. .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .

. . . .

17) Гавріилъ Степановичъ Батеньковъ, сынъ бѣднаго офицера, служившаго въ Сибири, воспитывался въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, учился съ большимъ прилежаніемъ и былъ выпущенъ въ артиллерію. Въ 1814 году, на походѣ во Францію, командовалъ онъ въ одномъ сраженіи двумя орудіями и, окруженный многочисленнымъ французскимъ отрядомъ, защищался отчаянно, не хотѣлъ сдаваться и палъ со всею своею командою. Въ донесеніи сказано было: „потеряны двѣ пушки, со всею прислугою, отъ чрезмѣрной храбрости командовавшаго ими офицера Батенькова“. Французы, убирая мертвыя тѣла, замѣтили въ одномъ изъ нихъ признаки жизни, привели израненнаго въ чувство и отправили въ лазаретъ; это былъ Батеньковъ. Его вылечили и вскорѣ размѣняли. По возвращеніи въ Россію, не чувствуя охоты къ гарнизонной службѣ, ограничивающейся караулами и парадами, Батеньковъ перешелъ въ вѣдомство путей сообщенія; тамъ охотно приняли хорошаго математика. Онъ принялся за дѣло усердно и внимательно и вскорѣ пріобрѣлъ славу умнаго, знающаго, полезнаго, но „безпокойнаго“ человѣка, титулъ, даваемый всякому, кто не терпитъ дураковъ и мошенниковъ. Его не выгнали, а командировали въ Иркутскъ, гдѣ онъ не могъ мѣшать никому, потому что тамъ по части путей сообщеній ровно ничего не дѣлаютъ. Въ 1816 году происходила знаменитая ревизія Сибири. Сперанскій былъ посланъ туда для изслѣдованія злоупотребленій, притѣсненій и тиранствъ Пестеля, Трескина и другихъ коршуновъ, терзавшихъ нѣсколько лѣтъ эту несчастную страну. Сперанскій очутился тамъ, какъ въ лѣсу, среди дикихъ звѣрей и подлыхъ скотовъ, не зналъ, на кого положиться, кого избрать себѣ въ сотрудники. Въ числѣ представлявшихся ему лицъ, замѣтилъ онъ инженеръ-маіора путей сообщенія, явившагося къ нему съ прочими чиновниками Иркутской губерніи. Молодой человѣкъ говорилъ умно, свободно, безъ раболѣпства, и показы-

валъ совершенное знаніе тамошняго края и лицъ. Сперанскій взялъ его въ свою канцелярію и вскорѣ убѣдился, что не ошибся. Батенковъ понялъ дѣло въ совершенствѣ и вскорѣ сдѣлался правою рукою Сперанскаго. Онъ владѣлъ перомъ въ высокой степени и написалъ много проектовъ и въ томъ числѣ (замѣчательно!) „Уставъ о ссыльныхъ“.

По возвращеніи Сперанскаго въ Петербургъ и по представленіи имъ донесеній и отчетовъ своихъ въ Государственный Совѣтъ, всѣ знающіе люди изумились скорой и тщательной ихъ обработкѣ. Графъ Аракчеевъ, искавшій людей способныхъ, спрашивалъ у Сперанскаго, кто помогалъ ему. Сперанскій назвалъ Батенкова и, по просьбѣ Аракчеева, предложилъ ему вступить въ службу по военнымъ поселеніямъ. Батенковъ принялъ предложеніе съ тѣмъ, чтобы ему не давали ни чиновъ, ни крестовъ, а только положили хорошее содержаніе. Его назначили членомъ Совѣта Военныхъ Поселеній съ десятью тысячами рублей (ассигн.) жалованья. Онъ работалъ усердно и неутомимо. Аракчеевъ былъ имъ доволенъ, называлъ его: „мой математикъ“, но мало-по-малу охладѣлъ къ нему, сталъ имъ пренебрегать, обременялъ работою, не давая никакого поощренія. Батенковъ жилъ въ Петербургѣ у Сперанскаго (въ домѣ Армянской церкви), занимался науками, напримѣръ, изъясненіемъ египетскихъ іероглифовъ и изслѣдованіемъ разныхъ отраслей государственнаго управленія. Однажды прочиталъ онъ мнѣ прекрасный проектъ устройства гражданской и уголовной части, въ которомъ было много ума, начитанности, наблюдательности и ни малѣйшей собственно политической идеи, которая заставила бы подозрѣвать его въ либерализмѣ. Всѣ знали, что онъ приближенъ къ Аракчееву и пользуется его довѣренностью, а потому многіе боялись и остерегались его. Видя въ немъ человѣка умнаго, интереснаго и прямодушнаго, я обращался съ нимъ просто и находилъ большое удовольствіе въ его бесѣдѣ. Выше описалъ я сцену, бывшую у меня съ нимъ на обѣдѣ у Булгарина. Я принялъ его слова за шутку или, по

крайней мѣрѣ, за простое предположеніе безъ всякаго умысла. Но видно онъ въ то уже время сошелся съ заговорщиками, но не считалъ ихъ дѣла серьезнымъ, потому говорилъ о ихъ планахъ откровенно и свободно, не подозрѣвая ихъ противозаконности и опасности.

26-го ноября 1825 г., обѣдалъ я съ нимъ у И. В. Прокофьева и до обѣда бесѣдовалъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что ему надоѣло служить у гадины Аракчеева, что онъ выходитъ въ отставку и хочетъ посвятить себя наукамъ, занявъ гдѣ нибудь мѣсто профессора математики. Все это было сказано просто, равнодушно, безъ злобы или огорченія. Съ тѣхъ поръ до декабрскихъ дней мы съ нимъ не видались. Я простудился на похоронахъ графа Милорадовича и слегъ въ постель. Ко мнѣ пришелъ не помню кто-то изъ канцеляріи графа Милорадовича и сказалъ, между прочимъ, что взяли Батенкова. Это меня изумило до крайности. „Такимъ образомъ, сказалъ я, доберутся и до графа Аракчеева". Оказалось потомъ, что Батенковъ завербованъ былъ въ эту пагубную компанію Рылѣевымъ и увлекся своимъ воображеніемъ, нелѣпою мечтою преобразованій въ государственномъ составѣ. Онъ думалъ, что это одни предположенія, одна голословная утопія. Онъ не бывалъ на сходбищахъ и сужденіяхъ у Рылѣева[1]), и весь день 12-го декабря, когда герои бунта разсуждали объ исполненіи своего замысла, просидѣлъ въ гостяхъ у Александры Ивановны Ростовцовой, матери Якова Ивановича Ростовцова. Его обвинили въ законопротивныхъ замыслахъ и въ знаніи умысла на цареубійство и въ приготовленіи товарищей къ мятежу планами и совѣтами. Судомъ былъ онъ приговоренъ къ вѣчной каторжной работѣ, но на дѣлѣ наказанъ былъ гораздо строже, могу сказать, съ безчеловѣчіемъ. Его продержали два года въ крѣпости Швартгольмѣ и потомъ осьмнадцать лѣтъ въ казематѣ Петропавлов-

---

[1]) Показаніе о томъ въ донесеніи Слѣдственной Комиссіи (изд. въ Спб.), но тоже ложное.

ской. До вступленія въ должность шефа жандармовъ графа Орлова не давали ему ни бумаги, ни книгъ. Онъ видѣлъ только тюремщиковъ, приносившихъ кушанье, всегда по-двое, чтобы кто нибудь съ нимъ не заговорилъ. Въ первые четыре года онъ несказанно мучился, а потомъ попривыкъ и въ немногіе часы, которые проводилъ на воздухѣ въ маленькомъ садикѣ, разведенномъ по распоряженію человѣколюбиваго М. Я. фонъ-Фока среди Алексѣевскаго равелина, копался въ землѣ, какъ-то добылъ ростокъ яблони, посадилъ его въ землю и жилъ до того, что ѣлъ съ него яблоки.

Въ 1844 году дали ему газеты. . . . .

. . . . Кто помогъ Батенькову въ его ужасномъ положеніи? Комендантъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ, простой русскій человѣкъ, выслужившійся изъ солдатъ, вѣкъ не говорившій пофранцузски. Онъ при одномъ случаѣ напомнилъ государю о бѣдномъ Батеньковѣ и наконецъ добился, что его освободили изъ крѣпости и отослали на поселеніе въ Томскую губернію. Въ заключеніи своемъ онъ разучился было говорить, хотя и привыкъ мыслить вслухъ. Онъ забылъ нѣкоторыя обыкновенныя слова, напримѣръ: тараканъ! Въ 1856 году былъ онъ прощенъ вмѣстѣ съ прочими и поселился въ Калугѣ. Въ нынѣшнемъ (1859) году пріѣхалъ въ Петербургъ, и я имѣлъ несказанное удовольствіе съ нимъ свидѣться. Онъ сохранилъ свой умъ, простой и твердый, но сдѣлался тише и молчаливѣе; о несчастіи своемъ говоритъ скромно и великодушно и не жалуется, видя во всемъ неисповѣдимую волю Божію. Не понимаю, какъ могли поступить съ нимъ такъ несправедливо

*

и жестоко! Николай Павловичъ не былъ жестокосердъ. Бенкендорфъ и Дубельтъ—люди добрые: за что же бѣдный Батеньковъ пострадалъ болѣе другихъ? Недоумѣваю. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

18) Баронъ Владиміръ Петровичъ Штейнгель, воспитанный, сколько мнѣ извѣстно, въ Морскомъ Корпусѣ, былъ человѣкъ умный и нѣсколько лѣтъ служилъ правителемъ Канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, графа Тормасова, пользовался его довѣренностью и, какъ слышно было, употреблялъ ее во зло. По смерти графа, онъ былъ уволенъ отъ службы и потомъ никакъ не могъ добиться опредѣленія куда либо. Онъ попалъ въ разрядъ тѣхъ, при имени которыхъ въ тайномъ государевомъ реестрѣ помѣчено было: „не давать ходу". Напрасны были всѣ его старанія и просьбы, напрасны всѣ ходатайства и представительства. Негодованіе и безпокойства довели Штейнгеля до отчаянія. Тогда познакомился онъ съ Рылѣевымъ и, узнавъ о замыслахъ либераловъ, присталъ къ нимъ; послѣдствіемъ была ссылка въ Сибирь. Онъ выжилъ время своего заточенія и теперь живетъ въ Петербургѣ, у сына своего, полковника Генеральнаго Штаба, человѣка, сколько я слышалъ, хорошаго и достойнаго.

19) Князь Иванъ Александровичъ Одоевскій, корнетъ Конной гвардіи, молодой мальчикъ, миловидный, любезный, но видно безхарактерный и начитавшійся вздорныхъ книгъ, былъ вовлеченъ въ Рылѣевскую шайку, вѣроятно самъ не зная какъ, присутствовалъ 12-го и 13-го декабря на совѣщаніяхъ у Рылѣева и игралъ тамъ донъ-кихотскую роль. 14-го декабря, смѣнившись съ внутренняго караула во дворцѣ, отправился онъ съ командою въ казармы, присягнулъ

новому государю въ полковой церкви, потомъ переодѣлся и пошелъ на площадь. Онъ ѣздилъ, въ концѣ ноября, въ Москву и, возвращаясь оттуда, встрѣтился на одной станціи съ Магницкимъ, ѣхавшимъ поневолѣ въ Казань, бесѣдовалъ съ нимъ и потомъ разсказывалъ мнѣ очень забавно объ этой встрѣчѣ. Я не замѣчалъ въ Одоевскомъ ни малѣйшей наклонности къ тому, что вскорѣ потомъ случилось. Дальнѣйшихъ судебъ его не знаю.

20) Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, бывшій адъютантомъ почтеннаго генерала Карла Ивановича Бистрома, молодой человѣкъ, благородный, умный, образованный, любезный, пылкаго характера и добрѣйшаго сердца, увлеченъ былъ въ омутъ Рылѣевымъ и погибъ. Онъ выжилъ срокъ заточенія въ Сибири, получилъ прощеніе и живетъ теперь въ Калугѣ. Я не знаю его коротко, но встрѣчался съ нимъ въ обществахъ и не могъ имъ налюбоваться. По словамъ лицъ, знающихъ его, и именно Я. И. Ростовцова, Россія много въ немъ потеряла.

21) Петръ Александровичъ Мухановъ, гвардіи офицеръ, образованный и неглупый добрякъ, любезный въ обществѣ, забавникъ и шутникъ, извѣстный въ своемъ кругу подъ кличкою „ротмистра Галла“, запутался въ тенетахъ, вѣроятно, и самъ того не зная. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

22) Александръ Осиповичъ Корниловичъ, штабсъ-капитанъ Генеральнаго Штаба, добрый, образованный, любезный человѣкъ, занимался съ успѣхомъ литературою и особенно Русскою Военною Исторіею, участвовалъ въ переводѣ на русскій языкъ „Исторіи войны 1812 года“ Бутурлина. Издалъ онъ также очень хорошій альманахъ, подъ заглавіемъ „Русская Старина“ и пр. Онъ попался въ эту исторію, какъ куръ во щи. У него была страсть знакомиться и бывать въ знатныхъ домахъ, въ кругу блистательной аристократіи: у графини Ла-

валь, у Лебцельтерна (австрійскаго посланника) и пр. Въ концѣ 1825 года, отправился онъ въ полуденную Россію, кажется, для свиданія съ матерью, и привезъ во Вторую армію поклоны отъ разныхъ лицъ въ Петербургѣ и письма Муравьевымъ, Пестелямъ и прочимъ. Тамъ приняли его за участника въ либеральныхъ замыслахъ и дали ему порученія въ Петербургъ. Самолюбіе не позволило ему признаться, что онъ не состоитъ въ сообществѣ съ сіятельными либералами. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ утромъ 12-го декабря и явился прежде всего къ Булгарину, который принялъ „отца Корнилу", какъ звалъ его, съ радушіемъ, предложилъ остаться обѣдать и жить у него въ домѣ. Корниловичъ отказался небходимостью развезть разныя порученія Муравьева и другихъ по знатнымъ домамъ, обѣщалъ пріѣхать вечеромъ, но не сдержалъ слова и остановился у пріятеля своего, Генеральнаго Штаба полковника Галямина. На третій день (14-го декабря), отправляясь утромъ со двора, онъ отдалъ Галямину письмо на имя своей матери и просилъ переслать къ ней. Поднялась исторія. Галяминъ, догадываясь, что Корниловичъ въ толпѣ, бросилъ письмо въ каминъ. За это онъ былъ переведенъ въ гарнизонъ. Корниловичъ подпалъ общей участи: въ пятомъ разрядѣ онъ былъ приговоренъ въ пятнадцати-лѣтней каторжной работѣ, но года черезъ три переведенъ былъ солдатомъ въ кавказскій корпусъ: тамъ успѣлъ онъ службою на дѣлѣ доказать свои познанія и хорошія качества, былъ отличенъ начальниками и представленъ къ производству въ офицеры, но умеръ, не дождавшись того, въ Царскихъ Колодцахъ.

12-го декабря Булгаринъ пришелъ ко мнѣ и, съ большою пощадою моему авторскому самолюбію, сказалъ, что я жаркою статьею о смерти Александра I повредилъ „Пчелѣ" (тогда шла подписка на 1826 годъ), и что, по словамъ Корниловича, „toute la seconde armée en est indignée" [1]). Я от-

---

[1]) И что вся Вторая армія въ негодованіи на нее.

вѣчалъ, что Корниловичъ судитъ такъ по словамъ какого либо взбалмошнаго фанфарона и аристократа, что статья моя понравилась всей русской публикѣ, которую я знаю вполнѣ, а мнѣніями этихъ либеральныхъ шутовъ не дорожу нимало. Корниловичъ былъ искреннимъ другомъ Петра Муханова; они жили вмѣстѣ и вмѣстѣ погибли!

23) Константинъ Петровичъ Торсонъ,—капитанъ-лейтенантъ, серьезный и достойный человѣкъ, искусный и ученый морякъ. Онъ сдѣлалъ много полезныхъ перемѣнъ и приспособленій въ устройствѣ такелажа военныхъ кораблей, которыя заслужили одобреніе морскаго начальства. Въ 1821 году онъ былъ лейтенантомъ на кораблѣ, на которомъ великій князь Николай Павловичъ, съ супругою, отправился въ Пруссію. Онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе великаго князя и пошелъ бы далеко, еслибы не оступился. Вѣроятно, Николай Бестужевъ пригласилъ его въ ненавистную шайку. Гдѣ была у васъ совѣсть, Николай Александровичъ? Впрочемъ, эти несчастные слѣпцы считали свое дѣло справедливымъ и святымъ и, заманивая легкомысленнаго добряка въ свои губительныя тенета, думали и говорили, что посвященіемъ въ свои тайны дѣлаютъ ему честь. У Торсона была престарѣлая мать и предостойная сестра. Государь назначилъ имъ въ пенсію жалованье, которое получалъ Торсонъ. По смерти матери, сестра его, Катерина Петровна, высокая, статная дѣвица, умная и миловидная, отправилась въ Сибирь къ брату. Не знаю, что̀ сталось съ ними. Многіе думали, что она тамъ выйдетъ за Николая Бестужева.

24) Николай Романовичъ Цебриковъ, — поручикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, жертва случая. Онъ стоялъ съ батальономъ своего полка за городомъ, кажется, въ Гостилицахъ, и, ничего не зная, пріѣхалъ 14-го декабря въ Петербургъ, чтобы погулять на праздникахъ съ товарищами полка, стоявшаго на Васильевскомъ Островѣ. Подъѣхавъ отъ Синяго моста къ конногвардейскому манежу и видя толпу народа, онъ выскочилъ изъ саней и спросилъ, что̀ случилось. Вдругъ

*

видитъ, бѣжитъ мимо манежа на Сенатскую площадь Гвардейскій экипажъ; впереди офицеры съ обнаженными саблями. Цебриковъ зналъ многихъ изъ нихъ, потому что родной его братъ служилъ въ экипажѣ. Онъ закричалъ имъ: „Куда васъ чортъ несетъ, карбонары!“ Это подслушалъ какой-то квартальный и донесъ, что Цебриковъ кричалъ: „Въ каре противъ кавалеріи!“ Обвиненіе было такъ ложно и такъ нелѣпо, что Цебриковъ оправдывался въ немъ предъ Слѣдственною Комиссіею съ негодованіемъ. Оправданіе назвали упрямствомъ и дерзостію: онъ былъ причисленъ къ двадцатому (самому легкому) разряду и приговоренъ къ разжалованію въ солдаты съ выслугою. По внушенію взбалмошнаго Дибича, государь усилилъ наказаніе разжалованіемъ безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства . . . .

. . . .

. . . . Цебриковъ былъ сосланъ на Кавказъ, служилъ тамъ тридцать лѣтъ, получилъ солдатскій Георгіевскій крестъ, теперь прощенъ и доживаетъ грустный вѣкъ въ Петербургѣ.

25) Николай Петровичъ Рѣпинъ, штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, былъ человѣкъ умный, образованный, кроткій нравомъ, пользовался уваженіемъ своихъ товарищей, а больше о немъ я не знаю; видѣлъ его только однажды у моего брата, въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ.

26) Михаилъ Лунинъ, подполковникъ—вздорный человѣкъ, который громогласно проповѣдывалъ революціи и мятежи. Я видалъ его часто въ домѣ Екатерины Ѳеодоровны Муравьевой. Однажды, за большимъ обѣдомъ, онъ съ младшими гостями (въ томъ числѣ былъ и я) сидѣлъ за отдѣльнымъ столомъ и громко вралъ напропалую. Послѣ обѣда по-

дошелъ къ нему Карамзинъ и съ усмѣшкою просилъ продолжать. Лунинъ отвѣчалъ новыми вздорами, къ забавѣ и потѣхѣ гостей. Думаю, что либералы не удерживали его отъ неблагоразумныхъ и дерзкихъ рѣчей, чтобы обратить на него вниманіе правительства и прикрыть тѣхъ, которые меньше говорили, а больше дѣйствовали. Врядъ ли этотъ пустомеля былъ въ заговорѣ.

27) Иванъ Александровичъ Анненковъ, кавалергардскій поручикъ, интересенъ по одному романическому эпизоду въ его жизни. Онъ былъ въ связи съ какою-то молодою француженкою, Жюстиною, помнится, швеею изъ моднаго магазина. За мѣсяцъ до 14-го декабря, наканунѣ отъѣзда по какимъ-то дѣламъ въ Москву, сидѣлъ онъ у ней вечеромъ въ глубокомъ раздумьѣ. Она спросила у него о причинѣ такого унынія.

— Скучно мнѣ, сказалъ онъ:—у меня нѣтъ ни одного друга. Случись со мной какое либо несчастіе, меня всѣ покинутъ. А теперь ухаживаютъ за мною только потому, что я богатъ.

— Ошибаешься, другъ мой! сказала Жюстина съ жаромъ:— у тебя есть вѣрный другъ — это я.

— Да, возразилъ онъ:—пока я въ счастіи, а случись со мною что либо...

— А что такое?

— Если, напримѣръ, меня лишатъ всего и сошлютъ въ Сибирь.

— Я тебя не оставлю, поѣду съ тобой, буду все дѣлить, буду работать за тебя, докажу, что люблю тебя искренно и безкорыстно.

Эти слова тронули Анненкова: онъ далъ ей на другой день запись на 50 т. р., облеченную въ законную форму. Разразилась буря. Анненковъ привезенъ былъ изъ Москвы въ Петропавловскую Крѣпость, осужденъ на вѣчную каторгу (по второму разряду), смягченную на двадцать лѣтъ. Лишь только голодные французскіе авантюристы въ Петербургѣ провѣдали, что у

мамзель Жюстины пятьдесятъ тысячъ рублей приданаго, они, по закону: elle gagne à être connue, бросились къ ней съ жаркими изъявленіями пылкой страсти. Она отринула всѣ предложенія, отправилась въ Москву, встрѣтила государя на улицѣ, бросилась предъ нимъ на колѣни и молила о дозволеніи ѣхать въ Сибирь за Анненковымъ, чтобы тамъ выдти за него замужъ. Просьба ея была принята. Она поѣхала въ Сибирь, обвѣнчалась съ Анненковымъ и жила съ нимъ въ мирѣ и согласіи. Сколько времени продолжалась эта связь, живы ли они еще — не знаю, но подвигъ французской работницы заслуживаетъ воспоминанія и уваженія [1]).

---

[1]) Г. Леонидъ Грове (Русскій Вѣстникъ, 1868 г., XII, стр. 703) объясняетъ иначе этотъ эпизодъ изъ жизни Ивана Александровича Анненкова: „Разсказъ г. Греча объ Анненковыхъ положительно невѣренъ, и я считаю долгомъ возстановить истину относительно этихъ лицъ, которыхъ имѣю честь хорошо знать (И. А. Анненковъ служитъ теперь Нижегородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства). Невѣста Анненкова, упоминаемая Гречемъ, была дочь французскаго полковника Жоржа Гебль (Geuble), убитаго въ Испаніи гверильясами, 23-го октября 1809 г. И. А. Анненковъ никогда не давалъ ей записи на 50,000 р., какъ говоритъ г. Гречъ. Во время ареста, въ портфелѣ его дѣйствительно было 60,000 р., которые взялъ одинъ изъ его родственниковъ, и уже потомъ, вслѣдствіе просьбы, поданной г-жею Анненковой изъ Сибири (самъ Анненковъ былъ лишенъ права подавать прошенія), деньги эти были возвращены Анненковымъ, по повелѣнію императора Николая Павловича. При ссылкѣ же Анненкова въ Сибирь, г-жа Гебль продала свои шали для того, чтобы купить ему все необходимое для дальнѣйшей и трудной дороги. По отъѣздѣ Анненкова въ Сибирь, она подала императору, который находился тогда въ Вязьмѣ, просьбу о дозволеніи слѣдовать за своимъ женихомъ, съ тѣмъ, чтобы выйти за него замужъ. Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ на просьбу г-жи Гебль, покойный императоръ прислалъ ей 3,000 р. изъ собственныхъ денегъ. Съ этою суммою она отправилась въ путь.

„Вотъ подвигъ г-жи Анненковой. Во имя своей безкорыстной любви, она принесла въ жертву молодость, спокойствіе, обольщеніе свѣта. Въ ея душѣ еще живы были воспоминанія о свѣтломъ небѣ Франціи, о роскоши всемірной столицы, о любимомъ братѣ (братъ г-жи Анненковой живъ и теперь; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ былъ комендантомъ Безансона); но она ни минуты не колебалась оставить все,—даже надежду увидать

28) Другой подвигъ самоотверженія женскаго, но выше, благороднѣе, святѣе прежняго, усладилъ послѣдніе годы одного достойнаго человѣка, сгубленнаго сумасбродами и негодяями. Ротмистръ Василій Петровичъ Ивашевъ, адъютантъ графа Витгенштейна, сынъ богатаго симбирскаго помѣщика, пользовался во Второй арміи репутаціею самаго благороднаго человѣка. Онъ былъ въ дружбѣ съ Пестелемъ, Муравьевымъ и другими героями заговора, зналъ многое, но не рѣшался донести. И при слѣдствіи онъ постоянно удерживался отъ всякихъ показаній на бывшихъ своихъ товарищей. Жестокая судьба постигла его: онъ былъ приговоренъ (по второму разряду) къ вѣчной каторгѣ и безмолвно подвергся своей участи. До того времени бывалъ онъ въ отпуску въ деревнѣ у замужней сестры своей, Елисаветы Петровны Языковой, которая имѣла при дѣтяхъ француженку Ледантю, женщину пожилую, съ дочерью. Молодая дѣвица почувствовала весьма понятное влеченіе къ блистательному аристократу, молодцу и любезному, но, чувствуя, какое пространство ихъ раздѣляетъ, затаила рождающуюся страсть въ глубинѣ своего сердца. Вдругъ этотъ гвардейскій офицеръ, будущій генералъ, превратился въ бѣднаго каторжника, отверженнаго обществомъ. Не размышляя долго, она объявила и матери своей, и Е. П. Языковой, что намѣрена раздѣлить участь любимаго ею человѣка, ѣхать въ Сибирь, выйти за него замужъ и стараться нѣжною, благородною любовью смягчить его страданія. Написали къ Ивашеву. Онъ принялъ предложеніе съ восторгомъ, потому что и самъ питалъ къ этой дѣвицѣ глубокое уваженіе и сердечную склон-

---

снова дорогую отчизну. Она пошла за своимъ женихомъ, за человѣкомъ, отъ котораго въ то время отвернулись всѣ близкіе, въ тундры Сибири, занесенныя снѣгомъ вѣчной зимы, одѣтыя ночью, мракъ которой озаряется только лучами сѣвернаго сіянія. Она дѣлила съ нимъ его лишенія, труды, страданія. Ея нѣжная заботливость спасла его. Подобная любовь, къ сожалѣнію, такъ рѣдко встрѣчается въ мірѣ, что большинство людей не въ состояніи понять ее и смотрятъ на нее съ недовѣріемъ“.

ность. По испрошеніи соизволенія государя, дѣвица отправилась въ Сибирь и обвѣнчалась съ избраннымъ другомъ. Бракъ былъ самый счастливый, но, какъ всякое счастіе въ жизни, не долгій. Они имѣли троихъ дѣтей. Мать скончалась въ родахъ съ послѣднимъ. Ровно черезъ годъ, и Ивашевъ послѣдовалъ за нею. У насъ, говорятъ, нѣтъ благородныхъ и трогательныхъ предметовъ для составленія романа. А этотъ случай! Но кстати ли описаніе такихъ чувствъ и дѣлъ благости и великодушія въ нынѣшнемъ омутѣ литературы нашей, среди картинъ разврата, нечестія и разгара подлыхъ страстей!

29) Александръ Өедоровичъ фонъ-деръ-Бригенъ, полковникъ Измайловскаго полка, человѣкъ самый благородный, добрый, умный, воспитанный, сдѣлался невинною жертвою дружескихъ связей. Онъ былъ обвиненъ въ томъ единственно, что сообщилъ князю Трубецкому въ Кіевѣ о дерзкихъ фанфаронадахъ Якубовича, который хвастался, что хочетъ убить Александра I. Кто-жъ не зналъ объ этихъ донъкихотскихъ выходкахъ отъявленнаго негодяя! Въ то время жалобы на правительство возглашались громко. Всѣ желали перемѣны, но, не надѣясь на великаго князя Константина Павловича и не понимая характера Николая, предавались всякимъ предположеніямъ и мечтаніямъ. Еслибы сослать всѣхъ тѣхъ, которые слышали о сумасбродныхъ замыслахъ и планахъ того времени, не нашлось бы мѣста въ Сибири. Меня перваго слѣдовало бы сослать въ Нерчинскъ, а Булгарина, конечно, и далѣе. Эти вольные разговоры, пѣніе не революціонныхъ, а сатирическихъ пѣсенъ и т. п., было дѣло очень обыкновенное, и никто не обращалъ на то вниманія. Однажды Булгаринъ (тогда еще холостой) давалъ намъ ужинъ. Собралось человѣкъ пятнадцать. Послѣ шампанскаго, давай читать стихи, а тамъ и пѣть Рылѣевскія пѣсни. Не всѣ были либералы, а всѣ слушали съ удовольствіемъ и искренно смѣялись. Помню анти-либерала Василья Николаевича Берха, какъ онъ заливался смѣхомъ. Только Булгаринъ выбѣгалъ

иногда въ другую комнату. На слѣдующій день прихожу къ Булгарину и вижу его разстроеннымъ, больнымъ, въ большомъ смущеніи. Онъ струсилъ этой оргіи и выбѣгалъ, чтобы посмотрѣть, не взобрался ли на балконъ (это было въ первомъ этажѣ дома) квартальный, чтобы подслушать, что читаютъ и поютъ. У него всегда чесалось за ухомъ при такихъ случаяхъ: онъ не столько либеральничалъ, какъ принималъ сторону поляковъ. Сверхъ того, предостерегалъ его Сенковскій.

Фонъ-деръ-Бригенъ дожилъ до прощенія и прошедшею зимою (1858—1859 г.) пріѣхалъ въ Петербургъ. Я увидѣлъ его у Ѳ. Н. Глинки и душевно ему обрадовался. Онъ, разумѣется, устарѣлъ, но сохранилъ прежнюю миловидность, кротость и любезность. Фонъ-деръ-Бригенъ умеръ скоропостижно отъ холеры 27-го іюня 1859 г. Онъ жилъ у дочери своей, Любови Александровны Гербель. Послѣдніе дни жизни были услаждены свиданіемъ съ другомъ его, Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ.

30) Краснокутскій, оберъ-прокуроръ Сената, человѣкъ добрый и благородный, былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ заговорщиковъ и, вѣроятно, слышалъ вздорныя ихъ рѣчи. 13-го декабря искалъ онъ партіи въ вистъ; пріѣхалъ къ князю Трубецкому и, узнавъ, что онъ у Рылѣева, отправился туда, нашелъ большую компанію въ изступленіи, догадался, что они замышляютъ недоброе, хотѣлъ было донести правительству, но одумался, счелъ предпріятія ихъ несбыточными, уѣхалъ домой и легъ спать. Онъ попался въ восьмой разрядъ, лишенъ былъ дворянства съ ссылкою на поселеніе и умеръ, сколько я слышалъ, въ Якутскѣ. Въ послѣдніе годы жизни, онъ лишился употребленія ногъ.

31) Оржицкій, отставной штабсъ-ротмистръ, побочный сынъ Петра Кирилловича Разумовскаго, весельчакъ и большой хлѣбосолъ, кормилъ и поилъ пріятелей своихъ, не обращая вниманія на ихъ пустыя рѣчи, и поплатился за то разжалованіемъ въ солдаты, съ лишеніемъ дворянскаго достоинства. Онъ давно возвращенъ въ Петербургъ.

Повторяю, что въ этомъ спискѣ, въ этомъ очеркѣ лицъ, участвовавшихъ въ происшествіяхъ 14-го декабря 1825 года, ограничился я только тѣми, которыхъ зналъ лично или по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ. Прочіе изъ преданныхъ суду были офицеры гвардіи и арміи, моряки и немногіе гражданскіе чиновники, всего сто двадцать пять человѣкъ. Пострадали еще нѣкоторые другіе, невиновные, но прикосновенные къ дѣлу, въ томъ числѣ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, Демьянъ Александровичъ Искрицкій: эти были или выписаны изъ гвардіи въ армію, или отставлены отъ службы, или же удалены изъ столицы, нѣкоторые на службу въ губерніяхъ. Сколько именно въ числѣ подсудимыхъ и пострадавшихъ было дѣйствительно виновныхъ, извѣстно одному Богу; мы же, свидѣтели этихъ происшествій, пріятели и знакомые многихъ изъ сихъ лицъ, знаемъ, что въ числѣ ихъ много было людей совершенно невинныхъ, погибшихъ отъ злобныхъ навѣтовъ, отъ гордости и упрямства, съ какимъ они отвѣчали на несправедливыя обвиненія, отъ неосторожности, отъ случайности. Удивительно еще, какъ не погибло большее число жертвъ, какъ уцѣлѣлъ пишущій эти строки: спасеніемъ своимъ обязаны они не безпристрастію и справедливости слѣдователей, а праводушію и благородству нѣкоторыхъ подсудимыхъ, которые отстояли ихъ. Эта смѣсь противоборствующихъ стихій, добра и зла, ума и глупости, дерзости и трусости, утонченнаго образованія съ грубымъ невѣжествомъ, истины съ ложью, правды съ обманомъ, сопровождаемая фанфаронствомъ и худо понимаемымъ благородствомъ, увлекла въ бездну гибели значительное число прекрасныхъ, добрыхъ юношей, подававшихъ самыя свѣтлыя надежды. Ослѣпленіе и самонадѣянная спѣсь коноводовъ этого безтолково-преступнаго дѣла были таковы, что они думали сдѣлать большую честь, оказать истинное участіе, даже благодѣяніе людямъ, которыхъ допускали въ свой кругъ, въ преддверіе Сибири, если не на ступени эшафота. Еще замѣчательно, что большая часть ревнителей свободы и ра-

венства, правъ угнетеннаго народа, сами были гордые аристократы, надутые чувствомъ своей породы, знатности и богатства, смотрѣли съ оскорбительнымъ презрѣніемъ на людей незнатныхъ и небогатыхъ, которыхъ не видѣли у себя въ передней (съ фразой: qu'est ce que c'est que cet homme? On ne le voit nulle part [1]), и въ то же время удостоивали своимъ вниманіемъ, благосклонностью и покровительствомъ отребіе человѣчества. Впрочемъ, мы видимъ это сплошь и рядомъ. Всякій сановникъ, особливо происходящій отъ побочной линіи знатнаго дома, смотритъ свысока на скромныхъ и достойныхъ тружениковъ, едва удостоиваетъ ихъ словомъ и обращаетъ свое нѣжное и сочувственное вниманіе на гаеровъ и шутовъ. Въ числѣ заговорщиковъ и ихъ сообщниковъ не было ни одного не дворянина, ни одного купца, артиста, ремесленника или выслужившагося офицера и чиновника. Все потомки Рюрика, Гедимина, Чингисъ-Хана, по крайней мѣрѣ, бояръ и сановниковъ, древнихъ и новыхъ. Это обстоятельство очень важно: оно свидѣтельствуетъ, что въ то время возставали противъ злоупотребленій и притѣсненій именно тѣ, которые менѣе всѣхъ отъ нихъ терпѣли; что въ этомъ мятежѣ не было на грошъ народности; что внушенія къ этимъ глупо-кровавымъ затѣямъ произошли отъ книгъ нѣмецкихъ и французскихъ, отчасти плохо и безтолково переводимыхъ; что эти замыслы были чужды русскому уму и сердцу и, въ случаѣ успѣха, не только не составили бы счастія народа, но подвергли бы его игу, несравненно тягчайшему прежняго, и предали бы всю Россію бѣдствіямъ, о какихъ нельзя составить себѣ понятіе.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

---

[1]) Что это за человѣкъ? Его не видать нигдѣ.

*

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

„Шальной“ Булгаринъ.—Менджинскіе.—Искрицкіе.— Амуръ въ трико. — Преслѣдованіе со стороны цесаревича.—„Великодушіе русскаго офицера“. — Переходъ Булгарина во французскую службу.—Переходъ Наполеона чрезъ Березину.—Плѣненіе Булгарина Коломбомъ.—Встрѣча съ Кошкулемъ.—Возвращеніе въ Россію. — Амнистія поляковъ. — Процессы Тышкевича и Парчевскаго.—Знакомство Ѳ. В. Булгарина съ Н. И. Гречемъ.—Либеральныя вѣянія.—Булгаринъ двадцатыхъ годовъ.—Вліяніе на него сутяжничества.—Характеристика Булгарина. — Занятіе его литературою.—„Оды Горація“.—„Сѣверный Архивъ“.—„Волшебный фонарь“.—„Сѣверная Пчела“. — Романы Ѳ. В. Булгарина.—Отношенія его къ своимъ сотрудникамъ. — Ссора его съ Полевымъ. — Раздоръ съ Пушкинымъ.—Авторъ подметныхъ писемъ. — Исторія ареста трехъ литераторовъ, вслѣдствіе ихъ взаимной полемики.—Взятки и шпіонство Булгарина.—Ордынскій и Булгаринъ.—Столкновеніе Булгарина съ Искрицкими.—Отношенія Греча и Булгарина по „Сѣверной Пчелѣ“.—А. Ѳ. Воейковъ.—Отношеніе его къ Протасовымъ.—Покровительство Воейкову со стороны Жуковскаго и его партіи.—Воейковъ сотрудникъ Греча.—Блудовъ и Воейковъ.—Александра Андреевна Воейкова.— Ея поклонники и сторонники. — Продѣлки и доносы Воейкова. — Исторія юбилея И. А. Крылова.—Отстраненіе отъ него Н. И. Греча.—Отношенія Греча къ графу Уварову.

Замѣчено и какъ бы принято въ литературѣ, что бранятъ писателя, когда онъ находится въ живыхъ, пока онъ дѣйствуетъ на своихъ современниковъ, на соперниковъ, на враговъ. По смерти же выставляютъ обыкновенно хорошія его стороны, забываютъ слабости, прощаютъ его ошибки, промахи, даже дѣла непохвальныя. Замѣчательно, что Ѳ. В. Булгарину выпала противоположная участь: при жизни, одни его хва-

лили, другіе терпѣли, третьи ненавидѣли; многіе спорили, бранились съ нимъ, но безусловно его не поносили, развѣ въ ненапечатанныхъ эпиграммахъ. Видно, боялись его колкаго, неумолимаго пера. Но по смерти сдѣлался онъ предметомъ общей злобы и осмѣянія. Люди, которые не годились бы къ нему въ дворники, ругаютъ и поносятъ его самымъ безпощаднымъ, безсовѣстнымъ образомъ. Въ некрологѣ Календаря на 1860 годъ напечатанъ былъ о Булгаринѣ отнюдь не хвалебный, но довольно безпристрастный отзывъ: эта статья подверглась насмѣшкамъ и брани. Что могло бы быть виною этого явленія? Повторяю: мертваго льва уже не боялись собаченки. Исполню долгъ чести и правды, составивъ описаніе его жизни, дѣлъ и характера.

Волею и неволею былъ я въ продолженіе долгаго времени въ тѣсныхъ съ нимъ сношеніяхъ: буду говорить о немъ сущую правду, не скрою темныхъ сторонъ его жизни и характера, его слабостей и недостатковъ, но въ то же время отдамъ справедливость тому, что было въ немъ хорошаго, и опровергну клеветы, взведенныя на него завистью, злобою и мстительностью. Буду принужденъ коснуться и нѣкоторыхъ другихъ лицъ и постараюсь исполнить возложенную на меня обязанность со всевозможнымъ безпристрастіемъ и пощадою. Буду говорить и о себѣ сколь можно равнодушнѣе и правдивѣе. Впрочемъ, обстоятельства, въ которыя я долженъ входить, извѣстны всѣмъ, и, говоря о нихъ явно, я не нарушаю никакой тайны.

Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ (Thaddeus Bulharyn) родился 24-го іюня 1789 г., въ Виленской или Минской губерніи. Отецъ его, рьяный республиканецъ, извѣстный въ округѣ своемъ подъ именемъ шальнаго (szalony) Булгарина, въ пылу польской революціи (1794 г.), убилъ (не въ сраженіи) русскаго генерала Воронова и былъ сосланъ на жительство въ Сибирь. Жена его, сколько могу судить по преданіямъ, женщина добрая и почтенная, отправилась съ сыномъ своимъ, Ѳаддеемъ, въ Петербургъ и успѣла помѣстить его въ Сухо-

путный (что нынѣ первый) Кадетскій Корпусъ, который былъ уже не тѣмъ, что подъ начальствомъ графа Ангальта, но сохранялъ еще остатки и преданія прежняго своего достоинства. Мужъ ея, Венедиктъ, возвращенъ былъ на родину императоромъ Павломъ и вскорѣ умеръ. Вдова его вышла замужъ за какого-то Менджинскаго и имѣла съ нимъ сына и дочь. Сынъ служилъ въ русской арміи, честно и храбро, былъ израненъ, жилъ потомъ въ отставкѣ и умеръ въ тридцатыхъ годахъ. Дочь, Антонина Степановна, была въ молодости красавицею. Мать, имѣя процессъ въ Сенатѣ, привезла ее съ собою въ Петербургъ. Здѣсь влюбился въ нее сенатскій секретарь Александръ Михайловичъ Искрицкій и женился на ней. Онъ имѣлъ сыновей Демьяна, Александра и Михаила, о которыхъ пойдетъ рѣчь впослѣдствіи.

Ѳаддей, нареченный симъ именемъ при крещеніи въ честь Костюшки, учился въ корпусѣ очень хорошо и смолоду оказывалъ большія способности. По экзамену слѣдовало бы ему выйти въ артиллерію или въ генеральный штабъ, но цесаревичъ Константинъ Павловичъ, по особому благоволенію къ полякамъ, которые потомъ заплатили ему за это благоволеніе попольски, взялъ его въ свой уланскій полкъ, который, вскорѣ послѣ того, сдѣланъ былъ гвардейскимъ.

Булгаринъ былъ принятъ во многихъ хорошихъ домахъ Петербурга, особенно въ польскихъ, и, какъ и вся тогдашняя молодежь, велъ жизнь разгульную и буйную. Съ полкомъ своимъ онъ былъ въ походахъ 1805, 1806 и 1807 годовъ и, хотя впослѣдствіи разсказывалъ мнѣ о своихъ геройскихъ подвигахъ, но, по словамъ тогдашнихъ его сослуживцевъ, между прочимъ генерала Іоселіана, храбрость не была въ числѣ его добродѣтелей: частенько, когда наклевывалось сраженіе, онъ старался быть дежурнымъ по конюшнѣ. Однако, онъ былъ сильно раненъ въ животъ при Фридландѣ и лежалъ нѣсколько недѣль въ кенигсбергскомъ лазаретѣ. Тамъ свидѣлся онъ со многими поляками, служившими въ арміи Наполеона: они приглашали его перейти къ французамъ.

Булгаринъ отвѣчалъ имъ: „Теперь было бы безчестно сдѣлать это. Дайте срокъ: заключатъ миръ, 1-го сентября подамъ въ отставку и прикачу къ коханымъ“.

По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, наскучила ему однообразная гарнизонная служба. Онъ отправлялъ ее нерадиво и своевольно. Однажды, въ дежурство по эскадрону въ Стрѣльнѣ, онъ махнулъ, безъ спросу, въ Петербургъ, чтобы потѣшиться въ публичномъ маскарадѣ, заѣхалъ къ одному товарищу, адъютанту цесаревича, жившему въ Мраморномъ дворцѣ, нарядился амуромъ въ трико, накинулъ на себя форменную шинель, надѣлъ уланскую шапку и спускался по задней лѣстницѣ. Вдругъ увидѣлъ предъ собою цесаревича.

— Булгаринъ?

— Точно такъ, ваше высочество.

— Ты, помнится, сегодня дежуришь; да что ты закрываешься? вскричалъ великій князь, сбросилъ съ него шинель и увидѣлъ амура съ крылышками и колчаномъ. — Хорошъ! милъ! Ступай за мною.

Сошли съ крыльца. Цесаревичъ посадилъ его къ себѣ въ карету и привезъ на балъ къ княгинѣ Четвертинской, взялъ за руку и ввелъ въ залу, наполненную бо-мондомъ.

— Полюбуйтесь! сказалъ онъ хозяйкѣ и гостямъ: — вотъ дежурный по карауламъ въ Стрѣльнѣ. Вонъ, мерзавецъ! Сію минуту отправляйся къ полковому командиру подъ арестъ!

Амуръ, пристыженный, одураченный, удалился при общемъ хохотѣ. Дѣло кончилось арестомъ, но послѣдствія его не прекращались. Цесаревичъ при всякомъ случаѣ напоминалъ шалуну его дерзость и взыскивалъ съ него болѣе, чѣмъ съ другихъ. Измученный и службою, и этимъ преслѣдованіемъ, Булгаринъ написалъ на своего начальника сатиру, начинавшуюся стихами:

Трепещетъ Стрѣльна вся, повсюду ужасъ, страхъ.
Неужели землетрясенье?
Нѣтъ! нѣтъ! великій князь ведетъ насъ на ученье.

Къ поэзіи присоединилось еще нѣсколько прозаическихъ немарсовскихъ подвиговъ, и корнета Булгарина перевели въ какой-то армейскій драгунскій полкъ (находившійся въ войскахъ, дѣйствовавшихъ въ Финляндіи), выдержавъ его, помнится, три мѣсяца въ кронштадтской крѣпости. Просидѣвъ нѣсколько времени въ казематѣ, онъ былъ выпущенъ добрымъ комендантомъ Клугеномъ и прожилъ время, остававшееся до освобожденія, на квартирѣ у какого-то пьянаго мѣщанина Голяшкина, ухаживалъ за дочками его и выучился у батюшки разнымъ неблагопристойнымъ, разбойничьимъ пѣснямъ, которыя впослѣдствіи распѣвалъ кстати и некстати.

Въ Финляндіи служилъ онъ до окончанія войны и потомъ стоялъ съ своимъ полкомъ въ Ревелѣ. Во время этой войны удалось ему сдѣлать доброе дѣло. Извѣстно, что самыми рьяными и злыми врагами русскихъ были въ то время финскіе пасторы: они истребляли наши отряды, перехватывали переписку, отбивали обозы и оружіе, словомъ, дѣйствовали, какъ партизаны. Особенно одинъ сельскій пасторъ отличился проворствомъ и удальствомъ: схватилъ нѣсколько русскихъ офицеровъ и выдалъ шведамъ, укрывавшимся въ его домѣ. Начальникъ дѣйствовавшаго русскаго отряда послалъ въ домъ пастора драгунъ, подъ командою офицера. Этотъ офицеръ былъ Булгаринъ. Онъ сдѣлалъ быстрый набѣгъ на село и окружилъ церковный домъ. Жена пастора укрыла мужа. Булгаринъ, замѣтивъ, гдѣ спрятался несчастный, объявилъ, что возьметъ его силою. Жена и дѣти бросились къ ногамъ его и умоляли о пощадѣ. Булгаринъ сжалился, представившись, будто не видитъ искомаго, оставилъ домъ и село, и явился къ начальнику съ донесеніемъ: не нашелъ! Командиръ побранилъ его за оплошность, но, можетъ быть, самъ былъ радъ, что освободился отъ необходимости казнить человѣка, который полагалъ, что дѣйствуетъ по закону и по долгу. Это происшествіе сдѣлалось извѣстнымъ въ Финляндіи и въ Швеціи. По заключеніи мира, явилась въ Стокгольмѣ гравюра съ изображеніемъ этого случая и съ надписью: „Ве-

ликодушіе русскаго офицера". Въ бытность Булгарина въ Швеціи (въ 1838 г.), пригласилъ его къ обѣду одинъ почтенный и богатый человѣкъ. Гостей было множество. Булгаринъ, сѣвши за столъ, увидѣлъ предъ собою гравированную картину. Всѣ пили съ восторгомъ за его здоровье. Этотъ анекдотъ слышалъ я отъ Булгарина и отъ нѣкоторыхъ финляндцевъ.

Въ Ревелѣ Булгаринъ привелъ въ исполненіе свой давнишній замыселъ. Вышедши въ отставку (а можетъ быть, состоя еще на службѣ) [1]) онъ выѣхалъ оттуда съ однимъ французомъ, графомъ де-Кенсонна (Quinsonnat), посѣтилъ свою мать на пути, прибылъ въ Варшаву и вступилъ въ одинъ сформированный французами уланскій полкъ рядовымъ, какъ мнѣ сказывалъ, съ негодованіемъ, двоюродный братъ его, графъ Тиманъ, служившій Россіи честно и усердно въ гусарахъ до генеральскаго чина и ненавидѣвшій польскую ойчизну. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы Булгаринъ бѣжалъ или передался непріятелю. Россія была тогда съ Франціею въ дружбѣ и въ союзѣ. Булгаринъ былъ полякъ (un mauvais sujet mixte), слѣдственно, переходъ его не былъ ни бѣгствомъ, ни измѣною. Объ этомъ скажу нѣсколько словъ ниже. Но благородные товарищи Булгарина, подобные графу Тиману, не могли простить ему этой эскапады и отзывались о его поступкѣ откровенно. Изъ Варшавы былъ онъ отправленъ къ полку въ Испанію, но о жизни и о службѣ его тамъ я ничего не знаю. Въ 1812 году, находился онъ въ корпусѣ маршала Удино, дѣйствовавшаго въ Литвѣ и въ Бѣлоруссіи противъ графа Витгенштейна. Онъ разсказывалъ, что однажды напросился участвовать въ размѣнѣ плѣнныхъ, былъ въ русскомъ авангардѣ, видѣлъ нѣкоторыхъ старыхъ товарищей,

[1]) Въ „Исторіи 14-го уланскаго ямбургскаго полка" (бывшаго драгунскаго, а нынѣ вновь изъ уланскаго переименованнаго въ драгунскій), на стр. 697-й, сказано: „Ѳаддей Венедиктовичъ (Булгаринъ), будучи подпоручикомъ, 20-го мая 1811 года, отставленъ отъ службы, по худой аттестаціи въ кондуитныхъ спискахъ". Прим. редак.

но не былъ ими узнанъ и не старался о томъ; только послалъ поклоны нѣсколькимъ знакомцамъ съ русскимъ вахмистромъ, провожавшимъ французскихъ парламентеровъ. Но дѣйствительно ли это было такъ, не могу сказать. Булгаринъ, какъ и всѣмъ извѣстно, былъ большой сочинитель. Короткимъ друзьямъ своимъ, изъ либераловъ, повѣрялъ за тайну, что, на переправѣ Наполеона чрезъ Березину при Студянкѣ (деревнѣ, будто бы принадлежавшей его матери), онъ былъ однимъ изъ тѣхъ польскихъ уланъ, которые по рыхлому льду провели лошадь, несшую полузамерзшаго императора французовъ.

Въ 1813 году онъ участвовалъ въ сраженіи при Бауценѣ. Это достовѣрно. На одномъ вечерѣ, не помню, у кого именно, Булгаринъ бесѣдовалъ объ этой битвѣ съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, который въ ней былъ дѣйствующимъ лицомъ съ русской стороны, адъютантомъ князя Репнина. Булгаринъ описалъ это сраженіе въ статьѣ своей: „Знакомство съ Наполеономъ“, напечатанной въ собраніи его сочиненій. Впослѣдствіи былъ онъ, въ сраженіи при Кульмѣ, въ эскадронѣ польскихъ уланъ, который пробился сквозь корпусъ прусскаго генерала Клейста. Въ кампанію 1814 года, во Франціи, былъ онъ взятъ въ плѣнъ прусскимъ партизаномъ Коломбомъ и отправленъ въ Пруссію. Тогда случилось съ нимъ происшествіе, о которомъ онъ не любилъ говорить. Служившій тогда въ одномъ изъ кирасирскихъ полковъ гвардіи, товарищъ Булгарина по Кадетскому Корпусу, полковникъ Петръ Ивановичъ Кошкуль, ѣдучи впереди своего эскадрона (на пути во Францію, близъ береговъ Рейна), встрѣтивъ нѣсколькихъ французскихъ плѣнныхъ, которыхъ везли въ Пруссію на телѣжкахъ, не обратилъ вниманія на это зрѣлище, повторявшееся довольно часто. Когда фура проѣхала шаговъ на сто, одинъ вахмистръ подскакалъ къ Кошкулю и сказалъ ему:

— Ваше высокоблагородіе! одинъ плѣнный французъ приказалъ вамъ поклониться.

— Какой французъ? гдѣ?

— Вонъ, тамъ на возу, ваше высокоблагородіе.

— Да какъ ты его понялъ?

— Онъ говоритъ порусски, какъ вы и я.

Кошкуль пришпорилъ коня и подскакалъ къ указанному возу.

— Кто говоритъ здѣсь порусски?

Одинъ уланскій офицеръ соскочилъ съ возу и, закрывъ лицо руками, сказалъ:

— Мнѣ совѣстно смотрѣть на тебя, Кошкуль! Я Булгаринъ.

— Булгаринъ! воскликнулъ честный Кошкуль въ изумленіи:—это ты? Какъ тебѣ не стыдно говорить со мною, подлецъ!

— Теперь не до морали! возразилъ Булгаринъ:—я въ крайности; ѣсть нечего. Дай мнѣ взаймы. Заплачу, какъ честный человѣкъ.

Кошкуль бросилъ ему нѣсколько червонцевъ и ускакалъ. Жестоко, но справедливо. Самъ Булгаринъ сначала разсказывалъ объ этомъ случаѣ, но потомъ утверждалъ, что это неправда, что Кошкуль, на старости лѣтъ, не помнилъ, какъ были дѣла и выдумывалъ небылицы. Нѣтъ, Кошкуль былъ человѣкъ благородный и правдивый и очень хорошо помнилъ, что говоритъ. — Заслужилъ ли Булгаринъ такую встрѣчу со стороны своего школьнаго товарища и бывшаго сослуживца? Заслужилъ и не заслужилъ, съ которой стороны взглянешь на дѣло. Заслужилъ по суду совѣсти и по общему закону чести: онъ былъ русскимъ подданнымъ и дворяниномъ, воспитанъ въ казенномъ заведеніи на счетъ правительства, носилъ гвардейскій мундиръ и перешелъ подъ знамена непріятельскія. Съ другой стороны, онъ былъ полякъ, и въ этомъ заключается все его оправданіе. У поляковъ своя логика, своя математика, составленная изъ сліянія правилъ іезуитскихъ съ понятіями жидовскими. Наносить всевозможный вредъ своему врагу, нападать на него всѣми средствами, пользоваться всѣми возможными случайностями, чтобы надоѣсть ему, оскорблять его правдою и неправдою и утѣшаться мыслію, что цѣль оправдываетъ средства. Ложь, обманъ, лесть, коварство, измѣна—

всѣ эти гнусныя средства считаются у нихъ добродѣтелями, когда только ведутъ къ предположенной цѣли. Станемъ ли обвинять лягавую собаку, что она, по внушенію своей натуры, гоняется за дичью, а кошку, что она ловитъ мышей?

Булгаринъ оправдывается тѣмъ, что онъ передался французамъ въ то время, когда, какъ выше сказано, Франція была съ Россіею въ дружбѣ и въ союзѣ; но что мѣшало ему, при началѣ войны 1812 года, не перейти обратно въ русскую службу, а удалиться куда нибудь и остаться нейтральнымъ? Это совѣтовалъ ему не только законъ чести, но и голосъ благоразумія. Отъ этой измѣны покрылъ онъ себя безславіемъ и не могъ добиться уваженія ни у которой партіи.

Плѣнныхъ привели или, какъ говорятъ, „пригнали“ въ Россію. Вдругъ прекратилась война взятіемъ Парижа и низложеніемъ Наполеона: плѣнныхъ размѣняли и полякамъ объявили безусловную амнистію. Булгаринъ, съ другими освобожденными поляками, явился въ Варшавѣ къ цесаревичу. Константинъ Павловичъ принялъ его ласково и, указавъ на прежнихъ товарищей его, Жандра, Албрехта и пр., въ звѣздахъ и лентахъ, сказалъ:

— И ты былъ бы теперь генераломъ, если бы остался у меня.

— Ваше высочество! отвѣчалъ Булгаринъ:—я служилъ моему отечеству.

— Хорошо, хорошо! возразилъ великій князь:—теперь послужи мнѣ!

Цесаревичъ предложилъ воротившемуся патріоту любое комендантское мѣсто въ Царствѣ Польскомъ, но Булгаринъ отказался, объявивъ, что долженъ ѣхать къ матери и привести въ порядокъ разстроенное свое имѣніе. Онъ, дѣйствительно, любилъ и уважалъ свою мать, и когда, бывало, хотѣлъ подкрѣпить какую нибудь колоссальную ложь, то клялся, при ея жизни, сѣдинами матери, а по смерти—ея тѣнью. Онъ свидѣлся съ нею, но имѣнія не нашелъ, потому, вѣроятно, что его и не бывало. Между тѣмъ, возобновилъ онъ знакомство

съ своими родственниками. Дядя его, Павелъ Булгаринъ, бывшій литовскимъ подконюшимъ (подлый этотъ чинъ былъ въ большомъ уваженіи въ Польшѣ), полюбивъ Ѳаддея за живой характеръ, за умъ и находчивость, поручилъ ему вести процессъ его съ родственникомъ, графомъ Тышкевичемъ и Парчевскимъ, или собственно два процесса: одинъ съ Парчевскимъ противъ Тышкевича, другой съ Тышкевичемъ противъ Парчевскаго. Дѣло шло объ восьми тысячахъ душъ. Булгарину за ходатайство обѣщано было пять процентовъ, т. е. четыреста душъ. Процессъ производился въ Сенатѣ, и новый ходатай отправился въ С.-Петербургъ. Здѣсь принятъ онъ былъ въ домѣ зятя своего, Искрицкаго, и, не знаю какъ, попалъ во французскій кругъ у генераловъ Базена, Сеиновера и пр., читалъ имъ свои сочиненія, которыя кто-то переводилъ для него на французскій языкъ.

Въ началѣ фев аля 1820 года, явился у меня въ кабинетѣ человѣкъ лѣтъ тридцати, тучный, широкоплечій, толстоносый, губанъ, порядочно одѣтый, и заговорилъ со мною пофранцузски: „Excusez, monsieur, si je vous derange...“ [1]).

Замѣтивъ съ перваго слова, что ему трудно говорить пофранцузски, я прервалъ его рѣчь вопросомъ:

— Говорите ли вы порусски?

— Говорю-съ. Я полякъ.

— Итакъ, къ чему толковать пофранцузски? Скажите мнѣ, пожалуйте, что вамъ угодно?

Тогда объявилъ онъ мнѣ, что пришелъ по просьбѣ одного французскаго литератора, г. де-Сенъ-Мора, человѣка необыкновенно умнаго, ученаго и благороднаго, который намѣренъ читать лекціи о французской литературѣ.

— Да какой онъ партіи? спросилъ я:—кажется, отъявленный роялистъ?

— Точно, самый ревностный приверженецъ законной династіи.

---

[1]) Извините, милостивый государь, если я вась безпокою.

— Какъ же онъ можетъ быть умнымъ человѣкомъ? сказалъ я. — Умный легитимистъ въ нынѣшнее время не поѣдетъ изъ Франціи, чтобы искать хлѣба заграницею. Видно, онъ олухъ и не знаетъ, что дѣлать, или такъ уменъ, что видитъ близкое паденіе своей партіи. Вообще, въ нынѣшней Франціи умъ, знанія, дарованія — на лѣвой сторонѣ. Мой собесѣдникъ захохоталъ весело.

— Такъ вотъ вы какой! А я думалъ, что вы ревнитель Бурбоновъ и монархическаго начала.

Мы разговорились и познакомились. Это былъ Ѳаддей Булгаринъ.

Я былъ въ то время отъявленнымъ либераломъ, напитавшись этого духа въ краткое время пребыванія моего во Франціи (въ 1817 г.). Да и кто изъ тогдашнихъ молодыхъ людей былъ на сторонѣ реакціи? Всѣ тянули пѣсню конституціонную, въ которой запѣвалою былъ императоръ Александръ Павловичъ. Оппозиція Аракчееву, Голицыну и всѣмъ этимъ темнымъ властямъ была тогда въ модѣ, была дѣломъ извѣстнымъ, славою и знаменемъ тогдашняго юнаго поколѣнія. Самымъ либеральнымъ журналомъ была „Сѣверная Почта", выходившая подъ вѣдѣніемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Козодавлева. Семеновская исторія еще не навлекала мрачныхъ тучъ на горизонтѣ свѣтлыхъ идей и мечтаній. Революціи греческая, а потомъ испанская и итальянская, встрѣчали въ Россіи, какъ и вездѣ, ревностныхъ друзей и поборниковъ. Булгаринъ, какъ щирый полякъ, не могъ не раздѣлять этого движенія умовъ. Въ моемъ домѣ онъ узналъ Бестужевыхъ, Рылѣева, Грибоѣдова, Батенкова, Тургеневыхъ и пр. — цвѣтъ умной молодежи! Нѣсколько разъ долженъ я напоминать, что Булгаринъ былъ въ то время отнюдь не тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался впослѣдствіи: былъ малый умный, любезный, веселый, гостепріимный, способный къ дружбѣ и искавшій дружбы людей порядочныхъ. Между тѣмъ, по національной природѣ своей, онъ не пренебрегалъ знакомствомъ и милостью людей знатныхъ и особенно сильныхъ. Умѣлъ онъ сойтись и съ гнуснымъ Магницкимъ, и съ сума-

сброднымъ Руничемъ, и съ глупымъ Кавелинымъ, познакомился съ лицами, окружавшими Аракчеева, пролѣзъ и къ нему самому.

До 1823 года онъ литературою занимался мало, посвящая все свое время, всю свою дѣятельность веденію своего процесса. И мнѣ кажется, что занятія этимъ процессомъ, сопряженныя съ уловками и продѣлками, которыя не всегда оправдываются законами чести и долга, имѣли вредное вліяніе на развитіе его понятій и характера. Для достиженія своей цѣли, онъ употреблялъ всѣ возможныя средства: съ утра до вечера таскался по сенаторскимъ и оберъ-прокурорскимъ переднимъ, навѣщалъ секретарей и стряпчихъ, кормилъ и подкупалъ ихъ, привозилъ игрушки и лакомства ихъ дѣтямъ, подарки женамъ и любовницамъ. Польская натура нашла въ этихъ маневрахъ обильную пищу своей низкопоклонности, лести, хвастовству и хлѣбосольству съ опредѣленною цѣлью. Эти подвиги, оправдываемые свойствомъ его занятій, произвели въ его умѣ смѣшанную теорію правилъ войны, сутяжничества и литературы. Потерявъ возможность продолжать съ успѣхомъ военную службу, онъ пошелъ въ стряпчіе; видя, что можно пріобрѣсть литературою извѣстность, а съ нею и состояніе, онъ наконецъ взялся за нее, руководствуясь на каждомъ изъ сихъ поприщъ правилами — достигнуть цѣли жизни, т. е. удовлетворенія тщеславію и любостяжанію. Эта теорія не мѣшала ему притомъ быть человѣкомъ не злымъ, добрымъ, сострадательнымъ, благотворительнымъ и, въ минуту порыва, готовымъ на пожертвованіе.

Булгаринъ почиталъ и уважалъ добрыя стороны въ людяхъ, даже тѣ, которыхъ самъ не имѣлъ. Такимъ образомъ постигъ онъ всю благость, все величіе души Грибоѣдова, подружился съ нимъ, былъ ему искренно вѣренъ до конца жизни, но не знаю, осталась ли бы эта дружба въ своей силѣ, если бы Грибоѣдовъ вздумалъ издавать журналъ и тѣмъ сталъ угрожать „Пчелѣ“, то есть увеличенію числа ея подписчиковъ. Признаюсь, если бы я зналъ, каковъ Булга-

ринъ дѣйствительно, то есть какимъ онъ сдѣлался въ старости, я ни за что не вошелъ бы съ нимъ въ союзъ. Но эти порывы мнѣ казались простыми вспышками вѣтрянаго самолюбія. Я не видѣлъ, что въ немъ скрывалась только исключительная жадность къ деньгамъ, имѣвшая цѣлію не столько накопленіе богатства, сколько удовлетвореніе тщеславія. Фридрихъ II сказалъ однажды о полякахъ: „нѣтъ подлости, которой бы не сдѣлалъ полякъ, чтобы добыть сто червонцевъ, которые онъ потомъ выброситъ за окно". Къ тому должно еще прибавить, что человѣкъ можетъ исправиться отъ тѣхъ привычекъ и слабостей, которыя привились къ нему отъ ложнаго воспитанія, отъ дурныхъ обществъ и примѣровъ, и т. п.; но врожденныя свойства его, и хорошія, и дурныя, съ годами крѣпнутъ и возрастаютъ. Такъ было и съ Булгаринымъ: въ молодости онъ былъ любезенъ, остеръ, добродушенъ, обходителенъ; эти качества исчезали въ немъ съ каждымъ годомъ, и съ каждымъ годомъ увеличивалось въ немъ чувство зависти, жадности и своекорыстія, заглушая добрыя его свойства. Я приписываю странности и причуды Булгарина его воспитанію, обстановкѣ и послѣдовавшимъ обстоятельствамъ его жизни; но въ самой основѣ его характера было что-то невольно дикое и звѣрское. Иногда, вдругъ, ни съ чего или по самому ничтожному поводу, онъ впадалъ въ какое-то изступленіе, сердился, бранился, обижалъ встрѣчнаго и поперечнаго, доходилъ до бѣшенства. Когда, бывало, такое изступленіе овладѣетъ имъ, онъ пуститъ себѣ кровь, ослабѣетъ и потомъ войдетъ въ нормальное состояніе. Во время такихъ припадковъ, онъ дѣйствительно казался сумасшедшимъ и бѣшенымъ, и было бы несправедливо винить его за то: это были припадки болѣзни нрава, уступавшіе механическимъ средствамъ, т. е. кровопусканію. Когда я убѣдился въ возрастаніи недружелюбія, зависти и злобы въ Булгаринѣ, надобно было бы расторгнуть нашу связь, но отъ нея зависѣло благосостояніе моего семейства. Я сносилъ съ терпѣніемъ всѣ его причуды, подозрѣнія и оскорбленія, но не-

рѣдко выходилъ изъ терпѣнія: такъ, въ 1853 году, не могъ не возстать противъ него всенародно, вслѣдствіе его жалкаго и подлаго идолопоклонства Контскимъ. Потомъ поступилъ онъ со мною безчестно и открылъ всю глубину своей души. Между тѣмъ, онъ впалъ въ болѣзнь, и я не могъ ничего сдѣлать.

Въ то время, какъ я познакомился съ Булгаринымъ, онъ не довѣрялъ еще своему искусству владѣть русскимъ языкомъ въ литературномъ отношеніи, писалъ дѣловыя бумаги при помощи подьячихъ, и очень искусно, что̀ видно изъ выиграннаго имъ процесса своего дяди. Между тѣмъ, хотѣлось ему заработать что нибудь литературною работою. Онъ вздумалъ издать „Оды Горація“ съ коментаріями Ежевскаго и другихъ критиковъ, но самъ онъ зналъ полатыни очень плохо, просто сказать, зналъ этотъ языкъ, какъ какая нибудь полька, посѣщающая католическую церковь. Ему помогъ одинъ мой родственникъ, и книжка вышла изрядная. Ежевскій и нѣкоторые другіе латинисты жаловались на заимствованіе ихъ примѣчаній, но Булгаринъ оправдался тѣмъ, что упомянулъ объ этихъ заимствованіяхъ въ своемъ предисловіи. Въ то время втерся онъ къ Магницкому и Руничу и старался, при ихъ помощи, ввести эту книгу въ училища, но обѣщанія ихъ ограничились словами. Книга не раскупалась, и Булгаринъ рѣшился пожертвовать ее въ пользу училищъ.

Въ намѣреніи упрочить свое существованіе литературными трудами, онъ обратился къ русской и славянской исторіи. Набравъ нѣсколько историческихъ матеріаловъ, сталъ онъ издавать „Сѣверный Архивъ“, печаталъ въ немъ статьи интересныя, но впадалъ въ страшные промахи, особенно по недостаточному знанію иностранныхъ языковъ, коверкалъ имена собственныя, смѣшивалъ событія, и если бы издавалъ теперь, то не избѣжалъ бы обличеній и насмѣшекъ, но въ тѣ блаженныя времена, когда „печатный каждый листъ казался намъ святымъ“, и не то сходило съ рукъ. Желая придать сухому журналу болѣе интереса для читающей

публики, Булгаринъ вздумалъ издавать при немъ особые листки, подъ заглавіемъ „Волшебный Фонарь“, и тутъ попалъ въ свою колею. Небольшія, вообще сатирическія, картины нравовъ и историческіе очерки понравились публикѣ и поощрили его усердіе. Занявшись легкою литературою, онъ оставилъ ученую, для которой не имѣлъ ни основательныхъ познаній, ни особеннаго дарованія. Я помогалъ ему усердно, особенно сглаживая слогъ, который отзывался полонизмами и галлицизмами. Въ 1824 году разразилась надо мною катастрофа Госнера. Канкринъ хотѣлъ, предъ тѣмъ, взять меня на службу въ Министерство Финансовъ, но, узнавъ, что я преданъ суду, отложилъ это до моего оправданія. Тогда затѣяли мы съ Булгаринымъ изданіе „Сѣверной Пчелы“, не прекращая ни „Сына Отечества“, ни „Сѣвернаго Архива“. Позволеніе на то Министра Просвѣщенія получили мы безъ труда. Булгаринъ былъ знакомъ съ (бывшею потомъ женою Шишкова) Лобаршевскою и чрезъ нея втерся къ старику. Онъ даже называлъ и считалъ себя ея родственникомъ, доколѣ Шишковъ былъ министромъ.

При начатіи „Сѣверной Пчелы“ (въ январѣ 1825 г.), я уже вытрезвился отъ либеральныхъ идей волею и неволею и удерживалъ сарматскія порывы Булгарина. За это ему доставалось отъ либераловъ. Рылѣевъ, раздраженный вѣрноподданническими выходками газеты, сказалъ однажды Булгарину: „когда случится революція, мы тебѣ на „Сѣверной Пчелѣ“ голову отрубимъ“. Особенно образумила меня семеновская исторія, доказавъ мнѣ, что можно попасть въ бѣду безъ всякой вины.

Булгаринъ, до испытанія силъ своихъ въ мелкой литературѣ, вздумалъ заняться преимущественно русскою исторіею и выбралъ для этого періодъ Самозванцевъ, при которомъ пользовался польскими источниками. Героинею его была Марина Мнишекъ. Въ маѣ 1823 года, происходило публичное чтеніе Общества Соревнователей Просвѣщенія и Благотворительности.

По болѣзни президента, Ѳ. Н. Глинки, предсѣдательствовалъ я, какъ вице-президентъ. Читаны были отрывки изъ біографіи фонъ-Визина, кн. Вяземскаго, стихи Василія Ив. Туманскаго и т. п., и, между прочимъ, отрывки изъ „Біографіи Марины Мнишекъ", Булгарина. Статья была слабая, плохо написанная. Онъ не читалъ ее, а мямлилъ, и паденіе было совершенное. Это разсердило Булгарина и отвадило на нѣсколько лѣтъ отъ русской исторіи, которую онъ было считалъ игрушкою. При успѣхѣ своихъ повѣстей и мелкихъ статеекъ, задумалъ онъ своего „Ивана Ивановича Выжигина", писалъ его долго, рачительно, и имѣлъ въ немъ большой успѣхъ. Года въ два разошлось до семи тысячъ экземпляровъ. Романъ этотъ нынѣ забытъ и находится въ пренебреженіи, котораго не заслужилъ. Должно вспомнить, что онъ былъ, по времени, первымъ русскимъ романомъ и что имъ началась обличительная наша литература. Многія черты и характеры схвачены въ немъ удачно и умно. Видя успѣхъ „Ивана Выжигина", книгопродавецъ Алексѣй Заикинъ заказалъ Булгарину „Петра Выжигина", который былъ несравненно слабѣе и не принесъ выгоды. Алексѣй Заикинъ умеръ въ холеру 1831 года, не дождавшись окончанія изданія романа „Дмитрій Самозванецъ", по мнѣ, еще слабѣе, особенно тѣмъ, что авторъ берется изображать чувства любви и нѣжности. Онъ зналъ любовь и зналъ на практикѣ, но не ту, которую описываютъ въ романахъ.

Въ 1836 году, затѣялъ онъ большую спекуляцію, сочиненіе книги: „Россія въ историческомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи". Сотрудникомъ ему былъ профессоръ Н. А. Ивановъ (сперва бывшій въ Дерптѣ, а потомъ въ Казани [1]). Трагикомическая судьба этого изданія описана мною въ статьѣ объ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ". Послѣднимъ большимъ предпріятіемъ Булгарина были его

[1]) Наоборотъ, онъ сперва былъ въ Казани, а потомъ въ Дерптѣ, гдѣ и познакомился съ Булгаринымъ. Пр. ред.

„Воспоминанія", или „Записки", которыхъ вышло нѣсколько частей. Въ нихъ много забавнаго, интереснаго, но—правду ли онъ писалъ? Не всегда. Я не думаю, чтобы онъ лгалъ умышленно, но онъ украшалъ событія и, безпрерывно разсказывая ихъ устно, самъ привыкалъ вѣрить, что они случались точно такъ, какъ онъ ихъ разсказываетъ. Многое, напримѣръ, что онъ говоритъ обо мнѣ, случилось не такъ, какъ онъ пишетъ. Иное прибавлялъ онъ съ разсчетомъ и, какъ говорятъ нынѣ, съ заднею мыслію. Такъ, я спросилъ у него однажды, на что онъ, въ своихъ „Запискахъ", приплелъ исторію о подвигахъ Наполеона I въ Байоннѣ, въ 1808 году: они вовсе не идутъ къ дѣлу. Онъ признался мнѣ, что внесъ этотъ эпизодъ, чтобы сказать о прибытіи въ Байонну графа А. И. Чернышева, курьеромъ отъ императора Александра Павловича и угодить тѣмъ графу, котораго просилъ о переводѣ свояка его, полковника Руднева, въ гвардейскій генеральный штабъ! Все штуки, все продѣлки, все интриги! А у него былъ такой самородный талантъ, что онъ могъ бы обойтись и безъ этихъ средствъ! Онъ писалъ съ большою легкостью, что называется, съ плеча, но легкомысліе его было еще больше. Никогда, бывало, не справится съ источникомъ или съ дѣйствительностью какого либо случая, а пишетъ, какъ въ голову прійдетъ. Такимъ образомъ онъ бросился однажды на нѣмцевъ за то, что они употребляютъ слово luxuriös, слово неблагопристойное. Совсѣмъ нѣтъ: понѣмецки оно значитъ просто роскошный и происходитъ отнюдь не отъ французскаго luxure. Въ другой разъ онъ вздумалъ утверждать, что нѣмецкій писатель Геллертъ жилъ девять лѣтъ въ Россіи, всегда любилъ ее и воспоминалъ о ней съ удовольствіемъ. Геллертъ же не выѣзжалъ изъ Лейпцига. Булгаринъ, вѣроятно, смѣшалъ его съ Гердеромъ. Говорю о промахахъ, которые проскользнули въ печати, а сколько исключено и исправлено было въ рукописяхъ! Онъ зналъ русскій языкъ хорошо, но былъ очень слабъ въ грамматикѣ и, напримѣръ, никакъ не могъ различить падежей

мѣстоименія: ея и ее; всегда онъ писалъ: любитъ ея. И латыни доставалось подъ перомъ его, хотя онъ очень любилъ латинскія цитаты. Такъ, вмѣсто: sine qua non, онъ писалъ: si non qua non, и любилъ вставлять латинскія слова для объясненія русскихъ терминовъ, какъ то: снимокъ (facsimile) и т. п.

Не могу исчислить всѣхъ его изданій. Въ сороковыхъ годахъ онъ редактировалъ газету „Экономъ", которую онъ предпринималъ съ экономическимъ разсчетомъ.

Между тѣмъ, скажу прямо: онъ не заслуживалъ той брани, тѣхъ клеветъ, которыми его осыпали при жизни и осыпаютъ по смерти. Главною тому причиною было, что онъ ни съ кѣмъ не умѣлъ ужиться, былъ очень подозрителенъ и щекотливъ, и, при первомъ словѣ, при первомъ намекѣ, бросался на того, кто казался ему противникомъ, со всею силою злобы и мщенія. Такъ, напримѣръ, произошла его вражда съ Н. А. Полевымъ, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ. Полевой началъ свой „Телеграфъ" въ одно время съ „Пчелою". Ужъ этого было бы довольно, но онъ дерзнулъ упомянуть въ своемъ объявленіи, что странно отвергать переводы въ журналахъ, а Булгаринъ именно говорилъ объ этомъ въ одной изъ своихъ программъ. Вотъ и загорѣлась война. Признаюсь теперь, по истеченіи пятидесяти лѣтъ, что я могъ бы въ то время остановить Булгарина, но меня забавляла эта брань, къ тому же я былъ товарищемъ Булгарина и считалъ обязанностью помогать ему въ оборонѣ; да и высокомѣрный и заносчивый Полевой самъ подавалъ къ тому поводъ. Въ 1827 году сошлись мы съ Полевымъ на обѣдѣ у П. П. Свиньина, объяснились и съ тѣхъ поръ оставались друзьями, но съ Булгаринымъ не обходилось безъ вспышекъ.

Всего болѣе повредилъ Булгарину разрывъ съ благородною партіею нашей литературы: Карамзина, Жуковскаго, Пушкина. Первый поводъ къ тому подалъ мерзавецъ Воейковъ своими переносами, сплетнями, клеветами. Въ его біографіи сказано о томъ подробно. Между тѣмъ, все могло

обойтись безъ явной войны; и, дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ продолжалась перепалка, но большею частью холостыми зарядами. Въ статьѣ объ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ" говорилъ я о спорѣ, поднятомъ Булгаринымъ по поводу объявленія его о числѣ подписчиковъ на „Инвалидъ" и на „Сынъ Отечества". Съ тѣхъ поръ господствовала на полѣ бранномъ тишина, но война разразилась вновь въ 1829 г., и поводомъ къ ней было увольненіе отъ „Пчелы" одного сотрудника.

Должно замѣтить, что мы съ Булгаринымъ имѣли по „Пчелѣ" разныхъ сотрудниковъ. Мои, по переводамъ и выпискамъ изъ иностранныхъ газетъ, работали лѣтъ по десяти и болѣе. Со всѣми разстался я дружелюбно и остался въ добрыхъ съ ними сношеніяхъ [1]). Булгаринъ бралъ и отставлялъ, привлекалъ и выгонялъ своихъ сотрудниковъ безпрерывно и обыкновенно оканчивалъ дѣло съ ними громкимъ разрывомъ, сопровождавшимся непримиримою враждою. Онъ трактовалъ ихъ, какъ польскій магнатъ трактуетъ служащихъ ему шляхтичей: то пируетъ, кутитъ, кохается съ ними, то обижаетъ ихъ словесно и письменно, какъ наемниковъ, питающихся отъ крохъ его трапезы. Въ числѣ этихъ несчастныхъ илотовъ былъ Орестъ Михайловичъ Сомовъ, учившійся въ Харьковскомъ Университетѣ. Онъ зналъ французскій и итальянскій языки и очень хорошо писалъ порусски, переводилъ умно и толково и рачительно исполнялъ всю мелкую работу по газетѣ. Нрава былъ онъ добраго и кроткаго, человѣкъ честный и благородный, но совершенно недостаточный. По сотрудничеству въ „Пчелѣ", получалъ онъ по четыре тысячи рублей (асс.) въ годъ, за составленіе фельетоновъ, смѣси, объявленій о книгахъ, съ короткимъ обсуж-

---

[1]) Моими сотрудниками были: Николай Ивановичъ Юханцовъ (потомъ д. ст. сов. по Министерству Финансовъ), Петръ Яковлевичъ фонъ-Фокъ (тоже), Евгеній Карловичъ Рашетъ (тайн. сов.), Павелъ Павловичъ Безакъ (нынѣ генер.-маіоръ), Амплій Николаевичъ Очкинъ (ст. сов.).

деніемъ ихъ и т. д. Онъ работалъ у насъ года два. Вдругъ, въ концѣ 1829 года, Булгаринъ за что-то прогнѣвался на него и завопилъ: „Вонъ Сомыча! вонъ его!“ и, дѣйствительно, объявилъ ему отставку. Лишенный такимъ образомъ средствъ къ существованію, Сомовъ предложилъ свои услуги барону Дельвигу, который задумалъ издавать „Литературную Газету“, но, по лѣности и безпечности своей и по непривычкѣ къ мелочамъ редакціи, охотно принялъ его предложеніе. Вотъ Булгаринъ и струсилъ, видя, что на него поднимется невзгода. Встрѣтясь съ Сомовымъ, въ декабрѣ 1829 г., на Невскомъ проспектѣ, спрашиваетъ:

— Правда ли, Сомычъ, что ты присталъ къ Дельвигу?

— Правда!

— И вы будете меня ругать?

— Держись!

Эти слова, какъ искра, взорвали подкопъ въ сердцѣ и въ головѣ Ѳаддея. Воротившись домой, онъ сѣлъ за письменный столъ и написалъ статью на объявленіе о „Литературной Газетѣ“, сталъ бранить и унижать ее еще до выхода перваго нумера. Но этого было для него недовольно. Узнавъ, что Пушкинъ намѣренъ помогать Дельвигу своимъ содѣйствіемъ, онъ еще болѣе испугался и, не дожидаясь перваго выстрѣла съ непріятельской батареи, самъ началъ атаку, не противъ Пушкина-писателя, а противъ Пушкина-человѣка. Въ фельетонѣ № 30-го „Сѣв. Пчелы“ (1830), выставивъ, будто бы изъ англійскихъ журналовъ, двухъ французскихъ писателей, говоритъ объ одномъ: „онъ природный французъ, служащій усерднѣе Бахусу и Плутусу, нежели музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины, у котораго сердце холодное и нѣмое, существо какъ устрица, а голова родъ побрякушки, наполненной гремучими риѳмами, гдѣ не зародилась ни одна идея, который, подобно изступленнымъ въ баснѣ Пильпая, бросающимъ камни въ небеса, бросаетъ риѳмами во все священное, чванится предъ черныю

вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобы позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ".

Въ то время Пушкинъ дѣйствительно старался о полученіи званія камеръ-юнкера, единственно для того, чтобы возить свою красавицу-жену ко двору и въ большой свѣтъ. Слова фельетона задѣли его за живое, но напрасно онъ сердился: этихъ намековъ никто не думалъ примѣнять къ нему; никто, кромѣ особъ, приближенныхъ къ нему, не зналъ о его домогательствѣ, и я самъ, если бы мнѣ растолковали, что; въ этой каррикатурѣ Булгаринъ хотѣлъ изобразить Пушкина, никакъ не согласился бы на помѣщеніе ея въ „Пчелѣ". Бѣдный Пушкинъ! Онъ не догадывался, что Булгаринъ, какъ зловѣщій воронъ, прокаркнулъ ему о бѣдственной судьбѣ, которая ожидала его на паркетѣ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что онъ погибъ вслѣдствіе досады придворныхъ дураковъ на то, что среди ихъ явился человѣкъ умный и геніальный. Какого нибудь Баркова или Пельчинскаго терпѣли равнодушно. Поединокъ Пушкина произошелъ отъ интригъ нѣкоторыхъ сверстниковъ его по двору [1]). Булгаринъ, видя, что первый выстрѣлъ его не отозвался въ обществѣ, зарядилъ свое ружье вторично. Однажды, кажется, у А. Н. Оленина, Уваровъ, не любившій Пушкина, гордаго и не низкопоклоннаго, сказалъ о немъ: „что онъ хвалится своимъ происхожденіемъ отъ негра Аннибала, котораго продали въ Кронштадтѣ (Петру Великому) за бутылку рома!" Булгаринъ, услышавъ это, не пре-

[1]) Впослѣдствіи узналъ я, что подкидныя письма, причинившія поединокъ, писаны были княземъ Ив. Сер. Гагаринымъ, съ намѣреніемъ подразнить и помучить Пушкина. Несчастный исходъ дѣла поразилъ князя до того, что онъ разстроился въ умѣ, уѣхалъ въ чужіе края, принялъ католическую вѣру и поступилъ въ орденъ іезуитовъ. Въ пребываніе мое въ Парижѣ (1845—47 г.), былъ онъ послушникомъ монастыря въ Монружѣ и исправлялъ самыя унизительныя работы; потомъ въ іезуитскомъ домѣ (la rue des Postes) училъ грамотѣ нищихъ мальчишекъ. Впослѣдствіи, кажется, повышенъ былъ въ чинѣ.

минулъ воспользоваться случаемъ и повторилъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ этотъ отзывъ. Этимъ объясняются стихи Пушкина: „Моя родословная“ (Соч. Пушкина, I, 469). Буквы *В. Ф.* значатъ: Видокъ Фигляринъ, какъ называлъ Пушкинъ Булгарина.

Эта оскорбительная выходка, не вызванная Пушкинымъ, озлобила его на Булгарина и возбудила негодованіе во всѣхъ литераторахъ, любившихъ первостепеннаго нашего поэта. Она и была причиною той ненависти, той злобы, которую питала и питаетъ къ Булгарину бо̀льшая часть нашихъ писателей.

На меня Пушкинъ дулся недолго. Онъ вскорѣ убѣдился въ моей неприкосновенности къ штукамъ Булгарина и, какъ казалось, старался сблизиться со мною. Мы разъ какъ-то встрѣтились въ книжномъ магазинѣ Белизара (потомъ Дюфура [1]). Онъ поклонился мнѣ неловко и принужденно: я подошелъ къ нему и сказалъ, улыбаясь: „Ну, на что это походитъ, что мы дуемся другъ на друга? Точно Борька Ѳедоровъ съ Орестомъ Сомовымъ“. Онъ расхохотался и сказалъ: „Очень хорошо!“ (любимая его поговорка, когда онъ былъ доволенъ чѣмъ нибудь). Мы подали другъ другу руку, и миръ былъ возстановленъ.

Въ концѣ 1831 года, вознамѣрившись издавать „Современникъ“, Пушкинъ пріѣзжалъ ко мнѣ и предлагалъ мнѣ участіе въ новомъ журналѣ. Я отвѣчалъ, что принялъ бы его предложеніе съ величайшимъ удовольствіемъ, но не знаю, какъ освободиться отъ моего „польскаго пса“. Пушкинъ самъ сознался, что это невозможно, и прибавилъ, смѣючись: „Да нельзя ли какъ нибудь убить его“? У меня стало бы довольно досуга на это занятіе, но Булгаринъ преогорчилъ бы жизнь мою, если бы увидѣлъ, что журналъ Пушкина, при моемъ содѣйствіи, идетъ не худо, а „Пчелу“ я не могъ оставить безъ совершеннаго себѣ разоренія.

Я не могу писать сплошь о похожденіяхъ и дѣйствіяхъ

---

[1]) Нынѣ Мелье. Пр. ред.

Булгарина, потому что они состоятъ изъ отдѣльныхъ явлений и подвиговъ. Разскажу нѣкоторые, лишь замѣчательные, эпизоды. Въ числѣ ихъ важна исторія нашего ареста 30-го января 1830 года.

Въ декабрѣ 1829 г. вышелъ „Юрій Милославскій", М. Н. Загоскина, и произвелъ самое выгодное впечатлѣніе въ нашей публикѣ. Его читали вездѣ,—и въ гостиныхъ, и въ мастерскихъ, въ кругахъ простолюдиновъ и при высочайшемъ дворѣ, и неудивительно: это былъ первый, по времени, истинно-русскій романъ, не безошибочный, несовершенный, наполненный анахронизмами и несообразностями, историческими и грамматическими промахами, но оригинальный, написанный съ какимъ-то милымъ простодушіемъ, точно разсказъ доброй бабушки о былыхъ временахъ. Всѣ восхищались „Юріемъ", прощая его недостатки: досадовалъ и сердился на него одинъ Булгаринъ, отпечатывавшій послѣдніе листы своего „Дмитрія Самозванца". Досада внушена ему была не авторскимъ самолюбіемъ, боявшимся превосходства своего соперника въ литературѣ, а боязнію за коммерческій успѣхъ своего новаго произведенія. Вотъ онъ и началъ нападать на Загоскина и на его сочиненія. Самую жестокую статью (въ №№ 7—9 „Сѣв. Пчелы" 1830) написалъ, по усильной просьбѣ Булгарина, нашъ сотрудникъ Амплій Николаевичъ Очкинъ. Грамматическіе и историческіе промахи замѣтилъ я, многогрѣшный. Дѣло обошлось бы безъ шуму, если бы не вступился за Загоскина Воейковъ; онъ нещадно обругалъ и Булгарина, и всѣхъ его сотрудниковъ, обвинивъ ихъ въ несправедливости и зависти. Государь, которому понравился „Юрій Милославскій" до того, что онъ приблизилъ Загоскина къ своей особѣ, вознегодовалъ на эту перебранку и велѣлъ Бенкендорфу объявить воюющимъ сторонамъ, чтобы онѣ прекратили бой. Бенкендорфъ передалъ приказаніе Максиму Яковлевичу фонъ-Фоку, а этотъ нѣжный, добрый человѣкъ смягчилъ выраженіе неудовольствія государева, объявивъ Булгарину, что въ этихъ перебранкахъ не должно звать

противниковъ по имени. „Слушаю-съ", отвѣчалъ Булгаринъ, сѣлъ и написалъ (напечатанную въ 13 № „Пчелы", 30-го января) жаркую отповѣдь Воейкову, не назвавъ Загоскина.

Въ этотъ день пріѣхалъ я домой къ обѣду около четырехъ часовъ. Мнѣ подаютъ конвертъ съ официальною надписью: „Его Высокородію Н. И. Гречу, отъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа". Въ немъ нашелъ я официальное приглашеніе, за нумеромъ, немедленно явиться къ Шефу Жандармовъ. Недоумѣвая, о чемъ идетъ дѣло, я отправился къ Бенкендорфу. Онъ встрѣтилъ меня съ важною официальною миною и, отдавая пакетъ на имя с.-петербургскаго коменданта, Башуцкаго, сказалъ:

— Я говорилъ вамъ неоднократно, чтобы вы прекратили ваши перебранки. Теперь терпите. Извольте ѣхать съ этою бумагою къ коменданту.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, сказалъ я: — когда вы мнѣ говорили?

— Не я самъ, а Максимъ Яковлевичъ отъ меня, именемъ государя.

— Да не мнѣ лично.

— Все равно—Булгарину или вамъ. Вы должны были бы его удерживать.

— Позвольте, сказалъ я, попросить васъ: пошлите адъютанта или кого нибудь другаго ко мнѣ въ домъ съ объявленіемъ, что я остался обѣдать у васъ. Обо мнѣ будутъ безпокоиться. Домашніе мои Богъ знаетъ что подумаютъ, когда я не ворочусь.

— Извольте, отвѣчалъ добрый Бенкендорфъ:—это будетъ исполнено; но вы теперь же извольте ѣхать.

Я повиновался, поѣхалъ въ Зимній Дворецъ, явился къ коменданту, подалъ ему пакетъ. Башуцкій, привыкшій къ посланіямъ сего рода, не сказалъ мнѣ ни слова, сѣлъ за столъ и началъ писать приказаніе о посаженіи меня на гауптвахту. Въ это самое время вошелъ Воейковъ. Я не видалъ его давно и ужаснулся, взглянувъ на него теперь. Онъ

вошелъ, сгорбясь и прихрамывая (онъ упалъ за нѣсколько мѣсяцевъ съ дрожекъ и крѣпко ушибся), исхудалый, блѣдный, съ широкимъ чернымъ пластыремъ, покрывавшимъ носъ и часть щеки. Башуцкій, кончивъ бумагу, сказалъ мнѣ:

— Извольте идти съ плацъ-адъютантомъ на дворцовую гауптвахту.

— Ваше высокопревосходительство, сказалъ я ему: — я здоровъ и могу просидѣть въ какомъ угодно мѣстѣ. Потрудитесь, пожалуйста, посадить на дворцовую гауптвахту, сухую и теплую, г. Воейкова: вы видите, онъ слабъ и боленъ. Холодъ и сквозной вѣтеръ могутъ повредить ему.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ комендантъ:—я и г. Воейкова посажу въ теплое мѣсто.

Воейковъ, изумленный моимъ предложеніемъ, бросился ко мнѣ на шею съ восклицаніемъ: Ah, mon généreux ami, je vous reconnais à cette générosité!“ [1])

Я съ трудомъ удержалъ его отъ великодушнаго облобызанія меня и пошелъ по корридорамъ дворца, подъ присмотромъ плацъ-адъютанта. Не знаю, что обратило на себя мое вниманіе; я остановился и посмотрѣлъ въ сторону. Офицеръ, полагая, можетъ быть, что препровождаемый въ тюрьму государственный преступникъ высматриваетъ, какъ бы улизнуть, сказалъ мнѣ, впрочемъ, очень учтиво: „Не извольте останавливаться и смотрѣть по сторонамъ: вы нашъ!“ Пришли на гауптвахту. Въ тотъ день былъ въ ней караулъ отъ Преображенскаго полка, лишь только воротившагося изъ турецкаго похода, и караульнымъ офицеромъ былъ штабсъ-капитанъ князь Несвицкій, съ которымъ видался я въ Англійскомъ клубѣ. Прочитавъ бумагу, закричалъ онъ придворному лакею, накрывавшему на столъ: „Еще приборъ!“ и пригласилъ меня сѣсть. Тутъ же нашелъ я Александра Христіановича Граве и еще нѣсколько знакомыхъ офицеровъ. Сѣли за придворный столъ, очень хорошій, и усладились виномъ изъ

[1]) Мой великодушный другъ, я васъ узнаю по этому великодушію.

царскаго погреба. Въ пріятномъ обществѣ, выслушавшемъ со смѣхомъ исторію и поводъ моего заключенія, не видалъ я, какъ прошло время до вечера. Мнѣ дали въ распоряженіе вѣстоваго: я написалъ домой о моей катастрофѣ и просилъ прислать мнѣ подушку и книгъ, именно: „Les mémoires d'un homme d'Etat". Пришелъ братъ мой, бывшій тогда капитаномъ Финляндскаго полка, и не могъ скрыть огорченія, что находитъ меня подъ арестомъ. Я успокоилъ его изложеніемъ всего дѣла: видно, онъ думалъ, что со мною сдѣлалось Богъ знаетъ что. Въ девять часовъ прибылъ дежурный по карауламъ, полковникъ баронъ Константинъ Антоновичъ Шлиппенбахъ и, увидѣвъ меня арестантомъ, расхохотался, и въ ту же минуту вошелъ флигель-адъютантъ съ объявленіемъ: „Государь позволяетъ вамъ ѣхать домой". Признаюсь, мнѣ лѣнь была ѣхать: я было уже расположился провесть ночь на диванѣ съ моею подушкою, читая мою книгу. Воротясь домой, гдѣ меня ожидали съ нетерпѣніемъ и страхомъ, я, входя въ комнату, запѣлъ арію изъ нѣмецкой оперы „die Schwestern von Prag":

Wer niemals in der Wache war,
Kennt dies Vergnügen nicht [1]).

На другой день пригласилъ меня къ себѣ Бенкендорфъ, обошелся со мною очень учтиво, обнялъ меня и старался утѣшить и успокоить во вчерашней невзгодѣ. Я говорилъ съ нимъ, улыбаясь, и увѣрялъ, что ни мало не сѣтую на государя, потому что не заслужилъ его немилости. „Неужели можно мнѣ сердиться на архитектора, когда съ его строенія упадетъ камень на голову! Мало ли чего не бываетъ въ свѣтѣ!" Этотъ оборотъ ему понравился и онъ хвалилъ меня потомъ предъ другими за это равнодушіе, прибавляя: c'est que c'est un homme d'esprit! [2]) Такъ дѣло съ моей стороны прекратилось. Впослѣдствіи я узналъ, что А. А. Закревскій, у ко-

---

[1]) Кто никогда не бывалъ въ караулѣ, не знаетъ этого удовольствія.
[2]) Потому что онъ умный человѣкъ.

тораго я былъ на службѣ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, услыхавъ о моемъ арестѣ, одѣлся, чтобы ѣхать къ государю и просить о моемъ освобожденіи, но остался, узнавъ, что я уже выпущенъ. И В. А. Жуковскій просилъ, или сбирался просить о томъ государя.

Воейкова комендантъ отправилъ въ Старое Адмиралтейство. Булгаринъ въ тотъ день обѣдалъ у И. В. Прокофьева [1]) въ большой компаніи. Лишь только онъ принялся за свѣжую икру, ему подали посланіе Бенкендорфа. Онъ взялъ конвертъ, понюхалъ и сказалъ шутя сидѣвшему подлѣ него городскому главѣ, Николаю Ивановичу Кусову: „Не крѣпостью ли пахнетъ? Я поѣду къ генералу, но ты, Николай Ивановичъ, береги мою икру. Ворочусь сейчасъ“. Бенкендорфа не было дома, и Булгарину отдали бумагу къ коменданту. Башуцкій легъ отдохнуть послѣ обѣда, и Булгаринъ дожидался его, голодный, до семи часовъ. Тогда отправили и его въ теплое мѣстечко. Жена его, узнавъ, что мужъ ея сидитъ въ Адмиралтействѣ, отправилась въ Старое и спросила у входа:

— Гдѣ сидитъ подъ арестомъ сочинитель, что книжки пишетъ? Ей сказали:

— Здѣсь, сударыня, извольте войти!

Она входитъ въ комнату и попадаетъ въ объятія—Воейкова.

— Какими судьбами Богъ принесъ васъ сюда, Елена Ивановна?

— Ахъ, это не тотъ! отвѣчаетъ она со злобою:—это каналья и мошенникъ Воейковъ. Мнѣ надо Булгарина.

— Вѣрно онъ отправленъ въ Новое Адмиралтейство, сказали ей. Она отправилась туда и очутилась въ нѣжныхъ объятіяхъ чувствительнаго Ѳаддея.

Это происшествіе очень огорчило Булгарина: ему стыдно было, что другіе за него поплатились, и онъ выразилъ свое огорченіе Бенкендорфу, называлъ себя обиженнымъ, обезче-

---

[1]) Директора Россійско-Американской Компаніи. Пр. ред.

щеннымъ, говорилъ объ отчаяніи жены и проч. Недѣли чрезъ три вышелъ „Дмитрій Самозванецъ", и авторъ его получилъ въ подарокъ отъ государя богатый бриллiантовый перстень. Въ память нашего ареста, онъ подписалъ подъ портретомъ государя: „30 января 1830 г.", и никогда не прощалъ этого оскорбленія.

Булгарина обвиняли во взяткахъ за статьи, но онъ не бралъ денегъ, а довольствовался небольшою частичкою выхваляемаго товара или дружескимъ обѣдомъ въ превознесенной новой гостинницѣ, вовсе не считая этого предосудительнымъ: бралъ вознагражденіе, какъ берутъ плату за объявленія, печатаемыя въ газетахъ. И я бралъ взятки своего рода: печатая статьи о новопріѣзжихъ знаменитыхъ артистахъ, я приглашалъ ихъ къ себѣ на вечера, и они тѣшили своими талантами меня, мою семью, моихъ пріятелей. Когда, въ 1845 году, въ Боннѣ, на празднествѣ при открытіи памятника Бетховену, я вошелъ, въ гостинницѣ Zum goldnen Stern, въ общую столовую, бросились ко мнѣ Листъ, Серве, Сивори, Дулькенъ, Блазъ съ женою и еще нѣкоторые другіе артисты, бывавшіе въ Петербургѣ, и потомъ пили за мое здоровье. Это изумило Жюль-Жанена, сидѣвшаго за столомъ подлѣ меня.

— Какъ они превозносятъ русскаго журналиста! сказалъ онъ:—намъ не добиться этой чести!

— Точно такъ, возразилъ Блазъ:—въ Парижѣ мы подчиваемъ журналистовъ, а въ Петербургѣ журналисты насъ угощали.

Еще оскорбительнѣе и несправедливѣе было обвиненіе Булгарина въ шпіонствѣ. Опишу всѣ случаи и обстоятельства, подавшіе поводъ къ этому гнусному обвиненію. Я былъ знакомъ съ директоромъ Особенной Канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ (что нынѣ III Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи), Максимомъ Яковлевичемъ фонъ-Фокомъ, съ 1812 года и пользовался его дружбою и благосклонностью. Онъ былъ человѣкъ умный, благородный, нѣж-

ный душою, образованный, въ службѣ честный и справедливый. Ему обязаны государь и Россія многими благими мыслями и дѣлами (съ 1825 по 1831 годъ, въ которомъ онъ умеръ, 27-го августа, въ день покоренія Варшавы); Бенкендорфъ былъ одолженъ ему своею репутаціею ума и знанія дѣла. Въ послѣдніе годы царствованія Александра, впалъ онъ въ немилость, по наговорамъ и ковнямъ Магницкаго и другихъ негодяевъ, старавшихся посредствомъ его столкнуть графа Кочубея. Онъ не былъ удаленъ отъ службы, но всѣ дѣла по секретной части производились у Аракчеева и у военнаго генералъ-губернатора, графа Милорадовича. Эта секретная часть занималась пустяками и ничтожными доносами, не понимала ни духа, ни желанія публики, и дала совершиться гнусному и пагубному взрыву 14-го декабря 1825 года. На другой день послѣ петербургской вспышки, написалъ я записку о причинахъ этого возмущенія и, между прочимъ, сказалъ, что тому способствовало удаленіе многихъ способныхъ людей, и въ томъ числѣ М. Я. фонъ-Фока. Я подалъ эту бумагу новому военному генералъ-губернатору, П. В. Кутузову, для поднесенія государю; но такъ какъ въ то время, для секретныхъ дѣлъ, составлено было III Отдѣленіе Канцеляріи Его Императорскаго Величества, то онъ препроводилъ туда и эту бумагу. Такимъ образомъ, она попалась въ руки фонъ-Фоку, который узналъ изъ нея мою искреннюю дружбу и уваженіе къ нему, бывшему тогда въ немилости и всѣми оставленному. Это сблизило насъ еще болѣе и доставило мнѣ случай дѣлать, при посредствѣ фонъ-Фока, много добра и еще болѣе предупреждать зла. Булгаринъ побаивался его, помня за собою многіе грѣшки, впрочемъ, неважные и происходившіе отъ польской дерзости, смѣшанной съ трусостью. Когда, въ іюнѣ 1826 г., обнародовано было „Донесеніе Слѣдственной Коммиссіи“ и оказалось, кто именно и за что обвиненъ, слѣдственно нельзя было опасаться никакихъ по этому дѣлу обвиненій, я, между разговорами, сказалъ Булгарину: „Теперь это дѣло прошлое. Помнишь ли

ты разговоръ нашъ 14-го декабря, когда мы сходили съ крыльца, чтобы ѣхать въ Сенатъ за манифестомъ? Ты сказалъ мнѣ: „Если бы я зналъ, что ты умѣешь хранить тайну, то сообщилъ бы тебѣ секретъ“. Я отвѣчалъ: „Не хочу знать твоихъ глупыхъ секретовъ“.—„Ну, ну, не сердись! Скажу тебѣ, что Александръ Бестужевъ бѣжитъ въ эту ночь“. На это я возразилъ: „Такъ вотъ твой секретъ! Что тутъ дивнаго? Бестужевъ, адъютантъ герцога Виртембергскаго, конечно нагрубилъ или сдѣлалъ какую либо непріятность великому князю (такъ мы называли тогда Николая Павловича), и теперь струсилъ. Скажи, пожалуйста, кто тебѣ тогда открылъ это?“ Булгаринъ отвѣчалъ, смутившись: „Это мнѣ сказала танта“[1]), и прервалъ разговоръ. На другой день, 25-го іюня, пришелъ онъ ко мнѣ поутру и, нашедши нѣсколько чужихъ, повелъ меня въ другую комнату и сказалъ дрожащимъ голосомъ съ умилительнымъ видомъ: „Любезный Гречъ! Понимаю, что ты, какъ вѣрноподданный государя, обязанъ доносить ему обо всемъ, что можетъ быть ему полезно. Но мнѣ, какъ старому другу, сдѣлай одолженіе, если ты, по долгу присяги, донесъ объ нашемъ разговорѣ фонъ-Фоку, признайся откровенно, чтобы я могъ принять мои мѣры“.

Я не зналъ, смѣяться ли мнѣ или сердиться этому глупому навѣту, и отвѣчалъ: „Если ты думаешь, что я подлецъ, то я хочу, чтобы ты, по крайней мѣрѣ, не думалъ того же о фонъ-Фокѣ. Требую, чтобы ты непремѣнно сегодня же поѣхалъ со мною къ нему и узналъ, что это за человѣкъ“.

Мы дѣйствительно отправились на дачу къ фонъ-Фоку, и я представилъ ему Булгарина съ слѣдующими словами: „Вотъ

---

[1]) Тетка жены Булгарина, извѣстная въ свѣтѣ и въ литературѣ подъ названіемъ танты, какъ говоритъ Измайловъ о дворовой собакѣ: предобрая, презлая! Имя ея не разъ встрѣчается въ эпиграммахъ на Булгарина, напримѣръ:

Гдѣ Булгаринъ Ѳаддей
Не боится когтей
Танты.

Булгаринъ, о которомъ я доносилъ вамъ, что онъ участвуетъ въ заговорѣ Рылѣева и Бестужева". М. Я. фонъ-Фокъ принялъ насъ дружески. Булгаринъ разсыпался въ любезностяхъ и остротахъ и понравился, какъ хозяину, такъ и всему его семейству, водворился у него въ домѣ и посѣщалъ его ежедневно, но не доносилъ, а выспрашивалъ и выглядывалъ, не грозитъ ли какая либо бѣда ему или „Пчелѣ". Онъ былъ представленъ фонъ-Фокомъ и Бенкендорфу, кланялся, льстилъ и хвалилъ попольски, но никогда не былъ употребляемъ по секретнымъ дѣламъ и только развѣ жаловался на обиды, которыя претерпѣвалъ отъ Воейкова, Краевскаго и другихъ журналистовъ. Онъ до крайности боялся жандармеріи и, завидя издали лошадь съ синимъ чапракомъ, хватался за шляпу и кланялся. Бенкендорфу понадобился польскій секретарь. Ѳаддей рекомендовалъ ему друга своего, Леонарда Викентьевича Ордынскаго, человѣка честнаго, на сколько полякъ можетъ быть честенъ [1]). Булгаринъ полагалъ, что будетъ чрезъ Ордынскаго еще лучше узнавать, не готовится ли какая напасть на „Пчелу", но ошибся въ своемъ разсчетѣ. Ордынскій, утвердясь на своемъ мѣстѣ, поднялъ носъ предъ своимъ патрономъ и на вопросъ Булгарина: „неужели ты не будешь сообщать мнѣ, если кто нибудь станетъ мнѣ угрожать изъ графскаго кабинета"? отвѣчалъ съ благородною гордостью человѣка, не имѣющаго нужды въ спрашивающемъ: „Ничего тебѣ не скажу, ибо не хочу осрамить твоей рекомендаціи, и ни въ какомъ случаѣ не нарушу моихъ обязанностей ни для кого". Булгаринъ опѣшилъ, испугался неожиданной честности своего бывшаго друга и кліента и даже сталъ его бояться. Ордынскій не только не прекращалъ съ нимъ дружбы, но сблизился съ нимъ еще болѣе, водворился у него въ

---

[1]) Н. И. Гречъ не любилъ поляковъ, чѣмъ и объясняются подобные неоднократные отзывы его о нихъ. Онъ говорилъ, что эта нелюбовь къ полякамъ вкоренена въ немъ, между прочимъ, Булгаринымъ.

Прим. ред.

домѣ и сталъ хозяйничать и командовать, какъ у себя. Булгаринъ не смѣлъ пикнуть и предоставилъ ему дѣлать, что угодно. До какихъ предѣловъ простиралась эта уступчивость, по совѣсти, сказать не могу. Она прекратилась только смертью Ордынскаго, въ маѣ 1852 года. Булгаринъ почтилъ память его въ „Сѣверной Пчелѣ“ великолѣпнымъ некрологомъ. Онъ имѣлъ всѣ причины оплакивать Ордынскаго, который удерживалъ его отъ многихъ необдуманныхъ и даже неблагородныхъ поступковъ. Если бы Ордынскій былъ въ живыхъ до 1856 года, не послѣдовало бы тѣхъ непростительныхъ подвиговъ противъ меня, которыми Булгаринъ посрамилъ свою память.

Люди, не знающіе дѣла, обвиняютъ Булгарина въ томъ, будто бы онъ донесъ на роднаго племянника своего, подпоручика генеральнаго штаба Демьяна Александровича Искрицкаго въ томъ, что онъ былъ у Рылѣева въ собраніи мятежниковъ 13-го декабря. Это сущая ложь. Искрицкій приходилъ ко мнѣ 14-го декабря, часовъ въ 12 утра, потомъ остановился подъ окнами моей квартиры въ домѣ Бремме, на углу Исаакіевской площади и Новоисаакіевской улицы, и простоялъ часовъ до четырехъ, то есть до сумерекъ. На третій день приходитъ ко мнѣ Булгаринъ и разсказываетъ, что Искрицкій объявилъ ему, что наканунѣ мятежа онъ былъ у Рылѣева, видѣлъ нѣкоторыхъ офицеровъ и другихъ, но въ разговорахъ и сужденіяхъ ихъ не участвовалъ. Булгаринъ прибавилъ, что это объявленіе его сконфузило, потому что у него, можетъ быть, спросятъ, зналъ ли онъ о присутствіи Искрицкаго у Рылѣева: что дѣлать въ этомъ случаѣ? Я отвѣчалъ: „Если спросятъ, то отвѣчай правду, а пока не спрашиваютъ, молчи“. Въ это время Булгаринъ былъ въ страшной тревогѣ и всячески старался допроситься, что происходитъ въ Слѣдственной Комиссіи, кто и что отвѣчаетъ, и т. п. Между тѣмъ, братъ Демьяна, Александръ Искрицкій, бывшій тогда юнкеромъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ, пришелъ къ Булгарину въ небытность его дома и попросилъ

его жену отдать ему книгу его, назвавши ее Lenchen (Леночка), какъ называли ее до свадьбы, бывшей за четыре мѣсяца предъ тѣмъ. Вдругъ выскочила танта изъ другой комнаты и закричала: „Мой племянницъ нѣтъ есть Lenchen. Онъ есть Frau Capitänin von Boulgarin [1])“. Искрицкій отвѣчалъ, улыбаясь: „Она все та же наша liebes Lenchen“ (милая Леночка), и ушелъ съ книгою. Когда Булгаринъ воротился домой, танта вскинулась на него: „Къ чему же вы женились на Lenchen, когда ваши племянники трактуютъ ее, какъ дѣвку? Сейчасъ приходилъ вашъ племянникъ Александръ и разругалъ ее наповалъ!“ Булгаринъ вспылилъ, сѣлъ за письменный столъ и настрочилъ къ Демьяну ужаснѣйшее письмо, назвавъ отца его взяточникомъ, а мать (свою сестру) непотребною женщиною, спрашивалъ, какъ братъ его, Александръ, дерзнулъ разругать благородную женщину, и грозилъ приколотить всѣхъ ихъ. Вскорѣ затѣмъ Демьянъ явился къ Булгарину, у котораго сидѣлъ тогда въ гостяхъ Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ и, держа въ рукахъ письмо, спросилъ:

— Кто это написалъ?

Булгаринъ, поблѣднѣвши, отвѣчалъ: „я!“

— Такъ вотъ тебѣ, подлецъ! возразилъ племянникъ, ударивъ его въ щеку. Булгаринъ отвѣчалъ тѣмъ же. Княжевичъ поспѣшилъ уйти. Въ ожесточенной дракѣ они приколотили другъ друга. Лицо Булгарина покрылось синяками; онъ сорвалъ съ Искрицкаго эполеты и аксельбантъ, и оба они слетѣли съ лѣстницы. На другой день явился ко мнѣ Булгаринъ въ синихъ очкахъ, которыя носилъ послѣ всякаго подобнаго побоища, и объявилъ: „Бѣда мнѣ. Я побилъ вчера подлеца Демьяна и теперь вижу, что я погибъ. Онъ донесетъ, что я зналъ о присутствіи его въ собраніи у Рылѣева“. Я старался успокоить его, но онъ былъ неутѣшенъ. Чрезъ нѣсколько дней встрѣтился съ нимъ Андрей Андреевичъ Ивановской, чиновникъ канцеляріи Слѣдственной Ко-

---

[1]) Жена капитана фонъ-Булгарина.

миссіи, и сказалъ ему: „Бѣдный Искрицкій! его возьмутъ завтра. Доискались, что онъ былъ, наканунѣ 14-го числа, въ совѣтѣ у Рылѣева“. Булгаринъ обмеръ и, воротясь домой, написалъ Демьяну Александровичу, что имѣетъ сообщить ему о важномъ дѣлѣ, и просилъ его прійти. Демьянъ, думая, что случилось что нибудь съ его отцомъ или матерью, прибѣжалъ немедленно. Булгаринъ, указывая ему на стаканъ съ водою, сказалъ:

— Смотри, Демьянъ, восьмой стаканъ холодной воды пью и не могу утолить огня, который жжетъ меня. Тебя возьмутъ завтра.

— Покорнѣйше васъ благодарю за доносъ, отвѣчалъ Демьянъ Александровичъ.

— Нѣтъ, возразилъ Булгаринъ, бросившись на колѣни и сложивъ пальцы накрестъ: — клянусь тебѣ „сѣдинами“ моей матери, я не доносилъ на тебя.

— Такъ почему же вы это знаете?

— Узналъ случайно, сказалъ Ѳаддей: — но отъ кого, сказать не смѣю. Повѣрь мнѣ, клянусь.

— Дудки! промолвилъ Искрицкій и пошелъ домой.

На другой день явился въ чертежной Топографическаго Депо адъютантъ Кутузова, полковникъ Манзей, и спросилъ у бывшихъ тамъ офицеровъ:

— Кто изъ васъ господинъ Искрицкій?

— Я, отвѣчалъ Демьянъ Александровичъ: — что вамъ угодно?

— Пожалуйте со мною.

— Куда? въ крѣпость?

— Точно такъ!

— Иду. — Прощайте, господа, сказалъ онъ товарищамъ: — это штуки Булгарина.

Чрезъ нѣсколько недѣль пріѣхалъ въ Петербургъ Александръ Михайловичъ Искрицкій. Булгаринъ просилъ меня пойти къ нему и объяснить дѣло. Искрицкій, который былъ всегда очень хорошъ со мною, встрѣтилъ меня съ огорче-

ніемъ, но учтиво, и, когда я заговорилъ о Булгаринѣ, прервалъ меня словами:

— Ради Бога, Николай Ивановичъ, не говорите объ этомъ подлецѣ, котораго я одѣвалъ, обувалъ, кормилъ, когда онъ возвратился изъ плѣна, нагой, босой и голодный. Не вѣрю никакимъ доказательствамъ.

— Итакъ, отложимъ это дѣло до освобожденія Демьяна Александровича. Онъ приговоренъ къ шестимѣсячному аресту въ крѣпости: это время пройдетъ скоро, и тогда я докажу вамъ истину моихъ словъ.

Въ продолженіе ареста, посылалъ я къ отцу французскія книги для чтенія Демьяну, и онъ обходился со мною дружески. Наконецъ, осенью 1826 года, приходитъ ко мнѣ Булгаринъ и говоритъ: „Демьянъ выпущенъ и уже дома. Сдѣлай милость, поди туда и уладь наше дѣло". Я пошелъ съ удовольствіемъ. Демьянъ Александровичъ Искрицкій лежалъ на канапе въ гостиной. Увидѣвъ меня, онъ вскочилъ и бросился меня обнимать, благодаря за неоставленіе его въ крѣпости. И отецъ, и мать благодарили меня со слезами за мое участіе. Когда улеглись первые порывы, я сказалъ молодому человѣку:

— Демьянъ Александровичъ! Теперь ваша обязанность примирить вашихъ родныхъ, объяснивъ, какъ было дѣло. Вѣдь не Булгаринъ донесъ на васъ. Демьянъ покраснѣлъ и смутился.

— Помилуйте, Николай Ивановичъ, сказалъ отецъ его:— что вы насъ смущаете, говорите о человѣкѣ, котораго мы всѣ ненавидимъ и презираемъ. Сынъ мой всталъ изъ могилы полумертвый, а вы напоминаете ему о подлецѣ, который его сгубилъ было.

— Александръ Михайловичъ! возразилъ я:— я думалъ, что принесу вамъ удовольствіе, помиривъ Булгарина съ его роднею, а если вамъ это неугодно, дѣлайте какъ хотите. Я не имѣю въ этомъ никакого голоса.

Поговоривъ еще нѣсколько минутъ, я отправился къ Бул-

гарину и объявилъ ему о моемъ неуспѣхѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Демьяна Искрицкаго перевели тѣмъ же чиномъ въ оренбургскій гарнизонъ и, когда открылась война съ Персіею, послали на Кавказъ. Онъ служилъ очень усердно, сражался храбро (при графѣ П. П. Сухтеленѣ) противъ непріятеля, и, при заступничествѣ этого благороднѣйшаго человѣка, конечно, выбрался бы изъ крайняго положенія, но не дожилъ до того и умеръ отъ болѣзни въ селеніи Царскіе Колодцы. Впослѣдствіи узналъ я отъ Сухтелена, что онъ до конца своей жизни называлъ Булгарина виновникомъ его несчастія. Это было нехорошо. На Искрицкаго показалъ въ Слѣдственной Комиссіи графъ Коновницынъ, а Булгаринъ только велъ себя, какъ безмозглый полякъ, но никогда не думалъ доносить. Эта клевета чернила Булгарина при жизни, чернитъ и по смерти. Долгомъ поставляю протестовать противъ такой несправедливости. Все произошло отъ трусости (lacheté) Булгарина, смѣшанной съ дерзостью и необузданностью нрава. Всему источникомъ была гнусная, злая баба (танта), которую самъ Булгаринъ ненавидѣлъ въ душѣ своей.

Я сказалъ выше, что смерть Ордынскаго отняла у Булгарина послѣднюю нравственную опору: онъ пересталъ бояться строгости Ордынскаго и предался влеченію всѣхъ страстей своихъ.

Теперь разскажу мои послѣднія сношенія съ нимъ. Въ 1838 году, когда мы передавали „Пчелу" Смирдину и брали себѣ въ сотрудники Полевого, составленъ былъ нами бюджетъ, по которому сынъ мой, Алексѣй, получалъ, за сотрудничество, въ годъ по три тысячи рублей ассигнаціями. Года чрезъ три Булгаринъ вздумалъ отнять у него эти деньги подъ тѣмъ предлогомъ, что я, живучи за границею, долженъ платить ему за труды отъ себя, а не изъ общей кассы: онъ упустилъ изъ виду, что самъ проводилъ бòльшую часть года въ Дерптѣ и въ Карловѣ и въ это время тамъ не занимался „Пчелою" непосредственно. Онъ заявилъ свою претензію на эти деньги въ письмѣ къ моему сыну. Всего грустнѣе и

подлѣе въ этомъ покушеніи то, что онъ старается въ письмѣ увѣрить моего сына, будто я не люблю его такъ, какъ любитъ его онъ, Булгаринъ. Сынъ мой отвѣчалъ письмомъ. Матеріальнымъ слѣдствіемъ этой переписки было то, что сынъ мой перестал получать изъ кассы „Пчелы" по 3 т. р., и я въ то же время ассигновалъ ему изъ моей частной кассы по 5,000 рублей. Морально же этотъ отвѣтъ моего сына глубоко уязвилъ Булгарина.

Къ этому принадлежитъ любопытный эпизодъ подвиговъ Булгарина. Онъ сталъ сообщать мнѣ разныя пустыя и нелѣпыя статьи, переводныя и оригинальныя, сыновей своихъ Болеслава и Владислава, и просилъ печатать въ „Пчелѣ" подъ ихъ именемъ. Ему хотѣлось сдѣлать ихъ сотрудниками.

Чрезъ нѣсколько времени спрашиваетъ онъ у нашего письмоводителя Кузнецова:

— Сколько получаетъ Алексѣй Николаевичъ за участіе въ „Пчелѣ"?

— Сколько? Ничего, отвѣчаетъ Кузнецовъ:—вѣдь вы у него отняли доходъ, который онъ получалъ.

Ѳаддей забылъ объ этомъ своемъ подвигѣ и надѣялся заставить меня платить такую же сумму его дѣтямъ, какую получалъ мой сынъ. Съ этой минуты прекратилось сотрудничество дѣтей его, и онъ уже не упоминалъ о ихъ талантахъ, которые дотолѣ превозносилъ до небесъ.

Теперь слѣдуетъ приступить къ послѣднему, самому интересному и продолжительному акту жизни и подвиговъ Булгарина и дѣйствій его со мною, который даетъ полное понятіе о его нравственномъ характерѣ и о преобладавшихъ въ немъ страстяхъ.

Въ 1840 году, по миновании срока первому нашему контракту, Булгаринъ началъ крѣпко настаивать на заключеніи новаго и самъ написалъ его вчернѣ со всякими для меня уступками, напримѣръ: доходъ съ „Пчелы" полагалъ онъ дѣлить не поровну, а мнѣ получать пять тысячъ рублей (асс.) болѣе противъ него; въ случаѣ его смерти, я обязывался вы-

платить его женѣ и дѣтямъ въ первый годъ три тысячи, во второй—двѣ тысячи, въ третій—тысячу рублей асс.; тѣмъ и прекращались всѣ мои обязанности, и „Пчела“ поступала въ мою исключительную и безусловную собственность. Я не зналъ, чему приписать такую щедрость, думалъ, что ему насолила жена или танта, и пр., но, разумѣется, охотно согласился. Контрактъ былъ заключенъ во всей формѣ, подписанъ нами и явленъ у нотаріуса. Вскорѣ, видно, Булгаринъ раскаялся и однажды съ замѣшательствомъ объявилъ мнѣ, что желаетъ еще, чтобы я выдѣлилъ послѣ его смерти извѣстную сумму на воспитаніе его дѣтей. Я согласился охотно; онъ бросился обнимать и цѣловать меня. Чрезъ нѣсколько времени, когда пришлось сводить счеты, управляющій нашъ (Монтандръ) объявилъ мнѣ, что Булгаринъ велитъ дѣлить доходъ поровну, а не такъ, какъ положено было въ контрактѣ. Я отвѣчалъ, что это, конечно, произошло по ошибкѣ, и при первомъ случаѣ спросилъ о томъ у Булгарина. Онъ смѣшался, сталъ поглядывать въ сторону и объявилъ, что объяснится объ этомъ со мною послѣ. Я не возражалъ, и тѣмъ дѣло кончилось.

Въ концѣ 1847 года, когда мнѣ минуло шестьдесятъ лѣтъ, вздумалъ я сложить съ себя бремя изданія „Сѣверной Пчелы“ и передать мои права сыну моему, Алексѣю. Для этого обратился я съ просьбою о позволеніи на сію передачу къ министру Просвѣщенія, графу Уварову и шефу жандармовъ, графу А. Ѳ. Орлову, и получилъ отъ нихъ письменное на то согласіе. Засимъ написалъ я о томъ къ Булгарину, который тогда находился въ Дерптѣ, въ твердомъ упованіи, что и онъ согласится, но я ошибся въ разсчетѣ: онъ не хотѣлъ признать въ сынѣ моемъ равнаго себѣ, требовалъ себѣ званія главнаго редактора и, въ случаѣ моей смерти и перехода половины „Пчелы“ въ полное обладаніе моего сына, уплаты ему (Булгарину) десяти тысячъ рублей серебромъ. Видя такое непостижимое и дерзкое упорство, мы съ сыномъ рѣшились оставить дѣло въ прежнемъ положеніи.

Доколѣ живъ былъ сынъ мой, я молчалъ о контрактѣ,

но, по смерти его [1]), въ 1851 году, просилъ у Булгарина предъявленія мнѣ подлиннаго, потому что копіи въ бумагахъ сына моего не оказалось. Онъ отвѣчалъ изъ Дерпта, что контрактъ находится въ Петербургѣ, а пріѣхавъ въ Петербургъ, сказалъ, что контрактъ, вѣроятно, остался въ Дерптѣ и онъ его отыскать не можетъ [2]). . . . .

---

[1]) Алексѣй Николаевичъ Гречъ скончался, въ мартѣ 1850 года, на англійскомъ пароходѣ, на пути изъ Европы на островъ Мадеру, куда онъ, больной чахоткою, былъ отправленъ врачами и погребенъ въ Атлантическомъ океанѣ. Пр. ред.

[2]) Затѣмъ у Греча должно было слѣдовать описаніе его натянутыхъ отношеній къ Булгарину въ послѣдніе годы его жизни, но этого описанія въ переданныхъ издателю бумагахъ не оказалось. Раздоръ между ними отражался даже въ „Сѣверной Пчелѣ", по поводу полемики о скрипачѣ Аполлинаріѣ Контскомъ. Офиціальный миръ между Гречемъ и Булгаринымъ возстановился въ концѣ 1856 года, но о прежнемъ дружествѣ между ними не было болѣе рѣчи. Доказательствомъ тому служитъ слѣдующее письмо Греча къ Булгарину послѣ уже возстановленія офиціальнаго мира:

„Напрасно ты употребляешь слово „дружба" въ сношеніяхъ нашихъ. Послѣ твоихъ поступковъ со мною по поводу неотысканія заключеннаго нами контракта, послѣ открытія моего, какимъ образомъ ты возстановилъ противъ меня роднаго моего сына, послѣ тѣхъ оскорбленій, которыя ты мнѣ нанесъ—дружба между нами существовать не можетъ: остались одни литературныя или даже коммерческія отношенія.

„Ты не подчиненъ моей волѣ въ финансовыхъ моихъ дѣлахъ, а, предоставляя ихъ мнѣ, получалъ все, что тебѣ, по условіямъ, слѣдовало, и если иногда сомнѣвался въ исправности счетовъ, то, при первомъ моемъ объясненіи, соглашался, что я правъ. Ни одна твоя копѣйка не тяготитъ моей совѣсти.

„Нынѣшній недочетъ произошелъ не отъ увеличенія расходовъ, а отъ уменьшенія доходовъ. Мы не смѣли отставать отъ другихъ журналовъ, должны были расширить журналъ, увеличить число сотрудниковъ, плату за статьи, за телеграфическія депеши и тому подобное. Наши недочеты произошли отъ рожденія и распространенія дешевыхъ газетъ, перепечатывающихъ нашу тяжелую работу. Тягаться и судиться съ ними было бы напрасно.

„Я никакъ не могу согласиться на то, чтобы ты продалъ свою часть. Тогда мнѣ придется свою бросить, ибо „Пчелу" купитъ какой либо

Сохраняя въ потомствѣ память людей честныхъ, благородныхъ и добродѣтельныхъ, считаю обязанностью моею не оставлять въ неизвѣстности и антиподовъ ихъ, съ которыми случалось мнѣ встрѣчаться въ жизни. Пусть увидятъ люди, подобные имъ, что вредныя ихъ наклонности и низкія дѣла не укрываются отъ дневнаго свѣта, что всегда найдутся люди, которые разоблачатъ ихъ и выставятъ ихъ чувства, помыслы

спекулянтъ, мошенникъ, для употребленія ее во зло и для приданія ей нынѣшняго, противнаго мнѣ, характера.

„Но я согласенъ продать „Пчелу“ вмѣстѣ съ тобою. Только это можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ будущаго новаго года. Вопервыхъ, сдѣлали покупки, заподряды и тому подобныя условія, которыхъ покупщикъ не приметъ. Вовторыхъ, къ концу года число подписчиковъ будетъ болѣе нынѣшняго, слѣдовательно и покупная цѣна будетъ выше. Въ третьихъ, отдать „Пчелу“ другому среди года и тѣмъ нарушить обязанность нашу къ публикѣ, было бы дѣло безчестное и унизительное, на которое я согласиться не хочу и не могу. Начали, такъ должны и кончить.

„Вотъ мое мнѣніе, отъ котораго я не отступлюсь“.

27-го декабря 1854 г., въ зданіи Перваго Кадетскаго Корпуса праздновался пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности Н. И. Греча. Въ число распорядителей празднества (Я. И. Ростовцева, П. И. Рикорда, А. М. Княжевича, графа Ѳ. П. Толстаго, В. И. Панаева) Булгаринъ не былъ приглашенъ, такъ какъ въ 1854 году между имъ и Гречемъ раздоръ былъ въ полномъ разгарѣ. Видя себя въ неловкомъ положеніи, Булгаринъ обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ генералъ-адъютанту Ростовцеву:

„Милостивый Государь, Яковъ Ивановичъ! Будучи другомъ и неразлучнымъ товарищемъ на литературномъ поприщѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ, съ 5-го февраля 1820 года, я къ крайнему моему удивленію и сердечному удовольствію, узналъ только изъ газетъ, что въ концѣ декабря 1854 года будетъ празднованъ юбилей пятидесятилѣтней полезной дѣятельности въ литературѣ Н. И. Греча. Многія лица, даже мнѣ вовсе незнакомыя, относятся ко мнѣ для полученія билетовъ на торжество, полагая, что я, какъ старый другъ и товарищъ Н. И. Греча, долженъ знать все, касающееся до юбилея. Вашему превосходительству хорошо извѣстно, что я, непревосходительный, ничего объ этомъ не знаю. Но, полагая, что на юбилеѣ будутъ присутствовать люди всѣхъ званій, признающіе литературныя заслуги Н. И. Греча, и я желалъ бы, съ двумя моими сыновьями, быть свидѣтелемъ торжества перваго русскаго грамотѣя, а потому покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать

и подвиги на позоръ и урокъ потомству. Если подобные люди, прочитавъ написанныя мною правдивыя и безпристрастныя строки, сдѣлаютъ хотя одною мерзостью меньше, я награжденъ за трудъ мой.

Александръ Өедоровичъ Воейковъ происходилъ отъ старинной и почтенной фамиліи; пращуръ его, Воейко, Войтяговъ сынъ, владѣтель Терговскій, прибылъ, въ 1384 году, изъ Пруссіи съ полутораста человѣками къ князю Димитрію Іоанновичу Донскому, принялъ православіе, получилъ въ кормленіе городъ Дмитровъ и былъ пожалованъ бояриномъ. Многіе его потомки были въ большихъ чинахъ и обладали богатыми помѣстьями. Изъ нихъ особеннаго вниманія достоинъ генералъ-аншефъ Өедоръ Матвѣевичъ (род. въ 1703, умеръ въ 1778), бывшій въ Семилѣтнюю Войну генералъ-губернаторомъ занятой тогда нашими войсками Пруссіи, и который оставилъ тамъ, своимъ правосудіемъ, благоразуміемъ и кротостью, неизгладимое донынѣ воспоминаніе.

Не знаемъ, въ которомъ колѣнѣ происходилъ отъ своего пращура нашъ герой, родившійся въ 1779 году. У него былъ братъ Иванъ Өедоровичъ. Оба они воспитаны въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ и потомъ служили въ гвардіи. Иванъ оставался въ военной службѣ до 1820 года, когда я зазналъ его. Александръ избралъ другую карьеру. Замѣчу здѣсь, что въ прежніе годы москвичи въ Петербургѣ держались тѣсно

одному изъ вашихъ писарей обстоятельно увѣдомить меня, сколько надобно платить за билетъ съ особы для присутствованія на торжествѣ и гдѣ получать билеты. Весьма многіе, даже изъ иногородныхъ почитателей Н. И. Греча, желали бы знать, какой вкладъ должно принесть въ общее пожертвованіе; но какъ дѣло сохраняется въ тайнѣ, то и намѣреніе останется безъ исполненія.

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя, покорнѣйшимъ слугою, Өаддей Булгаринъ.

23 ноября 1854.

Прим. ред.

и усердно помогали другъ другу. Знакомъ по Москвѣ значило—другъ, пріятель, чуть не родной, и чего бы онъ ни дѣлалъ, во всемъ помогали ему добрые родичи; все ему сходило съ рукъ. Александръ Воейковъ вышелъ изъ службы при императорѣ Павлѣ, поселился въ Москвѣ, началъ шалить, играть, пить и спустилъ всѣ свои двѣ тысячи душъ; шатался среди самаго гнуснаго общества, ѣздилъ по разнымъ губерніямъ и какъ-то заѣхалъ въ Бѣлевъ, гдѣ жилъ Жуковскій, знакомый съ нимъ по Москвѣ. Воейковъ имѣлъ природное остроуміе и даръ писать стихи, зналъ, съ грѣхомъ пополамъ, французскій языкъ и болѣе ничего. Въ Бѣлевѣ втерся онъ въ кругъ Жуковскаго, который имѣлъ удивительную слабость къ пустымъ людямъ, терпѣлъ ихъ и помогалъ имъ. Талантъ Воейкова, какъ и душа его, разведенъ былъ желчью. Онъ писалъ не эпиграммы, а полные пасквили, и если бы не одолѣвала его лѣнь, онъ напоролъ бы цѣлые томы всякихъ ругательствъ на людей честныхъ и почтенныхъ Всѣмъ извѣстенъ его „Сумасшедшій Домъ", въ которомъ съ большою замысловатостью разныя лица размѣщены по кельямъ — не по винѣ и заслугамъ, а болѣе по расположенію къ нимъ автора. Любимою его формою стихотворенія были посланія, раздѣлявшіяся, какъ полосы полицейскихъ будокъ, на бѣлыя и черныя. Онъ въ нихъ или льстилъ знатнымъ, сильнымъ и богатымъ, или осыпалъ бранью людей, которыхъ ненавидѣлъ; а онъ не любилъ никого въ мірѣ, всего менѣе тѣхъ, кто дѣлалъ ему добро.

Въ 1812 году пошелъ онъ было въ ополченіе, но былъ ли на дѣйствительной службѣ и какіе совершилъ подвиги—неизвѣстно. Онъ воротился по окончаніи войны въ Россію, въ Бѣлевъ, гдѣ готовилось ему неожиданное и незаслуженное счастіе. Тамъ жила одна почтенная дама, Екатерина Аѳанасьевна Протасова, рожденная Бунина, мать Александры Андреевны и Марьи Андреевны. Должно знать, что отецъ ея, Андрей Ив. Бунинъ, внѣ брака прижилъ Василія Андреевича Жуковскаго. Жуковскій жилъ у сестры, какъ сынъ

родной, и весьма естественно влюбился въ одну изъ дочерей ея, Марью Андреевну. Я не зналъ ея лично, а слышалъ, что она не была такая красавица, какъ сестра ея, но была также женщина умная, милая и кроткая. Жуковскій, на основаніи буквы законовъ, могъ бы вступить въ бракъ съ нею; но Екатерина Аѳанасьевна, боясь грѣха, не соглашалась выдать дочь за дядю, и это препятствіе къ исполненію его единственнаго желанія, къ достиженію счастія и отрады въ жизни, внушило ему то глубокое уныніе, то безотрадное на землѣ чувство, которымъ дышатъ всѣ его стихотворенія. Шиллеръ былъ счастливѣе его.

Марья Андреевна вышла впослѣдствіи замужъ за достойнаго человѣка, дерптскаго профессора Мойера, составила его счастіе, но сама жила недолго. Александра Андреевна сдѣлалась предметомъ страсти Воейкова; но смѣлъ-ли онъ, ничтожный человѣкъ, промотавшійся дворянинъ, какъ называлъ его Милоновъ, мечтать о счастіи—получитьея руку! Что же случилось?

Въ апрѣлѣ 1814 года, Воейковъ явился въ домѣ Протасовыхъ въ глубокомъ траурѣ, съ плерезами, и могильнымъ голосомъ объявилъ, что онъ осиротѣлъ въ мірѣ, что братъ его умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ при взятіи Парижа.

— У меня теперь двѣ тысячи душъ, а я — бѣднѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

Непритворная, какъ казалось, горесть его тронула весь женскій міръ, къ которому, по мягкости сердца, принадлежалъ и Жуковскій; но двѣ тысячи душъ произвели также сильный эффектъ. Послышались произносимыя въ такихъ случаяхъ шепотомъ фразы: „дѣвушку пристроить; женится—перемѣнится“, и тому подобныя тривіальныя аксіомы нелѣпаго бабьяго лексикона. Воейковъ посватался, и Сашеньку за него отдали. День свадьбы (14-го іюля 1814 года) вырѣзалъ онъ на своей печаткѣ. Едва прошли двѣ недѣли медоваго мѣсяца, какъ явился братъ Иванъ, въ опроверженіе поданнаго Воейковымъ въ Тульскую Гражданскую Палату прошенія: справить

и отказать за нимъ двѣ тысячи родовыхъ душъ, по кончинѣ брата, падшаго за вѣру и царя. Иванъ Ѳедоровичъ былъ тяжело раненъ въ правую руку и, имѣя надобность въ деньгахъ, написалъ приказъ своему старостѣ рукою товарища. Староста, не смѣя вѣрить чужой рукѣ, принесъ письмо къ Александру, а тотъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы жениться на пятнадцати-лѣтней красавицѣ. Что было дѣлать? Двѣ тысячи душъ исчезли. Осталась одна только душа — Александра Воейкова. Вотъ Жуковскій и написалъ къ Александру Тургеневу: „Спаси и помилуй! найди мѣсто Воейкову; нельзя ли на вакансію Андрея Кайсарова (убитаго при Рейхенбахѣ)?“ Тургеневъ привелъ въ движеніе свою артиллерію и Воейковъ былъ опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ русской словесности въ Дерптскомъ Университетѣ. Онъ былъ совершенный невѣжда: на лекціяхъ своихъ, на которыя являлся очень рѣдко, не преподавалъ ничего, а только читалъ стихи Жуковскаго и Батюшкова, приправляя свое чтеніе насмѣшками надъ Хвостовымъ, Шишковымъ и пр. Нѣмцамъ, ненавидящимъ трудный русскій языкъ, это было на руку. Такъ продолжалось шесть лѣтъ, во все время попечительства Клингера, который тоже не любилъ ни Россіи, ни языка ея. Въ 1820 году поступилъ попечителемъ Дерптскаго Университета князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ. По пріѣздѣ его въ Дерптъ, разумѣется, явились къ нему, на общій смотръ, всѣ профессоры. Онъ сталъ принимать ихъ одного за другимъ и многимъ изъ нихъ отдавалъ какія-то бумаги, приговаривая: „вотъ доносъ на васъ“. Когда подошелъ Воейковъ, князь поблѣднѣлъ и закричалъ:

— Вонъ отсюда! Господа, всѣ эти гнусные доносы написаны этимъ . . . . Убирайся . . . .

Съ прочими профессорами князь говорилъ по-нѣмецки, это же привѣтствіе произнесъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ.

Воейковъ опять обратился къ Жуковскому и Тургеневу. „Подлецы нѣмцы“, писалъ онъ: — „ненавидящіе всѣхъ русскихъ и особенно патріотовъ и честныхъ людей, обнесли

меня у Ливена. Какъ благородный человѣкъ (онъ всегда такъ величалъ себя), я не могъ снести гласнаго оскорбленія и принужденъ выйти. Я писалъ къ нему не доносы, а благонамѣренные совѣты".

Стали искать мѣсто Воейкову. Жуковскій вспомнилъ, что, за четыре года предъ тѣмъ, я предлагалъ ему (Жуковскому) сотрудничество въ „Сынѣ Отечества", обѣщая 6,000 руб. въ годъ. Тогда онъ отказался, имѣя въ виду мѣсто у великой княгини, а теперь вздумалъ предложить мнѣ Воейкова. Пріѣхалъ ко мнѣ, сталъ выхвалять дарованія своего друга, его прилежаніе и т. п., и убѣждалъ взять его въ сотрудники, увѣряя, что мнѣ будутъ помогать своими трудами онъ, самъ Жуковскій, К. Н. Батюшковъ, князь П. А. Вяземскій, В. Л. Пушкинъ, Н. И. Тургеневъ, Д. Н. Блудовъ и всѣ друзья его. Я не зналъ Воейкова вовсе, но, воображая, что профессоръ долженъ же быть человѣкъ знающій и грамотный, согласился на предложеніе. Въ то же время познакомился я и сблизился съ Булгаринымъ, который тогда былъ совсѣмъ не тотъ, что впослѣдствіи. Воейковъ переселился въ Петербургъ и получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ, гдѣ Александръ Тургеневъ былъ директоромъ. Въ то время образовалось Артиллерійское Училище (нынѣшняя Михайловская Академія). Зять мой, Андрей Яковлевичъ Ваксмутъ (командовавшій учебными артиллерійскими ротами), пріѣхалъ ко мнѣ отъ директора этого училища, генерала Александра Дмитріевича Засядко, съ предложеніемъ мѣста инспектора классовъ, съ жалованьемъ въ пять тысячъ рублей. Я былъ тогда директоромъ училищъ Гвардейскаго Корпуса и не могъ принять другой должности; поблагодаривъ за вниманіе, я предложилъ взять Воейкова. Засядко, полагаясь на мою рекомендацію, опредѣлилъ Воейкова, который тотчасъ же написалъ къ нему льстивое посланіе, и за то, при открытіи училища, былъ представленъ къ ордену. Воейковъ сыгралъ при этомъ случаѣ преловкую штуку. Онъ пришелъ къ Засядкѣ и съ умиленнымъ сердцемъ говоритъ:

— Во всемъ бѣда! Вы, конечно, представите меня къ 2-й степени Анны, а я ужъ представленъ къ ней Тургеневымъ за службу въ его департаментѣ, да еще съ брилліантами. Вездѣ неудачи!

Вотъ ему и дали 3-й степени Владиміра. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, пріѣхалъ я къ нему и нашелъ у него большую компанію — мужскую и дамскую. Онъ вздумалъ, по своему, потрунить надъ мною и сказалъ во всеуслышаніе:

— Вотъ товарищъ и другъ Николай Ивановичъ, а не можетъ снести, что мнѣ дали третьяго Владиміра. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ носить своего четвертаго.

Гости не знали, какъ принять это благосклонное замѣчаніе, но я надоумилъ ихъ, сказавъ:

— Помилуйте, Александръ Ѳедоровичъ, ну, стану ли я завидовать кому бы то ни было въ незаслуженномъ крестѣ?

Всѣ расхохотались.

— Мило, остро! сказалъ Воейковъ: — я сшилъ себѣ тетрадку и записываю въ ней всѣ острыя слова Греча. Напечатаю и обогащусь.

— Вы меня счастливѣе, возразилъ я: — мнѣ съ васъ поживиться нечѣмъ.

Я привелъ этотъ случай для того, чтобы показать, до какой степени Воейковъ былъ презираемъ и принужденъ былъ сносить всѣ насмѣшки и оскорбленія. Въ собственной своей гостиной онъ не отвѣчалъ, но потомъ отомщалъ сторицею.

Между тѣмъ, Воейковъ сталъ заниматься въ редакціи „Сына Отечества", но ни одно изъ обѣщаній Жуковскаго, ни одно изъ моихъ ожиданій не исполнилось. Воейковъ работалъ тяжело, лѣниво. Статьи его были вялы и неинтересны. Онъ занялся критикою, написалъ обозрѣніе прежнихъ и тогдашнихъ журналовъ, пресыщенное лестью и желчью; составилъ разборъ „Руслана и Людмилы", но такъ плохо, такъ неосновательно, что возбудилъ общее неудовольствіе. Для наполненія страницъ, онъ прибавлялъ къ своимъ сужденіямъ длинныя выписки изъ разбираемыхъ стихотвореній, состав-

лялъ ссылки изъ оглавленій и каталоговъ. На него полились со всѣхъ сторонъ антикритики, печатавшіяся, большею частью, въ самомъ „Сынѣ Отечества“. Онъ отвѣчалъ дерзко и грубо. Сохраню для потомства одинъ споръ его по значительности лица, съ которымъ онъ завязался.

Въ гостиной или передней Карамзина, куда Воейковъ ползалъ на поклоны, дали ему прекрасную эпитафію младенцу, написанную Батюшковымъ въ Неаполѣ. Она была напечатана въ № 35-мъ „Сына Отечества“ 1820 г.:

О, русскій, милый гость изъ отческой земли!
Молю тебя, замѣть сей памятникъ безвѣстный:
Здѣсь матерь и отецъ надежду погребли;
Здѣсь я покоюся, младенецъ ихъ прелестный.
Шепни имъ отъ меня:
Не сѣтуйте, друзья!
Моя завидна скоротечность:
Не знала жизни я, а знаю вѣчность.

Сообщившій это стихотвореніе Воейкову, вѣроятно на память, написалъ въ возраженіе, въ № 36-мъ, слѣдующее письмо къ издателю „Сына Отечества“:

„Царское Село, 29-го августа 1820 г. Въ послѣднемъ нумерѣ вашего журнала помѣщена эпитафія младенцу, которая сочинена въ Неаполѣ моимъ пріятелемъ Батюшковымъ, а въ Россію привезена мною. Это послѣднее обстоятельство весьма неважно, но я сообщаю вамъ объ ономъ потому, что въ моемъ мнѣніи оно даетъ мнѣ лишнее право, если не сердиться и досадовать, то, по крайней мѣрѣ, жаловаться, видя, что новое и, несмотря на краткость, прекрасное произведеніе моего друга является въ первый разъ русскимъ читателямъ не въ настоящемъ, и даже — простите мнѣ за искренность сего выраженія — въ обезображенномъ видѣ. Грубыя ошибки переписчика или типографщика портятъ всякое сочиненіе, но еще болѣе стихи, въ коихъ иногда все дѣйствіе и все достоинство слога зависятъ отъ нѣкотораго искуснаго расположенія словъ, и слѣдственно разрушаются при малѣйшей перемѣнѣ.

Сихъ разрушительныхъ перемѣнъ или ошибокъ въ эпитафіи русскаго младенца, судя по пространству всей надписи, очень много. Позвольте мнѣ ихъ замѣтить для васъ и для читателей вашего журнала.

„Первые четыре стиха напечатаны исправно; съ пятаго начинаются безпрерывныя погрѣшности.

Шепни имъ отъ меня:
Не сѣтуйте, друзья!

„Такая риѳма и такіе стихи едва ли годны для конфектнаго билета; Батюшковъ не въ состояніи написать подобныхъ; сверхъ того, онъ знаетъ, что нѣтъ нужды шептать того, что можно и хорошо сказать вслухъ. Въ его надгробіи младенецъ говоритъ просто:

Имъ молви отъ меня: не плачьте, о друзья!
Моя завидна скоротечность:
Не знала жизни я,
А знаю вѣчность.

„Вы видите, милостивый государь мой, что неизвѣстный посредникъ между вами и авторомъ, преобразивъ сначала одинъ, если не хорошій, то обыкновенный стихъ, въ два плоскіе, за то при концѣ, какъ будто въ вознагражденіе, сдѣлалъ изъ двухъ прекрасныхъ стиховъ одинъ почти дурной:

Не знала жизни я, а знаю вѣчность.

„Надобно ли замѣчать, что здѣсь нашъ поэтъ, постигнувшій тайны своего искусства, не безъ намѣренія, посредствомъ механизма стиховъ, представилъ отдѣльно двѣ великія, но различныя выгоды скоротечности умершаго младенца. Первая, что онъ не зналъ жизни, то есть, бѣдствій и заблужденій; другая, еще важнѣйшая, что знаетъ вѣчность, что безъ испытаній и горя снискалъ то благо, которое составляетъ одно— и цѣль, и цѣну жизни. Въ самой гармоніи сихъ короткихъ стиховъ, заключающихъ рѣчь изъ гроба, есть что-то нѣжное, пріятно-унылое, равно приличное мыслямъ о спокойствіи смерти и о тихомъ счастіи невинности въ небесахъ. Но вся

сія прелесть исчезаетъ отъ неудачной и, вѣроятно, неумышленной поправки въ доставленномъ къ вамъ спискѣ. Разстояніе и время производятъ одинаковое дѣйствіе, и нашъ живой соотечественникъ, потому только, что живетъ въ отдаленности, осужденъ раздѣлять участь древнихъ писателей: его стихи, кои равняются въ достоинствѣ съ лучшими надписями греческой антологіи, уже сдѣлались жертвою безпамятныхъ рапсодовъ или безграмотныхъ переписчиковъ. По счастію, не будучи ни Аристархами, ни Вольфами, мы можемъ исправить сдѣланное ему зло при самомъ началѣ: вы, милостивый государь мой, конечно не откажетесь помочь въ этомъ.

„Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ почтеніи“.

На это Воейковъ, въ № 37-мъ „Сына Отечества“, возразилъ:

„Благодарность знаменитому литератору.

„Прочитавъ въ 36-й книжкѣ „Сына Отечества“ письмо пріятеля Батюшкова и друга Батюшкова о надгробной надписи, которую сей пріятель и другъ нашего славнаго поэта вывезъ изъ Неаполя въ Россію (какъ нѣкогда Солонъ Иліаду), я чрезвычайно испугался. Опрометью бросился я къ нѣкоторымъ нашимъ поэтамъ, удостоивающимъ меня своего благорасположенія, и узналъ отъ нихъ, что ошибка моя не такъ велика, какъ сочинитель письма къ издателю „Сына Отечества“ желаетъ ее выставить, что „имъ молви“ немного стихотворнѣе словъ „шепни имъ“; что послѣдній стихъ, будучи произведенъ въ пятистопные, можетъ быть, выигралъ, и что единственная ошибка состоитъ въ раздѣленіи стиха:

Имъ молви отъ меня: не сѣтуйте, друзья!

„Сія послѣдняя могла бы почесться важною, если бы первая половина сего стиха не риѳмовала со второю. Поэты, пріятели мои, видя мое смущеніе, поспѣшили пріискать нѣсколько подобныхъ риѳмъ въ сочиненіяхъ нашего Батюшкова, который, несмотря на то, что онѣ не богаты, остается

попрежнему однимъ изъ первоклассныхъ русскихъ поэтовъ. Вотъ сіи примѣры: „мечей, друзей“, часть II, стр. 47; „очей“, „друзей“, часть II, стр. 51; „друзья“, „края“, часть II, стр. 61; „друзьямъ“, „намъ“, тамъ же; „друзей“, „Цирцей“, тамъ же, стр. 79.

„Я не стихотворецъ; самъ не знаю мѣры содѣяннаго проступка, а поэтамъ-друзьямъ своимъ не совсѣмъ довѣряю. Дружба можетъ ввесть ихъ въ заблужденіе, и потому, несмотря на ихъ доводы, не смѣю совершенно оправдываться; поспѣшность моя (съ какою диктовалъ я и потомъ не свѣрилъ) исказила безсмертные стихи того поэта, о которомъ одинъ нашъ стихотворецъ справедливо сказалъ:

А, ты въ вѣнцѣ изъ розъ и съ прадѣдовской чашей,
Пѣвецъ веселія и бѣдствій жизни нашей,
Роскошный Батюшковъ! плѣнительный твой даръ,
Любви, поэзіи, вина и славы жаръ,
Овидій, сладостный, любимецъ музъ Горацій,
Анакреонъ и ты, вы вѣруете въ грацій:
И дѣвы чистыя бесѣдуютъ съ тобой
На берегахъ Невы, подъ тѣнью липъ густой,
И роза пышная на льду при нихъ алѣетъ,
И обрывать ее косматый мразъ не смѣетъ,
И солнце яркое съ безоблачныхъ небесъ
Зимою нѣжиться зоветъ въ прохладный лѣсъ.
У Тасса взялъ ты жезлъ Армиды чудотворный,
И гордый нашъ языкъ, всегда тебѣ покорный,
Волшебникъ! подъ твоимъ перомъ роскошенъ, живъ,
Затѣйливъ, сладостенъ, и легокъ и шутливъ,
Рисуя намъ любви и муку, и блаженство:
Прелестный, пламенный твой слогъ есть совершенство [1]).

„Признавшись въ винѣ моей, мнѣ осталось поблагодарить неподписавшаго своего имени сочинителя письма, который, судя по ревности, съ какою защищаетъ честь великаго писателя, самъ долженъ быть знаменитымъ поэтомъ и, конечно,

[1]) Изъ поэмы самого Воейкова: „Искусства и Науки“, „Вѣст. Евр.“ 1819 г.

кромѣ незабвенной перевозки восьми стиховъ изъ Неаполя, оказалъ важныя услуги россійской поэзіи: онъ поступилъ со мною довольно вѣжливо, и я счастливъ, что онъ, а не другой кто, пожурилъ меня. Я бы могъ попасться въ руки къ одному изъ тѣхъ немилосердныхъ крикуновъ, которые, будучи больны желчью, всѣ предметы видятъ въ желтомъ цвѣтѣ, или, что еще хуже, къ тѣмъ, кои, страдая черныю (сплиномъ), то есть охотою все видѣть въ черномъ цвѣтѣ и выуча наизустъ Лагарпа, какъ сорока Якова, перебранили и перецѣнили все русское отъ поэмы до эпиграммы, хотя сами ни одною запятою не обогатили отечественной словесности. Отъ такихъ людей брань нестерпима. П. К—въ..."

И знаете ли, кто былъ этотъ литераторъ, котораго Воейковъ трактовалъ такъ cavalièrement? Дмитрій Николаевичъ Блудовъ...

Этотъ литературный споръ можетъ подать нынѣшнему и будущему поколѣніямъ литературы понятіе о томъ, въ какомъ райскомъ положеніи невинности и незлобія была тогдашняя наша словесность. Неправильная редакція одного стишка волновала и раздражала писателей. И все это дѣлалось изъ чистой, безкорыстной любви къ словесности; правда, по внушенію самолюбія и пристрастія къ своей партіи, но безъ всякаго разсчета на какую либо выгоду. Но именно съ того времени, съ 1820 года, возникла въ литературѣ нашей новая эра вѣка не желѣзнаго, а ассигнаціоннаго, продолжающагося нынѣ въ формѣ кредитныхъ билетовъ. Особенно содѣйствовали этому два новые писателя — Воейковъ и антагонистъ его, Булгаринъ, имѣвшіе послѣдователями Сенковскаго и всю братію литературныхъ торгашей и барышниковъ.

Сотрудничество Воейкова въ „Сынѣ Отечества" продолжалось съ половины 1820 г. до начала 1822 года. Обѣщаннаго имъ содѣйствія другихъ литераторовъ, какъ я сказалъ выше, не было.

Въ концѣ 1820 года занемогла великая княгиня Александра Θеодоровна и съ великимъ княземъ отправилась въ

Берлинъ. Жуковскій поѣхалъ съ ними, присылалъ иногда стихи свои, но серьезно не принималъ участія въ журналѣ. Друзья его охладѣли къ Воейкову, который успѣлъ насолить всѣмъ, ибо голосъ злобы и зависти былъ въ немъ сильнѣе разсчета, выгодъ и пользы. Какимъ образомъ, спросятъ у меня, умѣлъ онъ еще держаться въ свѣтѣ при такомъ образѣ мыслей, при такихъ чувствахъ и поступкахъ? Онъ обязанъ былъ всѣмъ своимъ существованіемъ несравненной женѣ своей, прекрасной, умной, образованной и добрѣйшей Александрѣ Андреевнѣ, бывшей его мученицею, сдѣлавшейся жертвою этого человѣка. Всякъ, кто зналъ ее, кто только приближался къ ней, становился ея чтителемъ и другомъ. Благородная, братская къ ней привязанность Жуковскаго, преданная безсмертію въ посвященіи „Свѣтланы", извѣстна всѣмъ. Потомъ первыми гостями ея были Александръ Ивановичъ Тургеневъ и Василій Алексѣевичъ Перовскій. Булгаринъ нѣкоторое время сходилъ отъ нея съ ума. Между тѣмъ, всѣ эти связи были чистыя и святыя и ограничивались благородною дружбою. Разумѣется, въ свѣтѣ толковали не такъ: поносили ее, клеветали и лгали на нее. Такова судьба всѣхъ возвышенныхъ людей среди уродовъ, съ которыми они обречены жить. Женская зависть играла въ этомъ не послѣднюю роль.

Воейковъ торговалъ и промышлялъ не прелестями, а кротостью своей жены. Напримѣръ, пріѣдетъ Александръ Тургеневъ и идетъ, по обычаю, въ ея кабинетъ. Двери заперты.

— Что это? спрашиваетъ онъ у Воейкова.

— Она заперлась, отвѣчалъ Воейковъ: — плачетъ.

— Плачетъ! О чемъ?

— Какъ о чемъ? Въ домѣ копѣйки нѣтъ, не на что обѣдать завтра. Заплачешь съ горя.

— Пусти меня къ ней.

— Не пущу; дай мнѣ пятьсотъ рублей.

— Возьми!

Отпираютъ дверь кабинета. Тургеневъ находитъ Але-

ксандру Андреевну дѣйствительно въ слезахъ, но вслѣдствіе огорченій, претерпѣнныхъ ею отъ мужа.

Стараясь заводить связи съ людьми денежными, но простоватыми, Воейковъ замѣтилъ въ передней Департамента Духовныхъ Дѣлъ одного купца, который приходилъ нѣсколько дней сряду.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ учтиво.

— Мнѣ слѣдуетъ получить плату за дрова, которыя я ставилъ въ разныя мѣста вашего вѣдомства, но не знаю, почему мнѣ не выдаютъ ихъ. Казначея не могу допроситься.

Воейковъ идетъ въ кабинетъ Тургенева и говоритъ ему, что, къ стыду департамента, казначей притѣсняетъ поставщика дровъ, купца Кривоносова, вѣроятно, съ умысломъ принудить его къ скидкѣ. Раздраженный Тургеневъ призываетъ казначея и съ гнѣвомъ велитъ ему въ ту же минуту удовлетворить купца. Обрадованный этимъ, Кривоносовъ является на другой день къ Воейкову, благодаритъ его и спрашиваетъ, чѣмъ можетъ послужить ему. Воейковъ проситъ только его дружбы и говоритъ, что готовъ служить ему, чѣмъ можетъ. Въ то время приступали къ перестройкѣ Артиллерійскаго Училища.

— Вотъ случай, сказалъ Воейковъ Кривоносову, котораго началъ посѣщать прилежно:—воспользоваться законною прибылью. Я засѣдаю въ Строительной Комиссіи. Предсѣдатель ея, генералъ Засядко, другъ мнѣ. Въ числѣ членовъ находится и Тургеневъ. Явитесь только на торги. Вамъ уступятъ съ удовольствіемъ. Только надобно задобрить казну: она глупа и легко поддается на удочку. Я придумалъ средство. Въ училищѣ заводятъ библіотеку. Пожертвуйте на нее что нибудь. Васъ, вопервыхъ, наградятъ медалью; вовторыхъ, не будутъ мѣшать вамъ въ торгахъ. Ручаюсь вамъ за Засядку и за Тургенева, друзей моихъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Кривоносовъ: даю пятнадцать тысячъ рублей.

Воейковъ полетѣлъ къ Засядкѣ.

— Нашелъ олуха, ваше превосходительство! восклицаетъ онъ: — я убѣдилъ купца Кривоносова пожертвовать 15 тыс. руб. на нашу библіотеку, для полученія медали.

Засядко, разумѣется, принялъ это извѣстіе съ благодарностью и сказалъ:

— Вы доставили намъ эту находку, вы ею и распоряжайтесь. Вотъ вамъ реестръ книгъ, какія намъ нужны преимущественно; на остальную же сумму изберите книги по вашему благоусмотрѣнію.

Воейковъ, получивъ деньги, отправился къ книгопродавцу И. В. Сленину, торговавшему французскими и отчасти русскими книгами.

— Иванъ Васильевичъ! солнце намъ восходитъ. Начальство Артиллерійскаго Училища поручило мнѣ составить ему библіотеку. Вотъ реестръ книгъ, которыя необходимы. Прибавьте къ тому разныхъ книгъ учебныхъ, историческихъ, какихъ угодно, только въ переплетахъ. Цѣны ставьте, какія хотите. Разумѣется, сохраните наружную благовидность.

Сленинъ понялъ и исполнилъ порученіе. Требовались книги по военнымъ наукамъ, обыкновенныя и дешевыя: онъ набралъ ихъ легко и дешево. На остальную, отъ 15 т. руб., сумму навалилъ онъ кучу книгъ старыхъ, разрозненныхъ, большею частью съ толкучаго рынка́, въ самомъ піитическомъ безпорядкѣ. Такимъ образомъ, въ числѣ томовъ „Всемірнаго Путешественника“ встрѣчались томы „Новѣйшей Поварихи“, „Письмовника“, „Сонника“ и т. п., а на переплетѣ выставлено: „Всемірный Путешественникъ“, томъ такой-то. Воейковъ принялъ книги и отправилъ въ училище; тамъ разставили ихъ по шкафамъ, какъ онѣ стоятъ, вѣроятно, и донынѣ. Деньги Воейковъ взялъ себѣ сполна, а Сленину далъ въ счетъ уплаты нѣсколько сотъ экземпляровъ непроданныхъ его „Образцовыхъ сочиненій въ прозѣ“. Впослѣдствіи уплачивалъ онъ ему процентами за продажу „Русскаго Инвалида“.

Сленинъ заикнулся было однажды, что намѣренъ искать уплаты.

— Осмѣлься, сказалъ Воейковъ, у меня въ карманѣ твой собственноручный счетъ: я докажу, что ты безбожно обманулъ казну своими цѣнами, и тогда не дадутъ тебѣ ни копѣйки, да еще и подъ судъ упрячутъ!

Между тѣмъ, Кривоносовъ ждалъ торговъ. Воейковъ объявилъ ему, что предварительно должно дать обѣдъ членамъ Строительной Комиссіи.

— Съ радостью, отозвался Кривоносовъ:—милости просимъ. Когда прикажете?

Воейковъ назначилъ день и наканунѣ говоритъ женѣ, въ присутствіи Тургенева:

— Сашенька! завтра ты должна ѣхать со мною обѣдать къ купцу Кривоносову.

— Это что за уродъ? спрашиваетъ она.

— Не уродъ, а другъ и благодѣтель мой, отвѣчаетъ Воейковъ.—Непремѣнно поѣзжай; я далъ слово.

— А мнѣ можно будетъ ѣхать съ вами? спросилъ Тургеневъ, желая провести день съ Александрою Андреевною.

— Можешь, отвѣчалъ Воейковъ, только надѣнь звѣзду и каммергерскій ключъ.

Тургеневъ охотно облекся въ свои регаліи, и они отправились... Воейковъ, представляя жену и Тургенева хозяину, сказалъ ему потомъ, отведя въ сторону:

— Александръ Дмитріевичъ (Засядко) не могъ пріѣхать. Очень жалѣетъ. Онъ приглашенъ къ обѣду великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Обѣдъ и вина были на славу. Тургеневъ насладился и обѣдомъ, и бесѣдою Александры Андреевны, не догадываясь, какую роль играетъ.

Черезъ нѣсколько дней начались торги. Явился и Кривоносовъ со своею медалью на шеѣ. Предсѣдатель Комиссіи, генералъ Засядко, узнавъ, кто онъ, приказалъ подать ему стулъ и рекомендовалъ его прочимъ членамъ Комиссіи, какъ

почтеннаго и благонамѣреннаго патріота, обогатившаго своими пожертвованіями библіотеку училища. Но тѣмъ и кончилось торжество Кривоносова. Торги шли строго и круто, что называется, въ обрѣзъ. Членами Комиссіи были доки, понаучившіеся на казенныхъ постройкахъ. Кривоносовъ вышелъ изъ Комиссіи, какъ не солоно хлебалъ: ни одного и малѣйшаго подряда ему не досталось. Все происходило на законномъ основаніи, безъ малѣйшаго послабленія въ чью бы то сторону ни было. Вотъ онъ идетъ къ Воейкову.

— Что-жъ вы не приходили въ Комиссію?

— Это не мое дѣло, я служу по учебной части и въ хозяйственную не вмѣшиваюсь.

— А Тургеневъ развѣ не членъ ея? И его не было.

— Вотъ вы дураки, купцы, всѣ такіе. Тургеневъ не служитъ при училищѣ и никого тамъ не знаетъ.

— Да вы обѣщали, Александръ Ѳедоровичъ.

— Что я обѣщалъ? Что тебя примутъ въ Комиссіи съ отличіемъ. И приняли: сиволапаго мужика посадили рядомъ съ генералами. Что же ты думалъ, что они помогутъ тебѣ обмануть и обокрасть казну? За кого ты ихъ принимаешь? Берегись, услышатъ, что ты ихъ считалъ за мошенниковъ, худо тебѣ будетъ.

Кривоносовъ умолкъ и тѣмъ дѣло кончилось. Впрочемъ, Воейковъ стащилъ съ него еще сверхъ того. По смерти Кривоносова, нашли въ его бумагахъ векселя Воейкова на пять тысячъ рублей. Воейковъ отказался отъ уплаты, потому что векселя были просрочены, и отзываясь, что Кривоносовъ былъ ему другъ, подарилъ эти деньги, а взялъ векселя такъ, для проформы!

Вотъ каковъ былъ человѣкъ, съ которымъ я имѣлъ дѣло, съ которымъ былъ въ товариществѣ. Ему мало было шести тысячъ рублей, которые онъ получалъ даромъ при изданіи „Сына Отечества". Онъ вздумалъ удалить меня совершенно. Когда случился несчастный бунтъ въ Семеновскомъ полку, онъ доносилъ на меня, называлъ меня виновникомъ мятежа,

возбужденнаго мною посредствомъ полковаго училища. Не имѣвъ успѣха въ проискахъ своихъ, клонившихся къ тому, чтобы выгнать меня изъ города и чтобы онъ остался полнымъ хозяиномъ „Сына Отечества“, онъ вздумалъ меня пугать. Пріѣхавъ ко мнѣ однажды утромъ, въ январѣ 1821 года, онъ говоритъ мнѣ:

— Вамъ худо. Вы обнесены у государя. Начальство васъ предало. Совѣтую вамъ удалиться. Поѣзжайте въ чужіе края и тамъ обождите бурю, а я, между тѣмъ, буду заниматься „Сыномъ Отечества“ и стану вѣрно выплачивать доходъ вашему семейству.

Я сначала остолбенѣлъ, но вскорѣ одумался и сказалъ:

— Я ни въ чемъ не чувствую себя виноватымъ. Если меня обвинятъ, буду просить слѣдствія и суда. Бѣгство мое будетъ свидѣтельствомъ какого нибудь преступленія, а я не сдѣлалъ ничего и не боюсь ни закона, ни царя.

— Какъ угодно, отвѣчалъ онъ:—а я исполнилъ свой долгъ, предостерегъ васъ. Въ случаѣ бѣды, пеняйте на самого себя.

Булгаринъ пришелъ ко мнѣ въ тотъ же день и, узнавъ, что мнѣ наговорилъ Воейковъ, утвердилъ меня въ мнѣніи что все это мошенничество и козни негодяя, и что я не долженъ его слушать. Исторія эта прошла со шкваломъ, какъ говорятъ моряки, но товарищество съ Воейковымъ сдѣлалось мнѣ невыносимымъ. Лишь только пріѣхалъ изъ-заграницы Жуковскій, я обратился къ нему, разсказалъ все, что произошло, и убѣдительно просилъ освободить меня отъ Воейкова. Въ то время Пезаровіусъ удалился отъ „Русскаго Инвалида“. Жуковскій успѣлъ доставить мѣсто редактора Воейкову и принудилъ его отказаться отъ участія въ „Сынѣ Отечества“. Я вздохнулъ свободно. Разумѣется, что Воейковъ сдѣлался моимъ отъявленнымъ врагомъ и всячески нападалъ на меня.

Забавна была притомъ одна продѣлка съ нимъ Булгарина. Воейковъ, желая показать превосходство „Русскаго Инвалида“ надъ „Сыномъ Отечества“, выставилъ въ немъ, что на „Сынъ

Отечества“ 750 подписчиковъ, а на „Русскій Инвалидъ“ — 1700. Булгаринъ воспользовался этимъ и подалъ въ Комитетъ 18-го августа прошеніе объ отдачѣ ему въ аренду изданія этой газеты, обязуясь платить вдвое противъ того, сколько получаютъ отъ Воейкова, и въ обезпеченіе исправной уплаты представлялъ въ залогъ пятьсотъ душъ. Комитетъ, имѣя цѣлію умноженіе доходовъ съ газеты, не могъ не принять во вниманіе этого предложенія. Семейство Воейкова пришло въ ужасъ. Жуковскій пріѣхалъ ко мнѣ и просилъ отклонить бѣду, угрожающую друзьямъ его. Я взялся уговорить Булгарина. При этомъ случаѣ Жуковскій сказалъ мнѣ:

— Скажите Булгарину, что онъ напрасно думалъ уязвить меня своею эпиграммою [1]); я во дворецъ не втирался, не жму руки никому. Но онъ принесъ этимъ большое удовольствіе Воейкову, который прочиталъ мнѣ эпиграмму съ невыразимымъ восторгомъ.

Дѣло уладилось. Булгаринъ взялъ назадъ свое прошеніе. Воейковъ просилъ меня сблизить его съ бѣшенымъ полякомъ, чтобы покончить всѣ раздоры. Мы поѣхали съ нимъ къ Булгарину. Когда мы вошли въ кабинетъ, Булгаринъ лежалъ на диванѣ и читалъ книгу. Воейковъ подошелъ къ нему и, подавая палку, сказалъ:

— Бейте меня, Ѳаддей Венедиктовичъ, я заслужилъ это; только пожалѣйте жену и дѣтей!

Рѣдкое явленіе въ исторіи литературы! Впрочемъ, Воейкову доставалось по спинѣ и натурою. Однажды обѣдали у

---

[1]) Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На ленту промѣнялъ онъ миртовый вѣнецъ,
Не подражая больше Грею,
Съ указкой втерся во дворецъ.
И что же вышло наконецъ?
Предъ знатными, сгибая шею,
Онъ руку жметъ каммеръ-лакею —
Бѣдный пѣвецъ!

По отзывамъ нѣкоторыхъ лицъ, это эпиграмма Пушкина, а по другимъ — Воейкова.

него, въ Царскомъ Селѣ, Жуковскій, Гнѣдичъ, Дельвигъ и еще нѣсколько человѣкъ знакомыхъ. Рѣчь зашла за столомъ о томъ, можно ли желать себѣ возвращенія молодости. Мнѣнія были различны. Жуковскій сказалъ, что не желалъ бы вновь пройти сквозь эти уроки опыта и разочарованія въ жизни. Воейковъ возразилъ:

— Нѣтъ! я желалъ бы помолодѣть, чтобы еще разъ жениться на Сашенкѣ......!

(Это выражено было самымъ циническимъ образомъ). Всѣ смутились. Александра Андреевна заплакала. Поспѣшили встать изъ-за стола. Мужчины отправились въ верхнюю свѣтелку, чтобы покурить, и, по чрезвычайному жару, сняли съ себя фраки. Воейковъ пришелъ туда тоже и вздумалъ сказать что-то грубое Жуковскому. Кроткій Жуковскій схватилъ палку и безжалостно избилъ статскаго совѣтника и кавалера по обнаженнымъ плечамъ. А на другой день опять помогалъ ему, во имя Александры Андреевны.

— Бѣда наша, сказалъ я однажды:—если Александра Андреевна въ беременности захочетъ поѣсть хрящу изъ Гречева уха. Пріѣдетъ Жуковскій и станетъ убѣждать: „сдѣлайте одолженіе, позвольте отрѣзать хоть только одно ухо, или даже половину уха; у васъ еще останется другое цѣлое, а, вмѣсто отрѣзаннаго, я вамъ сдѣлаю наставку изъ замши. Только бы утолить голодъ Александры Андреевны“.

Обширное поле подвигамъ Воейкова открылось послѣ 14-го декабря. У него хранилась на всякій случай записка, полученная имъ, въ 1820 году, отъ Булгарина, проигравшаго дѣло свое въ сенатѣ:

„Все пропало. Я погибъ. Злодѣи меня сгубили. Проклинаю день и часъ, когда я пріѣхалъ въ Россію. Не знаю, что дѣлать и на что рѣшиться, чтобы выпутаться изъ ужаснаго моего положенія. Ѳ. Булгаринъ“.

Воейковъ прибавилъ къ этому только число: „15-ое декабря 1825 г.“ и представилъ въ полицію. Дѣло скоро объяснилось и не имѣло послѣдствій. Въ концѣ декабря пришелъ ко мнѣ

Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ и принесъ письмо, полученное имъ отъ неизвѣстнаго, въ которомъ изъявлялось удивленіе, что, при арестованіи бунтовщиковъ и злодѣевъ, оставили на волѣ двухъ важнѣйшихъ: Греча и Булгарина. Адресъ написанъ былъ рукою Воейкова и записка запечатана его печатью, о которой я упоминалъ выше. Я тогда лежалъ больной въ постели, послалъ за Жуковскимъ и, когда онъ пріѣхалъ, отдалъ ему произведеніе его друга и родственника. Жуковскій ужаснулся, поблагодарилъ меня за пощаду и сказалъ, что уйметъ негодяя, но видно не успѣлъ. Недѣли чрезъ двѣ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ получилъ письмо изъ Москвы отъ тамошняго военнаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына, о ругательныхъ письмахъ и доносахъ, полученныхъ тамъ многими лицами, между прочимъ, издателемъ „Телеграфа" Н. А. Полевымъ и самимъ Голицынымъ. Князь, приведенный въ негодованіе гнусными навѣтами писемъ, хотѣлъ было послать ихъ прямо къ государю, для отысканія и наказанія подлыхъ клеветниковъ, но предварительно спросилъ у Полеваго, не знаетъ ли онъ, чьею рукою они написаны. Полевой отвѣчалъ, что это, кажется ему, почеркъ руки петербургскаго литератора Олина. Князь вспомнилъ, что видѣлъ этого литератора у А. Н. Оленина и полагалъ, что Оленину непріятно будетъ, что опозорятъ знакомаго ему человѣка. Подозрѣвая, можетъ быть, что въ прозвищѣ его сокращено имя отца, какъ въ Бецкомъ, Пнинѣ, Умянцовѣ и т. п., отправилъ онъ письма къ Оленину, для вразумленія молодаго смѣльчака. Въ этихъ письмахъ опять называемы были Гречъ и Булгаринъ заговорщиками и бунтовщиками. Оленинъ, прочитавъ письмо, сказалъ съ досадою:

— Какое мнѣ дѣло до Олина? Разъ какъ-то Гнѣдичъ привозилъ его ко мнѣ, а, впрочемъ, я его не знаю. И что я за полицейскій?

Въ это время вошелъ въ комнату секретарь его, извѣстный археографъ и разборщикъ рукописей, А. Н. Ермолаевъ. Оленинъ далъ ему письмо и сообщилъ о своемъ недоумѣніи.

— Я знаю эту руку, сказалъ Ермолаевъ. Это рука пьяницы (Иванова, Григорьева, что ли, не знаю), котораго мы выгнали изъ канцеляріи.

— Отыскать его, сказалъ Оленинъ.

Чрезъ часъ привели пьянаго писаря и онъ объявилъ со слезами, что это точно его рука, что онъ написалъ двадцать копій этого письма, по пяти рублей за каждую, по требованію Воейкова, и запечаталъ ихъ, а адресы надписывалъ уже потомъ самъ сочинитель. И тутъ дѣло пошло обычнымъ чередомъ: послали не за оберъ-полицiймейстеромъ, а за Жуковскимъ. Воейкова пожурили вновь и подвели подъ милостивый манифестъ — прекрасныхъ глазъ Александры Андреевны.

Такимъ образомъ влачилъ онъ жизнь свою. Издавалъ „Инвалидъ", „Новости Литературы", „Славянинъ" и „Литературныя Прибавленія", изрыгая въ нихъ брань и хулу на все честное, благородное, воскуривалъ ѳиміамъ знатнымъ и богатымъ. Жена его, изнуренная бѣдственнымъ своимъ положеніемъ, впала въ чахотку и отправилась въ Италію. За нѣсколько дней до отъѣзда, въ присутствіи Жуковскаго, попросила она у Воейкова почтовой бумаги.

— Поди ко мнѣ въ кабинетъ, сказалъ онъ:—найдешь на моемъ письменномъ столѣ.

Она пошла, и чрезъ нѣсколько минутъ воротилась блѣдная и въ слезахъ, неся въ рукахъ бумагу. Это была эпитафія, заблаговременно написанная ея мужемъ для начертанія на ея могилѣ!

Александра Андреевна умерла въ Ниццѣ, въ іюнѣ 1829 года, оставивъ по себѣ въ душахъ всѣхъ, кто зналъ ее, неизгладимое воспоминаніе ея достоинствъ, добродѣтелей и страданій.

Я нѣсколько лѣтъ не видался съ Воейковымъ, встрѣчая его иногда ѣдущаго въ дрожкахъ или въ саняхъ по улицамъ на поклоны и на пакости, какъ написалъ о немъ Булгаринъ:

Лишь только занялась заря
И солнце стало надъ горой,
Воейковъ ѣдетъ на разбой:
Сарынь на кичку кинь.

Онъ разъ свалился съ дрожекъ, расшибъ себѣ ногу и охромѣлъ, приплюснулъ носъ и носилъ среди лица пластырь подъ черною повязкою. Булгаринъ, увидѣвъ его впервые подъ этою печатью, воскликнулъ стихомъ Батюшкова:

И трауромъ покрылся Капитолій!

Разскажу послѣднія похожденія мои съ Воейковымъ. По смерти Александры Андреевны, вступилъ онъ въ бракъ съ какою-то дѣвицею Некрасовою (кажется, съ кухаркою его), подбился къ И. Н. Скобелеву и къ Л. В. Дубельту, льстилъ имъ и питался крохами отъ ихъ трапезы.

Осенью 1838 года, давнишній знакомый мой, полковникъ Лахманъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Я нашелъ у него Воейкова еще въ жалчайшемъ противъ прежняго положеніи. Я обошелся съ нимъ учтиво, какъ съ старымъ знакомымъ, и онъ пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ. Нельзя было отговориться. Я поѣхалъ къ нему съ Лахманомъ и нашелъ у него Скобелева и еще нѣсколько лицъ. Мы провели время за чаемъ очень пріятно, слушая росказни „отца-командира". Воейковъ жилъ гдѣ-то на Литейной, въ переулкѣ, въ невзрачномъ деревянномъ домикѣ. Уходя отъ него, я не могъ не пригласить его къ себѣ. Вотъ, въ первый изъ моихъ четверговъ, онъ является ко мнѣ, садится въ кружокъ съ немногими гостями. Пьемъ чай, бесѣдуемъ. Вдругъ зашла рѣчь о покойномъ графѣ Павлѣ Петровичѣ Сухтеленѣ, одномъ изъ честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей въ мірѣ. Всѣ принялись хвалить его. Воейковъ соглашался, что графъ былъ уменъ и храбръ, но прибавилъ: „онъ былъ развратникъ, человѣкъ самой подлой нравственности". Поднялся споръ. Всѣ вступаются за Сухтелена. Воейковъ прямо настаиваетъ на своемъ. Въ это время входитъ

въ комнату нѣкто Гибаль, проживш1й нѣсколько лѣтъ въ Оренбургѣ въ домѣ графа и бывш1й свидѣтелемъ его скоропостижной кончины.

— Александръ Богдановичъ! сказалъ я: — рѣшите нашъ споръ. Вы коротко знали графа Сухтелена: не правдали, онъ былъ человѣкъ чистой нравственности?

— Чистѣйшей въ мiрѣ, отвѣчалъ Гибаль.—Мы всячески старались подсмотрѣть за нимъ какую либо слабость и не успѣли. Онъ былъ безпороченъ, какъ агнецъ.

Воейковъ смутился этимъ объясненiемъ, всталъ, опираясь на костыль, и отправился на утечку. Я пошелъ за нимъ чрезъ билліардную комнату. Тамъ игралъ Петръ Ильичъ Юркевичъ съ кѣмъ-то; они разговаривали о военныхъ дѣйствiяхъ, не помню какихъ-то.

— Да это напечатано было въ реляцiи! сказалъ другой.

— А развѣ ты не знаешь поговорки, возразилъ Юркевичъ:—„лжетъ, какъ реляцiя"!

Тутъ Воейковъ возвысилъ свой вѣрноподданническiй голосъ:

— Молодой человѣкъ! какъ вы смѣете говорить это? Реляцiи пишутся и издаются правительствомъ, и кто называетъ ихъ ложью, тотъ....

— Молчать, шпiонъ! закричалъ я:—вонъ изъ моего дома!

Воейковъ разинулъ было ротъ, но я подошелъ къ нему и еще громче закричалъ:

— Вонъ!...

— Иду, иду, промолвилъ онъ и вышелъ въ переднюю. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его.

Онъ умеръ 16-го iюня 1839 г., написавъ письмо къ Л. В. Дубельту о неоставленiи жены его: „она-де женщина простая, но благородная въ душѣ".

Въ числѣ замѣчательныхъ литературныхъ событiй, о которыхъ я долженъ упомянуть для обозначенiя моего въ нихъ участiя, находится юбилей Крылова, въ февралѣ 1838 года, котораго начало и обстоятельства выставлены были не только въ русскихъ, но и въ иностраннымъ журналахъ (именно въ

„Allg. Zeitung") въ превратномъ видѣ, для меня обидномъ и огорчительномъ. Скажу объ этомъ случаѣ нѣсколько правдивыхъ словъ.

Нѣсколько зимъ сряду нѣкоторые литераторы и артисты собирались по вечерамъ, въ среду, у Н. В. Кукольника, для проведенія времени въ дружеской бесѣдѣ. Хотя въ числѣ собесѣдниковъ были трое записныхъ гулякъ и пьяницъ (самъ хозяинъ, К. П. Брюловъ и М. И. Глинка), но вообще собранія эти были благопристойныя и тихія, при всей свободѣ литературнаго разгула. На одномъ изъ этихъ вечеровъ зашла рѣчь о Крыловѣ и о долговременной его литературной дѣятельности. Стали считать и нашли, что онъ трудился на Парнасѣ долѣе пятидесяти лѣтъ. Тутъ я предложилъ отпраздновать его юбилей. Мысль эту приняли съ единодушнымъ восторгомъ. Составили планъ празднества и назначили членовъ-учредителей комитета. Выбраны были: А. Н. Оленинъ, графъ Мих. Ю. Віельгорскій, К. П. Брюловъ, Кукольникъ, Карлгофъ и я. Я въ ту же минуту написалъ программу юбилея. Ее передали бывшему тутъ же Владиславлеву, адъютанту графа Бенкендорфа, для испрошенія высочайшаго соизволенія. Графъ съ удовольствіемъ взялся за дѣло и на другой же день поднесъ программу государю. Николай Павловичъ, любившій Крылова, обрадовался этому случаю оказать ему свою милость, пожаловалъ Крылову Станислава второй степени со звѣздою и позволилъ отпраздновать юбилей по програмиѣ. Дѣло поступило для исполненія въ III Отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи, которое, найдя, что оно подлежитъ исполненію со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія, отправило его къ С. С. Уварову. Что же онъ сдѣлалъ? Въ досадѣ на то, что не онъ былъ избранъ предсѣдателемъ комитета, онъ исключилъ изъ числа учредителей графа Віельгорскаго, Брюлова, Кукольника и меня и назначилъ на мѣсто ихъ Жуковскаго, князя Одоевскаго и еще кого-то изъ своихъ клевретовъ. Я не зналъ этого, и, слышавъ только, что государь принялъ наше предложеніе съ удовольствіемъ, ждалъ офиціальнаго о

32*

томъ увѣдомленія. Вдругъ получаю письмо отъ Жуковскаго, съ увѣдомленіемъ объ имѣющемъ быть юбилеѣ и съ препровожденіемъ пятидесяти билетовъ для раздачи желающимъ въ немъ участвовать. Это меня взбѣсило. Устранили учредителей юбилея отъ участія въ немъ и еще дразнятъ. Я возвратилъ билеты Жуковскому при письмѣ, въ которомъ объявилъ, что не только не берусь раздавать билеты, но и самъ не пойду на юбилей. Въ этомъ случаѣ я поступилъ неосмотрительно: мнѣ надлежало бы самому пойти къ Жуковскому и съ нимъ объясниться. Булгаринъ и Полевой (Николай Алексѣевичъ, бывшій въ то время нашимъ сотрудникомъ) объявили, что не пойдутъ и они.

Наканунѣ юбилея (во вторникъ, 1-го февраля) сидѣлъ я во французскомъ театрѣ. Вдругъ прибѣгаетъ Булгаринъ, вызываетъ меня въ корридоръ и объявляетъ, что высшее начальство (т. е. графъ Бенкендорфъ) желаетъ и требуетъ, чтобы мы были на юбилеѣ непремѣнно, и что онъ пойдетъ за билетами къ Смирдину, у котораго они продавались. Я отвѣчалъ, что никакое высшее начальство не можетъ предписать мнѣ, чтобы я въ такой-то день обѣдалъ за мои деньги именно тамъ-то, что я жестоко оскорбленъ и считаю подлостью идти по приказанію туда, откуда меня выгнали, но объявилъ, что вмѣсто себя пошлю сына. Съ этими словами далъ я Булгарину пятьдесятъ рублей, чтобы онъ взялъ билетъ. Между тѣмъ, новые учредители, узнавъ о моемъ отказѣ, запретили давать намъ билеты. Смирдинъ объявилъ, что всѣ билеты разобраны. Только Полевой добылъ себѣ билетъ при посредничествѣ князя Одоевскаго. На другой день облекся я въ госпитальный халатъ и написалъ къ Крылову самое дружеское, теплое письмо, съ поздравленіемъ и съ изъявленіемъ сожалѣнія, что болѣзнь не дозволяетъ мнѣ выйти со двора. Когда многочисленная, отборная публика собралась на юбилеѣ, многіе, зная дружескія мои отношенія къ Крылову, съ удивленіемъ замѣтили мое отсутствіе. Первый графъ А. И. Чернышевъ спросилъ у Уварова:

— Что это значитъ? Я не вижу Греча; почему нѣтъ его?

— Не знаю, отвѣчалъ Уваровъ съ досадою.

Потомъ обратился къ нему и Канкринъ: „что это значитъ, Сергѣй Семеновичъ, что Греча нѣтъ на юбилеѣ?“ Уваровъ взбѣсился и пошелъ съ жалобою къ Бенкендорфу, называя неявку мою съ Булгаринымъ стачкою и бунтомъ. Между тѣмъ, юбилей прошелъ благополучно, блистательно, громко, но холодно. Пѣли очень хорошіе куплеты кн. Вяземскаго. За нѣсколько лѣтъ до того, Вяземскій, въ одномъ посланіи своемъ, воспѣвалъ трехъ баснописцевъ „Ивановъ“: Лафонтена, Хемницера и Дмитріева, а слона-то и не замѣтилъ; теперь же возгласилъ: „Здравствуй, дѣдушка Крыловъ“.

На другой день позвали меня съ Булгаринымъ къ Дубельту. Леонтій Васильевичъ объявилъ намъ, что графъ Бенкендорфъ на насъ гнѣвается и что мы, не явившись на юбилей не могли причинить ему большаго неудовольствія.

— Извините, ваше превосходительство, отвѣчалъ я: — могли, но не причинили.

— Какъ такъ? спросилъ онъ съ изумленіемъ:

— Вчера, на юбилеѣ, продолжалъ я: — когда встали изъ-за стола, подвыпившій дѣйствительный статскій совѣтникъ Карлгофъ подошелъ къ сотруднику нашему, Полевому, и сказалъ ему: „явился, п......, когда приказали“. Полевой, безчиновный литераторъ, проглотилъ обиду, не сказавъ ни слова. А если бы Карлгофъ сказалъ это мнѣ, я отвѣтилъ бы его превосходительству какъ слѣдовало и сегодня, конечно, одного изъ насъ не было бы уже въ живыхъ. Я уклонился отъ присутствія на юбилеѣ, вслѣдствіе тяжелой обиды, нанесенной мнѣ Уваровымъ, исключеніемъ меня изъ числа учредителей празднества, которое придумано и предложено было мною.

— Напишите все это, сказалъ Дубельтъ: — чтобы мы могли отвѣчать Уварову.

Я сѣлъ и тутъ же набѣло изложилъ все дѣло. Чрезъ нѣсколько дней Дубельтъ, при встрѣчѣ со мною, сказалъ мнѣ:

— Уваровъ проситъ оставить это дѣло безъ дальнѣйшаго слѣдствія.

— Охотно, сказалъ я:—вѣдь не я начиналъ его.

Воейковъ напечаталъ въ „Инвалидѣ“, что мы съ Булгаринымъ не хотѣли участвовать въ юбилеѣ. Я отвѣчалъ въ „Пчелѣ“, что мы наканунѣ не могли получить билета. Жуковскій, не зная истиннаго положенія дѣла, возразилъ въ „Инвалидѣ“, что прислалъ ко мнѣ билеты за нѣсколько дней и я отъ нихъ отказался. Я, вслѣдствіе обѣщанія, даннаго Дубельту объ оставленіи этого дѣла безъ послѣдствій, не могъ отвѣчать. Уваровъ злился на меня жестоко. При открытіи новаго университетскаго зданія (25-го марта 1838 г.), увидѣлъ меня Сперанскій, подошелъ ко мнѣ и сталъ дружелюбно говорить со мною, выражая свое удовольствіе, что я, въ письмахъ своихъ изъ Франціи, описывая пребываніе мое въ замкѣ Валансеѣ, сказалъ, что Талейранъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о Сперанскомъ, котораго онъ видѣлъ, въ 1808 г., въ Эрфуртѣ. Уваровъ, не видя, съ кѣмъ говоритъ Сперанскій, подошелъ было къ нему, но, увидѣвъ меня, измѣнился въ лицѣ и хотѣлъ отойти. Я охотно и учтиво уступилъ ему мѣсто.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого былъ я въ засѣданіи Академіи Наукъ, при объявленіи о назначеніи Демидовской преміи. Входитъ Уваровъ. „Ну,—думаю я:—опять онъ броситъ на тебя змѣиный взглядъ“. — Ничуть не бывало. Увидѣвъ меня, подошелъ онъ ко мнѣ и началъ разговаривать со мною очень ласково. Я изумился этому и обрадовался, ибо нашему брату, журналисту, накладно быть не въ ладахъ съ министромъ Просвѣщенія.

На другой день загадка разрѣшилась. Ко мнѣ пріѣхалъ директоръ его канцеляріи, почтенный, добрый, благородный В. Д. Комовской, и сообщилъ просьбу Уварова: помѣстить въ „Пчелѣ“ окончательный выводъ изъ прошлогодняго отчета его о Министерствѣ Просвѣщенія. Я охотно исполнилъ его желаніе и съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь со мною, онъ былъ

учтивъ и привѣтливъ. Съ Жуковскимъ объяснялся я о дѣлѣ юбилея не прежде 1843 г., когда посѣтилъ его, проѣзжая чрезъ Эмсъ. Это объясненіе происходило въ присутствіи Гоголя. Между тѣмъ, Жуковскій, по случаю того же юбилея, чуть не разссорился съ Уваровымъ. Въ рѣчи своей на юбилеѣ, Жуковскій упомянулъ съ теплымъ участіемъ о Пушкинѣ, котораго Уваровъ ненавидѣлъ за стихи его на выздоровленіе графа Шереметева. Уваровъ приказалъ подать къ себѣ изъ цензуры, въ рукописи, всѣ статьи о юбилеѣ Крылова и исключилъ изъ нихъ слова Жуковскаго о Пушкинѣ. Жуковскій жестоко вознегодовалъ на это и настоялъ на томъ, чтобы рѣчь его (не помню, гдѣ именно) была напечатана вполнѣ.

Упомяну при этомъ случаѣ о дальнѣйшихъ моихъ сношеніяхъ съ Уваровымъ. Въ 1844 году, живя въ Парижѣ, я набросалъ нѣсколько страницъ о средствахъ къ водворенію порядка и правосудія въ русской администраціи и юстиціи, полагая главнымъ къ тому способомъ образованіе дѣльныхъ и честныхъ чиновниковъ; вслѣдъ затѣмъ изложилъ недостаточность нашего университетскаго образованія и составилъ планъ преобразованія нашей учебной части. Эта бумага лежала въ моемъ портфелѣ безъ употребленія и извѣстности. Въ 1850 году, когда С. А. Кокошкинъ былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго Университета, я случайно, въ разговорѣ съ нимъ, упомянулъ объ этой бумагѣ. Онъ выпросилъ ее у меня навремя, и я имѣлъ неосторожность уступить. Вѣроятно, онъ сообщилъ ее Уварову. Тотъ воспылалъ гнѣвомъ и вооружился противъ безгласной, никому неизвѣстной рукописи (въ которой, впрочемъ, о немъ самомъ упоминается съ уваженіемъ); вообразилъ, что она ходитъ по рукамъ, что она составлена обществомъ, въ которомъ участвовали И. П. Шульгинъ [1]), Булгаринъ и я; сочинилъ, при помощи И. И. Давыдова, статью въ оправданіе нашихъ университетовъ и напечаталъ ее въ „Современникѣ“, въ силу правъ министра,

---

[1]) Иванъ Петровичъ Шульгинъ, профессоръ исторіи.

безъ одобренія ея обыкновенною цензурою. Съ тѣхъ поръ онъ жестоко на меня сердился, считалъ меня личнымъ своимъ врагомъ. Когда, въ декабрѣ 1852 года, ему дали голубую ленту, я, зная бѣдственное его физическое и нравственное положеніе, вслѣдствіе претерпѣнныхъ имъ неудовольствій, искренно тому порадовался и, встрѣтившись съ П. Г. Ободовскимъ [1]) на Невскомъ проспектѣ, объявилъ ему объ этомъ пожалованіи. Ободовскій поспѣшилъ къ Уварову съ поздравленіемъ, и на вопросъ, кто сообщилъ ему о томъ, добрый Ободовскій отвѣчалъ, что сообщилъ ему эту новость я, и притомъ съ большимъ удовольствіемъ. Уваровъ этимъ былъ очень обрадованъ и говорилъ всѣмъ, въ свидѣтельство справедливости этой награды: „Вообразите, и Гречъ тому радуется!“ Бѣдный графъ! если бы онъ не отчуждалъ меня отъ себя, то нашелъ бы во мнѣ не чиновника, а искренняго друга, въ тысячу разъ вѣрнѣе и искреннѣе тѣхъ лицъ, которыми онъ окружилъ себя, которыя ему льстили, угождали, а потомъ бросили и даже надъ нимъ насмѣхались.

[1]) Въ то время инспекторъ классовъ въ Екатерининскомъ Институтѣ, въ Петербургѣ.

ПРИМѢЧАНІЕ I, КЪ СТРАН. 297.

Историческая записка о дѣлѣ С.-Петербургскаго Университета.

С.-Петербургскій университетъ имѣлъ несчастіе навлечь себѣ ужасное нареканіе со стороны своего начальства и чрезъ то обратить на себя вниманіе не только столицы, но всей Россіи, а можетъ быть и цѣлой Европы. Внезапное обвиненіе профессоровъ: Германа, Раупаха, Галича и адъюнктъ-профессора Арсеньева возбудило любопытство публики, состраданіе всѣхъ людей благомыслящихъ и участіе самого монарха. Поводъ къ сему обвиненію отъ начальства объявленъ, но истинныя причины, оставаясь загадкою для всякаго посторонняго, подразумѣваются и рано или поздно могутъ быть обнаружены, выведены и доказаны, какъ изъ связи происшествій и обстоятельствъ, большею частію извѣстныхъ, такъ и изъ оффиціальныхъ бумагъ.

Самое производство сего дѣла въ университетскихъ собраніяхъ ноября 3-го, 4-го и 7-го дня 1821 года, при которомъ настоятельно требовалось обвиняемыхъ непремѣнно осудить по самому обвиненію, отнявъ всѣ возможныя и законныя средства къ ихъ оправданію,—само это по себѣ уже достопримѣчательное во многихъ отношеніяхъ производство дѣла есть только простое и весьма естественное слѣдствіе оныхъ причинъ. Не стоило ни малѣйшаго труда изложить со всею историческою точностію, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія происшествія, случившіяся въ сихъ собраніяхъ, чрезвычайныхъ не по одному названію, но и по сущности. Оставалось только сличить и повѣрить, большею частію написанныя тогда же для памяти, замѣчанія тѣхъ изъ членовъ конференціи, кои полагали, что не иначе можно слѣдовать преднамѣреваемымъ, притомъ чужимъ и постороннимъ планамъ, какъ развѣ забывши долгъ, поправши честь, презрѣвши стыдъ и усыпя совѣсть.

II

Засѣданіе 3-го ноября.

Подъ предсѣдательствомъ г. исправляющаго должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, д. с. с. и кавалера Дмитрія Павловича Рунича. Началось въ 10 часовъ утра. Предполагалось, что главная цѣль сего собранія оставалась для членовъ неизвѣстною, потому что тайно и необыкновеннымъ образомъ приглашенные къ оному обвиняемые профессоры собраны были въ особомъ уединенномъ отъ присутствія залѣ.

По прибытіи предсѣдательствующаго, г. Рунича, и директора г. Кавелина, избранъ профессоръ Плисовъ, за болѣзнію конференцъ-секретаря Бутырскаго, къ исправленію его должности.

Читаны сперва г. президентомъ собранія два отношенія къ нему г. Мин. Дух. Дѣлъ и Н. Просв., при которыхъ препровождались два Высочайшія повелѣнія о томъ, что С.-Петербургскій Университетъ удостоенъ титула Императорскаго университета, и что профессоръ Балугіанскій увольняется отъ званія ректора.

Третьимъ отношеніемъ г. министръ предлагаетъ исправленіе должности ректора въ университетѣ поручить до времени г. заслуженному профессору Зябловскому.

Потомъ г. Руничъ велѣлъ подать портфель и вслѣдъ затѣмъ началъ читать самъ же представленіе свое на имя г. министра Д. Д. и Н. П., содержаніемъ коего было то, что, еще прежде вступленія его въ исправленіе должности попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, доходили до него слухи, что въ здѣшнемъ университетѣ преподается ученіе на правилахъ разрушительныхъ, что онъ тому не вѣрилъ, предполагая, что примѣръ Казанскаго Университета и профессора Куницына, вѣроятно подѣйствовалъ, что, вступивши въ отправленіе должности попечителя, онъ препоручилъ г. директору взять (тайно) отъ нѣкоторыхъ студентовъ и воспитанниковъ благороднаго пансіона дѣланныя ими записки по части преподаванія нѣкоторыхъ профессоровъ, что изъ сихъ записокъ усмотрѣлъ онъ, что профессоръ Раупахъ проповѣдуетъ явно обдуманную систему невѣрія и проч., что профессоръ Германъ изъ статистики, науки простой, дѣлаетъ то же. Тутъ слѣдовали разныя ужасныя, неимовѣрныя и даже въ различныхъ отношеніяхъ невозможныя преступленія, въ коихъ оные профессоры обвинялись отъ г. исправляющаго должность попечителя, и, между прочимъ, сколько помнить можно, въ маратизмѣ и робеспіеризмѣ. Такого же рода были обвиненія профессора Галича и адьюнктъ-профессора Арсеньева.

Вслѣдъ затѣмъ читалъ г. Руничъ послѣдовавшее на то предложеніе г. министра, при которомъ препровождаетъ выписки изъ тетрадей и книгъ и заготовленные въ Главномъ Правленіи Училищъ вопросные пункты, на ко-

торые предлагаетъ требовать отъ обвиняемыхъ профессоровъ отвѣтовъ, для сужденія и мнѣнія по оному конференціи.

Г. Руничъ велѣлъ экзекутору позвать въ присутствіе сперва профессора Германа, а между тѣмъ позволилъ себѣ не только укорительныя и неумѣстныя замѣчанія на счетъ отзыва Германа къ ректору, но также странныя, а еще болѣе неприличныя насмѣшки на счетъ тутъ находившихся собственноручныхъ его тетрадей, называя оныя гадкими, мерзкими, чтобы взять въ руки, и къ тому еще смердящими. Онъ даже предлагалъ нюхать оныя кому угодно, показывая со своей стороны отвращеніе отъ какого-то дурнаго запаха и зажимая носъ. При семъ не пощаженъ даже покойный Шлецеръ, бывшій учитель Германа.

Между тѣмъ, явился въ присутствіе Германъ; г. Руничъ читалъ ему вопросные пункты, до обвиненія его касающіеся, а г. Кавелинъ выписки изъ студенческихъ тетрадей. Чтеніе продолжалось долго; Германъ наблюдалъ молчаніе и между тѣмъ сѣлъ на одинъ изъ стоявшихъ въ особомъ ряду позади стульевъ, кои вѣроятно для того и были поставлены.

По окончаніи чтенія, г. Руничъ требовалъ, чтобы Германъ тутъ же далъ тотчасъ письменные отвѣты на каждый вопросный пунктъ особо. Троекратно обращался Германъ къ собранію съ просьбою о сообщеніи ему оныхъ вопросныхъ пунктовъ на домъ, дабы ему можно было въ спокойномъ духѣ дать удовлетворительные на оные отвѣты, но г. Руничъ отказывался совершенною невозможностью того позволить,—велѣлъ ему садиться тутъ же за особымъ столомъ и немедля писать отвѣты. Германъ безпрекословно повиновался.

Профессоръ Плисовъ долженъ былъ сѣсть съ нимъ вмѣстѣ, чтобы читать и переводить оные вопросные пункты, но, видя продолжаемыя со стороны г. Рунича и словами, и тѣлодвиженіями, неприличныя насмѣшки на счетъ помянутыхъ тетрадей Германа, и частію развлекаясь, частію показывая знаки удивленія, останавливался при чтеніи обвинительныхъ пунктовъ. Замѣтя то, г. Руничъ спрашивалъ г. Кавелина довольно двусмысленно: развѣ г. Плисовъ не русскій?

Тутъ Германъ, сперва чрезъ Плисова, а потомъ самъ лично, началъ просить о позволеніи писать отвѣты въ особой камерѣ. Г. Руничъ не соглашался, а наконецъ, по представленіямъ нѣкоторыхъ членовъ, просьба Германа уважена и Плисовъ отряженъ съ нимъ, для надзора при составленіи письменныхъ его отвѣтовъ въ особой камерѣ.

Между тѣмъ, по приказанію г. Рунича, призванъ профессоръ Раупахъ, который, вошедши въ присутствіе и учтиво поклонясь собранію, сѣлъ тотчасъ на одномъ изъ позади стоявшихъ стульевъ. Онъ просилъ позволенія говорить пофранцузски, но ему читали порусски, и онъ увѣрялъ, что понимаетъ. По прочтеніи обвиненій, г. Руничъ требовалъ отъ Раупаха, какъ прежде и отъ Германа, но только съ нѣкоторыми угрозами, чтобы

онъ тутъ же садился и писалъ немедленно отвѣты на каждый вопросный пунктъ особо.

Раупахъ отвѣчалъ, что это въ тогдашнемъ положеніи его невозможное дѣло, и что онъ не иначе можетъ отвѣчать, какъ тогда, когда возвращены ему будутъ собственныя его тетради и тетради того изъ студентовъ, по которымъ сдѣланы выписки.

„Итакъ, вы не повинуетесь собранію, сказалъ ему г. Руничъ, а слѣдовательно и Главному Правленію Училищъ, а потому и министру, а посему и государю (указывая на зерцало, которое тутъ нарочито для сего случая поставлено, ибо ни прежде, ни послѣ не было зерцала въ собраніи правленія и конференціи), словомъ, не повинуетесь верховной власти, поставленной отъ Бога, и не признаете никакого закона“. Члены конференціи изумились. „On ne peut pas m'imposer une loi, que je suis incapable de remplir“, отвѣчалъ Раупахъ кротко и съ нѣкоторымъ благороднымъ негодованіемъ на подобныя заключенія. „Ah! on ne peut pas vous imposer une loi?“ прервалъ его торопливо г. Руничъ, повторяя сіи слова и пропустивши послѣднія. „Que je suis incapable de remplir“, прибавлялъ всякій разъ Раупахъ.

„Ну, посмотримъ, что далѣе будетъ, продолжалъ г. Руничъ; садитесь тамъ за столомъ и отвѣчайте, какъ можете и что хотите“.

Раупахъ сѣлъ за особый столъ и написалъ свой отвѣтъ, въ которомъ подтвердилъ свой отзывъ о невозможности дать удовлетворительные отвѣты на предложенные ему вопросные пункты.

Отвѣтъ сей измѣненъ переводомъ профессора Толмачева, какъ то многіе при чтеніи журнала замѣтили. Когда Раупахъ отдалъ письменный свой отвѣтъ, велѣно ему выйти. Г. Кавелинъ приказалъ экзекутору взять его подъ свой присмотръ, а сей увѣрялъ всѣхъ, что Раупаха выгнали изъ присутствія.

Тогда г. Руничъ началъ не только ругать его всякими поносными словами, но и называть бунтовщикомъ, возмутителемъ, государственнымъ измѣнникомъ (rebelle, incendiaire), повторялъ онъ, произнося сіи ужасныя слова и не давая выговорить ни одного слова.

Г. Кавелинъ говорилъ, что если бы г. президентъ послушался его и сдѣлалъ отношеніе къ оберъ-полиціймейстеру, чтобы прислалъ человѣка четыре жандармовъ, то тогда между голыхъ палашей, стоя за налоемъ, Раупахъ бы того не сдѣлалъ; впрочемъ, можно и теперь еще послать на гауптвахту.

Съ неописаннымъ изумленіемъ профессоры: Лодій, Балугіанскій, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ, Деманжъ, Шармоа, Вишневскій, Ржевскій, адъюнктъ-профессоръ Радловъ и директоръ училищъ Тимковскій начали говорить, дѣлать свои представленія и свято увѣрять, что въ поведеніи Раупаха ни малѣйше не было ничего подобнаго, но г. Руничъ и г. Кавелинъ не да-

вали никому произнесть ни одного слова. Ужасъ и справедливое негодованіе изъявляло собраніе, хотя и признаться должно, что иные члены показывали притомъ нѣкое странное равнодушіе. Исправляющаго должность конференцъ-секретаря, профессора Плисова, не было въ собраніи, и впослѣдствіи уже объяснилась причина, почему онъ именно, а не другой кто, отряженъ къ профессору Герману.

Между тѣмъ, Плисовъ принесъ данные Германомъ письменные отвѣты. Г. Руничъ и г. Кавелинъ продолжали повторять ужасныя названія возмутителя, бунтовщика, государственнаго измѣнника и проч., на французскомъ и на русскомъ языкѣ, стараясь всячески увѣрить въ томъ и Плисова; впослѣдствіи, при подписаніи журнала, уговаривали даже къ тому, чтобы онъ подписался: „хотя я и не былъ свидѣтелемъ возмутительныхъ поступковъ Раупаха, но согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ, кои почитаютъ оные таковыми“.

Отвѣтъ Германа на главный вопросный пунктъ: что приведете вы въ оправданіе, что въ запискахъ вашихъ не содержится разрушительныхъ правилъ относительно къ религіи, государству и проч., былъ слѣдующій: 1) Моя совѣсть, которая чиста. 2) Разсмотрѣніе всѣхъ началъ, кои я признаю своими, ибо въ читанныхъ мнѣ выпискахъ изъ студенческихъ тетрадей замѣтилъ я превратныя мысли, коихъ и не признаю своими. La révision faite par des juges compétents, versés dans les sciences politiques. Потомъ просилъ законныхъ средствъ къ своему оправданію. Онъ призванъ въ присутствіе. Г. Руничъ дѣлалъ ему упрекъ въ томъ, что онъ такимъ образомъ ни его, ни Главнаго Правленія Училищъ не принимаетъ pour les juges compétents, что такой отзывъ Германа не можетъ быть принятъ и пр. Наконецъ ему велѣли выйти и дожидаться. „Отвѣты Германа, сказалъ г. Руничъ, съ неудовольствіемъ:—были бы впрочемъ достаточны, еслибы не сіе противозаконное требованіе: révision par les juges compétents, которое никакъ не можетъ быть допущено. Потомъ спрашивалъ, что дѣлать съ объясненіемъ Раупаха. Всѣ члены единогласно отвѣчали, что надлежитъ призвать его въ другой разъ, дабы онъ могъ, если хочетъ, подобно Герману, въ особой камерѣ, сколько время ему позволитъ, писать отвѣты на каждый вопросный пунктъ особо, и потомъ такое подробнѣйшее перваго объясненіе представить начальству; если же онъ того не захочетъ дѣлать, то довольствоваться прежнимъ его объясненіемъ и представить начальству.

Когда Раупахъ въ другой разъ явился въ собраніе, то г. Руничъ выразилъ заключеніе въ превратномъ смыслѣ, якобы конференція упорно настоитъ и требуетъ, чтобы Раупахъ непремѣнно отвѣчалъ на каждый вопросный пунктъ особо, и притомъ опять тутъ же и въ присутствіи. Профессоры Балугіанскій, Грефе и нѣкоторые другіе старались объяснить настоящее заключеніе конференціи. Раупахъ рѣшился отвѣчать, какъ могъ; сѣлъ въ

углу съ г. Кавелинымъ, который читалъ ему порознь вопросные пункты. Написавши отвѣты, въ которыхъ ограничился простымъ отрицаніемъ обвиненій и требованіемъ времени и законныхъ средствъ къ своему оправданію, Раупахъ отдалъ оные г. Руничу. При прочтеніи отвѣтовъ, Раупаху велѣли выйти. Тогда г. Руничъ опять началъ называть его возмутителемъ, бунтовщикомъ и проч. „Какъ милостиво правительство, говорилъ онъ:—что позволяетъ преступникамъ свободно являться предъ судъ, вмѣсто того, что надлежало бы между жандармовъ съ голыми палашами заставить ихъ за налоемъ писать отвѣты! Но и сіи отвѣты Раупаха оскорбительны для собранія: они не содержатъ въ себѣ ничего, кромѣ упорнаго запирательства, продолжалъ онъ.—Я бывалъ при подобныхъ криминальныхъ слѣдствіяхъ, въ коихъ преступники во всемъ запирались такъ же, какъ и нынѣ Раупахъ, и знаю, что потомъ слѣдуетъ дѣлать, а между тѣмъ на основаніи предписанія министра, приступимъ къ опредѣленію нашего мнѣнія, и какой приговоръ мы сдѣлаемъ по отвѣтамъ профессоровъ Германа и Раупаха?“

Тутъ велѣлъ онъ Плисову собирать мнѣнія, начиная по порядку съ младшихъ членовъ, изъ коихъ иные, какъ-то: Роговъ, Поповъ и Щегловъ, изъявляли всю готовность давать оныя и начинали уже говорить обстоятельство, которое явно показывало, что они о преднамѣренномъ производствѣ дѣла были достаточно вразумлены и наставлены.

„Собирайте голоса и мнѣнія“, сказалъ г. Руничъ Плисову, который медлилъ и навлекъ чрезъ то несправедливые упреки г. Рунича.

Профессоръ Балугіанскій спрашивалъ, о чемъ назначено судить и давать мнѣнія? Г. Руничъ отвѣчалъ ему грубыми насмѣшками. Профессоръ Соловьевъ спрашивалъ о томъ же и услышалъ отъ него, кромѣ грубыхъ объясненій, угрозы. Профессору Грефе, который начиналъ дѣлать также свои представленія, сказалъ Руничъ, что Грефе предубѣжденъ въ пользу обоихъ обвиняемыхъ профессоровъ; впрочемъ, можетъ быть, это происходитъ и отъ одной доброты сердца, прибавилъ онъ. Однако же, несмотря на грубыя насмѣшки и сильныя выраженія, въ которыхъ г. Руничъ объяснялся, прибавляя, что онъ никакъ не думалъ встрѣтить такое сопротивленіе въ членахъ конференціи, собранныхъ имъ по предписанію министра, — несмотря на все это, профессоры Балугіанскій, Грефе, Соловьевъ, Чижовъ и нѣкоторые другіе объявили, что они изъ предложенія министра и изъ начатаго производства не видятъ, въ чемъ должно состоять ихъ мнѣніе. Тогда г. Руничъ, подумавши сперва немного, предложилъ два мнѣнія, сказавши притомъ и повторяя нѣсколько разъ понѣмецки, пофранцузски и порусски, что „мы здѣсь не для того, чтобы судить и опредѣлять заключеніе, что это только для формы и въ исполненіе предписанія г. министра, что Главное Правленіе Училищъ будетъ само судить“. Первый предложенный для мнѣнія вопросъ былъ: удовлетворительны ли отвѣты

профессоровъ Германа и Раупаха. Всѣ члены, кои были предварительно предубѣждены и вразумлены въ разсужденіи производства дѣла, отвѣчали на сей двусмысленный и неопредѣленный вопросъ въ одинъ голосъ: неудовлетворительны.

Другіе спрашивали, въ какомъ отношеніи идетъ дѣло: о томъ ли только, чтобы убѣдиться, что такимъ образомъ начатое и произведенное дѣло не приведетъ ни къ какому объясненію, или о томъ, чтобы изслѣдовать дальше, требовать отвѣтовъ, предоставя обвиняемымъ средства и способы къ оправданію, какихъ они по закону въ правѣ съ своей стороны требовать.

Г. Руничъ говорилъ однимъ: „nous ne sommes pas ici pour juger", „скажите только ваше мнѣніе прямо на вопросъ, безъ всякихъ отношеній" подтверждалъ онъ другимъ; „тутъ что-то кроется, говорилъ онъ:—вообще это какіе-то крючки, уловки, ябедничество, наконецъ заговоръ! Что это значитъ? гдѣ я? Такъ ли и всегда въ конференціи происходили совѣщанія?" и проч. Продолжая такимъ образомъ говорить и не давая никому произнести ни одного слова, требовалъ, чтобы непремѣнно подаваемы были мнѣнія на вопросъ и притомъ въ одномъ словѣ: да или нѣтъ. Такимъ-то образомъ другіе отвѣчали, что оные отвѣты недостаточны къ объясненію вопросовъ, разумѣя и даже прибавляя въ нарочитыхъ мнѣніяхъ, что оные отвѣты и не могли быть достаточны, судя по времени и способамъ, къ тому предоставленнымъ.

Зябловскій, Кавелинъ и Руничъ къ тому прибавляли, что не только не удовлетворительны, но и въ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Профессоръ Плисовъ, исправляющій должность конференцъ-секретаря, медлилъ отмѣчать сіе прибавленіе, частію удивляясь явной неосновательности онаго, а частію предполагая, что если бы отвѣты оныхъ профессоровъ и въ самомъ дѣлѣ были въ оскорбительныхъ выраженіяхъ, то, на основаніи законовъ, не надлежало бы оныхъ принимать. Г. Руничъ требовалъ, чтобы прибавленіе сіе было непремѣнно записано, и Плисовъ не могъ и не смѣлъ прекословить.

Потомъ предложенъ для мнѣнія другой вопросъ, который г. Руничъ и г. Кавелинъ диктовали конференцъ-секретарю по словамъ, не заключавшимъ въ связи никакого смысла, и который четыре раза былъ писанъ, поправленъ, переписываемъ снова на особый листъ и опять поправленъ, наконецъ остался въ сихъ почти словахъ: Можно ли допустить мнѣніе профессоровъ Германа и Раупаха въ томъ, что они не признаютъ выписокъ, составленныхъ въ Главномъ Правленіи Училищъ и отъ г. министра въ общее собраніе университета препровожденныхъ, законными и на собственномъ ихъ ученіи основанными?

Исключая самого г. Рунича и г. Кавелина, никто не понималъ, а можетъ быть, и нынѣ рѣдкій понимаетъ смыслъ сего вопроса. Изъ отвѣ-

товъ профессоровъ Германа и Раупаха не видно, чтобы они сомнѣвались въ томъ, что выписки изъ ихъ тетрадей въ Главномъ Правленіи Училищъ составлены, или что онѣ отъ г. министра препровождены. Равнымъ образомъ, никто почти не понималъ и не зналъ, какой законности выписокъ оные профессора не признаютъ. Профессоры: Лодій, Балугіанскій, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ, Деманжъ, Шармоа, Вишневскій, Плисовъ, Ржевскій, директоръ училищъ Тимковскій и адъюнктъ-профессоръ Радловъ просили объясненія смысла сего предлагаемаго вопроса. Прочіе молчали, ожидая, что скажетъ г. Руничъ. Г. Руничъ прерывалъ всякаго порознь и никому не давалъ произнесть ни одного слова. Требовалъ, чтобы мнѣнія были собираемы. Но когда приступали къ собиранію голосовъ, начиная съ младшихъ членовъ, и когда даже и тѣ, кои, какъ примѣчено и прежде и впослѣдствіи явно оказалось, были предубѣждены и поставлены въ разсужденіи производства дѣла, не знали, какъ отвѣчать, то г. Руничъ объяснилъ сей вопросъ, сказавши: „Неужели вы думаете, что можно бы допустить такое противозаконное мнѣніе профессоровъ Германа и Раупаха?"—тогда большая часть отвѣчали, что „не можно". Иные даже не понимали, что сіе предложеніе значило и къ чему оно послужитъ; нѣкоторые дали особыя письменныя мнѣнія разнаго содержанія.

Впослѣдствіи, г. директоръ, взявши съ собою черновыя бумаги надомъ, вымаралъ въ семъ вопросѣ слово: законными и заставилъ исправляющаго должность конференцъ-секретаря Плисова переписать сей вопросъ на особый листъ, увѣряя, что, въ минуту его отсутствія изъ собранія оное слово отмѣнено, тогда отрицательные отвѣты: „не можно" приняли другой смыслъ, и нѣкоторыя особыя мнѣнія другихъ профессоровъ не имѣли непосредственнаго отношенія къ вопросу.

Г. Руничъ, въ свою очередь, написалъ на черновомъ листѣ собственноручно длинное мнѣніе профессоровъ Германа и Раупаха дерзко, грубо, оскорбительно, противозаконно. Читая и повторяя сіе мнѣніе, неоднократно склонялъ членовъ на оное согласиться.

Но когда и изъ того нельзя еще было вывести никакого рѣшительнаго осужденія профессоровъ Германа и Раупаха, то г. Руничъ началъ диктовать по словамъ прежній вопросъ, который самъ по себѣ былъ совершенно понятенъ, и привелъ въ немалое изумленіе всякаго, кто не былъ предубѣжденъ и остался безпристрастнымъ. Вопросъ сей состоялъ въ слѣдующихъ словахъ: „Принявъ въ соображеніе неудовлетворительность данныхъ профессорами Германомъ и Раупахомъ отвѣтовъ, съ одной стороны, а съ другой—важность, заключающуюся въ вопросахъ, на кои оные сдѣланы, т. е. предложенныхъ сихъ вопросныхъ пунктовъ, и личное поведеніе профессора Раупаха въ общемъ присутствіи, остается для исполненія предписанія г. министра Д. Д. и Н. П. рѣшить: какого мнѣнія

конференція о преподанныхъ ими ученіяхъ и о благонадежности ихъ, какъ наставниковъ юношества?“ Тутъ-то явно оказалось, что многіе изъ членовъ не только были предупреждены на счетъ сего вопроса, но вразумлены и на счетъ отвѣта на оный и вообще предубѣждены въ пользу незаконнаго производства сего дѣла. Ибо адъюнктъ-профессоры: Роговъ, Поповъ и Щегловъ, не дожидаясь еще, пока сей вопросъ будетъ написанъ, при самыхъ первыхъ, диктованныхъ г. Руничемъ начальныхъ словахъ, изъ коихъ другіе ничего еще понять не могли, начали писать мнѣніе и отвѣты. Имъ послѣдовали немедленно профессоры: Дегуровъ и Толмачевъ; Зябловскій приготовлялся также писать. Г. Кавелинъ и г. Руничъ еще съ большимъ противъ прежняго ожесточеніемъ и крикомъ оспаривали всякаго, кто только осмѣливался представлять, что на сей вопросъ нельзя еще отвѣчать, что г. Руничъ самъ повторялъ прежде неоднократно, что „мы здѣсь не для того, чтобы судить и дѣлать рѣшительныя опредѣленія“; что изъ отвѣтовъ профессоровъ Германа и Раупаха, недостаточныхъ къ объясненію вопросовъ, какъ неудовлетворительныхъ, нельзя еще ничего заключить; наконецъ, что надлежитъ представить онымъ профессорамъ всѣ законныя средства и способы къ ихъ оправданію, и что они имѣютъ право того требовать.

Послѣднія сіи представленія подѣйствовали на г. Рунича и Кавелина, которые сперва прерывали каждаго и, не давая никому выговорить ни одного слова, стращали всякаго наказаніемъ соумышленничества съ обвиняемыми. Говорили о заговорѣ, о возмутительномъ яко бы поступкѣ Раупаха, называя его бунтовщикомъ, о томъ, что, вѣрно, хотятъ защищать его, подражать ему; г. Кавелинъ говорилъ неоднократно объ отношеніи къ оберъ-полиціймейстеру и жандармахъ съ голыми палашами. Чувствуя ужасную несправедливость такихъ упрековъ и явный обманъ, всѣ благомыслящіе члены, по непривычкѣ къ такимъ явленіямъ, тронуты были до слезъ.

Между тѣмъ, послѣднія представленія о томъ, чтобы дать обвиняемымъ всѣ возможныя средства къ ихъ оправданію и что они имѣютъ право того требовать, привели въ недоумѣніе и замѣшательство г. Рунича и г. Кавелина, потому что и тотъ, и другой всячески старались удалить даже мысль о томъ и для того неоднократно повторяли и словесно, и письменно, что Главное Правленіе Училищъ судило уже это дѣло и будетъ судить, что мы здѣсь не для того, чтобъ судить и дѣлать рѣшительное опредѣленіе.

Подумавши немного, г. Руничъ спросилъ, какого же мнѣнія конференція о преступленіяхъ, въ которыхъ оныхъ профессоровъ обвиняютъ (невѣріе, безбожіе и проч.). „Сіи преступленія ужасны, но въ отношеніи къ обвиняемымъ профессорамъ еще недоказаны“, былъ отвѣтъ. „А выписки, присланныя изъ Главнаго Правленія Училищъ! говорилъ г. Руничъ. Ну, судя по симъ выпискамъ, какого мнѣнія конференція о подобномъ ученіи?“ поло-

жилъ онъ въ вопросъ, и всѣ начали писать свои мнѣнія. Между тѣмъ, адъюнктъ-профессоры: Роговъ, Щегловъ и Поповъ начали читать свои готовыя уже и притомъ безусловныя мнѣнія на вопросъ, такъ какъ онъ былъ предлагаемъ прежде.

Такая торопливая наглость не могла быть приписана одной неопытности сихъ молодыхъ людей, коихъ весьма еще недавно видѣли за ученическою скамьею.

Роговъ читалъ первый, осуждалъ Раупаха во всемъ и полагалъ незаслуживающимъ довѣренности: причина тому извѣстна. Каѳедра Раупаха ему обѣщана, и, сверхъ того, другія лестныя награды и знаки отличія. О Германѣ отзывался Роговъ, что онъ бывшій его учитель. Г. Руничъ похвалилъ его, даже благодарилъ, сколько нѣкоторые припомнятъ, за первое; похвалилъ, за послѣднее и совѣтовалъ молчать о томъ, что онъ учился у Германа.

Потомъ читалъ свое мнѣніе Щегловъ, которому обѣщана каѳедра физики и, сверхъ того, знаки отличія. Удивительно, съ какою наглостью сей молодой человѣкъ произносилъ рѣшительный приговоръ въ такомъ дѣлѣ, котораго онъ совершенно не разумѣлъ и которое даже по виду не было еще доказано, осуждая безусловно обвиняемыхъ профессоровъ, вообще полагалъ ихъ совершенно не заслуживающими никакой довѣренности, и, что еще ужаснѣе, ссылаясь на всѣ извѣстные ему, Щеглову,—какіе-то законы, какъ будто есть какіе законы, по коимъ можно осудить безъ суда и права!—съ такимъ ожесточеніемъ упоминалъ онъ о Раупахѣ, называлъ его безнадежнымъ и проч. Къ поведенію Германа и Щегловъ былъ снисходительнѣе, говоря, что онъ, впрочемъ, человѣкъ добрый, качество, которое по дѣлу не могло служить Герману въ пользу.

„Браво, прекрасно, безподобно! повторялъ г. Руничъ, прерывая его въ чтеніи.—Вотъ каковы должны быть мнѣнія! Господа! я напередъ объявляю, что я мнѣнія г. Щеглова. Я очень радъ, г. Щегловъ, что вы имѣете такую твердость, и почти не сомнѣвался“, и т. п.

Г. Кавелинъ улыбался, нѣкоторые изъ членовъ ему въ томъ подражали; прочіе поражены были изумленіемъ и негодованіемъ.

Но когда вслѣдъ затѣмъ г. адъюнктъ Поповъ и потомъ профессоры Дегуровъ и Толмачевъ, коимъ всѣмъ также обѣщаны награды и знаки отличія, начали читать свои мнѣнія, такого же содержанія, въ такомъ же духѣ и тонѣ, то справедливое негодованіе возрасло до того, что прочіе опять поражены были до слезъ, профессору же Балугіанскому сдѣлался родъ обморока и онъ не могъ сидѣть на своемъ стулѣ.

Прочіе профессоры: Плисовъ, Ржевскій, Вишневскій, Шармуа, Деманжъ, Чижовъ, Грефе, Балугіанскій и Лодій, также директоръ училищъ Тимковскій и адъюнктъ-профессоръ Радловъ, не признавая по таковому производству дѣла обвиняемыхъ ни виновными, ни невинными, и принуждены будучи дать свое мнѣніе о самомъ обвиненіи, т. е., о тѣхъ преступле-

ніяхъ, о которыхъ исправляющій должность попечителя писалъ въ своемъ представленіи г. министру, и о тѣхъ вопросныхъ пунктахъ и выпискахъ, кои присланы изъ Главнаго Правленія Училищъ, отвѣчали въ письменныхъ своихъ мнѣніяхъ почти единогласно, что, судя по выпискамъ, ученіе, въ оныхъ содержащееся, безъ всякаго сомнѣнія, подлежитъ и подлежало бы отверженію; иные прибавляли, что такое ученіе (какъ ученіе) было бы ужасно, не могло бы быть терпимо ни въ какомъ ни публичномъ, ни приватномъ заведеніи, и что тотъ, кто преподавалъ бы такое ученіе, не заслуживалъ бы никакого довѣрія! Иные писали особыя мнѣнія, въ коихъ требовали предоставить профессорамъ Герману и Раупаху всѣ законные средства и способы къ ихъ оправданію.

Между тѣмъ, готовилось другое важное и ужасное явленіе. Профессоръ Шармуа, въ письменномъ своемъ мнѣніи на сей вопросъ, между прочимъ, сказалъ: je ne me trouve pas en compétence d'y répondre.

Надлежало видѣть, а описать или представить невозможно, то ужасное ожесточеніе, съ какимъ г. Руничъ устремился на профессора Шармуа по одному только явному, съ своей стороны, недоразумѣнію сихъ словъ понимая изъ оныхъ, яко бы профессоръ Шармуа посредствомъ оныхъ оспаривалъ его президентское право предлагать вопросы. Г. Кавелинъ старался схватить сіе письменное мнѣніе профессора Шармуа и вырвать оное изъ рукъ, но Шармуа самъ подалъ оное добровольно г. Руничу, который читалъ, перечитывалъ и остался въ прежнемъ недоразумѣніи или, по крайней мѣрѣ, съ намѣреніемъ оное обнаруживалъ. Профессоры Балугіанскій, Грефе, Лодій и нѣкоторые другіе старались его освободить отъ онаго, но сіи старанія остались тщетны, потому что гг. Руничъ и Кавелинъ не только не давали никому произнесть ни одного слова, но и заглушали всякаго крикомъ, который проницалъ сквозь каменные своды къ живущимъ вверху, и который внятно былъ слышанъ студентами въ ближнихъ комнатахъ, отдѣляемыхъ отъ собранія камерою и корридоромъ; всѣ студенты вообще были заперты въ своихъ комнатахъ.

Г. Руничъ кричалъ, что Шармуа, отвѣчая такимъ образомъ, не только оспариваетъ права его, яко президента, но не признаетъ слѣдовательно ни законности собранія, ни предписанія министра, а слѣдовательно, противится и верховной власти. Потомъ, хвалясь своими предками, заслугами и достоинствами, по качеству члена Главнаго Правленія Училищъ, попечителя и президента, онъ продолжалъ ругать профессора Шармуа всячески язвительными, поносными и укорительными словами, называя себя сыномъ отечества, вѣрнымъ подданнымъ государю, истиннымъ христіаниномъ, а профессора Шармуа пришлецомъ, чадомъ революціи, выходцемъ изъ отечества Маратовъ и Робеспіеровъ, бунтовщикомъ, государственнымъ измѣнникомъ, некрещенымъ.

Профессоръ Шармуа отвѣчалъ съ свойственною ему откровенностію,

скромностію и благородствомъ, кои однако-же гг. Руничъ и Кавелинъ почитали замѣшательствомъ и трусостью, что онъ ничѣмъ не заслужилъ такихъ упрековъ, что гнѣвъ его превосходительства основывается на собственномъ его недоразумѣніи, что ему и на мысль не приходило оспаривать его права. Гг. Руничъ и Кавелинъ прерывали его прежними укорительными выраженіями; даже молодость его, какъ профессора, причтена ему въ укоръ. Шармуа клялся, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго побужденія, ни повода, ни намѣренія оспаривать чьи либо права, но самая клятва его обращена гг. Кавелинымъ и Руничемъ въ смѣхъ; между тѣмъ, вѣроятно, самыя слова: „чьи либо права", произнесенныя профессоромъ Шармуа, подали г. Руничу новую мысль: „Вы нарушили права цѣлаго собранія, которое въ лицѣ моемъ обижается и должно обижаться", сказалъ онъ, и вдругъ, вопреки всякому порядку и законамъ, именно же вопреки указу 31-го декабря 1769 года, отдѣленіе 2-е, въ которомъ нарочито выражено никому отнюдь не отступать отъ самой точности предписанныхъ въ генеральномъ регламентѣ всѣмъ членамъ должностей и, чрезъ выступленіе изъ предѣловъ своего званія, не наносить одному противъ другого раздраженій и партикулярныхъ неудовольствій и недоброжелательствъ, дабы чрезъ то не заводить другъ противъ друга въ недѣльные голоса, а потомъ и въ персональные протесты, чѣмъ единственно не только дѣламъ, но и самымъ мѣстамъ разрушеніе причиняется,—вдругъ г. Руничъ обращается къ собранію съ двусмысленными, условными и неопредѣленными, какъ и прежде, въ общемъ дѣлѣ вопросами, и не давая никому опомниться отъ изумленія, требуетъ на оные мнѣнія собранія, надѣясь чрезъ то уловить всякаго.

Первый предложенный имъ вопросъ состоялъ въ томъ: позволительно ли профессору Шармуа оспаривать права президента или смѣетъ ли онъ то дѣлать? Всѣ единогласно отвѣчали, что непозволительно, не смѣетъ, разумѣя, какъ само по себѣ слѣдуетъ, то, что президентскихъ правъ вообще никто оспаривать не смѣетъ и что если бы кто осмѣлился это сдѣлать, то это былъ бы поступокъ непозволительный. Вопросъ и отвѣтъ, по приказанію г. Рунича, записаны Плисовымъ на особомъ листѣ.

Вслѣдъ затѣмъ г. Руничъ велѣлъ писать другой вопросъ: Какимъ почитаетъ конференція поступокъ Шармуа и чего онъ достоинъ? Всѣ принялись писать мнѣнія. Профессоры Балугіанскій, Грефе и Деманжъ пытались остановить непріятное явленіе, соблазнъ подающее, и самому г. Руничу дѣлающее немного чести, но г. Руничъ вмѣстѣ съ г. Кавелинымъ не внимали никакимъ представленіямъ, продолжали ругать профессора Шармуа и увѣрять, что вся конференція должна обижаться его поступкомъ. Присемъ г. Руничъ забылся до того, что между прочимъ сказалъ: неужели почитаете меня мальчишкою (polisson)?

Тутъ профессоръ Дегуровъ, заботясь о чести г. Рунича болѣе, нежели о своей собственной, и, сидя подлѣ профессора Шармуа, началъ говорить ему нѣчто на ухо, а потомъ, обратясь къ г. Руничу, сказалъ, что профессоръ Шармуа согласился просить извиненія. Г. Руничъ догадался; Шармуа молчалъ и не изъявлялъ ни малѣйшаго желанія то сдѣлать. Г. Кавелинъ началъ вынуждать его просить прощенія, угрожая ему въ противномъ случаѣ всѣми бѣдствіями суда по формѣ, но Шармуа продолжалъ молчать. Тогда г. Руничъ съ своей стороны началъ говорить гораздо снисходительнѣе, однако-же показывая, что простить Шармуа не можетъ. „Какъ Руничъ, какъ христіанинъ, сказалъ онъ:—я бы васъ охотно простилъ, но какъ президентъ, въ лицѣ коего Шармуа обидѣлъ все собраніе, не могу простить". Тутъ Шармуа безъ дальнѣйшаго затрудненія всталъ, и, обратясь къ членамъ собранія, произнесъ слѣдующія слова: „Если вы, милостивые государи, обижаетесь моимъ какимъ либо неумышленнымъ поступкомъ, то покорнѣйше прошу простить меня!" Всѣ члены изъявили чистосердечное согласіе.

Съ примѣтною радостью схватилъ г. Руничъ всѣ бумаги, мнѣніе членовъ о томъ: смѣетъ ли Шармуа или кто либо другой оспаривать права президента, мнѣнія по другому вопросу и самое мнѣніе Шарму на общій предложенный г. Руничемъ вопросъ о профессорахъ Германѣ и Раупахѣ— и изорвалъ тутъ же.

Все сіе странное явленіе относительно профессора Шармуа, за выключеніемъ мѣста, въ которомъ оно происходило, ужасныхъ словъ, г. Руничемъ произнесенныхъ, и тяжкой обиды, профессору Шармуа чрезъ то причиненной, походило на театральное.

Между тѣмъ, профессоръ Балугіанскій, который во все продолженіе дѣла при подобныхъ случаяхъ не скрывалъ знаковъ удивленія, и при напасти, претерпѣнной профессоромъ Шармуа, явно обнаруживалъ оные, началъ читать свое мнѣніе на общій предложенный г. Руничемъ вопросъ: Судя по выпискамъ, присланнымъ отъ Главнаго Правленія Училищъ, какого мнѣнія конференція о подобномъ ученіи и проч. Ученіе, предложенное въ сихъ выпискахъ, сказалъ г. Балугіанскій въ своемъ мнѣніи, ужасно и не можетъ быть терпимо ни въ какомъ ни публичномъ, ни приватномъ заведеніи. Профессоры, кои преподавали бы такое ученіе, были бы недостойны никакого довѣрія отъ правительства.

Всѣ члены собранія удивились и большая часть изъ нихъ обрадовались, что самъ г. Руничъ, который, какъ замѣчено выше, вопреки всякому порядку и закону, не въ очередь и слишкомъ еще рано присталъ къ наипристрастнѣйшему мнѣнію Щеглова, самъ Руничъ, а вмѣстѣ съ нимъ (сколько помнить можно) гг. Кавелинъ и Зябловскій, пристали безусловно къ сему, поданному Балугіанскимъ, условному мнѣнію, которое, какъ отвѣтъ на предположеніе общее, до обвиняемыхъ профессоровъ Германа

и Раупаха, кои не могли быть осуждены по одному обвиненію, не касалось. Причина такой перемѣны въ г. Руничѣ и снисхожденія къ Балугіанскому, которому онъ вслѣдъ затѣмъ началъ расточать свои ласкательства, подразумѣвалась изъ словъ и поступковъ г. Рунича въ отношеніи къ профессору Шармуа и прежде еще къ профессору Раупаху.

Но какимъ же поражены были ужасомъ члены конференціи, когда на другой же день исправляющій должность конференцъ-секретаря, профессоръ Плисовъ, объявилъ г. Балугіанскому, что г. Кавелинъ на дому у себя сдѣлалъ подлогъ въ семъ его мнѣніи, вымаравши въ переводѣ онаго условную частицу „бы“ и заставивши его, Плисова, переписать переводъ сего мнѣнія въ такомъ видѣ на особый листъ. При чтеніи журнала, который составлялъ не Плисовъ, а самъ Кавелинъ, въ собраніи 7-го ноября, это въ самомъ дѣлѣ обнаружилось.

Засѣданіе кончилось пополудни въ 9½ часовъ. На другой день, въ 10 часовъ поутру, назначено другое собраніе для производства дѣла Галича и Арсеньева.

Г. Кавелинъ взялъ съ собою всѣ бумаги и приказалъ Плисову на другой день поутру явиться къ нему на домъ въ шесть часовъ, для приведенія въ порядокъ бумагъ и составленія журнала.

Предъ собраніемъ 4-го ноября.

На другой день, предъ собраніемъ, узнали, что бумаги не приведены еще въ порядокъ, и журналъ чрезвычайнаго собранія 3-го ноября еще не составленъ.

Между тѣмъ, до времени прибытія членовъ въ назначенное собраніе 4-го ноября, когда Плисовъ, въ прилежащей къ канцеляріи аудиторіи, съ канцелярскими служителями приводилъ въ порядокъ привезенныя г. Кавелинымъ бумаги вчерашняго собранія, Толмачевъ, который находился тутъ же, занимаясь сочиненіемъ вымысловъ на поведеніе въ собраніи профессора Раупаха и не зная еще, въ какомъ превратномъ отношеніи подѣйствовали на профессора Плисова намеки и наставленія г. Кавелина обратился къ нему съ вопросомъ: въ какомъ порядкѣ подаютъ члены голоса? „Роговъ, Радловъ, Поповъ, Щегловъ и т. д.“, отвѣчалъ Плисовъ. „Радловъ нѣмецъ, съ тѣмъ нечего дѣлать, сказалъ Толмачевъ, я пойду къ русскимъ“.—„А зачѣмъ, если смѣю спросить, возразилъ Плисовъ“.—„Скажу, чтобы не разбивались въ голосахъ; я какъ загартую, то такъ и пойдетъ“,—отвѣчалъ Толмачевъ съ безстыдною довѣренностью и при всѣхъ тутъ находившихся канцелярскихъ служителяхъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ подходилъ тутъ же къ Рогову, Попову и Щеглову и давалъ имъ шепотомъ какіе-то совѣты и наставленія.

Профессоръ Шармуа прислалъ свидѣтельство доктора о своей болѣзни·

Профессоръ Чижовъ объявилъ, что профессоръ Соловьевъ находится даже въ опасности жизни и что вчерашнее собраніе до того разстроило тѣлесныя, а еще болѣе душевныя силы г. Соловьева, что онъ тогда же лишился даже памяти и, вышедши изъ собранія ночью, вмѣсто того, чтобы идти домой въ 6-ю линію, очутился въ Коломнѣ, самъ про то ничего не зная, а бывъ привезенъ на свою квартиру матросами, впалъ въ чрезвычайное разслабленіе, тѣлесное и душевное. Между тѣмъ, собрались члены.

Засѣданіе 4-го ноября.

Началось въ 11 часовъ утра.

Если не по важности, то, по крайней мѣрѣ, по чрезвычайности происшествій и разнообразности явленій, сіе засѣданіе не уступаетъ нимало предшествовавшему. Г. Руничъ читалъ заготовленные въ Главномъ Правленіи Училищъ, для отвѣтовъ Галича, вопросные пункты — (обвиненіе въ невѣріи, безбожіи и нарушительныхъ правилахъ, и проч.), а г. Кавелинъ читалъ въ то же время изъ книги Галича „Исторія философскихъ системъ".

Галичъ излагалъ въ своей книгѣ системы всѣхъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ философовъ въ историческомъ видѣ и не прибавляя своего ни одного слова. Сіи системы и мнѣнія мѣстами выписаны изъ его книги и поставлены ему въ преступленіе.

Нѣкоторые изъ членовъ конференціи осмѣлились замѣтить и говорили, что Галичъ не можетъ подвергнуться отвѣтственности за мнѣнія людей, коихъ нѣсколько уже тысячъ лѣтъ какъ нѣтъ на свѣтѣ, даже въ томъ случаѣ, когда бы доказано было, что сіи мнѣнія ложны; что, обязанъ будучи разсказывать и излагать сіи чужія мнѣнія, онъ погрѣшилъ бы противъ исторической вѣрности, если бы позволилъ себѣ какую либо въ оныхъ перемѣну; что печатная книга Галича, пропущенная въ цензурѣ, служитъ уже доказательствомъ, что въ ней не нашли ничего противнаго. Всѣ таковыя представленія были тщетны. Г. Руничъ упрекалъ Галича въ томъ, что онъ въ своей книгѣ не опровергаетъ сихъ системъ, кои, впрочемъ, частію сами себя, а частію взаимно одна другую опровергаютъ, какъ то ясно и въ книгѣ Галича представлено.

Г. Руничъ уподоблялъ сію книгу тлетворному яду или заряженнымъ пистолетамъ, положеннымъ среди играющихъ дѣтей, либо дикихъ, не знающихъ огнестрѣльнаго оружія. „Я самъ, если бы не былъ истиннымъ христіаниномъ и если бы благодать свыше меня не осѣняла, я самъ не отвѣчаю за поползновеніе при чтеніи книги Галича".

Между тѣмъ, Галичъ позванъ въ присутствіе. Г. Руничъ тотчасъ обратился къ нему съ назидательнымъ, но слишкомъ длиннымъ и частію неприличнымъ увѣщаніемъ, въ выраженіяхъ чрезвычайно страшныхъ.

Поводомъ къ такому увѣщанію, какъ изъ самихъ словъ г. Рунича за-

ключалось, было то, что Галичъ русскій, и какихъ ругательствъ не говорилъ онъ при семъ случаѣ насчетъ всѣхъ иностранцевъ, въ Россіи пребывающихъ, а особливо замѣчая, что нѣкоторые изъ членовъ конференціи, родомъ иностранцы, до которыхъ слѣдовательно сіи ругательства непосредственно касались, оными обижались.

Потомъ, между ласковыхъ словъ, дѣлая Галичу горькія упреки въ мнимой его неблагодарности къ мѣсту, въ которомъ онъ (Галичъ) самъ воспитанъ, къ отечеству, къ Богу и къ государю, и обвиняя его въ невѣріи, въ безбожіи, въ святотатственномъ нападеніи на божественность откровенія и т. п., г. Руничъ, между прочимъ, сказалъ: „Вы явно предпочитаете язычество христіанству, распутную философію дѣвственной невѣстѣ, христовой церкви, безбожнаго Канта самому Христу, а Шеллинга и Духу Святому".—Не значило ли это, въ поношеніе Галичу, непотребно ругаться святынею, и притомъ—въ присутственномъ мѣстѣ и при зерцалѣ. „Подите, сказалъ г. Руничъ Галичу, и напишите отвѣтъ достойный васъ, достойный правительства, по повелѣнію коего вы сюда призваны, наконецъ, достойный той довѣренности, которую оно можетъ впредь имѣть къ вамъ". Галичъ вышелъ въ особую камеру съ адъюнктомъ Роговымъ, а между тѣмъ призванъ въ присутствіе адъюнктъ-профессоръ Арсеньевъ.

Г. Руничъ обратился къ нему также съ увѣщаніями, подобно какъ и къ Галичу, но только какъ бы для вида, собственно же для того, чтобы послѣ тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ устремиться на него съ ругательствами и злословіями.

Когда г. Руничъ запинался, то г. Кавелинъ договаривалъ язвительныя слова, и когда тотъ уже, такъ сказать, почти задыхался, то сей заступалъ его мѣсто. Кромѣ обвиненій по вопроснымъ пунктамъ, на кои надлежало отвѣчать Арсеньеву, кромѣ упрековъ въ мнимой неблагодарности къ Богу, къ государю и отечеству, Арсеньевъ долженъ былъ слушать, какъ его злословятъ въ глаза, называя невѣждою, глупцомъ и проч.

Г. Руничъ, ошибаясь въ правилахъ чести и границахъ благопристойности и не стыдясь никакихъ вымысловъ, забывался даже до того, что, при чтеніи одной изъ обвинительныхъ статей насчетъ крѣпостнога состоянія, сказалъ: „Вы сами, г. Арсеньевъ, весьма еще недавно вышли изъ крѣпостнаго званія". Арсеньевъ отвѣчалъ, что онъ не происходитъ изъ таковаго званія.

Причина таковаго ожесточенія гг. Рунича и Кавелина противъ Арсеньева, какъ г. Кавелинъ, въ тотъ же день ввечеру у себя на дому и въ присутствіи профессора Плисова, Толмачева и нѣкоторыхъ канцелярскихъ служителей признался, было то, что Арсеньевъ, какъ тогда же говорилъ Кавелинъ, обвинялся только за компанію Герману, презрѣлъ многократныя его (Кавелина) приглашенія къ себѣ на домъ, при которыхъ могъ

бы въ томъ увѣриться и знать, какъ себя вести. „Я такъ и не надѣялся на него, прибавилъ тогда же Кавелинъ:—а особливо съ тѣхъ поръ, какъ онъ, глупецъ, не соображая ни мало временныхъ обстоятельствъ, бросился, и къ кому же? Къ великому князю!"

Послѣ брани, злословія и ругательствъ, Арсеньеву читаны были г. Руничемъ вопросные пункты, а г. Кавелинымъ выписки изъ печатной книги, изданной Арсеньевымъ, и вдобавокъ, изъ дѣтскихъ записокъ и замѣчаній, дѣланныхъ однимъ или нѣкоторыми изъ воспитанниковъ пансіона по предмету статистики, преподаваемой въ ономъ Арсеньевымъ.

Арсеньевъ объявлялъ и прежде, а теперь подтверждалъ тоже, что онъ никогда не давалъ воспитанникамъ въ запискахъ ни одного слова; что онъ не отвѣчаетъ за тѣ слова и выраженія, въ коихъ кто либо изъ воспитанниковъ пансіона самъ, можетъ быть изъ шалости, а можетъ быть и по наущенію, дѣлалъ свои замѣчанія; что онъ теорію статистики преподавалъ по печатной книгѣ профессора Германа, изданной въ 1807 году отъ Главнаго Правленія Училищъ и одобренной правительствомъ. „Это не послужитъ вамъ въ оправданіе, прервалъ его Руничъ:—что книга напечатана и одобрена отъ правительства; тогда было время, а теперь другое". При семъ разсказалъ г. Руничъ, что Главное Правленіе Училищъ препоручило своему ученому комитету разсмотрѣть всѣ прежде напечатанныя и одобренныя книги, что теперь уже 18 разныхъ сочиненій, изданныхъ и одобренныхъ отъ прежняго Главнаго Правленія Училищъ, усмотрѣны въ два дня (!), сколько изъ его словъ упомнить можно, предосудительными и развратными и проч., и скоро будутъ осуждены на истребленіе! До васъ доберутся тутъ же, сказалъ онъ сидящему по лѣвую къ нему сторону Директору Училищъ и цензору Тимковскому. Много мнѣ предлежитъ хлопотъ! продолжалъ онъ, но моя ревность все преодолѣетъ". Горе книгамъ! а особливо одобреннымъ отъ прежняго Главнаго Правленія Училищъ, думалъ всякій изъ членовъ собранія, въ то время, когда нѣкоторые изъявляли сожалѣніе только насчетъ трудовъ и хлопотъ, подъемлемыхъ г. Руничемъ.

Арсеньевъ продолжалъ свое объясненіе и говорилъ дальше, что статистику европейскихъ государствъ проходилъ онъ по порядку статей, изложенныхъ въ теоріи, заимствуя матеріалы изъ разныхъ иностранныхъ статистическихъ сочиненій, а статистику Россійскаго Государства читалъ онъ по своей собственной печатной книгѣ, съ утвержденія и одобренія самого директора пансіона, г. Кавелина.

„Грѣшенъ, ваше превосходительство, сказалъ г. Кавелинъ:—признаю, что я прежде одобрилъ и утвердилъ въ руководство для преподаванія въ пансіонѣ статистики печатную книгу г. Арсеньева, но по ней же читаютъ статистику и въ лицеѣ, и въ благородномъ онаго пансіонѣ. Однако-же, это вамъ не извиненіе, г. Арсеньевъ, продолжалъ онъ:—

теперь это мое прежнее одобреніе вашей книги не у мѣста, и я теперь же оное беру назадъ".

Упомнить всѣ обвинительные пункты и въ порядкѣ изложить тѣмъ труднѣе, что они читаны наскоро и какъ бы мимоходомъ, однако-же вообще можно сказать, что не было ни одного такого обвиненія въ оныхъ пунктахъ, которому бы соотвѣтствовало доказательство.

Напримѣръ, вопросный пунктъ: что приведете вы въ оправданіе того, что дерзнули открывать величайшія государственныя тайны?

„Послушайте, Михайло Андреевичъ, говорилъ г. Руничъ Балугіанскому:— самому графу Гурьеву, вѣроятно, неизвѣстны тѣ государственныя тайны, кои намъ г. Арсеньевъ открываетъ; послушайте, г. Плисовъ, это и до васъ также касается по части преподаванія финансовъ".

Г. Кавелинъ, понизя тонъ, дрожащимъ голосомъ и съ примѣтнымъ даже страхомъ, читалъ изъ выписокъ, присланныхъ отъ Главнаго Правленія Училищъ, доказательство на сіе обвиненіе Арсеньева въ открытіи государственныхъ тайнъ. Это было то самое мѣсто въ книгѣ Арсеньева, въ которомъ онъ говоритъ о суммѣ выпущенныхъ въ обращеніе ассигнацій, основывая сіи статистическія извѣстія не только на публичныхъ актахъ, но и на всемилостивѣйшихъ манифестахъ, изданныхъ во всенародное извѣстіе. Слѣдовательно, это были такія государственныя тайны, кои извѣстны всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ.

Профессоры Балугіанскій и Плисовъ, къ которымъ въ особенности обращалъ рѣчь г. Руничъ, молчали, прочіе изъявляли знаки удивленія.

Такого же рода были и другія обвиненія, на которыя по вопроснымъ пунктамъ требовались отвѣты отъ Арсеньева. Онъ, напр., говорилъ о безопасности и о свободѣ промышленности, какъ о средствахъ къ достиженію цвѣтущаго состоянія оной, какъ о главнѣйшемъ правилѣ управленія, не только признанномъ въ теоріи, но и принятомъ на практикѣ въ нашемъ отечествѣ, равно какъ и во всякомъ просвѣщенномъ государствѣ, а по присланнымъ изъ Главнаго Правленія Училищъ вопроснымъ пунктамъ за сіе именно обвиняютъ его (Арсеньева) въ томъ, что онъ преподаетъ тѣмъ самымъ правила разрушительныя и ниспровергающія гражданскія и государственныя связи.

Арсеньевъ говорилъ въ своей книгѣ, что свобода промышленниковъ и промысловъ есть самое вѣрное ручательство въ преумноженіи богатства частнаго и народнаго, а вопросный особый пунктъ, на основаніи того, обвиняетъ его въ посмѣяніи мѣрамъ того правительства, подъ благотворнымъ вліяніемъ коего онъ живетъ и пользуется всѣми выгодами жизни.

Онъ говорилъ мимоходомъ о правленіи Наполеона, а вопроснымъ пунктомъ это примѣнено къ нашему отечеству, и когда при чтеніи сего

мѣста профессоръ Плисовъ это замѣтилъ, то г. Руничъ, упрекнувши его въ соумышленничествѣ, запретилъ тутъ же Арсеньеву писать то въ своихъ отвѣтахъ.

Наконецъ, послѣ многихъ неприличныхъ прицѣпокъ и придирокъ г. Рунича къ профессору Балугіанскому, который на неумѣстныя шутки отвѣчалъ молчаніемъ, Арсеньевъ отпущенъ въ особую камеру, для составленія письменныхъ отвѣтовъ на вопросные пункты; не успѣлъ онъ выйти, какъ адъюнктъ Роговъ принесъ письменный отвѣтъ Галича. Онъ состоялъ, сколько помнить можно, въ слѣдующихъ словахъ: „Сознавая невозможность отвергнуть или опровергнуть предложенные мнѣ вопросные пункты, прошу не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія (подписано) Галичъ".

По прочтеніи сего отвѣта, г. Руничъ зарыдалъ, ему послѣдовали въ томъ и нѣкоторые изъ членовъ. Галичъ призванъ въ присутствіе. „Послѣ сего, воскликнулъ Руничъ:—могу ли я рѣшиться бросить на васъ камень?" Онъ бросился обнимать, привѣтствовать и поздравлять Галича; увлекаясь восторгомъ, онъ называлъ Галича блуждающею овцою, оглашеннымъ, обращеннымъ, просвѣтившимся. Увѣрялъ все собраніе, что обращеніе сіе есть чудесное дѣйствіе благодати Божіей, что въ сію самую минуту благодать коснулась его (Галичева) сердца, что только слѣпотствующій умъ того не видитъ, что признаніе Галича относится къ славѣ Спасителя міра, что пастырь овецъ подъялъ его на рамена свои и несетъ уже въ домъ Израилевъ. Всѣ сіи выраженія слово въ слово записаны.

Г. Кавелинъ подтверждалъ сіе видѣніе и потомъ бросился также обнимать, привѣтствовать и поздравлять Галича. То же сдѣлалъ въ свою очередь г. Зябловскій.

Всѣ члены собранія были чрезвычайно тронуты и приведены въ изумленіе.

Конечно, одинъ только Галичъ подтвердить можетъ, сколько подѣйствовали на него предварительныя увѣщанія г. Кавелина и угрозы, что онъ, Галичъ, въ противномъ случаѣ объявленъ будетъ сумасшедшимъ, какъ то г. Кавелинъ подтверждалъ ему чрезъ Плисова, который и въ семъ случаѣ не могъ выполнить препорученія, и чрезъ священника Павскаго, а, можетъ быть, еще чрезъ многихъ другихъ, сколько подѣйствовало на него настоящее его положеніе, страшные упреки, произнесенные г. Руничемъ, и сколько внутреннее сознаніе невинности оспаривало наружное признаніе, которое къ тому еще и двусмысленно.

Г. Руничъ обратился потомъ къ Галичу. „Любезный Александръ Ивановичъ! сказалъ онъ, перемѣняя тонъ и съ примѣтнымъ неудовольствіемъ:— наружность можетъ быть обманчива. Чѣмъ бы, напримѣръ, могли вы на опытѣ доказать то, въ чемъ настоящее положеніе ваше подаетъ поводъ сомнѣваться?" Галичъ не отвѣчалъ ни слова.—„Не согласились ли

бы вы, продолжалъ г. Руничъ:—запечатлѣть свое признаніе тѣмъ, чтобы издать вновь вашу „Исторію философскихъ системъ“ и въ предисловіи къ оной торжественно описать ваше обращеніе и отреченіе отъ мнимаго просвѣщенія, на лжеименитомъ разумѣ основаннаго?“

Галичъ молчалъ. Г. Руничъ задумался, потомъ вдругъ принялъ веселый видъ, и съ прежнимъ восторгомъ, или, лучше сказать, съ новымъ восхищеніемъ обратился къ собранію, которое уже приготовлялось услышать сообщеніе новаго видѣнія: „Но на что намъ другіе доводы? Самое уже сіе сознаніе г. Галича не явнымъ ли служитъ доказательствомъ, что вредныя и опасныя ученія дѣйствительно были въ здѣшнемъ университетѣ, а слѣдовательно и во всемъ учебномъ округѣ допущены? А сего уже и довольно, а сего уже и довольно“, повторилъ онъ нѣсколько разъ и такимъ значительнымъ тономъ, что рѣдкій не могъ понять, что въ томъ только и состояла главная цѣль.—„Пусть теперь усиливаются доказывать противное“, прибавилъ онъ съ явною нескромностью, которую тотчасъ г. Кавелинъ далъ ему замѣтить, прервавши торопливо его рѣчь.

Тутъ г. Руничъ обратился опять къ Галичу, говорилъ, что онъ долженъ непремѣнно получить прощеніе, что онъ самъ будетъ о томъ ходатайствовать у министра, что, до будущаго опредѣленія рода ученыхъ занятій Галича, онъ теперь заботится о новой для него должности.

Наконецъ, Галичъ вышелъ изъ присутствія, вслѣдъ затѣмъ Арсеньевъ принесъ свои письменные отвѣты и подалъ оные г. Руничу.

При первомъ взглядѣ на сіи отвѣты гг. Рунича и Кавелина, полились прежнія ругательства со стороны того и другаго на Арсеньева. Причина тому та, что Арсеньевъ въ оныхъ письменныхъ отвѣтахъ защищался и требовалъ законныхъ средствъ къ своему оправданію. При чтеніи оныхъ, г. Руничъ коверкалъ слова, ломалъ языкъ, кривлялся, смѣялся и даже хохоталъ, между тѣмъ кончилъ чтеніе отвѣтовъ Арсеньева и велѣлъ ему оставить собраніе.

Вслѣдъ затѣмъ предложены отъ г. Рунича разные вопросы для мнѣнія конференціи:

Удовлетворительны ли отвѣты Арсеньева, могутъ ли печатныя книги: „Исторія философскихъ системъ“, Галича, и „Статистика Россіи“, Арсеньева, быть употребляемы въ руководство къ преподаванію и, наконецъ, заслуживаютъ ли Галичъ и Арсеньевъ, какъ наставники юношества, довѣренности правительства?

Какія на каждый изъ сихъ вопросовъ были мнѣнія каждаго порознь изъ членовъ, припомнить трудно. Довольно, что по симъ частнымъ мнѣніямъ слѣдовало одно общее заключеніе: что отвѣтъ Арсеньева недостаточенъ, и, судя по времени и предоставленнымъ ему средствамъ къ тому, и не могъ быть достаточенъ; что Галичъ и Арсеньевъ, какъ по своимъ

познаніямъ, такъ и по нравственнымъ достоинствамъ, заслуживаютъ довѣренности правительства въ качествѣ наставниковъ юношества, наконецъ, что даже и тогда, когда изданныя ими для руководства печатныя книги признаны будутъ негодными къ классическому употребленію, они могутъ преподавать лекціи по другимъ книгамъ, кои имъ будутъ предписаны въ руководство.

Между тѣмъ, въ продолженіе сего засѣданія профессоръ Деманжъ подалъ г. Руничу бумагу, объявляя, что профессоръ Шармуа препоручилъ ему представить оную собранію.

„Боже мой! возможно ли это?" воскликнулъ г. Руничъ, приподнявши листокъ и увидѣвши ясно, что это протестація Шармуа въ причиненной ему вчерашній день тяжкой обидѣ.

„Милостивые государи! продолжалъ онъ жалкимъ тономъ:—вотъ чѣмъ платитъ Шармуа за мое и ваше снисхожденіе къ его проступку. Онъ протестуетъ противъ сего моего и вашего снисхожденія, и когда же? Тогда, когда всѣ акты, доказывающіе проступокъ, по общему и единодушному вашему согласію, уничтожены" (сравн. засѣд. 3-го ноября).

Смущеніе г. Рунича возросло до того, что онъ обращался нѣсколько разъ къ Деманжу и ожидалъ или даже спрашивалъ, сколько нѣкоторые помнятъ, не возьметъ ли онъ поданной имъ бумаги назадъ.

Профессоры Балугіанскій и Грефе начали говорить и предлагали не читать въ семъ собраніи протеста Шармуа и оставить до будущаго, и если профессоръ Шармуа будетъ настаивать въ томъ, чтобы дать дѣлу надлежащій ходъ, то тогда оно пойдетъ законнымъ порядкомъ. Всѣ были согласны на сіе представленіе.

Г. Руничъ началъ опять, попрежнему, ругать профессора Шармуа, называя его мошенникомъ и проч. Послѣ сего обратился къ профессорамъ Балугіанскому и Грефе, наговорилъ тому и другому множество ласковыхъ словъ насчетъ ихъ добродушія, благородства и проч. Упрашивалъ Балугіанскаго служить при университетѣ съ нимъ вмѣстѣ, обѣщалъ ему званіе заслуженнаго профессора и проч., и проч. Наконецъ, разсудилъ запечатать протестъ Шармуа своею печатью и отдать для сохраненія г. Балугіанскому. Засѣданіе кончилось въ 4 часа пополудни. Назначено собраться 7-го числа, въ 6 часовъ пополудни, для подписанія протоколовъ. Г. Кавелинъ взялъ съ собою всѣ бумаги и приказалъ профессору Плисову явиться къ нему на домъ въ тотъ же день, въ 8 часовъ вечера, для составленія протоколовъ.

ПРИМѢЧАНІЕ II, КЪ СТРАН. 349.

Для объясненія семеновской исторіи прилагаю оправдательную записку, составленную на французскомъ языкѣ для императора Александра Павловича полковникомъ Вадковскимъ, пострадавшимъ при этомъ событіи.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1820 года, полковникъ Шварцъ переведенъ былъ въ л.-г. Семеновскій полкъ. Примѣтивъ вспыльчивость новаго полководца, предвидя непріятности, могущія чрезъ то быть мнѣ навлекаемы, рѣшился я оставить вышесказанный полкъ и просилъ о переводѣ своемъ въ полевые полки [1]). Вскорѣ послѣ сего получилъ я письма отъ генераловъ Ермолова, Дибича и Храповицкаго, которые предлагали мнѣ полки и брались поддержать предпринимаемое мною. Его высочество великій князь Михаилъ Павловичъ былъ столько милостивъ, что изволилъ обѣщать мнѣ свое покровительство. Всякій день ожидалъ я представленія моего въ полковые командиры и утвержденія его величества.—Желаніе мое однако не совершилось.

Въ маѣ мѣсяцъ того же года, во время командованія мною 3-мъ баталіономъ, замѣтивъ, что грубое и строгое обхожденіе г. полковника Шварца отяготительно было для подчиненныхъ, принялъ я намѣренніе идти къ

---

[1]) Лишь одному несчастью приписать я могу неуспѣхъ всѣхъ моихъ предпріятій на счетъ перевода моего въ полевые полки! Генералами Ермоловымъ, Дибичемъ, Горчаковымъ, Потемкинымъ и Храповицкимъ были предлагаемы и частію обѣщаны мнѣ полки, къ командованію нѣкоторыхъ былъ даже я представленъ; но приключеніе, случившееся въ л.-г. Семеновскомъ полку, заставивъ меня исполнять обязанность другихъ, прервало всѣ способы, которые могъ я употребить для собственныхъ своихъ выгодъ!

нему для представленія моихъ замѣчаній [2]). Того же дня, въ пять часовъ пополудни, получилъ я, чрезъ полковника Обрескова, приглашеніе отъ г. начальника Гвардейскаго Штаба, не медля, явиться къ нему. Совершенно лишнимъ полагаю пояснить, какимъ образомъ и отъ кого генералъ Бенкендорфъ узналъ, что я намѣренъ былъ идти къ полковнику Шварцу. Г. начальникъ Штаба требовалъ отъ меня свѣдѣнія на счетъ обращенія г. полковаго командира съ подчиненными. Войдя съ нимъ во всѣ подробности, я представилъ ему все, что мнѣ по сему случаю извѣстно было.— Генералъ Бенкендорфъ просилъ меня оставить мое намѣреніе, увѣряя, что чрезъ сей поступокъ, могущій обратить на полкъ гнѣвъ государя императора, я пользы оному полку никакой не принесу. Именемъ же г. корпуснаго командира далъ мнѣ почувствовать, что ежели Семеновскій полкъ, для избѣжанія всѣхъ непріятностей, рѣшится еще нѣсколько потерпѣть, то въ малое время увидитъ счастливую перемѣну [3]), ибо г. корпусный командиръ долгомъ себѣ поставитъ представить на видъ его императорскому величеству грубое и тягостное обращеніе съ подчиненными г. полковаго командира; притомъ генералъ Бенкендорфъ приказалъ мнѣ успокоить гг. офицеровъ [4]) ввѣреннаго мнѣ баталіона и позволилъ передать имъ вышеупомянутыя его слова, что̀ и было въ тотъ же день исполнено [5]).

Одиночныя ротныя, баталіонныя, полковыя ученья и лагерь заняли полкъ іюнь, іюль, августъ и сентябрь мѣсяцы.

Наконецъ 1820 года, октября 17-го дня, во второмъ часу пополуночи, получилъ я отъ г. капитана Кашкарова письменное донесеніе, въ кото-

---

[2]) Намѣреніе мое идти къ полковому командиру не ясно ли доказываетъ, что я имѣлъ въ виду общую пользу? Ежели же въ полку существовало начало заговора, не къ безразсудку ли, не къ сумасшествію ли долженствовало тогда приписать принятую мною таковую мѣру?

[3]) Его превосходительство подъ названіемъ счастливой перемѣны не понималъ ли новаго полковаго командира, котораго обѣщалъ мнѣ и прочимъ баталіоннымъ командирамъ?

[4]) Нѣкоторые изъ нихъ явили желаніе выйдти въ отставку.

[5]) Ежели бы, какъ то старались внушить Государю Императору, безпорядокъ, случившійся въ л.-г. Семеновскомъ полку, могъ назваться возмущеніемъ, имѣющимъ начало свое за нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе; ежели въ маѣ мѣсяцѣ, въ свиданіи моемъ съ генераломъ Бенкендорфомъ, изъ словъ и донесеній моихъ замѣтить или предвидѣть можно было, что общее неудовольствіе полка на полковника Шварца могло бы возродить заговоръ, не обязанность ли была его превосходительства довѣдаться истины, принять тогда же благоразумныя мѣры и тѣмъ въ началѣ искоренить зло? Къ чему припишемъ также мы пяти-мѣсячное молчаніе г. корпуснаго командира? Не извѣщенъ ли онъ былъ обо всемъ г. начальникомъ штаба Гвардейскаго Корпуса?

ромъ объявлялъ онъ мнѣ, что рота его императорскаго величества, ввѣренная его командѣ, собравшись безъ его на то приказанія въ 10 часовъ вечера, просила покорно довести до свѣдѣнія моего, „что тягость трудовъ, возлагаемыхъ ежедневно на нее г. полковымъ командиромъ, превозмогла силы ея и тѣмъ понуждала искать убѣжища въ справедливости высшаго начальства". Г. капитанъ Кашкаровъ увѣдомилъ меня, въ томъ же донесеніи, что, по единому его приказанію, люди разошлись по комнатамъ и легли спать; я долгомъ почелъ дождаться утра для выслушанія просьбы подчиненныхъ: неожиданное мое прибытіе въ роту, среди ночи полагалъ я лишнимъ [6]).

Итакъ, въ седьмомъ часу утра, пріѣхавъ въ роту, приказалъ не медля ей собраться.—Тщетно доказывалъ я людямъ беззаконные ихъ поступки, тщетно говорилъ я имъ, что таковое нарушеніе военныхъ постановленій долженствовало навлечь на нихъ гнѣвъ и наказаніе Государя Императора. Въ отвѣтъ моимъ упрекамъ, моимъ увѣщеваніямъ и угрозамъ, люди только просили меня довести до свѣдѣнія высшаго начальства: „что безпрестанныя чистка и бѣленіе аммуниціи не только лишали ихъ собственности, но часто даже и въ самые воскресные дни не позволяли имъ исполнять христіанскій долгъ, слушаніемъ божественной литургіи". Приказавъ людямъ разойтись, что̀ и было исполнено, поѣхалъ я къ полковому командиру и донесъ ему о случившемся происшествіи.—По принятіи словеснаго моего рапорта, полковникъ Шварцъ поѣхалъ неизвѣстно мнѣ куда, увѣряя, что поспѣшитъ обо всемъ извѣстить высшее начальство [7]).—Того же утра, въ 11 часовъ, его высочество великій князь Михаилъ Павловичъ,

[6]) Ежели бы рота не расходилась, то дѣйствительно обязанность моя была явиться въ оную и возстановить надлежащій порядокъ: но капитанъ Кашкаровъ увѣдомилъ меня въ своемъ донесеніи, что люди, безъ шума, безъ сопротивленія, послушно, почтенно и покорно, приняли его приказанія, разошлись по комнатамъ и легли спать. Здравый разсудокъ, опытность и самое повиновеніе нижнихъ чиновъ ясно и неоспоримо доказывали, что бунта еще никакого не существовало. Глубочайшее спокойствіе царствовало въ ротѣ; люди спали. Для чего-жъ бы я пріѣхалъ? Будить ихъ? тревожить? собирать? допрашивать? Суетливая, робкая, неумѣстная предосторожность, которая, возстановивъ людей противъ меня, могла бы имъ показаться страхомъ съ моей стороны и дать имъ мысль о силѣ ихъ.

[7]) Мнѣ кажется, что, при соображеніи долга службы съ здравымъ умомъ, входило нѣкоторымъ образомъ въ обязанность полкового командира пріѣхать самому въ роту, самому оную допросить и самому привести виновныхъ, или рѣшительностью своею—въ страхъ, или разсудительностію—въ раскаяніе. Неожиданное появленіе полковаго командира среди возставшихъ на него несомнѣнно поразило бы мятежниковъ. Инспекторскій смотръ кончилъ бы начатое, давъ людямъ способъ законно явить свое неудовольствіе.

сопровожденный г. начальникомъ Гвардейскаго Штаба, генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, пріѣхалъ въ роту его величества.—Его высочество и генералъ Бенкендорфъ, вошедши прямо въ комнату фельдфебеля, потребовали тамъ отъ меня и отъ капитана Кашкарова словесныхъ рапортовъ насчетъ незаконнаго сбора людей; нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ дежурнаго и дневальныхъ, допрашивали они по одиночкѣ, потомъ приказали мнѣ собрать роту гренадеровъ въ нижнемъ, а стрѣлковъ въ верхнемъ корридорахъ. По исполненіи сего, его высочество, сперва гренадерамъ, а потомъ и стрѣлкамъ, изволилъ попрекать преступленіе ихъ. Замѣтивъ неудовольствіе людей отъ раздѣленія ихъ на двѣ части, я не медля доложилъ о семъ генералу Бенкендорфу: по предложенію уже моему, вся рота сведена была въ нижній корридоръ, гдѣ начальникъ штаба сталъ оную допрашивать. Люди, на сдѣланные имъ вопросы, совершенно то же отвѣчали, что передъ симъ уже говорили капитану Кашкарову и мнѣ. Генералъ Бенкендорфъ, при всемъ стараніи, не могъ уговорить ихъ. Рота упорствовала и представляла съ покорностію, однако, тягость трудовъ, возложенныхъ на нее полковымъ командиромъ.—Распустивъ людей, его превосходительство приказалъ капитану Кашкарову и мнѣ, къ 8-ми часамъ вечера, доставить въ Гвардейскій Штабъ письменные рапорты о вышесказанномъ происшествіи [8]). Въ три часа пополудни, когда я былъ на квартирѣ капитана Кашкарова, для составленія съ нимъ рапортовъ, требуемыхъ отъ насъ, ѣздовой, присланный ко мнѣ, объявилъ волю его высочества, дабы сей же часъ явиться къ нему. По прибытіи моемъ во дворецъ, великій князь спросилъ, что дѣлается въ полку? и не замѣтилъ ли я въ ономъ какого либо безпорядка? Смѣло отвѣчалъ я его высочеству, что вездѣ, сколь могъ я замѣтить, существовали порядокъ и тишина.—Хотя и не моя обязанность была, но упрашивалъ я его высочество прекратить сіе происшествіе, не доводя оное до свѣдѣнія высшаго начальства, какимъ либо домашнимъ наказаніемъ. Бригадный командиръ на то согласился, съ тѣмъ однако, чтобы, поѣхавъ въ роту его величества, обратно бы привезъ ему раскаяніе нижнихъ чиновъ въ вышеупомянутомъ проступкѣ. Прибывъ туда и собравъ роту, употребилъ я всѣ способы, дабы доказать людямъ важность ихъ вины и дабы вразумить ихъ, что одно признаніе въ оной могло еще возвратить прежнее къ нимъ благорасположеніе начальниковъ, но тщетно.

---

[8]) Меня обвиняютъ въ томъ, что, пріѣхавъ въ роту, я не умѣлъ ни отыскать зачинщиковъ, ни прекратить безпорядки. Чѣмъ оправданъ будетъ неуспѣхъ генерала Бенкендорфа, который, находясь немалое время въ казармѣ и имѣвъ, какъ по званію своему, такъ по власти и чину, стократъ болѣе меня способовъ, не могъ однако же довѣдаться истины? И если мнимая моя медленность учинила зло, была ли польза отъ нерѣшимости начальниковъ?

Я поѣхалъ обратно во дворецъ и доложилъ обо всемъ его высочеству. Генералъ Бенкендорфъ, случившійся тутъ, приказалъ мнѣ того же опять дня, къ 8-ми часамъ вечера, привести роту въ Штабъ Гвардейскаго Корпуса, рядовыхъ въ шинеляхъ и фуражныхъ шапкахъ, унтеръ-офицеровъ же въ киверахъ съ тесаками: при оной ротѣ велѣно было находиться только капитану Кашкарову и мнѣ. Генералъ Бенкендорфъ былъ такъ милостивъ, что изволилъ мнѣ самъ открыть причины сего ночнаго похода. По его словамъ, г. корпусный командиръ, „желая видѣть людей, но будучи самъ нездоровъ, а посему въ невозможности пріѣхать въ полкъ, требовалъ ихъ въ штабъ для учиненія имъ допросовъ [9]“. — Пріѣхавъ въ полкъ, первою обязанностію почелъ я довести до свѣдѣнія г. полковаго командира данныя мнѣ г. начальникомъ штаба приказанія; не нашедъ его дома и увѣдомивъ о оныхъ дежурнаго при полку г. штабсъ-капитана Рындина, повелъ я роту, которую принужденъ былъ собирать при свѣчахъ: на всѣхъ лицахъ изображены были неудовольствіе и страхъ. Наконецъ, сопровождаемый не малымъ количествомъ праздныхъ людей, прибылъ я на мѣсто назначенія и выстроилъ роту на площади, противъ штаба. Тутъ разсмотрѣвъ, что, по причинѣ скопившагося народа, мѣсто нисколько не приличествовало къ допрошенію людей, принялъ я на себя смѣлость дать сіе замѣтить г. начальнику штаба, въ присутствіи г. корпуснаго командира и генерала Бистрома, сидѣвшихъ тогда въ сѣняхъ штаба. Генералъ Бенкендорфъ отвѣчалъ мнѣ: „что во избѣжаніе таковыхъ неудобствій, приняты уже надлежащія мѣры, что манежъ отпертъ и освѣщенъ“. Потомъ приказалъ онъ мнѣ ввести въ оный людей, что̀ и было исполнено. Въ манежѣ нашелъ я, уже выстроенныя въ аммуниціяхъ и съ ружьями, двѣ роты л.-г. Павловскаго полка. Г. корпусный командиръ, прибывшій въ оный вмѣстѣ съ нами, окружилъ себя людьми ввѣренной мнѣ команды: что говорилъ онъ имъ, мнѣ неизвѣстно, но вѣроятно люди допрашиваемы не были, ибо я не слыхалъ ни одного отвѣта. Вскорѣ послѣ того, приказалъ онъ имъ идти въ Петропавловскую крѣпость, подъ конвоемъ вышеозначенныхъ ротъ [10]. — Я же, во время выступленія роты изъ манежа

---

[9]) Довольно странно должно было всѣмъ показаться, что болѣзнь, помѣшавшая генералъ-адъютанту Васильчикову пріѣхать въ полкъ, не помѣшала ему также, въ 7 часовъ вечера, прибыть въ манежъ, который, какъ всѣмъ извѣстно, не менѣе былъ отдаленъ отъ квартиры, занимаемой его превосходительствомъ!

[10]) Нужно замѣтить, что, когда роту ввели въ манежъ, барабанщиковъ и флейтщиковъ отпустили домой; фельдфебель и унтеръ-офицеры, проводивъ оную въ крѣпость, были также отосланы въ полкъ. Мудрено ли было разнестись слуху о заточеніи роты его величества въ крѣпость?

поѣхалъ, по приказанію корпуснаго командира, въ штабъ, гдѣ и ожидалъ прибытія его превосходительства. Генералъ Васильчиковъ не замедлилъ пріѣхать; принявъ меня весьма благосклонно, онъ изволилъ войти со мною во всѣ подробности случившагося, велѣлъ мнѣ ѣхать въ полкъ и сообщить полковнику Шварцу, дабы онъ не медля явился къ нему. Возвратившись съ капитаномъ въ полкъ, рапортовалъ я обо всемъ г. полковому командиру и явилъ ему волю генерала Васильчикова, прося притомъ его, по причинѣ недостатка людей въ ввѣренномъ мнѣ баталіонѣ, снабдить меня приказаніями касательно составленія нашихъ карауловъ, имѣющихъ быть на другой день.—По принятіи сихъ приказаній, поѣхалъ я въ баталіонъ, для передачи оныхъ фельдфебелямъ: въ ротахъ нашелъ я всѣхъ людей спящими, дежурныхъ и дневальныхъ при своихъ мѣстахъ, однимъ словомъ, обыкновенный и надлежащій порядокъ. Въ первой ротѣ подошелъ ко мнѣ случившійся тамъ, не знаю по какимъ причинамъ, полковой адъютантъ Бибиковъ. Именемъ г. полковаго командира приказалъ я ему, съ каждой роты всего полка, нарядить по 20-ти человѣкъ рядовыхъ, къ дополненію карауловъ на мѣсто роты его величества. Не имѣя никакого подозрѣнія, отправился я домой, а Бибиковъ поспѣшилъ въ канцелярію, для вышеозначеннаго наряда. Но, чтобы исполнить приказанія г. полковаго командира, надлежало будить во всѣхъ ротахъ фельдфебелей; во всѣхъ ротахъ капральныхъ унтеръ-офицеровъ; во всѣхъ ротахъ правящихъ ефрейторовъ; во всѣхъ капральствахъ по пяти человѣкъ рядовыхъ!! Изъ сего воспослѣдовали (полагаю я) вопросы, отвѣты, прибавленія къ онымъ и вѣроятно вотъ какимъ образомъ весь полкъ въ теченіе, можетъ быть, получаса извѣщенъ былъ о заточеніи роты его величества въ казематахъ Петропавловской крѣпости.

По возвращеніи моемъ на свою квартиру, едва прошелъ часъ времени какъ посланный ко мнѣ верхомъ вѣстовой увѣдомилъ меня, что первая рота собралась въ корридорѣ. Одѣвшись со всею возможною скоростію, не медля я поѣхалъ въ баталіонъ. Прибывъ въ первую роту, принявъ рапортъ дежурнаго при оной унтеръ-офицера и узнавъ отъ него, что весь баталіонъ находится въ казармѣ 3-й роты, поспѣшилъ я въ оную, гдѣ дѣйствительно нашелъ всѣхъ людей ввѣреннаго мнѣ баталіона, толпящихся въ безпорядкѣ и шумѣ. Присутствіе мое возстановило тишину и молчаніе. Люди, сколь позволяла имъ тѣснота, выстроились и выровнялись. Разспросивъ у нихъ причину таковаго ихъ сборища въ необыкновенный часъ и безъ приказанія на то начальства, получилъ я отъ нихъ въ отвѣтъ, что они покойными быть не могутъ безъ роты его величества. Объяснивъ имъ, что не ихъ дѣло входить въ распоряженіе начальниковъ своихъ, приказалъ я имъ разойтись по комнатамъ и готовиться къ караулу, на что они отвѣчали: „что начальству никогда сопротивляться не хотѣли, что къ караулу будутъ готовы, но не иначе, какъ съ головою,

то есть, съ ротою его величества, ибо безъ нея не къ чему пристраиваться“.

Касательно же полковника Шварца единственно изъявляли они желаніе видѣть его и просить у самого его освобожденія роты его величества; даже и поговаривали, что надо идти его искать. Мнѣ, какъ баталіонному командиру, надлежало помѣшать имъ исполнить таковое намѣреніе. Но какъ? и какимъ способомъ? Дѣйствовать строго и рѣшительно, употребить угрозы и наказанія почиталъ я не легкимъ дѣломъ, ибо шумящая толпа, забывъ уже всякую дисциплину, могла бы ослушаться. Что-жъ бы воспослѣдовало? Мятежники таковымъ ослушаніемъ, показавъ явное презрѣніе къ чину и званію моему, познали бы степень силы своей, потеряли бы всякое ко мнѣ уваженіе, а чрезъ то лишили бы меня возможности остановить ихъ. Они бы въ присутствіи моемъ ворвались въ дверь, вышли бы изъ роты, разбѣжались бы по полку, искали бы полковаго командира, вбились бы силою въ кабаки и такимъ образомъ нарушили бы, можетъ быть, спокойствіе всего города. Итакъ, довѣріе ихъ и любовь ко мнѣ были единственное орудіе, которымъ еще можно было дѣйствовать, и единственная препона, еще могшая остановить ихъ стремленіе. Я приказалъ и получилъ отъ нихъ обѣщаніе ждать меня часъ времени въ корридорѣ 3-й роты, объявивъ, что имѣю намѣреніе ѣхать къ начальникамъ для донесенія имъ о происшедшемъ и для исходатайствованія баталіону моему прощенія. По сему видно, что таковую мѣру принялъ я, дабы чѣмъ бы то ни было обуздать людей, изъявляющихъ громогласно желаніе оставить роту и идти искать полковаго командира. Настоящая же цѣль моя была, сообразно 136-му артикулу воинскаго сухопутнаго устава, идти къ полковнику Шварцу, донести ему обо всемъ и уговорить его пріѣхать въ баталіонъ, или, по крайней мѣрѣ, снабдить меня приказаніями, приличными случаю. Полковникъ Шварцъ имѣлъ квартиру свою въ полку, а потому я не сомнѣвался, что возвращусь гораздо прежде назначеннаго мною срока; но, къ несчастью, я его не нашелъ дома...... Чувствуя однако, сколь время дорого было, и не желая потерять довѣрія нижнихъ чиновъ, увѣренъ будучи, что начальники не замедлятъ снабдить меня наискорѣйшими приказаніями или совѣтами, поѣхалъ я къ бригадному командиру и донесъ ему о вышесказанномъ. Великій князь приказалъ мнѣ ѣхать за генераломъ Бенкендорфомъ; прибывши на квартиру г. начальника штаба, нашелъ уже у него полковаго адъютанта Бибикова, который доносилъ ему, что 1-й баталіонъ и часть прочихъ двухъ баталіоновъ, вышедши изъ казармъ, собирались на полковомъ дворѣ [11]). По по-

[11]) Нѣсколько разъ приводилъ я на память генераламъ, у которыхъ былъ въ ночи 18-го числа, что баталіонъ меня ожидаетъ. Несомнѣнно и дождался бы онъ меня, ежели бы нечаянное возвращеніе наряженнаго

лученіи сего словеснаго рапорта, генералъ Бенкендорфъ послалъ Бибикова къ великому князю съ тѣмъ, что самъ къ нему не будетъ, но проситъ его высочество не медля прибыть въ домъ г. корпуснаго начальника; мнѣ же повелѣно было ѣхать въ штабъ, для собранія всѣхъ адъютантовъ онаго, по исполненіи чего также явиться къ генералу Васильчикову.

Симъ послѣднимъ былъ я допрошенъ о всемъ случившемся. Принявъ донесеніе мое, корпусный командиръ былъ такъ милостивъ, что спросилъ у меня мнѣніе мое насчетъ встрѣтившихся обстоятельствъ въ л.-г. Семеновскомъ полку и позволилъ изложить ему мѣры, полагаемыя мною полезнѣйшими для возстановленія надлежащаго порядка. Я осмѣлился просить одной милости и дерзнулъ предложить два совѣта: милость была та, чтобы г. корпусный командиръ возвратилъ роту его величества, которая по сему несчастному случаю уже не одна виновна была; слѣдовательно, весь полкъ долженъ былъ съ нею наказаніе терпѣть. Возвращеніе же оной роты, возстановивъ порядокъ и тишину, помѣшало бы сему несчастному случаю разгласиться; притомъ я смѣлъ отвѣчать, что, по отдачѣ роты полку, оный на другой день вступитъ въ караулъ, а тѣмъ прервутся всякіе шумъ и роптаніе. Главнѣйшая причина моей просьбы была та, что, предвидя гласность сего происшествія, предвидя огорченіе, могущее черезъ то быть нанесено всемилостивѣйшему государю императору моему, страшась вліянія, которое могло оно имѣть на народъ и войско, единая цѣль моя, единое желаніе мое были: какими-то либо мѣрами ни было въ ту же самую ночь установить порядокъ и тѣмъ самымъ утаить отъ народа вышеописанное приключеніе. По смѣнѣ же съ караула, г. корпусный командиръ всегда воленъ былъ производить наказаніе, которое бы заблагоразсудилъ. Совѣтъ мой былъ, первый: чтобы г. корпусный начальникъ изволилъ самъ немедленно ѣхать въ полкъ, а второй, чтобы онъ велѣлъ привести роту артиллерійскую на полковой дворъ и попробовалъ бы нѣсколькими выстрѣлами постращать виновныхъ. Вскорѣ, по предложенію сего послѣдняго совѣта, разсмотрѣлъ я самъ неосновательность онаго [12]). Г. корпусный командиръ, посовѣтовавшись съ генераломъ Бенкендорфомъ, изволилъ мнѣ отвѣчать, что роты его величества ни подъ какимъ видомъ не возвратитъ, ибо таковой поступокъ докажетъ слабость начальства; ѣхать не медля въ полкъ также отказалъ, но велѣлъ мнѣ объявить собранной толпѣ, что къ 8-ми часамъ утра прибудетъ онъ самъ въ полкъ

караула, изъ бывшаго въ тотъ вечеръ маскарада, не привело людей въ отчаяніе, давъ имъ думать, что оный присланъ былъ для установленія въ 3-й ротѣ порядка.

[12]) Вѣроятно, невооруженная толпа, испугавшись строгихъ мѣръ, принятыхъ противу ея, не стала бы защищаться, но разбѣжалась бы по городу, что̀ могло бы имѣть довольно пагубныя послѣдствія.

и сдѣлаетъ инспекторскій смотръ; до того же времени долженъ былъ я, пятый штабъ-офицеръ въ полку, мимо самаго полковаго командира, мимо старшихъ двухъ баталіонныхъ командировъ, увѣщевать людей, дабы разошлись и легли спать. Тутъ же при мнѣ, приказалъ онъ генералу Бенкендорфу нарядить л.-г. Измайловскій полкъ въ караулъ, а самъ явилъ намѣреніе ѣхать къ графу Милорадовичу, къ которому предписалъ мнѣ послать офицера съ донесеніемъ о вліяніи, которое будутъ имѣть переданныя мною въ полкъ приказанія его. Я отправилъ для сего къ его сіятельству дежурнаго при полку штабсъ-капитана Рындина.

Съ сего времени дѣйствовалъ уже я, по приказанію высшаго начальства, и ежели были какія либо ошибки, весьма тяжело будетъ мнѣ принять оныя на свою отвѣтственность. Совѣсть моя чиста! угрызенія не тяготятъ сердце мое! я исполнилъ свой долгъ, я поступилъ открыто; открыто и со всею возможною ревностію старался смирить мятежниковъ и угождать тѣмъ, отъ коихъ я зависѣлъ. Смѣло скажу, что не разъ усматривалъ я достиженіе своей цѣли, какъ въ собственныхъ и личныхъ одобреніяхъ начальниковъ, такъ и въ лестныхъ похвалахъ, коими они сопроводили порученіе мнѣ втораго баталіона; смѣло говорю, что вездѣ дѣйствовалъ по ихъ повелѣніямъ, не отклонялся отъ чести и закона и во всѣхъ случаяхъ сего приключенія старался соображать мѣры свои съ обязанностями подчиненнаго, подданнаго и христіанина.

Итакъ, возвратясь въ полкъ, я нашелъ оный на полковомъ дворѣ, толпящимся въ шумѣ и безпорядкѣ. Передавъ возмутителямъ приказанія г. корпуснаго командира, я вновь увѣщевалъ ихъ, вновь говорилъ имъ, чтобы они разошлись, легли бы спать и приготовлялись бы къ назначенному смотру. Люди, снимая фуражки, являя всѣ наружные знаки уваженія, не прекращали однако же упорствовать, объявляя, что твердо намѣрены оставаться на площади и ждать на оной возвращенія имъ роты его величества.

Между 3-мъ и 8-мъ часами утра, пріѣзжали въ разныя времена гг. генералы графъ Милорадовичъ, Потемкинъ, Бистромъ и Бенкендорфъ [13]). Всѣ говорили толпѣ, всѣ увѣщевали оную, но никто не успѣлъ. Одинъ

---

[13]) Въ теченіе сей ночи что дѣлалъ генералъ Васильчиковъ? Могъ ли онъ забыть, что цѣлый полкъ въ безпорядкѣ ждалъ его на площади полковаго двора, не внимая ни просьбамъ, ни угрозамъ своихъ офицеровъ? могъ ли онъ не подумать, что сей толпѣ легко было разбѣжаться и тѣмъ усилить безпорядокъ? Нельзя здѣсь не замѣтить, что если сего не случилось, то единственно тѣмъ обязаны старанію гг. офицеровъ, которые, сколько могли, мѣшали людямъ разсыпаться! Я самъ остановилъ немалое число нижнихъ чиновъ, желавшихъ воспользоваться общимъ смятеніемъ, чтобы ворваться въ кабаки.

генералъ Потемкинъ, силою привязанности къ нему прежнихъ подчиненныхъ, возъимѣлъ на нихъ небольшое вліяніе; нижніе чины, окруживъ его превосходительство, съ большимъ вниманіемъ слушали упреки стараго ихъ командира; многіе изъ нихъ проливали слезы; нѣкоторые уже строились и, убѣжденные офицерами, казались согласными войти въ должное повиновеніе...... Но внезапный пріѣздъ генерала Бистрома, коему корпуснымъ командиромъ повелѣно было принять командованіе л.-г. Семеновскаго полка, неожиданное, говорю, прибытіе его превосходительства, отвлекши людей отъ словъ генерала Потемкина, какъ бы напомнило имъ причину ихъ сборища и какъ бы укоренило въ нихъ намѣреніе,—не отступать отъ требованія роты его величества. Въ то время замѣтивъ, что народъ и любопытные количествомъ своимъ лишили свободнаго проѣзда мимо площади, страшась вліянія, которое могло имѣть надъ праздною толпою возмущеніе гвардейскаго полка, и видя притомъ, что медленность начальниковъ усугубляла лишь упрямство виноватыхъ, я испросилъ позволеніе у старшаго меня полковника Ефимовича ѣхать къ его высочеству и, именемъ всего корпуса офицеровъ, ходатайствовать у него освобожденія, хотя на короткое время, заточенной его величества роты. Получивъ таковое позволеніе, я поспѣшилъ во дворецъ и прибылъ въ оный въ то самое время, какъ великій князь принималъ вѣстовыхъ, въ томъ числѣ и семеновскихъ [14]). — Бригадный командиръ, не отринувъ моей просьбы, поѣхалъ немедленно къ корпусному; я же возвратился въ полкъ.

Въ 9 часовъ утра, уже и самъ генералъ Васильчиковъ пріѣхалъ въ оный. Нетерпѣливая толпа, едва давъ ему выдти изъ кареты, вся двинулась къ нему. Корпусный командиръ приказалъ ей разойтись, стать поротно и побаталіонно; но и его повелѣніе осталось неисполненнымъ. Когда же полкъ сталъ просить о возвращеніи роты его величества, генералъ Васильчиковъ рѣшительно отказалъ и велѣлъ оному слѣдовать въ Петропавловскую крѣпость. Тогда нижніе чины, въ видѣ неустроенной толпы, а не гвардейскаго полка, поспѣшно устремились за своими полковыми начальниками. Въ крѣпости уже и волею генерала Васильчикова они выстроились въ взводныя колонны справа, по командѣ своихъ бата-

---

[14]) Именно 6-й роты, коей ординарца, вѣстоваго и двухъ человѣкъ со щетками нашелъ я въ залѣ у его высочества. Того же дня, и по обыкновенію, были разосланы вѣстовые во всѣ мѣста; посему трудно вѣрить, чтобы бунтъ существовалъ до такой степени, какъ начальство хотѣло оный его императорскому величеству представить; ибо въ таковомъ случаѣ, то есть, когда бы возмущеніе было слѣдствіемъ какого либо заговора или замышленія, невѣроятно бы было, чтобы полкъ собрался на площадь безъ оружія, въ рубашкахъ, въ шинеляхъ и безъ полной обуви; еще бы ненатуральнѣе было вѣстовымъ не выдти изъ ежедневнаго порядка и слѣдовать къ назначеннымъ имъ мѣстамъ.

ліонныхъ командировъ, послѣ чего люди поротно были посажены въ казематы; дежурные офицеры оставлены при нихъ, а остальные отпущены домой.

На другой день, то есть 19-го числа, въ 7 часовъ утра, посланный ко мнѣ адъютантъ отъ г. корпуснаго командира объявилъ мнѣ, что его превосходительство требуетъ меня въ Петропавловскую крѣпость. Генералъ Васильчиковъ, который находился тогда со многими генералами въ комендантскихъ покояхъ, принявъ меня весьма благосклонно, предложилъ мнѣ командованіе второго баталіона. Я представилъ его превосходительству, что, командуя уже первымъ, мнѣ трудно будетъ принять на свою отвѣтственность и другой, въ которомъ числились два полковника, изъ коихъ одинъ былъ старѣе меня. Генералъ Васильчиковъ отвѣчалъ мнѣ, что сіи полковники въ прошедшую ночь оба сказались больными и что, по причинѣ назначеннаго второму баталіону похода въ крѣпость Свеаборгъ, сей баталіонъ вручалъ онъ мнѣ, почему и надѣялся (прибавилъ онъ), что люди, подъ моимъ начальствомъ, сохранивъ должные порядокъ, тишину и устройство, не замедлятъ возвратить полку благорасположеніе и прощеніе государя императора. Одинъ часъ мнѣ данъ былъ для того, чтобы проститься съ родителями и приготовиться къ походу.

Возвращаясь въ крѣпость, я встрѣтилъ на дорогѣ л.-г. Казачій, Кавалергардскій и Гренадерскій полки, которые всѣ подвигались къ Троицкому мосту [15]). Корпусный командиръ, давъ мнѣ нѣкоторыя инструкціи и вручивъ деньги, приказалъ мнѣ собрать баталіонъ и выстроить оный въ колонну. По исполненіи сего приказанія, гг. генералы Васильчиковъ, Милорадовичъ, Закревскій и многіе другіе подошли къ людямъ, вновь увѣщевали ихъ, давали имъ совѣты на счетъ будущаго ихъ поведенія и обѣщались исходатайствовать имъ прощеніе у государя императора. Тутъ же прочтенъ былъ нижнимъ чинамъ приказъ, который отрѣшалъ полковника Шварца отъ командованія полкомъ. Что касается до моей ревности, оная была возвышена до необыкновенной степени. Всѣ восхваляли то, что я чтилъ простымъ исполненіемъ обязанностей. Всѣ превозносили меня. Не знаю, за что? Всѣ прославляли мое стараніе! Многіе даже говорили, что оное не останется безъизвѣстнымъ государю императору.

---

[15]) По принимаемымъ мѣрамъ начальниками, всякій здравомыслящій долженъ былъ заключить, что непріятель находится въ окрестностяхъ города: ибо, встрѣчая въ одномъ мѣстѣ Кавалергардскій полкъ, въ другомъ— Конногвардейскій, здѣсь Лейбъ-Казаковъ, тамъ артиллерію, далѣе пѣхоту—нельзя было думать, что всѣ сіи войска тронулись для усмиренія горсти обезоруженныхъ людей. Таковыми мѣрами начальство лишь обнаружило всему городу и въ одну минуту происшествіе, которое могло даже долженствовало пребыть скрытнымъ.

Послѣ, простившись со мною и съ людьми, генералъ Васильчиковъ приказалъ мнѣ оныхъ посадить на приготовленные три штамбота. Вотъ какимъ образомъ, 19-го числа октября мѣсяца, въ 11-ть часовъ пополуночи, сопутствуемый вѣтромъ и дождемъ, я поплылъ изъ Санктпетербурга, предводительствуя восемью стами въ ветхихъ шинеляхъ одѣтыхъ людей, изъ коихъ половинное число было почти безъ обуви.

Въ Кронштадтъ пріѣхалъ я весьма поздно; людей, обмокшихъ и цѣлый день неѣвшихъ, въ самый городъ не впустили, а помѣстили на военный корабль по имени „Память Евстахія". Оный стоялъ на рейдѣ въ самомъ жалкомъ положеніи, безъ окошекъ, безъ рамъ, безъ бортовъ и налитый водою [16]. — На немъ ждалъ я шесть дней вооруженія трехъ фрегатовъ, назначенныхъ для баталіона: въ числѣ оныхъ фрегатъ „Іогана-Шарлота" былъ назначенъ того же года въ ломъ.

25-го числа, наконецъ мы подняли якорь и поплыли къ Свеаборгу [17]). Морозы, вѣтры, снѣга и дожди безпокоили насъ во всю переправу, что тѣмъ тягостнѣе было, что люди почти никакой одежды не имѣли. На пятый день прибылъ я къ мѣсту назначенія, но съ двумя только ротами: другія двѣ, будучи въ невозможности противиться вѣтрамъ, должны были 12 дней прожить на ревельскомъ рейдѣ, послѣ чего и соединились со мною въ Свеаборгѣ. Баталіонъ квартировалъ смирно и тихо, въ чемъ ссылаюсь на начальниковъ сей крѣпости. Оную оставилъ я 25-го ноября, въ силу высочайшаго приказа, отданнаго 2-го числа того же мѣсяца, а 15-го января 1821 г. вступилъ я съ баталіономъ въ городъ Псковъ [18]). Распредѣленіе людей по дивизіямъ, разсчетъ артельныхъ денегъ и раздача имущества солдатскаго по рукамъ задержали меня два дня во Псковѣ.

---

[16]) Не могу не замѣтить, что на кораблѣ „Память Евстахія", по малой помощи, данной мнѣ начальствомъ, едва могъ я устроить между подчиненными какой либо порядокъ касательно ихъ пищи. Всѣ страшились, всѣ взирали на мою команду, какъ на опаснѣйшихъ нарушителей общаго спокойствія, и строгій приказъ воспрещалъ ей входъ въ Кронштадтъ и всякое съ онымъ сообщеніе. Долженъ также здѣсь прибавить, что если я счастливо доплылъ до Свеаборга, то я это приписываю не попеченію и не старанію начальниковъ, но единственно Провидѣнію, избавившему отъ гибели суда, которыя, по ветхости своей, нисколько не казались способными къ дальному пути.

[17]) Не взирая на законъ Петра Великаго, запрещающаго въ таковое позднее время пускать военные корабли въ море.

[18]) Въ теченіе похода 2-го баталіона, изъ крѣпости Свеаборга въ городъ Псковъ, сильнѣйшая корь задержала меня въ Выборгѣ. Вмѣсто требуемыхъ шести недѣль для совершеннаго выздоровленія отъ сей опасной въ моихъ лѣтахъ болѣзни, я, не взирая на увѣщанія докторовъ, догналъ ввѣренную мнѣ команду на тринадцатый день.

По истеченіи оныхъ и соображаясь съ приказаніями г. дежурнаго генерала, я сдалъ баталіонъ старшему по мнѣ и въ вечеръ 16-го числа отправился въ С.-Петербургъ, гдѣ явился къ генералъ-адъютанту Орлову, бывшему тогда презусомъ суда, учрежденнаго надъ полковникомъ Шварцомъ. Послѣ трехъ-недѣльнаго пребыванія въ столицѣ и давъ въ вышеупомянутую комиссію нѣкоторыя требованныя отъ меня объясненія, я былъ отправленъ въ Костромской пѣхотный полкъ. За отсутствіемъ командира онаго, барона Врангеля, принялъ я сей полкъ въ командованіе. Апрѣля 6-го дня, я получилъ приказаніе ѣхать въ городъ Псковъ и явиться тамъ къ генералъ-адъютанту Лаптеву. По случаю назначеннаго 1-й пѣхотной дивизіи похода, я уже не нашелъ его превосходительства въ семъ городѣ, но узналъ предписаніемъ, оставленнымъ мнѣ, что, по высочайшей волѣ, велѣно производить надо мною слѣдствіе за то, что, какъ показалъ г. подполковникъ Жуковскій, я былъ главною виною происшедшихъ въ Псковѣ безпорядковъ во время распредѣленія по дивизіямъ людей второго баталіона бывшаго Семеновскаго полка [19]). Изслѣдованіе сего дѣла было поручено генералу Жеребцову. Назначенный тогда походъ 1-му пѣхотному корпусу, къ коему меня прикомандировали, былъ причиною тому, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я имѣлъ пребываніе свое въ городахъ Ригѣ, Шавли, Митавѣ, Ковнѣ, Вильнѣ и Динабургѣ.

Генералъ Жеребцовъ разсмотрѣлъ доносы, сдѣланные на меня, равно какъ и аттестаты начальниковъ тѣхъ губерній и городовъ, чрезъ которые я проходилъ, присланные ему въ доказательство хорошаго поведенія нижнихъ чиновъ, состоявшихъ тогда подъ моею командою. Его превосходительство, изслѣдовавъ и тѣ и другіе, открылъ нелѣпость и несправедливость всѣхъ существующихъ обвиненій, и я былъ оправданъ. Но сіе было недостаточно! Имѣя, вѣроятно, сильныхъ враговъ, я долженъ былъ остаться виноватымъ [20]), а потому, не взирая на рѣшеніе судіи, очистившаго

---

[19]) Не знаю, какая причина побудила г. Жуковскаго учинить на меня столь несправедливый доносъ; но извѣстно мнѣ, что, чрезъ день послѣ моего отъѣзда изъ Пскова, онъ пріѣхалъ въ оный городъ, видѣлся съ генераломъ Лаптевымъ и, вѣроятно, вотъ какимъ образомъ, не довѣдаясь истины и не давъ себѣ времени основать свои показанія, онъ представилъ на меня рапортъ, по которому и отданъ я былъ подъ слѣдствіе.

[20]) Вотъ двадцать мѣсяцевъ, какъ я гонимъ безпрестанно по дѣлу Семеновскаго полка! Сравнивъ таковыя преслѣдованія съ похвалами, коими осыпали меня генералы во время происшествія, припомнивъ данное мнѣ нѣкоторыми обѣщаніе довести мою ревность до свѣдѣнія государя императора, не могу не заключить, что имѣю сильныхъ враговъ, не могу не думать, что оные стараются меня погубить во мнѣніи царя моего, какъ безпокойнаго свидѣтеля ихъ важныхъ ошибокъ.

меня отъ всякихъ доносовъ, я получилъ наистрожайшій выговоръ, частію за неумѣстныя выраженія, а частію и за то, что... исполнилъ свой долгъ.

15-го числа іюня, я былъ отправленъ обратно въ полкъ. Съ онымъ сдѣлалъ я походъ; съ онымъ вступилъ на новыя квартиры, назначенныя ему Воронежской губерніи въ деревнѣ Равенкахъ. Едва располагался я поправить свое здоровье и имѣніе, совершенно разстроенныя вышеупомянутыми походами и поѣздками, какъ присланное въ полкъ новое приказаніе отъ высшаго начальства увѣдомило меня, что я преданъ военному суду за то, что „слабымъ и несообразнымъ съ долгомъ службы поведеніемъ своимъ я далъ усилиться безпорядку, происшедшему въ командованіе мое первымъ баталіономъ прежняго состава л.-г. Семеновскаго полка“. Судъ долженъ былъ производиться въ Штабѣ Гвардейскаго Корпуса и мнѣ приказано было явиться къ генералъ-адъютанту Васильчикову. 25-го числа октября, я прибылъ въ Витебскъ, но, по случаю перевода штаба изъ онаго города въ Минскъ, я уже не засталъ генерала Васильчикова, а явился къ генералъ-адъютанту Орлову, назначенному презусомъ вышесказанной комиссіи; послѣ сего вскорѣ и началось дѣлопроизводство.

Въ свиданіи моемъ съ генераломъ Орловымъ, 20-го числа февраля мѣсяца, его превосходительство объявилъ мнѣ, что, спустя 4 дня, прочтена будетъ мнѣ выписка всѣхъ моихъ отвѣтовъ, послѣ чего черезъ двѣ недѣли и самое дѣло будетъ приведено къ концу.

Мѣсяцъ прошелъ!.. Но ни выписки, ни рѣшенія я не слыхалъ! Знаю только несомнительно, что, противу всѣхъ законовъ, существующихъ въ Россіи, 1-го числа марта мѣсяца весь составъ нашего дѣла былъ съ эстафетою отправленъ въ С.-Петербургъ.

Апрѣля мѣсяца 14-го дня, я былъ призванъ въ комиссію; судьи, прочитавъ мнѣ краткую выписку всего дѣла и присоединенное къ ней отношеніе генерала Васильчикова, требовали отъ меня, чтобы я всѣ сіи бумаги подписалъ! Найдя вышесказанное отношеніе во всѣхъ пунктахъ несогласнымъ съ правдою и не желая, подписавъ оное, дать поводъ думать, что я нахожу показанія генерала Васильчикова истинно справедливыми, то есть, что я признаю себя совершенно виновнымъ, я просилъ у г. презуза и получилъ отъ него позволеніе на сіе отношеніе отвѣчать; но, имѣвъ на то только 8 часовъ даннаго времени, не успѣвъ посему упомянуть о каждомъ пунктѣ отдѣльно, находя впрочемъ, что оные почти всѣ противны были истинѣ, я, по праву всякаго подсудимаго, подалъ въ комиссію рапортъ, коимъ вообще опровергалъ все показанное на меня генераломъ Васильчиковымъ.

Наконецъ, въ засѣданіи 22-го числа того же мѣсяца, мнѣ прочитана была сентенція! Я приговоренъ къ лишенію чести, имѣнія и живота

1) за то, что потерялъ записку капитана Кашкарова, тогда какъ никакой законъ не обязывалъ меня оную сохранять;

2) за то, что я на другой день только пріѣхалъ въ роту его величества, тогда какъ я имѣлъ на то важныя причины, совершенно меня оправдывающія;

3) за то, что я не употребилъ для возстановленія порядка какія либо рѣшительныя мѣры, тогда какъ никто изъ старшихъ къ сему средству не прибѣгалъ;

4) за то, что я не довольно пространно отвѣчалъ на отношеніе генерала Васильчикова. Какой былъ бы мой приговоръ въ противномъ случаѣ? [21]).

Вотъ посуленная мнѣ награда! Вотъ мзда, обѣщанная генералами! Пятнадцать лѣтъ служу царю моему и отечеству! Смѣю льстить себя мыслію, что въ теченіе сего времени не безъ успѣховъ всегда старался я стяжать благорасположеніе начальниковъ, любовь товарищей и довѣріе подчиненныхъ... Нынѣ гонимый... преслѣдуемый... жертва нечестиваго суда, могу ли не роптать на тѣхъ, кои скрываютъ истину государю императору? на тѣхъ, кои, уже лишивъ меня его милостей, наносятъ еще сильнѣйшіе удары чести моей? Я невиненъ! Гласъ совѣсти и истины вѣщаетъ мнѣ, что во всѣхъ моихъ поступкахъ я дѣйствовалъ какъ должно. Но если и самое оправданіе тяготитъ того, кто не заслужилъ обвиненія, долженъ ли я равнодушно видѣть себя въ лицѣ всей арміи осужденнымъ на то, къ чему приговариваютъ и самыхъ измѣнниковъ? могу ли хладнокровно видѣть себя лишеннымъ всѣхъ способовъ оправдаться предъ моимъ царемъ?

---

[21]) Я приговоренъ по 134-му артикулу воинскаго сухопутнаго устава. Предлагаю всякому здравомыслящему прочесть сію выписку и спрашиваю: есть ли въ оной, хотя бы и одна строка, которая бы соотвѣтствовала упомянутымъ обстоятельствамъ въ вышесказанномъ артикулѣ. Предполагая даже, что я виновенъ и что мною сдѣланы были найденныя судомъ ошибки, заслуживаю ли я, наравнѣ съ преступникомъ, лишенія чести, имени и живота?..

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СТР. 247.

Въ этихъ примѣчаніяхъ сообщены краткія біографіи лицъ, упоминаемыхъ на стр. 247.

Викторъ Павловичъ Кочубей (впослѣдствіи графъ и князь, родился въ 1768 г., умеръ 3-го іюля 1834 г.) принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ и блистательныхъ людей Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. Родной племянникъ и воспитанникъ знаменитаго князя Безбородко, прекрасный наружностью, умный, высокообразованный, несказанно пріятный въ обращеніи, въ дѣлахъ трудолюбивый, смѣтливый и (сколько можно) справедливый, онъ вышелъ въ люди очень рано: на двадцать четвертомъ году отъ рожденія былъ тайнымъ совѣтникомъ, посломъ въ Константинополѣ; при императорѣ Павлѣ, былъ вице-канцлеромъ, получилъ, въ числѣ многихъ наградъ, и графское достоинство, но впослѣдствіи былъ отставленъ. Александръ, сблизившійся съ нимъ еще при жизни Екатерины (свидѣтельствомъ тому служитъ письмо къ нему Александра, напечатанное въ книгѣ барона Корфа), совѣтовался съ нимъ при учрежденіи министерствъ и далъ ему новоучрежденное тогда, на самыхъ либеральныхъ основаніяхъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Кочубей образовалъ эту часть, имѣя директоромъ своей канцеляріи Сперанскаго; вице-директоромъ былъ Магницкій, секретаремъ министра—Лубяновскій. Въ числѣ многихъ заслугъ этого министерства, должно считать не послѣднею исправленіе и обогащеніе русскаго дѣлового слога. Между тѣмъ, любовь Александра къ Кочубею охладѣла. Нельзя было оставаться и другомъ Аракчеева, и другомъ Кочубея. Кочубей оставилъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ 1809 году.

Въ 1819 году, Кочубей вновь занялъ мѣсто министра Внутреннихъ

дѣлъ, но это уже было не то: онъ не дѣлалъ зла, старался дѣлать добро, но вообще валилъ пень черезъ колоду. Въ 1827 году, Николай Павловичъ назначилъ его предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Кочубей оставилъ по себѣ хорошую память, хотя и не былъ тѣмъ, чѣмъ могъ бы быть при другой обстановкѣ — и сверху, и снизу, а особенно съ боку: подлѣ графа Аракчеева не могъ существовать съ честью и съ пользою никакой министръ. Съ Аракчеевымъ ладилъ только іезуитъ Сперанскій. Кочубей былъ такъ высокъ во всѣхъ отношеніяхъ, что пресмыкавшійся скаредъ не могъ его достигнуть и ужалить: итакъ, взялись за исполнителей его дѣлъ, именно за самаго благороднаго изъ нихъ—Максима Яковлевича фонъ-Фока, и сгубили бы его непремѣнно, еслибы не умеръ Александръ. Трудно держать въ рукахъ перо, при изображеніи этой слѣпоты царей, этой гнусности подлецовъ, этого безсилія честныхъ людей. Бѣдная Россія! бѣдное человѣчество!

Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, сынъ знаменитаго адмирала Василья Яковлевича, побѣдителя шведовъ при Ревелѣ и Выборгѣ въ 1790 году, родился въ 1762 г., воспитанъ былъ въ Морскомъ Корпусѣ и находился при отцѣ своемъ въ походѣ противъ шведовъ. Въ мирное время онъ служилъ въ англійскомъ флотѣ, долго жилъ въ Англіи, женился на дочери моряка Проба и освоился съ языкомъ, нравами и обычаями его отечества, сдѣлался совершеннымъ англійскимъ аристократомъ, но при всемъ томъ пламенно любилъ Россію и служилъ ей усердно и безкорыстно. Характеромъ онъ былъ твердъ, смѣлъ, отваженъ, честенъ и правдолюбивъ но притомъ своенравенъ, гордъ, имѣлъ честолюбіе необузданное и высокое мнѣніе о самомъ себѣ. Навлекши на себя чѣмъ-то немилость императора Павла, онъ былъ разжалованъ изъ контръ-адмираловъ въ матросы и посаженъ въ крѣпость; но, чувствуя себя чистымъ и правымъ, перенесъ эту невзгоду безстрашно и хладнокровно. Павелъ приказалъ, въ своемъ присутствіи, сорвать съ него мундиръ. Онъ повиновался безпрекословно, но, до снятія мундира, вынулъ изъ кармана его бумажникъ, сказавъ: „мундиръ вашъ, а деньги мои“. Александръ назначилъ его товарищемъ морского министра, умнаго и почтеннаго Н. С. Мордвинова, но Чичаговъ не могъ переносить подчиненности; пользуясь кротостью начальника, онъ прибралъ всю власть въ свои руки и вскорѣ потомъ самъ назначенъ былъ министромъ. Чичаговъ ревностно занялся преобразованіемъ морской части, старался прекратить злоупотребленія, изгонялъ людей неспособныхъ и вредныхъ, отыскивалъ и возвышалъ достойныхъ, старался не объ умноженіи числа кораблей, а о хорошей постройкѣ и исправномъ вооруженіи ихъ, старался о снабженіи ихъ всѣми орудіями и учеными средствами, прилагалъ попеченіе о распространеніи между офицерами

познаній и опытности. Разумѣется, его понимали немногіе. Большинство, т. е. невѣжды, завистники, лѣнтяи и мошенники, поносили и клеветали на него, утверждая, что онъ истребитъ флотъ, когда онъ, вмѣсто шестидесяти неповоротливыхъ и гнилыхъ кораблей, предложилъ ограничиться двадцатью четырьмя исправными во всѣхъ отношеніяхъ.

Онъ выдержалъ эту пытку не долѣе 1809 года, вышелъ въ отставку и поѣхалъ путешествовать по Европѣ. На его мѣсто поступилъ слабый и недальновидный Маркизъ де-Траверсе, окружилъ себя неспособными людьми и ворами [1]) и довелъ флотъ до самаго жалкаго состоянія. Тайная лѣтопись говоритъ притомъ, что онъ обязанъ былъ милостью Александра глазамъ хорошенькой гувернантки-француженки. Императоръ, проѣзжая на западъ Россіи или заграницу, будто невзначай, всегда останавливался въ помѣстьѣ маркиза, Романшинѣ, и проводилъ у него нѣсколько дней въ рыцарскихъ подвигахъ.—Маркизъ хлопоталъ только о построеніи большаго числа кораблей и, спустивъ на воду, не заботился о нихъ. Линейный корабль „Лейпцигъ", спущенный на воду въ Невѣ, почему-то опоздалъ быть отправленнымъ въ Кронштадтъ до наступленія зимы, простоялъ года два предъ самымъ домомъ министра и сгнилъ совершенно. Въ 1821 году, Александръ продалъ испанскому королю, для обратнаго завоеванія американскихъ колоній, нѣсколько линейныхъ кораблей. Ихъ привели въ Кадиксъ, но они оказались совершенно гнилыми. Александръ подарилъ королю, въ замѣнъ ихъ, нѣсколько „новыхъ" фрегатовъ. При семъ случаѣ упомяну о любопытномъ обстоятельствѣ. Король испанскій, не имѣя денегъ на покупку кораблей, предложилъ Александру уступить ему за нѣсколько линейныхъ кораблей Калифорнію, предвидя, что она вскорѣ ускользнетъ у него изъ рукъ. Александръ отказался, объявивъ, что не слѣдуетъ пользоваться стѣсненнымъ положеніемъ другого монарха. Подумаешь: какъ обогатилась бы Россія, еслибы это нелѣпое безкорыстіе не было внушено Александру личнымъ тщеславіемъ! А стѣсненнымъ положеніемъ свояка своего, короля шведскаго, охотно воспользовался.

Воротимся къ Чичагову. Онъ жилъ заграницею, большею частью въ Парижѣ, и не безъ занятій: наблюдалъ за дѣйствіями Наполеона и извѣщалъ государя обо всемъ замѣчательномъ, что укрывалось отъ пустаго и слабоумнаго Куракина (кн. Александра Борисовича), бывшаго посломъ въ Парижѣ. Есть даже преданіе, что Чичаговъ воспрепятствовалъ одному жестокому оскорбленію, которое Бонапартъ хотѣлъ, предъ явнымъ разрывомъ съ Россіею, нанести Александру. Дерзкій выскочка вздумалъ назначить въ придворныя дамы къ императрицѣ Маріи-Луизѣ нѣсколько природныхъ принцессъ Германіи и въ томъ числѣ наслѣдную принцессу

[1]) Правитель канцеляріи его, Папковъ, женатый на прачкѣ изъ крѣпостныхъ дѣвокъ, былъ главнымъ изъ его грабителей.

Веймарскую, великую княгиню Марію Павловну. Чичаговъ, узнавъ, что декретъ изготовленъ для помѣщенія въ „Монитерѣ", отправился къ князю Куракину и убѣждалъ его воспротивиться этому униженію россійскаго императорскаго дома. Князь потерялся и не зналъ что дѣлать: онъ смертельно боялся Наполеона. Чичаговъ рѣшился дѣйствовать самъ. Не знаю, чрезъ кого, вѣроятно, чрезъ Талейрана, далъ онъ знать Наполеону, что немедленнымъ слѣдствіемъ этой дерзости будетъ разрывъ Россіи съ Франціею и заключеніе союза съ Англіею. Наполеонъ призадумался. Приготовленія къ истребительной войнѣ съ Россіею еще не были кончены, и декретъ не состоялся.

Чичаговъ опять вошелъ въ милость и довѣренность у государя, пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ назначенъ главнокомандующимъ Дунайскою арміею, съ повелѣніемъ заключить, во что бы то ни стало, миръ съ турками и потомъ дѣйствовать противъ Франціи, чрезъ Сербію и Боснію, на Италію. Хитрый Кутузовъ предупредилъ его, успѣвъ подписать Бухарестскій миръ (16-го мая 1812 г.), до пріѣзда Чичагова. Планъ дѣйствія на югъ былъ отмѣненъ. Чичаговъ двинулся съ арміею въ западныя области Россіи. Дѣйствія его въ 1812 году извѣстны, но не вполнѣ и не со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, что онъ упустилъ Наполеона изъ России. Да полно, такъ ли? Защитники его говорятъ, что этому виною Кутузовъ, обманувшій Чичагова ложными извѣстіями, чтобы лишить его славы плѣненія перваго полководца въ мірѣ. Другіе обвиняютъ Витгенштейна, не хотѣвшаго перейти чрезъ Двину на соединеніе съ Чичаговымъ, которому онъ тогда, какъ старшему по службѣ, долженъ былъ бы подчиниться. Дѣло темное. Между тѣмъ, все къ лучшему. Еслибы схватили Наполеона, мы не вошли бы въ Парижъ. Чичаговъ недолго оставался въ дѣйствительной службѣ; онъ оставилъ армію 3-го февраля 1813 г., отправился заграницу и прожилъ тамъ, въ Англіи и Франціи, до кончины своей, послѣдовавшей въ Парижѣ 10-го сентября 1849 года. Въ Англіи издалъ онъ, въ свое оправданіе, книгу подъ заглавіемъ „Отступленіе Наполеона" (Retreat of Napoleon, 1817). Въ 1834 г. послѣдовалъ указъ о сокращеніи пятью годами пребыванія русскихъ подданныхъ заграницею. Чичаговъ объявилъ, что не намѣренъ повиноваться этому распоряженію, нарушающему права русскаго дворянства. Его исключили изъ службы (по званію члена Государственнаго Совѣта) и секвестровали все его имущество. Онъ остался непреклоненъ и жилъ въ Парижѣ, въ улицѣ Анжу, въ уединеніи, не знаю чѣмъ.—Человѣкъ благородный, умный, способный — своимъ строптивымъ нравомъ лишилъ себя счастія быть полезнымъ отечеству, а отечество достойнаго сына. Впрочемъ, это пріурочка къ сказанному мною, что истинно честному и прямодушному человѣку ни при какомъ дворѣ ужиться не можно.

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (родился въ 1757 г., умеръ въ 1807 г.), человѣкъ добрый, кроткій, благородный, умный, но слабый и безхарактерный, получилъ въ молодости классическое воспитаніе, занимался литературою и преподавалъ русскій языкъ, правила словесности и русскую исторію великимъ князьямъ Александру Павловичу и Константину Павловичу. Ученики не принесли большой чести своему учителю: они не умѣли писать порусски. По вступленіи на престолъ Александра, Муравьевъ былъ сдѣланъ статсъ-секретаремъ, товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія (пьянаго, но умнаго, графа Завадовскаго) и попечителемъ Московскаго Университета. Онъ много сдѣлалъ для университета, обновилъ, оживилъ его. Онъ былъ другомъ и ходатаемъ Карамзина и вообще сдѣлалъ много добраго и хорошаго по этой части. Но статсъ-секретарство его по принятію прошеній было плохое. Чиновники его дѣлали, что хотѣли. Швейцаръ и слуги Муравьева славились классическою грубостью и дерзостью. Онъ писалъ порусски хорошо, но сочинитель, творецъ былъ слабый. Изданныя по смерти его сочиненія были выправлены и прославлены племянникомъ его, Батюшковымъ.— Оба сына его, Никита и Александръ, погибли въ исторіи 14-го декабря. Многому была виновата ихъ мать, Катерина Ѳедоровна, рожденная Колокольцева, женщина добрая, но недальновидная, безтолковая и тщеславная.

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ принадлежалъ къ одной изъ благороднѣйшихъ фамилій въ Россіи. Извѣстно, что Строгановы происходятъ отъ знаменитаго соляного промышленника Аники Строганова, участвовавшаго въ XVI вѣкѣ въ покореніи Сибири. Дѣти его пользовались несмѣтнымъ достояніемъ своего отца и передали оное потомству, которое, поступивъ въ дворянство, было въ большой чести у двора. Сначала Строгановы получили баронское, а потомъ и графское достоинство; одна отрасль ихъ оставалась въ баронствѣ до 1826 года. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, былъ камергеромъ и обратилъ на себя (до какой степени, не знаю) вниманіе великой княгини Екатерины Алексѣевны. Петръ III прогналъ его отъ двора, но, при вступленіи на престолъ Екатерины, онъ вновь былъ принятъ и пользовался милостями государыни до ея кончины. Онъ былъ человѣкъ образованный, умный, добрый, благородный и благодѣтельный, но не брегъ своими финансами и обременилъ потомство свое долгами. Въ царствованіе Екатерины, въ восьмидесятыхъ годахъ, былъ онъ посланникомъ при Версальскомъ дворѣ и пользовался милостями Лудовика XVI и Маріи-Антуанеты. Въ это время принялъ онъ въ гувернеры къ единственному сыну своему, гр. Павлу Александровичу, якобинца Ромма (Romme), который впослѣдствіи погибъ, пытаясь возстановить Робеспьеров-

ское правленіе. Молодой графъ пропитанъ былъ революціонными правилами, но честная, добрая душа его современемъ все переработала: онъ былъ самымъ усерднымъ и ревностнымъ русскимъ патріотомъ. Супруга его была Софія Владиміровна, урожденная княжна Голицына, женщина необыкновенныхъ качествъ ума и сердца. Графъ Павелъ Александровичъ, по желанію отца, вступилъ въ статскую службу, находился, какъ я говорилъ, въ числѣ искреннихъ друзей наслѣдника престола Александра Павловича и, по вступленіи его на престолъ, назначенъ былъ товарищемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, гр. В. П. Кочубея, и употребляемъ былъ въ дѣлахъ дипломатическихъ.

Въ 1806 году былъ онъ съ особымъ порученіемъ въ Лондонѣ и тамъ узналъ о постыдномъ мирѣ, заключенномъ въ Парижѣ несчастнымъ дипломатомъ Убри. Въ 1807 году находился онъ при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, въ званіи статсъ-секретаря, въ прусской кампаніи. Не утерпѣло ретивое русское сердце: надоѣло графу проливать чернила тамъ, гдѣ земляки его проливали кровь; онъ выпросилъ позволеніе — съ небольшимъ отрядомъ сдѣлать поискъ противъ непріятеля, и исполнилъ дѣло это съ успѣхомъ. Государь перевелъ его въ военную службу генералъ-маіоромъ и назначилъ къ себѣ генералъ - адъютантомъ. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, какъ и отецъ его, былъ врагомъ Наполеона и никакъ не согласился бы служить по дипломатической части въ мирное съ нимъ время. Онъ съ честью прослужилъ кампаніи 1812, 1813 и 1814 г. При Краонѣ онъ имѣлъ несчастіе лишиться своего единственнаго сына. Это его убило. Онъ впалъ въ чахотку; въ 1817 году отправился на фрегатѣ въ Италію и на пути скончался. Изъ дочерей его, старшая вышла за флигель-адъютанта барона Сергія Григорьевича Строганова (нынѣ генералъ - адъютантъ, попечитель цесаревича Николая Александровича), получившаго при этомъ случаѣ графское достоинство; вторая за князя Салтыкова; другая за князя Василія Сергѣевича Голицына; одну увезъ графъ Ферзенъ.

Упомяну объ одномъ странномъ происшествіи, случившемся со мною въ отношеніи къ фамиліи Строгановыхъ. 8-го февраля 1814 года, въ пятницу, на масляницѣ, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ пригласилъ меня на блины. Поутру я имѣлъ какое-то дѣло у генералъ-губернатора С. К. Вязьмитинова и когда выходилъ изъ его кабинета въ пріемную, тогдашній оберъ - полиціймейстеръ, И. С. Горголи, сказалъ мнѣ: „Вотъ пожива „Сыну Отечеству“! Сію минуту пріѣхалъ курьеръ изъ главной квартиры, съ извѣстіемъ о знаменитой побѣдѣ“. Я подошелъ къ покрытому грязью курьеру; онъ разсказалъ мнѣ, что сраженіе происходило при Бріеннѣ, мѣстѣ воспитанія Наполеона, и что наши и пруссаки порядочно поколотили французовъ. Съ этою радостною вѣстью поспѣшилъ я къ Оленину. Гостиная его была полна: тамъ были С. С. Уваровъ, И. М. Муравьевъ-Апо-

столъ, А. И. Тургеневъ и всѣ служившіе при Публичной Библіотекѣ: Крыловъ, Лобановъ, Ермолаевъ, Гнѣдичъ, и т. д. При входѣ моемъ раздались восклицанія:

— Вотъ и журналистъ! Онъ разскажетъ намъ, что есть новаго.

— Точно, отвѣчалъ я: — вотъ послѣднія извѣстія, — и сталъ разсказывать, что слышалъ отъ курьера. Вдругъ замѣчаю, А. Н. Оленинъ дѣлаетъ мнѣ знаки, чтобы я замолчалъ. Я кончилъ мой разсказъ какъ нибудь и принялся за блины, но, по окончаніи завтрака, когда разъѣхались гости, спросилъ у А. Н. Оленина, зачѣмъ онъ остановилъ меня. Онъ отвѣчалъ съ прискорбіемъ: „Носится слухъ, что въ этомъ сраженіи, въ авангардѣ графа Воронцова, убитъ молодой Строгановъ; что еще ужаснѣе, отцу сказали о томъ безъ всякаго приготовленія, и это его сразило. Вы видѣли въ числѣ гостей Александра Ивановича Красовскаго. Этотъ гнустный вѣстовщикъ вхожъ въ домѣ Строганова: еслибы онъ услышалъ эту новость, то немедленно побѣжалъ бы туда, чтобы первому сообщить ее бѣдной матери". Я сказалъ, что не слыхалъ этого отъ фельдъегеря, и Оленинъ просилъ меня не говорить о томъ, что я теперь слышалъ.

Чрезъ недѣлю прихожу къ А. Н. Оленину и освѣдомляюсь, правда ли это. „Нѣтъ!" отвѣчаетъ онъ. „Къ счастью, это былъ пустой слухъ: о молодомъ графѣ получено извѣстіе недѣлею позже сраженія". И что-жъ, слухъ, носившійся въ Петербургѣ восьмого февраля, осуществился двадцать третьяго, чрезъ пятнадцать дней! Шла жестокая битва подъ Краономъ. Авангардомъ командовалъ гр. Воронцовъ, главнымъ корпусомъ графъ Строгановъ. Вдругъ летитъ мимо Строганова адъютантъ изъ авангарда.

— Что? спрашиваетъ графъ: — каково тамъ идетъ?

— Очень хорошо, ваше превосходительство, — отвѣчаетъ адъютантъ, не узнавшій графа: — дѣло идетъ прекрасно. Жаль одного: ядромъ убило молодого Строганова.

Отецъ обмеръ, но чувство долга побѣдило страданія сердца. Онъ встрепенулся, поскакалъ и командовалъ до вечера, но тутъ силы его оставили: онъ сдалъ команду графу Воронцову, а самъ удалился съ поля сраженія.—Какимъ образомъ знали или толковали въ Петербургѣ о томъ, что послѣдуетъ во Франціи чрезъ пятнадцать дней? Недоумѣваю. Конечно, случай, но весьма замѣчательный. Скажу еще о старикѣ графѣ Александрѣ Сергѣевичѣ Строгановѣ. Въ званіи президента Академіи Художествъ, онъ отыскивалъ и поощрялъ отечественные таланты: при немъ образовались Егоровъ, Шебуевъ, Варнекъ, Малиновскій-Демутъ и др. Любимцемъ его былъ архитекторъ Воронихинъ, изъ собственныхъ его крѣпостныхъ людей, учившійся въ академіи, а потомъ, на счетъ графа, въ Италіи. Воронихинъ построилъ Казанскій соборъ, въ которомъ всѣ изваянія, образа и пр., были исполнены русскими. Графъ Строгановъ

не могъ дождаться окончанія. Наконецъ соборъ освятили 8-го сентября 1811 года, а чрезъ недѣлю онъ скончался и былъ отпѣтъ въ новомъ храмѣ. При семъ случаѣ произнесено было надгробное ему слово іеромонахомъ Филаретомъ, что нынѣ митрополитъ Московскій: оно возбудило общее вниманіе къ таланту юнаго оратора. Напечатано оно въ 1-й книжкѣ „Вѣстника Европы" на 1812 годъ. Графъ Хвостовъ довольно хорошо воспѣлъ новый соборъ и удостоился слѣдующей эпиграммы:

Хвостовъ скропалъ стихи и, говорятъ, не худо!
Вотъ храма новаго неслыханное чудо!

Не могу кончить статьи объ Александрѣ Сергѣевичѣ Строгановѣ, не упомянувъ, съ искреннею благодарностью къ его памяти, что онъ былъ покровителемъ и благодѣтелемъ моего отца. Онъ крестилъ сестру Елисавету и брата Павла, и когда батюшка лишился мѣста, не оставлялъ его своими милостями.

Князь Адамъ Адамовичъ Чарторыжскій такъ извѣстенъ, что о немъ говорить нечего. Скажу только, что онъ служилъ Россіи, въ первые годы царствованія Александра, честно, усердно и благородно, и много трудился по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Кто станетъ укорять его, что онъ взялъ съ Александра I слово возстановить Польшу при первой возможности? Только жаль, что онъ сдѣлалъ это для поляковъ, недостойныхъ ни свободы, ни уваженія.

Николай Николаевичъ Новосильцевъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка, родился въ 1762-мъ году и получилъ хорошее образованіе подъ руководствомъ и въ домѣ родственника своего, графа Александра Сергѣевича Строганова. Въ молодости служилъ въ гвардіи, потомъ въ арміи, отличился храбростью въ шведской и польской войнахъ и сдѣлался извѣстенъ великому князю Александру Павловичу. Въ 1796 г. онъ вышелъ въ отставку и отправился въ Англію, гдѣ провелъ почти все время царствованія Павла; возвратился въ Россію въ 1801 году, былъ принятъ съ радостью императоромъ Александромъ Павловичемъ и сдѣлался довѣреннымъ у него лицомъ; занимался разными порученіями по администраціи, юстиціи, по дѣламъ, относившимся къ наукамъ и художествамъ; былъ товарищемъ министра Юстиціи и въ то же время президентомъ Академіи Наукъ и попечителемъ С.-Петербургскаго Учебнаго Округа; принималъ самое важное и дѣятельное участіе въ благородныхъ подвигахъ и преобразованіяхъ того времени, особенно по части просвѣщенія. Онъ, впослѣдствіи, называлъ это время счастливѣйшимъ въ своей жизни. Оно было счастливѣйшимъ и для всей Россіи: подобнаго тогдашнему я вспомнилъ и вообразить не умѣю. Не

думайте, чтобы это сужденіе происходило отъ какихъ либо счастливыхъ или благопріятныхъ случаевъ въ моей тогдашней жизни. Нѣтъ! я былъ тогда не на розахъ: лишился отца, жилъ безъ матери и семейства, не имѣлъ и порядочнаго сюртука, часто терпѣлъ голодъ въ полномъ смыслѣ этого слова; но, вспоминая отрадное время, наступившее по кончинѣ Павла, не могу не чувствовать истиннаго услажденія. Разумѣется, не все было хорошо и тогда, но было лучше, нежели когда либо, и развѣ только первые годы царствованія Екатерины (1762—1768 г.) могли бы сравниться съ этимъ періодомъ. Всего радостнѣе и отраднѣе были надежды, но, увы! онѣ не сбылись, или сбылись не въ томъ видѣ, какъ ожидали истинные сыны отечества.

Въ одномъ Новосильцевъ сдѣлалъ тогда вредный для Россіи промахъ: онъ взялъ къ себѣ на службу (по рекомендаціи Якова Александровича Дружинина), изъ студентовъ Московскаго Университета, Врончепку, способствовавшаго много ко вреду Россіи въ царствованіе императора Николая. Помню, какой шумъ негодованія и смѣхъ поднялся въ Петербургѣ, въ 1806 г., тогда Врончепкѣ дали Владиміра 4-й степени. Всѣ вопили: можно ли награждать подлеца, дубину, развратника? А когда онъ впослѣдствіи получилъ александровскую, андреевскую звѣзды и наконецъ графское достоинство, никто не дивился. Новосильцевъ и тогдашніе товарищи его выказывали примѣрную скромность при всей власти, которою обладали. У Новосильцева былъ только владимірскій крестъ съ бантомъ, полученный имъ за храбрость, оказанную въ войнѣ со шведами; у Чарторыжскаго только аннинскій крестъ 2-й степени, а они раздавали звѣзды и ленты. Новосильцевъ употребляемъ былъ и по дипломатической части, ѣздилъ въ Пруссію и въ Англію для приготовленія союза противъ Наполеона, въ 1804 и 1805 годахъ, и былъ однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей тогдашней благородной коалиціи противъ преобладанія Наполеона [1]). Но блистательныя надежды тогдашняго времени не сбылись: прусскій походъ 1807 года кончился несчастливо, и заключенъ былъ постыдный миръ въ Тильзитѣ; признано владычество и преобладаніе Наполеона; Европа впала въ совершенное рабство. Благородные люди государственные, окружавшіе Александра, извѣстные враждою къ Наполеону

[1]) Достойно замѣчанія порученіе, данное ему Александромъ въ концѣ 1806 года. Приведенный въ отчаяніе ошибками своими въ выборѣ генераловъ, онъ отправилъ Новосильцева въ главную квартиру арміи и поручилъ ему узнать подъ рукою, кто изъ генераловъ и полковниковъ пользуется въ арміи, между офицерами и нижними чинами, бо̀льшею славою ума, распорядительности, храбрости. Новосильцевъ исполнилъ это и привезъ императору небольшой списокъ, въ которомъ были имена Барклая, Дохтурова, Сабанѣева, Багговута, Коновницына. Это послужило впослѣдствіи мѣриломъ при выборѣ полководцевъ.

и приверженностью къ Англіи, должны были сойти со сцены: ихъ мѣста заняли нелѣпые Лобановы (кн. Дмитрій Ивановичъ), Куракины (оба) и преимущественно образованный болванъ и пустомеля Румянцевъ (Николай Петровичъ). Новосильцевъ прозябалъ года два попечителемъ С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, потомъ вышелъ въ отставку и до 1812 года жилъ въ Вѣнѣ. Достойно замѣчанія, что пребываніе въ Лондонѣ сдѣлало его умнымъ, благороднымъ человѣкомъ, другомъ людей и отечества. Въ Вѣнѣ онъ упалъ и опошлился до невозможности, и, странное дѣло, въ его положеніи и званіи—началъ пить. Въ 1812 году призванъ онъ былъ опять на службу и употребленъ по дѣламъ польскимъ и при образованіи Польскаго Царства оставался при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ и много содѣйствовалъ къ огорченію поляковъ и возстановленію ихъ противъ Россіи, особенно несправедливостью и жестокостью къ молодымъ людямъ, студентамъ и другимъ, которыхъ можно бы было образумить мѣрами кроткими и снисходительными. Куда дѣвались прежняя скромность, прежнее увлеченіе благородными и либеральными идеями: когда напоминали объ этомъ Новосильцеву, онъ смѣялся и говорилъ, что это были глупости и шалости молодыхъ лѣтъ. Зато осыпанъ онъ былъ всѣми орденами, чинами, пожалованъ въ графы и т. п. Послѣ революціи польской, онъ служилъ въ Петербургѣ и умеръ, въ 1836 году, въ званіи предсѣдателя Государственнаго Совѣта, пользуясь общимъ и заслуженнымъ презрѣніемъ. Занимая уже первую степень въ государствѣ, онъ, на годовомъ праздникѣ Англійскаго Клуба, плясалъ пьяный трепака предъ многочисленнымъ собраніемъ Зрѣлище грустное и оскорбительное для друга чести и добродѣтели! Старчевскій, въ своемъ „Справочномъ Лексиконѣ", помѣстилъ хвалебную о немъ статью, заключивъ ее забавнымъ примѣчаніемъ, что отличительною чертою характера Новосильцева была неустрашимость, то есть онъ не страшился ни голоса совѣсти и чести, ни суда потомства!

Князь Петръ Петровичъ Долгорукій (родился 19-го декабря 1777 г., умеръ 12-го декабря 1806 г.), первый любимецъ Александра, человѣкъ большого ума, высокаго образованія, необыкновенныхъ способностей, былъ употребляемъ въ дѣлахъ дипломатическихъ и въ битвахъ кровавыхъ, и вездѣ отличался съ самой блистательной стороны. Передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, онъ былъ посланъ къ Наполеону для переговоровъ и раздражилъ его своею твердостью и благородствомъ. За участіе въ этой битвѣ онъ получилъ золотую шпагу за храбрость и орденъ Георгія 4-го класса. Недолга была жизнь его: онъ скончался въ С.-Петербургѣ, отъ болѣзни, причиненной простудою на поѣздкѣ по должности. Александръ искренно его оплакивалъ. Но не въ пору ли для себя князь умеръ? Братъ его, князь Михаилъ Петровичъ, также достойный человѣкъ и

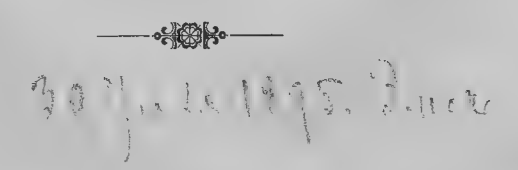
храбрый воинъ, убитъ въ сраженіи со шведами при Индесальми, 17-го октября 1809 года, на двадцать восьмомъ году отъ рожденія. 15-го октября пожалованъ ему былъ, въ чинѣ генералъ-маіора, орденъ св. Александра Невскаго.

Александръ Александровичъ Витовтовъ обратилъ на себя вниманіе государя своими филантропическими идеями, былъ назначенъ начальникомъ нѣкоторыхъ богоугодныхъ заведеній, но потомъ сбился съ толку, провелъ жизнь свою въ какихъ-то мечтаніяхъ и грезахъ и исчезъ въ неизвѣстности.

Михаилъ Александровичъ Салтыковъ, человѣкъ умный и хорошо образованный (въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ), былъ въ числѣ друзей Александра, наслѣдника престола. По воцареніи, государь предлагалъ ему какое-то мѣсто, но Салтыковъ отказался, объявивъ, что намѣренъ жениться и жить въ уединеніи. Александръ пожаловалъ ему званіе камергера. Салтыковъ женился, по страсти, на Елисаветѣ Францовнѣ Ришаръ, родной теткѣ графа Клейнмихеля, но жилъ съ нею не очень счастливо. Дочь его вышла замужъ за барона Дельвига. Впослѣдствіи Салтыковъ былъ попечителемъ Казанскаго Университета и умеръ сенаторомъ въ Москвѣ, въ глубокой старости. Причудливостью своею и дурнымъ нравомъ онъ заставлялъ забывать многія свои добрыя качества и умеръ, никѣмъ неоплаканный.

Иванъ Петровичъ Пнинъ (родился въ 1773 г., умеръ въ 1805 г.), побочный сынъ князя Н. В. Репнина, получилъ въ дѣтствѣ отличное воспитаніе, потомъ обучался въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ Корпусѣ (потомъ 2-й Кадетскій Корпусъ), служилъ сперва въ артиллеріи, потомъ при новоучрежденномъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, издавалъ „С.-Петербургскій Вѣстникъ", сочинилъ нѣсколько статей о воспитаніи и просвѣщеніи, написалъ драму „Велисарій". Изъ стихотвореній его славилась въ свое время „Ода на Правосудіе". Онъ надѣялся, что князь Репнинъ признаетъ его своимъ сыномъ, но, узнавъ, по кончинѣ его (въ 1801 г.), что онъ забылъ о немъ въ своемъ завѣщаніи, впалъ въ уныніе и зачахъ.

Движимый чувствомъ оказанной ему несправедливости, онъ написалъ сочиненіе: „Вопль невинности, отвергаемой закономъ", но оно, какъ и другія его произведенія, не напечатано. Пнинъ пользовался уваженіемъ и любовью всѣхъ тогдашнихъ русскихъ писателей. Смерть его глубоко ихъ огорчила.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

В.

Д.

Е.

Л.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

Х.

Ч.

Ц.

Ш.

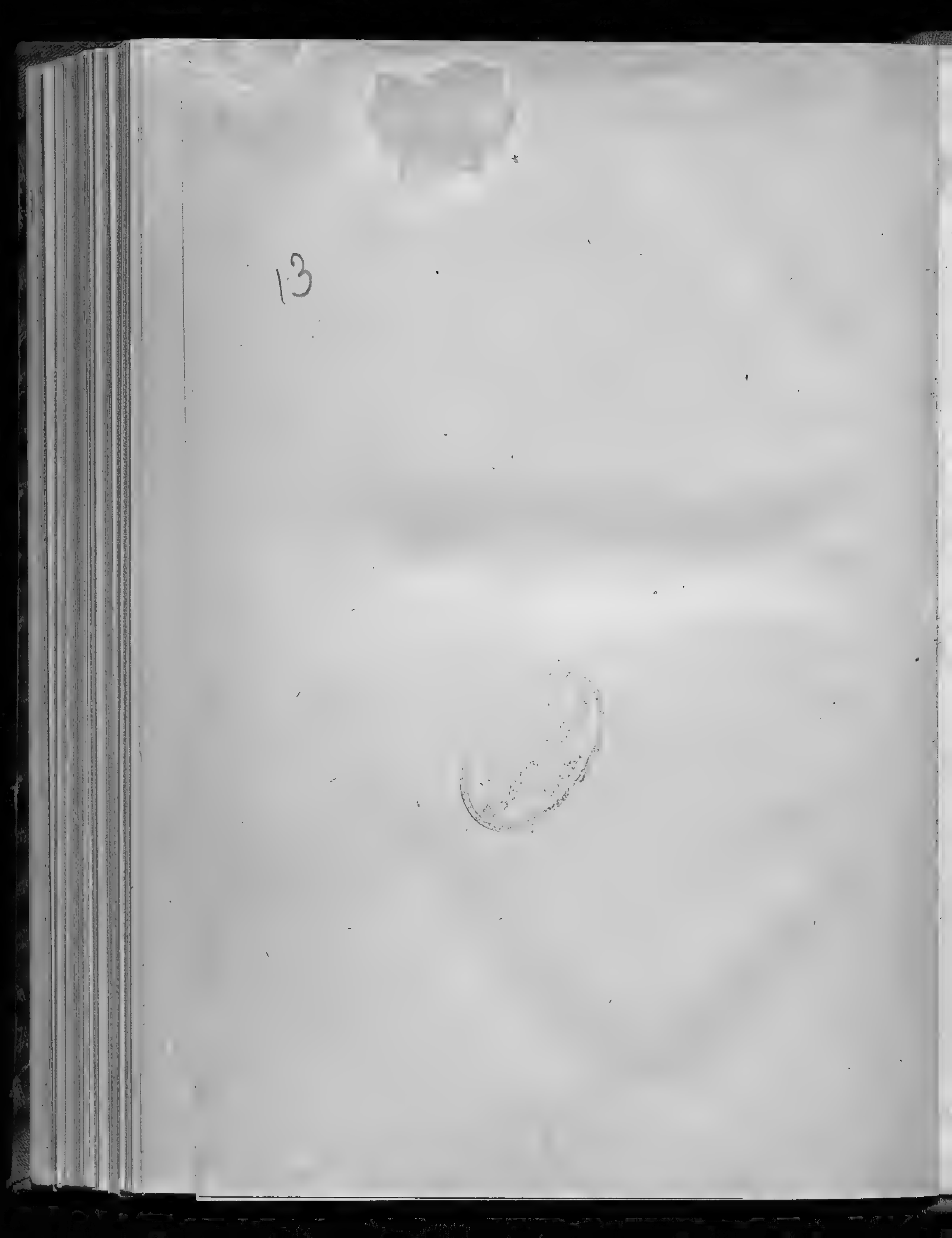
Щ.

Ю.

Я.

Θ.

Э.

13

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" (А. С. Суворина) въ Петербургѣ, въ Москвѣ и Харьковѣ.

Библія въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. Новый Завѣтъ. Этотъ томъ содержитъ 50 снимковъ, посредствомъ геліографіи, съ знаменитыхъ гравюръ, передающихъ картины величайшихъ художниковъ, и текстъ къ картинамъ въ двѣ краски, въ художественныхъ рамкахъ. In-folio. Ц. 25 р., въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 30 р.

Бороздинъ, К. Л. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 годъ. Съ 5 портретами. Ц. 2 р.

Благово, Д. Разсказы бабушки. Изъ воспоминаній пяти поколѣній, записанные и собранные ея внукомъ. Съ потретомъ. Ц. 3 р.

Бѣляевъ, А. П. Записки декабриста (1803—1850). Ц. 2 р.

Ванъ - денъ - Бергъ. Краткая исторія Востока (египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, мидянъ, персовъ и финикіянъ). Съ 24 гравюрами и виньетками. Переводъ съ французскаго. Ц. 60 к.

Данилевскій, Г. П. На Индію при Петрѣ І.—Потемкинъ на Дунаѣ. Историческіе романы. Ц. 1 р. 50 к.

— Княжна Тараканова. Историч. ром.

— Уманская рѣзня (послѣдніе запорожцы). Историч. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

Есиповъ, Г. В. Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной канцеляріи. Ц. 1 р. 50 к.

— Тяжелая память прошлаго. Разсказы изъ дѣлъ тайной канцеляріи и др. архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ). Тѣни прошлаго. Разсказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.

Загуляевъ М. А. Русскій Якобеницъ. Страшная исторія. Ц. 1 р.

Историческіе разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Ц. 1 р. 50 к.

Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Текстъ А. Г. Брикнера, профессора Дерптскаго университета. со множествомъ гравюръ въ текстѣ и отдѣльныхъ картинъ. 2 больш. тома. Ц. 15 р., и веленев. бум. 25 р.

Иллюстрированная исторія Екатерины II. Текстъ А. Г. Брикнера, проф. Дерпт. университета. Со множествомъ гравюръ въ текстѣ и отдѣльныхъ картинъ. Ц. книги, сброшюрованной въ 3 большихъ тома, 18 р. на велен. бум. 25 р.

Историческая портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года. Фототипіи съ лучшихъ образцовъ. Выходитъ выпусками, по 8 портретовъ въ каждомъ. Ц. кажд. вып. 2 р.

Карновичъ, Е. П. Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій. Съ 13 гравюрами. Ц. 3 р.

— Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50-ю гравюрами и портретами. Ц. 3 р. 50 к.

— Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправл. и дополн. изданіе. Ц. 2 р.

— Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. Ц. 2 р.

Крестовскій, В. Дѣды. Истор. повѣсть изъ времени императора Павла І. Ц. 2 р.

Лейкснеръ. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи. искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со множествомъ портретовъ государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. Два большихъ тома, 1,552 стр. текста и 104 стр. указателей. Ц. за 2 т. 18 р.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" (А. С. Суворина) въ Петербургѣ, въ Москвѣ и Харьковѣ.

Лаубе. Графиня Шатобріанъ. Историческій романъ. Ц. 2 р.

Масальскій, К. Стрѣльцы. Историческій романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Мериме. Варѳоломеевская ночь. Историческая хроника. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Мордовцевъ, Д. Л. Царь и Гетманъ. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

Магаффи. Древне-греческая жизнь, переводъ съ англійскаго (съ примѣчаніями) М. Стратилатова. Съ 8 рисунками. Ц. 60 к., въ перепл. 80 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Годъ войны, дневникъ русск. корреспондента (1877—78 г.). Изданіе второе, исправленное и дополненное. 2 тома. Ц. каждому тому 2 р.

П—ъ, С. Къ царскому юбилею (1855—1880). Собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, со дня Его рожденія до 19 февраля 1880 г. Ц. 40 к., въ перепл. 80 к.

Пассекъ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя (проектъ академика Витберга 1817 г.). Ц. 4 р.

Полевой, Н. Клятва при гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка. Въ 4-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к.

Письма графа П. Василія. Лондонское Общество. — Вѣнское Общество. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Роденбергъ, Ю. Кромвель. Историческій романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 3 р.

Русская портретная галлерея. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія. Выходитъ выпусками, по 6 портретовъ въ каждомъ. Ц. каждому вып. 2 р.

Самсоновъ. Пережитое. Мечты и разсказы русскаго актера (1860 — 1878). Изящное изданіе на цвѣтной веленевой бумагѣ. Ц. 2 р.

Саліасъ, графъ. Поэтъ-намѣстникъ 1785—1788. Ц. 1 р.

— Петербургское дѣйство. Историческій романъ (1762). 3 т. Изданіе 2-е. Ц. 4 р.

— На Москвѣ. Историческій романъ въ 4-хъ частяхъ. (Изъ временъ чумы 1771 г.). Ц. 4 р.

— Атаманъ Устя. Поволжская быль. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 2 р.

Саймъ, Джемсъ. Краткая исторія нѣмецкой литературы. Переводъ съ англ. Ц. 60 к., въ перепл. 80 к.

Сахаровъ, И. П. Сказанія русскаго народа. Народный дневникъ.—Праздники и обычаи. Ц. 75 к.

— Сказанія русскаго народа. Русское народное чернокнижіе.—Русскія народныя игры, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 к.

Сентсбери, Д. Краткая исторія французской литературы. Перев. съ англійскаго. Ц. 40 к.

Уэлькенсъ. Древне-римская жизнь. Перев. съ англ. Съ примѣч. Стратилатова. Съ 14-ю грав. Ц. 60 к.

Френцель, К. Въ золотомъ вѣкѣ. Историч. романъ. Ц. 2 р.

Фриманъ, Э. А. Очеркъ исторіи Европы. Переводъ Стратилатова. Съ 6-ю картинами. Ц. 60 к.

Фурманъ, П. Р. Дочь шута. Романъ въ 2-хъ т. изъ временъ Императрицы Анны Іоанновны. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскій граверъ. Историческая повѣсть 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.

Шопенгауэръ, А. Свобода воли и основы морали. Двѣ основныя проблемы этики. Ц. 3 р.

Штернъ, А. Всеобщія исторія литературы. Ц. 2 р.

